80
247
№ 801-11
1004

ЕВРЕЙСКАЯ БИБЛІОТЕКА

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ СБОРНИКЪ.

ТОМЪ IX.

СОДЕРЖАНІЕ.

(*См. на оборотѣ*).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія А. Е. Ландау. Театральная площ., № 2.
1901.

Первыя три тома „Еврейской Библіотеки" вышли **ВТОРЫМЪ** изданіемъ.

Всякаго рода корреспонденціи, рукописи и объявленія для слѣдующихъ томовъ, требованія на книги, адресуются на имя издателя „Еврейской Библіотеки": А. Е. Ландау. С.-Петербургъ, Театральная площ., 2.

ЛУЧШІЙ ДРУГЪ ЖЕЛУДКА

ВИНО С.-РАФАЭЛЬ

предлагается какъ:

тоническое укрѣпляющее и способствующее пищеваренію.

ПРЕВОСХОДНО НА ВКУСЪ.

Сохраняется по способу Пастера.

Каждая бутылка нашего вина снабжена таможен. печатью, фабричною маркою и маркою Союза фабрикантовъ для борьбы съ фальсификаціями (Union des fabricants pour repression de Contrefaçons), и брошюрою д-ра Де-Барре **о Сенъ-Рафаэльскомъ винѣ, какъ о „питательномъ“, укрѣпляющемъ и цѣлебномъ средствѣ“.**

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЕ.

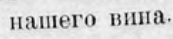
Compagnie du Vin

SAINT-RAPHAEL

Valence, Drome, France,

основ. въ 1872 г.

доводитъ до свѣдѣнія, что появилось въ продажѣ **ПОДДѢЛЬНОЕ Сенъ-Рафаэльское** вино, и поэтому проситъ при покупкѣ вина **обратить вниманіе на фабричное клеймо** (Trade-Marke) нашего вина.

Утвержд. Департ. Торговли и Мануфактуръ за № 1438.

АЗОВСКО-ДОНСКОЙ
КОММЕРЧЕСКІЙ БАНКЪ

учрежденъ въ 1871 г.

Основной капиталъ 7.500.000.

Запасный капиталъ 3.750.000.

Запасная прибыль 213.957.

Чистая прибыль за 1900 г. 1.473.108.

Правленіе Банка въ Таганрогѣ.

Отдѣленія:

въ Александровскѣ (Екатер. губ.), Армавирѣ, Бахмутѣ, Бердянскѣ, Варшавѣ, Владикавказѣ, Грозномъ, Ейскѣ, Екатеринодарѣ, Екатеринославѣ, Елисаветполѣ, Керчи, Лодзи, Луганскѣ, Майкопѣ, Маріуполѣ, Мелитополѣ, Новороссійскѣ, Ростовѣ на Дону, Симферополѣ, Славянскѣ, Ставрополѣ (Кавказск.), Тифлисѣ, Харьковѣ, Царицынѣ, Ѳеодосіи и Юзовкѣ.

Коммиссіонерства:

въ Геническѣ, Георгіевскѣ (Терск. обл.), Кривомъ-Рогѣ, Каменской и Лозовой.

Продолжается ПОДПИСКА на 1901 г.

на посвященные еврейской жизни, исторіи и литературѣ

газету ВОСХОДЪ XX г.

и журналъ КНИЖКИ ВОСХОДАXXI г.

при сотрудничествѣ гг.: д-ра **М. Г. Айзенштадта, Н. П. Аксакова, Н. И. Бакста, Бенъ-Ами, Б. Д. Богена,** (New-Uork), **Л М. Брамсона, Б. Ф. Брандта, А. И. Браудо, Р. Брайнина,** (Wien), агронома **Б. Д. Бруцкуса, Ю. Д. Бруцкуса, Г. А. Бѣлковскаго,** агронома **М. Л. Веллера, З. А. Венгеровой, С. А. Венгерова М. М. Винавера, С. Е. Винера, Л. Винца, Г. С. Вольтке, Я. М. Гальперна,** д-ра **А. Я. Гаркави, Г. Г. Генкеля, Ф. Б. Геца, С. М. Гинзбурга,** барона **Д Г. Гинцбурга, О. Б. Гольдовскаго, А. Г. Горнфельда,** проф. **Р. Готгейля** (New-Uork), **С. М. Дубнова, Л. О. Зайденмана, А. А. Зусмана, Я. И Израэльсона, М. Г. Кагана,** проф. **М. Кайзерлинга** (Budapest), д-ра **Л. О. Кантора,** д-ра **Л. С Каценельсона, Я. Каценельсона, М. И. Кулишера, М. Н. Лазарева, А. Е. Ландау, Д. А. Левина, К. Н. Льдова, А. Людвиполя,** академика **М. Л. Маймона, П. С. Марека, Н М. Минскаго,** д-ра **Л. Моцкина** (Berlin), **М. Г. Маргулиса, М. И. Мыша, В. А. Мякотина, Н. А. Переферковича, М. В. Познера, Б. Д. Порзовской, А. А. Пресса, Арк. Г. Пресса, Н. Пружанскаго, С. И. Рапопорта, Я. С. Ромбро, Я. Л. Сакера, Натэна Самуэли** (Lemberg), **Г. Б. Сліозберга, М. А. Соловейчика, С. М. Станиславскаго, Стеллина,** (псевд.), **А. П. Субботина, М. Сукенникова,** проф. **Н. И. Стороженко, А. С. Таненбаума, М. Л. Тривуса, С. Г. Фруга,** пр. **Д. А. Хвольсона,** г-жи **Р. М Хинъ, Д. И. Хіенкина,** г-жи **О. Н. Чюминой, О. Н. Штейнберга, Я. Г. Этингера,** д-ра **С. О. Ярошевскаго** и др.

Содержаніе газеты „ВОСХОДЪ“. Руководящія статьи по всѣмъ текущимъ *вопросамъ еврейской жизни*; **спеціальныя статьи** *по вопросамъ экономическимъ, юридическимъ и общественной жизни* евреевъ; **хроника всѣхъ новѣйшихъ извѣстій; корреспонденціи** изъ городовъ и мѣстечекъ черты осѣдлости и еврейскихъ земледѣльческихъ поселеній; **сенатская** *и судебная* **практика** по еврейскимъ дѣламъ (въ каждомъ нумерѣ печатаются сенатскія **разъясненія и указы** сената); **отвѣты на юридическіе вопросы подписчиковъ** (отдѣлъ **„насъ спрашиваютъ“**); **обзоры** статей въ **періодической печати** (русской, еврейской, польской) о евреяхъ; **фельетонъ** (разсказы, статьи научно-литературныя, историческія и проч.); **обзоры общей политической жизни России и иностранныхъ гоударствъ,** *критика и библіографія.*

КНИЖКИ ВОСХОДА—единственный *на русскомъ языкѣ* **журналъ, посвященный еврейской литературѣ и наукѣ,** *выходитъ* **ежемѣсячно** въ размѣрѣ до 10 печатныхъ листовъ. **Содержаніе** *„Книжекъ“*: повѣсти и разсказы изъ еврейской жизни; стихотворенія; популярно-научныя статьи по исторіи, литературѣ и вопросамъ общественной жизни.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Годовая подписная цѣна на **„Восходъ“ съ „Книжками Восхода“,** съ пересылкою и доставкою—**10** руб. (на 1/2 года—**6** руб., на 1/4 года—**3** руб.); за границу—**12** руб.

На газету **„ВОСХОДЪ“** (безъ „Книжекъ“) -**7** р. (на 1/2 года—**4** р., на 1/4 года—**2** р.), за-границу—**9** р.

На **„Книжки Восхода“** (безъ газеты) — **3** р. (на 1/2 года — **2** р., на 1/4 года 1 р.); за-границу—**4** р.

При подпискѣ на годъ допускаются слѣдующія *разсрочки*: 1) для подписывающихся на „Восходъ“ вмѣстѣ съ „Книжками—4 р. при подпискѣ, 3 р. къ 1 марта, и 3 р. къ 1 іюля, 2) для подписывающихся на „Восходъ“ безъ „Книжекъ“—3 р. при подпискѣ, 2 р., къ 1 марта и 2 р. къ 1 іюля.

Отдѣльные №№ газеты продаются по 10 коп. въ конторѣ редакціи (Площадь Б. театра, 2), въ газетныхъ кіоскахъ, на желѣзнодорожныхъ станціяхъ и у мѣстныхъ агентовъ. Отдѣльныя книжки—по 50 к.

Годовые подписчики на оба изданія получатъ въ 1901 году

СБОРНИКЪ ПОВѢСТЕЙ И РАЗСКАЗОВЪ.

Талантливѣйшаго современнаго еврейскаго беллетриста **И. ЗАНГВИЛЛЯ**

разм. **до 20 печатныхъ листовъ.**

Оканчивается печатаніемъ

СИСТЕМАТИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ

разъясненій Правительствующаго Сената

ПО ДѢЛАМЪ

О ЖИТЕЛЬСТВѢ ЕВРЕЕВЪ

съ разрѣшенія Г. Министра Юстиціи

составленъ М. А. Лозина-Лозинскимъ

(б. Оберъ-Секретаремъ 1-го Д-та Прав. Сената).

Isr. Töchter-Pensionat

von Fräulein **Jenny Lehmann,**

HANNOVER, Rumannstrasse 3.

Das Pensionat befindet sich in unmittelbarer Nähe des Waldes. Geräumiges Haus mit schönem Garten. 15—20 Pensionärinnen finden Aufnahme und sorgfältige, geistige und körperliche Pflege. Der Unterricht wird nur von ersten Kräften erteilt, schliesst sich in seinen Zielen eng an die höheren Töchterschulen Hannovers an und bereitet zum Eintritt ins Lehrerinnenseminar vor.—Deutsche, englische, französische Lehrerin im Hause. Gelegenheit zu gesellschaftlicher Ausbildung. Prospekte und beste Referenzen im In- und Auslande stehen zur Verfügung.

ЧАИ. ТОРГОВЫЙ ДОМЪ **ЧАИ.**

В. ВЫСОЦКІЙ и Кº,

ВЪ МОСКВѢ.

Покорнѣйше просимъ гг. покупателей при покупкѣ нашихъ **ЧАЕВЪ** обращать вниманіе на непремѣнное присутствіе на этикетахъ полнаго

НАИМЕНОВАНІЯ ФИРМЫ

„ТОРГОВЫЙ ДОМЪ В. ВЫСОЦКІЙ И Кº, МОСКВА".

ЧАИ нашей фирмы имѣются во всѣхъ лучшихъ магазинахъ Россійской Имперіи.

ОТДѢЛЕНІЯ:

Для Юга Россіи	Въ Одессѣ.
„ Крымскаго полуострова	„ Симферополѣ.
„ Царства Польскаго.	„ Варшавѣ.

Въ складѣ типографіи А. Е. ЛАНДАУ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Театральная площадь, 2. Телефонъ № 955.

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ ИЗДАНІЯ:

ИСТОРІЯ ЕВРЕЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

отъ начала библейской эпохи до нашихъ временъ.

ВЪ ДВУХЪ ТОМАХЪ

д-ра Густава Карпелеса.

ПЕРЕВОДЪ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ И СЪ ПРИМѢЧАНІЯМИ

д-ра восточныхъ языковъ **А. Я. Гаркави.**

Цѣна 6 руб.

ФЛАВІЙ ІОСИФЪ.

ІУДЕЙСКІЯ ДРЕВНОСТИ

въ двухъ томахъ, съ алфавитнымъ указателемъ. Переводъ съ греческаго, кандидата восточныхъ языковъ **Г. Г. Генкеля.**

Цѣна за 2 тома 6 руб.

ТОГО-ЖЕ АВТОРА.

О древности іудейскаго народа

ПРОТИВЪ АПІОНА

переводъ съ греческаго маг. еврейской словесности Я. И. Израильсона и кандидата восточныхъ языковъ Г. Г. Генкеля.

Цѣна 1 руб.

РЕЦЕПЦІИ РИМСКАГО ПРАВА

Проф. В. Модермана.

Перев. А. И. Каминки.

подъ ред. проф. СПБ. университета Н. Л. Дювернуа.

Цѣна 75 к.

ПРОФЕССОРА Г. ГРЕТЦА

ИСТОРІЯ ЕВРЕЕВЪ

отъ эпохи Голландскаго Іерусалима до паденія франкистовъ (томъ X) 1618—1760 г.

Переводъ подъ редакціей и съ примѣчаніями **д-ра А. Я. Гаркави.**

Цѣна 2 руб. 50 коп.

ЕВРЕИ и АНТИСЕМИТИЗМЪ

Анатоля Леруа-Болье, члена Французскаго Института.

Переводъ Э. К. Ватсона и Р. И. Сементковскаго.

СОДЕРЖАНІЕ: Предисловіе.—Нареканія на евреевъ: I. Нареканія религіозныя.—II. Нареканія національныя.—Евреи какъ нація и племенныя особенности.—III. Физіологія и психологія еврея.—IV. Національный духъ евреевъ и направленіе ихъ ума. — V. Еврейскій сепаратизмъ и космополитизмъ.

Цѣна 1 руб. 50 коп.

ВЛАСТЬ ДЕНЕГЪ

соч. Анатоля Леруа-Болье, члена Французскаго Института.

Переводъ Р. И. Сементковскаго.

СОДЕРЖАНІЕ: Прежде и теперь.—Демократія и меркантильный духъ.—Капитализмъ и промышленно-финансовый феодализмъ. — Акціонерная компанія, государство и коллективизмъ.—Акціонерныя общества и соціальный прогрессъ.—Денежные люди, крупные банкиры и ихъ космополитизмъ.—Золотая интернаціоналка и банкократія.—Биржа, спекуляція и вліяніе Франціи въ Европѣ.—Психологія биржи, игра и ажіотажъ.—Спекуляція и ажіотажъ.—Средство борьбы и реформы.

Цѣна 2 руб.

Еврейскій вопросъ предъ судомъ исторіи

д-ра Д. И. Флисфедера.

Цѣна 1 руб. 25 коп.

ЕВРЕИ и ИХЪ УЧЕНІЕ ОБЪ ИНОВѢРЦАХЪ

д-ра Д. И. Флисфедера.

Цѣна 1 руб. 50 коп.

ТАЛМУДЪ

Этюдъ **Эм. Дейтша,**

библіотекаря Британскаго музея.

Переводъ съ 7-го изданія А. Е. Ландау. Изданіе 3-е.

Цѣна 50 коп.

О КНИГѢ КАГАЛА

И. И. Шершевскаго.

Цѣна 50 коп.

Объ употребленіи евреями христіанской крови

Протоіерея В. И. Протопопова.

Цѣна 10 коп.

СОЧ. Ю. В. МАНАСЕВИЧА.

ФИЛОСОФСКІЕ ЭТЮДЫ

Цѣна 1 руб. 50 коп.

О КОНСЕРВАТИВНЫХЪ и ПРОГРЕССИВНЫХЪ НАЧАЛАХЪ

Цѣна 50 коп.

Національнизмъ и Космополитизмъ

Цѣна 50 коп.

Объ изученіи исторіи русскихъ евреевъ

И ОБЪ УЧРЕЖДЕНІИ

Русско-Еврейскаго Историческаго Общества

С. М. ДУБНОВА.

Цѣна 35 к.

РУССКІЕ ЕВРЕИ ВЪ АМЕРИКѢ

Очерки изъ исторіи, жизни и быта русско-еврейскихъ эмигрантовъ въ Сѣверной Америкѣ **Г. М. ПРАЙСА.**

Цѣна 1 руб.

НАСТОЯЩЕЕ и БУДУЩЕЕ ЕВРЕЙСКОЙ КОЛОНИЗАЦИ

Докладъ, читанный въ Центральномъ Комитетѣ Еврейскаго Колонизаціоннаго Общества **Е. Лапинымъ**.

Цѣна 50 коп.

Гражданское общество.

Соч. проф. **В. Г. Риля**.

Пер. съ 6-го изданія.

Содержаніе: Книга первая. Охранительныя силы: I. Крестьяне. II. Аристократія. Книга вторая. Движущія силы: I. Бюргерство. II. Четвертое сословіе.

Цѣна 2 руб.

САРОНЪ

Сборникъ исторіи, литературы и общественной жизни.

СОДЕРЖАНІЕ: I. Объ изученіи исторіи русскихъ евреевъ и объ учрежденіи русско-еврейскаго историческаго общества. **С. М. Дубнова.**—II. Римское войско при осадѣ Іерусалима. **Р. Канья.**—III. Смерть Тита. **И. Леви.**—IV. Римское гетто. **Е. Родоконаки.**—V. Поѣздка въ обѣтованную землю. **Е. Хисина.**—VI. ПлачъІереміи. Въ стихахъ. **Кон. Льдова.**—VII. Романъ моей бабушки. Повѣсть **С. Рабиновича**.—VIII. Папа-Эльхананъ. Старинное преданіе **К. Т.**—IX. Двѣ молитвы. Талмудическая легенда. Стихотвореніе **С. Г. Фруга.**—X. Екклезіастъ. Въ стихахъ. **А. Федорова.**—XI. Мендель Гданскій. Изъ очерковъ Маріи Конопницкой. **Ванды Трушковской.**—XII. Евреи-крымчаки. Этнографическій очеркъ **П. М. Лякуба.**—XIII. Еврейскія земледѣльческія колоніи въ Америкѣ. **Г. М. Прайса.**—XIV. Изъ воспоминаній эмигранта. **Г. М. Прайса.** — XV. Снопы изъ современной беллетристики. **С. Ф.**—XVI. Евреи въ Парижѣ. **А Лефшеца.**—XVII. Очерки еврейства въ современной Италіи. **Л. Рускина.**—XVIII. Изъ весеннихъ мотивовъ. Стихотвореніе **М. И. Дубинскаго.**—XIX. Сынъ земли. Талмудическая легенда. Стихотвореніе **А. Римскаго.**—XX. Воспоминанія объ Англіи. **П. Я. Левенсона.**—XXI. Заграницей. Письмо изъ Берлина. **Лѣтописца.**

Цѣна 3 руб.

ДѢТИ ГЕТТО

Романъ изъ жизни польско-русскихъ евреевъ въ Лондонѣ,

въ двухъ частяхъ,

И. Зангвилля.

Переводъ съ англійскаго С. Л. Федоровичъ.

Часть I-я „ДѢТИ ГЕТТО“.

Часть II-я „ВНУКИ ГЕТТО“.

Романъ этотъ удостоился необычайныхъ лестныхъ отзывовъ всей европейской литературы и переведенъ на многіе европейскіе языки.

Цѣна за оба тома 3 руб.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

О. А. РАБИНОВИЧА

редактора „Разсвѣта“, перваго органа русскихъ евреевъ.

СОДЕРЖАНІЕ: Т. I. Предисловіе. М. Г. Моргулиса.—Картины прошлаго: а) Штрафной. б) Наслѣдственный подсвѣчникъ.—Морицъ Сежарди.—Исторія о томъ, какъ ребъ Хаимъ-Шувимъ Фейгисъ путешествовалъ изъ Кишинева въ Одессу, и что съ нимъ случилось.

Т. II. Калейдоскопъ. Романъ въ двухъ частяхъ.—Исторія торговаго дома Фриличъ и Комп. - Судьбы евреевъ въ Южной Европѣ.—Уголовный судъ у древнихъ свреевъ во время владычества римлянъ.—Торговое судопроизводство.

Т. III. Біографія О. А. Рабиновича, съ портретомъ и факсимиле.—Франценсбадскія воды.—Устарѣлые взгляды при дневномъ свѣтѣ.—О Мошкахъ и Іоськахъ.—О собственныхъ именахъ евреевъ.—По случаю добраго слова.—Избранныя передовыя статьи изъ „Разсвѣта“ (26 статей).—Дѣло Ципки Мендокъ.—Время не терпитъ.—Чѣмъ раньше тѣмъ лучше.—Гакрабъ (битва).—Мелочи.--Критическій разборъ романа „Калейдоскопъ“.—Указатели.

Цѣна каждому тому отдѣльно 2 р., всѣмъ тремъ томамъ вмѣстѣ — 5 руб.

ОЧЕРКИ ПРОШЛАГО

Л. О. ЛЕВАНДЫ.

СОДЕРЖАНІЕ: I. Пэшка.—II. Переполохъ въ Н—ской общинѣ.—III. Пейсы моего меламда.—IV. Школобоязнь.—V. Еврейскій Вертеръ.—VI. Заграницей.

Цѣна 1 руб.

Memoiren eines Juden

Нѣмецкій переводъ „ЗАПИСОКЪ ЕВРЕЯ“ Г. И. Богрова (русское изданіе все распродано) въ 2 частяхъ.

Цѣна 2 руб.

Tragikomisches aus dem Leben

von Magister H. A. Szapir.

Цѣна 25 коп. (вмѣсто 75 коп.).

МЕЖДУ СЦИЛЛОЙ и ХАРИБДОЙ

. Историческая повѣсть **Д. Л. Мордовцева.**

Цѣна 60 коп.

Сочиненія Карла Эмиля Францоза.

Сендеръ Глашейзъ

Романъ въ пяти книгахъ, изъ еврейской народной жизни.

Переводъ съ рукописи.

Романъ этотъ кромѣ русскаго ни на какомъ другомъ языкѣ до сихъ поръ не напечатанъ.

Цѣна 2 р. 50 к.

ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ

Переводъ подъ редакціей **Петра Вейнберга.**

СОДЕРЖАНІЕ: I. Шейлокъ изъ Барнова.—II. Дитя искупленія.—III. Баронъ Шмуль.—IV. По закону высшему.—V. Эстерка Регина.—VI. Ликъ Христа.—VII. Два Спасителя.—VIII. Безъ надписи.—IX. Изъ-за яйца.—X. Черный Авраамъ.—XI. Народный судъ.—XII. Шейлокъ въ Барновѣ.

Цѣна 1 р. 50 к.

ЮДИѲЬ ТРАХТЕНБЕРГЪ

ПОВѢСТЬ.

Переводъ А. Г. Каррикъ.

Цѣна 1 р., въ изящномъ переплетѣ 1 р. 35 к.

МЕЛЬПОМЕНА

Трагическая исторія.

Переводъ Петра Вейнберга.

Цѣна 60 коп.

МИРТАЛА

Историческая повѣсть Элизы Оржешко.

Переводъ съ польскаго А. И. Онуфріовича.

Цѣоа 1 руб. 25 коп.

ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ

Ф. К. НЕГЛУХОВСКАГО

Цѣна 1 руб.

ПОЛЬСКІЕ ЕВРЕИ

РАЗСКАЗЫ, ОЧЕРКИ и КАРТИНЫ.

А. Герцбергъ-Френкеля.

СОДЕРЖАНІЕ: Отшельникъ. — Изъ прошлаго. — Пасха. — Мешумедъ.—Автодидоктъ.—Бѣдное семейство.—Башенька.—Обольщеніе. (Разсказъ изъ послѣдняго польскаго возстанія).—Іентеле.

Цѣна 1 руб.

Іисусъ Навинъ

Романъ изъ библейской эпохи Проф. **ГЕОРГА ЭБЕРСА.**

Переводъ **С. О. Днѣпровскаго.**

Цѣна 1 руб. 50 коп.

СОЧИНЕНІЯ С. О. ЯРОШЕВСКАГО.

ВЫХОДЦЫ ИЗЪ МЕЖЕПОЛЯ

Романъ въ 3-хъ частяхъ.

Цѣна 2 руб.

ГРАНИЦА.

РОМАНЪ.

Цѣна 2 руб.

РУБЕНЪ САКСЪ

Романъ изъ жизни лондонской еврейской аристократіи

Эм. Леви.

Переводъ А. Русаковой.

Цѣна 75 коп.

ВЪ ДУХѢ ВРЕМЕНИ

Романъ изъ современной жизни

Б. РОТМАНА

Переводъ А. Г. Каррикъ.

Цѣна 1 р. 50 к.

МЕНДЕЛЬ ГИББОРЪ. ФЕЙГЕЛЕ МАГГИДЪ.

Повѣсти А. Берштейна.

Цѣна 1 руб.

к

ЯКОВЪ ТИРАДО

Историческій романъ **Л. Филипсона**.

Переводъ Петра Вейнберга.

Цѣна 1 р. 50 к.

ЗАБЛУДШІЙ

Романъ **Э. М. Гаррисъ**.

Переводъ съ англійскаго А. Г. Каррикъ.

Цѣна 1 руб. 25 коп.

Для учащихся.

Европейскіе Классики, въ русскомъ переводѣ подъ ред. Петра Вейнберга (съ примѣчаніями, объяснительными статьями и біографіями).

Вып. I. Гете. „Ифигенія въ Тавридѣ" перев. А. П. Яхонтова.

Вып. II. Шекспиръ. „Коріоланъ" перев. А. В. Дружинина.

Вып. III. Мольеръ. „Скупой" перев. Ѳ. Н. Устрялова.

Вып. IV. Данте. „Адъ" перев. Фанъ-Дима.

Вып. V. Шиллеръ. „Пѣснь о колоколѣ", баллады и „Лагерь Валленштейна", въ пер. разныхъ поэтовъ.

Вып. VI. Шериданъ. „Школа Злословія" перев. П. И. Вейнберга.

Вып. VII. Софоклъ. „Эдипъ Царь" перев. С. Шестакова.

Вып. VIII. Байронъ. „Мазепа". Поэма, пер. Д. Л. Михаловскаго. — „Шильонскій узникъ". Поэма, перев. В. А. Жуковскаго. — Мелкія стихотворенія, въ перев. разныхъ поэтовъ. — „Сарданапалъ". Трагедія, перев. П. И. Вейнберга и А. Л. Соколовскаго.

Цѣна каждаго выпуска 50 к.

Допущены Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для ученическихъ библіотекъ гимназій и реальныхъ училищъ.

ГИГІЕНА ВОЛОСЪ

и средства противъ преждевременнаго сѣдѣнія и выпаденія ихъ

Проф. д-ра Пинкуса.

Изд. 3-е. Ц. 40 к.

НОВАЯ КНИГА ДЛЯ ПОДАРКА:

ДРУГЪ МАТЕРИ

КАЛЕНДАРЬ ДЛЯ МАТЕРЕЙ НА 1901 ГОДЪ

подъ редакціей

ПРОФЕССОРА дѣтской клиники Императорской Военно-Медицинской Академіи

Н. П. ГУНДОБИНА.

при участіи д-ровъ мед.: **М. З. Геселевича, В. В. Горипевскаго, Б. А. Окса, Л. Я. Якобзона** и гг.: **I. В. Гессена, П. Ѳ. Каптерева** и **Н. И. Познякова**.

Записная и справочная книжка со статьями гигіеническаго, медицинскаго, педагогическаго и юридическаго содержанія. Съ рисунками въ текстѣ.

Въ изящномъ коленкоровомъ переплетѣ. **Цѣна I р. 25 к.**

ОТЗЫВЫ ПЕЧАТИ: „Міръ Божій", „Врачъ", „Недѣля", „Нива", „Новости", „Курьеръ", „Ежен. Практ. Медицины", „Спутникъ Здоровья", „Народ. Здравіе", „Одесс. Листокъ", „Фельдшеръ", „Сѣв.-Запад Слово", „Дѣтскія моды Задуш. Слова", „Россія", „Новости Дня".

ЗУБЫ НАШИХЪ ДѢТЕЙ

во время ихъ прорѣзыванія.

СОВѢТЪ МАТЕРЯМЪ

д-ра Авг. Брамсена.

Съ нѣмецкаго перев. и дополн. д-ръ А. Казарновскій съ 20 рисунками.

Цѣна 60 коп.

ВРАЧЕБНОЕ РУКОВОДСТВО

КЪ УХОДУ ЗА КРАСОТОЙ

Соч. д-ра медицины **Бергмана.**

Съ 19 рисунками.

Цѣна 75 коп.

ЭКОНОМНАЯ ХОЗЯЙКА.

Какъ нужно питаться.— Химическій разборъ съѣстныхъ припасовъ.— Рецепты кушаній, и напитковъ.—Полезныя свѣдѣнія по части чистки кружевъ, матерій, посуды и пр.—Гигіена кожи, лица и рукъ.

Сост. А. Суворова. Ред. врачъ И. И. Гончаровъ.

Цѣна 75 коп.

Уступка въ 20 и 25%

Выписывающіе изъ нашего склада какую либо

изъ поименованныхъ выше книгъ,

а также книги, изданныя Товариществомъ „XX ВѢКЪ“

(см. объявленія послѣ текста)

до 1-го Сентября 1901 года

за пересылку не плотятъ и кромѣ того пользуются

уступкой въ 20%.

При выпискѣ-же книгъ

не менѣе чѣмъ на 10 руб.

пользуются

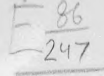
уступкой въ 25%.

Экземпляры прежнихъ лѣтъ „ВОСХОДА“

(1881—1898 гг.)

по значительно пониженнымъ цѣнамъ. **За всѣ годы вмѣстѣ** (при чемъ за нѣкоторые годы полныхъ комплектовъ не сохранилось)— **десять** (10) руб. **безъ пересылки.**

Отдѣльныя книжки 1881—1898 г. по 50 к. съ пересылкой.

Е 86 / 247

ЕВРЕЙСКАЯ БИБЛІОТЕКА

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ СБОРНИКЪ.

ТОМЪ IX.

ИЗДАНІЕ

А. Е. Ландау.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія А. Е. Ландау. Театральная площ., № 2.
1901.

2007339360

Отъ издателя.

Нѣкоторыя обстоятельства, которыя выяснятся впослѣдствіи, побудили насъ возобновить изданіе „Еврейской Библіотеки“, вышедшіе томы которой въ свое время были встрѣчены столь глубокимъ сочувствіемъ и вниманіемъ всей лучшей русской журналистики *.

Одно изъ этихъ обстоятельствъ мы отмѣтимъ теперь же. Это, именно, желаніе познакомить публику съ перепиской Л. О. Леванды и другихъ писателей, съ которыми мы находились въ литературныхъ сношеніяхъ въ теченіе нашей почти сорокалѣтней журнальной работы, перепиской, которая едва ли могла бы появиться въ какомъ-либо другомъ изданіи.

Пользуемся случаемъ, чтобы еще разъ поблагодарить тѣхъ, которые доставили намъ матеріалъ для переписки Л. О. Леванды, продолженіе которой имѣетъ появиться въ слѣдующемъ томѣ. При этомъ мы считаемъ своимъ священнымъ, и въ то же время весьма печальнымъ долгомъ—почтить память того, кто доставилъ намъ матеріалъ—письма

---

* „Отечественныя Записки“, „Вѣстникъ Европы“, „Дѣло“, „Всемірный Трудъ“, „Современная Лѣтопись“, „Русскій Листокъ“ (Щепкина), „Спб. Вѣдомости“, „Голосъ“, „Нов. Время“ (Устрялова), „Бирж. Вѣдомости“, „Биржа“, „Моск. Вѣдомости“ (Каткова), „Новости“ и др.,—не говоря уже объ одесскихъ, кіевскихъ и виленскихъ газетахъ и спеціальныхъ еврейскихъ органахъ,—дали о „Евр. Библіотекѣ“ болѣе или менѣе подробные отзывы и даже цѣлыя большія статьи, какъ напр., „Отеч. Записки“, „Дѣло“ и др.

Л. О. Леванды—для первыхъ страницъ предлежащаго тома „Еврейской Библіотеки"—память глубоко симпатичнаго человѣка, И. С. Залькинда. Оказывается, что когда онъ отыскивалъ для насъ письма Леванды, онъ доживалъ уже свои послѣдніе дни. Съ глубокимъ прискорбіемъ мы узнали о его смерти именно въ тотъ моментъ, когда мы отправили ему корректуру переписки Леванды и просили у него нѣкоторыхъ разъясненій. Пакетъ былъ возвращенъ намъ съ лаконическою, но потрясшей насъ до глубины души надписью: „обратно—за смертью адресата".

Какъ читатели увидятъ ниже, И. С. Залькиндъ, какъ во время своего учительства въ Минскѣ, такъ и впослѣдствіи, глубоко интересовался развитіемъ еврейскаго вопроса и въ свое время вносилъ и свои лепты для его разъясненія.

Миръ его праху.

Въ заключеніе мы позволяемъ себѣ просить всѣхъ тѣхъ, которые имѣютъ въ своихъ рукахъ письма Л. О. Леванды, О. А. Рабиновича, И. Г. Оршанскаго, Л. С. Пинскера, Г. И. Богрова и другихъ еврейскихъ писателей, предоставить ихъ *временно* въ наше распоряженіе. Мы съ благодарностью возвратимъ ихъ по принадлежности, воспользовавшись лишь тѣмъ матеріаломъ, который имѣетъ литературное или общественное значеніе.

А. Л.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Изъ переписки Л. О. Леванды.

Левъ Осиповичъ Леванда, преждевременно скончавшійся 6 Марта 1888 года, на 53 году своей жизни и на 27 году своей литературной дѣятельности, несомнѣнно долженъ считаться одной изъ крупнѣйшихъ фигуръ русско-еврейской литературы, какъ по своему дарованію, такъ и по своей плодовитости и разносторонности. Помимо этого, имя Л. О. Леванды считалось особенно популярнымъ въ послѣдніе годы его жизни, вслѣдствіе той первенствующей роли, которую онъ игралъ въ качествѣ литературнаго истолкователя и пропагатора новыхъ теченій, овладѣвшихъ нѣкоторою частью русскаго еврейства.

Человѣкъ, поработавшій съ самыхъ молодыхъ лѣтъ и вплоть до гробовой доски на литературномъ и журнальномъ поприщѣ въ пользу и въ интересахъ своихъ соплеменниковъ, заслуживаетъ того, чтобы эти соплеменники знали его, и не только какъ литератора, но и какъ человѣка, и могли бы уяснить себѣ его дѣятельность не только по тому, что онъ писалъ публично и всенародно, но и по тому, что роилось въ его мысляхъ, въ тайникахъ его души. Это скорѣе всего и лучше всего можно узнать изъ его интимнаго обмѣна мыслей съ друзьями и единомышленниками, словомъ изъ его частной переписки.

Обладая сами громадною массою писемъ покойнаго писателя, мы думали исполнить свой долгъ по отношенію къ Л. О. Левандѣ и въ то же время пойти на встрѣчу же-

ланіямъ русско-еврейской публики вообще и многихъ его почитателей въ особенности, взявъ на себя обнародованіе этой переписки. Но для выясненія личности и характера Л. О. Леванды, опубликованіе лишь тѣхъ его писемъ, которыя онъ писалъ намъ и которыя вращаются преимущественно лишь около нашихъ взаимныхъ литературныхъ сношеній, намъ показалось далеко недостаточнымъ. Мы поэтому обратились прежде всего къ одному изъ наслѣдниковъ покойнаго, брату его, присяжному повѣренному Виталію Осиповичу Левандѣ въ Екатеринославѣ, съ просьбою предоставить въ наше распоряженіе литературную переписку Льва Осиповича, какъ мы полагали, навѣрно найденную послѣ его смерти. И вотъ мы въ отвѣтъ получили слѣдующее письмо, само по себѣ весьма характерное и для личности покойнаго Льва Осиповича, и для его окружающихъ:

„Екатеринославъ, 26 марта 1900 г.

„Любезнѣйшій Адольфъ Ефимовичъ!

„Къ сожалѣнію, я Вашего желанія исполнить не могу: у меня никакой литературной переписки, которую мой покойный братъ, быть можетъ, и велъ со многими лицами, нѣтъ. Большую часть этой переписки, а можетъ быть и всю, Левъ Осиповичъ совершенно хладнокровно, и въ присутствіи моего двоюроднаго брата, Іосифа Леванды, уничтожилъ и бросилъ въ печь. Это фактъ, удостовѣренный сказаннымъ Левандою, бывшею у него прислугою и другими лицами.

„Конечно, будь при этомъ кто либо другой, а не Іосифъ Леванда, то эту переписку не постигла бы такая печальная участь. А жаль, очень жаль, въ этой перепискѣ было очень много интереснаго.

„Я полагаю, что кое-какія крохи сохранились у близкаго къ нему, въ послѣднее время, человѣка, у провизора Исаака Гольдберга въ Вильнѣ.

„Совѣтую Вамъ къ нему обратиться.

„Что-же касается вопроса объ изданіи „Полнаго собранія сочиненій Л. О. Леванды“ [1], то объ этомъ мы поговоримъ

[1] Объ этомъ тоже была рѣчь въ нашемъ письмѣ. А. Л.

съ Вами лично. Я разсчитываю побывать въ Петербургѣ или повидаться съ Вами за-границею...

„До свиданія. Искренно Вамъ преданный В. Леванда“.

Въ виду этого печальнаго отвѣта, мы рѣшились через посредство еврейскихъ органовъ („Будущность“, „Восходъ“, „Гамелицъ“ и „Гацфира“) обратиться къ лицамъ, владѣющимъ письмами Л. О. Леванды, съ просьбою временно предоставить таковыя въ наше распоряженіе, а также съ частнымъ письмомъ къ упомянутому г. В. О. Левандою И. А. Гольдбергу. На мою просьбу откликнулись только гг. И. А. Гольдбергъ, Б. А. Гольдбергъ, Я. Цитронъ и интимный другъ и товарищъ Л. О. Леванды на учительскомъ поприщѣ въ Минскѣ—И. С. Залкиндъ [1], нашъ личный другъ и товарищъ по университету. Послѣдній прислалъ цѣлую связку писемъ, относящихся къ первымъ шагамъ Льва Осиповича какъ на литературномъ, такъ и на служебномъ поприщѣ, именно ко времени отъ 1861 до 1866 года, писемъ, которыя, какъ увидятъ читатели, имѣютъ огромную цѣну не только для характеристики человѣка, дѣятеля и писателя Леванды, но бросаютъ яркій свѣтъ и на многія стороны тогдашней еврейской культурной жизни, а также на факты и перипетіи такъ называемаго еврейскаго вопроса. Такъ какъ письма эти, какъ мы уже сказали, относятся къ самой ранней дѣятельности Льва Осиповича, то мы ихъ и публикуемъ первыми. Но прежде, чѣмъ мы приступаемъ къ печатанію этихъ писемъ, мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи обнародовать и письмо И. С. Залкинда, при которомъ они были намъ препровождены и которое читатели несомнѣнно прочтутъ также съ высокимъ интересомъ.

Вотъ это письмо:

[1] И. С. Залкиндъ, присяжный повѣренный округа с.-петербургской судебной палаты, живетъ въ настоящее время въ Вильнѣ, къ крайнему прискорбію многочисленныхъ его друзей и знакомыхъ, прикованный къ постели тяжкою болѣзнью. А. Л.

„*Вильно, 12-го Сентября 1900 г.*

„Любезнѣйшій Адольфъ Ефимовичъ!

„Много усилій стоило мнѣ исполнить, хотя бы въ части, первое порученіе Вашего милаго письма. Письма Л. О. Леванды оказались заброшенными куда-то, при недавнемъ переѣздѣ моемъ, здѣсь, на новую квартиру, и я уже отчаивался розыскать ихъ въ тридцатилѣтнемъ архивѣ моихъ дѣлъ.

„Но, вотъ, часть нашелъ, выдѣлилъ изъ нея многія письма совершенно частнаго характера, а остальное препровождаю. Пользованіе ими для Вашего сборника, отдѣлка ихъ, замѣненіе нѣкоторыхъ мѣстъ точками, употребленіе, вмѣсто нѣкоторыхъ фамилій, начальныхъ буквъ, и наоборотъ—все это предоставляю всецѣло Вашему умѣлому редакторскому усмотрѣнію.

„Дружба моя съ Л. О., несмотря на всю нелюдимость его въ первое время, возникла съ первыхъ дней прибытія его изъ Минска и поступленія въ Виленское раввинское училище. Особенно окрѣпла она послѣ того, какъ мнѣ удалось отличиться въ одной изъ ролей драмы „Разбойники“, написанной имъ, будучи ученикомъ, кажется, шестого класса, и разыгранной въ стѣнахъ училища, разумѣется втайнѣ отъ начальства. Еще болѣе Л. О. ко мнѣ привязался, когда, вслѣдъ засимъ, начальство, узнавъ о недозволенной театральной шалости и объ авторѣ пьесы, приступило къ выемкѣ изъ ученическихъ сундуковъ запрещенныхъ книгъ и письменностей, и когда мнѣ удалось во-время (хотя и не надолго) скрыть его сатирическій дневникъ, гдѣ, начиная отъ директора, учителей и надзирателей и доходя до выдающихся учениковъ, всякій могъ узнать себя, описаннымъ въ самой правдивой, но крайне непривлекательной формѣ.— Впослѣдствіи, я, окончившій курсъ двумя годами позже его, постарался и получилъ учительскую должность въ томъ же городѣ (Минскѣ) и училищѣ, гдѣ Л. О. былъ уже преподавателемъ, и мы подружились на правахъ равныхъ товарищей и даже зажили вмѣстѣ, не имѣя другъ отъ друга тайнъ. Дружба эта длилась и послѣ того, какъ Л. О. получилъ новое назначеніе (въ Вильну, ученаго еврея при Виленскомъ Генералъ-Губернаторѣ), и даже послѣ оставленія

мною прежняго поприща и отъѣзда въ университетъ. Переписка наша шла непрерывно почти вплоть до поступленія моего на службу (въ 4-мъ Д-тѣ Правит. Сената); но, съ этого времени, дороги наши уже совершенно разошлись въ томъ смыслѣ, что я былъ весь поглощенъ службою (сознавая всю важность и отвѣтственность новаго, небывалаго дотолѣ, положенія моего — еврейскаго молодого чиновника въ этомъ высшемъ учрежденіи Имперіи), и совсѣмъ отсталъ отъ занятій литературою, а онъ, напротивъ того, всецѣло былъ поглощенъ въ то время литературою, гдѣ успѣлъ уже занять видное мѣсто. Только изрѣдка, въ каникулярные пріѣзды въ Вильну, видались мы съ Л. О., но это уже былъ отчасти преждевременно-надломленный литературною работою труженникъ, отчасти чуждавшійся самыхъ близкихъ его прежнихъ друзей отшельникъ.

„Что касается предложенія Вашего относительно моихъ воспоминаній, то не спорю, что они могли-бы составить очень интересную тетрадь, но расшатанное мое здоровье лишаетъ меня покуда всякой надежды приступить къ подобной работѣ.

Весь Вашъ И. Залькиндъ“.

Теперь еще два слова о томъ, какого способа мы будемъ держаться при обнародованіи переписки Л. О. Леванды. Воздерживаясь пока отъ всякихъ личныхъ заключеній по поводу тѣхъ или другихъ мѣстъ изъ этой переписки, мы всецѣло предоставимъ ее на судъ публики. Лишь тамъ, гдѣ это будетъ крайне необходимо для выясненія непонятныхъ для современнаго читателя фактовъ, намековъ и т. п., мы снабдимъ таковыя своими примѣчаніями. Въ самой же переепискѣ мы опустимъ всецѣло всѣ тѣ мѣста, которыя имѣютъ совершенно частный характеръ и не могутъ прибавить ни одной черточки для выясненія личности и характера покойнаго, и въ то же время не имѣютъ и никакого общественнаго интереса. Кромѣ того, тамъ гдѣ это намъ покажется нужнымъ въ интересѣ *частныхъ* лицъ, въ особенности же тѣхъ, которыя еще находятся въ живыхъ, мы замѣнимъ

имена и фамиліи или инціалами, или же буквами X. Y. Z. и проч.

Ну, а теперь вотъ, наконецъ, и самыя письма:

Минскъ 1857 г. Сентября 20 дня.

Любезный Илья Семеновичъ!

Ни одной вѣсточки, ни одной крошечной вѣсточки!.. Вы словно провалились, и поминай какъ звали! Это не прекрасно, это нехорошо, это непростительно! Неужели Вильно такъ овладѣло всѣмъ Вашимъ вниманіемъ, всѣмъ Вашимъ существомъ, что Вы со всѣмъ забыли Минскъ, гдѣ вы прожили девять мѣсяцевъ, и гдѣ Вамъ, можетъ быть, придется прожить столько-же. Знаю только, что и въ Вильнѣ зѣвается тоже очень порядочно и что невольно прибѣгаешь къ воспоминаніямъ о прошедшемъ, долженствующемъ нѣсколько вознаградить за настоящее пустое, безотрадное и неумолимо-скучное.

Теперь, когда уже пошло на упреки, такъ еще одинъ упрекъ. Отчего Вы не простились съ Шацкиномъ? Я было Васъ оправдывалъ тѣмъ, что Вы въ глубокую полночь поѣхали, но онъ мнѣ сказалъ, что онъ Васъ видѣлъ въ 8 ч. утра, когда вы сидѣли въ коляскѣ. Не знаю дѣйствительно ли онъ Васъ видѣлъ въ это время, или кто нибудь ему разсказалъ, довольно того, что мое оправданіе не достигло своей цѣли. Да, кстати, здоровы-ли Вы, или справедливѣе выздоровѣли-ли вы? Каникулы приближаются къ концу. Новостей нѣтъ, будьте здоровы и веселы и не забывайте моего порученія [1].

Вашъ другъ Л. Леванда.

[1] Это письмо писано къ И. С. Залькинду, бывшему тогда вмѣстѣ съ Л. О. Левандою учителемъ въ минскомъ еврейскомъ училищѣ, уѣхавшему на каникулы въ Вильну къ своимъ родителямъ. Письмо это хотя и носитъ совершенно частный характеръ, но мы даемъ ему здѣсь мѣсто потому, что оно ярко выясняетъ интимность отношеній, существовавшихъ между Л. О. Левандой и И. С. Залькиндомъ, которую не мѣшаетъ имѣть въ виду для оцѣнки значенія всѣхъ дальнѣйшихъ писемъ Л. О. къ И. С. Всѣ дальнѣйшія письма уже адресованы изъ *Вильны*, куда Л. О. поступилъ на службу въ качествѣ такъ называемаго „ученаго еврея" при виленскомъ генералъ-губернаторѣ Владимірѣ Ивановичѣ Назимовѣ. А. Л

Вильно, 3 Марта 1861 г.

Вы не можете представить себѣ какую услугу вы оказали мнѣ тѣмъ, что такъ скоро переслали въ Вильно письмо редакціи [1]. Я все былъ въ нерѣшимости—разсердиться-ли мнѣ на редакцію, такъ самовластно распоряжающуюся моими трудами, или нѣтъ. Получивъ же письмо, я въ минуту убѣдился, что редакція имѣетъ право и я успокоился. Кой-чортъ попуталъ меня нарисовать такую мерзкую картину [2]. Но объ этомъ послѣ или въ другой разъ.

Находясь вдали отъ васъ, я теперь только почувствовалъ вамъ цѣну и узналъ, что значитъ для человѣка, въ особенности для моей своенравной натуры—имѣть друга искренняго, безкорыстнаго. Хотя всѣ встрѣчаютъ меня здѣсь съ распростертыми объятіями, хотя всѣ увѣряютъ меня, что они füllen sich gesichmeichelt моимъ знакомствомъ, однакожъ сомнѣваюсь удастся-ли мнѣ найти среди всѣхъ моихъ почитателей—человѣка, котораго я могъ-бы называть другомъ, съ которымъ я могъ-бы жить на распашку.

Правда, г. Герштейнъ [3] оказываетъ мнѣ много привязанности, онъ ежедневно бываетъ у меня, и я у него, но его растрепанная натура мнѣ что-то мало обѣщаетъ. Впрочемъ, увидимъ, что будетъ далѣе; пока я чувствую себя въ Вильнѣ сиротою.—Много визитовъ я уже сдѣлалъ и много еще остается. Всѣ любопытны меня видѣть и поговорить со мною, всѣ удивляются моей моложавой наружности. Они, видите, представляли себѣ мою особу въ гораздо обширнѣйшихъ размѣрахъ. Многіе просто боятся моего визита. Если бы я не былъ теперь озабоченъ чрезмѣрными расходами, которые я теперь имѣю, и другими дѣлами, о

[1] „Разсвѣта" О. А. Рабиновича. А. Л.

[2] Рѣчь идетъ тутъ вѣроятно объ одной изъ главъ повѣсти „Депо бакалейныхъ товаровъ", печатавшейся тогда въ „Разсвѣтѣ" и надѣлавшей такъ много шуму среди евреевъ. Глава эта, вслѣдствіе ея рѣзкости, подверглась вѣроятно со стороны редакціи значительнымъ сокращеніямъ и измѣненіямъ. А. Л.

[3] Покойный Іона Герасимовичъ Герштейнъ, ученый еврей при Виленскомъ Генералъ-Губернаторѣ, товарищъ по службѣ Л. О. Леванды но гораздо старше его по лѣтамъ, — весьма симпатичный общественный дѣятель, которому гор. Вильна обязанъ очень многимъ. А. Л.

которыхъ я пишу г. Брафману, то мнѣ было-бы очень весело. Чортъ знаетъ что это такое, что я никогда не могу наслаждаться настоящею минутою. Не наказаніе-ли то это за грѣхи мои? „Депо“ [1] дѣлаетъ здѣсь большой фуроръ, еще больше нежели въ Минскѣ. Даже самъ „Разсвѣтъ“ возвысился теперь въ мнѣніи вил. евреевъ. Они говорятъ, что онъ „מרים קרן ישראל“ [2] и сильно опасаются, чтобы онъ не прекратилъ свою дѣятельность. Пишите пожалуйста, что говорятъ тамъ у васъ про меня и мою лавочку.—Послѣдняя глава будетъ на дняхъ окончена и отослана. Глава 10 [3], которая была выслана 11 фев., и не могла еще находиться въ редакціи, когда письмо писалось ко мнѣ, т. е. 16 февр. слѣд. нечего безпокоиться. Дружескій поклонъ всѣмъ моимъ бывшимъ товарищамъ и знакомымъ. Искренній поклонъ m-lles Rachel и Leonora H.

Пишите! ради Бога, пишите! Вашъ Л. Леванда.

Марта 10-го 1861 г.

Я сейчасъ получилъ ваше письмо отъ 7-го с. м., которое не весьма то меня обрадовало. Хотя я не могу еще обсудить на сколько можетъ мнѣ быть полезнымъ или вреднымъ вашъ поступокъ съ моимъ письмомъ, однакожъ я à priori охуждаю его. Мое письмо рекомендуетъ меня съ худой стороны и передъ Его Преосв. [4] и передъ Его Сіятельствомъ [5]. Я писалъ къ Якову Александровичу [6], какъ къ искреннему другу, передъ которымъ я не хотѣлъ скрывать ничего, что со мною есть и что я чувствую; я никогда не позволилъ бы ему показывать письмо мое кому нибудь, кромѣ васъ, тѣмъ болѣе лицамъ оффиціальнымъ [7]. Нехорошо, тысячу разъ не

[1] „Депо бакалейныхъ товаровъ“—обличительная повѣсть, печатавшаяся въ то время въ „Разсвѣтѣ“. А. Л.

[2] Поднимаетъ рогъ Израиля, т. е. возвышаетъ славу Израиля. А. Л.

[3] Должно быть, особенно рѣзкая. А. Л.

[4] Минскій архіерей. [5] Попечитель вил. учебнаго округа князь Ширинскій-Шихматовъ. А. Л.

[6] Брафману, пресловутому автору „Книги Кагала“, который въ то время разыгрывалъ роль друга евреевъ вообще и личнаго пріятеля какъ Л. О. Леванды, такъ и И. С. Залькинда. А. Л.

[7] Содержаніе этого письма, по всей вѣроятности, весьма интересное, намъ, къ сожалѣнію, не извѣстно. Но надо думать, что это было интимное сообщеніе о тогдашнихъ виленскихъ порядкахъ. А. Л.

хорошо. Впередъ я буду осторожнѣе моими письмами къ Я. А., котораго, какъ видно, нельзя уже передѣлать. Сколько разъ я просилъ, умолялъ его, чтобы все оставалось между нами, а онъ-таки свое дѣлаетъ. Къ чему, напр. слѣдовало Г...у и др. читать или знать содержаніе письма? Отъ него уже знаетъ его жена, будетъ знать Финъ, В. и др. вѣдь телеграфныя проволоки не спятъ. Какъ ему этого не понимать? Хорошо еще, когда мы были въ Минскѣ вмѣстѣ, поддерживали другъ друга и имѣли защиту въ лицѣ Его Преосв. Но здѣсь, въ Вильнѣ... одинъ промахъ можетъ погубить человѣка. На великодушіе и человѣколюбіе здѣшнихъ христіанъ—плохая надежда. Когда нибудь я вамъ опишу какую роль играютъ здѣсь евреи вообще и *ученые* въ особенности. Вы, просто, не повѣрите, подумаете, что сказки сказываю. Однимъ словомъ, ученые евреи [1] заслуживаютъ не 650 р. въ годъ, но 6000 за униженія, которыя имъ приходится претерпѣвать. Поэтому вы можете себѣ представить имѣлъ-ли я причину взгрустнуть: я вѣдь не ожидалъ Богъ знаетъ какого пріема, я хотѣлъ быть принятымъ, какъ человѣкъ, какъ сторожъ, поступающій на службу, которому объясняютъ его обязанности и объявляютъ, что онъ уже на службѣ. Вотъ уже идетъ 3-ья недѣля и я про свою службу знаю ровно столько, сколько зналъ въ первую минуту моего прибытія. Никто не запретитъ мнѣ возвратиться опять въ Минскъ, или скакать на край свѣта: полная свобода! Конечно, если бы я былъ пролазомъ, такъ я дорылся бы до чего нибудь, но вы же меня знаете. Правителя канцеляріи я все еще не имѣлъ счастія поймать на три минуты, не смотря на то, что я по нѣскольку разъ на день хожу въ канцелярію.

Послѣднюю главу „Депо“ я уже окончилъ и отправилъ.—Я искренно сожалѣю, что по милости *человѣка честныхъ правилъ* [2], минскимъ учителямъ предстоитъ грязная интрига. Инспекторомъ непремѣнно быть г. Минору, старайтесь до крайности.—Поклонитесь Якову Александровичу (Брафману), уже поздно, спѣшу, напишу второю почтою.—Поклонъ фамиліи Шацкина, Минора и Бомштейну. Поклонъ дѣвицамъ

[1] Подразумѣваются евреи, служащіе въ этомъ званіи при ген.-губернаторѣ. А. Л.

[2] Подразумѣвается нѣкто Г... учитель въ Минскѣ. А. Л.

Г. О моихъ визитахъ и контръ-визитахъ напишу въ другой разъ. Будьте здоровы, счастливы и веселы—этого желаетъ вамъ вашъ

Л. Леванда.

31-го Марта 1861 г.

Переписка наша сдѣлала маленькую паузу, потому-что я нечаянно былъ отправленъ въ командировку. По какому дѣлу?—будетъ вамъ извѣстно изъ 38 № „Гакармеля“ [1]. 28-го я возвратился въ Вильно. Объ успѣхѣ моей поѣздки вы тоже со временемъ узнаете изъ газетъ, потому-что генералъ [2] считаетъ полезнымъ обнародовать нашъ рапортъ. Съ своей стороны могу только сказать вамъ, что я дѣйствовалъ энергически, по своему крайнему разумѣнію и по совѣсти. Конечно дѣло еще далеко не окончено, генералъ назначаетъ новую слѣдственную коммисію, прежняя коммисія, назначенная Шавельскимъ уѣзднымъ судомъ, пойдетъ прочь, еще много будетъ исписано бумаги, пролито чернилъ и пота, истрачено денегъ по поводу вопіющей нелѣпости, которой долженъ стыдиться каждый человѣкъ, который имѣетъ только два лота мозга въ своемъ черепѣ, но мы пока сдѣлали, что могли и чего требуетъ справедливость и человѣческое достоинство. Въ скоромъ времени велю списать нашъ рапортъ, составленный мною, и перешлю вамъ, такъ вы нѣкоторымъ образомъ ознакомитесь съ ходомъ дѣла и со степенью справедливости и нравственнаго и умственнаго развитія людей, нестыдящихся жить въ наше время.

Теперь вашъ вѣчно-серьезный другъ составляетъ предметъ удивленія и почти обожанія всей массы еврейства Вильна и окрестныхъ городовъ. Чудаки наши евреи! Двѣ недѣли тому назадъ они готовы были-бы наплевать мнѣ въ лицо, а теперь на рукахъ меня носятъ, превозносятъ меня до небесъ и говорятъ, что если Виленское раввинское училище произвело-бы одного Леванду, и тогда ихъ деньги уже не пропали даромъ. Они помирились даже съ моимъ „Депо“ [3].

[1] По извѣстному Шавлянскому дѣлу о мнимомъ ритуальномъ убійствѣ. А. Л.

[2] Тогдашній генералъ-губернаторъ Влад. Ив. Назимовъ. А. Л.

[3] Обличительный характеръ этой повѣсти возбуждалъ тогда страшное негодованіе многихъ евреевъ. А. Л.

Не знаю почему, но я этимъ однакоже не восхищаюсь, я радуюсь только въ томъ отношеніи, что авторитетъ образованной молодежи отъ этого, можетъ быть, поднимется въ общественномъ мнѣніи, а къ этому мы должны стремиться. Не знаю хорошо-ли я сдѣлалъ: сегодня общество прислало мнѣ полдюжины вина, я взялъ и почти прогналъ посланца съ его ношею. Допотопное выраженіе почтенія, имѣющаго относительно меня характеръ благодарности, взбѣсило меня. При томъ за что они меня благодарятъ? Я сдѣлалъ, что я долженъ былъ сдѣлать. И наконецъ пусть не подумаютъ, что они меня уже откупили, что я уже ихъ человѣкъ: еврейская фамильярность мнѣ совсѣмъ не по сердцу. Я и теперь уже начинаю страдать отъ еврейской фамильярности; люди, съ которыми я никогда не говорилъ и говорить не буду, останавливаютъ меня на улицѣ, приходятъ ко мнѣ на домъ, дурятъ мнѣ голову, совѣтуютъ, разспрашиваютъ и отнимаютъ у меня много времени, которое для меня дороже всѣхъ ихъ изъявленій благодарности, которыя зачастую въ европейскомъ ухѣ отзываются оскорбленіемъ.

Прощайте и пишите Л. Леванда.

14-го Апрѣля 1861 г.

Въ письмѣ моемъ отъ 11-го с. м. къ Якову Алек. (Брафману) я упомянулъ о грустномъ впечатлѣніи, которое произвела на все здѣшнее общество лебединная пѣснь „Разсвѣта“. Здѣсь могу только прибавить, что я совсѣмъ не ожидалъ со стороны нашихъ единовѣрцевъ такой ажитаціи въ пользу ненавистнаго для нихъ журнала. Какъ справедлива теперь пословица: что имѣемъ, не хранимъ,—потерявши, плачемъ. Впрочемъ не однимъ плачемъ поминаютъ теперь лежащій на смертномъ одрѣ журналъ: здѣсь принимаютъ энергическія мѣры къ его возстановленію. Вотъ что пока сдѣлано: банкиръ Лебенсонъ и Герштейнъ отправили къ Рабиновичу [1] депешу, я отправилъ письмо, г. Карасикъ тоже, вашъ батюшка написалъ письмо въ Ковно къ г. Шапиру, разныя лица разсѣялись по городу собирать подписчиковъ, которыхъ будетъ теперь очень много. Лица, которыя до сихъ поръ не выписывали ни одного экземпляра, вызвались теперь держать 2 экз. Желательно, чтобы и Минскъ послѣдо-

[1] Редактору „Разсвѣта“. А. Л.

валъ этому примѣру. Поручаю это дѣло вамъ и всѣмъ людямъ добра и просвѣщенія вашего города. Нужно только дѣйствовать, если успѣемъ—хорошо, а если нѣтъ, такъ по крайней-мѣрѣ совѣсть наша не будетъ упрекать насъ. Отъ Рабиновича ожидаю письма каждый день; онъ, правда, писалъ ко мнѣ 10-го Марта, но въ этомъ письмѣ нѣтъ ничего особеннаго, онъ только обѣщаетъ мнѣ, что по окончаніи годичнаго счета, который производится теперь въ редакціи, онъ вышлетъ слѣдующій мнѣ гонораръ.

— На дняхъ я отправилъ въ „Кіев. Телеграфъ" мой разсказъ: „Очки". Новаго пока ничего не пишу: нѣтъ вдохновенія, охоты, времени и спокойнаго уголка. Знакомства, визиты и непрошенные гости отнимаютъ у меня весь досугъ. Но, когда я переѣду на новую квартиру, я постараюсь положить конецъ этому ненавистному для меня карнавалу. Герштейнъ тоже отнимаетъ у меня много времени. Онъ добрякъ, но большой чудакъ. Я занимаюсь теперь пересозданіемъ его въ человѣка трезваго, современнаго и товарища, какого я люблю, и мнѣ, можетъ быть, удастся.

— Съ Финомъ я имѣлъ стычку по поводу моего скромнаго желанія. Я его разругалъ въ пухъ и прахъ, наплевалъ на всю его литературную дѣятельность вообще и на его лавочку [1] въ особенности. Онъ извинялся, объяснялся, почти плакалъ и обѣщался быть посовременнѣе, только чтобы я не критиковалъ его газеты. Онъ былъ жалокъ, такъ что мнѣ стало стыдно. В. тоже отъ меня досталось. Онъ пришелъ ко мнѣ съ претензіями на репутацію *современнаго публициста*, а вышелъ съ убѣжденіемъ, что онъ только упражнялся въ неудачныхъ переводахъ съ жалкихъ подлинниковъ. Я открылъ ему глаза, онъ проснулся и, кажется, еще не совсѣмъ потерянъ для насъ. Мое вліяніе борется теперь въ немъ съ вліяніемъ Фина. Кто одержитъ верхъ—увидимъ.

— Кто это упомянутое въ вашемъ письмѣ Л. Р.? Не припомню. Какъ поживаетъ Гита? Что съ вашимъ училищемъ (частнымъ)? Врангель [2] уже разрѣшилъ. Какъ обзавелся г. Г.?—Въ Округѣ серьезно поговариваютъ о полноправіи для окончившихъ курсъ. Мнѣ сообщилъ это князь.

---

[1] Подразумѣвается издававшійся Финомъ „Гакармель". А. Л.
[2] Бывшій попечитель Вил. учебнаго Округа. А. Л.

Великій князь посѣтилъ раввинское училище.—Отдайте поклонъ моимъ товарищамъ и m-lles Г.

Вашъ Л. Леванда.

25-го апрѣля 1861 г.

Г. Рабиновичъ въ письмѣ своемъ ко мнѣ отъ 7-го с. м. между прочимъ пишетъ: „Мнѣ остается жалѣть, что евреи такъ поздно хватились раскусить „Разсвѣтъ" и догадаться, что онъ не унижаетъ, а возвышаетъ ихъ. Очень жаль! Между тѣмъ его успѣли очернить и убить невозвратно; враговъ была гибель, заступника — ни одного, поддержки въ подписчикахъ—никакой... И по неволѣ честная смерть осталась единственнымъ выходомъ моему журналу".—Потери по журналу онъ имѣлъ около 3000 р. Слѣдовательно нѣтъ надежды на продолженіе изданія, такъ необходимаго теперь для нашего народа. Изъ Петербурга извѣщаютъ, что оттуда отправлено было къ нему 10 депешъ и завели съ н мъ серьезную переписку объ этомъ. Фамилія Гинцбургъ, говорятъ, хочетъ его поддерживать. Изъ другихъ городовъ тоже отправляютъ къ нему адресы или прошенія, поэтому я очень обрадовался узнавъ изъ вашего письма, что и Минскъ, по вашимъ стараніямъ, догадался не отставать отъ прочихъ большихъ городовъ. Въ противномъ случаѣ было-бы стыдно.

Какъ вамъ нравится панихида г. Фина о „Разсвѣтѣ"? Этою статьею онъ передъ мною хвалился какъ образчикомъ современности.

Пришлите вашу статью о Талмудъ-Торѣ ко мнѣ и я передамъ г. Киркору [1].

Получивъ отъ Рабиновича гонораръ, я расплатился съ нѣкоторыми изъ моихъ долговъ: 65 р. отослалъ въ Минскъ А., 30 р. отдалъ Г., 10 р. Ш., 10 р. вамъ (вашему батюшкѣ), далѣе заплатилъ за квартиру и за столъ, и я опять почти безъ денегъ.

Старшимъ учителямъ Вил. Раввинскаго училища возвышено жалованье до 650 р. О вторыхъ разрядахъ не состоялось даже представленіе.—Пишите что слышно въ Минскѣ? Говорятъ, что Янкеле Г... умеръ—правда-ли это? Что ваше частное училище?

Вашъ Л. Леванда.

---

[1] Тогдашнему редактору „Виленскаго Вѣстника". А. Л.

30 апреля 1861 г.

...Прошу васъ тоже сторговаться и помѣстить моихъ младшихъ сестеръ въ пансіонъ Фунта, на учебныя пособія вы будете добры выдавать на мой счетъ.

Еще одно, послѣднее порученіе—и вы свободный человѣкъ. Прошу васъ именно, чтобы вы собрали №№ „Разсвѣта“ моего Минскаго экземпляра въ особенности главы „Депо“, при перепечатываніи котораго онѣ мнѣ будутъ необходимы; не забудьте объ этомъ.

Теперь спѣшу извѣстить васъ, что pod prassą „Вил. Вѣстника“ находится ваша статья о Талмудъ-Торѣ съ примѣчаніемъ редакціи, изъявляющей согласіе на ваше предложеніе. Хотя мѣстная газета ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть нашимъ народнымъ органомъ, однакожъ ея готовность сдѣлаться имъ будетъ имѣть благодѣтельное вліяніе на ея направленіе. Къ утѣшенію вашему и всѣхъ чувствующихъ нужду въ народномъ органѣ могу сказать, что если „Разсвѣтъ“ прекратится, то такой журналъ возродится, кажется, въ Петербургѣ. Въ скоромъ времени предпримутъ надлежащія къ тому мѣры. Эта мысль принадлежитъ мнѣ и постараюсь по возможности осуществить ее.

Въ 44 № „Гакармеля“ вы найдете нашъ рапортъ о Шавлянскомъ дѣлѣ. Какой-то услужливый карреспондентъ расхвалилъ меня во француз. еврейскихъ журналахъ, а оттуда перешло уже въ журналы англійскіе. Больше нѣтъ никакихъ новостей, развѣ то, что я на дняхъ переѣзжаю на новоселье, на Преображенской улицѣ въ д. Кулаковской.

Вашъ Л. Леванда.

Прошу засвидѣтельствовать мое всенижайшее почтеніе Якову Александровичу (Брафману), г. Шацкину, г. Д. Люрію и З. Люрію, моимъ товарищамъ гг. Гурвичу, Ассамъ и Б.— что съ его любовью? Вылечился-ли онъ или еще больше врѣзался.

5 мая 1861 г.

Не должны-ли вы мнѣ завидовать? Въ то время, когда вы, можетъ быть, сгораете отъ нетерпѣнія читать въ печати вашу статью, она, ваша статья-то, лежитъ теперь у меня на столѣ и повѣствуетъ мнѣ вашимъ сжатымъ, но крѣпкимъ, какъ ваша организація, слогомъ о томъ, что дѣлаетъ нашъ

родной городъ, или справедливѣе, нашъ родной товарищъ, минскій раввинъ. Ваша статья уже тѣмъ однимъ хороша, что вызвала такое прекрасное объясненіе со стороны Редакціи, произносившей теперь свое первое теплое слово о загнанномъ племени, которое... Какъ жаль, что здѣсь нѣтъ Як. Ал. (Брафмана). Онъ наглядно увидѣлъ-бы на кого похожи его *хваленые*... по крайней мѣрѣ здѣшняго края. Въ короткое время моего здѣсь пребыванія, я столько навидѣлся, наслушался, наблюдалъ, замѣчалъ и перечувствовалъ, что сердце мое истерзано на клочки и я ежеминутно вздыхаю. Но довольно объ этомъ: не намъ, *меньшимъ* братьямъ поручено наставлять, исправлять *старшихъ*.

Вы хотите знать сколько я получилъ отъ г. Рабиновича? Извольте. Я получилъ 200 р. которые даже не отогрѣлись у меня. Чертъ знаетъ что это такое. Вѣдь я, какъ изволите знать, не мотъ, въ нѣкоторомъ отношеніи даже бережливъ, однакожъ деньгамъ что-то не живется у меня. Должно быть, что я уже отъ колыбели обреченъ на бѣдность. Смотрите, вѣдь я получаю теперь жалованье 650 р. Одинъ человѣкъ— да это просто богатство. Однакожъ у меня такъ распорядились, что, кажется, больше 200 р. я не надѣлаю долговъ въ настоящемъ году. Когда нибудь я выпишу вамъ мой бюджетъ, увидите есть ли тамъ хоть одна статья лишняя.

— Касательно молодого Шерешевскаго [1], я долженъ вамъ сказать, что и вы и я были предубѣждены противъ него. Онъ порядочный молодой человѣкъ. Правда, онъ себѣ на умѣ, но вѣдь это не грѣхъ и съ нимъ можно лучше уживаться, нежели съ моимъ товарищемъ - чудакомъ, который такъ ровенъ, какъ морская волна или какъ апрѣльская погода.

Отъ m-lle Г. я не получилъ никакого письма[2]. Впрочемъ поздравьте ее отъ моего имени, и скажите, что я желаю ей всего лучшаго, ибо она этого заслуживаетъ, только чтобы она не попортилась и не опошлилась. Пусть имя ея жениха, а потомъ мужа, всегда напоминаетъ ей объ ея учителѣ и его идеяхъ.

Вашъ Л. Леванда.

Шерешевскій кланяется вамъ.

---

[1] Авторъ сочиненія „О книгѣ Кагала“. А. Л.

[2] Ея письмо отъ 2-го с. м. я наконецъ уже получилъ и душевно благодарю. Въ слѣдующемъ письмѣ я напишу къ ней особо. *Прим. Л. Леванды.*

Это письмо залежалось у меня и опоздало потому, что оно имѣло быть отправлено par bonté г. Г—на. Но этотъ молодой человѣкъ, по обыкновенію, произвелъ, не простившись со мною, внезапное исчезновеніе и мое посланіе должно было пролежать у меня до сегодняшняго (9-го) почтоваго дня.

12 мая 1861 г.

Теперь могу сообщить вамъ и всѣмъ, интересующимся нашимъ народнымъ органомъ, положительныя о немъ свѣдѣнія. На дняхъ я получилъ письмо отъ г. Рабиновича, въ которомъ онъ извѣщаетъ меня, что около 1-го Іюля с. г. воскреснетъ евр. журналъ подъ названіемъ „Сіонъ". Редакторами его будутъ доктора Пинскеръ и Соловейчикъ, которые суть люди прекрасные и исполненные добрыхъ желаній. Профессоръ Георгіевскій [1], какъ прежде, пріиметъ дѣятельное участіе въ новой редакціи, Рабиновичъ же и Луговской уѣзжаютъ на 4 мѣсяца за границу. „О будущемъ направленіи новаго журнала — пишетъ г. Рабиновичъ — не могу сказать впередъ ничего: смѣю думать, что оно по *возможности* будетъ удовлетворительно. Главное заключается въ томъ, чтобы существованіе журнала не прекращалось". Г. Рабиновичъ обстоятельно излагаетъ мнѣ причины, заставляющія его прекратить свое изданіе, но такъ-какъ онъ пишетъ ко мнѣ конфиденціально, то я не имѣю права разглашать, я могу только сказать вамъ, что главную роль играетъ здѣсь дѣло о Цинкѣ Мендакъ.

На дняхъ мнѣ прислали изъ Кіева двѣ брошюры: *Прощаніе Кіев. учеб. Округа съ Н. И. Пироговымъ* и *Прощаніе Кіева съ Пироговымъ*. И въ этомъ дѣлѣ, — какъ мнѣ пишутъ, — фанатизмъ и неправда восторжествовали надъ свѣтомъ и правдою. Чтеніе этихъ брошюръ доставило мнѣ много утѣшенія и извлекло у меня нѣсколько слезъ грустнаго умиленія. Чтобы доставить вамъ случай испытывать тѣже чувства, я хотѣлъ-было, по прочтеніи брошюръ, переслать ихъ къ вамъ, но онѣ были забраны у меня г. Финомъ, который хочетъ помѣстить ихъ въ извлеченіи въ „Гакармелѣ", пробивающемся чужими трудами. Впрочемъ вы найдете эти брошюры вполнѣ помѣщенными въ №№ 101 и 102 „С. П. Вѣдомостей".

[1] Александръ Ивановичъ Георгіевскій — нынѣ предсѣдатель ученаго комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія. А. Л.

Въ редакціи „Кіев. Телегр." изготовляется теперь портретъ Пирогова, который будетъ разосланъ подписчикамъ безплатно, а постороннимъ за 1 р. съ пересылкою за 1 ф. Когда этотъ портретъ окажется хорошимъ, то я посовѣтую вамъ и многимъ изъ нашихъ единовѣрцевъ выписать его. Въ каждомъ евр. домѣ долженъ находиться портретъ этого образцоваго христіанина.

Такъ-какъ я намѣренъ черезъ нѣсколько недѣль приступить къ изданію „Депо", то покорнѣйше прошу васъ собрать главы, начиная съ 26-го № и немедленно переслать ко мнѣ. Если недостанетъ, то просите, крадите или купите напр. у О. Г. который не читаетъ совсѣмъ „Разсвѣта". За 5 р., я полагаю, вы пріобрѣтете у него все годовое изданіе.

Дружескій поклонъ Якову Александровичу (Брафману). Не пишу потому что не о чемъ писать. Да, не слышно-ли у васъ когда у насъ будетъ лѣто? Или, можетъ быть, оно по независящимъ обстоятельствамъ отложено... на когда же именно?

Вашъ Л. Леванда.

25-го мая 1861 г.

Вотъ уже второй разъ, какъ я къ вамъ пишу à la „человѣкъ честныхъ правилъ", т. е. per occasion; но чтожъ дѣлать, когда ваше послѣднее письмо дышетъ такою неподдѣльною дружбою ко мнѣ, что я чувствую необходимость отвѣчать вамъ сейчасъ, благо представляется случай, а почтоваго дня мнѣ нужно ждать еще дня три. Удивляюсь вашему удивленію, что я остался тѣмъ же человѣкомъ, тѣмъ же *лежебокомъ*, какъ вы называете меня. Неужели я долженъ былъ, въ столь короткое время, перемѣниться? Неужели вамъ неизвѣстно, что я обладаю характеромъ болѣе или менѣе постояннымъ? При томъ какъ же мнѣ не лежать на боку, когда я теперь не имѣю рѣшительно никакихъ занятій, развѣ только грустить и тосковать, что мнѣ нечего читать, не хочется писать, некого любить и не хочется даже гулять. Я, ей Богу, не знаю что со мною дѣлается. Когда я былъ учителемъ, т. е. когда я былъ положительно занятъ, у меня

всегда хватало времени на частные уроки, на чтеніе, писаніе, гуляніе и нескончаемыя бесѣды съ пріятелями. Теперь же, когда я положительно свободенъ, мнѣ просто некогда серьезно чѣмъ нибудь заниматься. Это истинная kara Boska. Если полагаете, что я занятъ визитами, то вы горько ошибаетесь. Меня то и дѣло упрекаютъ отчего я такой домосѣдъ, или такъ гордъ, что нигдѣ не показываю глазъ. Повѣрите-ли, что даже у моего товарища Шклявера я уже не былъ больше мѣсяца. Это здѣсь не прощается, но чтожъ дѣлать, когда мнѣ просто не хочется и мнѣ все кажется, что мнѣ некогда, что я *занятъ*, ха, ха, ха! При такомъ положеніи дѣлъ, или состояніи души я впалъ бы въ неизлечимую хандру, если-бы меня не поддерживала надежда, что со временемъ я войду въ надлежащую колею и я буду доволенъ. Подъ вліяніемъ вашего письма я сегодня послѣ обѣда, т. е. послѣ сна предпринялъ путешествіе, по образу пѣшаго хожденія, въ Іерусалимъ, не въ Палестинскій, а въ Виленскій, и гулялъ часа два или три. Возвратившись домой, я взялся-было за какую-то книгу, но вдругъ бросилъ ее подъ предлогомъ, что мнѣ *нужно* писать къ вамъ. Вотъ такимъ порядкомъ я хватаюсь за то за другое, потому-что мнѣ хочется дѣлать и то и другое, а выходитъ, что я ничего не дѣлаю. Вы спрашиваете меня, отчего я не пишу къ Г—амъ; но скажите мнѣ отчего я не отвѣчаю Цейтлину на его письмо, которымъ онъ почтилъ меня послѣ годоваго молчанія? Отчего я откладываю писать къ моимъ родителямъ?

Объ „Очкахъ“ нѣтъ еще ни отказа, ни приказа. Я долженъ былъ-бы написать къ Юнку [1], но, понимаете, мнѣ некогда, такъ обломовщина одолѣла меня.—Хорошо, что вы отказались отъ чести сотрудничества въ Губ. Вѣд. Пусть онѣ прозябаютъ подъ гнилою формальностью казны.

Вашъ Л. Леванда.

8-го іюня 1861 г.

Вамъ не нравятся мои оказіи? Какъ вамъ угодно, на то онѣ оказіи, чтобы были не аккуратны. Вы хотите, чтобы я писалъ къ вамъ только по почтѣ? Благодарю покорно: ради

[1] Редактору „Кіевскаго Телеграфа“. А. Л.

васъ я не стану раззоряться. Я человѣкъ честныхъ правилъ и экономію nade wszystko lubię, если же вы другихъправилъ, такъ это не моя вина.

Письмо ваше отъ 3-го с. м. съ „Разсвѣтомъ“ я получилъ и благодарю васъ за вашу отличную распорядительность. Изъ трехъ экземпляровъ журнала я едва выбралъ одинъ цѣлый и отдалъ въ переплетъ. Это все лирическій безпорядокъ, который далъ себѣ слово не отставать отъ меня ни на одну минуту.

...Переводъ 2 р. 75 к. я совершу, коль скоро я только увижусь съ г. Финомъ. Удивляюсь, что г. редакторъ „Гакармеля“ ничего не упомянулъ мнѣ о вашей съ нимъ перепискѣ, не смотря на то, что я день передъ полученіемъ вашего письма т. е. 4 дня тому назадъ видѣлъ его и толковалъ съ нимъ 5 битыхъ часовъ. Кстати о Финѣ и „Гакармелѣ“. Въ „Вил. Вѣстникѣ“ имѣлъ явиться на дняхъ протестъ противъ „Замѣтки о „Гакармелѣ“ за подписью инспектора, Тугендгольда, Штейнберга, Лебенсона и др. Но, благодаря вліянію нѣсколькихъ лицъ, между которыми былъ, разумѣется, и вашъ другъ, этотъ скандалъ не состоялся и протестъ былъ отобранъ назадъ почти изъ-подъ типографскаго станка. Много-много появится, можетъ быть, частный отвѣтъ „читателю Гакармеля“, который дѣйствительно заслуживаетъ быть отхлестаннымъ за его голословную критику. Г. Финъ уже торжественно обѣщалъ намъ повести свою лавочку по пути прогресса, лишь-бы мы не стояли слишкомъ издали. Ваша догадка о продѣлкѣ г. Б. весьма основательна: не даромъ онъ такъ рыжъ. Впрочемъ, вы же ничего не потеряли, вы и безъ того получили приглашеніе, съ которымъ я васъ поздравляю.

Я съ своей стороны тоже удостоился весьма лестнаго приглашенія отъ будущихъ редакторовъ, *которыхъ взоры обращены на меня особенно*. Понравится-ли моимъ Минчукамъ, что я буду тоже сотрудникомъ „Сіона“. Не пошлютъ-ли они депеши [1]? Если-бы они знали какими комплиментами будущіе редакторы осыпаютъ меня!...

Портретъ Пирогова я уже получилъ. Онъ довольно изя-

[1] Намекъ на протестующія депеши, посланныя минскими евреями въ редакцію „Разсвѣта“ по поводу письма Л. Л. изъ Игумени, Минской губ., появившагося въ 1-мъ № этой газеты. А. Л.

щенъ, выпишите его. Цѣна 1 р. кромѣ посылочныхъ за 1 ф. и 10 коп. за укупорку, всего, кажется, 1 р. 50 коп. продается исключительно въ редакціи „Кіев. Телегр.“. Первая половина „Очковъ“ уже появилась въ печати въ № 8-мъ „Литер. Прибавленій“. Мнѣ прислали только 1 экз. Пока я выпишу и пока пришлютъ вы можете достать у знакомаго вамъ г. Малашевича или г. Матова, который вѣрно получаетъ „Телегр.“, потому что онъ часто помѣщаетъ тамъ свои статейки.

Зайдите, пожалуйста, къ Якову Александровичу (Брафману) и, отдавая ему поклонъ, упрекайте его отчего онъ такъ долго не пишетъ ко мнѣ. Или онъ разлюбилъ меня или занятъ фотографіею? Въ послѣднемъ случаѣ я его извиняю.

Гора родила мышь: изъ всѣхъ правъ, о которыхъ толковали, въ округѣ рѣшили общимъ совѣтомъ, что евреи должны пользоваться *только* правомъ полученія пансіона, по выслугѣ лѣтъ. O, przeklęte oswiecenie!... Высшее правительство не прочь было-бы предоставить евреямъ бо́льшія права.

Вашъ Л. Леванда.

18-го іюня 1861 г.

Ходилъ я въ почтовую контору взять на вашъ счетъ нѣсколько марокъ—не даютъ, не знаемъ, говорятъ, ни Ильи, ни Соломоновича. Поэтому я, nolens volens, пишу опять по оказіи.

Вашимъ рецептомъ противъ овладѣвшей мною обломовщины я не могу пользоваться, потому что до 6-ти или 7-ми ч. вечера, безъ особенной надобности, не выманишь меня изъ квартиры ни калачомъ, ни нагайкой. Сижу цѣлый день не умытый, не одѣтый въ одномъ только халатѣ и убиваю или справедливѣе глумлюсь надъ временемъ. Меня, должно быть, кто-то проклялъ.

Ваше требованіе моего портрета и законно и справедливо и я постараюсь удовлетворить васъ, чѣмъ прежде. Выжидаю хорошой погоды.

На вопросъ вашъ объ общественномъ раввинѣ могу отвѣчать вамъ, что онъ здѣсь не играетъ никакой роли, такъ какъ обстановка здѣшней сцены не всякаго располагаетъ къ артистическимъ представленіямъ. Онъ приплелся въ лавку мимо воли, его насильно втянули назойливые си-

дѣльцы, такъ онъ, по крайней мѣрѣ, объяснялся предо мною.

О „Сіонѣ“ мнѣ пока извѣстно только то, что 1-го Іюня новые редакторы получили уже разрѣшеніе, но проспекта еще нѣтъ, ожидаемъ его къ слѣдующей недѣлѣ.

Что же касается до сюрприза, котораго вы ожидаете отъ меня въ новомъ журналѣ, то могу только сказать вамъ, что вамъ придется ждать его долгое время. Чтобы быть съ вами вполнѣ откровеннымъ, чего вы вполнѣ заслуживаете, сообщаю вамъ, что у меня уже готовъ планъ повѣсти подъ названіемъ: „Частный урокъ“ и какъ только получу *вдохновеніе*, безъ котораго я ничего не пишу, я примусь за дѣло. Кромѣ этой повѣсти постараюсь, если удастся, написать для первыхъ нумеровъ отдѣльную статейку, о чемъ редакторы настоятельно меня просятъ. Вы знаете, что планы и тэмы мнѣ не занимать стать, въ изобрѣтательности природа меня не обидѣла, но чтобы wyconać я долженъ имѣть какое то особенное расположеніе, настроеніе духа.

Сердечный поклонъ M-lle Рашели Г. и ея сестрицѣ. Я видѣлся съ ихъ баютюшкою въ Вильнѣ. Какъ онѣ поживаютъ? Какъ поживаютъ всѣ мои бывшія ученицы и пріятельницы? Всѣмъ имъ задушевные поклоны отъ всего вашего

Л. Леванды.

P. S. Симъ посылаю вамъ милую брошюрку соч. Дика.

8 іюля 1861 г.

Я напередъ вамъ говорю, что это письмо будетъ очень коротенькое, потому что теперь нестерпимая жара и мнѣ не хочется писать.

Вторые разряды Вил. округа представлены къ преобразованію въ параллельные классы и къ возвышенію оклада. Смотритель вмѣстѣ и учитель русскаго языка будетъ получать 400 р. Учителя еврейскихъ предметовъ 400, учитель математеки 350, исторіи 350, нѣм. языка и евр. исторіи 350 р. Смотрителемъ можетъ быть и еврей.

Отъ Соловейчика я уже получилъ нѣсколько писемъ. Онъ извѣщаетъ меня, что д-ръ Гейгеръ и М. Л. Леви будутъ тоже сотрудниками „Сіона“, первый номеръ котораго выйдетъ 7 Іюля. Въ Вильнѣ пока только 30 абонентовъ, впрочемъ можно разсчитывать на большую цифру. Сколько або-

нентовъ въ Минскѣ? Пишите мнѣ о пребываніи Фина въ Минскѣ, о раввинствѣ Гельперна и прочихъ минскихъ событіяхъ и новостяхъ. Да, пріѣдете-ли вы сюда на вакацію? Пожалуйста, пріѣзжайте, я теперь одинъ одинехонекъ, товарищъ мой уѣхалъ купаться въ морѣ. Отдайте поклонъ моимъ родителямъ. Уфъ! какъ жарко

Вашему Л. Левандѣ.

21-го іюля 1861 г.

Наконецъ жары уменьшились и я не положу пера, пока не напишу четырехъ писемъ, въ томъ числѣ и настоящее письмо къ вамъ.

Начинаю съ того, что вы весьма ошиблись, полагая, что мнѣ жарко было-бы читать послѣднее письмо ваше, которое вы хотѣли сдѣлать длиннымъ, но раздумали. Какъ мнѣ ни жарко или холодно, мнѣ всегда пріятно читать письма, въ особенности отъ моихъ искреннихъ друзей, между которыми вы занимаете первое мѣсто.

Сильно сожалѣю, что я переполошилъ г. Г. извѣщеніемъ о преобразованіи училищъ. Пусть онъ будетъ спокоенъ. Это преобразованіе еще далеко впереди, и въ проектѣ совсѣмъ не сказано, что смотритель долженъ непремѣнно быть учителемъ рус. яз., а не какого-нибудь другаго предмета. Впрочемъ, ничто не мѣшаетъ ему хлопотать о полученіи мѣста Гельперна, такъ какъ оно вообще выгоднѣе. Пишите мнѣ, пожалуйста, какъ онъ живетъ, имѣетъ ли онъ уроки, вѣдь онъ, бѣдный, человѣкъ семейный. Имѣтъ-ли жена его знакомства въ городѣ и хорошая-ли она хозяйка?

Читалъ я „Сіонъ", читалъ и „Iutrzenka", которую я выписалъ. Первый обѣщаетъ быть журналомъ скучнымъ, одностороннимъ и съ претензіями на ученость; вторая—газета легкая, маленькая, но съ великою цѣлью—помирить враждовавшія до сихъ поръ народности. 1-й № „Сіона" не очень понравился многимъ. Увидимъ что будетъ далѣе. Сообщите мнѣ ваше мнѣніе и мнѣніе Минскихъ читателей. Не только молодежь, но даже люди пожилые охуждаютъ направленіе, которое принимаетъ нашъ органъ. Направленіе „Разсвѣта" было самое лучшее и самое умное,—сказалъ мнѣ на дняхъ Леонъ Розенталь, эта правая рука Гинзбурга и всего Петербургскаго еврейства. Меня просятъ, чтобы я образумилъ

новыхъ редакторовъ. Отлагаю это до болѣе удобнаго времени, въ особенности, когда новый журналъ уже успѣетъ вполнѣ высказаться. Число подписчиковъ „Гакармеля" возросло и нужно отдать ему справедливость, онъ начинаетъ поправляться, по крайней мѣрѣ уже тенденція его не такъ строго консервативна. Статейка „Виленскаго Вѣстника" и наши слова все таки подѣйствовали на оригинальнаго редактора „Гакармеля", имѣющаго оригинальнѣйшія средства къ вербованію подписчиковъ. Только относительно сотрудниковъ онъ не такъ счастливъ, потому-что спрягая на всевозможныя формы глаголъ *взять*, ему трудно освоиться съ глаголомъ *дать*, который въ мірѣ идетъ почти объ руку съ первымъ.

Пишите мнѣ пожалуйста о всемъ что дѣлается теперь въ Минскѣ, о вашемъ житьѣ-бытьѣ, о подвигахъ человѣка ч. п. (честныхъ правилъ) о его братѣ. Какъ живется съ нимъ? Что же касается меня, то я по большей части читаю, очень рѣдко пишу, часто гуляю и уже меньше скучаю.

Вашъ Л. Леванда.

1-го августа 1861 г.

Вашъ взглядъ на „Сіонъ" очень дѣленъ и я вполнѣ его раздѣляю. Впрочемъ, нужно отдать справедливость редакторамъ, направленіе журнала вполнѣ соотвѣтствуетъ подобранному ими имени. Сіонъ—сколько наркотическаго заключаетъ въ себѣ это мягкое, какъ сдобная булочка, слово. Произнося это слово, мнѣ такъ и хочется облачиться въ халатъ, погрузить свою голову въ ночной колпакъ, а ноги въ мягкія волны перины, вооружиться восковою свѣчкою и стариковскими очками и предаваться чтенію „Туфлевыхъ газетъ", запивая назидательное чтеніе еще назидательнѣйшимъ напиткомъ изъ солодковаго корня (לאקריץ). Такъ, по моему мнѣнію, должно дѣйствовать на сотрудниковъ и читателей уже самое названіе журнала.—Что же касается до Швабахера, то, боюсь сказать, вторая статья его въ 3 № „Сіона" гораздо полезнѣе первой, помѣщенной въ № 2-мъ, которой ³/₄ публики вѣрно не поняли. По всему можно заключить, что Соловейчикъ помѣшанъ на германскомъ спиритуализмѣ. Здѣсь прозвали „Сіонъ" вторымъ „Гакармелемъ". Какъ вамъ нравится разборъ Шавлянскаго дѣла? Хотѣлось подражать

„соображеніямъ" Рабиновича, а вышла жалкая пародія, неимѣющая въ себѣ ни капли остроумія. Увидимъ что будетъ далѣе.

Затѣя вашего раввина похвальна, но его образъ дѣйствія—изъ рукъ вонъ какъ глупо и даже н..... Покуда этотъ о........................ не пойметъ, что его долгъ при каждомъ случаѣ возвышать нашъ классъ въ глазахъ общества? Что возвышая насъ, онъ между тѣмъ возвышаетъ и себя. По какому праву онъ исключаетъ васъ изъ засѣданія, на которомъ идетъ рѣчь о литературномъ обществѣ.—Мнѣ весьма не нравится, что вы выговорили ему *умѣреннымъ тономъ*. Помилуйте, вы имѣли теперь полное право выругать его на чемъ свѣтъ стоитъ, потому что, незабудьте, онъ не въ первый разъ наноситъ вамъ такую обиду. По неволѣ я долженъ согласиться съ Як. Алек. [1], что вы настоящія тряпки! Я трясусь теперь отъ гнѣва. Онъ долженъ былъ пригласить васъ по двумъ причинамъ: во 1-хъ, вы, какъ учители, интересующіеся и слѣдящіе за литературою, могли бы быть полезны вашимъ словомъ не хуже какого нибудь Б., З. Л., Г. А. и другихъ минскихъ грамотѣевъ; во 2-хъ, если даже онъ не могъ разсчитывать на вашъ совѣтъ, то онъ тѣмъ болѣе долженъ былъ пригласить васъ, чтобы вы, какъ люди молодые, неопытные, могли извлекать для себя пользу отъ умныхъ бесѣдъ старшихъ. О подвигахъ и неудачахъ нашего вѣчно странствующаго раввина я уже зналъ прежде; изъ вашего письма видно, что его еще нѣтъ въ Минскѣ, а между тѣмъ мнѣ разсказали, что онъ уже выѣхалъ изъ Новогрудка. Должно быть, что онъ остановился гдѣ нибудь на дорогѣ—дать концертъ.

Когда вы пріѣдете въ Вильно? Начались-ли у васъ экзамены? Да, когда вы соберетесь въ дорогу, прошу васъ взять у Як. Алек. (Брафмана) его портретъ. Кстати поклонитесь ему. Также поклонъ Г...амъ, Маріи, Брайнелъ и Гитлъ Э. и Блюмкѣ С. Какъ онѣ поживаютъ?

Вашъ Л. Леванда.

24 окт. 1861 г.

Вы угадали, слова моего предыдущаго письма дѣйствительно имѣли цѣлью внушить вамъ хоть сколько нибудь мужества. Но такъ-какъ вы увѣряете меня, что вы сами не упали духомъ, то это неописанно меня радуетъ. Теперь къ дѣлу.

[1] Брафмакомъ.

Новый проэктъ, предлагаемый вамъ Я. А. (Брафманомъ), мнѣ совсѣмъ не нравится. Вы не должны соваться къ кому-либо компрометирующими письмами, въ особенности въ настоящее время. Что же касается меня, то Я. А. немножечко солгалъ. Я самъ ничего и ни къ кому не писалъ, а онъ отъ себя писалъ обо мнѣ къ Баж., что я молодой человѣкъ, подающій большія надежды, могущій быть полезнымъ въ добромъ дѣлѣ преобразованія евреевъ. Вотъ и все. Случай хотѣлъ, чтобъ это письмо Я. А. имѣло полный успѣхъ. Дѣйствительно, я ни на минуту не перестаю помышлять объ этомъ добромъ дѣлѣ, которому служу по возможности. Если-бы я не долженъ былъ играть чисто-пассивную роль, то, конечно, плоды моихъ стараній были-бы осязательнѣе. Знаю только то, что исполняю мою миссію охотно и добросовѣстно, при каждомъ удобномъ случаѣ, подвергаясь опасности пріобрѣтать себѣ многихъ враговъ; но не обо мнѣ теперь дѣло.

Князь (попеч. округа) сказалъ на дняхъ, что въ скоромъ времени очистятся для еврейскихъ педагоговъ смотрительскія должности. Должно быть для этой цѣли и вытребовали ваши формулярные списки. Не пугайтесь, что вамъ придется можетъ быть жить въ уѣздѣ, наши губ. города тоже не столицы какія нибудь. А жизнь въ уѣздѣ все таки дешевле, что очень важно въ настоящее дорогое время. Если-бы вы знали какъ скучно и тошно въ Вильнѣ! Скучнѣе тѣмъ болѣе, что отъ большого города и требуешь больше, а послѣдній ничего не представляетъ, даромъ, что платишь въ пять разъ дороже за счастіе жить и скучать не съ нѣсколькими сотнями, а съ нѣсколькими десятками тысячъ людей. Слѣдовательно вамъ нечего пугаться уѣзда, дай только Богъ, чтобы вы получили мѣсто, а тамъ вотъ насчетъ скуки-то предоставьте мнѣ, ужъ не пожалѣю кстати поскучать и за васъ въ столицѣ Великаго Княжества Литовскаго.—Но вотъ новости.

Дочь С. І. Фина на прошлой недѣлѣ въ одно прекрасное утро вздумала и пошла въ монастырь Визитокъ, чтобы принять св. крещеніе. Бѣдный отецъ хлопочетъ, но сомни-

тельно, чтобы успѣлъ въ чемъ нибудь. Дѣвка уже совершеннолѣтняя и твердо держится своего намѣренія. Она знаетъ катихизисъ и молитвы не хуже любой христіанки.

Нашъ добрый Мозесъ Шакольскій пять-шесть недѣль тому назадъ утопился,—по какой причинѣ—неизвѣстно. Мнѣ это разсказалъ одинъ, который пріѣхалъ изъ Ковна.

Я слышалъ, что г. С. Ляховскій возвратился въ Минскъ. Если это правда, то прошу отдать ему мой сердечный поклонъ и писать мнѣ каково ему и что съ нимъ.

С. І. Каценелленбогенъ прислалъ мнѣ для напечатанія свой переводъ басенъ Крылова. Переводъ этотъ я уже отдалъ въ цензуру.

Г. Жаркевичъ, находящійся теперь въ Вильнѣ, перевелъ уже 3 главы изъ „Депо".—Отдайте поклонъ моимъ родителямъ и всѣмъ моимъ друзьямъ. Я слышалъ, что Ам. Р. уже обручена, такъ поздравьте ее отъ моего имени.

Вашъ Леванда.

11-го ноября 1861 г.

Я очень благодаренъ вамъ за ваше послѣднее письмо, въ которомъ вы исчислили всѣ пункты, въ которыхъ я будто провинился противъ Я. А. (Брафмана). Въ письмѣ моемъ къ нему я немножко съ нимъ разсчитываюсь. Чего онъ отъ меня хочетъ? Ему жаль, отчего удалось ему сдѣлать для меня что нибудь? Но пусть онъ утѣшается мыслью, что онъ оказалъ услугу человѣку, положимъ упорному, *неблагодарному*, но все-таки честному. Но пусть онъ утѣшается мыслью, что изъ всѣхъ претендовавшихъ на *лакомый кусокъ*, ему удалось предоставить этотъ кусокъ достойнѣйшему, — это вамъ скажутъ всѣ мои друзья и недруги. Со мною тутъ, слава Богу, всѣ довольны, какъ начальство, такъ и народъ, хотя мой рьянно-либеральный образъ мыслей не есть для послѣдняго тайною. Значитъ, я вполнѣ оправдываю его рекомендацію. Вотъ даже по поводу поѣздки въ Петербургъ тутъ составилась сильная коалиція противъ моего товарища, которая хотѣла формально просить генерала, чтобы былъ отправленъ не Герштейнъ, къ которому они не имѣютъ довѣрія, а я. Но я обезоружилъ заговорщиковъ, объяснивъ имъ всю несообразность такого поступка и они повиновались мнѣ. Чего же онъ отъ меня хочетъ? О какомъ это доб-

ромъ дѣлѣ не радѣю я? Если Вильно почему то не обливается водою, то я въ этомъ нисколько не виноватъ. Посмотрѣлъ бы онъ, какъ высшее начальство прилагаетъ всевозможныя старанія, чтобы возвратить одну сбѣжавшую еврейку на лоно отцовской вѣры. Если же онъ подъ добрымъ дѣломъ разумѣетъ вообще благо и преуспѣяніе нашего народа, то пусть онъ на этотъ счетъ будетъ спокоенъ, я дѣлаю все, что могу, въ моемъ пассивномъ положеніи чудесовъ не сдѣлаешь. Что же касается до моихъ литературныхъ трудовъ за послѣднее время, то онъ напрасно видитъ въ нихъ вліяніе Виленской атмосферы. Пусть онъ знаетъ, что я всегда пишу подъ вліяніемъ духа времени, но не какой-либо мѣстности, пишу по собственнымъ побужденіямъ и убѣжденіямъ, но не по чьему-либо наущенію. Пусть онъ все это приметъ къ свѣдѣнію.

— На счетъ молитвенника я былъ въ магазинахъ и только у Бенъ-Якоба нашелъ сидурчикъ маленькаго формата, если вы довольствуетесь миніатюрнымъ форматомъ, то извольте, пришлю. Пишите пожалуйста про ваше теперешнее житье-бытье, которымъ весьма интересуюсь.

Вашъ Леванда.

8 декабря 1861 г.

Ваше долговременное молчаніе, въ особенности не отвѣчаніе ваше и Як. Алек. (Брафмана) на мои послѣднія письма—для меня весьма загадочны, и, разумѣется, сильно безпокоятъ меня. Я уже такъ привыкъ еженедѣльно получать отъ васъ по письму, что отвыкаться отъ этого мнѣ трудно, какъ отъ послѣобѣденнаго отдыха. Или вы больны, или вы лѣнивы, или вы... да развѣ я знаю, что вамъ стало. Довольно того, что я каждую почту посылаю справляться нѣтъ ли писемъ, и вотъ уже мѣсяцъ какъ мнѣ отвѣчаютъ все: нѣтъ, должно быть, что еще не написали. Получили ли вы *сидерль*? Больше не хочу писать, пока не получу отъ васъ письма.

Вашъ Л. Леванда.

17 декабря 1861 года.

На силу-то я дождался наконецъ отъ васъ письма. Напрасно я оправдывалъ васъ передъ Вашими родителями: неумолимый гнѣвъ ихъ не можетъ простить вамъ вашу

быть можетъ невольную непочтительность. Впрочемъ на правду говоря, вы въ самомъ дѣлѣ весьма виноваты. Дѣйствительно, какъ можно такъ долго не писать. Чтоже касается до письма, будто пропавшаго безъ вѣсти, то я имѣю много причинъ думать, что оно принадлежитъ къ тѣмъ историческимъ росказнямъ, въ которыхъ миѳъ и фактъ борятся съ равнымъ успѣхомъ.

...Перейду къ вашему письму. Оно такъ растрепанно, что многое мнѣ въ немъ рѣшительно не понятно, такъ что я не могу не обратиться къ вамъ за объясненіемъ. Видно, что вы въ скоромъ времени оставляете Минскъ, но вы ничего не говорите по какому поводу, на долго-ли? на всегда-ли? Я васъ спрашивалъ каково вамъ теперь тамъ? а вы преспокойно отмалчиваетесь. Далѣе, вы требуете высылки книгъ непремѣнно съ первою почтою, и я опять не понимаю что это за спѣхъ такой, Вилія горитъ, что-ли? Отчего вы до сихъ поръ не просили меня объ этомъ? Неужели вамъ нельзя взять пока у кого нибудь, вѣдь грамм. Ана и словарей пропасть въ Минскѣ, въ каждомъ домѣ вы ихъ найдете. Наконецъ отчего вы не сообщили мнѣ какое впечатлѣніе произвело на Як. Ал. (Брафманъ) мое письмо, на которое я до сего дня не получалъ еще никакого отвѣта? Знать, онъ на меня дуется, не такъ-ли? Вотъ вамъ вопросы, которые возбудились во мнѣ, когда я читалъ письмо ваше, и на которое я отъ васъ требую рѣшительныхъ отвѣтовъ.—Да, я уже давно хотѣлъ замѣтить вамъ, что вы въ письмахъ вашихъ оставляете слишкомъ большія поля, начиная обыкновенно писать вотъ съ какихъ поръ! (оставленъ большой пробѣлъ). Прошу быть впередъ экономнѣе или прилежнѣе.

Можете сообщить кто этимъ интересуется, что затѣваемые domy handlowe уже не состоятся, генералъ препятствуетъ, дай Богъ ему за то здоровье. Наши евреи и безъ того не имѣютъ съ чего жить. Банкротствъ теперь у насъ пропасть. Торговля въ упадкѣ, а кредита вовсе нѣтъ.—Сидерлъ стоилъ 75 коп. Прошу отдать поклонъ моимъ родителямъ и всѣмъ моимъ друзьямъ, въ особенности Д. Заксу. Я съ удовольствіемъ прочелъ въ „Сіонѣ“, что онъ принимаетъ такое дѣятельное участіе въ безплатной школѣ.

Вашъ Л. Леванда.

2 января 1862 года.

Во первыхъ—съ новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ честь имѣемъ поздравить. Желаемъ вамъ новаго счастья тѣмъ болѣе, что истекшій годъ такъ и порядочно насолилъ вамъ, слѣдовательно ваше старое счастіе—дрянь, словно разорванная пара сапоговъ, которую слѣдуетъ перемѣнить на новую, цѣлую.

Письма ваши и по почтѣ и чрезъ г. Сакера—я получилъ. Оправданія ваши принимаю на вѣру, а порученіе исполню. Г. Сакеръ намѣренъ съѣздить въ Вилькомiръ, на возвратномъ же пути онъ заберетъ съ собою ваши книги.

Изъ Петербурга я на дняхъ получилъ хорошія вѣсти, именно, правительство опять заинтересовалось евреями и серьезно думаетъ о дарованіи имъ многихъ правъ. На счетъ полноправности докторовъ медицины, магистровъ и кандидатовъ прочихъ факультетовъ уже состоялось Высочайшее повелѣніе. Объ окончившихъ же гимназическій курсъ, какъ слышно, разсуждаютъ теперь въ Государственномъ Совѣтѣ. Кромѣ того, судьба еврейскихъ училищъ составляетъ теперь главный предметъ преній Раввинской Коммиссіи. Можно надѣяться, что правительство опять серьезно примется за нихъ. Классы къ первымъ разрядамъ будутъ вѣрно прибавлены. Однимъ словомъ тяжкій кризисъ уже прошелъ и теперь можно надѣяться на перемѣны къ лучшему. Дай Богъ, чтобы надежды не обманули насъ опять. При всемъ томъ, я однакоже совѣтую вамъ не переставать хлопотать о полученіи мѣста при эксплоатаціи желѣзной дороги. Это будетъ почетнѣе, лучше и выгоднѣе.

Новый годъ я встрѣчалъ въ веселомъ кругу акцизной молодежи. Случилось такъ, что я не могъ отказаться отъ приглашенія. Жрали, какъ быки, лились шампанскимъ и наговорили мнѣ тысячу любезностей. Szkoda, braciszku, że ciebie tam ni było. Кромѣ того мнѣ на этой недѣлѣ предстоитъ выдержать двѣ свадьбы въ одинъ день: у дочери Ш. и у М. На новый годъ я пока не имѣю жаловаться, началъ я его весело, пирушкою, а сегодня я получилъ два письма изъ Петербурга и Одессы, которыя тоже доставили мнѣ удовольствіе, первое своимъ содержаніемъ, о которомъ я уже говорилъ, а во второмъ редакція „Сіона“ жалуется отчего

я помѣстилъ „Частный урокъ“ въ „Гакармелѣ“, а не въ ихъ изданіи, и спрашиваютъ чѣмъ они могли обидѣть меня. Значитъ они дорожатъ моимъ гусинымъ перомъ, а что не лестно ли это? Такъ какъ я не имѣю ни подруги, ни друга, кромѣ васъ, то я раздѣляю мои радости съ вами, если только вы намѣрены принимать въ нихъ участіе, въ чемъ я впрочемъ не сомнѣваюсь.

При первыхъ разрядахъ пока не положено быть медикамъ. Отдайте поклонъ моимъ, мнѣ теперь некогда писать, я долженъ написать сегодня 5 писемъ.

Вашъ Л. Леванда.

31 января 1862 г.

Я такъ долго не писалъ къ вамъ, потому-что все ожидалъ возвращенія г. Сакера изъ Петербурга. Теперь вы при семъ получите требуемыя книги, кромѣ l'Israelite, котораго я не нашелъ въ здѣшнихъ магазинахъ.

Теперь поговоримъ о дѣлахъ.

Какъ вы себя чувствуете послѣ обнародованія Высочайше дарованныхъ евреямъ правъ? Что вы намѣрены дѣлать?— Давать уроки или сдѣлаться студентомъ? Ожидать гражданскихъ правъ или имѣть ихъ? Пишите мнѣ пожалуйста о вашихъ намѣреніяхъ. Что-же касается меня, то, говорю вамъ en secret, мнѣ очень и очень хочется подать въ отставку и сдѣлаться студентомъ. На чисто-еврейскомъ поприщѣ намъ, какъ видно, нечего ожидать; воспитанниковъ раввинскихъ училищъ мѣшаютъ съ грязью, ихъ поставили даже ниже гимназистовъ, благодаря стараніямъ разныхъ благодѣтелей общества, которые, не знаю почему, терпѣть не могутъ ничего училищно-еврейскаго. Слѣдовательно, намъ, т. е. раввинской молодежи пора думать о карьерѣ и пользоваться случаемъ, если не хотимъ оставаться безправными и безденежными жидами. И вотъ, не смотря на то, что моя служба почетная и выгодная, я однакоже сейчасъ отказался-бы отъ нее, если бы я имѣлъ сумму, достаточную на первый годъ существованія. Вы не можете себѣ представить какое угрызеніе совѣсти я теперь ощущаю отчего я до сихъ поръ не успѣлъ собрать по крайней мѣрѣ 300 р. Прибавьте къ этому еще слѣдующее обстоятельство: партію, о которой я съ вами говорилъ, опять стали предлагать мнѣ

и, какъ видно, она очень выгодная партія. Но что мнѣ дѣлать? На что мнѣ рѣшиться? Заключить партію и служить, пока служится, или плюнуть на все и перейти въ другой кругъ? Скажите, посовѣтуйте! какъ *вамъ* кажется? Я теперь душевно такъ боленъ, что потерялъ способность хладнокровно мыслить, взвѣшивать. Дѣйствительно, каково это: 8 лѣтъ служилъ, страдалъ, скучалъ, учился и облѣнился, а теперь вдругъ помолодѣть и начать жизнь на ново. А это необходимо, если я не хочу, чтобы я черезъ 5—6 лѣтъ очутился позади всѣхъ тѣхъ, которые будутъ обладать университетскими дипломами, которые дадутъ больше правъ, нежели вся моя образованность и творчество. Съ нетерпѣніемъ ожидаю возвращенія Герштейна изъ Петербурга, чтобы потолковать съ нимъ о нашихъ дѣлахъ, тогда мнѣ, быть можетъ, возможно будетъ принять рѣшительное намѣреніе.

Что сказалъ вамъ князь? Что онъ обѣщалъ Г., отъ котораго онъ передъ отъѣздомъ получилъ письмо, въ которомъ онъ просилъ его едва-ли не о птичьемъ молокѣ. Каковы ваши отношенія къ Як. Ал. (Брофману)? Я уже давно съ нимъ не переписываюсь. Нѣсколько дней гостилъ у меня Б. Бѣдный человѣкъ! Онъ мучится въ Лидѣ. Здѣсь онъ выхлопоталъ себѣ заимообразно треть жалованья. И онъ намѣренъ удрать въ университетъ. Пишите пожалуйста подробно. Извините за безалаберность письма. Мнѣ скучно и грустно.

Вашъ Л. Леванда.

24 февраля 1862 г.

О себѣ и моихъ намѣреніяхъ я не буду говорить, потому-что я все еще нахожусь въ норѣшимости, въ головѣ моей все еще хаосъ. И да и нѣтъ пока у меня на одной степени. Я выжидаю, чего?—самъ не знаю, но инстинктъ говоритъ мнѣ, чтобы обождалъ своимъ рѣшеніемъ, и на этомъ основаніи я отказался отъ другой партіи, которую предлагаютъ мнѣ изъ Херсона.

Поговоримъ лучше о Васъ.

По моему мнѣнію, еслибы Вы могли переселиться въ Ковно, хоть на время, было-бы очень хорошо. Это расшевелило-бы Васъ и возбудило-бы энергію: кислѣть въ Минскѣ— nie sposob. Въ Вашей-же волѣ будетъ отказаться отъ службы, когда Вамъ будетъ угодно, когда вы уже достаточно

будете подготовлены какъ въ научномъ, такъ и пекунярномъ отношеніи. Слѣдовательно, если Вамъ возможно будетъ получить мѣсто при желѣзной дорогѣ, то съ Богомъ маршъ въ Ковно. Впрочемъ, если въ Минскѣ ожидаютъ Васъ отъ уроковъ золотыя горы, то не совѣтую вамъ мѣнять золото на желѣзо. Я же не знаю вашихъ обстоятельствъ, хоть я тысячу разъ просилъ Васъ писать мнѣ о нихъ. Какъ-бы то ни было приготовляться къ экзамену Вы должны, дабы за этимъ не было остановки. Съ нѣкоторыхъ предметовъ Васъ вѣрно будутъ спрашивать. Я любопытенъ знать, что совѣтуетъ Вамъ Як. Алек. (Брафманъ).

Это Вы изволили разсказать моимъ родителямъ о предлагаемой мнѣ партіи? Представьте себѣ, они знаютъ это дѣло со всѣми подробностями, хоть я ни слова не писалъ имъ объ этомъ. Я не хотѣлъ, чтобы они знали до окончательнаго рѣшенія. Теперь, разумѣется, пойдутъ разспросы что? какъ? когда?, которые будутъ для меня несносны, ибо мнѣ невозможно будетъ объясниться съ родителями откровенно, потому что они моихъ резоновъ не поймутъ. Впередъ прошу Васъ быть осторожнѣе съ сообщаемыми Вамъ свѣдѣніями, дабы не надѣлать Вамъ лишнихъ хлопотъ. Я довѣряю Вамъ, какъ второму я. Даже брату я только въ первый разъ писалъ на дняхъ объ этой партіи и то потому, что я и отъ него требую совѣта касательно университета.

Отъ Николая Андреевича [1] я получилъ на дняхъ письмо, портретъ и нѣсколько стихотвореній. Сегодня пишу ему тоже. Прошу васъ писать мнѣ откровенно, что это за человѣкъ? Могу-ли я смѣло подать ему дружескую руку? Вы же знаете, что я очень разборчивъ въ этомъ отношеніи. Я о немъ хорошаго мнѣнія, но, видите-ли, Бомштейнъ отозвался о немъ не очень выгодно, посему я опасаюсь завести съ нимъ переписку, въ которой я, какъ вамъ извѣстно, люблю иногда выразить свое мнѣніе о разныхъ вещахъ свободно и откровенно. Посему прошу васъ сообщить мнѣ съ какимъ человѣкомъ я имѣю дѣло? Вы этимъ весьма обяжете меня.

Я началъ писать новую повѣсть подъ названіемъ „Недожаренный". Работа идетъ, по моему мнѣнію, довольно успѣш-

[1] Виноградовъ, офицеръ, литераторъ и нашъ общій другъ. И. З.

но, надѣюсь окончить ее до Пасхи. Для простыхъ евреевъ она не будетъ имѣть никакого интереса, потому-что эта повѣсть—не картины евр. быта, а психологическій этюдъ, который поймутъ только образованные. Впрочемъ тамъ будутъ и сцены для такихъ читателей, какъ Мейшке Ф. и другіе.

Вашъ Л. Леванда.

P. S. Поклонъ Якову Александровичу (Брафману). Собираюсь писать къ нему на дняхъ.

19 марта, 1862 г.

... На счетъ вступительнаго экзамена я получилъ письмо изъ Москвы, что можно или даже нужно держать его въ какой угодно гимназіи и получить свидѣтельство о способности слушанія профессорскихъ лекцій. Аттестатъ служитъ только на одинъ годъ. Впрочемъ до августа мѣсяца университетскій уставъ можетъ еще перемѣниться.

Герштейна еще нѣтъ изъ Петербурга, а посему на счетъ себя еще рѣшительно ничего не знаю.

Г. Назимовъ [1] хлопоталъ въ Петербургѣ на счетъ нѣкоторыхъ правъ для воспитанниковъ раввинскихъ училищъ. Предъ отъѣздомъ я подалъ ему объ этомъ докладную записку; кажется, что нибудь перепадетъ и на нашу долю. Даже Раввинская Коммисія взглянула на насъ какъ-то дружелюбнѣе и она проситъ, чтобы воспитанниковъ раввинскаго училища сравняли по крайней мѣрѣ съ гимназистами.

Вотъ вамъ всѣ новости. Не пишу больше, потому что мнѣ теперь некогда. Въ слѣдующій разъ напишу всѣ четыре страницы.

Вашъ Л. Леванда.

6 апрѣля 1862 г.

Вы полагаете, что я не знаю, какъ я виноватъ передъ Вами и Вы ужасно ошибаетесь. Если-бы Вы знали какія угрызенія совѣсти я имѣю!... Но присовѣтуйте что мнѣ дѣлать съ моею подлою лѣностью, которая, дѣлая на меня свой періодическій набѣгъ, превращаетъ меня въ человѣка неблагодарнаго, вялаго и чортъ знаетъ еще какого. Вотъ до окончанія моей повѣсти остается еще одна глава, а между

[1] Виленскій генералъ-губернаторъ. А. Л.

тѣмъ я уже нѣсколько недѣль сижу сложа руки, потому что нѣтъ вдохновенія, т. е. есть лѣность. Посему прошу не судить и не осуждать меня: съ моею слабостью не совладать мнѣ.

Удивляюсь отчего Вы въ вашемъ послѣднемъ письмѣ ничего не упомянули о себѣ, какъ и что съ Вами, Ваши намѣренія и стремленія. Я слышалъ стороною, что Вы уже успѣли охладѣть къ университету, правда-ли это? Что же Вы намѣрены дѣлать? Неужели Вы согласитесь быть штундодавателемъ? Выдача вамъ жалованья уже разрѣшена, Вы уже знаете объ этомъ? Результаты Раввинской Коммисіи я, кажется, сообщилъ Вамъ; но такъ-какъ Вы, вѣроятно, по разсѣянности забыли и опять освѣдомляетесь о нихъ, посему повторяю:

Положили усилить матеріальныя и научныя средства евр. училищъ, возвысивъ ихъ почти на степень прогимназій. Этотъ проектъ поступилъ на разсмотрѣніе Мин. Нар. Просв. и, кажется, будетъ утвержденъ. О нѣкоторыхъ же правахъ для воспитанниковъ раввинскихъ училищъ хлопочутъ генералъ Назимовъ и Раввинская Коммиссія. Вотъ вамъ и все. Что же касается до спеціально-раввинскаго вопроса, то не хочу о томъ распространяться, такъ какъ онъ очень мало до Васъ касается. Впрочемъ въ „Сѣверной Почтѣ“ вскорѣ появится оффиціальная статья, которая доведетъ до свѣдѣнія публики все что ей слѣдуетъ знать. О „Сборникѣ“ при раввинскомъ училищѣ говорили, но уже перестали. Вы спрашиваете что Финъ привезъ изъ Петербурга? Вотъ-что: полуграмотную статейку проф. Мухлинскаго, вялую рѣчь д-ра Неймана, которыя уже помѣщены въ „Гакармелѣ“, далѣе—полное презрѣніе какъ прогрессивной, такъ и отсталой партій, засѣдавшихъ въ Коммисіи и нѣсколько книгъ, пріобрѣтенныхъ имъ на толкучкѣ за очень дешевую цѣну. Онъ, правда, хотѣлъ привезти Высочайшій указъ, чтобы всѣ училища, какъ еврейскія такъ и христіанскія, семинаріи и едва-ли не казармы выписывали его несравненный „Гакармель“, но этотъ указъ какъ-то не уложился въ его чемоданѣ и онъ уѣхалъ безъ него.

Отчего ред. „Сіона“ медлятъ помѣщеніемъ „Недожареннаго“ самъ не знаю. Первыя главы уже давно у нихъ. Но кто знаетъ, быть можетъ, тенденція этой повѣсти не нравится

имъ, потому-что выведенъ на сцену *берлинецъ* [1], которому Соловейчикъ можетъ быть симпатизируетъ. На счетъ нашихъ семейныхъ обстоятельствъ я пишу къ батюшкѣ. Если нужно будетъ я, разумѣется, не замедлю пожаловать въ Минскъ, а пока мое присутствіе тамъ не очень-то необходимо.

Вашъ Л. Леванда.

22 мая 1862 г.

Нужныя бумаги вы, вѣроятно, уже давно получили, слѣдовательно мнѣ не зачѣмъ было безпокоить себя писаніемъ къ вамъ отвѣта, тѣмъ болѣе, когда въ дождливые дни я лежалъ какъ медвѣдь въ своей берлогѣ и лѣнился, а въ наступившіе дни погоды мнѣ совѣстно было не посвящать всего моего досуга прогулкѣ, тѣмъ болѣе, когда я очень хорошо зналъ, что отъ моего отвѣта вамъ не будетъ ни холодно, ни тепло.

М. не Байроновскій, а Виленскій еще ничего не писалъ изъ Петербурга, ибо согласитесь, что любовное письмо къ невѣстѣ не можетъ считаться письмомъ, о которомъ идетъ рѣчь. Какъ только онъ напишетъ что нибудь дѣльное, я не замедлю сообщить вамъ. З. обязался доставлять мнѣ всѣ нужныя свѣдѣнія.

Не знаю отчего и вамъ не воспользоваться драгоцѣнными уроками Югурты (г. Рязанскаго). Мнѣ кажется, что вовсе не мѣшаетъ имѣть отъ него свидѣтельство; черное на бѣломъ играетъ пока первую роль въ нашемъ любезномъ отечествѣ.

Братъ мой уже въ Харьковѣ, но занимается ли онъ приготовленіемъ къ экзамену или осматриваніемъ достопримѣчательностей города—это пока для меня покрыто мракомъ неизвѣстности. Впрочемъ я могу съ достовѣрностью сказать, что онъ фланируетъ, потому что въ письмѣ своемъ онъ что-то намекаетъ о ***вольнослушательствѣ***! недобрый знакъ, не правда-ли?

...Вчера здѣсь былъ проѣздомъ изъ заграницы Евзель Гинцбургъ. Я познакомился съ нимъ у генерала на аудіенціи.

Въ 39 № „Вил. Вѣстника“ помѣщена моя статья, которую вы передъ отъѣздомъ читали въ рукописи. Г. Киркоръ хо-

[1] Свободомыслящихъ евреевъ тогда называли берлинерами. *Л. Л.*

четъ купить у меня „Недожареннаго", но я не могу ни на что рѣшиться, потому что я и по сіе время не получалъ еще отъ ред. „Сіона" никакого письма.

Вотъ вамъ всѣ новости. Пишите мнѣ о ходѣ вашего дѣла. Что подѣлываетъ Бомштейнъ?

Вашъ Л. Леванда.

22 іюня 1862 г.

Уже пора, кажется, отвѣчать вамъ, какъ вы полагаете? Весьма радъ, что вы сдали экзаменъ по одному изъ дополнительныхъ предметовъ; было-бы еще лучше если-бы уже за одно сдали экзаменъ со всѣхъ предметовъ, было-бы по крайней мѣрѣ однимъ хлопотомъ меньше. Мнѣ кажется, что при теперешнемъ настроеніи директора вамъ очень легко было-бы это сдѣлать. М. все еще пишетъ чортъ знаетъ о чемъ. Онъ все еще бродитъ по пепелищу Апраксина двора и выражаетъ свое сердечное соболѣзнованіе о суетѣ міра сего, слѣд. ему не въ пору позаняться чѣмъ нибудь дѣльнымъ. Кто его невѣста? Чуть-ли не бывшая невѣста квадратнаго шара, сирѣчь Р. К., стало быть вы ее знаете. Около 20 іюля вамъ уже нужно вылѣзать изъ вашего логовища и направить свои тяжелыя стопы въ Петербургъ или въ Москву. Въ Петербургѣ въ этомъ году откроется пока физико-математическій факультетъ. Кстати вы еще ничего не сказали мнѣ, какой факультетъ вы выбираете себѣ. Какъ-бы то ни было я бы вамъ совѣтовалъ поѣхать непремѣнно въ Москву. Изъ Петербургскихъ студентовъ, сколько я ихъ знаю, не выдетъ ничего путнаго. Если вы человѣкъ богатый, этакъ въ 3 или 4 тысячи годового доходу и при томъ большой охотникъ до оперы и прочихъ скандаловъ, то сдѣлайте одолженіе, прошу покорно въ Петербургъ; но если вы скромный молодой человѣкъ, каковымъ я васъ знаю, то вы предпочтете Москву, солидную Москву. Моего ш . . . . . . т. е. брата такъ и тянетъ въ столицу мазуриковъ, но я употребляю всю силу моего краснорѣчія, чтобы отклонить его отъ этого намѣренія. Чтоже касается меня, то говорю вамъ по секрету, что я долженъ прибѣгать къ чудовищнѣйшимъ аргументамъ, чтобы не впадать въ отчаяніе отъ недостойнаго порядочнаго человѣка званія ученаго еврея.

Мой „Недожаренный" все еще жарится у г. Соловейчика, отъ котораго я все еще не получаю отвѣта. Отъ нечего дѣлать я продолжаю заниматься англійскимъ языкомъ и началъ писать новую повѣсть. Во время пребыванія въ Вильнѣ Костомарова я имѣлъ честь познакомиться съ этимъ знаменитымъ профес. будучи отрекомендованъ ему г. Киркоромъ. Я имѣлъ удовольствіе побесѣдовать съ нимъ о разныхъ современныхъ вопросахъ, а также и о нашемъ народѣ. Въ продолженіе цѣлой недѣли онъ былъ здѣсь героемъ дня.

Будьте здоровы и счастливы.

Вашъ Л. Леванда.

26 августа 1862 г.

Такъ-какъ по изстари заведенному порядку ничто безъ причины не бываетъ, слѣд. есть причина моего долгаго молчанія. Я такъ долго не отвѣчалъ вамъ на письмо ваше отъ 19 іюля, потому что вопреки всѣмъ правиламъ благопристойности, не говорю уже дружбы, уѣхали, не простившись со мною, словно украли что нибудь да и поминай какъ звали. Даже А—ы, эти... ну словомъ А—ы и тѣ почли долгомъ побывать у меня передъ отъѣздомъ, хоть я всегда былъ съ ними на извѣстной ногѣ. Представьте себѣ, вы уже цѣлыя сутки были въ Петербургѣ и топтали тамошнюю мостовую въ то время, когда я пребывалъ въ блаженномъ чаяніи, что вы обрѣтаетесь еще въ стѣнахъ нашего города. Ваши всячески старались извинять васъ недосугомъ, поспѣшностью отъѣзда и прочими основательными аргументами, но я, разумѣется, слушалъ ихъ краемъ уха, стараясь отыскивать другія причины вашего внезапнаго исчезновенія. Но сказано: чужая душа потемки и на основаніи этой истины мнѣ потомъ не стыдно было, послѣ долгихъ размышленій и комбинацій, смиренно сказать себѣ, что въ вашемъ характерѣ есть много тайнъ, о которыхъ мнѣ никогда не будетъ сниться, помимо того, что я употребляю на сонъ не меньше 10 часовъ въ сутки.

Каково вамъ въ Петербургѣ,—что̀ вы думаете и чувствуете, мнѣ хорошо извѣстно, потому что я, по причинѣ всеобщаго переселенія, имѣющаго наступить въ Михайловъ день, часто вижусь съ будущимъ хозяиномъ моимъ, т. е. братомъ вашимъ, а тотъ показываетъ мнѣ посланія ваши, которыя

по своему тону, содержанію и выраженію, ей Богу дѣлали-бы честь любому члену Японскаго посольства, проживающаго теперь въ Петербургѣ. Да, любезный другъ, взгляды ваши на столицу, если они только искренни, а не поддѣльные, суть истинно Японскіе.

Что за провинціальная сантиментальность! Помилуйте, я бы съ ума сошелъ отъ восторга, если-бы я вдругъ очутился среди полумильона незнакомыхъ, но разнохарактерныхъ лицъ, снующихъ взадъ и впередъ; сколько пищи для воображенія надавать этимъ лицамъ характеры, цѣли, стремленія, страсти по произволу. А вы вздыхаете о провинціальныхъ сомнамбулистахъ. Помилуйте вы же теперь въ настоящемъ свѣтѣ, въ Европѣ, а не въ царствѣ тѣней, избушекъ и соленыхъ огурцовъ. Другое дѣло, если-бы вы терпѣли нужду, но кажется того пока нѣтъ, чего же вы хотите? Незабывайте, вы теперь видите людей—настоящихъ людей, разбойниковъ настоящихъ разбойниковъ, зданія настоящія зданія, музыку—настоящую музыку, богатство—настоящее богатство, а не пародію или слабыя копіи всего этого.

Прощайте.

Вашъ Л. Леванда.

Гдѣ и что Бомштейнъ? Пожалуйста извѣстите.

4 сентября 1862 г.

„Коли бѣда, то до жида".

Поговорка.

Впрочемъ, не тревожтесь моимъ эпиграфомъ: бѣды, пока, благодаря Бога, не случилось никакой; я ни больше, ни меньше нахожусь теперь въ маленькомъ затрудненіи, нахожусь, такъ сказать, въ положеніи Гамлета съ неизбѣжнымъ вопросомъ, сдѣлавшимся, не знаю почему, классическимъ— to be, or not to be (быть или не быть)... Знаете-ли чѣмъ?... Редакторомъ! Да, чортъ возьми, именно редакторомъ; а что, вы уже отдохнули?... Дѣло вотъ въ чемъ: по прекращеніи „Сіона", Финъ возымѣлъ мысль превратить извѣстное всѣмъ и каждому приложеніе къ „Гакармелю" въ самостоятельный органъ въ 1 листъ, долженствующій выходить подъ моимъ непосредственнымъ завѣдываніемъ. Условія слѣдующія: 1 листъ еженедѣльно, въ форматѣ „Iutrzenki"; подписная цѣна 3 р. въ годъ, съ пересылкою по почтѣ 5 р. Ти-

пографскіе расходы, до увеличенія матеріальныхъ средствъ редакціи, Финъ беретъ на себя, затѣмъ остатокъ, за исключеніемъ вознагражденія постоянному сотруднику Волю, принадлежитъ мнѣ. Значитъ капиталомъ я не рискую никакимъ, а только своимъ временемъ и трудомъ. Какъ вы полагаете, дѣло-ли это? Многіе предсказываютъ мнѣ успѣхъ, многіе же, разумѣется, говорятъ противное. Какъ вы полагаете? Вѣдь и вы же не сапожникъ. Стóитъ-ли рисковать трудомъ, можно-ли надѣяться на его вознагражденіе? Да, не забывайте и того пункта, что это занятіе освободитъ меня отъ скуки, въ которыя я впадаю по причинѣ бездѣйлѣнія и хандры, въ которыя я впадаю по причинѣ бездѣйствія и безцѣльнаго существованія на свѣтѣ. Пожалуйста, обдумайте все это и пишите мнѣ ваше мнѣніе, откровенно и безпристрастно, вѣдь никто не знаетъ меня такъ хорошо, какъ вы. Я говорю это въ отношеніи того, что будетъ-ли это предпріятіе по моимъ силамъ. Извѣстите меня тоже, не слышно-ли чего-нибудь о возобновленіи изданія еврейскаго журнала въ Петербургѣ? Мнѣ это нужно знать прежде всего.

Дѣло объ училищахъ мнѣ уже давно извѣстно, я узналъ о немъ подробно изъ оффиціальныхъ источниковъ, такъ какъ это дѣло происходитъ теперь не за кулисами, а открыто, оффиціально. Педагогическій Совѣтъ раввинскаго училища изготовляетъ теперь категорическій отвѣтъ на всѣ хитро-мудро-сплетенныя мнѣнія „ревнителей просвѣщенія". Кромѣ того, еврейскія училища имѣютъ въ Петербургѣ неутомимаго ходатая, имени котораго не имѣю права сообщить вамъ.

„Недожаренный" въ исправленномъ видѣ переписывается теперь на бѣло. Когда онъ мнѣ не понадобится для „Гакармеля", то непремѣнно перешлю къ вамъ для помѣщенія въ какомъ нибудь журналѣ. Но пишите, не можете-ли отыскать издателя для „Депо"? Дешево отдамъ, да и вамъ не пожалѣю куртажа за хлопоты. Чтожъ, вѣдь рука руку моетъ. Если вы согласны, то перешлю вамъ переплетенный экземпляръ „Депо".

Отъ Як. Ал. (Брафмана) я не получаю ни одной строчки, я къ нему писалъ, но онъ не отвѣтилъ еще. Зато Николай Андреевичъ (Виноградовъ) не даетъ мнѣ спуску, онъ-то и дѣло пишетъ.

Объ А...хъ слышно, что старшій получилъ урокъ въ 25 р.

въ мѣсяцъ, слѣдовательно онъ обезпеченъ, если не умреть съ голоду до второй тысячи.

Я остался на прежней квартирѣ, вашъ братъ водилъ, водилъ меня, пока я почелъ нужнымъ остаться на старой квартирѣ, нежели переѣхать на новую, т. е. на улицу.

Вашъ Л. Леванда.

14-го ноября 1862 г.

Кругосвѣтное путешествіе, совершенное письмомъ моимъ отъ 4-го сентября, будетъ служить мнѣ урокомъ—впередъ не довѣрять моихъ писемъ обязательнымъ лицамъ, аккуратность которыхъ больше чѣмъ сомнительна. Вотъ, что значитъ предположеніе смертнаго! Отвѣчая вамъ въ тотъ же день, въ сію же минуту по полученіи вашего письма, я не только предполагалъ, но твердо надѣялся, что получу отъ васъ тысячу благодарностей за мою похвальную исправность, а вышло чортъ знаетъ что: и упреки, и жалобы, и подозрѣнія. Да разсудитъ Богъ между нами. Молчалъ же я *благоразумно* слишкомъ два мѣсяца по той простой причинѣ, что ни я, ни ваши родные не знали гдѣ вы обрѣтаетесь: въ Петербургѣ или Москвѣ, такъ какъ слухи ходили на вашъ счетъ разные, а отъ васъ ни малѣйшей вѣсточки. Куда же мнѣ было адресоваться? Притомъ я не терялъ надежды, что сегодня-завтра получу отъ васъ посланіе. Что же касается упрековъ вашихъ въ равнодушіи къ судьбѣ вашей, то вмѣсто долгихъ и скучныхъ объясненій, скажу вамъ коротко: что не имѣй я скверной привычки живо интересоваться судьбою не только близкихъ мнѣ людей, но даже добрыхъ знакомыхъ, я былъ бы гораздо здоровѣе, довольнѣе и счастливѣе. Если же я не люблю предаваться нѣжнымъ изліяніямъ, то это потому, что природа создала меня не сообщительнымъ. Пеняйте же на природу, а не на меня, потому-что пеняя на меня, вы дѣлаете мнѣ большую несправедливость.—Перейдемъ теперь къ дѣламъ.

Дѣло объ „Гакармелѣ“ подвигается впередъ, хотя немножко медленно по той причинѣ, что князь [1] взглянулъ на нашъ проектъ, какъ на нѣчто новое, требующее разрѣшенія высшихъ инстанцій. До сего дня онъ наводилъ

[1] Ширинскій Шихматовъ, поп. Вил. учебн. округа. *А. Л.*

справки въ Вильнѣ же, а завтра отправляетъ представленіе къ министру. Впрочемъ, не полагайте, чтобы онъ хотѣлъ мѣшать намъ, напротивъ, онъ очень радъ нашему предпріятію и обѣщаетъ свое содѣйствіе. Отъ исключительнаго вліянія г. Фина я обезпечилъ изданіе учрежденіемъ ред. совѣта изъ гг. Х. Л. Каценленбогена, Штейнберга, Герштейна, Воля и моей особы, совѣта, долженствующаго рѣшать по большинству голосовъ наши споры по поводу тенденцій статей. Теперь я занятъ исключительно приглашеніемъ сотрудниковъ. Я разослалъ письма въ разныя стороны и ожидаю отвѣтовъ. Само собою разумѣется, что я и васъ приглашаю въ сотрудники. Если у васъ есть что нибудь на готовѣ, то пришлите, будемъ очень рады. Я писалъ къ гг. Рабиновичу и Соловейчику; увидимъ, что они мнѣ отвѣтятъ.

Всѣ предсказываютъ намъ успѣхъ, тѣмъ болѣе, что цѣна журналу назначена весьма умѣренная—3 р. съ пересылкою 4 р. 50 к. и что намъ уже нечего бояться конкурренціи изъ Петербурга. Тамошніе первостатейные негоціанты (гг. Гинцбургъ, Розенталь и др.) порѣшили, что если мы предпринимаемъ изданіе, то они не только не будутъ мѣшать, но готовы даже содѣйствовать намъ.—Прошу повидаться съ г. Банкомъ, засвидѣтельствовать ему мое почтеніе и передать ему, что намъ весьма желательно имѣть его сотрудникомъ. О подробностяхъ изданія онъ можетъ освѣдомиться у г. Гордона [1], къ которому я написалъ на прошлой недѣлѣ. Кстати поторопите г. Гордона, чтобъ онъ скорѣе отвѣчалъ мнѣ.— Съ нетерпѣніемъ ожидаю плана, который вы имѣете предложить мнѣ и соображеній о „Депо“. Ради Бога, пристройте послѣднее какъ нибудь, потому что финансы мои въ ужасномъ разстройствѣ, несмотря на то, что финансовый портфель Франціи теперь въ рукахъ чародѣя Фульда. Какой онъ чародѣй, когда карманы мои всетаки пусты.

Л. Леванда.

1-го декабря 1862 г.

Я опоздалъ немножко отвѣтомъ, потому что я былъ занятъ такъ сказать по редакціи, т. е. писаніемъ писемъ къ

[1] А. О. Гордонъ, братъ поэта, извѣстный цивилистъ—былъ сотрудникомъ „Разсвѣта“ и „Сіона“. *А. Л.*

нашимъ будущимъ сотрудникамъ, изъ которыхъ многіе уже прислали свои отвѣты, болѣе или менѣе положительные. Все идетъ, кажется, какъ слѣдуетъ: 17 ноября отошло представленіе въ Петербургъ, въ 16 № „Гакармеля“ возвѣщено публикѣ о предстоящемъ преобразованіи, даже въ „Совр. Словѣ“ и „Биржевыхъ Вѣдомостяхъ“ появился краткій, но очень лестный отзывъ о предпринимаемомъ нами дѣлѣ. Кому я долженъ быть обязанъ этимъ отзывомъ, мнѣ неизвѣстно. Въ газетѣ сказано только, что *слышно*. Но въ это *слышно* вкралась ошибка, будто „Сіонъ“ возобновленъ и съ новаго года будетъ выходить въ Вильнѣ подъ моею редакціею. Или референтъ говоритъ это вообще о еврейскомъ органѣ, чѣмъ „Гакармель“, надѣюсь, дѣйствительно и будетъ? Впрочемъ это все равно.

Я вполнѣ согласенъ съ вами, что неловко пригласить г. Банка въ сотрудники черезъ посредство третьяго лица. Самому же мнѣ писать къ нему тоже неловко: я же его не знаю, т. е. силъ его и средствъ. Мнѣ рекомендуютъ его изъ Петербурга; но какъ мнѣ знать способенъ-ли онъ быть сотрудникомъ еврейскаго журнала, помимо того, что онъ, можетъ быть, прекраснѣйшій человѣкъ и, пожалуй, даже специалистъ по юриспруденціи или медицинѣ. Скажу, какъ вы сказали: если онъ раскуситъ направленіе журнала и съумѣетъ написать что нибудь, такъ напишетъ. Слѣдовательно, мнѣ остается возложить это дѣло какъ и многое прочее на волю Провидѣнія. Впрочемъ, такъ какъ вы стоите съ нимъ, т. е. съ г. Банкомъ, а не съ Провидѣніемъ, на очень короткой ногѣ, то не мѣшало бы, если бы вы стороной поговорили съ нимъ о нашемъ дѣлѣ и узнавали его мнѣніе.

Душевно благодаренъ за планъ вашъ, которымъ постараюсь воспользоваться, разумѣется, нѣкоторое время спустя. Мнѣ, видите-ли, необходимо прежде знать, сколько времени отъ меня потребуетъ веденіе журнала, а этого я не могу знать раньше марта или апрѣля наступающаго года. Нужно же вѣдь знать мнѣ, возможно-ли мнѣ будетъ гнаться за двумя зайцами. Какъ истый еврей, я готовъ погнаться, пожалуй, и за цѣлою стаею зайцевъ, но вопросъ будетъ-ли на то физической возможности. Слѣдовательно, вы не должны пенять на меня, если я сейчасъ и не приступаю къ выполненію вашего плана, о которомъ я уже давно думалъ и не

перестану думать, а принимаю его только къ свѣдѣнію. Вторично благодарю васъ за доставленныя мнѣ интересныя свѣдѣнія о юридическомъ факультетѣ, свѣдѣнія, которыхъ я напрасно доискивался бы у нашихъ добрыхъ братьевъ, несмотря на ихъ глубокое уваженіе къ моей личности. Знаю я потомковъ добродушнаго Іакова.

„Депо“ перешлю къ вамъ на дняхъ. Предисловіе напишу послѣ, когда вы отыщете издателя. Только смотрите, чтобы васъ не провели. Мнѣ опять предлагаютъ партію, но все еще не хочется, боюсь.—Отчего вы мнѣ ничего не пишите объ А—хъ, Б. и о вашихъ собственныхъ дѣлахъ? Зарабатываете ли что нибудь?

Вашъ Л. Леванда.

6 января 1863 г.

Поздравляя васъ съ новымъ годомъ и желая вамъ счастья, честь имѣю увѣдомить, что не о чемъ извѣстить васъ-все обстоитъ, пожалуй, благополучно, т. е. по старому. Разрѣшенія на изданіе „Гакармеля“ мы еще не получили и это потому, что (какъ гласитъ оффиціальная бумага) ожидаютъ на дняхъ обнародованія новаго цензурнаго устава, который поставитъ періодическія изданія въ совершенно другія условія. Слѣдовательно нужно ждать. Какъ ни непріятна для меня эта проволочка, я покоряюсь однако-же необходимости и стараюсь увѣрить себя, что это къ лучшему. Быть можетъ я и не ошибаюсь: получи я разрѣшеніе 3 мѣсяцами прежде, я былъ-бы новичкомъ изъ новичковъ и было-бы худо. Теперь же, хоть я и не могу похвалиться опытностью, всетаки набилъ немножко руку. Время, предшествующее первому выпуску нашего журнала, употребляется мною на обдумываніе моей роли, изученіе юдаизма и вербовку сотрудниковъ. Предчувствую (а мое предчувствіе, какъ вамъ извѣстно, имѣетъ нѣкоторыя претензіи) предчувствую, что я нечаянно-негаданно, безъ большихъ хлопотъ и усилій сдѣлаюсь что называется редакторомъ, равно какъ я сдѣлался *ученымъ евреемъ*. Счастье-ли везетъ, не знаю. Иду, куда толкаетъ меня судьба или обстоятельства. Вы не можете себѣ представить какія поощрительныя письма получаю отвсюду даже отъ такихъ, которыхъ я вовсе не знаю. Вѣсть о моемъ предпріятіи принимается почти вездѣ съ такою радостью, съ которой мы

три года назадъ получили извѣстіе о „Разсвѣтѣ“. Даже закаленные гебраисты штурмуютъ Фина, чтобы онъ поспѣшилъ обѣщаннымъ преобразованіемъ „Гакармеля“. Какъ ни непріятны г. Фину такія заявленія со стороны его же сотрудниковъ и корреспондентовъ, которые, о, позоръ! желаютъ другого изданія помимо того, что существуетъ несравненный „Гакармель“, политическое обозрѣніе котораго, какъ онъ не разъ имѣлъ безстыдство сказать мнѣ, дѣлало-бы честь любой европейской газетѣ и чуть ли не „Times“, онъ однакоже тоже не прочь поспѣшить изданіемъ, ожидая отъ него многихъ матеріальныхъ благъ.

Что съ „Депо“? Нашли-ли покупщика. Не забывайте, однимъ изъ условій должно быть мнѣ 100 экз. для раздачи друзьямъ и знакомымъ. Отчего г. Эм. Леванда не постарается для васъ урока или вамъ неловко просить? Но въ вашемъ положеніи не слѣдуетъ пренебрегать ни чьею услугою. Стыдно только красть, но просить никогда не стыдно.

Поклонитесь г. Левандѣ отъ моего имени.

Вашъ Леванда.

16 января 1863 г.

Вамъ угодно знать мои условія?—Извольте: 6000 рублей. Но такъ-какъ издатели-мошенники, вѣроятно, не согласятся на такую крайнюю цѣну, то вотъ вамъ другую крайнюю цѣну: 300 руб. и 100 экземпл. за одно изданіе. Впрочемъ, я уже писалъ, что я вполнѣ полагаюсь на васъ; заключите торгъ по вашему собственному усмотрѣнію. Я въ претензіи къ вамъ не буду—вотъ и всѣ мои условія.

Главное, чтобы вы не слишкомъ медлили сдѣлкою, потому что деньги нужны мнѣ теперь до зарѣзу. Правда, я третьяго дня выигралъ въ „66“ 40 коп. сер., но къ сожалѣнію, и эта сумма не хватаетъ на мои потребности.

Новостей нѣтъ никакихъ, развѣ только то, что поляки пошаливаютъ немножко, о чемъ вѣроятно извѣстно и вамъ изъ газетъ. Въ нашемъ же городѣ пока тихо, смирно и до невѣроятія скучно.

Вашъ скучающій другъ Л. Леванда.

9 марта 1863 г.

Какъ бы то ни было, я всетаки долженъ просить извиненія за напрасныя хлопоты, которыя вы имѣли по поводу

моего несчастнаго „Депо“. Я же впередъ долженъ былъ бы догадаться, что теперь вообще не время для подобныхъ публикацій, а Москва не мѣсто. Такъ и быть, пусть книга моя лежитъ подъ спудомъ до болѣе удобнаго времени. Я имѣю предчувствіе или не теряю надежды, что „Депо“ когда нибудь да сдѣлаетъ себѣ карьеру. Прошу васъ только не потерять находящагося у васъ экземпляра.

Мысль о „еврейскомъ органѣ“ тоже принадлежитъ къ прекраснымъ, но не сбывшимся мечтамъ. Мнѣ теперь очень легко было бы выхлопотать себѣ самостоятельный журналъ, тѣмъ болѣе, что матеріальныя средства уже давно въ рукахъ моихъ [1], но я самъ отказался отъ этого, будучи убѣжденъ, что теперь не время, а Вильно не мѣсто для подобныхъ предпріятій.

Когда вы пріѣдете на каникулы, тогда вы, познакомившись съ разными обстоятельствами, о которыхъ не ловко писать, поймете правъ-ли я. Не штука вѣдь гоняться затѣмъ, что для тебя выгодно, а штука умѣрить эгоизмъ, дабы не было обиды для другихъ. Вы не понимаете этого темнаго намека?—тѣмъ лучше.

Мнѣ весьма хотѣлось бы познакомиться съ нѣкоторыми предметами вашего факультета, дабы не быть профаномъ въ такихъ наукахъ, которыя теперь у всѣхъ на языкѣ, но чтожъ дѣлать, когда средства не позволяютъ мнѣ обзавестись необходимыми книгами и учебниками? Посему вы весьма обяжете меня, когда, отправляясь въ Вильно, вы захватите съ собою нѣсколько учебниковъ и записокъ, которыя я успѣю прочесть во время вашего пребыванія въ Вильнѣ. Авось къ этому времени обстоятельства перемѣнятся и я буду въ состояніи обзавестись всѣмъ этимъ. Вы же вѣроятно имѣете кой-какіе учебники.

О вашемъ прошеніи я еще не наводилъ справокъ, потому что генералъ сказался больнымъ, а правитель канцеляріи въ канцелярію не ходитъ. Но будьте спокойны, когда вы къ сроку не получите разрѣшенія, то напишите мнѣ, тогда я самъ войду къ генералу съ запискою и выпрошу васъ на мое поручительство.

Вашъ Л. Леванда.

[1] Г. Гинцбургъ былъ такъ вѣжливъ, что при первомъ извѣстіи о моемъ предпріятіи прислалъ мнѣ 600 р. которые отошлю ему на дняхъ.

25 сентября 1863 г.

Вашъ батюшка уѣзжая на вторые дни праздника въ Жагоры, поручилъ какому-то мальчику спросить меня отъ вашего имени, получилъ-ли я отъ васъ письмо съ приложеніемъ какого-то № „Сѣв. Пчелы“? Не получивъ отъ васъ ни письма, ни нумера газеты и не понимая въ чемъ тутъ дѣло, такъ какъ я вчера напрасно перерылъ всѣ нумера „Сѣверной Пчелы“ за этотъ мѣсяцъ и разспрашивалъ вашу сестрицу, не знаетъ-ли она чего нибудь на этотъ счетъ,—покорнѣйше прошу васъ разрѣшить мое сомнѣніе письмомъ непремѣнно черезъ почту, а не черезъ оказію, которая не всегда достигаетъ цѣли. Если вы хотѣли указать мнѣ на какую-то статью, помѣщенную въ „Сѣверной Пчелѣ, то вы бы могли указать мнѣ нумеръ. Если же вы хотѣли возвратить что нибудь кабинету для чтенія, то за вами, кажется, не считается ничего: я вчера справлялся по книгѣ. Теряюсь въ догадкахъ [1].

Вашъ Л. Леванда.

10 ноября 1863 г.

„Кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ“,—говорю и я, тѣмъ болѣе, что я не чувствую себя теперь расположеннымъ къ полемикѣ. Кто-бы ни былъ изъ насъ правъ или виноватъ, довольно того, что мы помирились и баста. Приступаю теперь къ удовлетворенію вашего любопытства по части моего житья-бытья.

Что вамъ сказать о моемъ житьѣ-бытьѣ? Вы развѣ мало его знаете? Мнѣ, какъ видно, на роду написано, въ физическомъ отношеніи никогда не терпѣть нужды, т. е. имѣть все, чего требуетъ мое хилое тѣло; но за-то въ духовномъ, нравственномъ отношеніи—никогда не переставать терзаться,

[1] Рѣчь идетъ вѣроятно о какомъ-нибудь № „Пчелы“, въ которомъ помѣщена была какая нибудь работа И. С. Залькинда. Пишущій эти строки состоялъ тогда сотрудникомъ „Сѣв. Пчелы“ и былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ редакторомъ ея покойнымъ Павломъ Степановичемъ Усовымъ, которыми онъ воспользовался для того, чтобы доставлять литературныя работы своимъ товарищамъ по университету, И. С. Залькинду и Д. Л. Слономскому, впослѣдствіе писавшему свои замѣчательныя фельэтоны въ „Хроникѣ Восхода“ подъ псевдонимомъ Петръ Шлемиль. А. Л.

тревожиться, быть вѣчно недовольну собою, свѣтомъ и людьми, и я неоднократно взываю съ покойнымъ Сырокомлою:

Och! gdyby tylko jeden dar Boży:
Spokojność duszy!..

Отчего же душа моя неспокойна?—Богъ ее знаетъ. Кажется, большихъ неудачъ и испытаній въ жизни я не имѣлъ: откуда же та грусть, горечь, тоска и все прочее? Не съумѣете-ли вы разгадать эту тайну: моя душа, кажется, для васъ не потемки.

Уже два мѣсяца, какъ дежурство наше во дворцѣ возобновилось: въ насъ стали теперь немножко нуждаться. Г. Герштейнъ весьма этимъ доволенъ, но меня неудовлетворяетъ эта скука въ вицъ-мундирѣ и большихъ залахъ. Это еще не работа.

Я остался на прежней квартирѣ; она, какъ вамъ извѣстно, не великолѣпна, но очень дешева. Мнѣ теперь ужасно захотѣлось накопить хоть кой-какой капиталецъ, авось отъ этого мнѣ станетъ веселѣе. Живу по прежнему, съ тою только разницею, что не оставляю ежедневно выпивать по одной бутылкѣ пива. Говорятъ, это укрѣпляетъ нервы.

„Недожареннаго“ я перекроилъ, придѣлалъ другое начало, другой конецъ, перемѣнилъ порядокъ въ главахъ, теперь онъ переписывается на-бѣло, и, на дняхъ, я думаю отправить его въ какой нибудь журналъ, хотя я не увѣренъ, примутъ-ли его, потому что содержаніе его наврядъ-ли будетъ интересно для русскихъ читателей. Жаль, что вы больны, а то я препроводилъ-бы къ вамъ и вы-бы уже знали, какъ и гдѣ пристроить его. Г. Киркоръ хотѣлъ пріобрѣсть „Недожареннаго“ для своего „Вѣстника“, но я отклонилъ отъ себя эту честь, потому-что я питаю отвращеніе къ журналу, выходящему на смѣси языковъ [1].

Покончивъ съ Недожареннымъ, я хотѣлъ бы взяться за драму о которой я вамъ говорилъ въ Вильнѣ, но я долженъ ждать, потому-что я еще не имѣю вдохновенія.

Здѣшній вице-губернаторъ, съ которымъ я познакомился, хотѣлъ-было вручить мнѣ редижированіе „Вил. Губ. Вѣдомостей“, сопряженное съ 300 руб. жалованья написалъ уже

[1] „Виленскій Вѣстникъ“ выходилъ тогда на русскомъ и польскомъ языкахъ. А. Л.

представленіе объ этомъ, но вдругъ встрѣтилъ какія-то препятствія, которыя онъ, впрочемъ, надѣется преодолѣть. Къ новому году дѣло будетъ кончено такъ или сякъ.

Мои письма въ „СПБ. Вѣд.“ уже не будутъ подписаны буквою W—потому-что въ здѣшнемъ христіанскомъ обществѣ стали сильно поговаривать о буквѣ W, заинтересовались и поляки и русскіе, въ особенности по поводу корреспонденцій о Маріинской гимназіи и университетѣ. Подозрѣваютъ меня, но явныхъ доказательствъ нѣтъ. Космополитическій оттѣнокъ писемъ многимъ не по нутру, но я иначе не могу, впрочемъ никто изъ образованныхъ евреевъ не можетъ не быть космополитомъ [1].

Профессорскія записки прошу непремѣнно пріобрѣтать для меня, хотя признаться, питаю къ нимъ мало довѣрія въ особенности послѣ того, какъ я прочелъ, кажется, въ „Русскомъ Словѣ“ статью Писарева: Наша университетская наука. Онъ представляетъ русскихъ профессоровъ идіотами или плагіаторами. Однакоже не мѣшаетъ прочитать записки, въ особенности, если онѣ не дороги, потому-что въ такомъ случаѣ ужъ лучше выписать книги.

Теперь остается за вами исповѣдь, какъ вы живете и съ чего вы живете, что ваша болѣзнь, что вы читаете и гдѣ получаете книги, пишете-ли вы гдѣ и по *чемъ* и проч. и проч.

Вашъ Л. Леванда.

Отчего вы опять стали адресовать ко мнѣ письма, наблюдая при этомъ всѣ китайскія формальности? Развѣ недостаточно надписывать Л. О. Л. въ В.?

13 декабря 1863 г.

Вы не можете себѣ представить, какъ я обрадовался вашему письму и это потому, что я уже считалъ васъ умер-

[1] По поводу этихъ писемъ, печатавшихся во время разгара польской пропаганды, покойный Л. О. разсказалъ мнѣ слѣдующій интересный фактъ. Поляки какъ то узнали, что Л. О. авторъ этихъ писемъ. И вотъ каждый разъ, когда онъ выходилъ гулять, въ особенности вечеркомъ, онъ возвращался домой нагруженный всевозможными польскими газетами, циркулярами народнаго ржонда и другими подпольными изданіями, которыя онъ находилъ въ карманахъ своего пальто, не зная и не замѣтивъ, кто, гдѣ и когда ему все это положили въ его карманы.
А. Л.

шимъ. И не мудрено: человѣкъ 4 мѣсяца лежитъ въ больницѣ *опасно* больнымъ и 5 недѣль отъ него ни слуху ни духу, что же я долженъ былъ о васъ думать? Развѣ человѣку много нужно? На моихъ глазахъ, здѣсь въ Вильнѣ, я видѣлъ, какъ пріѣхалъ Самуилъ Капланъ, Рѣчицкій раввинъ, здоровымъ, какъ быкъ, женился и, о ужасъ! въ теченіи 3 недѣль высохъ, какъ щепка, такъ что ему просто совѣстно было жить на свѣтѣ и онъ, бѣдненькій, слегъ въ могилу. Вы про это знали? Это было въ началѣ октября сего года. Поэтому я, кажется, вправѣ былъ, получивъ отъ васъ письмо послѣ долгаго молчанія, сотворить молитву ברוך מחיה מתים [1]. Но слава Богу, что вы здоровы и можете трудиться. Ничего, вы успѣете наверстать, что̀ вы тѣмъ временемъ потеряли. Наука въ Россіи не Богъ вѣсть какъ далеко ушла за все время вашей мнимой болѣзни. О, жалкіе профессора! Каждый изъ нихъ такъ najuczen, ze niczoho nie znaje. Здороваго отъ больнаго не могутъ отличить. Что же теперь думать объ ихъ системахъ и способахъ лѣченія? Съ каждымъ днемъ становлюсь все большимъ скептикомъ и весьма подозрительно смотрю на ученые трактаты нашихъ газетъ и журналовъ. Кстати объ ученыхъ трактатахъ. Я выписалъ и читаю теперь „Основанія полит. экономіи Милля“. Книга дѣльная, но она перепорчена ни къ чему не ведущею болтовнею талантливаго нигилиста Чернышевскаго. Впрочемъ, Рошеръ мнѣ больше нравится Милля: Рошеръ излагаетъ теорію систематичнѣе, полнѣе и ученѣе. Книга Милля есть скорѣе трактатъ полемическій, чѣмъ руководство. Она трактуетъ *о* полит. экономіи, между тѣмъ какъ мнѣ хочется знать суть этой науки. Я непремѣнно обзаведусь Рошеромъ.

Въ послѣднее время я очень мало литературствовалъ и это потому во 1-хъ, что я много занятъ по службѣ. М. Н. Муравьевъ хлопочетъ теперь объ открытіи народныхъ школъ для евреевъ. Мнѣ поручено было составить проектъ и уставъ этихъ школъ, что̀ я исполнилъ въ два дня, благодаря содѣйствію Герштейна и Штейнберга. По всѣмъ вѣроятіямъ, Герштейнъ и я будемъ почетными блюстителями, т. е. инспекторами этихъ школъ. Когда нибудь поговорю, съ вами или въ газетахъ, подробнѣе объ этихъ школахъ. Во вторыхъ—

[1] Благословенъ воскрешающій мертвыхъ. А. Л.

дѣло объ редакторствѣ „Губ. Вѣдом." опять возобновилось. Губерн. Правленіе сдѣлало постановленіе о моемъ назначеніи, губернаторъ утвердилъ и теперь представлено на окончательное утвержденіе начальника края. Хотя мнѣ хорошо извѣстно, что редакторство Губ. Вѣд. это трудъ чернорабочій, неблагодарный и много будетъ мѣшать моему творчеству, но я на это соглашаюсь, потому-что этотъ трудъ сопряженъ съ 400 рублей жалованья, а мнѣ, какъ вамъ уже извѣстно, хочется сколотить капиталецъ. Мнѣ уже подъ 30 лѣтъ, 10 лѣтъ служилъ и зарабатывалъ, а денегъ ни гроша. Это не только стыдно, но даже опасно при теперешнихъ тревожныхъ временахъ. Какъ вы полагаете, резонно ли я поступаю. Вольно христіанскимъ поэтамъ и литераторамъ вести жизнь беззаботной птички, не думая о завтрашнемъ: не будетъ у нихъ денегъ,—ничего, почитатели ихъ талантовъ не дадутъ имъ умереть съ голоду. Не то съ нашимъ братомъ, евреемъ. Будь у меня даже талантъ, какъ у Гоголя, никто изъ нашихъ братьевъ не дастъ мнѣ пообѣдать, если будетъ знать, что дома мнѣ нечего обѣдать. Въ головѣ моей несется теперь тысяча образовъ, требующихъ облеченія въ благородныя формы; удовлетворивъ этому требованію, я бы снискалъ себѣ много славы, но къ чорту вся эта слава! Я долженъ думать о хлѣбѣ насущномъ и баста. Чувство самосохраненія во мнѣ, какъ во всякомъ животномъ низшаго разбора, сильнѣе желанія славы. Иначе и не можетъ быть: съ волками жить etc. У евреевъ на первомъ планѣ деньги, ну такъ и я, какъ членъ этой несчастной націи, долженъ сообразоваться съ этимъ господствующимъ вкусомъ.

„Недожареннаго" я 13-го ноября, очертя голову, отправилъ въ ред. „Современника", но по сіе время не получилъ еще отвѣта. Поэтому я настоятельно прошу Васъ немедленно отправиться въ редакцію, навести справки и чѣмъ скорѣе увѣдомить меня что и какъ. Вы же знаете, какъ утомительна для меня неизвѣстность. Если же повѣсть моя не подходящая, то прошу взять ее къ себѣ и хранить до моего распоряженія. Въ полной надеждѣ, что вы аккуратно и скоро исполните сію мою просьбу остаюсь

Весь вашъ Л. Леванда.

Дѣло съ г. Щебальскимъ не состоялось. Онъ здѣсь былъ, но ни въ чемъ не успѣлъ. Въ слѣдующемъ письмѣ напишу къ вамъ подробнѣе объ этомъ.—Черезъ 5—6 дней жду отъ васъ отвѣта.

22 декабря 1860 г.

Вполнѣ цѣню слова утѣшенія, которыя вы расточаете мнѣ въ послѣднемъ письмѣ вашемъ, хоть я совсѣмъ и не отчаяваюсь, какъ вы себѣ воображаете. Во 1-хъ вы должны знать, что, затѣвая какое нибудь дѣло, я привыкъ разсчитывать больше на неуспѣхъ, нежели на успѣхъ: предаваться мечтамъ и надеждамъ—не по моей части. Поэтому неуспѣхъ, неудача никогда не удивляютъ меня. Во 2-хъ про кумовство въ русской журналистикѣ я наслышался и начитался довольно, слѣдовательно, отправляя мою повѣсть въ „Современникъ", я самъ больше всѣхъ сомнѣвался будетъ-ли она принята, тѣмъ болѣе, что она по своему содержанію и изложенію въ самомъ дѣлѣ не слишкомъ-то подходящая. Конечно, въ нашихъ журналахъ не рѣдкость встрѣчать такія статьи, которыя просто невѣроятны; но я не забываю, что я еврей: съ нашего брата требуютъ чего-то особеннаго, изъ ряду выходящаго, а „Недожаренный"—повѣсть весьма обыкновенная. Но что мнѣ непріятно—это то, что я трудился понапрасну, даромъ. Мнѣ какъ-то жаль, что я растратилъ время на непроизводительный трудъ. Это заставляетъ меня, недовольствуясь одною неудачею, попытать счастья въ другой разъ, авось... мнѣ опять не удастся. По крайней мѣрѣ совѣсть моя будетъ чиста, что я де сдѣлалъ возможное, не лѣнился. Поэтому я позволяю себѣ опять утруждать васъ слѣдующею просьбою.

Во 1-хъ, чтобы вы потрудились прочитать мою повѣсть отъ начала до конца.

Во 2-хъ, если вы признаете ее дѣйствительно ничтожною, не стоющею вниманія, не заключающею въ себѣ ничего хорошаго, однимъ словомъ г.... какъ есть, то безъ всякихъ обиняковъ прошу препроводить ее обратно ко мнѣ: пусть валяется въ моемъ портфелѣ, вѣдь корма не попроситъ.

Въ 3-хъ. Если же вы найдете ее ничего-себѣ, не шефдэвръ, но и не дрянь, то вы потрудитесь передать ее въ ред. „Библ. для чтенія" или „Русскаго Слова" или же въ литературное агентство Васильева, которое, какъ сказано въ

объявленіи, занимается и *помѣщеніемъ* статей въ журналахъ. Вы уже сами условитесь съ агенствомъ. Если и это не поможетъ, то опять безъ обиняковъ перешлете ее ко мнѣ. Съ „Обществомъ“ [1] же не хочу пока входить ни въ какія сдѣлки и что за знатокъ Л. Розенталь? При томъ тенденціи „Недожареннаго“ прямо противорѣчатъ стремленіямъ общества, Читайте первыя главы и вы поймете въ чемъ дѣло. Слѣдовательно вся моя надежда только на васъ: какъ вы распорядитесь, такъ и будетъ хорошо, буду доволенъ, лишь бы вы *распорядились*, а не откладывали дѣло въ долгій ящикъ. Само собою разумѣется, когда понадобится представить рукопись куда слѣдуетъ, вы оторвете первую страницу, т. е. мое письмо къ ред. „Современника“.

Затѣмъ мнѣ остается только просить васъ извиненія въ томъ, что я такъ часто докучаю вамъ, утруждаю васъ порученіями. Мнѣ это, ей Богу, совѣстно, но я иначе не могу. Къ кому прикажете обратиться? Товарищей и знакомыхъ имѣю пропасть, но съ кѣмъ я переписываюсь? Съ однимъ только вами, слѣдовательно вы и должны быть готовы ко всякаго рода напастямъ съ моей стороны.

Съ 1-го января 1864 года у насъ открывается *русскій* книжный магазинъ Сембковскаго и К°. Польскіе магазины тоже обзаведутся русскими книгами. Какія перемѣны!

Вашъ Л. Леванда.

29 января 1864 г.

Соскучившись ожиданіемъ отъ васъ отвѣта на мое послѣднее письмо, пишу опять — не въ зачетъ. Отчего вы не пишете? Живы-ли, здоровы-ли? Или вы такъ заняты, что вамъ некогда поговорить со мною? Тѣмъ временемъ у насъ совершилось много перемѣнъ. Открыты народныя для евреевъ школы, г Герштейнъ и я назначены почетными блюстителями этихъ школъ. Я утвержденъ редакторомъ „Губернскихъ вѣдомостей“; подъ моею редакціею уже вышли 4 нумера. Начальство весьма довольно, на „Губернскія вѣдомости“ уже обращаютъ вниманіе, число подписчиковъ увеличивается. Вотъ вамъ и всѣ новости.

[1] Распространенія просвѣщенія между евреями, которое затѣвало тогда изданіе своего „Сборника“. А. Л.

Теперь позвольте мнѣ освѣдомиться о „Недожаренномъ“. Если вы его еще не пристроили, то пожалуйста, отошлите мнѣ рукопись назадъ—разумѣется на мой счетъ.

Еще одна просьба: пришлите мнѣ программу первыхъ двухъ курсовъ по юридическому факультету Спб. Университета. Это мнѣ нужно для моего брата, который хочетъ переселиться въ Петербургъ: въ Харьковѣ онъ вновь бѣдствуетъ.

Пишите мнѣ что нибудь о себѣ. Каково вамъ? Зарабатываете-ли и т. д.

Съ нетерпѣніемъ ожидаю отъ васъ письма.

Вашъ Л. Леванда.

6 марта 1864 г.

Такъ и быть, ужъ я рѣшился: печатайте мою повѣсть въ „Библіотекѣ для чтенія“, хоть даромъ. Мнѣ уже надоѣло возиться съ нею. Единственное условіе: 25 отдѣльныхъ оттисковъ и экземпляръ журнала за текущій годъ. Противъ этого, кажется, редакторы уже ничего имѣть не могутъ, развѣ если „Недожаренный“ уже такая дрянь, что не стóитъ въ руки брать. Но вы же увѣряете, что гг. Боборыкинъ и Благовѣщенскій говорятъ противное, а вамъ я вѣрю, потому что я васъ просилъ и прошу—говорить мнѣ только правду, которою я никогда не обижаюсь.

Прошу васъ ускорить это дѣло, дабы повѣсть появилась въ мартовской книжкѣ.

10 рублей я вышлю къ вамъ на дняхъ... Нѣтъ, я сейчасъ досталъ и высылаю теперь же. Прошу только знать, что это съ моей стороны не одолженіе, а долгъ. Вамъ еще слѣдуетъ отъ меня 3 р. и 1 р. 40 к. за ваши для меня разъѣзды.

Когда вы получите отъ Редакціи утвердительный отвѣтъ, то прошу сейчасъ увѣдомить.

Вашъ Л. Леванда.

3 августа 1864 г.

Призываю во свидѣтели Бога и всѣхъ святыхъ угодниковъ, что на завтра-же, по полученіи вашего письма, въ которомъ вы просили о высылкѣ вамъ остатка долга, я взялъ и отправилъ слѣдуемое. Правда, письмо ваше помѣчено „25 мая“, но развѣ я виноватъ, что я получилъ оное 3 іюля?—

Ей Богу, ни однимъ днемъ раньше. Я и тогда удивлялся загадочной помѣтѣ, но, предполагая, что вы по разсѣянности поставили заднее число, точно такъ, какъ вы по разсѣянности же большею частью вовсе не помѣчаете вашихъ писемъ, я не придавалъ большой важности этому обстоятельству. Но вотъ опять недоумѣніе, которое вы должны разрѣшить; въ противномъ случаѣ я буду думать, что съ нашими письмами происходитъ что то сверхестественное. Представьте себѣ: ваше послѣднее письмо помѣчено „11 іюля", а получилъ я его на прошлой недѣлѣ, т. е. около 26 или 28 іюля. Отчего же это произошло? Не валяется-ли ваше письмо долгое время въ карманѣ какого нибудь лакея или разсыльнаго, прежде чѣмъ оно поступаетъ въ почтамтъ? Наведите справки,—можетъ быть, что нибудь окажется. Тогда вы увидите и убѣдитесь въ моей образцовой невинности.

Неволина, Спасовича, Каченовскаго и др. я пріобрѣлъ для библіотеки губ. правленія; слѣдовательно присылать мнѣ Спасовича не зачѣмъ. А вотъ нельзя-ли попользоваться профессорскими записками—было бы очень хорошо. Что-же касается моихъ думъ объ университетѣ, то я объ нихъ напишу вамъ въ другой разъ,—теперь некогда.

Ожидаю присылки „Недожареннаго".

Вашъ Л. Леванда.

18 января 1865 г.

Ваше письмо я передалъ или, справедливѣе, переслалъ по принадлежности. Я не лично свидѣлся съ Ник. Андр. (Виноградовымъ), потому-то уже нѣсколько мѣсяцевъ, какъ мы избѣгаемъ встрѣчи другъ съ другомъ, однимъ словомъ мы разошлись—почему? А почему онъ разошелся съ Коршемъ и съ другими порядочными людьми, которые имѣютъ смѣлость не соглашаться съ его куриными идейками, высиживаемыми ими аккуратно каждое полгода, когда феерверочное краснорѣчіе г. Аксакова и К° вызываютъ въ его умѣ нѣчто похожее на мальчишечью мысль. Онъ называетъ меня и всѣхъ нашихъ чуть не извергами, а я называю его только дуракомъ и грамотнымъ монголомъ. Считая себя знаменитымъ публицистомъ, миссіонеромъ... но довольно о немъ, а поговоримъ о дѣлѣ.

Ваше прошеніе попало сюда совершенно не кстати. Г. Корниловъ [1] собирался въ Петербургъ, гдѣ онъ теперь находится и гдѣ онъ, говорятъ, уже останется навсегда. Слѣдовательно, прошеніе ваше останется безъ послѣдствій. Что-же касается г. Виноградова, то онъ, какъ мнѣ положительно извѣстно, не имѣетъ ни малѣйшаго вліянія на дѣла округа; такъ какъ онъ не поладилъ ни съ однимъ изъ служащихъ въ округѣ.

Теперь правитъ округомъ г. Траутфеттеръ. Напишите къ нему и попросите батюшку, чтобы онъ похлопоталъ, такъ можетъ быть и будетъ сдѣлано по вашему желанію.

Кстати, батюшка вашъ получилъ награду 150 руб.

Вашъ Л. Леванда.

27 января 1865 г.

Сегодня же высылаю вамъ, по тяжелой почтѣ, мою повѣсть „Недожаренный". Прошу васъ, согласно вашему же желанію, прочитать ее, частнымъ образомъ, передъ г-номъ Гинцбургомъ и если она ему понравится и будетъ признана удобною для помѣщенія въ „Сборникѣ", то съ Богомъ! Откровенно говоря, я „Сборнику" очень мало сочувствую, участвовать въ немъ я и не думалъ, но не могу не уважить желанія г-на Гинцбурга, исполненіе котораго—для меня пріятный долгъ. Объ „Обществѣ" я, кажется, ничего еще не говорилъ съ вами; поговорю теперь.

„Общество", какъ коллективная сила съ благородною цѣлью, вообще очень хорошая вещь, народъ нашъ въ Россіи дѣйствительно въ немъ нуждается, и поэтому оно имѣетъ свое raison d'être. Но, къ сожалѣнію, оно основано на началахъ не совсѣмъ практическихъ. Видно, что проектъ о немъ составленъ былъ наскоро и, вдобавокъ, людьми, не вполнѣ знакомыми съ нуждами, потребностями и духомъ нашего народа. Вотъ почему дѣятельность его слаба, нерѣшительна, почти двусмысленна, цѣли его неопредѣленны, туманны, а средства ограничены. Общество въ томъ видѣ и составѣ, въ которомъ оно теперь существуетъ, похоже скорѣе на благотворительное заведеніе, чѣмъ на утилитарное учрежденіе, отъ котораго можно ожидать великихъ результатовъ для на-

[1] Попечитель Вил. учебнаго округа.

шего народа. Какихъ результатовъ, напримѣръ, ожидаетъ „общество" отъ поддержки сочинительства на еврейскомъ языкѣ? Мнѣ кажется, что результатъ въ перспективѣ пока одинъ: контора общества будетъ завалена манускриптами разнокалибернаго объема и сомнительнаго достоинства; вѣдь *мехабримъ* у насъ не занимать стать. Кто изъ евреевъ, заглянувшій разъ въ Библію, не есть мехабръ—по желанію, и мешореръ [1]—по выраженію? И кто изъ еврейскихъ мехабримъ не убѣжденъ, что онъ талантъ недюжинный? Слѣдовательно, на поддержку общества имѣютъ равныя права всѣ безъ исключенія, начиная отъ Лебенсона, этого soi-disant поэта и классика, до проказнаго клаузнера, описывающаго, захлебываясь отъ избытка лиризма, въ какой нибудь еврейской газетѣ, какъ его великодушный и т. д. патронъ изволилъ пожертвовать изъ собственныхъ средствъ—3 р. с. на постройку дома подъ госпиталь и т. п.—Но довольно объ этомъ; скажу только, что эта часть дѣятельности общества—самая не производительная, самая неблагодарная и безполезная; общество, современемъ, само убѣдится въ этомъ. Перейду къ „Сборнику". Зачѣмъ этотъ Сборникъ? Что онъ скажетъ міру и евреямъ? Называется онъ, какъ видно изъ программы, Сборн. статей—преимущественно о евреяхъ, значитъ, въ немъ возможны и статьи о тунгусахъ, лишь бы онѣ были написаны евреями? Такъ ли слѣдуетъ понимать намѣреніе комитета? Скажите, вразумите. Я, напр., написалъ статью „объ отношеніи тканей къ нервной системѣ",—куда же слѣдуетъ направить ее: въ Медиц. Вѣстникъ или въ Сборникъ? Далѣе, изданіе „Сборника" предпринимается, какъ сказано въ отчетѣ г. Левина, для возбужденія литературной дѣятельности на русскомъ языкѣ среди нашего молодого поколѣнія, или что-то въ этомъ родѣ. Но, другъ любезный, не смѣшна ли такая затѣя? Помилуйте, въ комъ есть талантъ и знанія, тотъ уже будетъ литературствовать,—помимо всякаго общества и сборника. Добро бы было 10 лѣтъ тому назадъ, когда еврей, пишущій по-русски, былъ въ рѣдкость, но, теперь, когда многіе изъ евреевъ уже дебютировали и дебютируютъ... Имѣя возможность читать почти всѣ періодическія изданія, выходящія въ Россіи, я съ удовольствіемъ

[1] Меріоръ—сочинитель. Мешореръ—пѣвецъ, поэтъ. А. Л.

вижу, что почти всѣ изъ нашихъ единовѣрцевъ, умѣющихъ писать, съ честью подвизаются на литературномъ поприщѣ—каждый по своимъ силамъ и способностямъ. Слѣдовательно, для нашей пишущей братіи „Сборникъ" не богъ вѣсть какая приманка: они пишутъ и будутъ писать по собственному побужденію. Если же Общество имѣетъ въ виду людей не пишущихъ, а только чающихъ писать, то ей Богу, эта игра не стоитъ свѣчей.. Это предпріятіе сильно напоминаетъ собою несостоявшееся предпріятіе знаменитаго г. Льва Камбека, хотѣвшаго издавать журналъ „Ерунда"—съ извѣстною вамъ цѣлью. И, наконецъ, для какого круга читателей „Сборникъ" назначается? Обыкновенная еврейская публика, т. е. грамотные купцы, торговцы и разночинцы наврядъ-ли совладаютъ съ книгою въ 30 листовъ серьезнаго содержанія; что же касается ученыхъ, образованныхъ, то, нужно полагать, что предметы, о которыхъ будетъ рѣчь въ „Сборникѣ", будутъ для нихъ не новы, такъ какъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, статьи такъ называемыя ученыя будутъ переводы или компиляціи съ нѣмецкаго, что уже давно прочитано было ими въ подлинникѣ. Но, кромѣ всего прочаго, какъ странно комитетъ объявляетъ о своемъ изданіи! Въ объявленіи нѣтъ ничего, кромѣ объема книги, ея цѣны и мѣста подписки, словно изданіе уже хорошо извѣстно публикѣ. Очень можетъ быть, что комитетъ хорошо разъяснилъ себѣ планъ и характеръ будущаго изданія; но намъ, иногороднымъ, не посвященнымъ въ комитетскія тайны, намъ-то откуда знать характеръ, тонъ, духъ, направленіе и рубрики предлагаемаго намъ изданія? Согласитесь, что такіе пріемы комитета не могутъ не повредить „Сборнику" въ самой существенной его части, т. е. въ содержаніи. Сейчасъ видно, что тачать сапоги взялся пирожникъ, да проститъ меня Господь за эти ѣдкія слова.

Нѣтъ, еслибъ Общество, вмѣсто субсидій авторамъ безполезныхъ твореній, вмѣсто изданія никому ненужнаго „сборника", вызвало-бы къ бытію дѣльное періодическое изданіе, въ которомъ народъ нашъ нуждается больше, чѣмъ въ „Древностяхъ" Іосифа Флавія на еврейскомъ языкѣ, тогда можно было-бы сказать, что оно что нибудь сдѣлало для нашего народа. Пока оно этого не дѣлаетъ, каждый образованный еврей имѣетъ право думать объ Обществѣ все, что

ему угодно. Единственно за что можно хвалить Общество— это за поддержку еврейскихъ студентовъ. Больше, пока, ни въ чемъ не выражается его дѣятельность на пользу просвѣщенія евреевъ въ Россіи. Таково мое мнѣніе. Мнѣ больно было придти къ такому мнѣнію, тѣмъ болѣе, что я самъ имѣю честь принадлежать къ этому обществу, но дѣлать нечего: la verité avant tout.

Пишу это къ вамъ конфиденціально, дабы хоть отчасти высказать то, что я думаю объ Обществѣ, которымъ образованные евреи не могутъ не интересоваться; но, если сочтете полезнымъ сообщить содержаніе этого письма г. Гинцбургу, то извольте, не препятствую, тѣмъ болѣе, что г. Гинцбургу не мѣшаетъ звать мнѣнія разныхъ лицъ о комитетѣ, котораго онъ состоитъ предсѣдателемъ.

Поклонъ моему брату. Изъ письма его вижу, что вы о немъ заботитесь, за что я не могу довольно благодарить васъ.

Вашъ Л. Леванда.

19 февраля 1865 г.

Уже вчера я написалъ брату, что я согласенъ на измѣненія, которыя найдутъ нужнымъ подѣлать въ моей повѣсти, лишь бы эти измѣненія дѣлаемы были съ вашего согласія, такъ-какъ вы хорошо меня знаете и я на васъ и на вашъ вкусъ вполнѣ полагаюсь. Касательно языка я тоже согласенъ, что онъ неудовлетворителенъ: гоняясь за мыслью, идеею, я пренебрегаю часто оболочкою, въ которую онѣ должны быть облечены. Это важный недостатокъ, г. Рабиновичъ уже разъ укорялъ меня въ этомъ, говоря, что присвой я себѣ надлежащимъ образомъ механическую часть письма я былъ бы замѣчательнымъ бельлетристомъ, такъ-какъ изобрѣтательности, наблюдательности, идей и чувства мнѣ незанимать стать,—но что-жъ дѣлать... терпѣнья у меня не хватаетъ шлифовать написанное, т. е. прочувствованное, возиться съ слогомъ, подбирать выраженія. Что же касается „Недожареннаго“, то, признаться, я самъ еще порядкомъ не прочиталъ его. Три года онъ валялся у меня, я все собирался шлифовать его, но всетаки не изловчился это сдѣлать, потому онъ и вышелъ *недожареннымъ*. Не то, чтобы лѣнь, ибо я, кажется, не лѣнивъ, но апатія не допускала меня

заняться внѣшнею формою моей послѣдней повѣсти, планъ и тенденція которой заслуживаютъ лучшей доли. Прошу васъ, любезный Илья, если вамъ дорога моя репутація, въ чемъ я нисколько не сомнѣваюсь, прочитать еще разъ „Недожареннаго“ со вниманіемъ, съ критическимъ окомъ и исправить всѣ подлежащія исправленію мѣста. Это не будетъ для васъ трудно, вѣдь и вы знаете толкъ въ письменной премудрости. Впрочемъ, если вы не довѣряете вашимъ силамъ, то пригласите другаго, знатока и со вкусомъ. Да не удивитъ васъ это предложеніе, оно въ порядкѣ вещей: я знаю изъ біографіи Гейне, что многія изъ его произведеній были въ шлифовкѣ у другихъ, даже вовсе не литераторовъ. Слѣдовательно, я ничего новаго, оригинальнаго не предлагаю. — Отъ литературы перейдемъ къ жизни.

Вы не можете себѣ представить, какъ вы растрогали меня вашимъ послѣднимъ письмомъ, дышащимъ такою задушевностью, такою искренностью, такимъ благорасположеніемъ къ моей несчастной особѣ. Вы затрогали чувствительнѣйшую струну моего сердца, струну, которую я уже рѣшился было не трогать больше, изъ опасенія, чтобы болѣзненные стоны ея не свели меня въ раннюю могилу. Развѣ я не знаю моего положенія? Развѣ я не понимаю, что виленская сфера для меня убійственна, что между виленскими евреями, даже моими товарищами и мною нѣтъ ничего общаго? Развѣ я не понимаю, что люди, дѣлящіе свое время между сплетничаньемъ, дешевыми винцами, игрою въ 66, попойками на чужой счетъ и низкимъ поклонствомъ предъ тѣнью начальствующаго лица или золотаго тельца, развѣ я не понимаю, что эти люди мнѣ не товарищи? Доказательствомъ, что я все это понимаю, можетъ служить то обстоятельство, что, не смотря на мое 4-хъ лѣтнее пребываніе между здѣшними единовѣрцами, я не сошелся ни съ однимъ изъ нихъ, рѣшительно ни съ однимъ. Я хандрю, страдаю, капризничаю, дѣлаюсь мизантропомъ, но не мирюсь съ ними. При каждомъ случаѣ я говорю имъ грубости, смѣюсь надъ идеалами, созданными ихъ бараньимъ воображеніемъ, ниспровергаю авторитеты, созданные ихъ превратными понятіями, доказываю, какъ ихъ нравственные поступки имѣютъ основаніемъ безнравственнѣйшія побужденія, но развѣ это хорошо? Развѣ

это можетъ хоть сколько-нибудь способствовать моему развитію или, по крайней-мѣрѣ, моему душевному спокойствію? Погибаю, именно погибаю ни за-что, ни про что. Знаю, чувствую, что я могъ-бы быть хорошимъ человѣкомъ, полезнымъ человѣкомъ, я чутокъ ко всему доброму и прекрасному, но поганная среда заѣдаетъ меня, нравъ мой портится и я въ тягость себѣ и другимъ. Быть можетъ, хорошо было бы, если бы я опошлѣлъ наравнѣ съ другими: по крайней мѣрѣ, я былъ-бы веселъ, здоровъ и доволенъ собою и людьми; но нѣтъ, пошлость мнѣ не дается, какъ идіоту — счастливая мысль.

Что же мнѣ дѣлать? Вашъ совѣтъ, можетъ быть, хорошъ и удобоисполнимъ, но я упалъ духомъ, опустился, руки не поднимаются что нибудь затѣять, уже два года какъ я ничего не пишу, хотя за сюжетомъ, планомъ дѣло бы не стало, я потерялъ вѣру въ себя, въ свои силы: однимъ словомъ— дрянь. Впрочемъ я не отчаиваюсь: на этотъ упадокъ моральныхъ силъ смотрю, какъ на кризисъ. Чувствую, т. е. предчувствую, что въ этомъ году во мнѣ, въ моемъ положеніи произойдетъ перемѣна. Представьте себѣ, мнѣ вдругъ впало въ голову—жениться и я серьезно объ этомъ помышляю, даже дѣйствую, т. е. выслушиваю шадхонимъ, парламентирую, маневрирую, лавирую,—почему я все это дѣлаю,—я ей Богу не знаю, но чувствую, что это не блажь. И такъ, если мнѣ удастся жениться, какъ я хочу, т. е. какъ я себѣ намѣтилъ (а намѣтилъ я, вы должны знать, не худо), то хорошо, стану вести совершенно новую жизнь, и будетъ, можетъ быть, лучше. Если же нѣтъ, то, недолго думавъ, въ одно прекрасное утро я плюну на мои виленскіе пенаты, заберу мой капиталецъ и маршъ по чугункѣ въ Петербургъ— шлифовать мостовую, по крайней мѣрѣ, въ сообществѣ живыхъ людей, а не барановъ въ образѣ собачьемъ.

Еще разъ прошу взять на себя трудъ пересмотрѣнія и исправленія „Недожареннаго". Само собою разумѣется, что вы постараетесь, чтобы онъ непремѣнно попалъ въ „Сборникъ". Дѣлайте уступки, какія только будутъ требовать, лишь бы онъ уже разъ былъ напечатанъ: мнѣ уже страшно надоѣло возиться съ нимъ. Прошу, умоляю не оставлять меня долго безъ отвѣта, потому что я нетерпѣливъ, какъ вамъ хорошо извѣстно.

Кстати, получили-ли вы мое письмо отъ 27 января? Я опасаюсь, что оно не дошло по адресу, а это было письмо щекотливое: въ немъ говорилось объ „Обществѣ". Поэтому прошу успокоить меня на этотъ счетъ.

Весь вашъ Л. Леванда.

28-го августа 1866 г.

...Изъ виленскихъ новостей могу сообщить вамъ, во 1-хъ, что съ 14-го августа въ Вильнѣ свирѣпствуетъ холера; во 2-хъ, что Фрейдке приняла православіе; въ 3-хъ, Забѣлинъ впалъ въ немилость у начальника края, который предложилъ ему подать въ отставку отъ должности редактора „Вил. Вѣстника"; въ 4-хъ, въ Вильнѣ учреждена коммисія объ устройствѣ быта евреевъ, которой я состою членомъ. Объ этой коммисіи я имѣю много, что поразсказать, но нахожу это неудобнымъ. Скажу только коротко, и вы поймете въ чемъ дѣло. Извѣстный вамъ архи-пройдоха Яковъ Александровичъ (Брафманъ), воспользовавшись теперешнимъ настроеніемъ русскаго общества нашего края, пріѣхалъ въ Вильну, чтобы принести и свою лепту на алтарь, на которомъ хотѣлось бы многимъ изжарить и съѣсть его бывшихъ единовѣрцевъ, которыхъ онъ такъ любитъ, что готовъ задушить ихъ въ своихъ объятіяхъ Искаріотовскихъ. Что я стараюсь вывести его на свѣжую воду — это само собою разумѣется. Если-бы вы видѣли какого ученаго и мыслителя онъ корчитъ изъ себя, благодаря двумъ чужимъ статьямъ, которыя онъ выдаетъ за свои! Онъ уѣхалъ теперь на нѣсколько недѣль въ Петербургъ и Москву по казенной надобности или съ ученою цѣлью, что дало ему поводъ стянуть съ казны нѣсколько сотъ рублей.

Пожалуйста пишите мнѣ о чемъ я васъ прошу.

Вашъ Л. Леванда.

15-го октября 1866 г.

...Брафманъ, какъ видно, поселился на всегда въ Вильнѣ, которую онъ избралъ операціоннымъ пунктомъ своей миссіонерской дѣятельности. Онъ получаетъ здѣсь за разъ нѣсколько мѣстъ и этимъ онъ доказываетъ, что можно быть великимъ человѣкомъ и въ то же время круглымъ не-

вѣждою. Заносчивость его возрастаетъ съ каждымъ днемъ; сужденія его о Ренанѣ, Боклѣ, Мендельсонѣ, Левинсонѣ, Іостѣ, Грецѣ и другихъ мыслителяхъ, которыхъ онъ, впрочемъ, не читалъ и даже *не видалъ*, достойны—оплеухъ. Онъ бываетъ у меня, я у него, ссоримся, миримся, что доставляетъ мнѣ нѣкоторое развлеченіе, хотя и нѣсколько портитъ кровь. О васъ онъ *теперь* хорошаго мнѣнія, — по той причинѣ, что вы имѣете въ виду жениться на какой-то лютеранкѣ (зазнобушка, значитъ) [1], слѣдов. и вы обратитесь, что въ его глазахъ есть верхъ человѣческаго ума.

Смотрите же, не заставляйте меня долго ждать отвѣта.

Вашъ Л. Леванда.

На этомъ оканчивается „связка писемъ“, доставленныхъ намъ многоуважаемымъ И. С. Залкиндомъ. Но между ними оказались еще два листка, одинъ безъ начала, другой безъ конца; они относятся къ 1861 году, ко времени прекращенія „Разсвѣта“ О. А. Рабиновича. Въ виду представляемаго ими интереса, мы помѣщаемъ ихъ здѣсь въ томъ видѣ, въ какомъ они до насъ дошли.

Вотъ первый листокъ, безъ начала.

...вамъ что теперь здѣсь (въ Вильнѣ) дѣлается. Всѣ евреи въ отчаяніи отъ извѣстія, что „Разсвѣтъ“ прекратилъ свою дѣятельность. Въ подписчики просятся теперь даже такіе, которые считались врагами этого журнала. Теперь всѣ отдаютъ ему справедливость, что онъ всетаки былъ единственный дѣльный народный органъ. Воспитанники раввинскаго училища заплакали, когда прочли передовую статью 45 №.

И такъ поручаю вамъ, г. Залкиндъ, что нибудь сдѣлать и въ Минскѣ для „Разсвѣта“. Когда народъ имѣетъ къ нему такое сочувствіе—такъ значитъ онъ долженъ существовать. Нужно съ одной стороны писать къ Рабиновичу, чтобы онъ продолжалъ изданіе, а съ другой стараться о подписчикахъ. Слышно, что образованіе евреевъ стоило ему изъ кармана за 1 только годъ 3000 р. Многіе просили меня,

[1] Это, безъ сомнѣнія, сплетня, выдуманная самимъ Брафманомъ.
А. Л.

чтобы я писалъ къ вамъ объ этомъ, потому я и дѣлаю. Даже Василій Розенталь [1] будетъ теперь подписчикомъ.

Вашъ Л. Леванда.

А вотъ второй листокъ, начинающійся съ P. S.

P. S. Мнѣ жалуются изъ Минска, что вы забираете мой экземпляръ „Разсвѣта“ и никому не даете читать, даже и М. Файну. Прошу сдѣлать распоряженіе, чтобы впредь этого не было. Въ противномъ случаѣ я васъ отдамъ подъ судъ.

Прошу отдать поклонъ Як. Алекс. (Брафману) и сказать ему, что князь напишетъ на дняхъ къ преосвященному касательно того, что ему извѣстно и о чемъ мы въ послѣднее время переписывались.

Касательно полноправія окончившихъ курсъ и нѣкоторыхъ правъ для автодидактовъ былъ въ округѣ совѣтъ. Всѣ почти были за. Заключеніе будетъ немедленно отправлено на разсмотрѣніе министра. Въ программу раввинск. училища хотятъ ввести языки Латинскій и Французскій, но Финъ и инспекторъ этому противятся. Имъ жаль нѣсколькихъ уроковъ Шульханъ-Аруха.

Ученики равв. училища от....

На этомъ оканчивается второй листокъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и серія писемъ Л. О. Леванды, предназначенныхъ нами для настоящаго тома „Еврейской Библіотеки“. Другая серія появится въ слѣдующемъ томѣ.

Мы считаемъ пріятнымъ долгомъ вновь выразить нашу глубокую признательность многоуважаемому И. С. Залкинду за предоставленіе въ наше распоряженіе помѣщенныхъ выше писемъ Л. О. Леванды, и были бы безконечно рады, если бы здоровье позволило бы ему дать намъ разъясненіе по поводу нѣкоторыхъ мѣстъ въ этихъ письмахъ, не совсѣмъ для насъ понятныхъ. Въ особенности интересно было бы знать болѣе подробно содержаніе письма Л. О. Леванды

[1] Крещенный еврей изъ весьма почтенной виленской семьи.
А. Л.

къ Я. А. Брафману, содержаніе, которое должно было остаться тайнымъ, но которое Я. А. Брафманъ тѣмъ не менѣе разгласилъ и сообщилъ такимъ лицамъ, для которыхъ оно менѣе всего было предназначено. Очень интересно также было бы знать, какимъ образомъ завязались эти загадочныя дружественныя отношенія между такими противуположными личностями, какъ Леванда съ одной стороны и Брафманъ съ другой. Точно также весьма любопытно было бы знать, какія отношенія существовали между Левандой и тогдашнимъ Минскимъ архіереемъ, о которомъ, впрочемъ, намъ извѣстно, что онъ весьма благосклонно относился къ евреямъ, въ особенности образованнымъ.

Въ заключеніе мы еще разъ обращаемся къ тѣмъ лицамъ, въ рукахъ которыхъ находятся письма покойнаго Л. О. Леванды, съ покорнѣйшею просьбою предоставить ихъ временно въ наше распоряженіе. Мы воспользуемся ими лишь на столько, на сколько они имѣютъ общественный и литературный интересъ и насколько они касаются общественныхъ и литературныхъ дѣятелей, какъ объ этомъ читатели могутъ судить по тому способу, которому мы слѣдовали при обнародованіи писемъ Л. О. къ И. С. Залкинду.

А. Ландау.

С.-Петербургъ, Ноябрь, 1900 г.

Голосъ крови.

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ПОЭМА

Натаніэля Мошелеса.

Донъ-Педро, настоятель монастыря близъ Севильи.
Донъ-Паоло, молодой монахъ.
Рахиль Мартинецъ.
Хуанъ, послушникъ.

I.

(Келья настоятеля).

Настоятель. Донъ-Паоло.

Настоятель.

Мнѣ вѣдомо достойное усердье
Твое, мой сынъ. Ни мавръ, ни еретикъ
Ждать отъ тебя пощады не привыкъ:
Преступное изгналъ ты милосердье
Изъ пламеннаго сердца. Гнусный жидъ
Передъ тобой блѣднѣетъ и дрожитъ;
Годами юнъ, не знаешь ты пощады
Къ еретикамъ, они твои враги,
И у святой великой Германдады
Нѣтъ болѣе усерднаго слуги.

Паоло.

Отецъ мой, я—лишь ревностный служитель
Святѣйшей инквизиціи. Таковъ
Законъ ея, и казнь еретиковъ
Угодна ей: въ небесную обитель
Для грѣшниковъ она откроетъ входъ,
Но я-бъ желалъ на ихъ преступный родъ

Возстать съ мечомъ, какъ ангелъ истребитель,—
Такъ велико ожесточенье ихъ!
Спасенія ища въ краяхъ чужихъ,
Вѣдь сотни ихъ бѣгутъ въ иныя страны;
И сотнями и мавры, и марраны
Идутъ на казнь, но никогда у нихъ
Раскаянья въ винѣ ихъ, иль боязни—
Не видѣлъ я на мѣстѣ грозной казни!
О, какъ я чту Филиппа короля!
Въ немъ лишь одномъ испанская земля
Отъ ереси нашла себѣ спасенье.
Его костры—свѣтильникъ очищенья.

Настоятель.

Твои слова—прекраснѣйшій вѣнецъ
Моихъ трудовъ, стараній и усилій,
И вѣдомо монарху двухъ Кастилій
О рвеніи твоемъ.

Паоло.

О, мой отецъ!
Возможно-ли?

Настоятель.

Въ стѣнахъ Эскуріала
Извѣстно все, и ярко засіяла
Звѣзда твоя; останься лишь такимъ
Ты навсегда.

Паоло.

Могу-ль я быть другимъ?
Не вамъ-ли я, отецъ мой, всѣмъ обязанъ,
И съ вами я нерасторжимо связанъ.
Не въ этомъ-ли святомъ монастырѣ
Пріютъ себѣ нашелъ я на зарѣ
Невинныхъ дней. Не вашимъ-ли урокамъ,
Не вашимъ-ли рѣчамъ благодаря,
Усердіемъ возвышеннымъ горя,
Я ненавистью пламенной къ порокамъ

Проникся весь? А ересь—это грѣхъ
Ужаснѣйшій, тягчайшій изо всѣхъ.
Внѣ этихъ стѣнъ—все чуждо, незнакомо
Душѣ моей. Не зналъ иного дома
Я никогда.

(*Внезапно что-то вспомнивъ*).

Лишь смутно, какъ во снѣ,
Случается порой приходитъ мнѣ
На память домъ... Я словно вижу свѣчи
Зажженныя за праздничнымъ столомъ,
И женщину съ задумчивымъ челомъ
И нѣжными глазами... Слышу рѣчи
Какія то на чуждомъ языкѣ,
И поцѣлуй порою на щекѣ
Я чувствую—той женщины прекрасной...
Она глядитъ съ такой улыбкой ясной,
Что я спѣшу прильнуть къ ея рукѣ,
И на глазахъ ея блистаютъ слезы...
Но кто она? (*Останавливается въ волненіи*).

Настоятель (*съ живостью*).

Гони пустыя грезы,
Опасенъ намъ фантазіи полетъ:
Души твоей холодный чистый ледъ
Она смягчитъ, какъ первое дыханье
Тревожное весеннихъ вѣтерковъ
Растопитъ снѣгъ альпійскихъ ледниковъ.
Гони, мой сынъ, подобныя мечтанья.
Теперь—прости. Я долженъ во дворецъ
Отправиться.

Паоло.

Простите, мой отецъ.

Настоятель.

Не забывай: нашъ долгъ—повиновенье.
Прими, мой сынъ, мое благословенье.

(*Паоло уходитъ*).

II.

(Келья Паоло).

Паоло, послушникъ, потомъ **Рахиль.**

Послушникъ.

Васъ въ кельѣ ждетъ какая-то сенора,
Я говорилъ, что можетъ быть не скоро
Вернетесь вы, и этимъ смущена,
Взволнована казалася она...

Поало.

Введи ее.

(*Входитъ Рахиль Мартинецъ. Она въ богатомъ платьѣ темнаго цвѣта, съ покрываломъ на лицѣ*).

Паоло.

Сенора.

Рахиль (*дрожащимъ голосомъ*).

Донъ-Паоло?
Его ли здѣсь я вижу предъ собой?

Паоло.

Да, это я.

Рахиль (*откидывая покрывало*).

Являюсь я съ мольбой.
Защиты я ищу отъ произвола,
Спасенія,—и жду его отъ васъ.

Паоло (*про себя*).

Ужель ее я вижу въ первый разъ?

Рахиль.

Мнѣ вѣдомо: вы строго безпощадны
Къ тѣмъ, кто у васъ слыветъ еретикомъ,

И вамъ порывъ сердечный незнакомъ,
Но вы не злы, о, вы не кровожадны!
Жестокимъ быть въ столь юные года
Немыслимо...

Паоло (*холодно*).

Долгъ инока всегда
Я исполнялъ. Такая рѣчь...

Рахиль.

Простите!
Васъ умолять пришла я о защитѣ,—
Не гнѣвайтесь. Вамъ правда дорога,
Обманомъ вы не сгубите врага,
За почести души не продадите.
Я васъ молю: съ терпѣньемъ до конца
Все выслушать, что вамъ сейчасъ открою.

Паоло (*про себя*).

Гдѣ видѣлъ я черты ея лица?
Иль я смущенъ фантазіи игрою?..
Печальныя и кроткія черты
Хранятъ слѣды минувшей красоты...
Какъ много въ нихъ и грусти, и укора!
(*Вслухъ*). Я выслушать согласенъ васъ, сенора.

Рахиль.

Благодарю; меня страшилъ отказъ,
Я къ вамъ придти желала много разъ
Съ тѣхъ поръ, какъ мнѣ извѣстна правда стала.
Не лишь теперь, когда бѣда настала
И мнѣ грозитъ...

Паоло (*съ живостью*).

Что вамъ грозитъ?

Рахиль.

Костеръ.
Еврейка—я. Судъ Германдады скоръ.

Паоло (*отступая*).

Еврейка? Вы?

Рахиль (*съ горечью*).

Презрѣнное созданье.
Не такъ ли? Что жъ! Вести меня въ тюрьму—
Свободны вы.

Паоло.

Не знаю, почему—
Но вы къ себѣ внушили состраданье.
Не бойтесь же... Кончайте вашъ разсказъ.

Рахиль (*въ сильномъ волненіи*).

Возможно ли? Во взорѣ этихъ глазъ
Прочла къ себѣ я жалость и участье!
Благословенъ да будешь ты! О, счастье!

Паоло.

Я слушаю.

Рахиль.

Въ теченье первыхъ лѣтъ
Мы счастливо съ моимъ супругомъ жили,
И королю, чтя вѣрности обѣтъ,
Своимъ добромъ нерѣдко мы служили.
Я мальчика произвела на свѣтъ.
Мой первенецъ! Мой Даніилъ! О, Боже!
Онъ въ мірѣ былъ всего для насъ дороже...
Я помню нашъ уединенный домъ
Въ большомъ саду тѣнистомъ и густомъ.
О, эти дни счастливые—далече!
Въ субботній день, съ безоблачнымъ челомъ
Сбирались мы за праздничнымъ столомъ
Семьею всей, и зажигались свѣчи,
И мальчикъ мой былъ тутъ же, между насъ...

Паоло (*блѣднѣетъ и проводитъ рукою по лбу*).

Рахиль.

Но вотъ настать гоненій страшный часъ,
Гоненіямъ подверглися евреи:
Пожары, смерть, убійства и грабежъ...
Казалося, висѣлъ надъ каждымъ ножъ,
И мы бѣжать задумали скорѣе,
Но дѣйствовалъ доносъ еще быстрѣе:
Мой бѣдный мужъ былъ схваченъ на зарѣ...

Паоло.

И что жъ затѣмъ?

Рахиль.

Онъ умеръ на кострѣ,
Два брата—съ нимъ. Указъ былъ безпощаденъ.

Паоло (*послѣ паузы глухо*).

А сынъ?

Рахиль.

Мой сынъ былъ въ ту же ночь украденъ.
Что сталось съ нимъ—тогда не знала я,
Измученной, больной, полубезумной—
Увезена я въ чуждые края
Была тогда. Когда же вновь разумной
Я сдѣлалась, сюда вернулась я—
На поиски похищеннаго сына.
О, эта скорбь! О, горькая кручина,
Которой нѣтъ услады! Понимать,
Сносить ее—способна только мать.
Семнадцать лѣтъ ожесточенно, страстно
Искала я,—искала я напрасно,
Не вѣря въ то, что онъ могилой взятъ,
И наконецъ, два мѣсяца назадъ...
(*останавливается*).

Паоло.

И что жъ?...

Рахиль.

Бѣднякъ, которому бывало
Въ нуждѣ его я часто помогала,
Открылся мнѣ, раскаяньемъ объятъ.
Предъ смертью въ немъ заговорила совѣсть,
И страшную онъ мнѣ повѣдалъ повѣсть...

Паоло.

Какую же?

Рахиль (*съ силою*).

Мой сынъ не схороненъ,
Но ревностный слѣпой католикъ онъ,
Не знающій къ еретикамъ пощады...
Служитель онъ зловѣщей Германдады,
И можетъ стать онъ матери родной
Убійцею...

Паоло (*дрожа всѣмъ тѣломъ*).

Гдѣ-жъ онъ?

Рахиль.

Передо мной.

(*Пауза*).

Паоло (*видимо борясь съ собою, въ сильномъ возбужденіи*).

Ложь! Это ложь! Достойные проклятья
Еретики, которыхъ я казнилъ,
Они—мои единовѣрцы, братья?
Какъ? Не Паоло я? Я—Даніилъ?...
Обманъ и ложь! Но, правосудный Боже,
Вѣдь если такъ все это—отчего же
Слова ея, звукъ голоса и взоръ,
Гдѣ свѣтятся и нѣжность, и укоръ—
Все, все меня мгновенно взволновало?
Прогнать ее мнѣ силъ не доставало—

Чужую мнѣ, еврейку! Жалость къ ней
Въ душѣ моей все дѣлалась сильнѣй!
(*Съ порывомъ*).
Нѣтъ, правда все! Все истина святая!
О, мать моя, страдалица! Родная!
(*Падаетъ въ ея объятія*).

Рахиль.

Мой Даніилъ! Мой первенецъ! Мой сынъ!
Спаси меня... Ты у меня—одинъ.
Уйдемъ со мной...

Паоло (*растерянно*).

Уйти? Уйти отсюда?

Рахиль.

Останься я—меня спасетъ лишь чудо.
Я выдана. Бѣжимъ на кораблѣ
Въ Голландію, и въ дружеской землѣ
Укроемся.

Паоло.

Отступникомъ я стану?

Рахиль.

Оставшись здѣсь—ты сталъ бы палачемъ.

Паоло.

О, матушка!

Рахиль.

Вѣрнѣе, чѣмъ мечомъ—
Смертельную ты нанесешь мнѣ рану.
Какъ? Зная то, что знаешь отъ меня,
Узнавъ, чья кровь струится въ этихъ жилахъ,
По прежнему карая и казня,
Ты могъ бы здѣсь остаться?

Паоло (*вздрогнувъ*).

Нѣтъ, не въ силахъ
Я былъ бы, нѣтъ!
(*Съ горячею мольбой*).
О, правосудный Богъ,
Которою изъ этихъ двухъ дорогъ
Пойду теперь, не сдѣлавшись злодѣемъ?
Католикъ, инокъ я, рожденный іудеемъ;
Ужель вся жизнь моя ошибкою была?
И вѣруя въ добро, я былъ во власти зла?
Господь спасалъ людей великою любовью,
А я спасти весь міръ желалъ людскою кровью!
(*Выпрямляется съ внезапною рѣшимостью*).
Но часъ насталъ идти инымъ путемъ,
Не ополчусь жестоко я на брата,
Погребено былое безъ возврата.
(*Къ Рахили*).
Отнынѣ твой я, матушка. Идемъ!

О. Чюмина.

Евреи въ англійскомъ обществѣ.

(Очеркъ отношеній англичанъ къ евреямъ въ XIX столѣтіи).

I.

Характеръ оппозиціи къ эмансипаціи евреевъ.

Мы теперь стоимъ на одной изъ безчисленныхъ ступенекъ, которую люди для удобства счета называютъ концомъ столѣтія. Подъ нами лѣстница теряется въ темной безднѣ прошлаго, а на верху конецъ ея исчезаетъ въ далекой синевѣ будущаго. Медленно, съ трудомъ взбираемся мы по ней; но оглядываясь назадъ и видя какую тьму мы оставили, какую борьбу пережили, мы съ тѣмъ большей надеждой поднимаемся вверхъ. И если есть разумъ и смыслъ въ этомъ вѣчномъ движеніи по безконечной лѣстницѣ, то они открываются намъ только тогда, когда время отъ времени осматриваемся назадъ.

То, что мы только-что сказали, относится, конечно, ко всему человѣчеству, но особенно кажется оно намъ вѣрнымъ по отношенію къ евреямъ, которые, больше чѣмъ какой-либо другой народъ на свѣтѣ, испытываютъ на собственныхъ плечахъ всякія движенія вверхъ или внизъ.

Евреи, это—барометръ прогресса, это—самое чувствительное мѣсто человѣчества. Малѣйшая перемѣна въ направленіи нравственнаго циклона, малѣйшее ослабленіе или усиленіе давленія реакціи моментально сказывается на положеніи евреевъ. Но въ то время какъ предсказанія погоды, основанныя на анероидѣ, могутъ быть не всегда вѣрны и нуждаются въ „поправкахъ"—евреи, какъ соціальный барометръ, никогда не врутъ. Изучить положеніе евреевъ значитъ поэтому изучить страну и общество, въ которыхъ они находятся. Кто-то уже давно сказалъ, что у каждаго народа свои евреи. Можно къ этому лишь прибавить, что и у каждаго времени свой народъ. Историку, который хотѣлъ бы дать самую вѣр-

ную картину развитія или паденія народа, довольно было-бы написать лишь исторію отношеній этого народа къ жившимъ среди него евреямъ. Сто лѣтъ сравнительно не большой промежутокъ времени; и въ теченіе одного однако столѣтія люди такъ мѣняются, что привычки и даже понятія ихъ въ концѣ его очень мало напоминаютъ тѣ, которыя царствовали въ его началѣ.

И эта разница особенно ярко сказывается на отношеніяхъ христіанъ къ евреямъ. Какъ чувствительный воскъ фонограммы, исторія евреевъ быстро испещряется мельчайшими зигзагами прогресса и реакціи и громкимъ звукомъ съ поразительной точностью и ясностью передаетъ ихъ будущимъ поколѣніямъ.

Вотъ и теперь, напримѣръ, собираясь дать здѣсь очеркъ положенія евреевъ въ Англіи, я раньше всего пораженъ не столько перемѣнами, пережитыми евреями, сколько тѣмъ, какъ измѣнилось само англійское общество. Положительно, англичане конца вѣка совершенно не тѣ, какими они были въ началѣ его. Самая святая святыхъ народа, его взглядъ на религію, совершенно другая теперь, чѣмъ была раньше. Номинально англичане и теперь придерживаются той религіи, что сто лѣтъ и триста лѣтъ тому назадъ. Но самое нынѣшнее христіанство ихъ очень мало похоже на то, въ которое они вѣрили хотя бы въ концѣ восемнадцатаго вѣка. А между тѣмъ отъ того, какъ человѣкъ понимаетъ свою религію, зависитъ и его отношеніе къ другимъ людямъ, а особенно къ людямъ другой религіи. Положеніе же евреевъ въ Англіи было всегда тѣсно связано съ тѣмъ, какъ англичане понимали свою религію. Еврейскій вопросъ былъ здѣсь исключительно вопросомъ религіозной терпимости. Въ 18-мъ и первой половинѣ 19-го вѣка евреевъ въ Англіи было такъ мало, что тутъ и рѣчи не могло быть объ экономической конкурренціи или „вредности“ ихъ. Тѣ ограниченія, которыя существовали для евреевъ, были направлены не противъ „эксплуататоровъ“, а противъ людей, исповѣдующихъ не „истинную“ религію, и касались одинаково всѣхъ диссидентовъ и католиковъ. „Истинная“ же религія была лишь въ лонѣ англиканской церкви, т. е. то именно христіанство, которое изложено въ извѣстныхъ 39 параграфахъ, принятыхъ на соборѣ англиканскихъ прелатовъ при Елизаветѣ.

Спеціальныхъ законовъ противъ евреевъ въ Англіи вообще никогда не было, если не считать, конечно, акта Эдуарда I объ изгнаніи ихъ. Но всѣ законы, которые принимались парламентомъ противъ диссидентовъ и католиковъ, по существу, обнимали собою и евреевъ, хотя о послѣднихъ, быть можетъ, законодатели и не думали. Евреи вообще въ счетъ не шли. Они считались не только „чужими,“, но и изгнанными, а слѣдовательно, не могли пользоваться не только политическими, но и никакими другими правами. Кромвель, хотя и разрѣшилъ имъ вновь селиться въ Англіи, но его личная воля, конечно, не могла отмѣнить законъ объ изгнаніи. Они пришли, какъ историкъ Гретцъ говоритъ, nicht durch das grosse Portal, sondern durch eine Hinterthür. Законъ объ изгнаніи оставался въ силѣ и могъ быть примѣненъ по отношенію ко всякому еврею въ любое время вплоть до 1846 г., когда онъ былъ оффиціально изъятъ изъ англійскаго кодекса на основаніи парламентской резолюціи. И дѣйствительно, бывали случаи, хотя и крайне рѣдкіе, что христіанскіе конкурренты въ Сити прибѣгали къ этому закону въ борьбѣ съ тѣмъ или другимъ отдѣльнымъ евреемъ, котораго они хотя не изгоняли, но лишали права торговли.

Насколько своеобразное и узкое пониманіе христіанской религіи играло главную роль въ отношеніяхъ англичанъ къ евреямъ, показала агитаціи въ 1753 году по поводу принятія парламентомъ билля о натурализаціи евреевъ. Въ то время во главѣ правительства стояли Пельгамъ и его братъ герцогъ Ньюкестльскій. Будучи болѣе или менѣе расположены къ евреямъ, они внесли билль, на основаніи котораго евреи, проживъ нѣсколько лѣтъ въ Англіи, могли сдѣлаться гражданами этой страны. Билль этотъ, хотя и встрѣтилъ сильную оппозицію, благополучно прошелъ черезъ обѣ палаты. Едва, однако, успѣлъ онъ получить королевскую санкцію и стать закономъ, какъ противъ него поднялись такая буря и такой шумъ, что тѣ-же министры, испугавшись пораженія на ближайшихъ выборахъ, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ внесли въ парламентъ предложеніе объ отмѣнѣ его —и парламентъ отмѣнилъ его.

Просматривая печатные источники того времени и знакомясь съ главными аргументами, выставленными противъ этого билля, просто не вѣришь глазамъ своимъ, до того нелѣпы

и дѣтски-наивны кажутся всѣ тогдашнія разсужденія. Главный и почти единственный аргументъ, это—узкорелигіозный. Дарованіе евреямъ правъ гражданства, видите-ли, не согласно съ ученіемъ христіанской религіи. Оно можетъ повлечь за собою обращеніе многихъ христіанъ въ еврейство и, слѣдовательно, убавить собою употребленіе ветчины и окороковъ, что и съ точки зрѣнія коммерческой тоже невыгодно. Оно противно волѣ Бога, такъ какъ даровать евреямъ гражданство значитъ дѣйствовать наперекоръ пророкамъ, заявившимъ, что евреи должны быть разсѣяны по лицу земли, безъ отечества и опредѣленнаго мѣстожительства, до тѣхъ поръ пока не отвернутся они отъ своего невѣрія и не соберутся въ странѣ предковъ своихъ; евреи начнутъ размножаться, богатѣть и пріобрѣтать власть до такой степени, что іудаизмъ вытѣснитъ христіанство, и т. д. и т. д.

Конечно, къ этимъ церковнымъ соображеніямъ прибавлялись и болѣе свѣтскія, и мы встрѣчаемъ обычныя обвиненія, которыя, какъ водится, всегда противорѣчатъ другъ другу, въ родѣ, напримѣръ, того, что всѣ евреи ростовщики и что они вытѣснятъ всѣхъ христіанъ изъ торговли, либеральныхъ профессій и другихъ честныхъ занятій,—что евреи продадутъ государство внѣшнимъ врагамъ его и въ то же время станутъ главными хозяевами его,—что они разведутъ въ своей средѣ множество нищихъ и они-же заберутъ все богатство, что они захватятъ въ свои руки всю торговлю и въ тоже время—погубятъ торговлю.

Но, какъ мы сказали, главный аргументъ былъ религіозный, и свѣтскіе аргументы присоединялись для усиленія дѣйствія религіозныхъ. Съ другой стороны, и защитники евреевъ разсуждали главнымъ образомъ съ точки зрѣнія библейской и церковной и доказывали, что пророки врядъ-ли имѣли въ виду великобританскій островъ и что евреи скорѣе станутъ христіанами, если Англія ихъ приметъ, какъ сыновъ своихъ. Одинъ изъ этихъ защитниковъ, опровергая аргументы, основанные на пророчествѣ, между прочимъ привелъ доводъ, какъ-бы предвосхитившій разсказъ Достоевскаго о Великомъ Инквизиторѣ. „Несомнѣнно, говоритъ этотъ защитникъ, что евреи заблуждаются, но за это они должны отвѣчать не передъ людьми, а передъ своимъ Творцомъ. Допустимъ, что самъ Спаситель нашъ явился передъ судомъ ортодоксовъ и началъ проповѣдывать противъ свѣтской власти церкви, воздвигнутой на простыхъ евангельскихъ истинахъ; развѣ вы думаете, что Его не предали бы въ руки коррехидора (португальскій чиновникъ) и не сдѣлали-бы предметомъ зрѣлища на ауто-да-фе?“

Что вопросъ тогда шелъ главнымъ образомъ о религіи, видно между прочимъ и изъ того, что самыми ревностными оппонентами и защитниками билля 1753 г. выступали лица духовныя. Нѣкоторыя изъ нихъ за свою защиту потерпѣли не мало непріятностей со стороны грубой и невѣжественной части населенія. Такъ пасторъ Тэкеръ (Tucker), написавшій брошюру въ защиту билля, былъ избитъ толпою. Епископъ Норвичскій, также защищавшій билль, подвергся издѣвательствамъ и насмѣшкамъ при объѣздѣ имъ своей епархіи. Мальчишки кричали ему на улицахъ: „когда-же обрѣжешь насъ?“, а на дверяхъ одной изъ церквей, въ которой онъ долженъ былъ совершить обрядъ конфирмаціи, было вывѣшено такое объявленіе: „Завтра, въ день субботній, его лордство (титулъ епископовъ) будетъ конфирмировать евреевъ, а въ слѣдующій день, въ воскресенье, христіанъ“.

Этотъ же религіозный или, скорѣе, церковный элементъ выдвигался и черезъ 80 лѣтъ, когда въ англійскомъ парламентѣ стали опять вносить билли объ эмансипаціи евреевъ. И Гладстонъ, который въ первые годы своей политической дѣятельности, въ качествѣ члена торійской партіи, вотировалъ противъ эмансипаціи, аргументировалъ свою оппозицію только тѣмъ, что Англія, какъ государство христіанское, не можетъ признать евреевъ равноправными.

Даже въ декабрѣ 1847 года, внеся билль объ эмансипаціи евреевъ, лордъ Джонъ Росселъ, въ своей интересной и большой рѣчи, долженъ былъ опровергать еще аргументъ на счетъ пророчества. „Намъ говорятъ,—сказалъ онъ,—что дарованіе правъ евреямъ идетъ въ разрѣзъ съ торжественнымъ возвѣщеніемъ пророковъ. Но гдѣ, хотѣлъ-бы я спросить, слѣдуетъ провести границу между безправіемъ и равноправіемъ? Что можно дозволить на основаніи пророчества и чего нельзя? Я спрашиваю васъ, какое право имѣемъ мы истолковывать пророчества и сказать, что еврей можетъ быть ольдерменомъ и шерифомъ, но не членомъ парламента, онъ можетъ быть адвокатомъ, но не акцизнымъ чиновникомъ?“

Однако, въ этой религіозной оппозиціи къ эмансипаціи евреевъ ничего общаго не было съ извѣстной резолюціей Елизаветы Петровны: „отъ враговъ Христовыхъ корысти не желаю“. Въ этой оппозиціи не было ни ненависти, ни вражды, ни презрѣнія къ самимъ евреямъ. Это было лишь ложное пониманіе христіанства и книжное, слѣпое слѣдованіе буквѣ, столь свойственное сухому и строгому протестантству. Признать оффиціально евреевъ равноправными значило открыто нарушить библейское пророчество, хотя и младенцу ясно, что разъ „пророчество“ такого рода, что его осуществленіе зависитъ лишь отъ парламентскаго акта, то оно уже не можетъ претендовать на боговдохновленное и независимое отъ нашей воли предсказаніе; это значило, какъ Гладстонъ вначалѣ думалъ, ввести въ христіанское государство чуждыя ему основы. Характеръ оппозиціи къ допущенію евреевъ въ парламентъ рѣшительно ничѣмъ не отличался отъ той-же оппозиціи по отношенію къ англичанину Бредло, который, какъ открытый атеистъ, не допускался въ парламентъ въ серединѣ 80-хъ годовъ. Аргументы, приводившіеся противъ его допущенія, были тѣ-же, что раньше приводились противъ евреевъ. И побѣда, которую одержалъ Бредло, даже въ подробностяхъ напоминаетъ побѣду евреевъ, съ формальной стороны, какъ увидимъ дальше, состоявшую лишь въ отмѣнѣ нѣкоторыхъ словъ въ присягѣ.

Какъ человѣкъ, Бредло пользовался огромнымъ уваженіемъ и, какъ гражданинъ, пользовался, конечно, всѣми правами. Онъ встрѣтилъ только сопротивленіе тамъ, гдѣ его личность столкнулась съ церковью. То же было и съ евреями. Вотъ почему мы и видимъ въ Англіи еще задолго до оффиціальнаго признанія ихъ полноправными гражданами почти полное равноправіе ихъ на практикѣ. Это фактическое равноправіе и исключительно церковно-каноническій характеръ оппозиціи, которую встрѣчали попытки къ эмансипаціи евреевъ, особенно рельефно выступали въ первой половинѣ истекающаго XIX вѣка.

II.

Теорія и жизнь.

Главные борцы за эмансипацію евреевъ въ Англіи были именно тѣ изъ евреевъ, которые болѣе другихъ испытывали

на себѣ это полное несоотвѣтствіе теоріи съ практикой. Не пользуясь оффиціально никакими правами, будучи по закону „чужими“ и изгнанниками изъ Англіи, они на самомъ дѣлѣ стояли въ центрѣ англійскаго высшаго общества, владѣли помѣстьями, избирались на самыя почетныя должности и даже получали дворянскія званія. Къ этимъ лицамъ главнымъ образомъ принадлежали Гольдсмиды, Исаакъ Лайонъ и сынъ его Фрэнсисъ, Мозесъ Монтефіоре, бароны Ротшильды, Натанъ и сынъ его Ліонель, и Давидъ Соломонсъ. Они были въ тѣсной дружбѣ не только съ членами старинной англійской аристократіи, но водили короткое знакомство и съ лицами королевской фамиліи и наравнѣ съ другими удостоивались приглашенія на придворные пріемы и обѣды. Уже Абраамъ Гольдсмидъ, прадѣдъ сэра Фрэнсиса Гольдсмида, принималъ въ своемъ домѣ такихъ гостей, какъ принцъ-регентъ герцогъ Сэссекскій (duke of Sussex), лордъ Нельсонъ и другіе. Его внукъ, Исаакъ Гольдсмидъ, былъ произведенъ въ баронеты, т. е. въ потомственные дворяне Англіи, былъ избранъ въ члены „королевскаго общества“ еще въ 20-е годы и былъ однимъ изъ главныхъ дѣятелей по распространенію образованія въ Англіи въ первой трети XIX-го столѣтія.

Исаакъ Лайонъ Гольдсмидъ, какъ и сынъ его Фрэнсисъ, были главными агитаторами въ пользу эмансипаціи евреевъ, хотя лично имъ, какъ и соратникамъ ихъ, она рѣшительно ничего не могла-бы прибавить, если не считать права участія въ парламентѣ. Исаакъ Лайонъ умеръ въ апрѣлѣ 1859 года, лишь нѣсколько мѣсяцевъ послѣ того, какъ агитація въ пользу политическаго равноправія евреевъ увѣнчалась, наконецъ, полнымъ успѣхомъ.

Исторія его борьбы за допущеніе евреевъ въ университеты отлично показываетъ, какъ мало общаго „безправіе“ евреевъ въ Англіи имѣло съ безправіемъ ихъ въ другихъ странахъ. Это не было безправіе гражданское, а церковное. Какъ граждане, они пользовались одинаковыми правами со всѣми англичанами. Они могли заниматься чѣмъ угодно, начиная съ земледѣлія и кончая либеральными профессіями, могли учиться чему угодно и гдѣ угодно. Но какъ евреи, они оказывались лишенными правъ всюду, гдѣ вмѣшивался церковно-христіанскій элементъ. Никому въ Англіи, даже въ

самыя реакціонныя времена, не приходило въ голову ограничить имъ возможность учиться и помѣшать пріобрѣтенію образованія. Они могли учиться даже въ Оксфордѣ или Кембриджѣ, но получить въ этихъ двухъ университетахъ ученую степень имъ нельзя было, потому что при полученіи степени тутъ требовалась подписка, что кандидатъ признаетъ „тридцать девять статей“ англиканской церкви. И въ этомъ отношеніи до 1871 года съ евреями раздѣляли участь и католики и диссиденты.

Евреи имѣли также полное право—хотя и не писанное, но никѣмъ не оспаривавшееся и вошедшее въ жизнь—подавать голоса на парламентскихъ и иныхъ выборахъ; они могли даже быть избранными въ члены парламента и на разныя муниципальныя должности. Но вступать въ парламентъ или въ должность не могли, потому что требовалась присяга по формѣ, установленной для христіанъ. И по отношенію къ парламенту евреи до 1829 года были въ такомъ же положеніи, какъ католики, а по отношенію къ муниципальнымъ должностямъ, какъ диссиденты до 1828 года.

Но если, какъ евреи, они не могли соваться со своимъ уставомъ въ чужой монастырь, то, какъ граждане, могли основывать собственные свои монастыри съ собственными уставами. И лондонскій университетъ былъ открытъ въ 1828 году евреями, диссидентами и католиками именно потому, что Оксфордъ и Кембриджъ ставили признаніе „39 статей“ необходимымъ условіемъ для полученія ученыхъ степеней. Однимъ изъ самыхъ энергичныхъ дѣятелей по основанію лондонскаго университета былъ Исаакъ Лайонъ Гольдсмидъ, выбранный въ пожизненные попечители его. Университетъ тогда-же, при основаніи, получилъ королевскую хартію и за долгое время своего существованія выпустилъ множество знаменитыхъ ученыхъ, среди которыхъ было не мало и евреевъ. Въ настоящее время лондонскій университетъ считается однимъ изъ почетнѣйшихъ въ Европѣ.

Иллюстраціей чисто, такъ сказать, церковно-канонической нетерпимости, характеризовавшей въ первую половину XIX вѣка отношенія англичанъ къ евреямъ, можетъ служить карьера знаменитаго поэта-математика Джемса Сильвестра, умершаго въ 1897 г. Онъ учился въ Кембриджѣ и кончилъ этотъ университетъ въ 1837 г., но, какъ еврей, не

могъ получить степени, не смотря на то, что выдержалъ экзаменъ вторымъ. Онъ также не могъ остаться тамъ для дальнѣйшихъ занятій. Но его труды и знанія были всетаки достойно оцѣнены, и онъ тогда-же получилъ каѳедру въ лондонскомъ университетѣ.

Вся законодательная эмансипація евреевъ въ Англіи въ сущности сводилась лишь къ болѣе или менѣе широкому пониманію англичанами христіанской религіи. Въ большинствѣ парламентскихъ биллей, непосредственно касавшихся евреевъ, о самихъ евреяхъ не упоминалось ни однимъ словомъ. Эмансипировались не евреи, а сами англичане—отъ схоластической узости и религіозной темноты, и отъ этой эмансипаціи англичанъ выигрывали и евреи, и диссиденты, и католики. Напримѣръ, до 1828 г. отъ избранныхъ на муниципальныя должности требовалось свидѣтельство о принятіи причастія. Вслѣдствіе этого ни одинъ диссидентъ, не признававшій причастія, не могъ-бы попасть въ мэры, шерифы, ольдермены и прочія должности, если бы не существовала лазейка Annual Indemnity Act, т. е. „акта о безнаказанности“, ежегодно утверждавшагося съ этой цѣлью парламентомъ. Въ 1828 г. законъ о причастіи былъ отмѣненъ, но осталась формула присяги, куда входили слова: „какъ истинный христіанинъ“. И поэтому евреи остались по прежнему исключенными. Такимъ образомъ религіозное пониманіе англичанъ около 1828 года хотя и расширилось, но не на столько еще, чтобы считать равными себѣ и тѣхъ, которые молятся по другому или вовсе не молятся. Но ледъ, начавшій таять подъ лучами благодатнаго солнца, все больше и больше рыхлѣлъ и исчезалъ и черезъ лѣтъ семь-восемь кажутся уже противными настоящей религіозности и слова „какъ истинный христіанинъ“. Въ 1835 г. въ лондонскіе шерифы былъ избранъ Давидъ Соломонсъ; но воспользоваться оказанной ему высокой честью онъ не могъ, потому что, какъ еврей, не хотѣлъ принести присягу, „какъ истинный христіанинъ“, и тогдашній генералъ-отторни, сэръ (потомъ лордъ) Кембелъ, внесъ билль объ отмѣнѣ въ присягѣ шерифовъ этихъ словъ. Билль прошелъ очень быстро, безъ всякаго сопротивленія, и хотя о евреяхъ въ немъ не было ни слова, но послѣ принятія его въ парламентѣ они безпрепятственно могли вступать въ должность шерифовъ.

Первымъ шерифомъ изъ евреевъ былъ, какъ мы видѣли, Давидъ Соломонсъ. Черезъ два года былъ избранъ въ шерифы другой еврей, Мозесъ Монтефіоре, получившій тогда отъ только что вступившей на престолъ королевы Викторіи „кавалерство".

На долю-же Давида Соломонса выпала борьба за права евреевъ и по поводу избранія его въ ольдермены Сити, а затѣмъ и въ члены парламента. Въ обоихъ случаяхъ онъ былъ избранъ христіанами и оба раза избраніе его оказалось недѣйствительнымъ, потому что между нимъ и его должностью стояла присяга, которую онъ по установленной формулѣ не могъ принести. Противорѣчіе между теоріей и жизнью оказалось уже слишкомъ рѣзкимъ. Въ то время какъ сами избиратели довѣряли свои интересы еврею, законъ продолжалъ все еще считать его какъ-бы недостойнымъ этого довѣрія. И поднятая какъ евреями, такъ и христіанами агитація въ пользу перемѣны формулы присяги уже не могла затихнуть, пока въ 1845 году не былъ принятъ новый законъ о присягѣ евреевъ, избранныхъ на муниципальныя и иныя государственныя должности. Закономъ 1845 года распространенъ на евреевъ и законъ 1828 г., отмѣнившій необходимость принятія причастія для вступающихъ на муниципальныя должности, но вмѣсто словъ „какъ истинный христіанинъ", они должны были присягнуть, что не употребятъ своей власти въ ущербъ протестантской церкви и ея служителей. Очевидно, до 1845 года еврею не довѣряли муниципальной службы не потому, чтобы его считали плохимъ гражданиномъ или вреднымъ человѣкомъ, а только за его религію, которая предполагалась враждебной христіанству.

Собственно говоря въ теоріи евреи были признаны англійскими гражданами лишь въ 1846 году, хотя и тогда спеціальнаго закона о евреяхъ не было издано. Но парламентъ принялъ тогда билль „объ облегченіи религіозныхъ убѣжденій", на основаніи котораго были отмѣнены всѣ ограниченія свободы совѣсти, прежде изданныя, и въ этотъ-то общій билль попали и евреи, про которыхъ говорится, что, какъ религіозная община, они пользуются тѣми-же правами, что и всѣ другія нонконформистскія исповѣданія и секты.

Евреямъ осталась только закрытой законодательная дѣятельность. Они получили право занимать любую должность,

выборную или по назначенію, могли заниматься чѣмъ угодно, но не могли попасть въ парламентъ вслѣдствіе формулы присяги.

Въ 1847 году въ члены парламента былъ избранъ отъ лондонскаго Сити Ліонель Ротшильдъ, но не былъ допущенъ къ засѣданіямъ, потому что отказался присягнуть по установленной формулѣ. Не смотря на это, Сити продолжало его избирать и на слѣдующихъ выборахъ, оставаясь въ теченіе одиннадцати лѣтъ только съ однимъ парламентскимъ представителемъ (лордомъ Джономъ Росселемъ), вмѣсто двухъ, на которыхъ оно имѣло право. Другой еврей, Давидъ Соломонсъ, былъ избранъ въ 1851 году въ гринвичскомъ избирательномъ участкѣ. Соломонсъ пробовалъ даже принять участіе въ голосованіяхъ парламента безъ принесенія установленной присяги и былъ за это присужденъ къ 500 фунтамъ стерлинговъ штрафа. Наконецъ, въ 1858 г. парламентъ разрѣшилъ евреямъ пропустить слова, несогласныя съ ихъ религіозной совѣстью—и этимъ самымъ эмансипація въ законодательномъ порядкѣ закончилась. Отмѣна ограниченій въ отношеніи доступа къ ученымъ степенямъ въ университетахъ Оксфорда и Кембриджа, послѣдовавшая въ 1870 г., уже касалась не одныхъ только евреевъ.

III.

Сэръ Мозесъ Монтефіоре.

Завершившаяся законодательная эмансипація имѣла для евреевъ исключительно нравственное значеніе. Она сняла клеймо, наложенное на нихъ человѣческой глупостью, темнотой и своекорыстной жадностью. Она укрѣпило въ нихъ любовь къ родинѣ, доброжелательство къ согражданамъ и уваженіе къ христіанству. Въ матеріальномъ-же отношеніи она имъ ничего прибавить не могла.

Съ другой стороны санкціонированіе закономъ того, что жизнь давно признала, укрѣпила и въ самыхъ англичанахъ правовыя понятія, расширило ихъ гражданскій и религіозный кругозоръ и сдѣлало ихъ отношенія къ евреямъ болѣе тѣсными.

Объ этихъ чисто соціальныхъ отношеніяхъ, какъ до эмансипаціи, такъ и послѣ эмансипаціи евреевъ, я и хочу поговорить болѣе подробно въ настоящей главѣ.

Оглядываясь на сравнительно недавнее прошлое англійскихъ евреевъ, невольно останавливаешься съ благоговѣніемъ на величественной, выдѣляющейся въ блескѣ невиданнаго до нея ореола славы и добра, фигурѣ Мозеса Монтефіоре. Начиная съ 1824 года, когда онъ оставилъ свои финансовыя дѣла, чтобы всецѣло отдаться общественной дѣятельности, и до конца дней своихъ, т. е. до 1885 года, онъ неизмѣнно выступалъ и работалъ, какъ *еврей*. Хотя въ дѣлахъ человѣколюбія и благотворительности онъ не зналъ разницы между той и другой религіей, но всетаки, по самому ходу вещей, главныя его заботы сосредоточились на его единовѣрцахъ. Это ихъ мучили въ Дамаскѣ и пытали въ Морокко; это у еврейскихъ матерей хватали маленькихъ дѣтей, чтобы сдѣлать изъ нихъ католическихъ аббатовъ (дѣло Моттары) или православныхъ солдатъ; это евреевъ топили въ Дунаѣ („Наяды Галаца") и выселяли изъ 50-ти верстной пограничной полосы. И много, страшно много другихъ ужасовъ и страданій рвало и терзало сердце великаго англійскаго еврея. И на протяженіи своей долгой, болѣе чѣмъ столѣтней жизни онъ всюду метался и, не зная ни отдыха, ни покоя, кидался изъ одной страны въ другую, отъ одного монарха къ другому, отъ одного правительства къ другому, и всюду и вездѣ онъ носился съ своимъ еврейскимъ горемъ, всюду и вездѣ онъ молилъ о защитѣ и пощадѣ своихъ евреевъ, хлопоталъ и бился все изъ-за нихъ. Семь разъ онъ ѣздитъ въ Іерусалимъ, не взирая на свирѣпствующія чумы, на войны и на возстанія, на гоняющихся за нимъ пиратовъ и разбойниковъ. Въ снѣжныя бури и мятели онъ мчится къ русскому царю Николаю Павловичу и на обратномъ пути чуть не тонетъ съ женой, достойной подругой великаго мужа, при переправѣ по льду черезъ Нѣманъ. 81-лѣтнимъ старцемъ онъ спѣшитъ на выручку единовѣрцевъ въ Морокко, изъ мрачныхъ темницъ котораго донеслись до его спокойнаго дворца въ Рамсгетѣ отчаянные крики невинно-замучивавшихся людей; а спустя восемь лѣтъ, т. е. будучи уже девяносто-лѣтнимъ старцемъ, онъ является передъ царемъ-освободителемъ въ Петербургѣ съ поздравленіемъ отъ англійскихъ евреевъ.

Въ глазахъ англійскаго общества, какъ и всего свѣта, сэръ Мозесъ Монтефіоре былъ поэтому раньше всего евреемъ.

Отношенія англичанъ къ нему поэтому до нѣкоторой степени отражаютъ въ себѣ и ихъ отношенія къ евреямъ вообще. Правда, даже въ Россіи Монтефіоре встрѣтилъ со стороны высшихъ властей особенно-почетный пріемъ. Съ нимъ обходились не только какъ съ выдающейся личностью, но даже какъ съ представителемъ народа. Онъ былъ принятъ въ Россіи, какъ „царскій гость", и въ его распоряженіе были предоставлены придворныя кареты и были откомандированы чиновникъ и служители. Въ день его пріема Николаемъ Павловичемъ въ Зимнемъ Дворцѣ караулъ былъ составленъ изъ еврейскихъ солдатъ.

Когда Монтефіоре пріѣхалъ въ Петербургъ во второй разъ, въ 1872 году, Александръ II, во вниманіе къ престарѣлому возрасту его, нарочно пріѣхалъ изъ Краснаго Села, чтобы принять его и не безпокоить поѣздкой за городъ, въ лагери.

Оказывали ему большія почести и султаны Турціи и Морокко, и разные другіе западно-европейскіе короли, не говоря уже о египетскихъ вице-короляхъ и мало-азіатскихъ пашахъ и губернаторахъ. Не слѣдуетъ, однако, забывать, что ко всѣмъ этимъ властямъ онъ являлся съ рекомендаціями отъ высшихъ государственныхъ лицъ Англіи, и хотя онъ выступалъ съ своими просьбами и ходатайствами въ качествѣ еврея, его принимали, какъ англичанина, и какъ лицо, глубоко-уважаемое англійской королевой и поддерживаемое англійскимъ правительствомъ. Другое дѣло въ самой Англіи. Здѣсь его рекомендаціи состояли въ его собственной личности, и все то уваженіе, которымъ онъ здѣсь пользовался, онъ пріобрѣлъ именно какъ еврей, какъ неустанный дѣятель въ пользу облегченія ихъ участи. Въ 1840 г., возвратившись съ своей поѣздки въ Сирію, Египетъ и Константинополь, онъ былъ принятъ королевой, и послѣдняя именно, какъ было заявлено оффиціально, во вниманіе *къ его заслугамъ по облегченію участи евреевъ*, пожаловала ему право прибавить къ гербу своей семьи три подпорки съ надписью по-еврейски „Іерусалимъ"; а черезъ нѣсколько лѣтъ за такія же заслуги пожаловала ему званіе баронета.

Такъ же оффиціально были признаны его заслуги въ пользу евреевъ, когда онъ возвратился изъ Морокко. Правда, тогда своей миссіей въ Морокко онъ оказался полез-

нымъ одинаково какъ для евреевъ, такъ и для христіанъ, но поѣхалъ онъ туда исключительно по дѣламъ своихъ единовѣрцевъ. Бывшій тогда товарищемъ министра иностранныхъ дѣлъ мистеръ Лайардъ счелъ нужнымъ въ слѣдующихъ словахъ отмѣтить въ парламентѣ заслуги Монтефіоре: „Если принять во вниманіе,—сказалъ онъ,—что въ Морокко находится около милліона евреевъ, то можно себѣ представить, какую огромную услугу оказалъ Мозесъ Монтефіоре. Имѣвъ честь дѣйствовать съ нимъ заодно въ разныхъ случаяхъ, я могу здѣсь засвидѣтельствовать, что имъ руководитъ благородный и возвышенный духъ человѣколюбія и гуманности, одинаково распространяющійся на всѣхъ тѣхъ, безъ различія вѣроисповѣданія, кто только страдаетъ отъ обидъ и несправедливости".

Въ Сити мѣстное правленіе (Court of Common Council), избравшее его гражданиномъ, воспользовалось также случаемъ публично выразить ему благодарность лондонскихъ гражданъ „за отличныя услуги, оказанныя его поѣздками въ разныя страны угнетаемымъ за религіозныя убѣжденія, и особенно за поѣздку въ Морокко, предпринятую съ цѣлью добиться у императора отмѣны ограниченій, тяготѣвшихъ надъ его еврейскими и христіанскими подданными".

Говоря о положеніи Мозеса Монтефіоре въ англійскомъ обществѣ, нельзя не упомянуть и о его близкой дружбѣ съ герцогомъ Сэссекскимъ, т. е. братомъ Георга IV и дядей королевы Викторіи. Этотъ принцъ, умершій въ 1843 г., былъ очень либеральнаго образа мыслей. Въ палатѣ лордовъ онъ неизмѣнно подавалъ свой голосъ за либеральныя реформы и дѣятельно агитировалъ въ пользу эманципаціи евреевъ, къ которымъ относился съ особеннымъ сочувствіемъ. Онъ хорошо зналъ древне-еврейскій языкъ, былъ очень недурно знакомъ съ древне-еврейской литературой и любилъ читать Библію въ подлинникѣ. Онъ оставилъ замѣчательную библіотеку изъ 50000 томовъ, среди которыхъ книги и цѣнные манускрипты на древне-еврейскомъ языкѣ занимаютъ значительное мѣсто.

Сэръ Мозесъ Монтефіоре въ своемъ дневникѣ разсказываетъ, что когда въ 1837 г. королева, только что взошедшая на престолъ, „посвятила его въ кавалеры", герцогъ Сэссекскій, присутствовавшій при этой церемоніи посвяще-

нія перваго еврея въ англійскіе кавалеры, приблизился къ нему, схватилъ его за руку и, крѣпко пожимая ее, громко воскликнулъ: „Вотъ это одно изъ дѣлъ, за которыя я работалъ всю свою жизнь!"

Для характеристики этого принца можно прибавить, что въ своемъ завѣщаніи онъ выразилъ волю, чтобы его похоронили не въ мавзолеѣ королевской семьи, а на общественномъ Кенсалъ-Гринскомъ кладбищѣ въ Лондонѣ.

Одновременно съ Мозесомъ Монтефіоре во второй трети XIX вѣка въ англійскомъ обществѣ пользовались большимъ уваженіемъ и другіе дѣятели на пользу евреевъ, какъ Исаакъ Лайонъ Гольдсмидъ, сынъ его Фрэнсисъ, Давидъ Соломонсъ, Бенджаменъ Филлипсъ и другіе. Что вліяніе ихъ въ англійскомъ обществѣ было очень сильно, видно уже изъ того, какъ англійское правительство и парламентъ относились къ ихъ ходатайствамъ за евреевъ въ разныхъ странахъ, и изъ того сочувствія и участія, которыя они умѣли вызывать вообще въ своихъ соотечественникахъ къ заграничнымъ евреямъ.

IV.

Дамаскинское и другія дѣла.

Кажется, первый разъ англійское правительство открыто вмѣшалось въ пользу евреевъ за границей въ 1840 г. по поводу дамаскинской драмы. Наше поколѣніе, конечно, уже мало знаетъ и мало интересуется тѣмъ, что происходило 60 лѣтъ тому назадъ въ какомъ-то мало-азіатскомъ городишкѣ. Но я-бы непремѣнно совѣтовалъ каждому молодому еврею, собирающемуся ради благъ земныхъ отречься отъ своего народа, прочесть исторію дамаскинскаго дѣла. Онъ можетъ быть вѣрующимъ или невѣрующимъ евреемъ, но познакомившись съ тѣми истязаніями и пытками, которыя перенесли дамаскинскіе религіозные мученики, онъ не можетъ не исполниться жалости и любви къ своему народу, и онъ тогда пойметъ, что изъ одного, такъ сказать, джентельментства, изъ одного чувства добропорядочности, онъ обязанъ оставаться и умереть евреемъ, какъ бы горько и плохо ему ни приходилось. Эти мученики Дамаска легко могли бы избавиться отъ адскихъ мукъ, если бы приняли католичество или признали бы себя мусульманами. Но они

хорошо сознавали, что облегчивъ себя, они утвердятъ позорнѣйшую клевету и забросятъ грязью не только современниковъ, но и далекихъ потомковъ, и они предпочли перенести все и умереть подъ руками палачей, лишь бы сохранить чистымъ еврейское имя, лишь бы никто не смѣлъ бросить еврею въ лицо обвиненіе, которое, по горькой ироніи судьбы, противорѣчитъ всему духу, всей сущности іудаизма, состоящаго въ преклоненіи передъ всѣмъ живымъ, передъ вѣчнымъ началомъ жизни, какъ въ людяхъ и животныхъ, такъ даже и въ растеніяхъ. Когда я читаю о братьяхъ Арари, о Мозесѣ Абулафіа, Мозесѣ Салоникѣ, о 81-лѣтнемъ старикѣ Ланіадо и другихъ, какъ ихъ избивали бастонадами, какъ прокалывали имъ глаза, заставляли стоять выпрямившись по нѣсколько дней подрядъ, какъ заковывали въ бочкахъ съ холодной водой, какъ рвали уши, жгли ноздри, всаживали тернія и иголки между мясомъ и ногтями на пальцахъ рукъ и ногъ, я какъ-бы вижу эти потухающіе въ предсмертной агоніи мученическіе глаза, устремленные на меня съ мольбою и безконечной грустью. „Неужели ты забудешь насъ и перейдешь въ лагерь нашихъ мучителей, бросивъ тѣмъ самымъ какъ бы камнемъ въ наши могилы?"—говорятъ мнѣ эти глаза. А стоны еврейскихъ матерей, у которыхъ дамаскинскіе палачи захватили шестьдесятъ маленькихъ дѣтей, чтобы мучить ихъ голодомъ, развѣ они не раздаются въ нашихъ ушахъ еще и теперь?

Да, юный читатель, знакомьтесь съ исторіей еврейскихъ мучениковъ. Это одна изъ самыхъ поучительныхъ исторій. Наши мученики не канонизируются. Мы не молимся имъ и не воскуриваемъ имъ ладана, но забыть ихъ, дать зарости ихъ могиламъ репейникомъ или, что неизмѣримо хуже, пройти мимо нихъ съ презрительной усмѣшкой скептика— позорно и неблагородно.

И вотъ, въ защиту этихъ-то безвинныхъ жертвъ католическаго фанатизма и жестокосердія и человѣконенавистничества подлаго французскаго консула, Англія впервые, если не ошибаюсь, выступила, какъ гуманная сила. Лордъ Пальмерстонъ, бывшій тогда министромъ иностранныхъ дѣлъ, охотно принялъ еврейскую депутацію, состоявшую изъ Монтефіоре и другихъ главныхъ дѣятелей еврейской общины въ Лондонѣ, и выразивъ ей все негодованіе, которое въ немъ

возбуждаетъ дѣло въ Дамаскѣ, обѣщалъ принять всѣ мѣры къ освобожденію ложно-оклеветанныхъ и вообще къ соблюденію всѣхъ судебныхъ формъ, принятыхъ въ европейскихъ судахъ. Въ парламентѣ сэръ Робертъ Пиль, „вообще въ интересахъ гуманности" потребовалъ отъ министерства энергичнаго вмѣшательства, чтобы, какъ онъ сказалъ, „избавитъ евреевъ отъ обвиненія, которое основано на предразсудкахъ и причиняетъ столько несправедливаго горя".

Помимо парламента, сочувствіе англійскаго общества высказалось еще и на митингѣ, спеціально созванномъ въ Меншенгоузѣ лордъ-мэромъ. На этомъ митингѣ ораторами выступили извѣстные въ то время члены парламента и между прочимъ знаменитый ирландскій патріотъ Даніель О'Коннель. На митингѣ были приняты резолюціи, выражавшія состраданіе и сочувствіе христіанъ къ преслѣдуемымъ евреямъ и изъявлявшимъ чувство омерзѣнія къ пыткамъ и полное недовѣріе ко всѣмъ показаніямъ, вымученнымъ посредствомъ нихъ.

Всѣ эти резолюціи, по словамъ тогдашнихъ газетныхъ отчетовъ, были приняты съ громаднымъ воодушевленіемъ, и собраніе поручило лордъ-мэру представить ихъ всѣмъ иностраннымъ представителямъ въ Лондонѣ и англійскому правительству.

Мы сдѣсь не пишемъ исторіи дамаскинскаго дѣла и поэтому опускаемъ всѣ подробности, касающіяся заступничества за евреевъ и со стороны другихъ державъ, между прочимъ и Россіи. Какъ извѣстно, въ этомъ дѣлѣ играли роль не только фанатизмъ и злоба католическихъ монаховъ и французскаго консула, но и разныя политическія интриги державъ. Огромное, самое выдающееся участіе и по одному только чувству человѣлюбія принялъ въ судьбѣ невинно-оклеветанныхъ австрійскій консулъ, которому евреи и обязаны раскрытіемъ всего этого гнуснаго дѣла. Но, повторяемъ, на подробностяхъ мы здѣсь не останавливаемся, такъ какъ наша задача заключается лишь въ обрисовкѣ отношеній англичанъ къ евреямъ.

Черезъ восемнадцать лѣтъ евреи встрѣтили въ англійскомъ обществѣ еще болѣе горячее сочувствіе по дѣлу насильственнаго захвата католическими монахами еврейскаго ребенка Мортары въ Болоньи. Особенно близко къ сердцу

приняли судьбу бѣдныхъ родителей Мортары протестанты Англіи. Союзъ евангеликовъ, Комитетъ протестантской ассоціаціи и Реформаціонное общество Шотландіи отправили въ министерство петиціи, требуя правительственнаго вмѣшательства. И, какъ извѣстно, вмѣшательства этого—и не только Англіи, но и другихъ государствъ—евреи добились, хотя оно и не привело ни къ чему.

Папскія власти, уцѣпившись, какъ хищные звѣри, за жертву, уже ни за что не выпускали ее изъ своихъ когтей, и молодая мать бѣднаго ребенка, такъ жестоко, такъ гнусно вырваннаго изъ ея объятій, вскорѣ умерла отъ тоски по немъ.

Это-же братское сочувствіе англійскіе парламентъ и общество—и не безуспѣшно—оказали евреямъ и по дѣлу ложнаго обвиненія въ Саратовѣ.

Но какъ ни сочувственно, какъ братски ни относились правительство и общество англійскія къ еврейскому горю за границей, до полученія полной эмансипаціи евреи не могли чувствовать себя дома и въ самой Англіи. Это отлично понялъ сэръ Робертъ Пиль. Когда въ 1847 г. былъ внесенъ билль въ пользу равноправія евреевъ, онъ на первомъ чтеніи подалъ голосъ противъ него; но на второмъ чтеніи онъ, къ удивленію всѣхъ, выступилъ горячимъ защитникомъ билля; при этомъ онъ высказалъ въ своей рѣчи слѣдующія очень характерныя для положенія евреевъ въ Англіи соображенія.

„У меня есть еще другія основанія,—сказалъ этотъ знаменитый человѣкъ,—заставляющія меня вотировать въ пользу билля. Есть страны, въ которыхъ евреи все еще подвергаются преслѣдованіямъ и стѣсненіямъ. Въ теченіе послѣднихъ трехъ или четырехъ лѣтъ одинъ англійскій подданный, выдающійся своимъ милосердіемъ и филантропіей, сэръ Мозесъ Монтефіоре, два раза отправлялся въ далекія страны въ надеждѣ облегчить тяжелый жребій страдальцевъ-евреевъ. Онъ ѣздилъ въ Петербургъ просить за евреевъ въ Польшѣ, онъ ѣздилъ на Востокъ помочь евреямъ въ Палестинѣ отъ постыдныхъ несправедливостей, совершенныхъ надъ ними подъ предлогомъ, что они убили христіанъ для употребленія на пасхѣ ихъ крови. Онъ везъ съ собою рекомендательныя письма отъ великобританскихъ министровъ, засвидѣтельствовавшихъ его высокую репутацію и чистоту его помысловъ. Насколько, однако, болѣе убѣдительными, болѣе дѣйствительными оказались-бы эти письма, если бы они могли сообщить, что среди насъ самихъ погасли и исчезли всѣ старые предразсудки и что еврей, въ отношеніи политичесяихъ правъ, совершенно равенъ съ своими христіанскими согражданами“.

Такимъ образомъ сами англичане, т. е. наиболѣе, конечно, культурные изъ нихъ, хорошо понимали все нравственное значеніе равноправія какъ для евреевъ, такъ и для самой Англіи. Вотъ именно въ этомъ-то нравственномъ значеніи и заключалась, какъ мы и покажемъ болѣе подробно въ слѣдующей главѣ, вся важность эмансипаціи для евреевъ въ Англіи.

V.

Отпаденія отъ еврейства.

Какъ мы уже выше замѣтили, въ матеріальномъ отношеніи эмансипація евреямъ Англіи рѣшительно ничего не дала. Тѣ нѣсколько должностей, которыя открылись послѣ эмансипаціи для евреевъ, какъ чиновниковъ, наврядъ-ли могли имѣть какое-либо серьезное значеніе. Въ 50-хъ годахъ евреевъ въ Англіи было сравнительно очень немного. Общее число ихъ вѣроятно не превышало и сорока тысячъ, и всѣ они были болѣе или менѣе хорошо устроены, какъ торговцы, банкиры, фабриканты, врачи, адвокаты. Если они не занимались земледѣліемъ, то не потому, что бы кто-либо имъ не разрѣшалъ этого труда, а потому, что у нихъ были болѣе выгодныя занятія. Но социальное положеніе евреевъ среди англичанъ до эмансипаціи было безспорно ниже чѣмъ послѣ эмансипаціи.

Главная и единственная часть общества, которая больше или меньше сближалась съ евреями, это была высшая аристократія. Но въ англійской аристократіи евреи играли далеко не ту роль, какую они занимали въ берлинскомъ высшемъ обществѣ въ послѣдней четверти восемнадцатаго столѣтія. Въ Германіи евреи сходились съ нѣмецкой аристократіей главнымъ образомъ на почвѣ высшихъ литературныхъ и философскихъ интересовъ, и въ салонѣ Генріеты Герцъ или Моисея Мендельсона мы встрѣчаемъ Вильгельма

Гумбольдта, Лессинга, Гете, Жанъ-Поля, Ансилона, фонъ-Бринкмана, Шлейермахера и многихъ другихъ, чьи имена пользовались громкой извѣстностью не только у современниковъ, но и въ наше время. Въ Англіи-же евреи стояли почти совершенно въ сторонѣ отъ существовавшаго тогда литературнаго и философскаго міра, и сходились съ аристократіей лишь какъ богатые люди, какъ крупные банкиры и коммерсанты, какъ владѣльцы превосходныхъ рысаковъ и охотничьихъ полей. Главныя богатыя еврейскія семейства въ тогдашней Англіи были Ротшильды, Монтефіоре (Мозесъ Монтефіоре и Натанъ Ротшильдъ были женаты на сестрахъ Когенъ), Когены, Мокаты и Гольдсмиды. Эти семейства поэтому и пользовались полнымъ расположеніемъ аристократіи. И хотя расположеніе это могло быть и совершенно искреннимъ, но оно всетаки находило свой источникъ не въ чувствѣ равенства, не въ общности духовныхъ интересовъ, а въ деньгахъ, въ богатствѣ, и слѣдовательно человѣкъ не богатый разсчитывать на это расположеніе не могъ-бы.

Да, вѣроятно, въ первую треть XIX столѣтія дружба англійской аристократіи съ евреями на самомъ дѣлѣ и не лишена была и оттѣнка высокомѣрнаго пренебреженія съ одной стороны и раболѣпія—съ другой. Тѣмъ болѣе, что первое богатое поколѣніе названныхъ семействъ далеко еще не отличалось тою свѣтскостью, тѣми манерами и обращеніемъ, какія вырабатываются долгими годами независимой жизни, благовоспитанности и общенія съ разнороднымъ кругомъ лицъ. Нельзя, вѣдь, на самомъ дѣлѣ думать, что лордъ Нельсонъ или герцогъ Кембриджскій, обращаясь за панибарата съ Натаномъ Ротшильдомъ, основателемъ лондонскаго отдѣленія фирмы, считали его и въ душѣ равнымъ себѣ. Какъ извѣстно, Натанъ-Мейеръ, хотя уже самъ былъ сынъ богача, былъ очень грубый и плохо воспитанный человѣкъ, весь ушедшій въ скопленіе своихъ милліоновъ.

Только этимъ не вполнѣ равнымъ соціальнымъ положеніемъ евреевъ въ Англіи до эмансипаціи и можно объяснить себѣ частыя обращенія въ христіанство до 40-хъ годовъ и почти полное прекращеніе ихъ въ послѣдніе 50—60 лѣтъ. Евреи переходили тогда въ христіанство не въ поискахъ за матеріальными благами, а по эфемерному тщеславію, надѣясь сдѣлаться „своими“ въ избранномъ англійскомъ обществѣ.

Бѣднымъ тогда не зачѣмъ было оставлять іудейство. Переходомъ въ христіанство они ничуть не исправили бы своихъ денежныхъ дѣлъ. Скорѣе, пожалуй, ухудшили бы ихъ, разорвавъ съ своей общиной. Другое дѣло богатые и обезпеченные люди, у которыхъ было все, кромѣ „приличнаго“ общественнаго положенія. Крестились поэтому главнымъ образомъ люди, которые стремились въ политику, въ чиновники или въ армію. Главнымъ образомъ оставляли еврейство члены общины „сефардимъ“, этой самой богатой, родовитой и лѣтъ сто тому назадъ очень замкнутой еврейской секты, почти теперь вымершей въ Лондонѣ и потонувшей въ наплывѣ „ашкеназимъ“ изъ Германіи и Россіи. Особенно разстроилась эта община въ 40-хъ годахъ, когда наиболѣе выдающіеся члены ея вмѣстѣ съ выдающимися „ашкеназимъ“ отдѣлились въ особую реформированную синагогу. Въ настоящее время остались лишь нѣсколько семействъ, какъ Монтефіоре, Моката, Гедала, Перейра, Мелдола, Линдо и нѣсколько другихъ, давно уже слившихся съ „ашкеназимъ“ и сохранившихъ лишь номинально свою синагогальную обособленность.

Къ этимъ испанскимъ и португальскимъ евреямъ, долго сохранявшимъ въ себѣ старое чувство гордости, вынесенное ими изъ изгнавшаго ихъ отечества, и принадлежали принявшіе христіанство Джошуа Монтефіоре, братъ Мозеса, Исаакъ Фуртадо и очень богатый вестъ-индскій купецъ Яковъ Берналъ. Братъ послѣдняго, Исаакъ, женился на христіанкѣ, но самъ религіи не перемѣнилъ и дѣти у него, сынъ и дочери, воспитывались какъ евреи. Сынъ, однако, потомъ принялъ христіанство, а изъ дочерей однѣ вышли за евреевъ, другія—за христіанъ. Внукъ Якова Бернала женился въ 1844 г. на наслѣдницѣ стариннаго англійскаго дворянскаго рода Осборновъ и его дѣти носятъ теперь двойное имя Берналъ-Осборнъ.

Къ „сефардимъ“ же принадлежалъ и Давидъ Рикардо, знаменитый политико-экономъ. Его отецъ, Абрагамъ Рикардо, былъ очень набожнымъ евреемъ, а также однимъ изъ дѣятельныхъ членовъ еврейской общины. Давидъ Рикардо принялъ христіанство рано и примѣру его послѣдовали потомъ всѣ его братья. Въ настоящее время въ Англіи встрѣ-

чается множество и христіанскихъ и еврейскихъ семействъ, носящихъ это имя.

Приблизительно около 1817 года перешелъ въ христіанство и отецъ лорда Биконсфильда, Исаакъ Дизраэли, послѣ того какъ поссорился съ правленіемъ своей сефардійской общины или синагоги. Исаакъ Дизраэли никогда не былъ набожнымъ евреемъ и жилъ вдали отъ всякихъ синагогальныхъ дѣлъ, поглощенный своими литературными работами. Но онъ всетаки аккуратно платилъ каждый годъ десять фунтовъ стерлинговъ въ синагогальную кассу. Но вотъ, 3-го октября 1813 года, его избрали „парнесомъ“ (старостой) синагоги. Честь эту онъ отъ себя отклонилъ и въ письмѣ своемъ на имя секретаря синагоги прибавилъ: „я не прочь дѣлать ежегодные взносы, насколько мои ограниченныя средства позволяютъ, но не имѣю никакого желанія вмѣшиваться въ ваши внутреннія дѣла“. Правленіе общины, получивъ этотъ отказъ, оштрафовало автора „Curiosities of Literature“, согласно уставу своему, на сорокъ фунтовъ, о чемъ де-Кастро, секретарь общины, сообщилъ ему и въ то же время попросилъ явиться на засѣданія. Исаакъ Дизраэли возвратилъ повѣстку на счетъ засѣданія обратно и написалъ, что, вѣроятно, она ему прислана по недоразумѣнію. „Я уже упомянулъ объ условіяхъ, на какихъ лишь и могу считать себя чѣмъ-либо связаннымъ съ вашимъ обществомъ“, — прибавилъ онъ. На это ему была прислана резолюція правленія, что выборы его въ старосты произведены на основаніи правилъ общины. Послѣ этого Дизраэли послалъ длинное письмо старшинамъ синагоги, но впечатлѣнія оно, очевидно, никакого не произвело, такъ какъ ему все еще продолжали присылать счеты съ требованіемъ уплаты по нимъ разныхъ взносовъ и штрафовъ, пока, наконецъ, выведенный изъ терпѣнія, онъ окончательно и формально не порвалъ съ еврействомъ, окрестивъ себя и всѣхъ дѣтей своихъ, трехъ сыновей и одну дочь. Нѣкоторыя мѣста изъ его письма, посланнаго въ правленіе еврейской общины съ требованіемъ снять его имя съ списка членовъ, очень интересны, какъ характеристика тогдашней сефардійской общины въ Лондонѣ и какъ выраженіе взглядовъ очень выдающагося человѣка, имя котораго сохранилось-бы въ литературѣ, если бы даже онъ и не былъ отцомъ еще болѣе знаменитаго сына.

„Я сожалѣю,—писалъ онъ,—о тѣхъ обстоятельствахъ, которыя заставляютъ меня вмѣстѣ со многими другими выйти изъ вашей юрисдикціи. Большая часть членовъ въ вашей общинѣ напоминаетъ колѣно ефремово, о которомъ пророкъ Осія говорилъ: „Ефремъ смѣшался съ народами, Ефремъ сталъ какъ неповороченный хлѣбъ“. То есть какъ хлѣбъ, выпеченный съ одной стороны и сырой—съ другой, частью еврей и частью не-еврей! Отчего у васъ столько ефремитовъ? Вамъ-бы слѣдовало подумать о причинахъ отпаденія. Джентельмены! позвольте мнѣ прибавить, что вездѣ, гдѣ управляемые непослушны, ужъ вѣрно чѣмъ либо да плохи правители. Даже правительство маленькой секты нуждается въ просвѣщенныхъ принципахъ и должно приноровлять себя къ существующимъ обстоятельствамъ, и раньше всего должно относиться очень деликатно къ чувствамъ своихъ разсѣянныхъ членовъ. Наша связь должна имѣть характеръ семейной привязанности и, будучи добровольной, должна быть чужда всякихъ самоуправныхъ посягательствъ, обязательно ведущихъ къ разрушенію общины. Многихъ изъ своихъ членовъ вы уже потеряли, многихъ теряете! Даже тѣ, которые по характеру и чувствамъ своимъ держались-бы еще васъ, постепенно отпадаютъ.

„А вы противъ всего этого постоянно выставляете свои правила, которыя вы бы хотѣли насильно примѣнять ко всѣмъ братьямъ одинаково!

„Вотъ эти-то устарѣвшія правила и возбуждаютъ много жалобъ. Они были выработаны бѣжавшими отъ преслѣдованій и годились при обстоятельствахъ, совершенно отличныхъ отъ нашихъ и столь-же чуждыхъ намъ, какъ и языкъ, на которомъ они написаны (уставъ Сефардійской общины въ Англіи былъ написанъ на испанскомъ и португальскомъ языкахъ). Нѣкоторые изъ васъ даже гордятся тѣмъ, что ваши правила остались тѣ же, что были сто лѣтъ назадъ. А между тѣмъ нѣкоторыя изъ этихъ правилъ усматриваютъ то, что уже давно не существуетъ; другія-же, вслѣдствіе перемѣны обстоятельствъ, оказываются лишь препятствіями для тѣхъ самыхъ цѣлей, достиженіе которыхъ имѣлось въ виду основателями общины.

„Таково положеніе дѣла, мѣшающее мнѣ принять честь быть однимъ изъ вашихъ старшинъ.

„Во всякомъ случаѣ желаю вамъ всего хорошаго. Не закрывайте двери передъ требованіями вѣка. Приведите школы въ цвѣтущее состояніе и помните, что у васъ были университеты задолго до этого.

„Стоитъ только упорядочить внутреннее устройство общины, чтобы она привлекла къ себѣ общественное уваженіе. Вѣрьте, что я не Санавалатъ, насмѣшками мѣшавшій Нееміи возводить стѣны іерусалимскія и дразнившій его „оживленіемъ камней изъ груды праха".

Среди отпавшихъ отъ еврейства въ первую четверть XIX вѣка, кромѣ тѣхъ, о которыхъ было сказано выше, слѣдуетъ отмѣтить еще три выдающіяся семейства, принявшія протестантство въ поискахъ за болѣе высокимъ соціальнымъ положеніемъ.

Это—Хименесъ (или, какъ англичане произносятъ, Ксименесъ), Родригецъ Лопесъ и Уцціели. Первый былъ очень богатъ и, принявъ христіанство, продолжалъ все еще дѣлать пожертвованія и ежегодные членскіе взносы въ кассу своей португальской синагоги. Впослѣдствіи онъ получилъ кавалерство и назначенъ верховнымъ шерифомъ и магистратомъ.

Родриго Лопесъ тоже разстался очень мирно съ еврействомъ, пожертвовалъ даже 150 фунтовъ въ синагогу на благотворительныя дѣла передъ тѣмъ, какъ ушелъ отъ нея. Онъ потомъ былъ сдѣланъ баронетомъ, и когда какой-то адвокатъ назвалъ его въ одномъ оффиціалномъ документѣ „еврей-баронетъ" (a Jew baronet), то очень обидѣлся, подалъ въ судъ, который и присудилъ обидчика къ 12 мѣсяцамъ заключенія и къ лишенію адвокатской практики. Судъ, конечно, оказался такъ строгимъ потому, что посмотрѣлъ на дѣло чисто съ формальной точки зрѣнія и нашелъ въ именованіи баронета евреемъ, въ то время какъ тотъ уже не былъ евреемъ, подлогъ. Лопесъ принялъ христіанство, чтобы попасть въ парламентъ. Его имя съ титуломъ баронета перешло послѣ его смерти къ его племяннику Ральфу Франко. Семейство Лопесовъ теперь связано, посредствомъ браковъ, со многими аристократическими семьями Англіи, какъ лордъ Черстонъ, сэръ Нюманъ, лордъ Моунтъ-Эджкомбъ и др. Сынъ Ральфа Франко, носящій имя сэра Лопеса Масси Лопеса и бывшій въ кабинетѣ Дизраэли лордомъ адмиралтейства, живъ по настоящее время.

Что же касается до Уцціели, то это и теперь очень извѣстный въ Лондонѣ финансовый домъ.

Слѣдуетъ, однако, сказать, что до эмансипаціи евреевъ даже принятіе христіанства не всегда открывало имъ всюду двери. Такъ, напримѣръ, въ 1785 году ольдермены Сити постановили не допускать въ среду гражданъ Сити даже крещеныхъ евреевъ, боясь конкурренціи ихъ. Вслѣдствіе этого, когда въ 1828 г. нѣсколько членовъ одной семьи, по имени Солъ или Саулъ, обращенныхъ еще въ дѣтствѣ и воспитанныхъ въ протестантствѣ, захотѣли получить гражданство Сити, представлявшее нѣкоторыя торговыя преимущества, собраніе ольдерменовъ сначала имъ отказало, и лишь послѣ продолжительныхъ дебатовъ было рѣшено постановленіе 1785 г. считать отмѣненнымъ, и Солы были допущены въ граждане Сити.

Такъ-то быстро мѣняются люди и время! И теперь это самое Сити уже четыре раза избрало еврея на самую почетную и высшую должность свою, на постъ лондонскаго лордъ-мэра. Первымъ лордъ-мэромъ изъ евреевъ былъ Давидъ Соломонсъ, избранный въ 1855 году.

VI.

Новыя вѣянія.—Дизраэли.—Смѣшанные браки и Ротшильды.

Въ тотъ моментъ, когда 26 іюля 1858 г. баронъ Ліонель Ротшильдъ съ шляпой на головѣ, съ рукой на Ветхомъ Завѣтѣ произнесъ въ стѣнахъ англійскаго парламента новую формулу присяги, еврейскій вопросъ въ Англіи былъ разъ навсегда рѣшенъ. Евреи, какъ обособленная, чужая національность, перестала существовать и осталась только еврейская религія. Въ 60-е и 70-е годы о евреяхъ въ Англіи какъ будто никто и не говорилъ, если не считать случаевъ, когда дѣло шло о евреяхъ за границей. Сами евреи свободно отдались всякимъ профессіямъ, занялись упорядоченіемъ дѣлъ своей собственной общины и окончательно укрѣпились въ своемъ гражданскомъ самосознаніи.

Въ англійскомъ обществѣ, какъ совершенно равноправные члены его, начинаютъ выдвигаться уже не одни милліонеры. Ротшильды, Когены, Гольдсмиды какъ-бы потеряли свою монополію на исключительное вниманіе и уваженіе, на исключительное право представлять собою еврейскую націю. На сцену выдвигаются такія лица, какъ Джорджъ Джес-

сель, знаменитый адвокатъ и юристъ, оставившій богатый слѣдъ въ гражданскомъ правѣ Англіи. Въ 1871 г. онъ былъ назначенъ Гладстономъ въ генералъ-солиситоры, и назначеніе это никого уже не удивило и не шокировало. Черезъ нѣсколько лѣтъ онъ сталъ ***Master of Ralls***, т.-е. вторымъ по значенію судьей Англіи, и президентомъ апелляціоннаго суда по гражданскому отдѣленію. Оксфордъ и Кембриджъ не только начинаютъ выдавать евреямъ ученыя степени, но начинаютъ и приглашать профессоровъ-евреевъ, и тотъ самый Джемсъ Сильвестръ, который въ 1837 г. не могъ, будучи евреемъ, получить въ Кембриджѣ званіе бакалавра, приглашается теперь въ Оксфордъ на каѳедру.

Но самое, конечно, лучшее доказательство того, насколько въ сознаніи англійскаго народа еврейское происхожденіе перестало быть чѣмъ-то неумѣстнымъ, несвойственнымъ для „настоящаго" англичанина, это—избраніе Дизраэли главою политической партіи, поставившее его, по естественному въ Англіи ходу вещей, во главѣ государства.

Правда, Бенжаменъ Дизраэли былъ номинально христіаниномъ, но онъ самъ всегда, въ романахъ своихъ и рѣчахъ, въ парламентѣ и въ салонахъ, старался выдвигать свое еврейское происхожденіе и носился съ нимъ, какъ съ писанной торбой. Да и сами англичане никогда не считали его искреннимъ христіаниномъ и хорошо знали, что если онъ и не посѣщаетъ синагоги, то просто потому, что съ дѣтства больше привыкъ къ англиканской церкви. Но, не особенно высоко ставя его христіанство, они ни минуты не сомнѣвались въ искренности его патріотизма, въ чисто-англійскихъ чувствахъ его, удобренныхъ нѣкоторымъ его еврейскимъ мистицизмомъ. И рѣшительно никто не находилъ страннымъ или неудобнымъ, что правительство одной изъ самыхъ крупныхъ державъ, что судьбы одного изъ самыхъ великихъ народовъ довѣрены человѣку, который открыто называлъ себя евреемъ. Лишь въ самый сильный разгаръ острой политической борьбы, въ концѣ 70-хъ годовъ, противники Дизраэли какъ бы вспомнили о его еврейскомъ происхожденіи и сдѣлали нѣсколько полемическихъ выстрѣловъ по „іудаизму" англійскаго премьеръ-министра.

Нужно сказать, что всѣ еврейскіе члены парламента до 1877 года были неизмѣнными сторонниками либеральной

партіи. Они помнили, что эмансипаціей своей они обязаны только этой партіи и что, если бы не оппозиція торіевъ, евреи были бы равноправны уже въ началѣ XIX столѣтія. И изъ чувства благодарности, столь глубокой у евреевъ къ своимъ христіанскимъ защитникамъ, англійскіе члены парламента изъ евреевъ съ самаго начала примкнули всецѣло къ либеральной партіи. Послѣдняя уже такъ и разсчитывала на евреевъ, какъ на самыхъ своихъ вѣрныхъ приверженцевъ. Даже Дизраэли, не смотря на свое происхожденіе и на то, что подавалъ голосъ всегда за равноправіе евреевъ, не могъ оторвать ихъ отъ либераловъ. Но во второй половинѣ 70-хъ годовъ евреи повернули въ противоположную сторону, и во время руско-турецкой войны примкнули къ политикѣ консервативной партіи и вождю ея Дизраэли. Само собою разумѣется, что оппоненты перваго министра не могли не замѣтить этой перемѣны. Нѣкоторые члены либеральной партіи увидѣли въ переходѣ евреевъ въ другой лагерь чуть не измѣну. Отголоски начинавшаго тогда развиваться въ Германіи антисемитизма донеслись и до Англіи и совпали здѣсь съ чувствами горькой обиды и разочарованія политиковъ. Послышались непріятныя нотки раздраженія и негодованія. Профессоръ Голдинъ Смитъ открыто бросилъ евреямъ обвиненіе въ томъ, что они подчиняютъ свой патріотизмъ іудаизму. Джонъ Брайтъ упрекнулъ премьеръ-министра, что въ жилахъ его нѣтъ ни капли англійской крови. Профессоръ Фриманъ и герцогъ Аргайлскій заговорили о „еврейской опасности", и даже Гладстонъ, въ пылу борьбы, глухо упомянулъ о „еврейскомъ недостаткѣ патріотизма".

Здѣсь не мѣсто входить въ объясненіе причинъ, отчего евреи стали на сторону Дизраэли въ его восточной политикѣ. Бывшій тогда членомъ парламента сэръ Джонъ Саймонъ, оставшійся вѣрнымъ до конца дней своихъ высокимъ принципамъ либеральной партіи, разсказывалъ, что въ 1876 году онъ всетаки, какъ ни горько и тяжело ему было, считалъ своимъ долгомъ вотировать по вопросамъ иностранной политики противъ Гладстона. „Какъ еврей и какъ англичанинъ,— писалъ онъ послѣ,—я и тогда служилъ принципамъ либеральной партіи. Къ сожалѣнію, эти принципы на время перешли изъ лагеря либераловъ въ лагерь консерваторовъ и я послѣдовалъ за ними. Не Гладстонъ, проповѣдывавшій уни-

чтоженіе Турціи, представлялъ собою истинные интересы Англіи и справедливости, а Дизраэли, положившій барьеръ на пути Россіи“.

Насколько сэръ Джонъ Саймонъ и его товарищи по парламенту были правы или ошибались, вопросъ другой. Во всякомъ случаѣ вызванное ихъ поступками анти-еврейское чувство оказалось лишь легкой, быстро исчезнувшей и едва уловимой зыбью, показавшей, что даже самая страстная партійная борьба, обыкновенно ни передъ чѣмъ, ни передъ какой клеветой или гнусностью не останавливающаяся, всетаки уже не могла возродить въ Англіи „еврейскій вопросъ“ и вызвать антисемитизмъ, что такъ легко удалось въ Германіи Бисмарку.

Быть можетъ, не менѣе чѣмъ премьерство Дизраэли, характерными указателями эмансипаціи англичанъ отъ національныхъ предразсудковъ, можетъ служить и увеличеніе числа смѣшанныхъ браковъ и уменьшеніе, напротивъ, числа случаевъ перехода въ христіанство.

Къ сожалѣнію, статистики смѣшанныхъ браковъ въ Англіи не существуетъ, такъ какъ оффиціально религія вѣнчающихся не записывается. Но судя по даннымъ бракоразводныхъ процессовъ, по личнымъ наблюденіямъ разныхъ писателей, по отзывамъ лицъ, регистрирующихъ браки и по разнымъ другимъ источникамъ, можно смѣло сказать, что число смѣшанныхъ браковъ за послѣдніе 40—50 лѣтъ увеличилось по крайней мѣрѣ въ пять или десять разъ.

Въ то время какъ до эмансипаціи бракъ между евреемъ и христіанкой или христіаниномъ и еврейкой былъ большою рѣдкостью, теперь онъ повседневное явленіе. Самое замѣчательное однако то, что въ то время какъ прежде еврей или еврейка въ большинствѣ случаевъ принимали христіанство, вступая въ бракъ съ человѣкомъ не своего племени, теперь по случаю смѣшаннаго брака ни одна еврейка и ни одинъ еврей не крестится [1].

Было время, когда даже дѣвицы изъ семейства Ротшильдъ, выходя замужъ за христіанъ, считали нужнымъ принять христіанство, хотя законъ этого вовсе не требовалъ и всегда предоставлялъ право воспитывать дѣтей въ какой-угодно религіи. Но очевидно, что до средины XIX столѣтія, не смотря на установленную закономъ свободу совѣсти, для христіанина казалось „приличнѣе“ имѣть жену христіанку; вслѣдствіе чего и дочь Натана Ротшильда, выйдя замужъ въ 1839 г. за второго сына лорда Соутгемптонскаго, сочла необходимымъ принять и религію мужа.

[1] Надѣюсь, читатель не обвинитъ меня въ желаніи саморекламы, если я здѣсь укажу на мою статью „Исторія одной улицы“, напеч. въ ноябрьской книгѣ „Вѣстника Европы“ за 1899 г., гдѣ я, между прочимъ, далъ описаніе (съ натуры) одной смѣшанной англо-еврейской семьи.

Приблизительно черезъ 35—40 лѣтъ три ея племянницы, тоже изъ семейства Ротшильдъ въ Англіи, вышли также за христіанъ, но уже ни одна не перемѣнила религіи. Одна изъ нихъ вышла въ 1878 году за человѣка, сдѣлавшагося впослѣ премьеръ-министромъ Англіи, за лорда Розбери. Будучи по натурѣ и воспитанію религіозной, она разъ или два въ году продолжала ѣздить въ синагогу, куда и возила дѣтей своихъ. Она умерла осенью 1890 года и съ тѣхъ поръ каждый годъ въ день ея смерти лордъ Розбери съ дѣтьми посѣщаетъ ея могилу на еврейскомъ кладбищѣ и присутствуетъ на молитвѣ, читаемой въ память ея однимъ изъ еврейскихъ проповѣдниковъ.

Многіе изъ недостаточно хорошо знакомыхъ съ положеніемъ Ротшильдовъ въ свѣтѣ и съ характеромъ ихъ семьи полагаютъ, что эти смѣшанные браки между Ротшильдами и христіанской аристократіей заключаются потому, что Ротшильдамъ-де лестно породниться съ старинными графскими, герцогскими и даже королевскими родами. Нѣтъ болѣе глубокаго заблужденія! Я не скажу, что такъ оно и должно быть, но это фактъ, что Ротшильды настолько высокаго мнѣнія о собственномъ своемъ родѣ и такъ горды своей еврейской расой, что считаютъ браки ихъ дочерей хотя-бы съ представителями самыхъ древнихъ родовъ положительными мезальянсами, на которые они волей-неволей даютъ свое согласіе, потому что знакомство ихъ дочерей ограничивается почти однимъ кругомъ христіанъ, если не считать собственныхъ кузеновъ и кузинъ. Но не имѣя возможности выдавать всѣхъ дочерей за единовѣрцевъ, Ротшильды дѣлаютъ все возможное, чтобы сохранить свой родъ безпримѣсно-чистымъ въ расовомъ отношеніи и ни одной христіанки, хотя бы изъ самаго стариннаго и богатаго дома, къ себѣ въ жены не берутъ. Очень однако сомнительно,

чтобы имъ и впередъ удалось долго еще сохранить эту воображаемую чистоту своей расы, и есть полное основаніе думать, что молодые Ротшильды, т. е. пятое поколѣніе ихъ, теперь какъ разъ находящееся въ періодѣ исканія женъ и мужей, уже дадутъ далеко не чисто-еврейское шестое поколѣніе. Если поэтому смѣшанные браки Ротшильдовъ и доказываютъ что-нибудь, то во всякомъ случаѣ не стремленіе „лѣзть въ аристократы“, а естественное смѣшеніе евреевъ и христіанъ, какъ результатъ исчезновенія національныхъ предразсудковъ, развитія общности интересовъ и равенства между послѣдователями разныхъ религій и членами разныхъ племенъ.

И чѣмъ дальше, тѣмъ все больше исчезаетъ у англичанъ чувство антагонизма къ евреямъ, эта тяжелая идіосинкразія, укоренившаяся вѣками невѣжества и мрака и поддерживаемая злобнымъ темпераментомъ и ограниченнымъ складомъ ума. Въ 1885 г. въ палату лордовъ въ первый разъ вступилъ еврей и занялъ мѣсто, какъ пэръ Англіи, какъ человѣкъ „равный“ („peer“ значитъ по-англійски равный) съ представителями всѣхъ другихъ знатныхъ родовъ. Этотъ еврей былъ баронъ Натаніель Ротшильдъ. Черезъ десять лѣтъ, въ палатѣ лордовъ появился другой еврей, баронъ Стернъ, принявшій титулъ лорда Уондсворта. А черезъ нѣсколько мѣсяцевъ въ томъ же году королева произвела въ пэры Англіи и третьяго еврея, барона де-Вормса, принявшаго титулъ лорда Пэрбрайта.

Быть можетъ, объединеніе евреевъ и христіанъ въ Англіи въ одну общую гражданскую массу шло-бы еще быстрѣе и всякій слѣдъ національно-христіанскаго чувства, какъ противопоставленіе національно-еврейскому, исчезъ бы уже окончательно и осталось-бы лишь одно общее національное чувство на почвѣ разныхъ религій, если-бы въ началѣ 80-хъ годовъ не разразились надъ евреями новыя гоненія и бѣдствія, потрясшія основы прогресса и отозвавшіяся тяжелымъ ударомъ и на англійскихъ евреяхъ.

Вотъ объ этихъ-то новыхъ обстоятельствахъ, давшихъ и новый оттѣнокъ англо-еврейскимъ отношеніямъ, я и поговорю въ слѣдующей главѣ.

VII.

Русско-еврейская эмиграція.

До конца 70-хъ годовъ Англія знала только своихъ „коренныхъ“ евреевъ, потомковъ людей, поселившихся на Великобританскомъ островѣ въ 17 и 18 вѣкахъ. Еврейская иммиграція въ Англію была сравнительно очень незначительной, да и та шла, главнымъ образомъ, изъ Голландіи и Германіи. Въ большей части случаевъ въ Англію переселялась такъ называемая „священная утварь“ („клеікадейшимъ“) въ видѣ разныхъ синагогальныхъ служекъ, „mohel'овъ“, канторовъ, рѣзниковъ, раввиновъ, синагогальныхъ чтецовъ, молельщиковъ, выписанныхъ нарочно для пополненія „minionim“, учителей древне-еврейскаго языка и просто благочестивыхъ старичковъ. Сами англійскіе евреи мало или даже вовсе не занимались еврейской наукой и пренебрегали духовными профессіями, предпочитая, очевидно, болѣе выгодныя занятія на биржѣ и въ разныхъ конторахъ. Первая еврейская семинарія въ Лондонѣ была основана въ 1846 г., но она далеко не удовлетворяла спросу на лицъ духовнаго званія, и еще даже въ 80-е годы заграничные евреи получали мѣста раввиновъ, не говоря уже о низшихъ синагогальныхъ и обрядовыхъ должностяхъ, не только въ провинціальныхъ городахъ, но и Лондонѣ. Даже гордая и старинная община сефардовъ назначила въ 1887 г. своимъ „хахамомъ“, т.-е. главнымъ раввиномъ, иностраннаго еврея Мозеса Гастера, румына по національности и учившагося въ бреславльской еврейской семинаріи.

Этотъ небольшой классъ иностранныхъ евреевъ, годъ изъ года прибывавшій въ Англію, однако ничѣмъ не могъ нарушить общее теченіе жизни и вызвать какія либо опасенія какъ въ средѣ евреевъ, такъ и христіанъ. Они быстро растворялись въ общей массѣ, усваивая и языкъ и обычаи страны, и не успѣвало одно поколѣніе сходить со сцены, какъ другое, младшее, уже поднимало голову и называло себя „настоящими англичанами“, получивъ дипломы и ученыя степени отъ англійскихъ университетовъ. Я лично знаю одного молодого чиновника въ департаментѣ по дѣламъ Индіи, т. е. въ одномъ изъ наиболѣе аристократическихъ и замкнутыхъ вѣдомствъ, еврея, отецъ котораго—русскій вы-

ходецъ, прибывшій въ Англію лѣтъ 45 тому назадъ въ качествѣ рѣзника и исправлявшій эту должность до послѣдняго времени. Я также знаю одного профессора *англійскаго* языка и литературы, отецъ котораго былъ выписанъ изъ Германіи, какъ раввинъ. И не удивительно, такъ какъ эти молодые люди родились въ Англіи и выросли дѣйствительно совершенно-таки англійскими „джентельменами".

Съ начала 80-хъ годовъ, однако, положеніе дѣла сразу перемѣнилось. Русскіе погромы какъ бы открыли собою новую эру, отозвавшись грознымъ гуломъ по всему лицу Божьяго свѣта. Испуганные, оскорбленные и матеріально и нравственно обобранные русскіе евреи, въ страхѣ и смятеніи, ринулись въ болѣе свободныя страны. А тутъ имъ еще оффиціально указали на „западную границу", какъ на единственный путь спасенія, и началась позорная травля какъ въ печати, такъ и въ канцеляріяхъ. И евреи стали переселяться тысячами и десятками тысячъ. Главный потокъ эмиграціи направился, конечно, въ Америку, въ эту вполнѣ естественную и, какъ намъ кажется, единственно возможную для еврейскихъ бѣглецовъ гавань спасенія. Американцы не составляютъ собою какой нибудь одной расы, какъ англичане, французы, нѣмцы. Ни одинъ народъ въ Америкѣ не имѣетъ права кичиться передъ другимъ своимъ „кореннымъ" происхожденіемъ. Тутъ всѣ коренные. И евреи начали переселяться въ Америку еще, быть можетъ, раньше другихъ народностей. Никто здѣсь не имѣетъ права бросить имъ въ лицо безсмысленное и оскорбительное слово „чужой"!

Но кромѣ, такъ сказать, юридической стороны вопроса, Америка представляетъ собою преимущество и съ экономической стороны. Это—земля обильная и просторная, и если только переселенецъ въ силахъ и не прочь приложить свой трудъ къ обработкѣ земли или въ другихъ областяхъ производства, то онъ всегда можетъ устроиться болѣе или менѣе хорошо.

Ничего подобнаго не представляетъ для евреевъ никакая страна въ Европѣ, а тѣмъ менѣе Англія. Тутъ есть „коренная" раса, переполнившая и безъ того сравнительно маленькій островъ, и переселенцу тутъ дѣлать нечего. Онъ въ полномъ смыслѣ слова „чужой", кто бы онъ ни былъ по религіи или происхожденію. Вполнѣ поэтому естественно,

что когда наплывъ сюда русскихъ евреевъ начался въ небывалыхъ раньше размѣрахъ, всѣ всполошились. Тревога охватила одинаково и евреевъ, и христіанъ. Но это была тревога не передъ наплывомъ *евреевъ*, а *чужихъ*. Къ евреямъ, какъ къ жертвамъ религіозныхъ преслѣдованій, высказывалось всѣмъ англійскимъ обществомъ самое горячее сочувствіе, какъ это показалъ митингъ, созванный 1 февраля 1882 г. лордъ-мэромъ, „для выраженія общественнаго мнѣнія по поводу совершенныхъ надъ евреями насилій". На митингѣ этомъ, состоявшемся въ меншенъ-гоузѣ, говорили престарѣлый лордъ Шефтсбюри, нарочно для этого прибывшій изъ провинціи, кардиналъ Маннингъ, каноникъ Фараръ профессоръ Брайсъ и другія выдающіяся лица.

Какъ будто нарочно, чтобы оттѣнить отношенія англичанъ къ евреямъ, въ слѣдующемъ году лордъ - мэромъ было отказано въ митингѣ, который имѣлъ собираться въ томъ-же меншенъ-гоузѣ съ цѣлью евреямъ враждебной. Это было въ ноябрѣ 1883 года, когда пресловутый Штекеръ, прикрываясь овечьей шкурой и полагаясь на свое краснорѣчіе, прибылъ въ Англію съ спеціальной цѣлью вызвать здѣсь антисемитизмъ. Явился онъ въ Лондонъ подъ маской набожнаго протестанта, желающаго будто лишь принять участіе въ чествованіяхъ, происходившихъ тогда здѣсь по случаю четыреста-лѣтія рожденія Лютера. Комитетъ, устраивавшій эти чествованія, имѣлъ своимъ президентомъ лорда Шефтсбюри и, конечно, ничего общаго не имѣлъ съ задачами антисемитизма. Когда поэтому комитетъ обратился къ тогдашнему лордъ-мэру, мистеру Фоулеру, съ просьбой предоставить для митинга залу въ меншенъ-гоузѣ, то согласіе было охотно дано. Вскорѣ, однако, лордъ-мэръ изъ напечатанной афиши узналъ, что въ числѣ ораторовъ выступитъ на религіозномъ митингѣ и глава германскаго антисемитизма, и, не задумываясь ни минуты, поспѣшилъ сейчасъ-же отмѣнить данное имъ разрѣшеніе, о чемъ онъ и написалъ секретарю комитета по устройству лютеровскихъ празднествъ. Письмо лордъ-мэра очень интересно. Указавъ на то, что онъ раньше не зналъ кто будетъ говорить и что Штекеръ выступитъ ораторомъ, онъ писалъ: „При этихъ условіяхъ я долженъ просить васъ искать другого мѣста для митинга. Мистеръ Штекеръ такой чело-

вѣкъ, которому ни одинъ лордъ-мэръ не дозволилъ-бы говорить въ меншенъ-гоузѣ. Еврейская община въ Сити заключаетъ въ себѣ много въ высшей степени уважаемыхъ гражданъ. Мнѣ наврядъ-ли нужно указать хотя-бы на того высокочтимаго филантропа, котораго чествуетъ теперь какъ разъ все общество, евреи и христiане. Ни одинъ лордъ-мэръ не можетъ пренебрегать чувствами такихъ людей и выдвигать того, кто возбуждаетъ противъ нихъ вражду. И во всякомъ случаѣ не отъ меня, который и въ парламентѣ и въ Сити энергично протестовалъ противъ преслѣдованiй евреевъ, можно ожидать содѣйствiя Штекеру".

Филантропъ, о которомъ съ такимъ уваженiемъ упоминается въ этомъ замѣчательномъ письмѣ, былъ Мозесъ Монтефiоре, котораго чествовала тогда Англiя по случаю столѣтiя его жизни. Объ отношенiи англичанъ къ этому событiю достаточно сказать, что процессiя, устроенная въ Рамсгетѣ 8 ноября 1883 г. въ честь знаменитаго старца, тянулась около двухъ миль и заняла три четверти часа для своего прохожденiя мимо дома Монтефiоре. Въ процессiи участвовали, кромѣ муниципальныхъ властей разныхъ городовъ кентскаго графства, много рабочихъ организацiй, пограничная таможенная стража, школьныя дѣти, общества трезвости, воскресныя школы разныхъ христiанскихъ исповѣданiй и т. д.

Такъ и уѣхалъ Штекеръ не солоно хлебавши, и опозоренный, освистанный и осмѣянный, онъ возвратился въ свой фатерландъ, чтобы съ своимъ другомъ, „честнымъ христiаниномъ", редакторомъ „Kreuz-Zeitung", осужденнымъ впослѣдствiи за воровство и шантажъ, изливать ушаты помоевъ на англiйскую нацiю.

Черезъ семь лѣтъ послѣ отказа Штекеру въ митингѣ въ Сити, тамъ-же происходилъ другой митингъ и опять-таки съ цѣлью выраженiя сочувствiя все тѣмъ-же русскимъ евреямъ. Этотъ митингъ состоялся 10 декабря 1890 г. и составляетъ одну изъ самыхъ свѣтлыхъ страницъ не только въ исторiи евреевъ, но и всего человѣчества. Предсѣдателемъ на митингѣ былъ лордъ-мэръ, а среди ораторовъ были епископъ рипонскiй, методистскiй проповѣдникъ Юзъ, графъ Митсъ (Meath), сэръ Робертъ Фаулеръ, бывшiй лордъ-мэромъ въ 1883 г., сэръ Джозефъ Пизъ, извѣстный квекеръ, и дру-

гiе. Въ числѣ-же присутствовавшихъ было множество членовъ парламента, выдающихся духовныхъ лицъ, лорды, военные, президенты разныхъ ученыхъ, литературныхъ, и художественныхъ обществъ, мэры провинцiальныхъ городовъ, судьи и т. д. Словомъ, тутъ были представители всевозможныхъ профессiй и всѣхъ классовъ и слоевъ англiйскаго населенiя.

Въ слѣдующее послѣ митинга воскресенье во всѣхъ церквахъ Англiи всѣхъ исповѣданiй проповѣди были посвящены выраженiю сочувствiя преслѣдуемымъ евреямъ.

Но какъ мы сказали, дѣло идетъ не о евреяхъ, а о „чужихъ", и наплывъ эмигрантовъ, къ какому бы роду и племени они ни принадлежали, англичанамъ не желателенъ. Кромѣ евреевъ, въ Англiю прибываетъ ежегодно и много нѣмцевъ и особенно много итальянцевъ. Скучиваясь обыкновенно въ одномъ мѣстѣ въ Лондонѣ или въ другихъ городахъ, они и образомъ своей жизни и языкомъ невольно изображаютъ собою дѣйствительно чуждыхъ Англiи людей и вызываютъ, если не вражду, то нѣкоторое недоумѣнiе и страхъ. Вотъ почему съ начала восьмидесятыхъ годовъ начинаетъ наростать въ Англiи литература объ иммигрантахъ. Многiе серьезные изслѣдователи начинаютъ изучать занятiя, родъ жизни, обычаи, характеръ иммигрантовъ, словно какое-то особое населенiе на одинокомъ островѣ. Иные изъ изслѣдователей отправляются въ итальянскiй или еврейскiй кварталъ, какъ въ далекiй и чуждый край. Берутъ съ собою переводчиковъ и путеводителей, запасаются рекомендацiями и даже переодѣваются въ какiе-то особые костюмы. Мало-по-малу не прекращающiйся наплывъ эмигрантовъ дѣлается злобой дня, переходитъ въ политику, занимаетъ парламентъ, и правительство вынуждено даже назначить коммиссiю для изслѣдованiя вопроса.

Политическiе неудачники, у которыхъ ничего нѣтъ за душой и которые чѣмъ-либо разобижены, открываютъ вдругъ къ своему удовольствiю въ иммигрантскомъ вопросѣ какую ни на есть возможность вылѣзть въ люди и обратить на себя вниманiе. Такимъ образомъ передъ нами иммигрантскiй вопросъ постепенно обращается въ орудiе партiйной политики. И какъ всякая партiйная политика, и споры по вопросу иммигрантскому не чужды увлеченiй и многаго при-

страстнаго, ложнаго и односторонняго. Но при всей горячности и страстности, свойственныхъ политическимъ спорамъ, при всѣхъ увлеченіяхъ нѣкоторыхъ лицъ и не смотря даже на то, что иные изъ господъ политиковъ не прочь были бы повернуть иммигрантскій вопросъ на еврейскій, съ которымъ онъ такъ опасно-близко соприкасается,—до сихъ поръ Англія осталась вѣрна пути, на который она вступила 50 лѣтъ назадъ. Очевидно, почва для антисемитизма въ Англіи окончательно исчезла и больше не вернется и всѣ попытки искусственнаго его насажденія и сѣянія національной вражды обречены на полное фіаско.

Насколько даже вопросъ о наплывѣ эмигрантовъ, т. е. единственно опасный для евреевъ вопросъ, далекъ отъ того, чтобы стать въ Англіи „еврейскимъ вопросомъ", показали выборы, происходившіе въ 1897 году въ Ромфордѣ, близъ Лондона. Здѣсь консерваторы выставили кандидатомъ еврея, нѣкоего Шлезингера, принявшаго имя Синклера. И вотъ этотъ самый Шлезингеръ, который даже не родился въ Англіи и вступилъ въ англійское подданство лишь за нѣсколько недѣль до выборовъ, хотя и живетъ въ Англіи съ дѣтства, выпустилъ манифестъ къ избирателямъ, въ которомъ заявлялъ: „Я стою за то, что Англія должна быть для англичанъ, и я противъ того, чтобы допускать нищихъ чужестранцевъ конкуррировать съ англійскими рабочими на нашихъ и безъ того переполненныхъ рынкахъ".

Нужно-ли сказать, что противная партія ухватилась за эти дѣйствительно смѣха достойныя слова, какъ за драгоцѣннѣйшую находку, и шутки и насмѣшки посыпались на голову ново-испеченнаго англичанина сплошнымъ градомъ. Особенно потрепала его либеральная вечерняя газета „Star", боровшаяся за его оппонента, кандидата либеральной партіи, тоже еврея. Втеченіе двухъ или трехъ недѣль до выборовъ она въ каждомъ нумерѣ своемъ посвящала ему цѣлые столбцы, высмѣивая на всѣ лады и выворачивая на изнанку всѣ его „чисто-англійскія" права. Но во всемъ этомъ вихрѣ взаимныхъ обвиненій и насмѣшекъ не было ни одного слова о религіи кандидата или его еврейскомъ происхожденіи. И что всего характернѣе въ этомъ дѣлѣ, такъ это то, что всѣ насмѣшки газеты „Star" насчетъ чужестраннаго происхожденія консервативнаго кандидата послужили лишь на пользу ему. Онъ былъ избранъ большинствомъ и, какъ многіе консерваторы послѣ объяснили, они вотировали за него, чтобы этимъ протестовать противъ поведенія газеты, выдвинувшей впереди всего вопросъ о происхожденіи. Хотя нужно сказать, что газета эта обратила свое особенное вниманіе на не-англійское происхожденіе кандидата лишь потому, что онъ самъ выступилъ съ девизомъ: „Англія для англичанъ".

Даже послѣдняя англо-трансваальская война, по поводу которой страсти особенно возгорѣлись, не могла вызвать антисемитическаго чувства, какъ этого очень хотѣлось нѣкоторымъ лицамъ, увидѣвшимъ возможность связать „капиталистическую войну" съ евреями-капиталистами.

Предметъ нашей статьи до нѣкоторой степени исчерпанъ. Конечно, при желаніи можно было бы сказать о немъ гораздо больше, а другой, вѣроятно, сказалъ бы и гораздо лучше насъ. Но смѣемъ надѣяться, что и въ этомъ сравнительно краткомъ видѣ очеркъ нашъ показалъ, что, достигнувъ извѣстной степени культуры, люди могутъ объединиться, не взирая на расовыя и религіозныя различія. Мы надѣемся, что доказали, что расовая и религіозная вражда—чувство переходное и что съ расширеніемъ и просвѣтлѣніемъ общественной жизни это чувство должно непремѣнно все болѣе и болѣе таять и исчезать. И евреямъ поэтому только и остается энергично содѣйствовать всему, что имѣетъ своей великой цѣлью просвѣщеніе и объединеніе людей.

С. И. Рапопортъ.

Лондонъ.

Евреи и новое теченіе религіозной мысли [1].

Собраніе настоящей конференціи показываетъ, какія поразительныя усилія дѣлаются въ пользу истиннаго прогресса мысли. Собрать людей разныхъ мнѣній и разныхъ религіозныхъ убѣжденій во имя общей вѣры въ Высшее Существо уже само по себѣ, съ разумной точки зрѣнія, должно считать благимъ дѣломъ. Я чувствовалъ необходимость высказать это раньше, чѣмъ начать говорить о предметѣ, ради котораго меня сюда спеціально пригласили. И если вы мнѣ позволите, то замѣчу, что тѣ изслѣдованія, которыя здѣсь поощряются съ цѣлью узнать отношеніе той или другой религіи къ занимающимъ насъ всѣхъ вопросамъ, полезны не только для тѣхъ, кто хочетъ узнать, но и для тѣхъ, кто даетъ отвѣтъ.

Вѣроятно это уже пришло въ голову многимъ, что великое дѣло религіи задерживалось гораздо чаще борьбой сектъ, чѣмъ враждебностью со стороны невѣрующихъ. Мысль, общая въ исторіи всѣхъ религій, что разныя религіозныя теченія должны непремѣнно быть въ вѣчной между собою враждѣ, затемнила цѣль религіозной жизни, скрывъ божественную истину, что братство людей является необходимымъ выводомъ изъ представленія о вѣчномъ Отцѣ. Говоря о моихъ

[1] Предлагаемая здѣсь рѣчь сэра Освальда Джона Саймона была прочитана имъ 9 октября 1898 г. на собраніи христіанъ въ *церкви* баптистовъ въ Лондонѣ. Г. Саймонъ извѣстный въ Лондонѣ еврей, принимающій дѣятельное участіе во всѣхъ благотворительныхъ и общественныхъ дѣлахъ еврейской общины. Года два—три тому назадъ въ одной самой невѣжественной и лживой русской газетѣ, имя которой обыкновенно не принято называть въ приличномъ обществѣ, ему было приписано желаніе обратить христіанъ въ евреевъ и вообще пропагандировать іудаизмъ среди христіанъ. Печатаемая здѣсь статья даетъ какъ бы отвѣтъ на эти инсинуаціи и въ то же время характеризуетъ, какъ англійскихъ передовыхъ евреевъ, такъ и ихъ братьевъ—христіанъ, считающихъ нужнымъ даже предоставлять имъ амвоны въ стѣнахъ своихъ церквей!

собственныхъ единовѣрцахъ, о евреяхъ, по отношенію ихъ къ современному теченію мысли могу сказать, что наврядъ-ли найдется болѣе поразительный примѣръ религіозной отсталости, чѣмъ это насильственно-внушенное отношеніе евреевъ къ христіанамъ. Внутренняя обособленность евреевъ въ теченіе вѣковъ была для нихъ тяжелымъ испытаніемъ. Я часто удивлялся, какимъ образомъ она не успѣла уничтожить ихъ религіозность. Что можетъ быть болѣе разрушительно для высшихъ религіозныхъ инстинктовъ, чѣмъ чувство отчужденія отъ остальнаго человѣчества? А если къ отчужденію прибавляется еще тяжелое сознаніе, что вы—вѣчная жертва ненависти, зависти и разныхъ жестокостей, что вы окружены врагами, то далеко не такъ легко смотрѣть на всѣхъ своихъ ближнихъ, какъ на братьевъ по одному Отцу. Но помимо активной враждебности, державшей евреевъ такъ долго въ обособленности, а въ нѣкоторыхъ частяхъ Европы держащей и нынѣ ихъ искусственно-обособленными, тутъ есть еще другой дефектъ, общій многимъ культамъ. Онъ, правда, не такъ сильно дѣйствуетъ, какъ преслѣдованія, но тѣмъ не менѣе значительно задерживаетъ религіозный прогрессъ. Это—излишняя увѣренность, которую каждый культъ имѣетъ въ своей исключительной истинности, въ томъ, что божественный духъ витаетъ только въ нѣсколькихъ мѣстахъ, а не въ очень многихъ. Затѣмъ много мѣшаетъ и та сдержанность, которая замѣчается по отношенію къ религіозному общенію людей, и часто слышишь, какъ люди гордятся тѣмъ, что они сохраняютъ полное молчаніе по религіознымъ вопросамъ въ разговорахъ со знакомыми другихъ исповѣданій. Они могутъ быть очень дружны въ обыкновенныхъ сношеніяхъ но не смѣютъ обмѣняться мыслями о религіи. Я зналъ превосходныхъ христіанъ, которые робко спрашивали о еврейской религіи, боясь, что одинъ ихъ вопросъ можетъ уже породить недоразумѣніе. Мы можемъ всѣ радоваться тому, что, по крайней мѣрѣ, здѣсь, въ Англіи, евреи и христіане начинаютъ лучше узнавать другъ друга и, наконецъ, выискивать и находить то, что у нихъ есть общее,

Эмансипація евреевъ имѣла гораздо болѣе глубокое значеніе, чѣмъ одно возвращеніе евреямъ гражданскихъ правъ. Уничтоженіе университетскихъ вѣроисповѣдныхъ различій

и открытіе „публичныхъ“ школъ [1] для лицъ всѣхъ исповѣданій, естественно, должны были произвести важную перемѣну въ отношеніяхъ евреевъ къ своимъ соотечественникамъ. Прежде, когда университеты и школы были закрыты для всѣхъ, кромѣ лицъ англиканскаго исповѣданія, не было особенно близкихъ сношеній въ частной жизни между послѣдователями разныхъ религій. Друзей дѣтства можно было встрѣчать между ними лишь какъ исключеніе. Къ счастью, это положеніе вещей окончательно измѣнилось.

Нельзя сказать, чтобы у евреевъ, какъ таковыхъ, было какое-нибудь особое отношеніе къ какому нибудь предмету, если не считать религіи. Великія задачи человѣчества такъ же глубоко занимали ихъ, какъ и все остальное человѣчество, даже тогда, когда они находились въ полномъ отчужденіи или же лишь случайно и слегка сообщались съ не-евреями. Во всякомъ случаѣ въ самомъ іудаизмѣ никакихъ препятствій не было къ свободнымъ научнымъ занятіямъ. Математика, астрономія и медицина были всегда любимыми занятіями у евреевъ въ средніе вѣка. На страницѣ 234-ой ученой работы Израэля Абрагамса „Жизнь евреевъ въ средніе вѣка“ вы можете прочесть слѣдующія строки: „Евреи особенно отличались въ медицинѣ... Еврейскіе врачи въ Испаніи и Италіи превосходили всѣхъ, за исключеніемъ мавровъ. Это были ихъ научныя познанія, которыя создали для еврейскихъ раввиновъ, обладавшихъ государственнымъ умомъ, ихъ почетное положеніе при дворахъ Испаніи и Португаліи“.

Новѣйшее развитіе науки привлекло, конечно, евреевъ не меньше другихъ. Наврядъ-ли есть какая нибудь отрасль науки, въ которой нѣтъ еврейскихъ ученыхъ. Но если вы спросите, какъ евреи вообще относятся къ новому движенію въ библейской критикѣ, то отвѣтить на это опредѣленно нѣтъ возможности. Евреи не думаютъ сообща о религіозныхъ вопросахъ, и нѣтъ никакого основанія для нихъ это дѣлать. Среди евреевъ царствуетъ такое же разнообразіе мнѣній по этимъ вопросамъ, какъ среди остальныхъ людей. Есть евреи эволюціонисты и есть евреи, которые эволюціи

[1] Public schools—составляютъ въ Англіи частныя среднія учебныя заведенія, какъ Отонское, Гарроуское и др., основанныя на средства частныхъ лицъ, на капиталы по завѣщаніямъ, на церковныя средства и т. под.

не признаютъ. Есть евреи, которые принимаютъ позднѣйшіе результаты библейской критики и которые даже сами не мало сдѣлали для полученія этихъ результатовъ; есть также среди евреевъ или, точнѣе, въ лонѣ іудаизма разныя школы толкованія Св. Писанія. Но, что я особенно подчеркиваю, такъ это то, что вѣра израильтянъ не зависитъ отъ результатовъ библейской критики. Говоря это, я отлично знаю, что есть нѣкоторыя теченія, которыя не могутъ не зависѣть отъ этихъ результатовъ. Напримѣръ, для тѣхъ, которые считаютъ необходимою частью еврейской религіи вѣру въ то, что все Пятикнижіе было написано Моисеемъ, доказательства, что Пятикнижіе дѣло многихъ рукъ и разныхъ поколѣній, явились бы разрушительными элементами. Однако, еврей можетъ признать основательность послѣдняго мнѣнія и всетаки оставаться евреемъ.

Замѣчательный просторъ религіозной мысли въ самомъ лонѣ еврейства составляетъ самъ по себѣ слишкомъ сложную и обширную тему, хотя и подходящую для настоящаго случая. Однако, нельзя не коснуться ея, когда говоришь объ отношеніи евреевъ къ новымъ теченіямъ религіозной мысли. Безъ этого простора нельзя было бы себѣ и представить, какъ іудаизмъ могъ бы сохраниться 2000 лѣтъ, вопреки всевозможнымъ козням. Онъ бы долженъ былъ погибнуть, если бы не обладалъ въ самомъ себѣ способностью къ развитію, приспособляемостью. Іудаизмъ существовалъ при всевозможныхъ условіяхъ, какія только извѣстны въ исторіи человѣчества. Онъ былъ теократіей, государственной религіей, религіей, отдѣленной отъ государства, религіей съ очень обширнымъ ритуаломъ, религіей безъ ритуала, религіей съ формами и церемоніями, иногда азіатскими, иногда европейскими. Іудаизмъ былъ религіей, прикрѣпленной къ писанному кодексу, и мы видѣли его религіей, почти оторванной отъ своего писаннаго кодекса. Іудаизмъ питается великой традиціей, которая, повидимому, частью записана, а частью не записана. Іудаизмъ былъ религіей мужчинъ и женщинъ во всѣхъ обстоятельствахъ жизни, въ гетто и за стѣнами его. Въ бѣдности и богатствѣ, въ несчастіи и въ счастіи еврейская религія продолжала жить и прогрессировать.

Въ наше время между лицами еврейскаго происхожденія

возникъ расколъ въ самомъ пониманіи іудаизма, и я долженъ сказать совершенно откровенно, что не смотря на общіе интересы, возникающіе изъ общности происхожденія и унаслѣдованнаго сочувствія къ страданіямъ своихъ единовѣрцевъ въ разныхъ концахъ свѣта, этотъ расколъ слишкомъ великъ; онъ затрогиваетъ основы духовной жизни. Я не говорю теперь о несогласіяхъ между ортодоксами и реформаторами или вообще о вопросахъ обрядныхъ—они всѣ имѣютъ второстепенное значеніе сравнительно съ болѣе широкимъ и глубокимъ вопросомъ, являющимся совершенно новымъ. Я касаюсь его съ большею сдержанностью, но умолчать о немъ здѣсь было бы несправедливо.

Среди евреевъ происходитъ теперь борьба между двумя идеями, выражающимися словами религія и раса.

Прежде іудаизмъ обозначалъ извѣстную религію, заповѣданную особому народу, который былъ созданъ съ единственной цѣлью полученія и охраненія ея. Теперь-же нѣкоторые потомки этого народа начинаютъ думать, что религія не составляетъ сама по себѣ цѣли, для осуществленія которой онъ избранъ, и поэтому утверждаютъ, что и еврей, оставившій еврейскую религію, всетаки имѣетъ свое опредѣленное мѣсто въ исторіи человѣчества, какъ еврей. Эта борьба между идеями религіи и расы можетъ быть представлена, какъ столкновеніе мыслей, выражающихся словами „духовный“ и „мірской“. Ради различія я буду называть представителей этихъ двухъ борющихся идей религіознымъ и мірскимъ евреями. Для меня было бы трудно дать вамъ безпристрастный отчетъ объ образѣ мыслей *мірского, секулярнаго* еврея, потому что я считаю его пониманіе предмета полнымъ опроверженіемъ всего того, ради чего наша раса была вызвана къ бытію и во имя чего мы переносили мученичества на протяженіи столькихъ вѣковъ.

Конечно, секулярный еврей вамъ скажетъ, что у евреевъ можетъ быть свой собственный, чисто еврейскій взглядъ на предметы, въ томъ же смыслѣ, какъ это бываетъ у нѣмцевъ, французовъ или другой націи. И по всей вѣроятности онъ такъ и думаетъ, потому что чѣмъ нибудь же ему нужно оправдать свою обособленность, которую онъ чувствуетъ. Но такихъ не много. Во всякомъ случаѣ они представляютъ собою крайне малую величину среди евреевъ. Но они существуютъ, и между ними попадаются лица, пользующіяся широкой извѣстностью своими умственными работами и благородствомъ характера. Вслѣдствіе этого происходитъ то, что хотя они и не встрѣчаютъ особеннаго сочувствія среди самихъ евреевъ, ихъ писанія могутъ быть неправильно приняты посторонними, какъ настоящее выраженіе евреевъ и іудаизма. Эти люди вполнѣ преданы еврейской расѣ. И эту преданность легко объяснить. Очень не много поколѣній отдѣляетъ ихъ, если вообще какое-нибудь поколѣніе ихъ отдѣляетъ, отъ тѣхъ, которые считали себя больше чѣмъ лишь расовыми евреями. Это расовое чувство—просто семейная привязанность. По моему, если-бы не страшная реакція, извѣстная подъ именемъ антисемитизма, разъѣдающаго нѣкоторыя континентальныя страны, этихъ типовъ-бы и не было. Только эти дикія и жестокія преслѣдованія и ненависть, появившіяся въ наше время, воскресили въ сердцахъ евреевъ, сдѣлавшихся агностиками, чувство принадлежности къ угнетенному и униженному племени. Въ этомъ отношеніи для насъ интересно то, что божественную волю, по которой евреи сохраняютъ свою обособленность, очевидно, не такъ легко опрокинуть, какъ хотѣли бы думать агностики. Они евреи вопреки самимъ себѣ и не смотря на свой агностицизмъ.

Относительно новаго направленія мысли я долженъ сказать вполнѣ опредѣленно, что на евреѣ лежитъ одинъ долгъ и только одинъ.

Я не могу взять на себя роль говорить съ вами, какъ критикъ или художникъ. Я даже не могу себя вообразить внѣ той сферы, которая дороже для меня, чѣмъ жизнь, и съ которою, по моему убѣжденію, евреи должны быть отожествлены. Наша миссія—духовная и касается всего человѣчества. Если мы откажемся отъ той цѣли, единственно ради которой мы существуемъ какъ евреи, то по крайней мѣрѣ лично я рѣшительно не вижу причины, отчего намъ сохранять свое отдѣльное существованіе.

Наступило время, когда нужно выяснить религіозныя отношенія между евреями и не-евреями. Въ наше время всѣ религіозныя силы нуждаются въ единеніи и совмѣстной работѣ противъ нападеній со стороны агностицизма и матеріализма. Въ этомъ отношеніи евреи могутъ оказать огром-

ную услугу. Наши христіанскіе соотечественники въ Англіи въ очень многихъ случаяхъ мужественно и благородно работаютъ на пользу распространенія религіи, какъ единственно вѣрной основы морали и счастія. Нонконформисты своимъ примѣромъ разбудили спавшія миссіонерскія силы въ англиканской церкви. Но много поля осталось для духовной миссіонерской дѣятельности еще впереди.

Вы вполнѣ естественно будете удивлены, услышавъ это отъ еврея, обращающагося къ христіанамъ, какъ будто между первымъ и послѣдними не существуетъ различія по нѣкоторымъ самымъ существеннымъ пунктамъ религіозной идеи. Я знаю эти различія, но не могу не сказать, что и христіане, и евреи старались въ прошломъ гораздо больше преувеличивать ихъ, чѣмъ уменьшать. Оставляя всѣ наши различія въ сторонѣ, мы имѣемъ первый пунктъ апостольскаго символа вѣры [1], къ счастію, общій для евреевъ и христіанъ, и что представляется мнѣ главной необходимостью нашего поколѣнія, это—сдѣлать этотъ фактъ болѣе жизненнымъ, болѣе близкимъ намъ, чѣмъ мы это дѣлали до сихъ поръ. „Наше призваніе, сказалъ покойный сэръ Джонъ Саймонъ [2], обращаясь къ своимъ избирателямъ въ 1868 г., это—учить человѣчество, что есть Богъ, и дать міру нравственность".

На это самое считаютъ себя призванными и христіане. На какой же почвѣ могутъ христіане и евреи соединиться для этой цѣли, если не на общемъ многимъ изъ насъ убѣжденіи, что поклоненіе Богу есть единственная основа счастья и морали. Повидимому, наступило время настоящей совмѣстной работы для всѣхъ вѣрующихъ. Вы, быть можетъ, думаете, что до тѣхъ поръ, пока между христіанами и евреями существуетъ это рѣзкое разногласіе во взглядахъ на христіанство, между ними невозможно единеніе для религіозныхъ цѣлей. Совершенно вѣрно, что какъ у той, такъ и у другой стороны имѣются догмы, которыя кажутся между собою непримиримыми и, повидимому, отрицающими другъ друга. Тѣмъ не менѣе я утверждаю, что разница между ре-

[1] Этотъ первый пунктъ гласитъ: *Credo in Deum Patrem omnipotentem, Creatorem coeli et terrae* (вѣрую во всемогущаго Бога—Отца, Создателя неба и земли).

[2] Отецъ Освальда Саймона; онъ былъ членомъ палаты общинъ и извѣстнымъ юристомъ. Умеръ въ 1897 г.

лигіей и атеизмомъ неизмѣримо глубже, чѣмъ между христіанствомъ и іудаизмомъ. Одно соглашеніе съ тѣми, съ которыми мы расходимся по какому-нибудь глубоко затрогивающему насъ предмету, уже великій актъ возвышеннаго благочестія. Нужно достигнуть высокой степени религіозности, чтобы можно было чувствовать духовную связь съ тѣми, которые отличаются отъ насъ по какимъ-либо вопросамъ, волновавшимъ насъ столѣтіями. Года два тому назадъ въ статьѣ въ „Fortnightly Review" я уже попытаться указать на положеніе, которое евреи должны занимать въ современной мысли—не научной, не въ соціологіи, а только въ сферѣ религіи. У насъ въ Англіи есть множество людей обоего пола, которые не христіане и не евреи. И мнѣ кажется, что божественное откровеніе можетъ дойти до нѣкоторыхъ изъ нихъ черезъ христіанство, а до другихъ черезъ іудаизмъ.

Опытъ исторіи и наша собственная жизнь показываютъ, что пути, по которымъ проникаетъ божественная истина, столь же разнообразны, какъ и типы человѣческаго характера. Посмотрите, напримѣръ, сколькими путями перешла религія евангельская хотя бы къ однимъ англичанамъ. Каждая секта и почти каждое отдѣльное богослужебное мѣсто является отдѣльнымъ и самостоятельнымъ выраженіемъ религіозныхъ стремленій. Полагать, что есть только одинъ посредникъ для божественнаго откровенія, будь это церковь, Библія или какая нибудь особая традиція, значитъ—составить себѣ очень узкое представленіе о Высшемъ Существѣ и не понимать человѣческую натуру. Это, конечно, относится одинаково къ христіанамъ и евреямъ. Если вы представляете себѣ религіозную жизнь, какъ нѣчто, достижимое лишь безъ вниманія къ разнообразію человѣческой натуры, то вы дѣлаете ее невозможной для многихъ людей и тѣмъ самымъ отрицаете универсальность религіозной потребности. Чтобы объяснить свою мысль, я вамъ дамъ иллюстрацію раньше изъ іудаизма, а потомъ изъ христіанства. Въ древнемъ іудаизмѣ выраженіе „Богъ Израиля" было, вѣроятно, помѣхой къ универсальному признаванію божественнаго Существа. Люди, не принадлежавшіе къ еврейскому народу, могли думать, что израильтяне исповѣдуютъ не Бога всего сущаго, а только мѣстное божество. Въ болѣе позднія времена смѣше-

ніе абстрактной религіозной мысли съ обрядностью было дальнѣйшимъ препятствіемъ распространенію религіи. Это было несчастье, что раввинскій іудаизмъ поставилъ ритуальную сторону почти на одинъ уровень съ внутреннимъ содержаніемъ ученія. Даже теперь приходится еще настаивать, что духовность еврейской религіи не зависитъ отъ формъ и обрядовъ или отъ расы.

И въ отношеніи христіанства можно съ неменьшимъ правомъ сказать, что высшее ученіе евангелія было временами затемнено или жречествомъ, формальнымъ священнослужительствомъ, или же слишкомъ грубымъ толкованіемъ Св. Писанія. Слишкомъ тонко разработанная обрядность и сложная теологія способны закрыть собою самыя глубокія религіозныя истины, которыя въ то же время суть и самыя простыя. Великій христіанинъ (профессоръ Джоуэтъ) сказалъ: „слишкомъ много выдвигаютъ затруднительныя мѣста и слишкомъ мало простоту всякой религіи".

Есть лица, для которыхъ понятіе о Богѣ и божественной жизни было-бы наврядъ-ли доступно, если бы эти идеи не были облечены въ костюмы той или другой церкви. Съ другой стороны есть не мало лицъ, для которыхъ религія и обрядность, правильно или нѣтъ—вопросъ другой, кажутся несовмѣстными другъ съ другомъ. Одни могутъ поклоняться своему Творцу только въ тишинѣ и въ уединеніи и публичное богослуженіе ихъ не привлекаетъ; другіе настраиваютъ себя на религіозный ладъ только тогда, когда составляютъ частицу большой толпы молящихся. Есть такіе, для которыхъ произнесеніе опредѣленной формулы вѣры крайне непріятно. Это не значитъ, что они не-вѣрующіе. Многіе, часто въ высшей степени культурные люди, отказываются формулировать свою вѣру и предпочитаютъ чувствовать ее и жить ею, ничего не высказывая. Изучающему Библію не трудно найти въ авторахъ и составителяхъ ея такого рода типы. ВъВетхомъ и Новомъ завѣтѣ попадаются выраженія абстрактной религіозной мысли, безъ малѣйшаго намека на формулированный символъ вѣры. И дѣйствительно, ихъ авторы какъ будто даже и не могли намекать на это. Можно было бы привести множество примѣровъ; но я ограничусь двумя—тремя изъ обоихъ источниковъ.

Въ еврейской Библіи мы читаемъ:

„Твердаго духомъ Ты хранишь въ совершенномъ мирѣ; ибо на Тебя уповаетъ онъ".

„О человѣкъ! Сказано тебѣ, что́ добро, и чего требуетъ отъ тебя Господь: дѣйствовать справедливо, любить дѣла милосердія и смиренно-мудро ходить передъ Богомъ твоимъ".

„Отъ единокровнаго твоего не укрывайся".

„Любите пришельца".

„Будьте святы, ибо я Господь, Богъ Твой, святъ".

„Да будетъ домъ мой называться домомъ молитвы для всѣхъ народовъ".

Обращаясь къ Новому завѣту, мы находимъ:

„Въ домѣ Отца Моего обителей много".

„Такъ какъ вы сдѣлали это одному изъ сихъ братьевъ Моихъ меньшихъ, то сдѣлали Мнѣ".

„Блаженны не видѣвшіе и увѣровавшіе".

„Онъ ходилъ, благотворя и исцѣляя всѣхъ".

„Есть у меня и другія овцы, которыя не сего двора". И—„Кто не приметъ царствія Божія, какъ дитя, тотъ не войдетъ въ него".

Въ этихъ изреченіяхъ нѣтъ ничего непонятнаго. Они не представляютъ собою никакихъ проблемъ для науки или исторической критики. А между тѣмъ они составляютъ настоящее зерно религіозной идеи. Они обладаютъ той способностью къ соединенію людей, которой вы напрасно будете искать въ чемъ-либо другомъ. Всѣ эти изреченія и многія подобныя имъ, въ еврейской ли Библіи или въ греческомъ завѣтѣ, всѣ они изреченія и писанія евреевъ. Они дышутъ вѣрой еврейской расы и эта вѣра всечеловѣчна. Человѣчество, а не отдѣльная раса, или церковь, или группа было цѣлью ея.

Эти высшія духовныя изреченія Ветхаго и Новаго завѣта не противорѣчатъ другъ другу. Если есть разница въ выраженіяхъ, то мысль—та же. Они принадлежатъ всѣмъ одинаково. Ни одна религія не можетъ претендовать на то, чтобы она годилась для всѣхъ, если она ставитъ себя въ зависимость отъ условій, по поводу которыхъ существуютъ разныя мнѣнія. Здѣсь-же разныхъ мнѣній не можетъ быть. И новая религіозная мысль ищетъ такого рода общихъ всѣмъ людямъ духовныхъ стремленій.

Одно изъ главныхъ различій между новой и старой рели-

гіозной мыслью кроется во все усиливающемся чувствѣ братства, поднимающемся выше всякихъ барьеровъ. Это чувство въ старину было доступно лишь рѣдкимъ и одаренным душамъ, которыя не мало терпѣли за высказываніе его. Шаги, сдѣланные нашимъ поколѣніемъ, очень значительны; но если мы взглянемъ на то, что происходитъ на континентѣ Европы, то будемъ поражены контрастомъ между духомъ христіанства въ наше время и христіанствомъ первыхъ вѣковъ. Необходимо влить въ теченіе современной мысли всѣ лучшія религіозныя струи одинаково, какъ іудаизма, такъ и христіанства. Для этой цѣли евреи должны работать съ не-евреями совмѣстно, а не въ противоположныхъ направленіяхъ. Каждая сторона изъ насъ должна понять, что распространеніе религіи, какъ жизненнаго элемента человѣческаго характера, слишкомъ важно, чтобы мѣшать ему спорами о символахъ вѣры, обрядахъ или толкованіяхъ текста.

Споры составляютъ проклятіе въ исторіи религій. Они на протяженіи вѣковъ дѣйствовали какъ тормазъ для колесницы духовнаго прогресса. Мы, наконецъ, устали препираться и желаемъ мира. Но одинъ миръ еще не все, что намъ нужно въ жизни. Намъ предстоитъ разрѣшать проблемы, согласовать разногласія, устранить причину жалобъ. Борьба между капиталомъ и трудомъ, воспитаніе новой демократіи, долгъ общества по отношенію къ безпомощнымъ дѣтямъ преступниковъ и пьяницъ—все это вопросы, съ которыми религія призвана и должна заниматься. Ни одна человѣческая проблема никогда не могла быть освѣщена безъ божественнаго свѣта. Если совѣсть народа оторвана отъ вѣчнаго источника справедливости, то общественная мораль находится въ опасности и пессимизмъ дѣлается свирѣпствующей эпидеміей. Вотъ то зло, съ которымъ современная религіозная мысль должна бороться. Докторъ Клифордъ вполнѣ вѣрно сказалъ: „религія это не мнѣніе, а жизнь“. Совѣщанія и собесѣдованія, имѣющія основой этотъ принципъ, много помогаютъ къ объединенію людей. Не слѣдуетъ забывать, что то, что мы называемъ современной мыслью, вырабатывается и подсказывается не многими, а малымъ числомъ лицъ, отъ которыхъ она распространяется уже послѣ въ массѣ. Еврейскій народъ, по крайней мѣрѣ

тѣ изъ него, которые думаютъ о религіи, долженъ всегда помнить свое духовное назначеніе въ отношеніи другихъ народовъ. Чтобы объяснить это отношеніе, я закончу словами моего покойнаго отца:

„Греція дала міру искусство, философію и литературу; Римъ далъ искусство государственнаго управленія и законовѣдѣніе. Наша миссія—выше, священнѣе; она обнимаетъ весь духовный міръ; она должна развернуть передъ человѣкомъ все то, что истинно возвышенно, облагораживающее, освящающее, богоподобное; она должна связать людей съ той духовной сущностью, по образу и подобію которой они были созданы, и должна какъ бы открыть нашему ограниченному зрѣнію безграничное будущее“.

Освальдъ Саймонъ.

Мои встрѣчи

СЪ КОНСТАНТИНОМЪ ПЕТРОВИЧЕМЪ КАУФМАНОМЪ.

(ПОСМЕРТНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ).

Первая встрѣча.

Имя Константина Петровича фонъ-Кауфмана свѣтится яркою звѣздою въ моихъ воспоминаніяхъ. Было это лѣтомъ 1863 года, когда Константинъ Петровичъ, назначенный по усмиреніи польскаго мятежа на мѣсто М. Н. Муравьева генералъ-губернаторомъ въ Вильнѣ, объѣзжалъ ввѣренный ему край. Я былъ тогда смотрителемъ казеннаго еврейскаго училища въ г. Тельшахъ (Ков. губ.). Еще до пріѣзда его къ намъ разнесся слухъ, что генералъ-губернаторъ относится весьма строго къ осматриваемымъ имъ учрежденіямъ и завѣдывающимъ ими чиновникамъ. Учрежденія вѣдомства народнаго просвѣщенія, въ особенности еврейскія училища, имѣли еще больше причины бояться грозы, такъ какъ генералъ - губернатора, спеціально для ревизіи учебныхъ заведеній, сопровождалъ окружной инспекторъ Н. Н. Новиковъ, слывшій человѣкомъ строгимъ и недолюбливающимъ евреевъ. Я лично долженъ былъ опасаться интригъ мѣстнаго инспектора прогимназіи Влад. Лялина, который былъ школьнымъ товарищемъ упомянутаго Новикова. Лялинъ ко мнѣ неблаговолилъ и постоянно придирался,—причиной было то, что я былъ подвѣдомственъ не ему, а Шавельскому директору, и состоялъ корреспондентомъ газеты „Голосъ", которую онъ, Лялинъ, какъ сторонникъ направленія „Московскихъ Вѣдомостей", терпѣть не могъ. Частнымъ образомъ мы узнали, что въ Шавляхъ генералъ-губернаторъ отрѣшилъ отъ должности смотрителя еврейскаго училища Загорскаго (поляка). Отъ шавельскаго директора Матвѣя Васильевича Фурсова, я, по выѣздѣ оттуда генералъ-губернатора, получилъ только лаконическую телеграмму: „стригите пейсы". Но пейсы мо-

ихъ учениковъ всегда были острижены, и еще за день до полученія телеграммы въ училищѣ производилась поголовная стрижка. При этомъ случился слѣдующій курьезъ, который считаю умѣстнымъ передать здѣсь для характеристики нравовъ людей, съ которыми мнѣ приходилось тогда имѣть дѣло.

На другой день послѣ стрижки одинъ изъ учениковъ донесъ мнѣ на своего товарища, Тельшевскаго, что онъ, Тельшевскій, подобралъ остриженные свои пейсы, нанизалъ ихъ на ленточку и при выходѣ изъ классовъ надѣваетъ эти подвижные пейсы себѣ на голову подъ фуражку. Я сталъ добиваться причины такого упорства и узналъ, что домохозяева изъ еврейскаго простонародья, у которыхъ неимущіе ученики получаютъ даровой столъ, отказываютъ имъ въ этомъ, если они приходятъ стриженные, безъ пейсовъ. Я поэтому освободилъ нѣсколько такихъ учениковъ отъ обязанности стричь пейсы, но запретилъ имъ явиться въ училище въ день посѣщенія генералъ-губернатора. Но у нихъ любопытство взяло верхъ и въ то время, когда я представлялся генералъ-губернатору въ числѣ прочихъ должностныхъ лицъ въ гостинницѣ, гдѣ онъ остановился, нѣсколько нестриженныхъ учениковъ проскользнули въ классъ и это чуть не повело къ роковымъ послѣдствіямъ.

Утромъ, часовъ въ 10, на другой день послѣ пріѣзда генералъ-губернатора, всѣ мѣстныя должностныя лица представлялись ему въ залѣ гостинницы, гдѣ отвели ему квартиру. Мнѣ пришлось стоять возлѣ польскихъ ксендзовъ. Генералъ-губернаторъ, человѣкъ средняго роста съ сильною просѣдью, обошелъ ряды, и мѣстный военный начальникъ называлъ каждаго по его должности и по имени. Стоявшимъ возлѣ меня ксендзамъ досталась головомойка за то, что они питаютъ духъ возмущенія въ народѣ. Отъ нихъ генералъ перешелъ ко мнѣ. Когда ему назвали мою фамилію съ прибавкою: „смотритель казеннаго еврейскаго училища", онъ сказалъ: „про васъ я много слыхалъ хорошаго", а сопровождавшій его военный начальникъ шепнулъ мнѣ втихомолку: „идите, мы сейчасъ у васъ будемъ".

Какъ только генералъ отвернулся отъ меня, я дѣйствительно проскользнулъ и ушелъ домой. Слова, обращенныя ко мнѣ генераломъ, естественно пріободрили меня, хотя я не

могъ не замѣтить, что главная цѣль была кольнуть ксендзовъ.

Не прошло получаса, какъ начальникъ края со своею свитою явился въ училище. Раньше явился инспекторъ Новиковъ, который и представилъ меня генералъ-губернатору. За генералъ - губернаторомъ пришелъ чиновникъ, который ходилъ за генераломъ и дѣлалъ отмѣтки на бумагѣ, а также Ковенскій губернаторъ Н. М. Муравьевъ, сынъ бывшаго начальника края; былъ еще кое кто изъ пріѣзжихъ, наконецъ мѣстное начальство: военный начальникъ, исправникъ, жандармскій капитанъ и др. Всего ихъ было человѣкъ 13. Когда генералъ вошелъ въ 1-ый классъ и ученики поднялись (ихъ было 86 человѣкъ въ одномъ классѣ), генералъ слегка ахнулъ и сказалъ: „громадный классъ!" Онъ сталъ экзаменовать учениковъ, сидѣвшихъ въ первыхъ скамейкахъ, обводя глазами и остальныя скамейки, какъ вдругъ онъ замѣтилъ въ заднихъ скамейкахъ нѣсколько не совсѣмъ выстриженныхъ мальчиковъ и крикнулъ: „это что такое? Пейсы!" Онъ обратился ко мнѣ и спросилъ: „гдѣ раввинъ?" Раввина, окончившаго курсъ, тогда въ Тельшахъ не было. До меня былъ тамъ раввиномъ питомецъ раввинскаго училища, нѣкто Гинцбургъ, который такъ много настрадался отъ тамошнихъ фанатиковъ, что онъ съ ума сошелъ, къ чему впрочемъ, какъ я узналъ впослѣдствіи, онъ имѣлъ врожденную наклонность, и кончилъ свое жалкое существованіе въ домѣ для умалишенныхъ въ Вильнѣ. На его мѣсто избрали они нѣкоего Авигдора Марголиса, темную личность, которымъ они были довольны и до новыхъ выборовъ не допускали. Этотъ „раввинъ" Марголисъ не счелъ нужнымъ явиться въ училище для встрѣчи начальника края. Генералъ-губернаторъ велѣлъ привести его. Затѣмъ онъ перешелъ во II-й классъ слушать учениковъ, а въ I-мъ классѣ приказалъ военному начальнику подполковнику фонъ-Циглеру составить списокъ всѣмъ мальчикамъ, не остригшимъ пейсы, и оштрафовать родителей *пятью* руб. за каждаго. Военный начальникъ поусердствовалъ и занесъ въ списокъ цѣлыхъ 37 учениковъ. Пока мы были во второмъ классѣ, пришелъ почетный блюститель, купецъ Л. Канцель. Онъ обыкновенно носилъ длинные волосы. Когда онъ вошелъ въ переднюю, исправникъ сказалъ ему: „Канцель,

бѣда! Ты въ пейсахъ, достанется тебѣ!" Жена моя провела его къ себѣ въ комнату и домашнимъ образомъ совершила операцію надъ его височными локонами, послѣ чего онъ вошелъ въ классъ.

То же самое случилось съ Марголисомъ, когда его привели. Кто-то предупредилъ его, что его пейсы очень опасны, но онъ не далъ ихъ остричь, а плюнулъ на ладони и, смазавъ пейсы свои слюною, заложилъ ихъ за уши, и такимъ образомъ предсталъ предъ начальникомъ края. Пока мы съ послѣднимъ были во второмъ классѣ, а военный начальникъ провѣрялъ пейсы учениковъ I-го класса, губернаторъ Муравьевъ, человѣкъ полный и дородный, развалился въ креслахъ, стоявшихъ въ I классѣ и немножко вздремнулъ. Когда подполковникъ Циглеръ доложилъ о результатѣ своей повѣрки пейсовъ, генералъ-губернаторъ вышелъ изъ II-го класса, гдѣ онъ остался доволенъ результатомъ экзамена, и вернулся въ I-й классъ. Тутъ я ему представилъ раввина Марголиса. „Вы раввинъ?" спросилъ генералъ и, на утвердительный отвѣтъ, сказалъ: „отчего у васъ еврейскіе мальчики носятъ пейсы? Развѣ не знаете, что это закономъ воспрещено?" Марголисъ посмотрѣлъ въ сторону учениковъ и хладнокровно отвѣтилъ: „въ этомъ виноватъ смотритель!"—„Какъ, смотритель? возразилъ генералъ-губернаторъ: это дѣло родителей, а развѣ обязанность смотрителя слѣдить за домашнимъ воспитаніемъ? Его обязанность обучать дѣтей, что онъ отлично и исполняетъ; а дѣйствовать на родителей и побороть ихъ предразсудки—это дѣло раввина". Но Марголисъ продолжалъ утверждать, что смотритель виноватъ. Тутъ подошелъ губернаторъ Муравьевъ сзади и, выдвинувъ изъ-за ушей его локоны, которые смазанные слюною торчали рогообразно, сказалъ: „Ваше Высокопревосходителчство, да вѣдь у него самого пейсы!" Эта сценка была до того уморительна, что всѣ съ трудомъ удержались отъ смѣха; даже у генерала лицевые мускулы подернулись, но онъ удержался, сохранилъ серьезный видъ и сказалъ: „А это что? Это тоже смотритель виноватъ? Развѣ я не знаю, что это у васъ закоренѣлый предразсудокъ, а вы, какъ раввинъ, подаете примѣръ!" „Ваше Высокопревосходительство, взмолился Марголисъ,—я человѣкъ старый, зачѣмъ мнѣ безобразить себя?" — „Какъ? вспылилъ генералъ

отсутствіе пейсовъ есть безобразіе? Значитъ, по твоему (тутъ онъ уже началъ говорить ему „ты“), если у меня пейсовъ нѣтъ, то я безобразный? Въ тюрьму его!“

Тотчасъ явились два жандарма и отвели несчастнаго Марголиса, а генералъ-губернаторъ приказалъ военному начальнику, чтобы въ теченіе двухъ недѣль были новые выборы для замѣщенія раввина.

Слишкомъ два часа провелъ генералъ-губернаторъ въ училищѣ и остался весьма доволенъ успѣхами учениковъ. Замѣчательно—во все время посѣщенія генералъ-губернатора я чувствовалъ себя бодрымъ, ни минуты не трусилъ, но какъ только онъ ушелъ, со мною произошла реакція. На меня напала какая-то апатія и я почувствовалъ себя дурно. Тогда лишь я сообразилъ, какая гроза прошла мимо меня, что моя карьера висѣла буквально на „волоскѣ“, т. е. на пейсахъ моихъ учениковъ.

Оправившись отъ припадка слабости, я пошелъ къ окружному инспектору, который собирался къ генералъ-губернатору на обѣдъ. На этотъ обѣдъ были приглашены и остальные главные чиновники. Я его просилъ ходатайствовать предъ генералъ-губернаторомъ объ освобожденіи Марголиса и о сложеніи наложеннаго штрафа, что и было исполнено на другой день.

Мнѣ разсказывалъ военный начальникъ Циглеръ, что за обѣдомъ К. П. Кауфманъ говорилъ обо мнѣ съ похвалою, и, между прочимъ, спросилъ присутствовавшаго на обѣдѣ настоятеля православной церкви отца Софронія—знаетъ ли онъ меня и какого онъ обо мнѣ мнѣнія. „Помилуйте, В. В—во, будто отвѣтилъ о. Софроній, Гордонъ—это еврейскій Пушкинъ!“ Не знаю, откуда зналъ о. Софроній, что я пишу еврейскія вирши; по видимому онъ думалъ, что ему, какъ духовному лицу, не подобаетъ не знать и не умѣть цѣнить писателя-поэта, пишущаго на языкѣ Ветхаго Завѣта.

На другой день, К. П., уѣзжая, проѣхалъ мимо моей квартиры. Я вышелъ на крыльцо и поклонился ему. Онъ любезно кивнулъ мнѣ головою и послалъ мнѣ рукою воздушный поцѣлуй.

Директоръ Фурсовъ мнѣ послѣ говорилъ, что генералъ-губернаторъ остался весьма доволенъ мною и отозвался обо мнѣ съ похвалою.

Десять лѣтъ спустя.

Прошло десять лѣтъ. Я жилъ въ Петербургѣ, состоя секретаремъ правленія еврейской общины и Комитета Общества Просвѣщенія евреевъ. Наканунѣ Рождества 1875 года я прочелъ въ газетахъ, что генералъ К. П. Кауфманъ, который докончилъ тогда свой побѣдоносный походъ на Хиву и Самаркандъ, пріѣхалъ въ Петербургъ. Я написалъ ему письмо по городской почтѣ, напоминая о себѣ и выражая желаніе ему представиться.

Помню, это было въ четвергъ. На другой день я рано вышелъ изъ дому; вернувшись я узналъ, что ко мнѣ пріѣзжалъ адъютантъ генерала (кажется по фамиліи Кобелевъ) и, не заставъ меня дома, оставилъ записку, что генералъ приметъ меня на другой день въ 10 часовъ утра.

Я явился въ указанный часъ. Это было въ пятницу 24 декабря. Въ пріемной ждало уже нѣсколько посѣтителей, военныхъ и гражданскихъ, но генералъ еще не выходилъ. Я сталъ въ пріемной въ концѣ ряда ожидающихъ, почти у самыхъ дверей. Вскорѣ вышелъ Константинъ Петровичъ и, поздоровавшись съ однимъ, другимъ изъ военныхъ, окинулъ взоромъ посѣтителей и, увидѣвъ меня, подошелъ ко мнѣ съ привѣтливою улыбкою и шутливымъ тономъ спросилъ:

— Что, вы еще не приняли православія?

Я былъ нѣсколько сконфуженъ этимъ неожиданнымъ вопросомъ, но тутъ же нашелся и отвѣтилъ:

— Нѣтъ, Ваше Высокопревосходительство, продолжаю еще пребывать въ заблужденіи.

Онъ улыбнулся и сказалъ:

— Хорошо, хорошо, мнѣ пріятно будетъ съ вами побесѣдовать; но вотъ сейчасъ прискакалъ гонецъ съ извѣстіемъ о взятіи Ташкента; спѣшу ѣхать къ Государю съ докладомъ; зайдите лучше завтра объ эту пору.

Я не успѣлъ поклониться, какъ онъ шопотомъ прибавилъ:

— Впрочемъ, завтра Рождество... Лучше послѣ завтра.

Я поклонился и ушелъ.

Я пришелъ на другой день Рождества, и дѣйствительно никого не было. Меня встрѣтилъ адъютантъ, бывшій у меня на дому, и, въ ожиданіи выхода генерала, завелъ со мною

разговоръ, разспрашивая о моихъ отношеніяхъ къ Константину Петровичу.

Я разсказалъ ему вкратцѣ о первой встрѣчѣ моей съ К. П. и въ свою очередь спросилъ его о новомъ завоеванномъ краѣ, есть ли тамъ евреи и что это за народъ.

— Какъ-же!—отвѣтилъ онъ.—Тамъ много евреевъ; все тѣ же азіатцы. Впрочемъ, евреи отличаются своимъ типомъ; женщины еврейскія — весьма красивы, бѣда только, что онѣ весьма строгихъ правилъ.

Я не успѣлъ усмѣхнуться по поводу этой наивной чисто-военной исповѣди, какъ послышались шаги генерала изъ его уборной. Онъ прошелъ въ кабинетъ, куда вскорѣ я былъ приглашенъ къ нему.

Бесѣда наша продолжалась больше часа. К. П. справлялся о положеніи евреевъ въ Сѣверо-западномъ краѣ, о которыхъ онъ не слыхалъ уже около десяти лѣтъ.

— Впрочемъ,—прибавилъ онъ,—разъ за это время мнѣ пришлось читать какую-то книгу о евреяхъ. Я только забылъ названіе этой книги.

Я догадался, что рѣчь идетъ о „Книгѣ Кагала“ Брафмана и выразилъ сожалѣніе, что ему попалась именно только эта книга, а не другія, писанныя въ ея опроверженіе.

— Книга эта попалась мнѣ не случайно, — пояснилъ мнѣ Константинъ Петровичъ. — Она была прислана ко мнѣ въ нѣсколькихъ десяткахъ экземпляровъ, для разсылки ея въ присутственныя мѣста, съ цѣлью ознакомленія по ней съ еврейскимъ бытомъ. Такимъ образомъ чтеніе ея было для насъ какъ-бы обязательнымъ. Впрочемъ,—прибавилъ онъ полушутя,—еслибъ я этой книги и не читалъ, я самъ былъ бы въ состояніи нѣчто подобное написать. Разскажу вамъ случай изъ моей собственной практики, который доказываетъ, насколько силенъ кагалъ и какъ велико его вліяніе на евреевъ.

При этомъ К. П. разсказалъ мнѣ слѣдующее:

„Во время бытности моей начальникомъ сѣв.-зап. губерній случился опустошительный пожаръ въ г. Минскѣ. Я нарочно послалъ туда своего адъютанта, чтобы на мѣстѣ составить именной списокъ погорѣльцамъ съ точнымъ обозначеніемъ размѣра убытковъ каждаго изъ нихъ, такъ какъ я тогда собирался въ Петербургъ и хотѣлъ лично исходатай-

ствовать правительственное пособіе пострадавшимъ. Не знаю почему то моему адъютанту вздумалось, вмѣсто одного общаго списка, составить три отдѣльныхъ, по вѣроисповѣданіямъ. Я былъ этимъ крайне недоволенъ, но измѣнить некогда было; я торопился въ Петербургъ, чтобы застать еще Государя, собиравшагося уѣхать. Недѣли черезъ двѣ я вернулся въ Вильну съ стотысячнымъ пособіемъ [1], распредѣленнымъ на три части, согласно представленнымъ спискамъ, и въ самый день моего пріѣзда я снова отрядилъ адъютанта въ Минскъ съ деньгами и, во избѣжаніе злоупотребленій, съ категорическимъ приказаніемъ передать назначенное пособіе каждому пострадавшему непосредственно въ руки. Адъютантъ мой пріѣхалъ въ Минскъ въ четвергъ, часовъ въ 8 вечера; не успѣлъ онъ хорошенько отдохнуть съ дороги, какъ къ нему въ гостинницу явились представители еврейскаго общества.

— Что вамъ угодно?—спросилъ онъ ихъ.

— А вотъ мы узнали, что вы пріѣхали, и пришли къ Вашему Высокоблагородію на поклонъ.

— Очень благодаренъ за вниманіе.

— Узнали мы также о царской милости, что прислано пособіе погорѣльцамъ.

— Это вѣрно; а что?

— А вотъ мы, какъ представители здѣшняго еврейскаго общества, пришли просить Ваше Высокоблагородіе, выдать намъ долю, назначенную для евреевъ, и мы ее раздадимъ пострадавшимъ.

— А почему не могу я самъ раздать деньги потерпѣвшимъ?

— У Вашего Высокоблагородія можетъ произойти ошибка; мы лучше знаемъ—кто больше нуждается и кто насколько пострадалъ.

— Но у меня вѣдь имѣются списки, вами же составленные?

— Тѣ списки были составлены второпяхъ, потому что чиновникъ генералъ-губернатора спѣшилъ и торопилъ насъ. Въ этихъ спискахъ имѣются большія неточности; мы впослѣдствіи собрали болѣе точныя свѣдѣнія.

[1] Кажется, онъ сказалъ, что привезъ 200 тысячъ:—сто тысячъ изъ шкатулки Государя, а другихъ 100 тысячъ изъ государственнаго казначейства.

— Очень жаль, но я иначе поступать не могу. Я имѣю точное приказаніе генералъ-губернатора вручить пособіе каждому пострадавшему собственноручно.

— Все равно,—сказали еврейскіе депутаты, уходя отъ него.—Дѣлайте какъ вамъ угодно, а деньги все таки поступятъ къ намъ, и мы ихъ перераспредѣлимъ по нашему усмотрѣнію.

Чиновникъ мой не обратилъ вниманія на эти слова, считая ихъ просто хвастовствомъ. И что вы думаете?—прибавилъ Константинъ Петровичъ обращаясь ко мнѣ,—а минскіе евреи все таки поставили на своемъ. Въ пятницу чиновникъ мой оповѣстилъ погорѣльцевъ черезъ полицію, чтобы они въ воскресенье собрались въ мѣстную ратушу для полученія пособія; но въ ту же субботу было объявлено по всѣмъ синагогамъ, что всѣ евреи, которые получатъ пособіе отъ чиновника генералъ-губернатора, имѣютъ эти деньги доставить раввину, который учинитъ имъ перераспредѣленіе по своему усморѣнію, что съ точностью и было исполнено".

Приличіе не дозволило мнѣ спросить генерала, откуда ему можетъ быть извѣстно, что минскіе евреи-погорѣльцы дѣйствительно послушались приказанія раввина, тѣмъ болѣе, что это мнѣ показалось въ характерѣ вещей, и я зналъ, что К. П., какъ человѣкъ свободный отъ всякихъ предразсудковъ и въ высшей степени справедливый, не передастъ факта, въ дѣйствительности котораго онъ не убѣдился; поэтому я счелъ болѣе удобнымъ придать дѣлу другой оборотъ и сказалъ:

— Но я убѣжденъ, Ваше Высокопревосходительство, что раввинъ не допустилъ никакой кривды и обиды и роздалъ деньги дѣйствительно пострадавшимъ и нуждавшимся.

— Допустимъ,—отвѣтилъ К. П.,—и я поэтому не далъ тогда этому дѣлу дальнѣйшаго хода; но я хотѣлъ вамъ сегодня только доказать силу и вліяніе кагала. Во-первыхъ, откуда они узнали о пріѣздѣ чиновника въ моментъ его пріѣзда, и что онъ привезъ деньги, чего не знали еще никто изъ оффиціальныхъ лицъ въ городѣ; во вторыхъ, какой русскій, получивъ деньги, послушался бы попа, чтобы выдать ему эти деньги обратно; а евреи послушались поголовно. Я бы могъ,—прибавилъ онъ,—привести еще нѣсколько примѣровъ такого рода о силѣ и вліяніи кагала.

Тутъ К. П. самъ прекратилъ этотъ разговоръ и сталъ

разсказывать о новыхъ странахъ, завоеванныхъ имъ и присоединенныхъ къ Россіи, причемъ сообщилъ, что, организуя администрацію въ новой области (Хивѣ), онъ собственной властью объявилъ страну эту входящею въ черту осѣдлости евреевъ, будучи убѣжденъ, что для поднятія благосостоянія этой первобытной страны, въ особенности для развитія въ ней торговли и промышленности, русскіе евреи могутъ быть весьма полезны,

Въ концѣ аудіенціи К. П. спросилъ меня, не можетъ ли онъ быть мнѣ лично въ чемъ нибудь полезнымъ, и предлагалъ мнѣ рекомендаціи къ министру народнаго просвѣщенія и министру внутреннихъ дѣлъ.

Я поблагодарилъ его за его благосклонность ко мнѣ и отвѣтилъ, что въ настоящее время я доволенъ своею судьбою и ни въ чемъ не нуждаюсь.

— Впрочемъ,—отвѣтилъ на то К. П.,—моя рекомендація могла быть вамъ скорѣе вредной, такъ какъ эти господа ко мнѣ не особенно расположены.

Затѣмъ онъ меня отпустилъ.

Послѣднее свиданіе.

Вспомнилъ я объ этой предупредительности К. П. въ горькую годину 1879 г. Находясь въ мѣстѣ ссылки, въ Пудожѣ, я прочелъ въ газетахъ, что К. П. пріѣхалъ въ Петербургъ. Я написалъ ему письмо, прося засвидѣтельствовать о моей благонадежности предъ властями. Письмо это [1] я препроводилъ къ моему брату, прося послѣдняго вручить его лично К. П.

Братъ дѣйствительно представился ему и передалъ мое письмо.

К. П. сказалъ ему: „я помню вашего брата; но что прикажете дѣлать? Меня здѣсь не было и я не знаю, что здѣсь происходило. Человѣку вѣдь въ душу не влѣзешь. Перевелъ же я самъ Ландсберга [2] въ гвардію, а послѣ пришлось мнѣ фигурировать въ качествѣ свидѣтеля по его дѣлу. Впрочемъ, то, о чемъ вашъ братъ проситъ, я могу для него сдѣлать.

[1] Копія этого письма имѣется при брошюрѣ „Тюрьма и Ссылка" написанной Л. О. Гордономъ, но до сихъ поръ неизданной.

[2] Офицеръ, впослѣдствіи осужденный за убійство.

Завтра крестины маленькаго Великаго Князя [1], я буду въ Царскомъ Селѣ, увижу тамъ генерала Гурко и поговорю съ нимъ".

И такъ оно и было.

Когда я вернулся, въ концѣ августа, К. П. былъ еще въ Петербургѣ. Я представился ему, чтобы поблагодарить его. На пріемѣ опять было много народу. Онъ разспрашивалъ меня, видѣлъ ли я въ Петрозаводскѣ сосланныхъ имъ изъ Ташкента аборигеновъ той страны, агитировавшихъ противъ русской власти.

Когда разговоръ коснулся его заступничества за меня, за которую я ему выражалъ свою глубокую признательность, то онъ разсказалъ мнѣ, что видѣлъ генерала Гурко въ салонѣ Великаго Князя и обратился къ нему съ слѣдующими словами:

— Что вы сдѣлали съ Гордономъ? У меня онъ былъ порядочный человѣкъ; если онъ и испортился, то вы его испортили.

К. П. всегда любилъ говорить въ полушутливомъ тонѣ.

Вскорѣ послѣ этого К. П. уѣхалъ изъ Петербурга и больше уже туда не вернулся. Онъ умеръ въ Ташкентѣ.

Л. Гордонъ.

---

[1] Сына Великаго Князя Владиміра Александровича.

Жреческое сословіе въ Іудеѣ

ВЪ ПОСЛѢДНІЕ ГОДЫ ЕЯ ПОЛИТИЧЕСКАГО СУЩЕСТВОВАНІЯ.

I.

Какъ ни прискорбно, но надо сознаться, что жреческое сословіе у евреевъ, по своему нравственному облику, по своему стремленію къ власти и по эксплоатаціи нижшихъ слоевъ населенія, не составляло особенно благопріятнаго исключенія, по сравненію съ египетскими, греческими и римскими жрецами того времени. Очень можетъ быть, что все болѣе и болѣе частыя столкновенія и сношенія, установившіяся въ послѣдніе вѣка политической жизни еврейскаго народа между представителями послѣдняго и высшими классами господствовавшихъ тогда другихъ народностей, возъимѣли свое вліяніе на характеръ и дѣятельность еврейскаго жреческаго сословія, именно въ смыслѣ его деморализаціи. Но фактъ тотъ, что эта деморализація существовала и что противъ нея со всевозможной энергіей выступили и вели съ нею отчаянную борьбу именно тѣ „хахомимъ", тѣ люди знанія, науки и пламеннаго патріотизма, тѣ истинные защитники униженныхъ и оскорбленныхъ, которыхъ въ теченіе почти цѣлыхъ двухъ тысячелѣтій знаютъ подъ воображаемою позорною кличкою „фарисеевъ". Чѣмъ глубже и серьезнѣе изслѣдованія въ области еврейской исторіи и еврейскаго богословія, появляющіяся въ послѣднее время, тѣмъ рельефнѣе выступаетъ истинный характеръ этихъ оклеветанныхъ народныхъ дѣятелей, глубоко сочувствовавшихъ народному горю и въ то же время непоколебимыхъ столповъ настоящаго іудаизма въ лучшемъ значеніи этого слова.

Среди такихъ изслѣдованій несомнѣнно одно изъ первыхъ мѣсто занимаетъ сочиненіе вѣнскаго профессора Адольфа Бюхлера: „Жрецы и культъ послѣдняго десятилѣтія Іеруса-

лимскаго Храма" (Die Priester und der Cultus im letzten Jahrzehnt des Jerusalemischen Tempels), сочиненіе съ первыхъ же страницъ обнаруживающее въ авторѣ такую огромную эрудицію по части еврейскаго богословія и исторіи и такую неимовѣрную силу комбинированія, которыя прямо достойны удивленія.

Какъ ни сухимъ можетъ показаться само заглавіе сочиненія и какимъ огромнымъ ученымъ аппаратомъ оно ни обставлено авторомъ для обоснованія своихъ комбинацій, какою массою цитатъ ни изобилуетъ оно для доказательства справедливости его выводовъ, но читатель вполнѣ вознаграждается рельефностью той картины, которая возстаетъ предъ нимъ, картины нравственнаго, умственнаго и матеріальнаго положенія жреческаго сословія и его отношеній къ низшимъ классамъ населенія, а также картины борьбы противъ испорченности и корыстолюбивыхъ и эксплоататорскихъ стремленій этого сословія, крайне энергично веденной столь напрасно оклеветанными фарисеями. Помимо этого, мы то и дѣло наталкиваемся на мимоходомъ приводимые авторомъ историческіе моменты и характеристики отдѣльныхъ личностей, мало извѣстные большой еврейской публикѣ, но тѣмъ не менѣе подъ часъ крайне интересные. Въ нашемъ изложеніи мы постараемся по возможности воспроизводить эти картины и историческіе моменты и характеристики, освобождая читателя отъ штудированія ученаго аппарата и многочисленныхъ цитатъ, приводимыхъ авторомъ.

Уже при самомъ разъясненіи автора объ источникахъ, легшихъ въ основаніе его изслѣдованія, мы наталкиваемся на сообщенія, характеризующія царя Агриппу I и его благочестіе. Именно, тутъ разсказывается, между прочимъ, что когда народъ, приносившій для жертвы первые плоды, достигъ Храмовой горы, то даже самъ царь Агриппа взвалилъ свою корзину на свои плечи. Далѣе тутъ разсказывается, что (наканунѣ Пасхи) даже царь Агриппа, который имѣлъ обыкновеніе завтракать въ 9 часовъ, въ этотъ день не ѣлъ до наступленія вечера. Еще далѣе: царь Агриппа взялъ свитки закона изъ рукъ первосвященника *стоя;* мудрецы хвалили его за это. Когда онъ прочиталъ предложеніе: „Ты не можешь назначить у себя царемъ чужеземца", слезы брызнули изъ его глазъ (онъ вспомнилъ свое идумейское происхожденіе). Но мудрецы сказали ему: „Не бойся, Агриппа, ты нашъ братъ!" Тутъ же, кстати, прибавляется, что рѣчь можетъ быть здѣсь только объ Агриппѣ I, а не объ Агриппѣ II уже потому, что, какъ свидѣтельствуютъ всѣ талмудическіе источники и даже Іосифъ Флавій, другъ Агриппы II, только Агриппа I былъ вѣренъ закону, а потому любимъ народомъ и мудрецами. При Агриппѣ же II такая сцена, какую тутъ рисуетъ Мишна, была бы совершенно немыслима. Агриппа II и не читалъ самъ Тору, а предоставилъ это первосвященнику. Относительно этого послѣдняго тутъ еще сообщается, что въ тотъ день, когда іудеи выказали ему особенную лесть, масса народа была перебита.

Говоря объ источникахъ по исторіи послѣдней эпохи политическаго существованія Іудеи, нельзя конечно обойти Іосифа Флавія, почему мы нерѣдко встрѣчаемъ здѣсь разбросанныя замѣчанія объ этомъ писателѣ и политическомъ дѣятелѣ. При спорахъ о томъ, кто читалъ въ храмѣ главу изъ Торы—царь или первосвященникъ, многіе ссылаются на Іосифа Флавія, сообщающаго, что это исполнялъ первосвященникъ. Но вотъ оказывается, что Іосифъ Флавій на дѣлѣ вообще очень мало говоритъ о религіозныхъ обрядахъ, свои сообщенія въ этомъ отношеніи не подтверждаетъ дѣйствительно совершившимися фактами и въ данномъ случаѣ, изъ опасенія предъ римлянами, замѣняетъ царя первосвященникомъ при чтеніи Торы, хотя ни одного факта объ этомъ не имѣется. Дѣло въ томъ—и тутъ мы имѣемъ уже нѣкоторую характеристику жреческаго сословія,—что, какъ извѣстно, первосвященники эпохи по-иродіанской не были таковы, чтобы они сами напоминали объ исполненіи такихъ велѣній, при совершеніи которыхъ они должны были стыдиться своего невѣжества. И если фарисеи-законодатели энергически не побуждали къ этому, то такія велѣнія оставались неисполненными. Но фарисеи при Агриппѣ I-мъ еще не имѣли такого вліянія, чтобы заставить царя или первосвященника читать Тору, что не дѣлалось уже въ теченіе многихъ десятковъ лѣтъ. Лишь въ 62—63 г. нынѣшней эры происходитъ совершенное преобразованіе храмовой службы, именно съ отреченіемъ отъ его сана садукейски настроеннаго первосвященника Анана-бенъ-Анана. Упорное, энергическое проведеніе садукейскихъ воззрѣній этимъ

первосвященникомъ вызвало сильную реакцію, и фарисейскіе принципы получили полное господство во всѣхъ отрасляхъ религіозной жизни. Съ этого времени первые плоды съ большою торжественностью привозятся въ Іерусалимъ, колосья, требуемые для омера, снимаются съ поля съ разсчитанною на эфектъ торжественностью, канунъ Пасхи строго соблюдается, служба въ день всепрощенія, праздникъ водочерпанія, связываніе ивовыхъ вѣтокъ, сожженіе рыжей коровы—словомъ все то, что садукеи подвергали сомнѣнію, оспаривали или совершали съ отступленіями, теперь совершалось съ любовью и энтузіазмомъ. У первосвященника отнято было право читать главу изъ Торы, которую долженъ былъ читать царь, и хотя онъ былъ идолопоклонническаго происхожденія и ненавистенъ изъ-за Ирода, однако ему было отдано предпочтеніе предъ садукейско-настроеннымъ первосвященникомъ. Почему Іосифъ Флавій ничего не упоминаетъ объ этомъ переворотѣ—это мы увидимъ ниже.

II.

При обозрѣніи источниковъ, основаніемъ которыхъ служатъ сообщенія изъ академіи и синедріона, основанныхъ р. Іохананомъ бенъ Заккай въ Ябнѣ, бросается въ глаза то обстоятельство, что изъ 14 выдающихся мужей, доставляющихъ свѣдѣнія о происшествіяхъ въ храмѣ, лишь объ одномъ—именно р. Іошуѣ б. Хананія, который уже въ Іерусалимѣ былъ ученикомъ б. Заккая—говорится, что онъ долгое время оставался въ академіи б. Заккая, объ остальныхъ же прямо сообщается, что они принадлежали къ другой школѣ, и нигдѣ не упоминается, чтобы они посѣтили когда-нибудь академію въ Ябнѣ, пока во главѣ этой академіи стоялъ р. Іохананъ б. Заккай. И не только эти, но и другіе учители, которые, подобно упомянутымъ 14, несомнѣнно сами еще видѣли іерусалимскій храмъ, также держались вдали отъ академіи въ Ябнѣ и основали свои собственныя школы. Такъ Нехунья б. Гакана, учитель извѣстнаго р. Измаила, и Нахумъ изъ Гимзо, учитель знаменитаго р. Акибы, также сторонились отъ р. Іоханана б. Заккая.

Что же могло побудить какъ тѣхъ, такъ и другихъ учителей къ этому странному отношенію, тогда какъ, напротивъ, слѣдовало бы ожидать, что всѣ способные и призванные пристанутъ къ этому синедріону, составившему собою центръ спасеннаго іудаизма, и съ соединенными силами будутъ работать для его поддержанія?

Внимательный анализъ фактовъ и обстоятельствъ, обнаружившихся послѣ разрушенія храма, дастъ намъ удовлетворительное разрѣшеніе этой загадки.

На первомъ планѣ тутъ безсомнѣнно играло роль располагавшее къ подозрѣніямъ политическое прошлое р. Іоханана б. Заккая, которое очень многимъ было не по сердцу. Съ другой стороны, можетъ быть, не смотря на то, что онъ уже въ Іерусалимѣ былъ весьма выдающеюся личностью, но всетаки не настолько значительною, чтобы считаться неоспоримымъ авторитетомъ для всѣхъ тѣхъ, которые также отличались знаніемъ закона и эрудиціей. Помимо этого, шамаиты въ особенности, изъ за обоихъ приведенныхъ основаній, имѣли поводъ не признавать ни его, ни его школы, которая присоединилась къ гиллелитамъ, и весьма вѣроятно, что многіе изъ 14-ти мужей, сообщавшихъ свѣдѣнія о храмѣ, принадлежали къ шамаитамъ. Затѣмъ р. Іохананъ б. Заккай не былъ ни высокаго происхожденія, какъ напримѣръ домъ Гиллеля, ни священническаго рода, чтобы этими качествами могъ воздѣйствовать на ученыхъ священниковъ, къ которымъ принадлежала большая часть упомянутыхъ 14 танаитовъ. Хотя нѣкоторые и полагаютъ, что р. Іохананъ былъ священническаго рода, потому что онъ разъ участвовалъ въ церемоніи приготовленія очистительной золы, но это ошибочно, такъ какъ на основаніи источниковъ ясно видно, что онъ участвовалъ въ этой церемоніи не въ качествѣ священника, а въ качествѣ почетнаго старѣйшины или ученаго. Да, можно даже предположить, что именно это послѣднее обстоятельство—неаристократическое происхожденіе р. Іоханана—было главною причиною, почему другіе ученые держались вдали отъ академіи въ Ябнѣ, какъ это можно заключить изъ данныхъ, свидѣтельствующихъ объ отношеніяхъ р. Іоханана б. Заккая къ священникамъ и ясно обнаруживающихъ его стремленіе уничтожить ихъ исключительное привиллегированное положеніе. Между прочимъ, онъ осуждалъ слишкомъ ригорическую провѣрку генеалогическихъ данныхъ со стороны священниковъ, когда рѣчь захо-

дила о заключеніи брака. Онъ даже постановилъ, чтобы по этому предмету синедріонъ не давалъ никакихъ заключеній, такъ какъ священники только тогда подчиняются его рѣшенію, когда послѣднее лишаетъ какую-нибудь фамилію права сродниться съ священническимъ сословіемъ, а не тогда, когда оно какой-либо фамиліи предоставляетъ это право въ виду ея незапятнанности [1]. Этимъ постановленіемъ онъ также имѣлъ въ виду подорвать исключительное положеніе священниковъ, уничтожая тѣ границы, которыя они хотѣли поддерживать и послѣ разрушенія храма. Это его открыто обнаруживаемое стремленіе къ ослабленію вліянія жреческаго сословія и послужило поводомъ, что ученые священники держались вдали отъ академіи въ Ябнѣ, а этимъ также объясняется, почему мы изъ этой академіи имѣемъ лишь весьма скудныя свѣдѣнія о самомъ храмѣ.

Точку зрѣнія р. Іоханана б. Заккая относительно священниковъ раздѣляли и всѣ тѣ, которые присоединились къ нему и были учениками его академіи. Въ Талмудѣ разсказывается, что въ Бетъ-Рамѣ жилъ человѣкъ, который соблюдалъ строжайшее благочестіе. Р. Іохананъ б. Заккай послалъ одного изъ своихъ учениковъ поближе познакомиться съ этимъ человѣкомъ. Ученикъ этотъ разыскалъ его и увидѣлъ, что этотъ человѣкъ, который называлъ себя первосвященникомъ и строго исполнялъ всѣ предписанія относительно левитской чистоты,—былъ совершеннѣйшій невѣжда. Этотъ ученикъ, признавшій невѣжество аристократическаго священника, былъ уже извѣстный намъ р. Іошуа б. Хананья, который оставался вѣрнымъ р. Іоханану до самой его смерти. Изъ этого разсказа явствуетъ, что священники, въ эпоху непосредственно слѣдовавшую за разрушеніемъ храма, очень строго соблюдали всѣ священническія предписанія, но что какъ р. Іохананъ б. Заккай, такъ

[1] О ригоризмѣ жреческаго сословія въ этомъ отношеніи, между прочимъ, могутъ свидѣтельствовать слѣдующіе факты. Священникъ р. Захарій б. Гакаццабъ избѣгалъ всякихъ брачныхъ сношеній съ попавшею въ плѣнъ женой своею, хотя онъ самъ былъ вполнѣ увѣренъ въ ея невинности. Тотъ же Захарій вмѣстѣ со священникомъ Іосе утверждалъ, что дѣвушка изъ священническаго рода, которая ребенкомъ уведена была непріятелемъ въ качествѣ заложницы, хотя и имѣются свидѣтели, подтверждающіе сохраненіе ею невинности, все таки считается опозоренною и должна быть удалена изъ ея семейства.

и его ученики старались доказывать ихъ невѣжество, и тѣмъ отрицать и право ихъ считать себя болѣе святыми и лучшими, чѣмъ обыкновенные міряне. И относительно порицаемаго р. Іохананомъ ригоризма священниковъ при опредѣленіи достоинства тѣхъ или другихъ фамилій и при заключеніи браковъ, ученики его раздѣляли его мнѣніе. Тотъ же Іошуа б. Хананья на вопросъ—какое воззрѣніе относительно заключенія священникомъ брака съ побочною женою брата вѣрное, гиллелитовъ-ли, которые запрещаютъ такой бракъ, или шамаитовъ, которые допускаютъ его,—отвѣтилъ: „почему вы хотите класть мою голову посреди двухъ горъ, между различными взглядами этихъ двухъ школъ, которыя могутъ размозжить мнѣ черепъ. Я заявляю о двухъ великихъ фамиліяхъ священниковъ въ Іерусалимѣ, что онѣ происходятъ отъ побочныхъ женъ и что изъ ихъ среды вышли первосвященники, которые священнодѣйствовали при алтарѣ". Слѣдовательно, и р. Іошуа также былъ противъ этого рода ригоризма священниковъ, такъ какъ онъ, хотя всегда держался воззрѣній гиллелитовъ, въ данномъ случаѣ рѣшительно присоединился къ шамаитамъ.

Вообще же въ академіи р. Іоханана б. Заккая въ Ябнѣ очень мало занимались храмовою службою, законами о жертвоприношеніяхъ и другими теоретическими вопросами, уже отошедшими въ область минувшаго. Такъ какъ у р. Іоханана всегда предъ глазами была лишь одна высокая цѣль—сохраненіе и упроченіе ослабленнаго іудаизма, то онъ все свое вниманіе обращалъ на настоящее и будущее еврейскаго народа, дальнѣйшее существованіе котораго подвергалось опасности.

Въ виду этихъ тенденцій р. Іоханана б. Заккая, всѣ ученые танаиты изъ жреческаго сословія держались въ сторонѣ отъ его академіи въ Ябнѣ, и мы встрѣчаемъ ихъ тамъ лишь въ день смѣщенія съ его поста патріарха Гамліеля II, когда они явились туда въ качествѣ свидѣтелей, стремясь проводить воззрѣніе о необходимости дальнѣйшаго соблюденія предписаній о левитской (священнической) чистотѣ. Повидимому, всѣ они образовали особую школу именно въ Лиддѣ, гдѣ также принимались рѣшенія въ большихъ собраніяхъ, такъ что по одному поводу мы находимъ тамъ 32 ученыхъ, подавшихъ свои голоса. Эта школа соперничала, пови-

димому, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ съ академіей въ Ябнѣ, и р. Іохананъ б. Заккай, стремясь къ единенію іудаизма и сохраненію его ученія, вынужденъ былъ придать своей академіи въ Ябнѣ авторитетъ Іерусалимскаго судилища. Съ этою цѣлью онъ разрѣшилъ и въ своей академіи въ Ябнѣ всѣ тѣ исключенія, которыя примѣнялись во время существованія храма лишь въ дѣйствовавшемъ при немъ судилищѣ, чтобъ этимъ путемъ сравнить свой синедріонъ въ Ябнѣ съ синедріономъ Іерусалимскимъ, что, впрочемъ, не всѣми признавалось.

И точно такъ же, какъ члены академіи въ Ябнѣ самостоятельно функціонировали въ нѣкоторыхъ окрестныхъ городахъ, точно такъ же поступали и учителя, принадлежавшіе къ школѣ въ Лиддѣ. Только когда случалось нѣчто важное и надо было принять какое-либо авторитетное рѣшеніе, они собирались всѣ вмѣстѣ; а то и въ Ябнѣ также не было полнаго, состоящаго изъ 70 членовъ, синедріона.

Итакъ, въ Лиддѣ собирались всѣ ученые изъ священническихъ родовъ, и въ этой школѣ сосредоточивались всѣ свѣдѣнія очевидцевъ, а впослѣдствіи традиціи, о храмовой службѣ, о функціяхъ священниковъ и пр.

Замѣчательно, что подобное же почти отношеніе мы встрѣчаемъ между школой р. Измаила, жившаго на югѣ Іудеи и находившагося въ сношеніяхъ съ іерусалимскими священниками, а потому спеціально занимавшагося всѣми малѣйшими подробностями о порядкахъ въ храмѣ и священническихъ функціяхъ, и школою знаменитаго р. Акибы, котораго оригинальныя воззрѣнія и ихъ логическое проведеніе въ жизнь слишкомъ поглощали для того, чтобы онъ могъ обнаруживать особенный интересъ къ подробностямъ храмовыхъ порядковъ.

Кстати отмѣтимъ, что изъ этихъ подробныхъ сообщеній о храмовыхъ порядкахъ, мы, между прочимъ, узнаемъ, что лѣстница для препровожденія рыжей коровы съ Храмовой горы на Масличную была устраиваема первосвященниками на ихъ собственный счетъ, и что они старались при этомъ обнаруживать всевозможную роскошь. И не даромъ даже одинъ изъ этихъ самыхъ ученыхъ священниковъ, именно абба Іосе б. Іохананъ, возмущается ихъ поведеніемъ.

III.

Помимо школъ въ Лиддѣ и южной Іудеѣ, свѣдѣнія объ устройствѣ и порядкахъ въ Іерусалимскомъ храмѣ можно было добыть въ одной изъ синагогъ въ Сепфорисѣ, именно въ синагогѣ, основанной тѣми лицами, которыхъ Талмудъ называетъ „мужами Іерусалима“ (אנשי ירושלים). Эти „мужи Іерусалима“ были никто иные, какъ бѣглецы, оставившіе Іерусалимъ во время послѣдней войны съ римлянами и устремившіеся въ Галлилею, которая, послѣ паденія Іерусалима и занятія Іудеи Веспасіаномъ, была отдана во владѣніе іудейскому царю Агриппѣ. Здѣсь, послѣ разрушенія Іерусалима, господствовала мирная жизнь, и многіе іудеи направились туда, надѣясь найти тамъ защиту и спокойствіе, и дѣйствительно нашли. Но кто же—т. е. какого класса собственно были эти бѣглецы? Іосифъ Флавій разсказываетъ, что многіе во время осады Іерусалима перешли къ римлянамъ. Это были преимущественно богачи, „между которыми находились первосвященники и сыновья первосвященниковъ, Іосифъ и Іисусъ, три сына Измаила, обезглавленнаго въ Киренѣ, четыре сына Матаѳіи и одинъ сынъ другого Матаѳіи. Вмѣстѣ съ первосвященниками и многіе другіе знатные перешли къ римлянамъ“. Во время террора зелотовъ „всякій кто давалъ деньги пропускался ими, а кто не давалъ, тотъ былъ провозглашенъ измѣнникомъ. Слѣдствіемъ этого было то, что только бѣдные были убиваемы, между тѣмъ какъ богатые покупали себѣ возможность убѣжать“. И эти знатные бѣглецы были еще вознаграждаемы Титомъ. Самъ Іосифъ Флавій получилъ обратно свои поля, но такъ какъ они лежали вблизи Іерусалима и употреблялись для римскаго осаднаго войска, то Титъ далъ ему другія поля, въ равнинѣ. То же самое онъ обѣщалъ бѣглецамъ, „отправилъ ихъ въ Гофну, гдѣ они пока должны были остаться, обѣщавъ имъ, что когда война дастъ ему покой, онъ каждому возвратитъ его достояніе. Съ радостью и въ полной безопасности переселились они въ указанный городокъ“. Сдержалъ-ли Титъ свое обѣщаніе—объ этомъ нигдѣ не упоминается. Іосифъ Флавій разсказываетъ далѣе, что изъ простыхъ гражданъ Іерусалима 40,000 были помилованы, и имъ цезарь предоставилъ отправиться куда имъ было угодно. Весьма можетъ быть,

что они отправились въ сосѣднюю Галлилею, гдѣ теперь стали возникать большія общины. Многіе священники направились также въ южную часть Іудеи, чтобы тамъ найти покой, но многіе изъ нихъ предпочли Галлилею, въ особенности наиболѣе знатные, отчасти, чтобы и на нихъ ниспадало величіе Агриппы и при его посредствѣ оставаться на службѣ у римлянъ, отчасти, чтобы вести спокойную жизнь. Эти бѣглецы—„мужи Іерусалима"—образовали въ Сепфорисѣ особую общину, названную святою общиной Іерусалимскою, и имѣли свою особенную синагогу. (Отъ имени этой общины патріархъ р. Іегуда I передаетъ изреченіе: „устрой себѣ ремесло рядомъ съ Торой", т. е. не ограничивайся однимъ ученіемъ, но занимайся еще какою нибудь работой).

Въ средѣ этой то іерусалимской общины въ Сепфорисѣ также особенно занимались и интересовались всѣми традиціями родины и съ любовью ихъ сохраняли. Сохранилась даже генеалогическая таблица, перечисляющая знатныхъ лицъ, жившихъ во время осады Іерусалима, и такихъ, которыя въ гораздо болѣе позднее время жили въ Сепфорисѣ, съ цѣлью доказать, что эти послѣдніе происходили отъ іерусалимскихъ аристократическихъ фамилій. Въ этой генеалогической таблицѣ фигурируютъ лица, предводительствовавшія іудеями во время войнъ съ римлянами, впослѣдствіи перешедшія къ нимъ и затѣмъ направившіяся въ Сепфорисъ, гдѣ, какъ мы уже сказали выше, эти знатные люди стремились быть вблизи Агриппы и тамъ, въ качествѣ аристократовъ, своею дружбою оказавшихъ услуги римлянамъ, снова играть такую же роль, какую они нѣкогда играли въ Іерусалимѣ.

Въ столицѣ Галлилеи, Сепфорисѣ, было вообще много священниковъ, между прочимъ тѣ, которые переселились сюда изъ Гофны, послѣ разрушенія этого города (Веспасіаномъ), и образовали здѣсь также свою синагогу. Синагогъ же въ Сепфорисѣ было 18, все разныхъ отдѣльныхъ общинъ.

Изъ вышеизложеннаго явствуетъ, что точныя и подробныя свѣдѣнія о храмовой службѣ, о храмовыхъ порядкахъ, о функціяхъ священниковъ и левитовъ и пр.—можно было почерпнуть въ школахъ, основанныхъ священниками въ Лиддѣ, южной Іудеѣ и Сепфорисѣ, которыя особенно интересовались и тщательно разрабатывали эти вопросы, съ очевидною цѣлью сохранить свои традиціи и престижъ своего священническаго происхожденія,—между тѣмъ какъ р. Іохананъ б. Заккай съ своей академіей въ Ябнѣ, точно также какъ р. Акиба, совершенно пренебрегали этими вопросами, потерявшими къ тому же всякое значеніе послѣ разрушенія храма, имѣя въ виду, какъ мы уже сказали, гораздо болѣе высокую цѣль—духовное единеніе іудаизма и сохраненіе его ученія.

IV.

Обращаемся теперь къ самому положенію жреческаго сословія.

Съ перваго взгляда можетъ казаться, что священники имѣлись только въ одномъ Іерусалимѣ, такъ какъ всѣ сообщенія о нихъ находятся въ связи съ храмомъ и какъ будто свидѣтельствуютъ, что жреческое сословіе лишь въ Святомъ Градѣ принимало участіе въ общественныхъ и политическихъ дѣлахъ, и его положеніе и вліяніе обнаруживались лишь въ центрѣ государственной жизни. Но въ виду того, что лишь высшее жреческое сословіе участвовало въ политическихъ дѣлахъ и, слѣдовательно, лишь незначительная часть всего сословія должна была имѣть свое мѣстопребываніе въ столицѣ, то остальная часть его находилась въ провинціи. Правда, храмовая служба требовала присутствія подъ рукою исполняющихъ ее священниковъ, но не было никакой надобности, чтобы они постоянно жили въ Іерусалимѣ. Ихъ громадная численность повела къ раздѣленію ихъ на 24 отдѣленія, и каждому отдѣленію лишь два раза въ годъ приходилось по недѣлѣ служить въ храмѣ. Слѣдовательно, не было никакой надобности, чтобы священники все время жили въ столицѣ, которая хотя представляла собою для нихъ нѣкоторое преимущество, но гдѣ дороговизна сильно затрудняла имъ содержаніе тамъ своихъ семействъ, такъ какъ большая часть ихъ была крайне бѣдна. Тѣмъ не менѣе, и въ самомъ Іерусалимѣ все же находилось значительное число простыхъ священниковъ. Уже во время преобразованія общинъ при Нехеміи одна часть священниковъ и левитовъ поселилась въ Іерусалимѣ, а другая жила разсѣянною въ городахъ и деревняхъ Іудеи; число священниковъ, жившихъ въ самомъ Іерусалимѣ, было сначала,

повидимому, около 1500. Но во время существованія храма Ирода ихъ число уже значительно увеличилось и, повидимому, доходило до 5,000; хотя нѣкоторые источники говорятъ о 20,000 и 24,000, но нельзя съ увѣренностью сказать— относятся ли эти цифры къ священникамъ, жившимъ въ Іерусалимѣ, или же къ численности всѣхъ вообще священниковъ. Изъ нихъ отъ 700 до 1000 человѣкъ ежедневно были заняты при храмѣ. Нѣкоторые изъ нихъ были на столько бѣдны и имѣли такіе скудные доходы, что они занимались каменноломнымъ и столярнымъ ремеслами и охотно исполняли всякія работы по возведенію и исправленію іерусалимскихъ стѣнъ.

Среди священниковъ, находившихся въ Іерусалимѣ въ послѣднее время существованія храма, были и такіе, которые переселились или даже прямо были призваны туда изъ-за границы, именно изъ Вавилона и Египта, и которые даже имѣли въ Іерусалимѣ свои синагоги. Священники, родившіеся въ Іудеѣ, повидимому, даже косо смотрѣли на этихъ пришлецовъ и старались унизить ихъ въ глазахъ народа, разсказывая объ ихъ неприличныхъ поступкахъ. Такъ они разсказываютъ о вавилонянахъ, что они вырывали шерсть изъ козла отпущенія, когда его проводили мимо ихъ, крича, чтобы онъ бѣжалъ скорѣе. Кромѣ того, когда день всепрощенія случился въ пятницу, и вечеромъ, по случаю наступленія субботы, нельзя было варить мясо жертвеннаго козленка, то вавилоняне это мясо ѣли въ сыромъ видѣ. Когда именно и почему начались эти переселенія иноземныхъ священниковъ въ Іерусалимъ—съ точностью опредѣлить трудно, но надо думать, что это было слѣдствіемъ частыхъ сношеній между ними и іерусалимцами, о чемъ, между прочимъ, свидѣтельствуетъ слѣдующій, сообщаемый І. Флавіемъ самъ по себѣ характеристичный фактъ: „Священники контролируютъ генеалогическое древо своихъ женъ не только въ Іудеѣ, но и въ Египтѣ и Вавилоніи, и посылаютъ эти списки въ Іерусалимъ для провѣрки“.

О томъ, что священники изъ Александріи находились въ Іерусалимѣ, свидѣтельствуетъ, между прочимъ, разбирающійся въ Мишнѣ вопросъ—могутъ ли священники изъ храма Онія быть допускаемы къ службѣ при жертвоприношеніяхъ въ храмѣ Іерусалимскомъ, и еще болѣе, тотъ фактъ, что фамилія назначеннаго Иродомъ первосвященникомъ Боэтія происходила изъ Александріи. Выборъ этого чужеземца на столь высокій постъ, по всей вѣроятности, побудилъ многихъ александрійскихъ священниковъ переселиться въ Іерусалимъ, такъ какъ они могли надѣяться, что ихъ соотечественникъ, состоящій во главѣ храма первосвященникъ, будетъ оказывать имъ нѣкоторое предпочтеніе, и александринцевъ явилось въ Іерусалимъ въ такомъ количествѣ, что они даже имѣли возможность основать тамъ свою собственную синагогу. Мало того, мудрецы, т. е. фарисеи, порвавъ съ возгордившимися іерусалимскими священниками, функціонировавшими на важныхъ постахъ при храмѣ, посылали въ Александрію, чтобы оттуда пригласить священниковъ для ихъ замѣны. Такъ въ Талмудѣ разсказывается: „Священническое семейство Бетъ-Гарму превосходно умѣло приготовлять для храма хлѣба предложенія, но оно не хотѣло обучать этому искусству другихъ. Тогда мудрецы послали въ Александрію за другими мужами (которые умѣли бы замѣнить въ этомъ искусствѣ Бетъ-Гарму), но они не такъ хорошо знали это искусство, и мудрецы побудили членовъ семьи Бетъ-Гарму вновь занять свои прежнія мѣста“. Все это, равно какъ вообще пертурбація священническихъ должностей подъ вліяніемъ фарисеевъ, произошло въ послѣднее десятилѣтіе существованія храма и приблизительно въ 63—64 нынѣшняго лѣтосчисленія. Флавій разсказываетъ: „Зелоты, послѣ завоеванія Галлилеи римлянами, возъимѣли такую дерзость, что они распоряжались выборомъ первосвященниковъ; они лишили всякаго вліянія тѣ семейства, изъ которыхъ прежде выбирались первосвященники, и замѣнили ихъ лицами неизвѣстными и низкаго происхожденія“—обстоятельство, мимоходомъ говоря, которое страшно шокируетъ его аристократическое чувство.

Къ этой же эпохѣ относятся и три новыя торжественныя народныя празднества, которыя введены были фарисеями, именно уже упомянутое выше торжество, при которомъ самъ царь читалъ извѣстную главу Торы, затѣмъ праздникъ водочерпанія, и, наконецъ, праздникъ такъ называемой второй Пасхи—14 Іара—для тѣхъ, которые, находясь въ состояніи нечистоты, не могли участвовать въ празднованіи настоящей Пасхи—14 Сивана. Замѣчательно, что объ этихъ празднест-

10*

вахъ І. Флавій или передаетъ невѣрныя свѣдѣнія, или почти вовсе о нихъ не упоминаетъ. Это объясняется отчасти тѣмъ, что онъ во время этихъ нововведеній находился внѣ Іудеи, именно сначала въ Римѣ, куда онъ отправился, чтобы добиться освобожденія уведенныхъ туда нѣсколькихъ, близко къ нему стоявшихъ священниковъ, а по его возвращеніи сейчасъ вспыхнула война съ Римомъ, и онъ оставилъ Іерусалимъ, такъ какъ былъ назначенъ военачальникомъ въ Галлилеѣ. Съ другой стороны, мало интересуясь религіознымъ движеніемъ, онъ, повидимому, не зналъ ничего объ этихъ празднествахъ, о которыхъ талмудическіе источники распространяются очень подробно и даже называютъ имена лицъ, игравшихъ въ нихъ первенствующую роль. Впрочемъ, и о государственной жизни этой эпохи Флавій, въ виду отсутствія изъ Іерусалима, сообщаетъ лишь весьма скудныя свѣдѣнія. Но эти празднества именно имѣли мѣсто во время перваго отсутствія Флавія изъ Іерусалима, ибо начиная съ 66 года въ Іерусалимѣ уже приступили къ приготовленіямъ къ войнѣ съ римлянами, къ укрѣпленію Іерусалимскихъ стѣнъ, къ изготовленію военныхъ орудій и т. п., и едва ли даже самымъ мирно-настроеннымъ законоучителямъ оставалось на столько досуга и умственнаго спокойствія, чтобы публично проводить разсчитанныя для народа фарисейскія тенденціи и заниматься для этой цѣли устройствомъ грандіозныхъ празднествъ. А зимою 67 года возникла въ Іерусалимѣ столь кровавая междуусобная война, что едва ли кому нибудь въ голову приходило устраивать веселыя празднества. Къ тому же поводомъ для того, чтобы фарисеи приступили къ преобразованіямъ въ храмѣ, было поведеніе первосвященника Анана б. Анана, проводившаго на высокомъ своемъ посту крайнія садукейскія воззрѣнія, а этотъ послѣдній былъ назначенъ въ 62 году, а черезъ три мѣсяца уже былъ низвергнутъ, чему, мимоходомъ замѣтимъ, не помѣшалъ и царь Агриппа, который также недолюбливалъ аристократическихъ священниковъ и противъ ихъ воли предоставилъ левитамъ нѣкоторыя священническія преимущества.

Фарисеи тогда, именно въ 63 году, добились назначенія новыхъ храмовыхъ функціонеровъ, относительно которыхъ они были увѣрены, что они при исполненіи своей службы будутъ держаться ихъ воззрѣній. Но едва-ли, однако, можно

допустить, что съ побѣдой фарисейскихъ принциповъ всѣ прежніе функціонеры въ храмѣ были удалены и замѣнены другими. Вѣдь нѣкоторыя должности въ храмѣ требовали опытности, навыка и даже извѣстнаго рода искусства, какъ, напримѣръ, всѣ приготовленія для ежедневныхъ жертвоприношеній. Внезапное смѣщеніе всѣхъ этихъ мастеровъ своего дѣла и замѣна ихъ новыми, непосвященными, могло повести къ замѣшательствамъ. Въ особенности это могло обнаруживаться при изготовленіи матеріала для куренія [1] и хлѣбовъ предложенія, а также при управленіи храмовымъ пѣніемъ. А что смѣщенные съ своихъ должностей священники не захотѣли посвятить въ свое искусство тѣхъ, которымъ они вынуждены были уступить свое мѣсто—это разумѣется само собою. О возникшемъ вслѣдствіе этого затрудненіи при новой организаціи храмовой службы дѣйствительно разсказывается въ Мишнѣ и Талмудѣ, причемъ приводятся имена тѣхъ фукціонеровъ, которые не захотѣли передать свое знаніе новоназначеннымъ. Это были именно жреческія семейства Гарму и Абтинасъ и храмовые сановники Гонгросъ б. Леви и бенъ-Камцаръ. Тогда мудрецы призвали знатоковъ этого искусства изъ Александрійскаго храма; но они, повидимому, были не на столько опытны въ приготовленіи курева и хлѣбовъ предложенія, какъ напрактиковавшіеся Бетъ-Гарму и Бетъ-Абтинасъ, и эти послѣдніе добились такого торжества, что мудрецы вынуждены были не только призвать ихъ обратно, но въ виду того, что они сознавали себя незамѣнимыми и не захотѣли вернуться — еще значительно и несоразмѣрно возвысить ихъ жалованье. Гонгросъ б. Леви также занялъ свое прежнее мѣсто, и лишь одинъ Бенъ-Камцаръ не захотѣлъ вернуться, вѣроятно потому, что ему не на столько возвысили его жалованье, такъ какъ его должность писца могла быть легко замѣщена. Поэтому Талмудъ вспоминаетъ о немъ съ проклятіемъ, между тѣмъ какъ первыхъ трехъ онъ благословляетъ.

[1] Любопытенъ слѣдующій агадическій разсказъ о силѣ запаха ѳиміама, употреблявшагося въ храмѣ: Еліазаръ б. Диглай разсказываетъ, что козы его отца на горѣ Махерусѣ чихали отъ запаха ѳиміама, сожигаемаго въ Іерусалимскомъ храмѣ (до того далеко доходилъ этотъ запахъ).

Всѣ приведенныя здѣсь обстоятельства вновь подтверждаютъ, что въ послѣднее десятилѣтіе существованія храма въ Іерусалимѣ находились священники изъ Египта и Вавилоніи и постоянно вновь туда прибывали. По всей вѣроятности, это переселеніе началось со времени воцаренія Ирода, который назначилъ чужеземца Ананеля--по однимъ египтянина, а по другимъ вавилонянина—даже первосвященникомъ.

Съ преобразованіями, введенными въ храмовой службѣ подъ вліяніемъ фарисеевъ, измѣненъ былъ и самый языкъ, употреблявшійся въ храмѣ. До 63 года тамъ господствовалъ языкъ арамейскій, который употреблялся и при жертвоприношеніяхъ и при совершеніи всѣхъ другихъ обрядовъ, и не только всѣ принадлежности храма носили арамейскія названія, но есть даже намекъ на то, что самъ Господь Богъ открывался первосвященнику на арамейскомъ языкѣ. Это объясняется тѣмъ, что въ то время и священники, и весь народъ говорили между собою на арамейскомъ языкѣ. И послѣ 63 года народъ и священники — въ частной жизни —продолжали, конечно, говорить на этомъ языкѣ, но въ храмовой службѣ онъ былъ замѣненъ священнымъ еврейскимъ языкомъ. Только на тѣхъ сосудахъ, которые были разсчитаны для народа и для евреевъ, прибывающихъ изъ другихъ странъ, какъ, напримѣръ, кружка для сбора шекелей, оставлены были арамейскія надписи, и къ нимъ даже присоединены были и греческія надписи, во вниманіе къ евреямъ, говорящимъ по-гречески, прибывавшимъ изъ дальнихъ странъ съ своими приношеніями для Іерусалимскаго храма.

V.

Собственно храмовую службу, какъ, напримѣръ, при жертвоприношеніяхъ, исполнялъ одинъ лишь низшій классъ жреческаго сословія, а высшій классъ его совершенно объ этомъ не заботился. Онъ, главнымъ образомъ, думалъ лишь о томъ, чтобы сохранить въ народѣ свое высокое положеніе и связанныя съ нимъ почести и преимущества. У него не было ни внутренней потребности, ни чувства благочестія, которыя влекли бы его къ храму и къ совершенію жертвоприношеній. И хотя, по установившимся правиламъ, первосвященники съ своими помощниками, носившими титулы сеганъ, мемуна и начальника надъ служащимъ въ храмѣ отдѣленіемъ, должны были присутствовать при жертвоприношеніяхъ, но въ дѣйствительности они исполняли эту обязанность лишь крайне рѣдко. Соціальное положеніе первосвященника было таково, что онъ лишь при особенно торжественныхъ случаяхъ исполнялъ обязанности священника. Дѣло въ томъ, что первосвященники эпохи Ирода и послѣдующей большею частью не испытывали никакого влеченія, не обнаруживали ни малѣйшей охоты къ дѣламъ богослуженія, и такъ какъ храмовая служба имъ была очень въ тягость, и они, кромѣ того, подвергались опасности при исполненіи правилъ о жертвоприношеніяхъ обнаруживать свое невѣжество, то они ограничивали свое участіе въ храмовой службѣ лишь самыми необходимыми и неизбѣжными случаями. Но за то они въ тѣ праздники, когда въ Іерусалимѣ собирался весь народъ, являлись къ алтарю во всемъ блескѣ своего первосвященническаго одѣянія, чтобъ производить на собравшуюся массу особенно эфектное впечатлѣніе. Такъ, напримѣръ, извѣстно, что первосвященникъ Іонаѳанъ изъ дома Маккавеевъ впервые одѣлъ свою священную одежду въ праздникъ Шалашей, и что въ этотъ праздникъ самъ король Іанай стоялъ у алтаря, и при этомъ случаѣ народъ осыпалъ его праздничными райскими яблоками. Точно также и о юномъ первосвященникѣ Аристовулѣ, шуринѣ царя Ирода, мы имѣемъ слѣдующій разсказъ Флавія: „между тѣмъ наступилъ праздникъ Шалашей, который празднуется у насъ съ особенною торжественностью... и юноша Аристовулъ, которому тогда было 17 лѣтъ, подошелъ къ алтарю, чтобы, по предписанію закона, совершить жертвоприношеніе, и онъ въ своемъ первосвященническомъ орнатѣ исполнилъ въ точности всѣ предписанныя церемоніи.“ Этотъ праздникъ Шалашей считался тогда самымъ большимъ и самымъ торжественнымъ, почему первосвященники уже не упускали этого случая, чтобы самимъ совершать жертвоприношенія. Далѣе Флавій при этомъ разсказываетъ, что первосвященническое одѣяніе, которое предписано было носить при жертвоприношеніи, сохранялось римскимъ прокураторомъ запертымъ въ крѣпости, а первосвященники за нѣсколько дней до праздниковъ должны были идти туда и взять его оттуда. „Такъ это было ежегодно въ три главныхъ праздника и въ день всепрощенія.“ Такимъ образомъ, первосвященники лишь

четыре раза въ году участвовали въ жертвоприношеніяхъ. Но являясь очень рѣдко для храмовой службы, они тѣмъ не менѣе являлись въ храмъ очень часто для того, чтобы насильно присвоить себѣ кожи жертвенныхъ животныхъ, которыя каждый вечеръ распредѣлялись между функціонировавшими въ тотъ день священниками. Противъ этого насилія не помогло и рѣшеніе священниковъ—распредѣлять эти кожи лишь разъ въ недѣлю въ присутствіи всего священническаго сословія: беззастѣнчивое насиліе аристократическаго жреческаго класса и тутъ одерживало побѣду. Словомъ, священники высшаго круга всячески уклонялись отъ участія въ активной службѣ при жертвоприношеніяхъ и предоставляли это дѣлать низшему сословію священниковъ. Самъ Іосифъ Флавій, который, гдѣ только можетъ, не упускаетъ случая заявлять о своемъ высокомъ священническомъ происхожденіи, нигдѣ однако ни словомъ не упоминаетъ о томъ, чтобы онъ когда либо лично участвовалъ при жертвоприношеніяхъ, чѣмъ онъ, разумѣется, не преминулъ бы похвастать, еслибы это въ дѣйствительности когда либо происходило.

Въ виду того, что священникамъ низшаго класса предоставлена была лишь храмовая служба и участіе въ жертвоприношеніи, какъ единственная отрасль дѣятельности, они, и безъ того воспитанные фарисейской школой въ преданности къ святынѣ, самымъ тѣснымъ образомъ срослись съ нею и, въ противуположность равнодушію высокопоставленныхъ жрецовъ, съ непоколибимою вѣрностью держались всякой мелочи порученной имъ храмовой службы. Когда Помпей осаждалъ Іерусалимъ, то занятые при жертвоприношеніи священники продолжали свою работу, не обращая вниманія на опустошительное дѣйствіе метательныхъ снарядовъ, и когда римскіе солдаты послѣ завоеванія города ворвались въ храмъ, убивая все вокругъ себя, священники не прерывали жертвоприношенія, не смотря на грозившую имъ вѣрную смерть. Когда при первосвященникѣ Измаилѣ въ Іерусалимѣ свирѣпствовалъ такой страшный голодъ, что мука продавалась на вѣсъ золота, ни одинъ изъ священниковъ не притронулся однако къ громадной массѣ муки, предназначенной для жертвы въ праздникъ Пасхи. Если при этомъ принять во вниманіе бѣдственное положеніе низшаго класса

священниковъ, то тѣмъ болѣе приходится удивляться ихъ благочестію. И насъ, поэтому, не должно поражать, что они, въ эпоху революціи, присоединились къ народу и съ пламеннымъ патріотизмомъ и зелотскимъ рвеніемъ выступили противъ аристократическихъ, преданныхъ римлянамъ жрецовъ и добились господства въ храмѣ, при чемъ позволяли себѣ иногда излишества, которыя были бы непростительны въ мирное время. И мы находимъ, напримѣръ, такое ихъ постановленіе, по которому священникъ, находящійся въ состояніи нечистоты и тѣмъ не менѣе участвующій въ храмовой службѣ, не предается даже суду, а прямо выводится изъ храма и тутъ же полѣнами побивается на смерть. Впрочемъ, не надо забывать, что такого рода суровыя постановленія относятся къ 68—69 году, когда междуусобная борьба достигла своего апогея и когда равнодушіе къ святынѣ высшаго жреческаго сословія стало распространяться и среди низшаго класса священниковъ и подвергало опасности святость храмовой службы.

Согласно этому постановленію, подвергаются также смертной казни тѣ священники, которые крадутъ священные сосуды или оскверняютъ таковые, и тѣ, которые предаются разврату съ римлянками. Такъ какъ такія дѣла дѣйствительно совершались лицами изъ высшаго жреческаго сословія, а при тогдашнихъ ужасающихъ условіяхъ междуусобной войны нельзя было и думать о какомъ либо правильномъ судопроизводствѣ, то священники-ревнители прибѣгали къ этимъ мѣрамъ, чтобы сурово наказать оскверненіе храма и развратныя сношенія съ дочерьми смертельнаго врага іудейскаго народа. Въ особенности это послѣднее преступленіе воспламеняло ихъ негодованіе и патріотическое рвеніе, такъ какъ въ немъ обнаруживалось, что высшее жреческое сословіе подмащивалось къ римскимъ властителямъ въ Іерусалимѣ и не останавливалось ни предъ какимъ, оскорбляющимъ религію и іудейство, дѣяніемъ, лишь бы оно этимъ могло служить римлянамъ и своимъ личнымъ интересамъ. Какъ мало эти священники обращали вниманіе на свое достоинство, можно судить по разсказу Талмуда, что одинъ изъ нихъ одѣлъ римскому начальнику его одежду и получилъ за это восемь золотыхъ. Офицеры римскаго гарнизона очень часто посѣщали дома знатныхъ іерусалимскихъ священниковъ, гдѣ

вскорѣ обнаруживалось пагубное ихъ вліяніе, и нерѣдко случалось, что дочери знатныхъ священниковъ отрекались отъ іудейства и выходили замужъ за римскихъ военачальниковъ, какъ, напримѣръ, Миріамъ, дочь высокопоставленнаго священника изъ рода Бильга. Все это еще больше возбуждало религіозное рвеніе народа и низшаго класса священниковъ. И не даромъ одинъ литературный памятникъ той эпохи, именно „**Assumptio Mosis**“, изображаетъ ихъ въ свѣдующихъ словахъ. „И будутъ изъ ихъ числа править зловредные и безбожные люди, утверждающіе (о себѣ), что они—праведники; и будутъ возбуждать гнѣвъ въ своихъ коварные люди, притворяясь, что они довольны своими; и во всѣ часы дня предаваясь пирамъ и обжорству, постыдно скрываясь, чтобы не быть изобличенными, въ то время, какъ они отъ зари до захода безбожно предаются грѣху и несправедливости, говоря: пойдемте возлечь за роскошными яствами и питьями, и будемъ считать себя первыми: и употребляютъ они на грязныя дѣла руки свои и мысль, въ то время, какъ уста ихъ торжественно и надменно говорятъ народу, подвластному имъ: „не смѣйте касаться меня, чтобы не осквернить меня въ томъ мѣстѣ, гдѣ я нахожусь.“ Въ томъ же самомъ уже сто лѣтъ раньше обвиняетъ ихъ и авторъ Соломоновыхъ Псалмовъ: они ханжествуютъ, дабы не могли знать ихъ настоящія мысли и стремленія; днемъ они являются предводителями народа и ихъ судьями, а ночью они предаются разврату; въ судѣ они лицемѣрно выказываютъ наибольшее усердіе, въ храмѣ—глубокую святость и неприкосновенность, чтобы затѣмъ творить всякія мерзости. Ночью втайнѣ развратничаютъ, и если думаютъ, что ихъ никто не видитъ, то своими глазами приглашаютъ всякую женщину для преступныхъ свиданій—и т. д. Словомъ, всѣ источники, которые трактуютъ о положеніи и дѣятельности жреческаго сословія въ по-иродіанской эпохѣ, согласны въ томъ, что высокопоставленные священники въ послѣднее десятилѣтіе существованія храма позволяли себѣ всякаго рода злоупотребленія и пренебрегали и правомъ и справедливостью, лишь бы удовлетворять своимъ желаніямъ. Весьма остроумными и въ то же время вполнѣ убѣдительными доказательствами профессоръ Бюхлеръ устанавливаетъ, что всѣ тѣ мѣста въ Евангеліяхъ, которыя направлены противъ фарисеевъ, имѣютъ собственно въ виду высокопоставленныхъ священниковъ, и главнымъ образомъ это доказывается тѣмъ, что дѣянія, которыя тамъ подвергаются осужденію и порицанію, могли быть совершаемы только священниками, такъ какъ міряне къ такимъ дѣйствіямъ вовсе не допускались, и тѣмъ еще, что фарисеи проповѣдывали совершенно противуположное тому, что имъ тутъ ставится въ упрекъ.

Приведемъ теперь все сказанное къ одному знаменателю. Корыстолюбіе и эксплоатированіе народа, сбивая его съ истиннаго пути, безчестность и ханжество, фривольное равнодушіе къ святынѣ и раболѣпство предъ римлянами—вотъ тѣ пороки, которые всѣ историческіе источники той эпохи въ одинъ голосъ приписываютъ стоявшей во главѣ религіозной и политической жизни священнической знати по-иродіанскаго періода. И эта священническая аристократія старалась всячески строго обособить себя отъ остального народа и заключали браки только между собой. Только съ рѣшительной побѣдой фарисеевъ былъ прорванъ этотъ замкнутый кругъ священнической знати, и дочери почетныхъ мірянъ вступали въ него въ качествѣ женъ священниковъ, и наоборотъ. Чтобъ хоть отчасти воспрепятствовать этому вторженію въ свой кругъ чужихъ элементовъ, священническій судъ установилъ, что дочери священниковъ, выходящія замужъ также за священниковъ же, получаютъ вдвое больше приданнаго, чѣмъ еслибъ онѣ выходили за мірянъ, дабы этимъ побудить ихъ выходить только за священниковъ.

VI.

Священники, принадлежавшіе къ знатнымъ родамъ, занимали въ храмѣ не только всѣ высшія и постоянныя должности, но и тѣ, которыя мѣнялись каждую недѣлю и каждый день вмѣстѣ съ наступающей очередью 24 отдѣленій, на которыя были распредѣлены священники для исполненія храмовой службы и ежедневнаго дежурства ихъ частей. Такъ были должности начальника недѣльныхъ отдѣленій, главы семействъ, составляющихъ эти отдѣленія, и среди послѣднихъ — выдающіеся ихъ представители. Мы затѣмъ находимъ, что начальникъ дневного дежурства ассистируетъ съ лѣвой стороны первосвященника въ тѣхъ случаяхъ, когда

этотъ послѣднiй самъ совершаетъ жертвоприношенія. Кромѣ того, существовалъ еще начальникъ всего дневного состава лицъ, занятыхъ при храмовой службѣ, священниковъ, левитовъ и израильтянъ вмѣстѣ [1]. Но всѣ эти должности были также лишь почетныя, должности, такъ сказать, верховнаго надзора, и они такъ же мало участвовали въ активной службѣ при жертвоприношеніяхъ, какъ и іерусалимскіе священники знатныхъ родовъ.

Изъ числа представителей родовъ ежедневно избиралось семь самыхъ знатныхъ лицъ, которымъ поручалось храненіе ключей семи храмовыхъ воротъ и которые носили титулъ *амаркалъ;* ихъ также называли охранителями храмовыхъ пороговъ.—Рядомъ съ амаркалами существовала должность *гизбаровъ*, которымъ поручалось храненіе сосудовъ, употреблявшихся при жертвоприношеніяхъ; эти сосуды они принимали со счетомъ и со счетомъ должны были передавать ежедневно, при перемѣнѣ дежурства, избраннымъ на слѣдующій день гизбарамъ. Но этихъ послѣднихъ не слѣдуетъ смѣшивать съ тѣми должностными лицами такого же названія, которые завѣдывали всѣми громадными сокровищами храма и которые не имѣли ничего общаго съ храмовой службой Это были сановники весьма высокопоставленные и должность ихъ была постоянная [2].

---

[1] Любопытна слѣдующая подробность о храмовой службѣ, установленная Мишной: какъ только назначенные для службы священники вступаютъ въ помѣщеніе, отдѣляющее внутренній дворъ отъ алтаря, одинъ изъ нихъ бросаетъ о полъ магрефу, что производитъ такой шумъ, что въ Іерусалимѣ никто не могъ слышать голосъ своего собесѣдника. Каждый изъ принадлежащихъ къ дневному дежурству священниковъ, услышавъ этотъ шумъ, зналъ, что всѣ другіе священники уже вошли въ храмъ, чтобы поклониться, и самъ поспѣшно присоединялся къ нимъ. Каждый левитъ также уже зналъ, что его сотоварищи уже собрались для пѣнія, а начальникъ всего дневного состава устанавливалъ подлежащихъ очищенію предъ восточными воротами.

[2] Неизвѣстно, къ нимъ ли относится слѣдующій агадическій разсказъ Талмуда: „Когда разрушенъ былъ первый храмъ, то собрались нѣкоторыя отдѣленія молодыхъ священниковъ съ ключами храма, поднялись на крышу его и обратились къ Господу Богу съ слѣдующими словами: такъ какъ намъ не суждено было удостоиться быть вѣрными хранителями храмовыхъ сокровищъ, то симъ ключи эти передаемъ Тебѣ“.

Такимъ образомъ мы имѣемъ уже четырехъ высшихъ должностныхъ лицъ, попеременно функціонировавшихъ вмѣстѣ съ еженедѣльными отдѣленіями и ежедневными дежурствами священниковъ: это именно глава недѣльнаго состава, глава дневного дежурства, амаркалы и гизбары. Но, по всей вѣроятности, кромѣ этихъ, существовали еще и другія временныя должности при дежурствахъ священниковъ, но мы ихъ не знаемъ потому, что источники не имѣли случая упомянуть о нихъ. Лишь объ одномъ еще упоминается мимоходомъ, именно о рошъ-га-пилъ, обязанность котораго состояла въ томъ, что онъ долженъ былъ наблюдать, чтобы назначенные для активнаго участія въ жертвоприношеніи священники совершали предписанныя омовенія; но неизвѣстно, была ли эта должность постоянная или временная, и въ этомъ ли одномъ состояла ея функція.

Существовалъ еще, повидимому, функціонеръ *гамалбишъ*—одѣвающій, но неизвѣстно, былъ ли это начальникъ надъ священническими одѣяніями, или же въ буквальномъ смыслѣ одѣвавшій священниковъ, когда они отправлялись во внутрь храма для службы въ немъ.

Мы видѣли, что кромѣ гизбаровъ временныхъ, функціонировавшихъ при ежедневныхъ дежурствахъ священниковъ, были и гизбары постоянные, высокопоставленные сановники, завѣдывавшіе храмовыми сокровищами. Но точно также существовали и постоянные, высокопоставленные амаркалы. Мы находимъ въ источникахъ сообщенія, что гизбары были сыновья первосвященниковъ, а амаркалы—ихъ зятья; слѣдовательно это были наивысшіе сановники при храмѣ, постоянно занимавшіе наиболѣе вліятельные посты. Такъ о нихъ, между прочимъ, сообщается, что они извѣстили каменнотеса Пинхаса, что онъ избранъ первосвященникомъ, слѣдовательно, они главные священники, такъ какъ они передаютъ ему эту вѣсть въ качествѣ представителей всего священства. Священникъ—представитель левитовъ также назывался амаркаломъ. Но кромѣ того, амаркалами назывались и такіе начальники, которые не принадлежали къ священническому сословію и которыхъ нужно идентифицировать съ представителями родовъ израильскихъ и съ представителями высшаго судилища. Это, въ особенности, а можетъ быть и исключительно, относится къ послѣднему

десятилѣтію существованія храма, когда, вслѣдствіе энергическаго воздѣйствія фарисеевъ, при жертвоприношеніяхъ стали присутствовать и выдающіеся представители мірянъ; такъ, напримѣръ, представителямъ фарисеевъ предоставлена была функція — наканунѣ дня всепрощенія, прежде чѣмъ первосвященникъ отправляется во храмъ, заклинать его, чтобы онъ при совершеніи праздничнаго жертвоприношенія держался воззрѣнія мудрецовъ, а не уклоняющагося отъ нихъ воззрѣнія садукеевъ; точно также они играли выдающуюся роль при сожженіи рыжей коровы. Они возлагали свои руки на первосвященника и указывали ему погрузиться въ ванну. Знаменитый р. Іохананъ б. Заккай разсказываетъ, какъ онъ самъ присутствовалъ при этой церемоніи и какъ онъ препятствовалъ первосвященнику, державшемуся садукейскихъ воззрѣній, совершить эту церемонію, устранивъ его въ тотъ моментъ, когда тотъ уже хотѣлъ приступить къ сожженію рыжей коровы и приготовленію золы очищенія. Эти представители народа, или вѣрнѣе представители фарисеевъ, изъ которыхъ при торжественныхъ случаяхъ должны были присутствовать по однимъ три, а по другимъ пять человѣкъ, также назывались амаркалами.

Источники (Барайта) упоминаютъ еще о двухъ храмовыхъ функціонерахъ подъ названіемъ *католиковъ*. Повидимому одинъ изъ нихъ былъ главою недѣльнаго отдѣленія священниковъ и былъ приставленъ къ тому сановнику, который завѣдывалъ предметами, необходимыми для ежедневныхъ жертвоприношеній. О функціи второго католика источники не даютъ никакихъ указаній для какой бы то ни было гипотезы. Извѣстно только, что эти католики именуются въ порядкѣ вслѣдъ за первосвященникомъ и слѣдовательно они принадлежали къ самымъ высшимъ храмовымъ сановникамъ. Мы выше видѣли, что съ лѣвой стороны первосвященника ему ассистировалъ при жертвоприношеніяхъ фунціонеръ, завѣдывавшій дневнымъ дежурствомъ священниковъ. Соотвѣтственно этому временному функціонеру при храмѣ долженъ былъ находиться и постоянный функціонеръ. Такого функціонера мы находимъ въ лицѣ *сегана*, ассистировавшаго съ правой стороны первосвященника во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда глава дневного дежурства находился съ

лѣвой стороны его. Этотъ сеганъ былъ наивысшимъ сановникомъ послѣ первосвященника, такъ какъ былъ только одинъ, въ то время какъ всѣхъ другихъ функціонеровъ было по два, или даже по нѣскольку. Сеганъ былъ прежде всего главою всего занятаго при жертвоприношеніи священства и въ качествѣ таковаго ему выпадала высокая честь замѣнять первосвященника въ день всепрощенія при совершеніи жертвоприношенія. Но эту послѣднюю функцію—замѣна первосвященника — онъ исполнялъ лишь въ послѣдніе годы существованія храма. Раньше первосвященника, въ случаѣ, если ему лично что либо препятствовало совершать жертвоприношенія, замѣняли его братья или другіе близкіе родственники. Такъ въ Талмудѣ разсказывается, что первосвященникъ Симонъ б. Камитосъ сдѣлался нечистымъ въ день всепрощенія и тогда братъ его занялъ его мѣсто и функціонировалъ въ качествѣ первосвященника и, такимъ образомъ, мать ихъ въ одинъ день видѣла двухъ своихъ сыновей въ первосвященническомъ санѣ. Въ другомъ мѣстѣ разсказывается, что Іосифъ б. Эллемъ, родственникъ первосвященника Маттія б. Теофила, замѣстилъ послѣдняго въ день всепрощенія. Лишь въ послѣдніе годы существованія храма, когда фарисеи получили наибольшее вліяніе, они облачили сегана достоинствомъ замѣнять первосвященника. Въ эту то эпоху на сегана возложена была обязанность слѣдить за первосвященникомъ, чтобы онъ не совершалъ жертвоприношеній по садукейскимъ воззрѣніямъ. Это случилось именно послѣ низверженія функціонировавшаго всего три мѣсяца первосвященника Анана б. Анана, упорно проводившаго садукейскія воззрѣнія. Выборъ новаго первосвященника зависѣлъ отъ царя Агриппы и потому фарисеи не могли или, по политическимъ соображеніямъ, не желали воздѣйствовать на этотъ выборъ. Но, чтобы обезпечить совершеніе жертвоприношенія по ихъ воззрѣніямъ, они и возложили на сегана слѣдить въ этомъ смыслѣ за первосвященникомъ. И такъ какъ они вообще не довѣряли ни этому послѣднему, ни его братьямъ и родственникамъ, то и добились того, чтобы въ случаяхъ, когда первосвященнику что нибудь помѣшаетъ совершать жертвоприношенія, его замѣнялъ не его братъ или другой родственникъ, какъ это было прежде, а сеганъ,

назначавшійся изъ числа тѣхъ немногихъ знатныхъ священниковъ, которые были приверженцами фарисеевъ.

Какое вліяніе имѣлъ сеганъ, между прочимъ, можно видѣть изъ того, что когда одинъ изъ нихъ, именно исполнявшій эту должность сынъ первосвященника Ананія, Элеазаръ, предложилъ пріостановить жертвоприношенія, совершавшіяся въ честь римскаго цезаря, то всѣ исполнявшіе храмовую службу священники тотчасъ приняли это предложеніе, и всѣ протесты преданныхъ римлянамъ знатныхъ священниковъ тутъ ни къ чему не повели.

При этомъ случаѣ не мѣшаетъ также взглянуть—въ какомъ отношеніи находились къ первосвященнику его братья и вообще его родственники. Въ „Іудейскихъ Древностяхъ“ Флавій разсказываетъ: „Между тѣмъ старѣйшины іерусалимскіе, которые не могли переносить, чтобы женатый на чужестранкѣ братъ первосвященника Яддая участвовалъ въ первосвященническомъ величіи, вооружились противъ него. Они потребовали отъ Манассея—или, чтобы онъ отрекся отъ своей жены, или же, чтобы онъ никогда не появлялся въ алтарѣ. И когда первосвященникъ выразилъ свое согласіе съ народомъ и воспретилъ своему брату доступъ къ алтарю, то Манассей отправился къ Санбалату“... „и когда умеръ Оній,—разсказывается въ другомъ мѣстѣ „Древностей“,—то Антіохъ передалъ первосвященническій санъ его брату, Іисусу, такъ какъ сынъ, который остался послѣ Онія, былъ еще малъ“. И еще далѣе: „Симонъ имѣлъ трехъ сыновей, которые всѣ были первосвященниками“. Отсюда ясно вытекаетъ, что братья первосвященника наслѣдовали его санъ, когда не было у послѣдняго взрослыхъ дѣтей, а потому они и при жизни первосвященника пользовались почетомъ не какъ братья послѣдняго, а какъ возможные его наслѣдники, въ качествѣ которыхъ они замѣняли его и при жертвоприношеніяхъ. А если не было братьевъ, то это достоинство переходило на ближайшихъ родственниковъ, какъ мы видѣли выше въ извѣстіи о томъ, что Іосифъ б. Эллемъ замѣстилъ первосвященника Маттія. Талмудъ далѣе разсказываетъ, что этотъ Іосифъ б. Эллемъ, совершивъ функцію первосвященника, спросилъ царя, на чей счетъ будутъ отнесены въ данномъ случаѣ расходы по жертвоприношеніямъ, обязательнымъ для первосвященника, желая такимъ

путемъ вывѣдать у царя—будетъ ли ему и далѣе предоставлено замѣщать первосвященника и наслѣдовать ему. На это царь ему отвѣтилъ, чтобы онъ удовольствовался тою честью, которая выпала ему на долю,—побывать хоть разъ въ святая святыхъ.

VII.

Рядомъ со священниками и левиты первоначально принимали дѣятельное участіе въ храмовой службѣ. Но впослѣдствіи жреческое сословіе мало по малу вытѣснило ихъ изъ всѣхъ маломальски значительныхъ функцій, присвоивъ себѣ въ то же время тѣ доходы, которые, по постановленіямъ закона, полагались левитамъ. Они оставили имъ лишь самыя низшія функціи, какъ напримѣръ, пѣвцовъ, музыкантовъ, писцовъ и привратниковъ, лишивъ ихъ всякаго участія въ жертвоприношеніяхъ. И хотя пѣніе и музыка принадлежали къ атрибутамъ жертвоприношеній и не мало содѣйствовали ихъ торжественности, тѣмъ не менѣе къ самому мѣсту жертвоприношенія, близъ алтаря, левитовъ не допускали. Изъ предхрамія, назначеннаго для женщинъ, къ предхрамію, отведенному для израильтянъ, вели 15 ступеней, на которыхъ стояли левиты во время пѣнія. Даже ихъ инструменты лежали внѣ храмового притвора. Между тѣмъ тѣ два священника, которые при каждой паузѣ левитскаго пѣнія трубили въ трубы, стояли у самаго алтаря, что особенно рельефно рисуетъ то строгое разграниченіе, которое существовало между этими двумя линіями потомковъ Леви. Такъ какъ левиты изъ своего мѣста не могли хорошо слѣдить за ходомъ жертвоприношеній, извѣстные обряды котораго они должны были сопровождать своимъ пѣніемъ, то на возвышенномъ мѣстѣ стоялъ особый функціонеръ, названный духанъ, который давалъ имъ знать объ этомъ. Онъ стоялъ у самаго порога священническаго притвора, и неизвѣстно—былъ ли этотъ функціонеръ изъ левитовъ, или же, какъ всѣ другіе чиновники храма, тоже изъ священниковъ.

Такимъ образомъ левиты были низведены на степень простыхъ мірянъ, и мы даже имѣемъ сообщенія о томъ, что міряне участвовали въ левитскомъ хорѣ, какъ, напримѣръ, флейтисты знатныхъ фамилій изъ Эммануса и дѣти-пѣвчіе изъ аристократическихъ іерусалимскихъ фамилій. Но по всей

вѣроятности, участіе этихъ міряпъ въ левитскомъ хорѣ относится къ тому времени, когда, по настояніямъ фарисеевъ, міряне допускались къ совершенію такихъ обрядностей, которыя прежде исполнялись исключительно священниками. Такъ мы находимъ разсказъ о томъ, что знатные іерусалимцы и нѣкто Арселла изъ Сепфориса были въ числѣ сопровождающихъ козла отпущенія въ судный день, а также при приготовленіи очистительной золы мы встрѣчаемъ юношей, которые воспитываются для этой цѣли знатными іерусалимскими женщинами [1]. Мы этихъ юношей встрѣчаемъ также въ день всепрощенія въ храмѣ, гдѣ они проводятъ ночь, чтобы занимать первосвященника своей бесѣдой и не дать ему заснуть. Эти же знатныя женщины приготовляли для осужденнаго на смерть преступника оглушительный напитокъ, но такъ какъ въ періодъ господства римскихъ прокураторовъ синедріонъ не могъ ни постановить, ни исполнить смертнаго приговора, и это право снова пріобрѣтено еврейскимъ судилищемъ лишь во время революціи [2], то очевидно, что эта дѣятельность знатныхъ іерусалимскихъ женщинъ относится къ послѣднимъ годамъ государственной жизни Іудеи, когда фарисеи стремились всѣми способами ослабить вліяніе знатныхъ, но невѣжественныхъ и порочныхъ священниковъ, и переносить ихъ преимущества и привиллегіи на весь еврейскій народъ.

Такое же строгое разграниченіе между священниками и

[1] По нѣкоторымъ источникамъ, женщины, которыя воспитывали своихъ сыновей для приготовленія очистительной золы, получали вознагражденіе изъ храмовой кассы, т. е. изъ собранныхъ шекелей, которые употреблялись для покрытія расходовъ, сопряженныхъ со всѣми общими жертвоприношеніями. Изъ этихъ же суммъ содержались въ Іерусалимѣ эксперты для опредѣленія присутствія или отсутствія дефектовъ у предназначенныхъ для жертвоприношенія животныхъ, что прежде также исполнялось священниками. Но когда принципы фарисеевъ одержали побѣду и невѣжественные священники, гдѣ это только было возможно, были вытѣснены мудрецами и замѣнены законовѣдами, то и эти послѣдніе вступили въ права священниковъ и, причисленные къ храму, осматривали жертвенныхъ животныхъ и обучали священниковъ правиламъ жертвоприношеній и рѣзки.

[2] Этимъ правомъ оно дѣйствительно воспользовалось для произнесенія смертнаго приговора надъ предавшеюся разврату дочерью священника и надъ нарушителемъ субботы.

левитами, какое мы видѣли выше, существовало и относительно храмовой стражи изъ этихъ обоихъ классовъ. Хотя стража, какъ священническая, такъ и левитская, должна была оставаться на своемъ посту весь день и всю ночь, но въ то время, какъ для первой были отведены отдѣльныя помѣщенія, въ которыхъ они ночью сидѣли вокругъ огня, левиты вынуждены были стоять подъ открытымъ небомъ, такъ какъ на ихъ долю выпало сторожить внѣшнее зданіе храма, между тѣмъ какъ священники охраняли лишь его внутренность. Кромѣ того, стража изъ левитовъ находилась подъ начальствомъ священника, который относился къ нимъ съ крайною суровостью, и мы находимъ въ Мишнѣ разсказъ о томъ, какъ этотъ начальникъ, совершая разъ ночной обходъ и найдя одного левита заснувшимъ, поджогъ его платье и билъ его. Напротивъ того, къ стражѣ изъ священниковъ, завѣдываемой человѣкомъ изъ ихъ же среды, относились съ крайнею снисходительностью, такъ что они совершенно небрежно относились къ своимъ обязанностямъ, и разъ даже случилось, что въ пасхальную ночь (14 Нисана), когда врата храма были открыты священниками, самаритяне прокрались въ храмъ и разбросали въ немъ человѣческія кости. Левитская стража обязана была также закрывать внѣшнія ворота храма, что требовало большихъ усилій.

Левиты въ прежнее время носили въ храмѣ особую одежду, и самъ Іосифъ Флавій, въ качествѣ знатнаго священника—ярый противникъ левитовъ, описывая храмъ Соломона, разсказываетъ: „священническія одѣянія были изготовлены изъ бисона, къ которымъ были присоединены 10,000 пурпурныхъ поясовъ для отдѣльныхъ лицъ, 20,000 трубъ по предписанію Моисея, 200,000 бисонныхъ одѣяній для левитскихъ пѣвцовъ, наконецъ, музыкальные инструменты“. Но, вытѣсненные впослѣдствіи жреческой кастой изъ участія въ жертвоприношеніи, въ рѣзкѣ и снимaніи кожи съ жертвенныхъ животныхъ, они лишились и своего спеціальнаго одѣянія. И лишь когда вліяніе жреческой касты ослабѣло, они рѣшаются просить у царя Агриппы II—разрѣшить имъ носить во время службы бѣлыя одежды. И тотъ же самый Флавій, легкомысленно забывъ только что приведенный разсказъ его объ одѣяніи левитовъ при Соломоновомъ храмѣ, съ негодованіемъ накидывается

на Агриппу за то, что онъ разрѣшалъ левитскимъ пѣвцамъ носить бѣлыя одѣянія, и при этомъ восклицаетъ: „Все это, противорѣчащее законамъ предковъ и совершенное такимъ путемъ ихъ нарушеніе — достаточная причина для того, чтобы послѣдовало наказаніе“. Это негодованіе Флавія объясняется еще тѣмъ, что, какъ мы уже сказали выше, Агриппа II вообще не долюбливалъ знатныхъ священниковъ, какъ это видно изъ жалобъ, которыя они принесли на него императору за его соблюденіе священныхъ обрядовъ жертвоприношенія. Это и побудило его предоставить левитамъ нѣкоторыя преимущества, которыхъ они добивались, выступая противъ высшей жреческой касты вмѣстѣ съ низшими священниками, которыхъ первосвященники и ихъ братья и родственники тѣснили, унижали и присвоивали себѣ ихъ доходы, вслѣдствіе чего они подвергались всяческимъ лишеніямъ. Всѣ они тогда соединились вмѣстѣ, и когда въ Іерусалимѣ дѣло дошло до строгаго разграниченія партій, пристали къ той, которая относилась враждебно къ высшей жреческой кастѣ. И левитамъ тогда возвращены были хоть нѣкоторыя должности, правда, только третьестепенныя, имѣвшія лишь весьма отдаленную связь съ жертвоприношеніемъ; но и тутъ они находились подъ верховнымъ надзоромъ священниковъ, которые вообще присвоили себѣ въ храмѣ всѣ высшіе посты.

Это частичное возстановленіе правъ левитовъ, равно какъ и всѣ тѣ преобразованія, которыя введены были въ храмъ въ послѣдніе годы его существованія послѣ побѣды фарисеевъ, разрушившей замкнутость высшаго жреческаго сословія и его вліяніе, вызвали цѣлый рядъ священническихъ писаній, которыя силились доказать, что тенденція высшаго жреческаго сословія есть единственно правильная и законная. На первомъ планѣ тутъ слѣдуетъ отмѣтить сочиненія Іосифа Флавія, „Таргумъ (переводъ) псевдо-Іонаѳана“ и „Книгу Юбилеевъ“.

VIII.

Какъ мы видѣли выше, только незначительная часть священническаго сословія находилась въ самомъ Іерусалимѣ, приблизительно одна четверть, остальныя же три четверти жили внѣ Іерусалима. Но такъ какъ каждое изъ 24 отдѣленій священниковъ должно было ежегодно побывать

въ Іерусалимѣ не менѣе двухъ разъ, и такъ какъ поѣздка туда была очень затруднительна — напр. изъ Цезареи въ Іудею путешествіе требовало слишкомъ четыре дня, а изъ Галлилеи черезъ Самарію три дня, — то весьма вѣроятно, что они селились по возможности вблизи Іерусалима. И точно такъ же какъ левитскіе пѣвцы построили себѣ жилища въ окрестностяхъ Іерусалима, такъ и священники, связанные между собою происхожденіемъ, временемъ служенія въ храмѣ и другими обязанностями, по всей вѣроятности имѣли свои центральные пункты. И дѣйствительно, источники даже говорятъ объ исключительно священническихъ городахъ. Р. Іохананъ, одинъ изъ достовѣрнѣйшихъ повѣствователей о величіи Іерусалима, погибшаго съ разрушеніемъ храма, между прочимъ разсказываетъ: „восемьдесятъ паръ священническихъ братьевъ женились въ Гофнѣ въ одну ночь на восьмидесяти паръ священническихъ сестеръ, и кромѣ того еще другія пары братьевъ женились на такихъ дѣвушкахъ, которыя не имѣли сестеръ, а другія пары сестеръ повѣнчались съ юношами, которые не имѣли братьевъ“. Этотъ разсказъ, разумѣется, сильно преувеличенъ и разукрашенъ, но тѣмъ не менѣе изъ него ясно слѣдуетъ, что въ лежащемъ къ сѣверу отъ Іерусалима гор. Гофнѣ жило много священническихъ семействъ, которыя заключали браки только между собою, и слѣдовательно, что въ этомъ городѣ вообще было много священниковъ, которые, повидимому, были всѣ между собою въ родствѣ. То же самое слѣдуетъ сказать и о лежавшемъ къ востоку отъ Іерусалима извѣстномъ городѣ Іерихо (Іерихонъ), относительно котораго сообщается слѣдующее: „24 священническихъ отдѣленій было въ Палестинѣ; изъ нихъ 12 въ Іерихо“. А въ другомъ мѣстѣ: „24000 человѣкъ выставлялъ Іерусалимъ для своего представительства въ храмѣ; Іерихо выставлялъ половину этого числа; онъ могъ бы также выставить такое же число, какъ Іерусалимъ, но чтобы предоставить послѣднему первенство, онъ этого не дѣлалъ“. Изъ этого слѣдуетъ, что если Іерихо и не исключительно былъ населенъ священниками, то во всякомъ случаѣ они составляли тамъ значительную часть населенія, ибо отряды, откомандировывавшіеся для стоянки въ храмѣ, состояли преимущественно изъ священниковъ.

По всей вѣроятности, они, вслѣдствіе своей численности, имѣли тамъ и большое вліяніе и занимали тамъ такое же положеніе, какъ въ Іерусалимѣ. Талмудическіе источники доставляютъ богатый матеріалъ, характеризующій общественное положеніе высшаго жреческаго сословія въ этомъ наибольшемъ провинціальномъ городѣ Іудеи и бросающій яркій свѣтъ на общее состояніе Іерихо вообще. Въ трактатѣ Песахимъ, гдѣ мрачными красками рисуются возмутительныя насилія и злоупотребленія первосвященниковъ въ послѣднія десятилѣтія существованія храма, разсказывается также о томъ, какъ знатные іерусалимскіе священники насильно присваивали себѣ кожи жертвенныхъ животныхъ, принадлежавшія служившимъ въ тотъ день священникамъ, и тутъ же приводится слѣдующее сообщеніе: „Абба Саулъ сказалъ: Стволы изъ сикимора произрастали въ Іерихо, а мужи насилія насильственно присваивали ихъ себѣ; тогда собственники ихъ посвятили ихъ Богу“. Объ этихъ мужахъ и имъ подобныхъ, Абба Саулъ б. Батнитъ восклицалъ: „горе мнѣ“ и т. д. Эти „мужи насилія“ никто иные какъ знатные священники, и точно такъ же, какъ они въ Іерусалимѣ насильно отнимали въ храмѣ у бѣдныхъ священниковъ принадлежавшія имъ кожи, а въ городѣ безпощадно присваивали себѣ назначенную для ихъ содержанія извѣстную часть полевыхъ продуктовъ, такъ они въ Іерихо отнимали у собственниковъ ихъ лучшіе сикоморные стволы. И точно такъ же, какъ священникамъ въ храмѣ, чтобы положить конецъ этимъ злоупотребленіямъ, не оставалось ничего другого, какъ пожертвовать кожи въ пользу храма, такъ точно поступали и владѣльцы сикоморъ въ Іерихо. Подѣйствовала ли эта мѣра противъ безпощаднаго насилія — объ этомъ мы извѣстій не имѣемъ, но очень можетъ быть, что знатные священники и на это не обращали никакого вниманія. Вѣдь были же кедры Ливана, вывезенные Агриппою II для поднятія храма, превращены въ военныя машины.

Эти мужи насилія изъ Іерихо дѣлали все возможное, какъ чтобы обогащаться, такъ и для того, чтобы гдѣ только возможно противодѣйствовать нововведеніямъ фарисеевъ. Они, напримѣръ, въ своихъ садахъ и плантаціяхъ заставляли работать весь день кануна Пасхи, въ который весь народъ былъ занятъ приготовленіями къ этому великому празднику,

только потому, что пасхальное жертвоприношеніе имѣлъ право совершить всякій міряминъ и съѣсть самому. Въ Іудеѣ въ канунъ Пасхи прекращали всякую работу еще въ полдень, а въ Галилеѣ даже съ утра. Знатные же священники въ Іерихо не прекращали у себя работъ до захода солнца, чтобы этимъ показать, что они не придаютъ значенія тѣмъ праздникамъ, въ которые и міряне могутъ совершать жертвоприношенія помимо ихъ, священниковъ. Они къ посвященнымъ Богу сикоморамъ прививали разные плоды и ѣли ихъ, также ѣли плоды, упавшіе съ этихъ деревьевъ. Эти послѣднія дѣйствія были имъ однако строго запрещены мудрецами, дабы и народъ не послѣдовалъ ихъ примѣру и дабы вообще препятствовать пользоваться предметами, посвященными храму, къ чему они всячески стремились.

Мудрецы также строжайше запретили оставлять на углахъ огородовъ овощи въ пользу бѣдныхъ, что также практиковалось знатными іерихонскими священниками. Это фактъ чрезвычайно характерный. Съ перваго взгляда можетъ показаться страннымъ, что фарисеи, которые обнаруживали такую заботливость о низшихъ классахъ населенія, сочли нужнымъ препятствовать такому акту милосердія. Но суть то въ томъ, что это со стороны знатныхъ священниковъ не только не было актомъ милосердія или благотворительности, но какъ разъ наоборотъ — онъ былъ внушенъ имъ ихъ низменными хищническими инстинктами. Іерихо, именно, былъ городъ весьма плодородный и въ немъ особенно много произростало всякаго рода овощей. Священники поэтому стремились къ тому, чтобы приравнять овощи къ хлѣбнымъ растеніямъ, съ которыхъ по закону взималась десятина и оставлялись не сжатыми углы полей — въ пользу бѣдныхъ. И вотъ они оставляли углы *своихъ* овощныхъ огородовъ не снятыми для того, чтобы показать мірянамъ, что овощи все равно, что хлѣбъ, и съ нихъ поэтому они обязаны дать десятину. А эти десятины знатные священники, которые не останавливались ни предъ какими насиліями и злоупотребленіями, при помощи своихъ вооруженныхъ рабовъ вырывали изъ амбаровъ вмѣстѣ съ тою частью, которая принадлежала левитамъ, что подтверждается даже самимъ Іосифомъ Флавіемъ. Само собою разумѣется, что фарисеи не могли допустить осуществленіе этой хищнической политики. Характе-

ренъ въ этомъ отношенiи разсказъ Талмуда, показывающiй, какъ къ этому вопросу относились садукейскiе священники съ одной стороны и фарисеи съ другой. Бенъ Богiонъ оставилъ бѣднымъ углы овощнаго огорода. Какъ разъ въ это время пришелъ его отецъ; онъ отнялъ эти овощи у бѣдныхъ, но вознаградилъ ихъ другими плодами. А сыну своему онъ тутъ же сказалъ, что онъ потому поступаетъ такъ, что таково постановленiе мудрецовъ.

Не безъинтересны также тѣ мотивы, по которымъ фарисеи къ извѣстной формулѣ „Слушай, Израиль, Господь Богъ твой—Богъ Единый!“ прибавили въ молитвѣ предложенiе: „Благословенно Имя величiя царства Его во вѣки вѣковъ“, а садукейскiе знатные священники въ Iерихо отказались произносить эту приставку. Подобно тому, какъ при Иродѣ, который безпощадно властвовалъ надъ iудеями, а эти послѣднiе жаловались на насилiе тирана, нашлись многiе, сдѣлавшiе своимъ девизомъ слова пророка Самуила: „Господь, Богъ вашъ—вашъ владыка“, чтобы этимъ показать что онъ царемъ признаетъ лишь одного Господа Бога, такъ впослѣдствiи зелоты и фарисеи, въ виду тираническаго правленiя римскихъ прокураторовъ, ввели упомянутую приставку „Благословенно“ и пр., чтобы этимъ выразить, что они признаютъ Бога единственнымъ владыкой Израиля, къ чему присоединился народъ вмѣстѣ съ своими духовными руководителями. Этимъ они думали противодѣйствовать заигрыванiю высшаго жреческаго сословiя съ римлянами. Напротивъ же, всѣ высшiе священники, которые косо смотрѣли на влiянiе фарисеевъ и въ то же время были приверженцами римлянъ, именно изъ за этого тяготѣнiя къ римлянамъ, отказались отъ произнесенiя упомянутой молитвенной приставки. И не одни только iерихонскiе знатные священники отказались отъ этого нововведенiя, но и всѣ ихъ единомышленники; все знатное священство въ Iерусалимѣ также пристало къ нимъ.

И весьма можетъ быть, что самые упорные представители садукейскихъ воззрѣнiй рекрутировались въ iерусалимской жреческой знати среди тѣхъ священниковъ, которые прибывали туда изъ Iерихо, такъ что характеристика iерихонскихъ священниковъ составляетъ собою въ то же время характеристику всей вообще священнической знати.

Во всякомъ случаѣ несомнѣнно то, что въ Iерихо, какъ и въ самомъ Iерусалимѣ, находилось значительное число не только служилыхъ, но и знатныхъ священниковъ, которые занимали тамъ доминирующее положенiе и во всемъ, какъ относительно руководимаго фарисеями храма, такъ и относительно приверженнаго фарисеямъ народа, стояли на той же точкѣ, какъ и высшая жреческая каста въ Iерусалимѣ. Они также повсюду дѣйствовали противъ фарисеевъ, сопротивлялись ихъ преобразованiямъ, грабили народъ и дѣлали надъ нимъ величайшiя насилiя, чтобы заставить его служить ихъ личнымъ корыстнымъ цѣлямъ.

Знатные священники потому въ такомъ множествѣ селились въ Iерихо, что этотъ городъ въ послѣднее столѣтiе государственной жизни Iудеи получилъ особенно выдающееся значенiе. Кромѣ того, его благопрiятное положенiе и плодородiе уже давно побуждали богатыхъ и знатныхъ людей поселиться въ этомъ городѣ. Уже во времена Маккавеевъ Iерихо игралъ важную роль, какъ выдающаяся крѣпость, а при Габинiи, который въ 57 г. нынѣшняго лѣтосчисленiя раздѣлилъ Iудею на пять округовъ и установилъ пять синедрiоновъ, городъ Iерихо, наравнѣ съ Iерусалимомъ, Газарой Аматгусомъ и Сепфорисомъ, также сдѣлался мѣстопребыванiемъ синедрiона. Весьма вѣроятно, что во главѣ этихъ синедрiоновъ были поставлены знатные, преданные римлянамъ священники и мiряне—и это тоже сдѣлало его привлекательнымъ пунктомъ для многихъ знатныхъ семействъ.

Впослѣдствiи Iудея была раздѣлена на 11 топархiй, и разумѣется, Iерихо также сдѣлался однимъ изъ нихъ. Иродъ избралъ этотъ городъ своей столицей, украсилъ его великолѣпными зданiями, въ чемъ ему съ увлеченiемъ подражалъ его сынъ и наслѣдникъ, Архелай.

Замѣчательно, что среди топархiй является и городъ Гофна, въ которомъ, какъ мы уже выше видѣли, жила масса священниковъ, и онъ также былъ укрѣпленъ. Поэтому весьма вѣроятно, что въ этихъ городахъ, во время владычества римлянъ, знатные священники были высшими начальниками и представителями, которые и образовали еврейскую аристократiю и во всѣ времена были приверженцами римлянъ. И хотя во всѣхъ топархiяхъ, равно какъ и во всѣхъ установленныхъ Габинiемъ синедрiонахъ, функцiонировали боль-

шею частью знатные священники, тѣмъ неменѣе городъ Гофна, повидимому, считался наиболѣе надежнымъ для друзей римлянъ. Флавій разсказываетъ: „Титъ отправилъ въ Гофну всѣхъ знатныхъ, священниковъ и почетныхъ лицъ, которые убѣжали къ нему изъ столицы во время осады Іерусалима; тамъ они должны были остаться до окончанія войны, когда онъ обѣщалъ возвратить имъ ихъ имущество“.

Но кромѣ упомянутыхъ городовъ, священники въ довольно значительномъ числѣ жили также въ другихъ мѣстностяхъ, въ сѣверной Іудеѣ, преимущественно въ окрестностяхъ Іерусалима. Въ особенности ихъ много было на Масличной горѣ, гдѣ они, послѣ того какъ фарисеи вытѣснили знатныхъ священниковъ изъ храма, устроили себѣ лавки, чтобы продажею жертвенныхъ голубей и хлѣба вознаградить себя за тѣ доходы, которые они до тѣхъ поръ въ изобиліи получали или сами похищали въ храмѣ. Впослѣдствіи, когда во время войны эти лавки ихъ были разрушены, они снова переселились въ городъ, гдѣ среди ихъ магазиновъ помѣстился и синедріонъ, состоявшій преимущественно изъ знатныхъ священниковъ, также вытѣсненныхъ изъ храма фарисеями.

Но мы находимъ священниковъ и даже первосвященниковъ на самой границѣ сѣверной Іудеи, въ чемъ, впрочемъ, нѣтъ ничего удивительнаго, такъ какъ лишь два раза въ году они должны были являться въ Іерусалимъ для участія въ храмовой службѣ.

Затѣмъ мы ихъ находимъ также и въ Галлилеѣ, въ особенности въ ея столицѣ, Сепфорисѣ, гдѣ послѣ перестройки ея Иродомъ-Антипой, поселилось вообще много знатныхъ семействъ. Въ перечисленіи лицъ, съ которыми священники могутъ вступать въ бракъ, не опасаясь осквернить себя союзомъ съ недостойными, рядомъ съ потомками священниковъ, левитовъ, членовъ синедріона и вообще высшихъ сановниковъ, значатся также и тѣ, которые происходятъ отъ мужей, внесенныхъ въ старыя магистратскія актовыя книги города Сепфориса, что при ригоризмѣ и замкнутости знатныхъ священниковъ въ дѣлѣ брачныхъ союзовъ ясно указываетъ на высокое происхожденіе Сепфорійскихъ жителей.

Много священниковъ по всей вѣроятности было также въ галлилейскихъ городахъ Кабулѣ, Сихинѣ и Мигдалъ-Цебаін.

О послѣднемъ городѣ даже разсказывается, что въ немъ было 80 магазиновъ, въ которыхъ изготовлялись штаны для священниковъ. Объ этихъ городахъ говорится, что изъ нихъ налоги и повинности (т. е. десятина плодовъ и т. п.) отвозились въ Іерусалимъ на возахъ—до того ихъ было много. Очевидно, они служили мѣстомъ сбора для священническихъ поборовъ.

IX.

Изъ всего вышеизложеннаго съ достовѣрностью можно вывести заключеніе, что священники не только обыкновенные, но и знатные жили въ разныхъ городахъ Іудеи. И въ то время, какъ высокопоставленные жрецы употребили свое вліяніе на то, чтобы эксплоатировать народъ и всячески старались отклонить его отъ фарисеевъ и навязывать ему свои собственныя садукейскія воззрѣнія, обыкновенные священники находились въ тѣсной, интимной связи съ сельскимъ населеніемъ, какъ на мѣстѣ, такъ и во время пребыванія въ храмѣ. Слѣдствіемъ этого было то, что они, какъ въ умственномъ, такъ и въ политическомъ отношеніи, находились въ одинаковомъ положеніи съ народомъ и раздѣляли его воззрѣнія. Непродолжительное пребываніе ихъ въ столицѣ для храмовой службы не имѣло на нихъ никакого вліянія, такъ какъ знатные священники едва удостоивали даже словомъ низшихъ членовъ своего сословія, призывавшихся только для работы. И такъ какъ эти послѣдніе были притѣсняемы знатными священниками, которые вдобавокъ насильно лишали ихъ ихъ доходовъ, то не представлялось никакой трудности пріобщить ихъ къ народу, который возсталъ противъ знатныхъ, какъ приверженцевъ римлянъ. Вотъ почему, когда вспыхнуло возстаніе, низшіе священники всецѣло предались интересамъ народа и оставались имъ вѣрными до конца. Таковы были ихъ отношенія къ народу въ Іерусалимѣ, таковы они были также и въ провинціи.

Іосифъ Флавій разсказываетъ о могуществѣ фарисеевъ: „Они имѣютъ наибольшее вліяніе въ общинахъ, такъ что всѣ богослужебные обряды, молитвы и жертвоприношенія совершаются по ихъ предписаніямъ. Такое славное свидѣтельство народа выставляютъ имъ города потому, что они убѣждены, что они, какъ на словахъ, такъ и въ жизни, стремятся

только къ добру". И низшіе священники не только не могли, но вовсе и не хотѣли избѣгать этого вліянія фарисеевъ. И само собою, поэтому, понятно, что когда разъ въ храмѣ возникли пререканія между фарисеями и садукеями, то исполнявшее тогда храмовую службу одно изъ провинціальныхъ отдѣленій священниковъ тотчасъ же рѣшительно стало на сторону фарисеевъ и на практикѣ быстрымъ дѣйствіемъ осуществило ихъ воззрѣніе. Однажды седьмой день кущей приходился на субботу, и народъ по этому уже наканунѣ принесъ свои ивовыя вѣтки и положилъ ихъ въ преддверіи храма. Увидѣвъ это, Бетузцы (знатный родъ священниковъ) взяли и стиснули ихъ подъ камнями. На слѣдующій день это замѣтили прибывшіе провинціальные евреи, вынули ихъ изъ подъ камней, а священники внесли ихъ въ храмъ и поставили ихъ по бокамъ алтаря.

Великое преобразованіе, произшедшее въ храмѣ, еще тѣснѣе соединило низшихъ священниковъ съ народомъ и фарисеями, и мы видимъ ихъ во время войны сражающимися бокъ о бокъ. Но несчастныя обстоятельства имѣли своимъ послѣдствіемъ то, что обыкновенные священники по большей части сдѣлались жертвами меча, въ то время какъ знатные священники оставляли осажденный городъ и переходили въ римскій лагерь. Оставшіеся же въ живыхъ и послѣ разрушенія Іерусалима сохранили свои отношенія: они, съ одной стороны оставались вѣрными народу и раздѣляли его горе, а съ другой—сами и именемъ всего народа—выражали свое негодованіе противъ знатныхъ священниковъ. Знатные священники исчезаютъ изъ исторіи вмѣстѣ съ разрушеніемъ Іерусалима; напротивъ того, обыкновенные священники, пріобщившіеся къ народу и фарисейскому іудаизму, спаслись и сохранились вмѣстѣ съ нимъ.

Резюмируя въ краткихъ чертахъ то, что происходило въ храмѣ въ послѣднее десятилѣтіе его существованія, и тѣ преобразованія, которыя ввели фарисеи, мы получимъ приблизительно слѣдующее:

Знатные священники, которые съ давнихъ временъ перестали заботиться о жертвоприношеніяхъ и являлись въ храмъ лишь для того, чтобы приказывать и присвоивать себѣ доходы простыхъ священниковъ, были совершенно лишены своего вліянія на жертвоприношенія и за-

мѣнены священниками фарисейскаго образа мыслей. Вмѣсто нихъ были избраны новые сановники храма и учреждена должность сегана, дабы онъ могъ зорко слѣдить, чтобы первосвященникъ при жертвоприношеніяхъ не дѣйствовалъ въ духѣ садукеевъ. Ему въ помощь, для той же цѣли, даны были представители преобразованнаго въ фарисейскомъ духѣ синедріона—между прочимъ знаменитый р. Іохананъ б. Заккай. Все, что садукеи оспаривали въ дѣлѣ жертвоприношенія, все это было возстановлено и исполнялось съ особенною торжественностью. И между тѣмъ какъ до побѣды фарисеевъ все, что было связано съ жертвоприношеніемъ, исключительно исполнялось священниками, которые не допускали къ этому міранъ, теперь ко всѣмъ обрядностямъ, которыя могли быть исполняемы и не-священниками, нарочно были приглашаемы міряне, и чтобы подчеркнуть побѣду народа надъ знатными священниками, церемоніи, въ совершеніи которыхъ участвовали міряне, были обставлены съ особенною торжественностью. Вмѣсто прежде господствовавшаго арамейскаго языка, при жертвоприношеніяхъ вводится языкъ библейскій, и низшіе священники, исполняющіе храмовую службу, возстановляются въ прежнихъ правахъ своихъ, которыхъ они насильно были лишены знатными священниками, и рядомъ съ постоянными чиновниками храма еженедѣльно изъ ихъ среды избираются амарколы и гизбары; точно также и левиты, которые какъ въ качествѣ пѣвцовъ, такъ и въ качествѣ привратниковъ храма были унижены до крайности, теперь вновь получили нѣкоторое значеніе и имъ поручены было нѣкоторыя должности въ храмѣ.

Само собою разумѣется, что всѣ эти нововведенія вызываютъ горячіе протесты со стороны замкнутаго въ себѣ высшаго жреческаго сословія, что обнаруживается даже въ обнародованіи тендеціозныхъ сочиненій, каковы творенія Іосифа Флавія, Таргумъ псевдо-Іонаѳана и Книга Юбилеевъ.

А. Л.

Оптиматы.

ПОСМЕРТНЫЙ ЭСКИЗЪ.

(Посвящается С. Х. М—у).

I.

— Мама, къ тебѣ пришелъ кто-то! сказала молодая хорошенькая и изящно одѣтая женщина, обращаясь къ матери, сидѣвшей за столомъ.

— Кто-же это, Васюта?

— Не знаю. Изъ прежнихъ друзей, вѣроятно!

Молодая женщина съ неуловимой насмѣшкой произнесла послѣднее слово и спокойно глядѣла на торопливыя движенія матери, старавшейся прибрать въ комнатѣ.

Брошенныя платья Васюты, сломанныя игрушки, ломберный столъ со слѣдами вчерашнихъ записей по винту, забытый кофейникъ—все придавало помѣщенію Ольги Сергѣевны Понизовской колоритъ мѣщанскаго строя жизни.

— Ахъ, безпорядокъ какой!—вырвалось у Понизовской, маленькой, худенькой женщины, съ утомленнымъ выраженіемъ лица.

— Стòитъ хлопотать, мама! Простой онъ... И одѣтъ неважно.

Но Понизовская продолжала наскоро убирать въ комнатѣ, такъ какъ слѣды игры въ винтъ и принадлежности костюма Васюты, валявшіяся на стульяхъ и столахъ, коробили ее.

— Этотъ господинъ и пришелъ-то по черной лѣстницѣ. Озирается все... странный такой!—заключила Васюта, засмѣявшись громко и свободно, но вовсе невесело.

— Какой онъ изъ себя? Не замѣтила?

— Н-нѣтъ,—протянула Васюта.—Знаешь, онъ немножечко напоминаетъ, какъ его? Вотъ еще бывалъ у насъ студентъ. Очень черный... волосы курчавые... Его хотѣли при университетѣ оставить... Со мною все ссорился.

Васюта приводила факты по мѣрѣ того, какъ они вспоминались.

„Хотѣли оставить при университетѣ. Со мною все ссорился!“

Этого было достаточно.

Ольга Сергѣевна вспомнила и обрадовалась.

— Да неужели Борисъ Соломоновичъ? Неужели...

И она быстро рванулась къ дверямъ, зная что такой гость все пойметъ и, главное, никогда, ни въ чемъ не осудитъ.

— Мама,—шопотомъ окликнула Васюта,—все таки будь поосторожнѣе. Николай не любитъ *ихъ*. Встрѣчаться въ своей семьѣ ему непріятно.

И замѣтивъ оторопѣвшее, растерянное выраженіе лица матери, молодая женщина добавила болѣе мягко:

— Сегодня-то ничего, конечно. Коли дома нѣтъ... Я тоже уѣду... Но ты... ты вѣдь такая идеалистка! Обрадуешься, разчувствуешься и вообще...

Что будетъ „вообще“—Васюта не договорила, да и собственно тайная цѣль молодой женщины была достигнута. По своему любя и оберегая маму, Васюта спѣшила ей напомнить о необходимой сдержанности.

„Мало-ли пришлось вынести тогда... Сколько хлопотали, просили... Хорошо, что у Ники такая протекція, иначе... Но мама готова все забыть и, по старому... Ахъ, какъ смѣшны и жалки эти старыя дѣти...“

— Я думаю сюда попросить гостя?! не то спрашивая, не то утверждая, вымолвила Понизовская, вдругъ почувствовавъ себя чужой въ домѣ дочери и зятя.

— Да вѣдь, онъ не... мама, ты его не очень удерживай. Новый человѣкъ... Кто его знаетъ... Боится Ника знакомиться. Онъ чай пить надѣюсь не останется? Короткость... Не надо бы.

Ольга Сергѣевна ничего не отвѣчала. Прищуривъ глаза, она смотрѣла на Васюту, и ей казалось, что это не та дѣвочка, ребенокъ любви, въ которую она, годъ за годомъ, вкладывала свою душу; нѣтъ, это было чуждое ей существо, вскормленница идей своего Ники, любящаго и любимаго мужа.

Безгранично нѣжная и самоотверженная мать, Понизовская не овладѣла собою.

— Если это Борисъ Рахимовъ, то, да, да, я и удержу его, и чай оставлю пить, и рада буду. Это вѣдь другъ... порывисто сказала она и пошла къ дверямъ.

Васюта покачала головой, презрительно передернула плечами и, услыхавъ радостное восклицаніе матери, здоровающейся съ гостемъ, проскользнула къ себѣ въ комнату.

Она порицала Ольгу Сергѣевну и считала ее неблагоразумной.

„Мама любитъ и меня, и Нику, и нашего мальчугана любитъ, она сама говоритъ, что въ моей семьѣ — все ея счастье, но оберегать ее—не станетъ. Чуть кто изъ прежней клики явится, она сама не своя... Тянетъ ее къ нимъ... *Люди*, говоритъ, *были*!.. А, фразы все, болтовня! Ника правъ, считая, что они многому помѣшали... Но неужели это Рахимовъ? Какъ измѣнился... А гдѣ же теперь та бѣдная? Раиса, кажется? Какъ она любила его!"

Васютѣ вдругъ вспомнился отрывокъ романа, свидѣтельницей котораго она была, вспомнилось горе и отчаяніе хорошенькой Раисы, когда отецъ отказалъ ея жениху, Рахимову, вспомнилось какъ смѣялись дѣвочки-подростки, узнавъ, что Борисъ — еврей...

„Довольна, я думаю, теперь, что все это такъ случилось", мысленно рѣшила Васюта и, позвавъ горничную, стала одѣваться, чтобы ѣхать въ гости.

Причесываясь, пудрясь и изучая выраженіе своего лица, Василиса Михайловна вслушивалась въ голоса мамы и гостя, слабо доносившіеся до нея. Словъ разобрать — было невозможно, но Васюта угадывала по тону разговора, что мама довольна, рада, счастлива.

„Ника узнаетъ... будетъ сердиться... размышляла молодая женщина. И что мамѣ въ Рахимовѣ? Неужели нельзя ради домашняго мира пожертвовать такими пустяками? Да, заѣла ихъ фраза..."

II.

— Разскажите же, Борисъ, все, все разскажите!—ласково говорила Понизовская, обращаясь къ своему гостю.—Какъ же я вамъ рада! И вы еще спрашиваете, помню-ли? Точно можно забыть...

Рахимовъ, высокій и худощавый мужчина лѣтъ 32, съ

чорными курчавыми волосами и смугло-блѣднымъ лицомъ истаго южанина, вдумчиво глядѣлъ на Ольгу Сергѣевну.

Опустивъ на колѣни свои худыя жилистыя руки, онъ привѣтливо улыбался, но глаза его, красивые и выразительные, оставались печальными. Такъ смотрятъ люди, привыкшіе проводить долгія ночи безъ сна, или больные, обреченные на смерть стрaдальцы, скрывающіе свой недугъ.

— Да, да, я вамъ все скажу,—отвѣчалъ Рахимовъ,—но мнѣ хочется знать, какъ *вы* устроились, какъ вамъ живется. Сколько лѣтъ прошло! Я только изрѣдка получалъ свѣдѣнія, да и то о вашей дочери больше...

Борисъ Соломоновичъ улыбнулся. Понизовской очень хотѣлось узнать, *что* именно онъ слышалъ, хорошее или дурное, но она не стала разспрашивать.

— Васюта... Василиса Михайловна, кажется, замужемъ и счастлива?—добавилъ онъ.

— Да, она очень счастлива. У нея — сынишка, Миша... Мой внучекъ... Да, я уже стала бабушкой.

— Не вѣрится какъ то. Вы—все такая же.

Понизовская отлично понимала, что онъ подчеркиваетъ ея душевную моложавость, а не физическую и, со своею обычною правдивостью, сказала:

— Не то теперь... нѣтъ! Съежилась!.. Блага жизни полюбила... *Своя* семья дороже всего стала!

Она ожидала горячаго порицанія, пожалуй, насмѣшки. Рахимовъ подавилъ тихій вздохъ.

— А гдѣ правда то?! Знаешь развѣ? Трудно говорить объ этомъ... Сложно все, о, какъ страшно сложно, если начнешь глядѣть глубже.

„Неужели и онъ измѣнился въ такомъ же направленіи? скользило въ головѣ Понизовской. Не можетъ быть! Нѣтъ, Рахимовъ цѣльный человѣкъ. Вѣдь онъ тогда и любовь, и счастье, и все, все отдалъ во имя идеи... Меня щадитъ... Вѣрно слышалъ что нибудь"...

И, какъ бы желая оправдаться въ глазахъ человѣка, уваженіемъ котораго она дорожила, Ольга Сергѣевна стала разсказывать о Васютѣ и своемъ зятѣ, о его дѣятельности, скрадывая все несимпатичное и любовно раздувая все, стоившее одобренія.

Замѣчая жадное вниманіе Рахимова и страстно желая

вѣрить въ то, что говорила, Ольга Сергѣевна нѣсколько увлекалась.

— Конечно, мы люди разныхъ лагерей, мы росли и мужали при самыхъ различныхъ условіяхъ, но, я думаю, и честь, и правда — вездѣ однѣ и тѣ же. Вы согласны? Да, да, знаю. Вы никогда не были такъ жестоки какъ *они*. Не со мною, такъ противъ меня. Да, жизнь научила быть снисходительнѣе. Наконецъ, мы только фантазировали, они — работаютъ. Нужно понимать это. Наши окрики, вражда, только мѣшаютъ. Надо помогать имъ.

— Да, да, вѣрно, но *чему* помогать?!

Это восклицаніе встревожило Понизовскую. Неужели и у него наболѣлъ вопросъ объ активномъ участіи, неужели и онъ, въ полной истомѣ, начиналъ уклоняться отъ союзничества, онъ, такъ страстно мечтавшій быть дѣятелемъ?

Женская тактичность и прирожденная способность переходить отъ серьезныхъ вопросовъ къ легкимъ помогли Ольгѣ Сергѣевнѣ.

И въ самомъ дѣлѣ странно было бы заводить принципіальный споръ, когда люди только что увидѣлись послѣ долгой разлуки, когда хочется узнать и разсказать множество новостей интимнаго характера.

— Я только скажу,—смягчая тонъ и какъ бы не слыша его восклицанія, замѣтила Понизовская,—что теперешняя молодежь терпимѣе, проще... Мы были не всегда правы...

— Но вѣрили тому, что говорили...

— О, теперь то же самое... Уже кругозоръ, пожалуй, но за то молодежь стоитъ твердо... На своихъ ногахъ стоитъ!

Рахимовъ всталъ, прошелся и заглянулъ въ дверь. Онъ былъ съ глазу на глазъ съ Понизовской, но, странное ощущеніе, Борису казалось, что Ольга Сергѣевна говоритъ для кого-то другого, незримо присутствующаго здѣсь.

— Вы что?—спросила она.

— Такъ. Мы—одни? Никого нѣтъ постороннихъ?

— Никого. Васюта уѣхала, прислуга безъ зова не является. Цивилизація!

Понизовская усмѣхнулась по прежнему, просто, дружески. Рахимову сразу стало легче.

— А вашъ зять? Скажите, что онъ...

— Николай Андреевичъ персона, въ нѣкоторомъ отношеніи,—начала Понизовская, и подсмѣиваясь и подчеркивая положеніе зятя.—Онъ служитъ въ Энскомъ вѣдомствѣ... На отличномъ счету, пользуется уваженіемъ и любовью. Съ этой стороны все прекрасно!

— А *вы,* лично вы—въ хорошихъ отношеніяхъ съ зятемъ?—быстро и серьезно спросилъ Рахимовъ, помимо желанія выдавая, что горячо интересуется отвѣтомъ собесѣдницы.

— Да, да, въ хорошихъ!—провѣряя и въ то же время выводя заключеніе, возразила Понизовская.—Онъ очень добрый и гуманный человѣкъ.

— А, гуманный?! Какъ это хорошо! О, какъ хорошо!.. И вы съ нимъ—друзья? Да, это большое счастье. Я знаю, дорогая Ольга Сергѣевна, вы то не откажете мнѣ. Вы все сдѣлаете!.. Я боялся, что у васъ съ Николаемъ Андреевичемъ отношенія, какъ говорится, на холодкѣ, но при дружескихъ... Вы можете спасти одну хорошую, хорошую женщину.

Рахимовъ оживился и, какъ это бываетъ съ нервными натурами, разомъ помолодѣлъ. Теперь задумчивые глаза его блестѣли, губы сдѣлались пунцовыми и даже на блѣдныхъ щекахъ появился румянецъ. Совершенно обратное произошло съ Понизовской. Она сидѣла, опустивъ голову, и съ тревогой слѣдила за Рахимовымъ.

Хваля зятя и повторяя сложившееся о немъ въ обществѣ мнѣніе, Ольга Сергѣевна вовсе не высказывала *своего* отзыва, и легковѣріе Рахимова испугало ее. Она знала по опыту, что Ника не окажетъ никакой услуги protégé своей тещи, потому что и къ ней, и къ ея друзьямъ относился подозрительно, почти враждебно.

Онъ любилъ ее какъ мать своей жены, какъ баловницу-бабушку своего сына, какъ симпатичную и умную женщину, но не прощалъ ея идейнаго склада, находя, что для женщины ея возраста смѣшно рисоваться какими-то „убѣжденіями“.

Онъ не вѣрилъ и молодымъ, когда тѣ, увлекаясь и горячась, высказывали свое profession de foi. Обзывая ихъ психопатками и развинченными, сбившимися съ настоящаго пути, онъ даже никогда не давалъ себѣ труда серьезно возражать имъ, а по отношенію къ Понизовской усвоилъ даже особую манеру.

Выслушаетъ ея горячую рѣчь спокойно, не улыбаясь и

не возмущаясь, а когда она замолчитъ, заговоритъ о другомъ, и непремѣнно о чемъ-либо крайне новомъ и интересномъ, и поглядитъ на Васюту, какъ бы напоминая ей:

„Видишь, дружокъ... Болтовня все это!“

И вотъ Рахимовъ, человѣкъ, которому она душевно хочетъ помочь—проситъ ея содѣйствія.

Никогда еще Понизовская не сознавала такъ ярко разницу, существующую между нею и зятемъ, никогда не хотѣлось ей такъ горячо, забывъ эту разницу, имѣть право сказать Рахимову:

— Вы можете повѣрить Николаю такъ же, какъ мнѣ. Мужъ моей Васюты—человѣкъ достойный уваженія.

Да, да, онъ былъ достоинъ уваженія общества, а все таки между ними лежала пропасть...

III.

— Въ чемъ дѣло, Борисъ Соломоновичъ?

Рахимовъ только теперь замѣтилъ, что Понизовская называетъ его по отчеству.

Пожалѣлъ-ли онъ о прежней короткости и о годахъ юности, или захотѣлось ему установить болѣе дружескія отношенія, но онъ сказалъ съ упрекомъ:

— Соломоновичъ? Зачѣмъ такъ? Зовите по прежнему Борисомъ. Браните! Ахъ, какъ стоитъ...

Ольга Сергѣевна покраснѣла. Пожилая и самостоятельная женщина, она чувствовала себя зависимой отъ мнѣній зятя. Никѣ не понравится также короткость „Богъ вѣсть съ кѣмъ“ и онъ станетъ выговаривать...

Еслибы онъ ей самой сдѣлалъ это замѣчаніе, она знала бы что сказать, но... Путь, избранный зятемъ—деликатнѣе и надежнѣе. Онъ будетъ говорить Васютѣ...

— Не все-ли равно, Борисъ!—съ натянутымъ смѣхомъ вымолвила Понизовская.—Это такіе пустяки! Ну, говорите, въ чемъ дѣло.

Она быстро взглянула на стѣнные часы.

— Вы торопитесь? Я васъ задерживаю?

— Нисколько. Пора чай пить. Я хочу приказать самоваръ.

— Погодите!.. Погодите!—глухимъ тономъ, съ мольбою остановилъ онъ, боясь, что появленіе прислуги и звонъ посуды разсѣятъ вниманіе Понизовской. — Дайте мнѣ полчаса!..

— Хорошо, хорошо, голубчикъ.

— Спасибо вамъ.

И за обѣщанное вниманіе, и за слово „голубчикъ“, и за то, что нашелся человѣкъ, которому *можно* повѣрить свое горе, за все вмѣстѣ благодарилъ Рахимовъ, истерзанный безсмысленной враждою, измученный укорами совѣсти.

Нѣсколько секундъ продолжалось молчаніе. Понизовская поглядывала на Рахимова, опасаясь, что кто-нибудь помѣшаетъ ихъ разговору, но не рѣшаясь встать или позвонить.

— То, что я вамъ скажу,—порывисто началъ Борисъ,—ужасная исторія... Безвыходная... да, да, именно без-вы-ходная! Законъ и жизнь столкнулись на узкой тропинкѣ и...

Рахимовъ рѣзко засмѣялся. Теперь Ольга Сергѣевна не сомнѣвалась, что онъ будетъ говорить о себѣ, быть можетъ о той милой и славной дѣвушкѣ, Раисѣ, которая беззавѣтно любила его, а онъ оттолкнулъ ее.

Жениться на ней онъ не могъ, перемѣнить религію изъ за любви — считалъ недостойнымъ, и они разстались на всегда.

— Сейчасъ, сейчасъ. Простите. Такая масса мыслей, воспоминаній тѣснится въ головѣ. Не знаю съ чего начать,—сжимая лобъ руками, заговорилъ Борисъ.—Но слушайте и помогите.

— Я все сдѣлаю, что могу.

— Одинъ изъ нашихъ... да, да, еврей,—пояснилъ Рахимовъ,—полюбилъ русскую. Взаимно. — Чудесная дѣвушка! Ея отецъ, родные—всѣ ненавидѣли его, она гордо защищала его. Такъ прошелъ годъ. Вы скажете: жениться надо было? Да? Нельзя! Нельзя! *Не могъ* онъ, понимаете, не могъ перемѣнить религію!

Ольга Сергѣевна не возражала, но, казалось, Рахимовъ инстинктивно угадывалъ, что она не соглашается съ нимъ, и онъ торопливо приводилъ свои доводы.

— Это было время еврейскихъ безпорядковъ... избіеніе... грабежи... Тутъ—перейти на сторону сильныхъ?! Наконецъ, она... она не соглашалась... Такая дѣвушка—и жалкій ренегатъ.—Никогда! Они разстались...

— Раиса?—едва слышно произнесла Понизовская и мгновенно устыдилась своего любопытства.

— Нѣсколько мѣсяцевъ длилась эта борьба,—продолжалъ Рахимовъ, не слыша ея вопроса.—И наконецъ... Знаете, что сдѣлала эта смѣлая чистая дѣвушка? Онъ жилъ въ мѣстечкѣ, учителемъ, она пришла къ нему! Она осталась у него... Она дала ему самое полное, чудное счастье!!

Молодой человѣкъ все возвышалъ голосъ и въ послѣдней фразѣ слышалась такая мука, такое страданіе, что сердце Понизовской дрогнуло отъ жалости.

— И... и... умерла?

— Хуже смерти—позоръ!.. Она позоромъ заплатила за свое счастье, она... Нѣтъ, не могу я, Ольга Сергѣевна. Я стану говорить правду. Вѣдь это—Раиса.

— Я такъ и думала. Бѣдная... Но что же случилось? Отецъ вѣроятно...

Рахимовъ всталъ, блѣдный, съ мрачно горящими глазами.

— Мы жили вмѣстѣ... трое... Она, моя мать и я... Изъ той деревеньки переѣхали въ другое мѣстечко. Устроились. Никто не зналъ, что она—русская. Ребенокъ... сынъ родился. О, сколько муки! Кто онъ? Мой? Ея? *Нашимъ*—быть не могъ! Моя мать обожала Райю. Раиса называла себя Рахилью. Я долженъ былъ уѣхать на время. Возвращаюсь. Надъ моимъ сыномъ уже совершенъ извѣстный обрядъ... Да, только женщина, только русская женщина можетъ такъ самоотверженно любить. И какъ она философски объясняла все, какъ все дѣло мотивировала, объосновала. Подумаешь, не изъ любви все дѣлалось.

Промолчавъ нѣсколько секундъ, Рахимовъ продолжалъ тихимъ, жалобнымъ тономъ:

— Какъ счастливы мы были. Ни облачка... ни взгляда косого. И вдругъ сразу шквалъ. Райя пошла на базаръ съ матерью арбузы покупать. Идутъ, болтаютъ. Райя изучила языкъ нашъ въ совершенствѣ... древній языкъ нашъ полюбила! Сколько переводила... Да, вдругъ ее окликнули: „Столбенская“! Не выдержала, обернулась... Потомъ, говоритъ: „гимназія вспомнилась“.

— Узнали ее?! Но кто же, кто?

— Знакомая ея отца... одна барыня Молюкина... Прекраснѣйшая, по отзывамъ, женщина,—глухимъ голосомъ говорилъ Рахимовъ.—Я бросился къ ней... Умолялъ, деньги предлагалъ, плакалъ... да, да, я—передъ *нею* плакалъ,—просилъ какъ милости, чтобы не раскрыла... Отказала. „Не желаетъ быть укрывательницей такого позорнаго поступка“...

— Какая...

Рахимовъ не далъ ей докончить фразы.

— Въ томъ то и ужасъ, что *она права*, но вѣдь также и мы—правы! Преступленіе сдѣлано, да, вѣрно, но... Неужели лучше было бросить ребенка въ воспитательный домъ? Неужели наша тихая, честная, трудовая жизнь мѣшала кому нибудь? Нѣтъ и нѣтъ. Въ чемъ же дѣло?

— Обвиняютъ ее, Раису, или... васъ?

Рахимовъ горько засмѣялся.

— Ее и мою мать!.. Я—внѣ подозрѣній. О, какъ бываетъ жестока женская любовь, женское самоотверженіе! *Меня охраняли, ограждали!* Нарочно выпроводили изъ мѣстечка. Дѣло нашлось неотложное. Могъ ли я думать, что онѣ, Раиса и моя мать, никогда не солгавшія, обманывать будутъ? Онѣ меня спасали отъ возможной кары... Спасли! Не понимали онѣ тогда, что лучше въ тюрьмѣ быть, чѣмъ на волѣ, съ сознаніемъ, что ты самъ вина всего, единственный стимулъ...

Борисъ опустился въ кресло и закусилъ губу, чтобы не разрыдаться.

Кроткая, нѣжная Райя въ тюрьмѣ; полуслѣпая старуха-мать—тоже; ребенокъ, брошенный у знакомыхъ, умеръ, а онъ, виновникъ драмы, онъ на свободѣ.

И сдѣлать то ничего нельзя!

Вотъ уже недѣля какъ онъ бѣгаетъ всюду, прося о свиданіи. Вездѣ отказъ. Кто онъ преступницѣ? Никто... Чужой...

— Если я могу только помочь, Борисъ, я поѣду куда хотите,—взволнованнымъ голосомъ сказала Ольга Сергѣевна.—Говорите... указывайте... не стѣсняйтесь... Вы вѣрите вѣдь, что я все, все...

— *Онъ* можетъ помочь!—шепнулъ Рахимовъ.

— Кто? Вы думаете—Николай Андреевичъ?

Понизовская почти со страхомъ произнесла имя зятя, зная, что онъ ничѣмъ не поможетъ, *не захочетъ помочь.* Рахимовъ иначе истолковалъ ея тревогу. Онъ думалъ, что

по привычкѣ *своихъ людей*, Ольга Сергѣевна не придаетъ зятю того значенія, которое онъ имѣетъ, а между тѣмъ всѣ, всѣ говорили Борису, что отъ Николая Андреевича зависитъ самое направленіе дѣла.

— Да, да, Ольга Сергѣевна! Все въ его рукахъ. Какъ освѣтить поступокъ... какъ мотивировать его?! Вѣдь здѣсь же ничего, ровно ничего, кромѣ любви, кромѣ стремленія избавить ребенка отъ незаслуженнаго горя. Раиса... о, это героиня, это—дивная сила... Ее не пугаетъ ни Сибирь, ни ссылка... Она даже не раскаивается...

Понизовская сдѣлала ему знакъ, указывая на дверь сосѣдней комнаты. Она услыхала шаги зятя.

Желая привлечь его сочувствіе, слѣдовало дѣйствовать осторожно и хитро. Ольга Сергѣевна знала по опыту, что современные правдивые люди не только любятъ ложь, но безъ обмана, одною неподкрашенною истиной—ихъ можно испугать и заставить относиться подозрительно.

Николай Андреевичъ не долженъ видѣть Рахимова, не долженъ знать, что это—старый другъ, единомышленникъ, одинъ изъ той стаи, которая не только болтала о грамотности, но и занималась въ школѣ, человѣкъ, не измѣнившій юношескимъ убѣжденіямъ и потому являющійся какъ бы живымъ укоромъ.

Отрывисто и торопливо спрашивала теперь Понизовская Бориса о различныхъ подробностяхъ дѣла, и хотя молодой человѣкъ толково и обстоятельно отвѣчалъ ей, въ душѣ его росло разочарованіе.

Онъ ожидалъ отъ Ольги Сергѣевны иного, болѣе теплаго отношенія, и въ его уязвленномъ, оскорбленномъ сердцѣ вновь зашевелилось горькое чувство.

„Будь я имъ родичъ, попадись въ болѣе позорномъ проступкѣ—назвали бы несчастнымъ. Гдѣ же гуманность сильнаго народа? Гдѣ та вѣротерпимость, которая влекла насъ къ нимъ?“

Понизовская ласково простилась съ Борисомъ. Ей было жаль, что она не можетъ вдоволь побесѣдовать съ молодымъ другомъ, но ее тревожило присутствіе зятя.

— Я вамъ завтра же напишу,—сказала она.—Сейчасъ поговорю и завтра же сообщу результатъ. Я надѣюсь... Я зайду къ вамъ.

Ей хотѣлось ободрить, вдохнуть мужество въ его душу.

— Вѣдь главное—свиданіе съ нею? Да?—тихо добавила она.

— Да! Да! Только это! Сибирь, ссылка—все, все вмѣстѣ... Не пустятъ меня—сознательно совершу преступленіе.

Несокрушимая энергія звучала въ этихъ словахъ.

„Умѣютъ любить!“ подумала Понизовская, оставшись одна. „За то какъ ихъ любятъ... какъ безгранично вѣрятъ!.. Такую жертву принести! И это—Раиса... нервная, слабая“...

IV.

Николай Андреевичъ былъ не въ духѣ. Онъ собирался изъ засѣданія поѣхать въ клубъ, но въ лѣвой пяткѣ появилась „болевая точка“, предвѣщавшая невральгію.

Надо было принять мѣры.

Хорошій пріемъ антипирина съ хининомъ и покой—и онъ избавится отъ мучительнаго ischiasa. Къ несчастію, Николай Андреевичъ не зналъ, что Васюта тоже уѣхала. Перспектива провести вечеръ одному вовсе не прельщала Агѣева.

При самомъ маленькомъ нездоровьѣ, онъ любилъ подчеркивать свое значеніе, труды, необходимость для общества и семьи, а слѣдовательно, желалъ, чтобы за нимъ ухаживали. Васюта знала эту слабость и, довольная соціальнымъ положеніемъ, которымъ пользовалась благодаря мужу, гордая его вѣрностью и счастливая, что онъ наряжаетъ и балуетъ ее—какъ честная женщина платила свой долгъ.

Она умѣла „разговорить“ Нику, умѣла завести такую бесѣду, которая льстила самолюбію мужа, и крайне ловко заставляла его по нѣсколько разъ передавать ей какой нибудь эпизодъ, являвшійся въ его глазахъ крупнымъ шагомъ къ желанной цѣли.

Если бы не эта тактика—Агѣевы, вѣроятно, не были бы такъ счастливы, и Ника не считалъ бы Васюту маленькимъ сокровищемъ.

— Барыня не сказала, когда вернется?

— Нѣтъ-съ, ничего не говорили...

— А Ольга Сергѣевна дома? Одна?

— Дома-съ. Гость былъ, но ушелъ.

— Гость? Кто такой?

— Не знаю-съ.

Опасаясь, что служанка скажетъ что-нибудь лишнее, Понизовская сама пошла къ зятю. Она предложила ему выпить чаю съ краснымъ виномъ, зная, что это благотворно вліяетъ на его нервы, очень быстро устроила все и сама подала ему стаканъ чая.

Они сидѣли въ столовой, большой, хорошо меблированной комнатѣ, освѣщенной лампой подъ бѣлымъ абажуромъ. Разговоръ плохо вязался. Для того, чтобы зять и теща могли поддержать дружеское общеніе, Понизовской приходилось или отмалчиваться, или съ большою осторожностью выбирать сюжеты для разговора.

Какъ люди, они любили другъ друга, но какъ партизаны—враждовали и подчасъ относились съ озлобленіемъ.

Сегодня Понизовская готова была дать Никѣ даже взятку, лишь бы умилостивить его.

— Кто у васъ былъ, maman?—лѣниво спросилъ Николай Андреевичъ, ощущая неясное стремленіе вызвать тещу на какой нибудь принципіальный спор и наполнить чѣмъ либо хандру одиночества.

— Одинъ изъ старыхъ одесскихъ знакомыхъ.

— Фамиліи сказать не хотите! Ха, ха, понимаю. Конечно, еврей?!..

Ничего оскорбительнаго въ этомъ замѣчаніи не было и въ другой разъ Понизовская отнеслась бы къ нему гораздо спокойнѣе.

— Вы угадали... Еврей. Очень интеллигентный и образованный,—съ достоинствомъ возразила она.

— Ахъ, что они дѣлаютъ! Что дѣлаютъ эти господа оптиматы!

Понизовская удивилась новому словечку. Зная Нику, она не сомнѣвалась, что онъ подцѣпилъ его только сегодня и спѣшилъ щегольнуть.

— Оптиматы?—повторила она.

— Да, да, *лучшіе люди*... интеллигенція... соль земли, какъ они считаютъ себя. По моему, это тѣ же гешефтмахеры, только на другой манеръ. Несчастный, заморенный нуждою и голодомъ еврей совершаетъ фокусъ изъ-за гривенника, оптиматы—о, тѣ желаютъ глотать крупные куски...

Понизовская не возражала. Споръ очевидно предстоялъ горячій, и она желала собраться съ силами. Молчаніе по-

стоянной антагонистки удивляло Агѣева. Онъ не понималъ: сдерживается теща, или просто относится невнимательно. Во всякомъ случаѣ ея поведеніе было необычайно.

— Конечно, вы со мною несогласны?—малодушно укололь Агѣевъ.

— Живя на югѣ, я знала столько хорошихъ людей, что...

— Да, но еслибы вы пожили на юго-западѣ,—быстро перебилъ Агѣевъ.—Да и на югѣ! Вотъ сегодня, сейчасъ почти мнѣ сообщили возмутительную исторію. Позвольте мнѣ еще чаю.

Словно кольнуло что Понизовскую, когда Ника упомянулъ о „возмутительной исторіи“. Неужели онъ уже зналъ ее, и, къ несчастью, въ превратномъ видѣ?!

Наливъ стаканъ чаю, Ольга Сергѣевна спросила лѣнивымъ тономъ, боясь обнаружить свой интересъ:

— Вы сказали исторія... Въ чемъ дѣло...

Агѣевъ оживился. Онъ любилъ разсказывать и говорилъ вообще красно, не жалѣя красокъ.

— Это будетъ процессъ... процессъ, который заставитъ взглянуть трезвымъ образомъ на современное положеніе евреевъ. Довольно полумѣръ... довольно кокетства...

— А до сихъ поръ было кокетство?!

Агѣевъ не понялъ, или не придалъ значенія горькой ироніи Понизовской, и продолжалъ:

— На югѣ умираетъ богачъ-землевладѣлецъ. Громадное состояніе... Одна дочь... Живетъ гдѣ-то заграницей, по крайней мѣрѣ письма отъ нея получаются изъ Швейцаріи или изъ Америки. Поручаетъ она вести дѣла одному адвокату, конечно, еврею... Все какъ слѣдуетъ... Еще два-три мѣсяца и она станетъ обладательницей двухсотъ тысячъ, но, но... Ха, ха, романъ, да и только! Какая-то барынька, приживалка, или изъ мелкопомѣстныхъ, случайно на деревенскомъ базарѣ встрѣчаетъ богатую наслѣдницу,—въ какомъ видѣ вы бы думали? Еврейкой! Что же оказалось! Невѣроятно, но фактъ! Эта барышня изволила влюбиться въ еврея-учителя и убѣжала къ нему... Кагалъ, конечно, приспособилъ ее... У нея родился ребенокъ, и они обратили его въ вѣру Авраама и Іакова. Цѣль понятна! Черезъ эту дуру, кагалъ и ловкій еврейчикъ присосались бы къ наслѣдству, перевезли бы всѣ деньги за границу... стали бы свое іудейское цар-

ство въ Америкѣ устраивать... Не понимаю, ума приложить не могу: какъ это *свое* дитя дозволить сдѣлать евреемъ. Положимъ, тамъ, говорятъ, были истязанія... Эту несчастную били... голодомъ морили... Вотъ на какіе поступки идутъ ваши оптиматы!

— Вы знаете фамилію этихъ лицъ?

— Еврейчика—Рахимовъ, а дѣвицу, кажется, Раиса Столбенская зовутъ...

— А если все это не такъ, какъ вамъ говорили? Если не корысть, не терзанія, а только любовь, могучая, беззавѣтная любовь русской дѣвушки къ чужанину сказалась тутъ?

Агѣевъ широко раскрылъ глаза, засмѣялся, а затѣмъ съ сердцемъ вымолвилъ:

— Вотъ ужъ это совсѣмъ по женски! Руками разведешь и только! Вѣдь я вамъ не романъ, а фактъ, жизненный фактъ разсказываю...

— Но подъ извѣстнымъ освѣщеніемъ?!

Возбужденіе Николая Андреевича возростало. Самъ горячій спорщикъ, находившій удовольствіе въ пикировкѣ, а подчасъ и въ разговорѣ для разговора—онъ обвинялъ другихъ въ этомъ недостаткѣ и любилъ подчеркнуть стремленіе тещи возражать во что бы то ни стало.

— Съ вами говорить нельзя!

— Погодите, Ника... Не горячитесь. Я знаю Рахимова... Раису тоже знаю.

— Знаете? Да неужели? Вотъ это интересно. Скажите... Впрочемъ,—быстро добавилъ онъ,—вѣдь вы конечно все оправдываете.

— Я, я понимаю ее... Раису!

— Еще бы! Бѣдная, безхарактерная дѣвушка достойна всякаго сожалѣнія. Тутъ еще оказывается слѣдователь нелѣпо распорядился: Столбенская—арестована, въ тюрьмѣ, а тотъ гусь—на волѣ гуляетъ! Удивительно, какъ они умѣютъ все къ своей выгодѣ устроить. Изъ-за ихъ происковъ сюда пришлось дѣло перенести. Да, забитый народъ!.. Гонимое племя! Ха, ха, а они—отправленію правосудія мѣшаютъ.

— Ника, вы спрашивали кто у меня былъ сейчасъ... У меня былъ Рахимовъ.

— Рахимовъ? Здѣсь? Въ моемъ домѣ?

— Онъ былъ *у меня*...

— Да, да, понимаю, но говорить то станутъ обо мнѣ!... Что же, просилъ? Клянчилъ? Ха, ха, о подкупѣ мечтаетъ? Вы ему передайте, чтобы оставилъ всякія надежды!...

— Онъ хлопочетъ только о свиданіи...

— Еще бы! Сговориться не успѣлъ! За свою шкуру опасается.

Это безсердечное замѣчаніе крайне огорчило Понизовскую. Она знала Рахимова, и подозрительно-озлобленное отношеніе зятя казалось ей крайне несправедливымъ.

— Не виноватъ онъ, Ника... Случайность. Стеченіе обстоятельствъ.

— О, полноте, полноте, maman! Ихъ кумиръ—два съ полтиной. Изъ-за денегъ все сдѣлаютъ, все продадутъ, всему измѣнятъ. Не знаю я ихъ точно...

— Вы все дѣло уже читали?

— Дѣло? Нѣтъ, дѣло еще не читалъ, но... Насъ не проведешь... Извѣстный запахъ.

— Развѣ можно такъ рѣшать? Вѣдь я-же знаю, навѣрное знаю, что Раиса безумно полюбила Рахимова. Онъ даже хотѣлъ перемѣнить религію,—*она* не позволила. И ребенка она...

Агѣевъ рѣзко засмѣялся.

— И вы, maman, *вы* можете сочувствовать и защищать такого мужчину, который валитъ все на женщину? Не ожидалъ. Вѣдь это же низость!..

И Николай Андреевичъ сталъ рисоваться рыцарскими добродѣтелями, хотя на глазахъ Понизовской чуть не ежедневно происходили мелочныя сцены изъ за дурно выстиранной сорочки или пережареннаго бифштекса.

Сильный, имѣющій право, онъ, не стѣсняясь, пользовался своею властью и рисовалъ „преступленіе" Рахимова въ такомъ мрачномъ видѣ, что посторонній могъ бы содрагаться отъ отвращенія.

Къ счастью, Понизовская знала, какъ пишется исторія...

Между тѣмъ Рахимовъ, вернувшись къ себѣ въ нумеръ, вновь и вновь переживалъ всю исторію своего знакомства съ Раисой, поэзію первой, чистой любви и послѣдній эпизодъ, разлучившій ихъ, соединенныхъ могучими узами...

Какъ же все это случилось?

V.

На берегу красиваго Буга, среди глицеңій и бѣлой акаціи, стоялъ барскій домъ не русской архитектуры.

Богатый землевладѣлецъ, Андрей Николаевичъ Столбенскій, любившій подчеркнуть свою культурность и подсмѣяться надъ дикостью нравовъ соотчичей, представлялся скорѣе англійскимъ лордомъ, чѣмъ властелиномъ степей и обладателемъ десятковъ тысячъ овецъ.

Жена Столбенскаго давно умерла, а мѣсто хозяйки и, какъ говорили злые языки, нелегальной подруги—занимала баронесса Кребсъ, еще красивая, но уже прибѣгавшая къ косметикамъ женщина.

Съ Раисой баронесса Кребсъ жила повидимому очень дружно, и молодая дѣвушка не имѣла основанія роптать на свою судьбу.

Единственная дочь и наслѣдница богача Столбенскаго, Раиса получила хорошее образованіе, долго жила заграницей и, естественно, впитала въ себя нѣкоторыя изъ тенденцій западной культуры. Но то, о чемъ отецъ ея только говорилъ, подъ часъ рисуясь и щеголяя свободомысліемъ, для Раисы было непреложнымъ и несомнѣннымъ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ умеръ братъ Столбенскаго и Андрей Николаевичъ взялъ на себя маленькаго сироту племянника, чтобы приготовить его за лѣто къ поступленію въ лицей. Понадобился учитель. Столбенскій написалъ своему знакомому, профессору Новороссійскаго университета, прося рекомендовать достойнаго человѣка, и вотъ, съ письмомъ Барабина, въ усадьбѣ Райское, появился Борисъ Рахимовъ. Его приняли какъ друга, какъ равнаго, и предложили прекрасныя условія.

За завтракомъ и за обѣдомъ, когда вся семья бывала въ сборѣ, Столбенскій сытно ѣлъ и вкусно пилъ, а въ то же время велъ самые либеральные разговоры. Баронесса поддакивала ему, а Раиса безмолвно глядѣла на отца и тетушку, почти не принимая участія въ пережевываніи давно усвоенныхъ ею понятій. Ей всегда дѣлалось досадно, когда въ ея присутствіи люди доказывали, что правда лучше лжи, что добро прекраснѣе зла, что вѣротерпимость обязательна,

что человѣкъ, къ какой бы онъ религіи ни принадлежалъ, прежде всего человѣкъ и т. д.

Но для Столбенскаго (какъ для многихъ еще!) все это были хорошія слова, размѣнная монета, а когда ему приходилось дѣйствовать, то слова улетучивались и въ глубинѣ души просыпалось то грубое и эгоистическое стремленіе, которое не затушуешь никакою показною гуманностью.

Увлекающійся и довѣрчивый Рахимовъ считалъ семью Столбенскихъ чѣмъ то исключительнымъ. Никогда еще не встрѣчалъ онъ такого родственнаго отношенія въ русской семьѣ, никогда не видѣлъ, что люди умѣютъ дѣйствительно забывать разницу соціальнаго положенія и національности.

Въ школѣ, даже въ университетѣ, Борису Рахимову приходилось сталкиваться съ заурядными, но въ то же время курьезными фактами.

У него были товарищи, пріятели и друзья, показывавшіе, что не придаютъ никакого значенія его національности и громко осуждавшіе отсталость юдофобовъ, но... малѣйшая размолвка, и на вопросъ: „за что вы разошлись съ Рахимовымъ“ бросалась готовая, избитая до банальности фраза:

— А, знаете, жидъ онъ... Что тамъ ни говорите, а жидовство сказывается.

Говорившій считалъ себя абсолютно правымъ: слушающій не сомнѣвался, что это такъ, и даже вопроса не поднималъ: въ чемъ же сказалось это пресловутое „жидовство“ и не скрывается ли подъ нимъ что либо другое, о чемъ говорить не хотѣлось изъ за личнаго самолюбія.

Мало по малу въ Рахимовѣ развилась та осторожность, которая знакома человѣку, имѣющему болящую рану, но обязанному находиться въ толпѣ грубыхъ людей. Могутъ толкнуть, ушибить, такъ, просто, здорово живешь... Не подвертывайся, молъ...

Занимаясь и много читая, молодой человѣкъ готовился къ профессурѣ, такъ какъ Барабинъ намѣтилъ его своимъ преемникомъ. Правда, Рахимовъ зналъ, что ему придется перемѣнить религію, если онъ захочетъ занять каѳедру, и эта борьба терзала его. Пошатнувшаяся, подорванная вѣра являлась слабымъ призракомъ, и не во имя нея колебался молодой ученый; нѣтъ, ему было жаль старуху-мать, жаль родичей, для которыхъ его ренегатство было бы жестокимъ

ударомъ, да и кромѣ того оскорбленное чувство свободы совѣсти заставляло его изнывать и страдать.

Въ Райскомъ—для Рахимова наступило чудное время забвенія. Онъ энергично занимался со своимъ ученикомъ, велъ философскіе дебаты съ Столбенскимъ, говорилъ о литературѣ съ баронессой и только съ Раисой не находилось у него мотивовъ общенія.

Странная дѣвушка глядѣла на него съ безграничною ласкою во взорѣ, но они такъ одинаково относились къ самымъ различнымъ вопросамъ этики и соціальныхъ отношеній, что ни единаго спора не возникало между ними.

Понимая другъ друга съ полуслова, они иногда обмѣнивались быстрымъ взоромъ и улыбались какъ родственныя натуры, чующія гармонію, связующую ихъ въ одно цѣлое.

Борисъ полюбилъ Раису и, безъ слова, безъ объясненій зналъ, что пользуется взаимностью. Такія чувства являются какъ исключеніе, особенно въ наше время, когда разсудокъ властвуетъ, заставляя молчать сердце.

Ни Столбенскому, ни баронессѣ конечно не приходило въ голову, чтобы Рахимовъ осмѣлился такъ „забыться"... Они обращались съ нимъ какъ съ равнымъ, потому что они развиты, либеральны, но... онъ долженъ же помнить свое мѣсто...

Раиса не тратила своихъ силъ на болтовню. Она любила и смѣло шла впередъ.

Наступилъ конецъ іюля.

Какъ то за обѣдомъ, Столбенскій сказалъ, что черезъ недѣлю пора везти мальчика въ Петербургъ на экзаменъ.

— Я хотѣлъ просить васъ,—добавилъ онъ, обращаясь къ Рахимову,—но передумалъ. Самъ поѣду. Кстати, вы собирались навѣстить свою матушку. Все, знаете, складывается къ общему благополучію. Вамъ можно будетъ ѣхать въ одно время съ нами.

Раиса поблѣднѣла и опустила голову. Рахимовъ растерялся, но поблагодарилъ за вниманіе. Случайно взглянувъ на баронессу, онъ какъ то разомъ понялъ, что все это—результатъ ея навѣтовъ и стараній.

На подкрашенныхъ губахъ отцвѣтшей красавицы скользила ядовитая улыбка, и Рахимовъ даже замѣтилъ, что баронесса дѣлала какіе то знаки Столбенскому.

Но Андрей Николаевичъ не обращалъ вниманія. Какъ человѣкъ акуратный, онъ спѣшилъ успокоить Рахимова, что гонораръ будетъ выплаченъ ему по срокъ условія.

— Вы потрудитесь сами зайти въ контору,—добавилъ онъ.—Счетъ по 15 августа,—подчеркнулъ онъ,—готовъ.

— Раиса, тебѣ, кажется, нездоровится?—перебила баронесса.

— Мнѣ? Нисколько! Здѣсь только очень жарко,—спокойно возразила дѣвушка.

— Да, вотъ и Митя тоже отъ волненія раскраснѣлся... Ха, ха, радъ ѣхать въ лицей, милочка?

Мальчикъ вовсе не радовался отъѣзду изъ Райскаго, гдѣ поспѣвалъ уже виноградъ, а душистые персики и абрикосы еще не успѣли надоѣсть, и сталъ возражать.

Въ эту минуту принесли съ почты газеты и письма. Разговоръ оборвался.

Раиса замѣтила, что отецъ, наскоро пробѣжавъ одно письмо, спряталъ его въ карманъ и сказалъ какъ бы про себя:

— Да, начинается... Пора... пора...

— Что вы говорите, Андре?—съ тревогой спросила баронесса.

— Ничего... Это такъ... Пора ѣхать въ Петербургъ.

— Письмо отъ губернатора?

— Да, вы угадали, отъ него...

— Продолжается развѣ?

— Да... усиливается даже...

— Въ такомъ случаѣ, конечно, пора...

Рахимовъ ничего не понялъ изъ этого разговора, и только вернувшись къ себѣ и прочитавъ письмо, полученное отъ батарища, сообразилъ, о чемъ толковали Столбенскій и баронесса.

Блѣдный и подавленный, читалъ онъ короткую записку студента Ляшенко, написанную очевидно впопыхахъ.

„У насъ опять погромъ. Ждутъ страшной вспышки. Озлобленіе, раздуваемое кѣмъ то, принимаетъ громадные размѣры. Маленькая уличная сцена даетъ поводъ къ столкновеніямъ. Въ Орѣшкахъ, говорятъ, выжгли цѣлый поселокъ. Туда направлены войска. Ѣду къ своимъ. Бросаю экзамены и диссертацію. Нельзя же *ихъ* оставить тамъ; такіе ужасы тво-

рятся—передать нѣтъ силъ. Счастье твое что ты—у русскаго магната!“

— Опять погромъ!.. опять раззореніе!—вырвалось у Рахимова.—О, кто же это, кто поднимаетъ руку русскаго народа противъ насъ? Кто прививаетъ доброму руссаку человѣку такія страсти?.. За что? Мы—угнетаемъ!.. мы мѣшаемъ жить!

Борисъ глубоко вздохнулъ...

Передъ его глазами проходили сцены минувшаго, той суровой, нищенской жизни, отъ которой онъ бѣжалъ. Куча голодныхъ, полунагихъ дѣтей, истощенная, постарѣвшая мать и единственный кормилецъ семьи, „купецъ“ Ляшенко.

Да, купецъ! Такъ онъ назывался по документамъ, а торговалъ... пескомъ, который сосѣдній панъ-помѣщикъ изъ милости позволялъ ему возить изъ своего оврага.

Жалкая изба имѣла входъ „съ улицы“ и потому „лавка“ Ляшенко подходила подъ первый разрядъ.

Товару въ лавкѣ—было на рубль, а когда пришлось выправлять права, оказалось, что стоимость ихъ, по разряду, превышала 14 р. Застоналъ сѣдой Шмуль, захныкала Ривка, заплакала дѣтвора, а чиновникъ...

Да, чиновникъ совершилъ преступленіе. Онъ разорвалъ составленный протоколъ, сказалъ Шмулю Ляшенко, что *ничего* съ него за нарушеніе законныхъ правъ не слѣдуетъ и, садясь въ телѣгу, пробормоталъ себѣ подъ носъ:

— Въ кабинетѣ законы составляютъ да циркуляры пишутъ! Посмотрѣли бы—что взять съ такого Шмуля... Дѣтей, что-ли, продавать... А этихъ Шмулей—не перечесть!..

Помнилъ Рахимовъ, какъ изъ этого жалкаго муравейника все-таки выбился въ люди молодой Илья, какъ онъ, полуголодный, чуть не въ опоркахъ, получалъ похвальные листы и вышелъ съ золотой медалью. Помнилъ свое безрадостное дѣтство, помнилъ десятокъ родичей и знакомыхъ, съ беззавѣтной энергіей добивавшихся образованія — и горько, горько стало ему, что тѣ, которые остались тамъ, въ забытыхъ поселкахъ, продолжая печальное существованіе, находятся теперь подъ угрозой насилія, издѣвательства.—Зачѣмъ я здѣсь? вдругъ всталъ вопросъ. Рахимову стало неловко, стыдно, какъ измѣннику.

Не размышляя, онъ всталъ и бросился къ дверямъ.

На порогѣ стояла Раиса.

VI.

Молодая дѣвушка никогда не входила въ комнату Рахимова, тѣмъ болѣе, что она была въ сторонѣ отъ жилого помѣщенія. Вѣрный принципу никого не стѣснять, но въ сущности сомнѣвающійся въ порядочности ближняго, Столбенскій приказалъ отвести Рахимову двѣ комнаты подальше отъ своихъ апартаментовъ.

Увидѣвъ Раису, Рахимовъ удивился. Дѣвушка была взволнована, блѣдна и глаза ея какъ-то странно блуждали.

— Съ вами непріятное что-нибудь?

Голосъ Рахимова дрожалъ. Въ немъ слышалось столько нѣжности, заботы, беззавѣтной ласки, столько преданной любви, о которой говорить не приходится.

— Вы знаете, что *тамъ* происходитъ?—опускаясь на стулъ вымолвила Раиса, едва переводя дыханіе.—Опять разгромъ... насиліе. Отецъ получилъ письмо отъ губернатора... Ждутъ новыхъ вспышекъ. Здѣсь, вблизи ждутъ...

— Знаю... Я тоже получилъ извѣстіе...

— И вы говорите такъ спокойно?

— Спокойно?! Да, я говорю спокойно!...

— Я не понимаю...

Голосъ Раисы порвался. Съ безмолвнымъ вопросомъ глядѣла она на Рахимова, желая говорить съ нимъ подробно и откровенно, но не рѣшаясь произнести первое слово.

Молодой человѣкъ горько усмѣхнулся.

— Вспышки, повторилъ онъ,—да, вспышки народнаго негодованія... О, если бы дѣйствительно это было такъ, если бы... Впрочемъ, зачѣмъ касаться этого вопроса!.. Вы хотѣли что-то сказать, Раиса Андреевна?—добавилъ онъ другимъ тономъ.

Раиса поняла его недовѣріе, его опасеніе встрѣтить въ ней теперь холодную резонерку и, оскорбленная, порывисто вымолвила:

— Вы поѣдете туда? Да! Да! Конечно! Вамъ надо ѣхать... Помогать надо!..

— Невозможно...

— Отчего? Какъ невозможно?

— Развѣ я, воспитанный въ Россіи и считающій ее своей родиной, развѣ я имѣю право защищать своихъ? Нѣтъ, не имѣю,—твердо произнесъ молодой человѣкъ.—

залѣчивать раны, помогать раззореннымъ, предупреждать подобныя... возьму ваше слово, „вспышки“, да, но бороться, защищаться... нельзя! Мы не считаемъ себя вправѣ поднимать руку на братьевъ. Что сказали бы вы, услыхавъ, что мы съ револьверомъ встрѣчаемъ безумца, или человѣка, увлеченнаго дикимъ вымысломъ? Не стану отвергать, кто-нибудь изъ нашихъ могъ дать поводъ къ вспышкѣ.

— Ахъ, что намъ за дѣло, былъ поводъ или нѣтъ, ужасно что возможны подобныя сцены насилія, раззоренія... Говорятъ, и здѣсь ожидаютъ того же...

Рахимовъ вдругъ подумалъ, что и Столбенскій и Раиса могутъ опасаться нападенія въ виду того, что онъ живетъ подъ ихъ кровлей... Подозрительный, какъ большинство угнетаемыхъ, онъ отнесся теперь къ словамъ дѣвушки совершенно иначе. Можетъ быть только изъ деликатности не говорятъ ему, чтобы онъ оставилъ домъ, можетъ быть и спѣшный отъѣздъ Столбенскаго вызванъ тѣми же соображеніями, можетъ быть и Раиса боится за себя...

Мучительно больно сжалось сердце Рахимова и ярко встало сознаніе, что онъ—чужой въ этомъ домѣ, къ которому успѣлъ привыкнуть, который казался ему дружескимъ, почти роднымъ.

— Я могу сегодня же уѣхать, Раиса Андреевна,—между прочимъ сказалъ онъ.—Можетъ быть мое присутствіе здѣсь неудобно *теперь?..*

— Куда вы поѣдете?

Онъ назвалъ одно изъ мѣстечекъ, гдѣ всего сильнѣе разбушевались народныя страсти.

Раиса поблѣднѣла еще больше и, съ мольбою, съ выраженіемъ щемящей тоски, прошептала:

— Зачѣмъ же туда? Зачѣмъ? Не надо!...

— Но уѣхать-то нужно?

— Отчего же здѣсь не остаться?

— Подвергать опасности вашъ домъ?

— Нѣтъ, нѣтъ, здѣсь нѣтъ опасности... Васъ всѣ любятъ, знаютъ...

— Скрываться—я тоже не способенъ... Да и не все-ли равно? Я—фаталистъ...

— Останьтесь! Я прошу васъ!...

Нервная дрожь выдавала ея тревогу, но Рахимовъ истол-

ковывалъ волненіе дѣвушки далеко не въ свою пользу и не понималъ ея муки. Онъ смотрѣлъ на нее, точно желая навсегда запомнить это милое, симпатичное лицо, запомнить ея голосъ.

— Моя обязанность какъ учителя окончена... Вашъ братъ уѣзжаетъ...

— Но я... Я люблю васъ!.. Разстаться съ вами... знать, что вамъ грозитъ опасность.—Нѣтъ, нѣтъ!.. Нельзя! Пожалѣйте!

Раиса ломала руки отъ отчаянья. Нѣсколько минутъ тому назадъ она сама говорила, что ему *надо* ѣхать къ матери, а теперь терзалась мыслью, что онъ подвергается опасности, если поѣдетъ.

— *Вы* любите меня. Вы?! Ахъ, да развѣ я не зналъ этого такъ же, какъ знаете вы, Раиса, что я давно уже отдалъ вамъ свою душу. Какъ это случилось, когда мы поняли другъ друга—не знаю, но это случилось...

— Давно, давно, милый... Чуть не съ перваго свиданія.. Я почувствовала, что мы встрѣтились не даромъ... что мы—родные по духу.

Слова дѣвушки напоминали Рахимову о тѣхъ препятствіяхъ, которыя существуютъ, невидимыя, быть можетъ, но непреодолимыя.

Еще раньше, думая о Раисѣ, испытывая по отношенію къ ней самое глубокое и чистое влеченіе, молодой человѣкъ сознавалъ, что счастье—для него заказано...

Простая, чистосердечная, повинующаяся только голосу сердца, Раиса сама вымолвила слово „люблю“. Она какъ бы не признавала никакихъ перегородокъ, не желала видѣть никакихъ запретовъ.

Но что же онъ могъ предложить ей взамѣнъ ея чувства? Со стороны Раисы полюбить Рахимова—геройство, но съ его стороны взять любовь богатой дѣвушки—новый поводъ для осужденія...

Повѣрятъ развѣ въ искренность его чувства? О, нѣтъ, нѣтъ!... Самую поэтическую привязанность обзовутъ корыстью и будутъ считать себя правыми.

Увѣренная въ любви Бориса, счастливая и гордая, Раиса говорила безъ умолку. Она вспоминила отдѣльные эпизоды, повторяла *его* слова, на основаніи которыхъ въ ней росла

и ширилась надежда на взаимность, разсказывала, когда, при какихъ обстоятельствахъ она поняла, что не простая симпатія роднитъ ихъ.

Рахимовъ внималъ ея милымъ рѣчамъ, блѣдный отъ волненія, боясь прервать ихъ, но въ то же время сознавая, что долженъ прекратить этотъ разговоръ.

Между ними была глубокая пропасть.

— Вы не уѣдете теперь? Нѣтъ? Скажите, милый... Относительно вашей матери,—я уже обдумала. Ее можно перевезти въ Одессу. Тамъ она будетъ внѣ всякихъ тревогъ, а вы... Мало по малу я подготовлю отца.. Вы хотѣли, вамъ нужно ѣхать заграницу ради занятій. Вы *должны* думать о своемъ талантѣ, своей будущности.. Я буду помогать вамъ. Да, теперь, только теперь я поняла, что значитъ жить въ другомъ человѣкѣ, жить его успѣхомъ, славой.

— Какая вы фантазерка, Раиса Андреевна!—съ принужденною суровостью вымолвилъ онъ, а Раиса со страхомъ взглянула на него, не понимая крутой перемѣны его тона.— Да развѣ мыслимо то, что вы говорите? Вашъ отецъ никогда не согласится на нашъ бракъ...

— Я — совершеннолѣтняя!

— А другія препятствія, — вы ихъ забыли!

— Но какія же?

— Религія...

Раиса опустилась въ кресло. Этотъ вопросъ былъ давно уже рѣшенъ дѣвушкой, но ей дѣлалось неловко сказать, *какъ* она думала обойти это, казалось, непреодолимое, препятствіе.

Для Бориса оно будетъ чѣмъ то невозможнымъ, но сама она давно сроднилась съ этою мыслью и не находила въ ней ничего преступнаго.

— Конечно, — продолжалъ Рахимовъ,—я могъ бы перемѣнить религію, но!..

— Ни за что! Никогда!—порывисто произнесла дѣвушка, вставая и рѣшительно смотря на Бориса.—Даже въ другое время я не захотѣла бы видѣть въ васъ ренегата, а теперь, когда такъ обострилось положеніе, нѣтъ, нѣтъ, умоляю васъ!... Нельзя! Не надо... Не честно!...

На Рахимова отрадно повліяли эти слова. Дѣвушка какъ бы повторяла именно то, что онъ *могъ* сказать, что переполняло его душу...

Но если она не желаетъ, чтобы онъ измѣнилъ религіи своихъ отцевъ, то бракъ является невозможнымъ... Исхода нѣтъ... Или сдѣлаться ренегатомъ, или оттолкнуть счастье ея любви.

— Дорогая моя... умница, чуткая,—заговорилъ онъ тихимъ и ласковымъ голосомъ,—но какъ же быть тогда?

— Мы уѣдемъ загранину... Мы будемъ жить такъ...

Рахимовъ понялъ наконецъ ея мысль и ужаснулся. Ради своей любви къ нему, она готова была принести въ жертву свое доброе имя, свою честь, будущность, связи съ семьей и родиной... Развѣ можетъ онъ принять такое самопожертвованіе?

— Нѣтъ, Раиса нѣтъ, теперь я скажу: ни за что и никогда! Я понимаю, васъ увлекаетъ чувство, вы не заглядываете впередъ, вы не знаете, какое ужасное положеніе ожидало бы васъ, если... Безправная, вы не можете помириться съ такою жизнью, какъ я не могу принять подобной жертвы.

— Вы меня не любите!

— Нѣтъ, именно потому что люблю, люблю горячо и глубоко, потому и не могу согласиться на такой союзъ. Подумайте, дорогая, здѣсь—вся выгода на сторонѣ мужчины, а на долю женщины падаетъ все тяжелое...

— А сколько счастья она получаетъ!

— Да, моменты счастья и годы тревогъ...

— Вы не любите меня!

— Раиса, дорогая, не искушайте! Повѣрьте, надо много мужества и силы воли, чтобы устоять противъ такого соблазна. Быть вашимъ мужемъ, вашимъ другомъ на всю жизнь... Знаю, въ бракѣ или нѣтъ, но я отдалъ вамъ всего себя, безповоротно, но вы, милая, чистая моя дѣвушка, не вѣдаете какъ дорого пришлось бы вамъ заплатить за свое незаконное счастье. Въ тайнѣ можно дѣлать даже преступленія и пользоваться общимъ уваженіемъ, но любить открыто—нельзя.

Долго говорили тогда Борисъ и Раиса, мѣняясь возраженіями и оставаясь каждый при своемъ мнѣніи.

Молодая дѣвушка горько плакала, убѣдившись, наконецъ, что ей не сломить упорства Рахимова, а Борисъ, отвергающій любовь Раисы, которую онъ обожалъ и боготворилъ, страдалъ больше, чѣмъ она.

Утромъ, ни съ кѣмъ непростившись, молодой человѣкъ уѣхалъ изъ Райскаго и даже не зашелъ въ контору за своимъ жалованьемъ. Онъ оставилъ письмо Раисѣ, въ которомъ объяснялъ, что долженъ бѣжать отъ своего счастія.

„Я боялся что у меня не хватитъ силъ для борьбы съ самимъ собою, писалъ онъ между прочимъ. Упасть въ вашихъ глазахъ, заслужить укоръ отъ васъ... Нѣтъ, дорогая, любимая, теперь мы разстаемся чистыми и честными. Я никогда не забуду васъ, Раиса, я буду всегда вашимъ другомъ“.

Рыдая безъ слезъ, читала дѣвушка это прощальное посланіе.

Борисъ отказывался отъ счастья, — но вѣдь онъ любилъ ее. Борисъ бѣжалъ отъ нея,—но вѣдь онъ не оттолкнетъ же ее, когда она сама придетъ къ нему? Такъ или иначе, но она завоюетъ свое счастье, она не отступитъ ни передъ какими препятствіями.

VII.

Черезъ нѣсколько дней Райское опустѣло. Столбенскій и баронесса уѣхали въ Петербургъ, а Раиса, вмѣстѣ со знакомой дамой, отправилась заграницу.

Блѣдность и печаль дѣвушки были такъ замѣтны, что отецъ самъ предложилъ ей прокатиться въ Швейцарію.

Раиса была очень довольна уѣхать, такъ какъ это соотвѣтствовало ея планамъ. Столбенскій очень быстро досталъ для дочери заграничный паспортъ и очень щедро снабдилъ ее деньгами.

— Вотъ видишь, Андре, какъ я была права,—вкрадчивымъ тономъ говорила баронесса Столбенскому.—Для Раисы общество г. Рахимова оказалось далеко не полезнымъ...

— Да, подальше отъ нихъ—лучше, это вѣрно! Конечно, *моя* дочь не можетъ увлечься какимъ-нибудь проходимцемъ, но все-таки...

— Ахъ, Андре, ты не знаешь натуру женщинъ. Если мы вообразимъ, что человѣка угнетаютъ, мы готовы сдѣлать изъ него героя...

— Въ лапсердакѣ! Ха, ха, ха! Это очаровательно! Ромео— въ лапсердакѣ! Ты всегда остроумна, ma cherie!

Когда Раиса уѣзжала изъ дома, то, казалось, она навсегда прощалась съ родиной. Съ особенною аккуратностью уложила она свои вещи, сдѣлала подарки прислугѣ, деревенскимъ дѣтямъ и бѣднымъ сосѣдкамъ, а наканунѣ отъѣзда обошла всѣ любимые уголки, съ грустью смотря на цвѣтущія куртины.

„Здѣсь я никогда не буду, никогда—думалось ей. Теперь я стану чужою всюду... О, только бы онъ, милый, не оттолкнулъ!..“

Столбенскій и баронесса проводили осень и зиму въ Петербургѣ, изрѣдка получая письма отъ Раисы. Но среди зимы были поражены страннымъ извѣстіемъ:

Раиса—уѣхала въ Америку! Зачѣмъ, что за фантазія явилась у дѣвушки, почему она поступила такъ таинственно—никто понять не могъ.

Исчезла—и кончено. Даже уѣхала подъ чужимъ именемъ, потому что въ числѣ пассажировъ, отправлявшихся изъ Гамбурга, Столбенской не значилось.

Эгоистъ-отецъ разсердился на своеволіе Раисы, и точно на зло непокорной дочери, особенно широко и открыто велъ жизнь въ столицѣ.

Онъ всегда считалъ Раису за „фантазерку“, не умѣющую понимать, что говорить можно все, а дѣлать только то, что выгодно. По его мнѣнію, она слишкомъ по славянски усвоила себѣ западную культуру, другими словами—слишкомъ искренно увлеклась извѣстными тенденціями и стала проводить ихъ въ жизнь.

Въ интимной бесѣдѣ съ баронессой, Столбенскій какъ-то высказалъ свои опасенія, и хитрая женщина отлично поняла, что они, какъ ржавчина—желѣзо, могутъ уничтожить и безъ того не сильную кровную связь отца и дочери.

— Кто ее знаетъ, съ какими цѣлями Раиса умчалась въ Америку! Отъ нея все станется... Очень пріятно, если она попадетъ въ какой-нибудь громкій процессъ!... Пожалуйста, поменьше разсужденій объ Раисѣ... Да, кстати, намекни при его превосходительствѣ, что въ идейномъ смыслѣ я давно уже разошелся съ дочерью, но, конечно, стѣснять ее не хочу, и не могу...

Баронесса приняла къ свѣдѣнію слова Андре и очень ловко вставляла замѣчанія относительно Раисы.

Веселая жизнь въ столицѣ, множество новыхъ знакомыхъ и стремленіе „подобраться“ къ капиталу Андре—поглащали

все вниманіе баронессы, а самъ старикъ-отецъ, вспоминая Раису, только раздражался и, качая головой, шепталъ:— Вернешься, голубушка, вернешься! Безъ денегъ долго не проживешь!

Но Раиса не возвращалась и не писала. Тотъ поступокъ, на который она рѣшилась, вычеркивалъ ее не только изъ родной семьи, но даже изъ числа живущихъ, а между тѣмъ молодая дѣвушка была безгранично счастлива...

Живя въ Швейцаріи, она получала письма отъ Рахимова и знала все, что онъ дѣлаетъ. Его положеніе было не завидно. Въ силу разныхъ обстоятельствъ, Борисъ взялъ мѣсто учителя въ маленькомъ заштатномъ городкѣ Заронскѣ и поселился тамъ вмѣстѣ со старухой матерью.

Занимаясь съ дѣтьми, онъ имѣлъ время много работать надъ диссертаціей, читать, а въ часы отдыха, бродя по берегу Буга, съ безграничной нѣжностью мечталъ о милой русской дѣвушкѣ, отдавшей ему свою любовь.

Препятствія, разлучившія ихъ, находились внѣ его власти. Онъ могъ добиться счастья, только поступившись своими убѣжденіями, но тогда Раиса—первая отвернется отъ него. Да, не уважая, она любить не можетъ! Разница вѣрованій и положенія является непреодолимой преградой, и Борисъ не сдѣлаетъ, не имѣетъ нравственнаго права сдѣлать ни одного шага на встрѣчу чудному счастью.

Отъ любящаго взора матери не скрылась удручающая тоска Бориса и, въ одну бурную осеннюю ночь, когда молодой ученый сидѣлъ, склонившись надъ книгами, но не могъ читать и воспринимать мудрость философа, Сарра подошла къ сыну.

— Милый, что съ тобой?

— Ничего, мама... Я... читаю...

— Полно, Борисъ, не вижу я развѣ, не понимаю... Я— не ученая, мало знаю,—но сердце не обманешь. Тоска у тебя на душѣ, большая, горькая тоска...

Бываютъ моменты, когда даже чуждому по строю человѣку можно излить свое горе, когда откровенность облегчаетъ, когда потребность говорить является настоятельно необходимой, иначе сердце разорвется отъ муки, иначе захочешь покончить съ ненавистною жизнью. Да, эта откровенность, въ которой подъ часъ приходится раскаяться,

является предохранительнымъ клапаномъ... Она спасаетъ отъ порыва остраго отчаянья.

Рахимовъ взглянулъ на мать.

Маленькая, сѣдая старушка, въ черномъ платьѣ, съ платкомъ на головѣ, съ любовью и нѣжностью смотрѣла на него. Въ ея свѣтлыхъ глазахъ сіяла безграничная преданность, и молодому человѣку вдругъ стало какъ то стыдно за свой эгоизмъ. Онъ берегъ свою мать, холилъ, но никогда не пускалъ въ свою душу... Онъ думалъ, что они не поймутъ другъ друга.

Но Сарра давно уже угадала, что эти письма съ заграничнымъ штемпелемъ приносятъ радость въ ихъ домъ и сама волновалась, что писемъ долго нѣтъ.

Кто пишетъ ея Борису, кого онъ любитъ,—не все ли ей равно... Только бы ея сыночекъ былъ счастливъ... Дурного выбора Борисъ сдѣлать не можетъ...

— Скажи мнѣ, милый, что тебя гнететъ?—ласково продолжала старушка.

— Меня,—началъ Борисъ,—и не окончилъ фразы.

„Нѣтъ, нельзя!-мысленно рѣшилъ онъ.—Все сказать— невозможно, а говорить неправду,—не хочу, не стану!... Она будетъ мучиться, страдать изъ за меня... Сколько она горя уже испытала, бѣдная, тогда, во время разгрома... Еще вообразитъ пожалуй...“

— Да не скрывай ты... Вѣдь знаю!

— Что знаешь?

— Любишь... Любимъ... Писемъ долго нѣтъ, вотъ и тоскуешь...

Старушка прямо коснулась больного вопроса. Отсутствіе писемъ отъ Раисы было результатомъ той проклятой правдивости, которая всегда и вездѣ мѣшала ему.

Онъ писалъ горячо любимой дѣвушкѣ, что надо прекратить переписку, такъ какъ угадывалъ все возрастающую тревогу Раисы и между строкъ читалъ, какъ она страдаетъ. Правда, Борисъ не думалъ, что она такъ покорно приметъ его предложеніе, но... тѣмъ лучше...

— Писемъ нѣтъ, мама, ты права, но... и не надо ихъ!— вымолвилъ молодой человѣкъ.—Они давали счастье, да... но возбуждали и въ ней, и во мнѣ такую муку, такую... Нельзя, мама. Запретъ лежитъ на нашемъ счастьѣ!...

— Она... русская?—едва слышно спросила Сарра.

— Да, русская...

— Тамъ познакомился, гдѣ на урокѣ жилъ?

— Да, тамъ...

Наступило молчанiе.

Много мыслей тѣснилось въ головѣ старухи, много картинъ—вспоминался старикъ мужъ, давно уже умершiй, его воззрѣнiя, его рѣчи...

Онъ не помирился бы съ ренегатствомъ, а она... она—женщина, она мать. — Чувство говоритъ въ ней сильнѣе чѣмъ разумъ: счастье сына дороже даже самыхъ сокровенныхъ убѣжденiй.

— Но что же мѣшаетъ вашему счастью,—тихо, точно совѣстясь своихъ словъ, заговорила Сарра, не глядя на Бориса.—Религiя... Ну, да, да, я понимаю!... Такъ вѣдь, помнишь, Акретовъ... И ничего... Остался хорошимъ человѣкомъ. Если нельзя иначе? Что же дѣлать...

— А ты воображаешь, что *она*, она согласится на это? Ни за что!—выкрикнулъ Рахимовъ.—Скорѣе я, чѣмъ она... Удивлена? Да, ты не понимаешь этой дѣвушки...

— *Она* не соглашается? Она?.. — повторила Сарра съ изумленiемъ.—Какъ странно! Тамъ невѣста Акретова потребовала... А тутъ она сама не соглашается? Не любитъ.

Борисъ горько усмѣхнулся...

Нельзя разговаривать, если люди не способны понимать другъ друга, если всякую мелочь надо объяснять... Борису стало еще тяжелѣе и досаднѣе, зачѣмъ онъ высказалъ даже то немногое, что вырвалось изъ души.

— Любитъ, да, любитъ, такъ же какъ я ее безгранично люблю,—произнесъ онъ серьезнымъ тономъ,—но это—человѣкъ разумный, съ богатоодаренною душей. Она понимаетъ, что такая жертва роднитъ людей не можетъ... Униженiе—плохой фундаментъ для счастья! Нельзя, ничего нельзя!

Старушка глядѣла на сына широко раскрытыми глазами. Ея вскормленникъ, ея дитя, ея кровь — но какъ чужды слова его!

Для нея всегда существовалъ одинъ стимулъ: *надо*, а Борисъ идетъ противъ этого зловѣщаго „надо", попирая свое счастье во имя торжества идеи... И даже та, чуждая по духу, русская дѣвушка раздѣляетъ его воззрѣнiя!..

Странно и дико Саррѣ слышать такiя разсужденiя, но ни спорить, ни возражать она не смѣетъ.

Борисъ ушелъ къ себѣ, въ мезонинъ... Ему хочется остаться одному. Его томитъ и какъ то особенно волнуетъ эта бурная ночь. Точно крики разъяренной толпы, точно кроткiя жалобы слышатся ему въ завываньяхъ холоднаго вѣтра и больно сжимается его сердце.

Много молодой силы кипитъ въ его душѣ, много знанiй и энергiи принесъ бы онъ на пользу своей родины, но... ему заказаны пути къ симпатичной дѣятельности. Любящiй и любимый, онъ былъ бы хорошимъ семьяниномъ, но... ему заказаны пути и къ личному счастью... Нельзя! Ничего нельзя!... Конечно, можно бросить родину и тамъ, на чужбинѣ, начать работать. Но какъ оставить старуху-мать, какъ оторвать ее отъ привычной жизни. Истоскуется, бѣдная, изведется.

Заложивъ руки за спину, Борисъ долго ходилъ взадъ и впередъ по своей тѣсной комнаткѣ и все думалъ, думалъ.

А внизу происходила слѣдующая сцена.

Сарра только что собиралась лечь спать, какъ кто то постучалъ въ окно.

— Кто тамъ?—спросила старуха.

Хохолъ-возница объяснилъ, что везетъ молодую бабеночку, изъ евреекъ, и просилъ для нея ночлега.

— Самъ то я доберусь, а ей дѣваться некуда. Постоялица хорошая. Заплатитъ!...

— Да не пускаемъ мы постороннихъ!—неувѣренно возразила Сарра, соображая, что Борисъ не любитъ чужихъ, но въ то же время вспоминая, какая холодная ночь.

— Изъ вашихъ!... Чего, не пускаемъ?!. Страннаго человѣка пустить надо!...

— Пожалуйста, позвольте мнѣ переночевать у васъ, — раздался въ дверяхъ молодой женскiй голосъ. Теперь такъ темно и дождь. Найти ничего нельзя.

— Хорошо... хорошо... Войдите.

Возница исчезъ, получивъ плату, а молодая женщина, иззябшая и измокшая, опустилась на стулъ. Сарра стала хлопотать около гостьи. Никакого багажа у нея не было, и старушка дала ей одѣть свое бѣлье и платье.

— Какая вы добрая! Благодарю васъ!—наконецъ сказала путница.—И чаемъ хотите напоить? О, какъ это хорошо!

— Не за что благодарить. Каждому случается зазябнуть въ дорогѣ. Далеко ли ѣдете?

Молодая женщина не слыхала вопроса или не хотѣла отвѣчать.

— Это Заронскъ? Да?

— Да, да, Заронскъ... Плохое мѣстечко... Тихое... скучное.

— Скажите мнѣ какъ ваше имя? — продолжала гостья, помогая старушкѣ класть уголья въ самоваръ.

— Сарра Рахимова.

— Рахимова?! Его мать? Вашъ сынъ... Есть у васъ сынъ, Борисъ?

— А вы, вы, та русская... изъ за-границы. Письма присылали?

— Шш!.. Ни слова... Не надо! Позовите его сюда скорѣе.

И пока Сарра, забывъ и годы и недуги, бросилась въ мезонинъ, Раиса стояла посреди комнаты, блѣдная, трепещущая. Сама судьба привела ее именно въ этотъ домикъ, столкнула прямо съ его матерью. О, что то будетъ теперь, что будетъ!

Вотъ и шаги его, легкіе и быстрые. Вотъ распахнулась дверь. Крикъ безумной радости огласилъ комнату.

— Раиса! Раиса!

— Борисъ... Милый!

VIII.

Всѣ вопросы, о которыхъ такъ глубокомысленно толковалось въ письмахъ, оказались пустяками передъ вліяніемъ могучей взаимной страсти.

— Я рѣшила поселиться здѣсь у тебя,—говорила Раиса, съ безграничною любовью смотря на Рахимова.—Да! Да! Не смѣй возражать! Все уже окончено... Возврата нѣтъ. Я—не Раиса, не Столбенская!.. Я—Рахиль Зандерсъ, дочь старика Іоселя, который вздумалъ искать счастья въ Америкѣ... Мнѣ не хотѣлось съ нимъ ѣхать, вотъ я и осталась за-границей, а когда узнала, что мой женихъ имѣетъ хорошее мѣсто— поѣхала къ нему. Ни Борисъ, ни мама меня не прогонятъ, я надѣюсь?

Старая Сарра съ обожаніемъ смотрѣла на милую дѣвушку. Она не знала законовъ и даже не подозрѣвала, что Райя совершаетъ преступленіе, а сама она и Борисъ являются попустителями и соучастниками.

Рахимовъ возсталъ было противъ словъ любимой дѣвушки, но... логика философа оказалась ничтожной противъ нелогичныхъ, но убѣжденныхъ доводовъ Райи...

Утромъ, когда въ хатѣ Рахимова происходили эти разговоры, пришла знакомая Сарры и съ любопытствомъ посмотрѣла на гостью.

— Мама, — бойко вымолвила Райя,—что же вы меня не познакомите съ вашей пріятельницей. Борисъ! Хорошъ женихъ!

И, не обращая вниманія на оторопѣвшихъ мать и сына, Раиса продолжала съ замѣчательной выдержкой:

— Ну, нечего дѣлать, сама отрекомендуюсь: Рахиль Зандерсъ. Къ жениху и къ мамѣ пріѣхала...

Сарра не могла совладать съ собою. Она порывисто обняла дѣвушку и, словно наслаждаясь самымъ звукомъ непривычнаго названія, шептала:

— Дочка моя милая... дочка, родная... Райя... голубушка...

— Спасибо, мамочка!.. Спасибо!

А Борисъ, блѣдный какъ мертвецъ, стоялъ стиснувъ губы. Онъ понималъ, зачѣмъ Раиса подчеркиваетъ свои отношенія къ нему, понималъ, что своимъ молчаніемъ какъ бы одобряетъ приносимую ему жертву самоотреченія и... не находилъ мужества прервать эту сцену.

Пріятельница Сарры очень горячо приняла извѣстіе о женитьбѣ Бориса. Она стала шумно поздравлять молодую парочку, восхищаться красотою невѣсты, и, замѣчая смущеніе Рахимова, не утерпѣла, чтобы не спросить шепотомъ:

— Да что это Борисъ какой странный? Не любитъ онъ развѣ своей невѣсты? Неужели изъ за денегъ женится?

— Любитъ... По душѣ этотъ бракъ!...

Въ тотъ же день новость о скорой свадьбѣ Рахимова обошла все мѣстечко, возбуждая разнообразные толки. Одни, какъ водится, одобряли, другіе порицали, но всѣ вмѣстѣ одинаково судачили.

Въ маленькомъ домикѣ Бориса, у окна сидѣла Райя и, держа руку Рахимова, говорила ему со слезами въ голосѣ:

— Чего ты боишься, милый? Зачѣмъ эти мрачныя думы!...

О, какъ же ты огорчаешь меня! Я ѣхала сюда счастливая, довольная, полная вѣры... Я могла ожидать всякихъ неудачъ и препятствій, но только не отъ тебя!...

— Голубка моя, ты не знаешь чѣмъ ты рискуешь!

— Знаю. Все взвѣшено, дорогой мой, все! На одной сторонѣ: опасность и полное счастье, на другой—благополучіе и тоска. Что лучше? Полно ты, Борисъ, не мучь... Не спрашивая тебя, я порвала всѣ связи съ семьей и родиной... Я всѣмъ чужая теперь. Мой паспортъ сожженъ, а вмѣстѣ съ нимъ исчезла и я... Раисы Столбенской нѣтъ... Твоя невѣста, твоя жена, Рахиль Зандерсъ... Неужели ты оттолкнешь меня, милый, любимый?

— А если наступитъ день, когда ты пожалѣешь о своемъ поступкѣ?

— А если солнце встанетъ съ запада?!

— Не шучу я, Раиса!...

— Не шутишь, такъ вѣрь же мнѣ! Вѣрь! Люблю, люблю, всей душой люблю, первою и послѣднею любовью! Мыслимо ли тутъ говорить о возвратѣ, о сожалѣніяхъ, о раскаяньи?..

— Но, дорогая... Твой отецъ...

— Молчи, молчи, Борисъ! Ничего, кромѣ тебя... никого въ цѣломъ свѣтѣ!..

— Райя... Но вѣдь это... преступленіе!

— Я люблю тебя!

Такъ встрѣчались всѣ его доводы, всѣ мольбы опомниться; и Раиса сломила препятствія, побѣдила ихъ, принося въ жертву и себя и свое будущее.

А тутъ еще помогли добрые люди...

Слухъ о пріѣздѣ невѣсты распространился очень быстро и нашлись обыватели, которые не только знали Іоселя Зандерса, но даже помнили его дочь, Рахиль, и съ убѣжденіемъ увѣряли, что „дѣвушка мало измѣнилась"...

Такъ пишется исторія... такъ наивные люди помогаютъ совершиться событіямъ...

Все послѣдующее совершилось обычнымъ путемъ. Согласившись на одно отступленіе, человѣкъ волей-неволей катится по наклонной плоскости, и нѣтъ силъ, нѣтъ средствъ остановиться на половинѣ дороги.

Еврейка Рахиль Зандерсъ сдѣлалась женою Рахимова... Весь обрядъ былъ исполненъ какъ слѣдуетъ, и Борисъ на

чистомъ еврейскомъ языкѣ произнесъ традиціонную формулу, въ силу которой дѣвушка, избранная имъ, обрекается ему въ жены. Онъ передалъ Райѣ кольцо, онъ стоялъ рядомъ съ нею подъ балдахиномъ, онъ исполнялъ все, что ему говорили, а сердце мучительно ныло...

Разладъ между разумомъ и чувствомъ мѣшалъ счастью. Вставали укоры совѣсти, являлась злоба къ себѣ, какъ могъ онъ принять такую жертву, и душа переполнялась горечью и тоскою.

„Неправдою добытое счастье—не счастье... Придется платить за него... дорого, ужасно дорого!" думалъ Борисъ, но когда Райя подходила къ нему, любовно улыбаясь, онъ забывалъ все и отвѣчалъ лаской на ласку.

Полное блаженство воцарилось въ домѣ Рахимовыхъ. Сарра обожала невѣстку, а Райя полюбила ее какъ родную мать, дѣля вмѣстѣ съ нею заботы о Борисѣ. Молодая женщина и работала, и читала, и переводила, и училась, говоря, что общественная дѣятельность для нея не закрыта, но, конечно, въ будущемъ. Еще годъ, другой—и они уѣдутъ заграницу, и тамъ не нужно будетъ скрываться отъ людей, а пока счастье быть вмѣстѣ дороже всего.

Но надъ ихъ головами нависли тучи. То, что въ другихъ семьяхъ встрѣчается съ восторгомъ, заботило Бориса и, отчасти, страшило Райю.

Молодая женщина готовилась быть матерью.

И радость и горе!

Для старой Сарры здѣсь не было вопроса. Если бы ея сынъ, во имя любви, перемѣнилъ религію, то его ребенокъ обязательно бы былъ не-евреемъ. — Тутъ обратное явленіе. Райя совершила преступленіе, да, конечно, но дитя должно быть воспитано въ религіи своего отца и дѣда...

Простая женщина, она по душѣ рѣшала всевозможные вопросы, но для Бориса и Райи въ нихъ являлось много серьезнаго.

Не взирая на безграничную взаимную любовь, на полное довѣріе, и, главное, на обоюдное пониманіе, они избѣгали касаться этого важнаго вопроса.

Райя скрыла отъ Бориса, когда именно онъ сдѣлается отцомъ и, путемъ невиннаго обмана, уговорила его съѣздить на двѣ недѣли въ Одессу. Нашлись необходимыя порученія,

покупки для будущаго птенчика, нужно было переговорить съ издателемъ относительно перевода, взять новую работу, купить книгъ... Словомъ, поѣздка оказалась настоятельно необходимой.

Много позднѣе, соображая все происходившее, Борисъ проклиналъ свою довѣрчивость и легкомысліе. Но тогда, не способный къ обману даже ради любви, онъ не сомнѣвался въ словахъ Райи.

Когда Борисъ возвратился домой—все было окончено. У него былъ сынъ, Саша, еврей по религіи...

— О, Райя, Райя! Что ты сдѣлала! — говорилъ онъ, цѣлуя руки жены.

Блѣдная и слабая, Раиса притянула его къ себѣ и рѣшительнымъ тономъ отвѣчала:

— Я много, много думала, Борисъ... Иначе—нельзя было. Положимъ, беря на себя рѣшеніе вопроса о вѣрѣ нашего ребенка—я сдѣлала преступленіе, но только противъ него... Скажи, развѣ онъ не можетъ перемѣнить религію современемъ? Какъ же поступить иначе. Сказать, что онъ — сынъ православной, значитъ открыть свое преступленіе... Бросить ребенка? Ни за что на свѣтѣ...

— А когда все это откроется! О Райя... Зачѣмъ ты сдѣлала все это безъ меня? Я долженъ отвѣчать за все, а не ты... Никогда не прощу себѣ, что уѣхалъ...

— Погоди, погоди,—возразила молодая женщина.—Я преступница, да, но въ чемъ моя вина? Подумай хорошенько! Въ томъ, что я, подъ именемъ Рахили Зандерсъ и съ ея бумагами, вошла въ твою семью. Все послѣдующее—результаты *моего* проступка, и замѣть, результаты неизбѣжные, естественные. Только *ты* можешь обвинять меня... ты и мама... Я васъ обоихъ обманула, а вина моя—проживательство по чужому виду... Еще тамъ, за границей, я говорила съ русскимъ юристомъ... Я знала, на что иду... Ну, вотъ, ты огорчился, милый! Полно, дорогой мой... Все хорошо! Можетъ быть счастье досталось мнѣ не легко, но если бы нужно было вновь пережить всѣ тревоги—я не задумалась бы. Кому до насъ дѣло, Борисъ. Развѣ мы приносимъ кому нибудь вредъ, зло. Нѣтъ, нѣтъ! А нашего мальчика мы съумѣемъ сдѣлать человѣкомъ—и вотъ, искупимъ свою вину!...

Рахимова тяготило самопожертвованіе Раисы. Онъ съ тревогой глядѣлъ на нее, то боясь, то желая увидѣть, что она хочетъ возврата. Съ наслажденіемъ, какъ мученикъ за дорогую идею, испыталъ бы онъ на себѣ кару закона.

Но Райя была довольна и счастлива. Райя какъ бы забывала, какія преступленія совершены ею и, мало по малу, свыкшись съ ними, не ожидала возмездія.

Шквалъ налетѣлъ въ ту минуту, когда его перестали опасаться. Случайность, ничтожная случайность—и зданіе, выстроенное на пескѣ, рухнуло.

Раису узнали, окликнули и... она обернулась на зовъ, и этимъ выдала себя, и такимъ случайнымъ образомъ разрушила все свое дорогое и милое, свое преступное счастье.

Черезъ недѣлю Раиса Столбенская, именущая себя „Рахилью Рахимовой“, была арестована и сидѣла въ тюремномъ замкѣ.

Малютка Саша умеръ, а старая Сарра, обезумѣвъ отъ горя, говорила всѣмъ и каждому, что она во всемъ виновата, она, одна она, но никто ей не вѣрилъ и сомнительно качали головой.

Отчаянье Бориса не имѣло границъ. Изъ любви къ нему пошла Раиса на рядъ преступленій, и теперь, когда она выносила кару наказанія—онъ оставался на свободѣ.

Помочь—нѣтъ возможности; страдать вмѣстѣ—не допускаютъ. А тутъ еще „добрые люди“, укорительно глядящіе на него и думающіе:

„Ловко подстроилъ! *Она* одна виновата!“

IX.

Бываютъ положенія, когда люди долгіе годы живутъ вмѣстѣ подъ одною кровлей, связанные взаимнымъ расположеніемъ и уваженіемъ; но случается нѣчто—и вдругъ оказывается, что это прочное расположеніе, это уваженіе, которое они признавали и цѣнили—результатъ недоразумѣнія.

Не встрѣчалось оселка, не было повода, чтобы выразилась дремавшая рознь.

Мягкость характера и извѣстная воспитанность заставляютъ людей сдерживаться и маскировать отношенія и, современемъ, послѣ случайнаго столкновенія, имъ самимъ дѣлается какъ-то странно и неловко.—Столько лѣтъ жили дружно, хорошо! Изъ за пустяка, и вдругъ, изъ за посто-

ронняго человѣка поссорились!.. Это все нервы!... Погорячились, вотъ и все... Надо ихъ помирить! говорятъ благоразумные люди, привыкшіе все непонятное называть „нервами“ и сомнительно улыбаться, слыша о различіи убѣжденій...

Въ такомъ положеніи очутились Ольга Сергѣевна и Агѣевъ, послѣ извѣстнаго читателю спора. Понизовская какъ то разомъ поняла, какую массу ошибокъ сдѣлала она, допуская во имя домашняго согласія, незамѣтныя, быть можетъ, въ отдѣльности, но серьезныя по внутреннему смыслу, уступки. Ей стало стыдно, и изъ одной крайности Ольга Сергѣевна бросилась въ другую.

Помочь Борису, во что бы то ни стало, но помочь; оправдать его вѣру въ старую дружбу, доказать, что то, что говорилось тогда, не было болтовней, что слово и дѣло идетъ у нея рука объ руку—являлось для Понизовской обязательнымъ, ради самоуваженія.

Когда Васюта вернулась домой, Ольга Сергѣевна отъ слова до слова слышала разговоръ дочери и зятя.

Они толковали о maman, каждый съ своей точки зрѣнія, порицая, но въ то же время оправдывая „милую фантазерку“. Если бы они ее бранили—Понизовской было бы легче, но молодые практики посмѣивались надъ увлеченіемъ maman и разсуждали о ней какъ о старомъ ребенкѣ.

Васюта, очень пріятно проведшая вечеръ внѣ дома, чувсвовала себя нѣсколько не правою противъ мужа и потому была съ нимъ особенно ласкова, льстила ему и поддакивала. Николай Андреевичъ, всегда улавливавшій подобное настроеніе жены, спѣшилъ воспользоваться имъ. Онъ особенно краснорѣчиво говорилъ о самомъ ничтожномъ фактѣ и доказывалъ безспорныя истины, лишь бы имѣть возможность слушать себя самого и рисоваться своимъ ораторскимъ талантомъ.

Если Васюта абсолютно права передъ Никой, она не выдержитъ и прерветъ его разсужденія, но теперь она готова внимать ему до безконечности, лишь бы онъ не спросилъ: *кто* былъ у знакомыхъ и съ кѣмъ видѣлась Васюта.

Никто не мѣшалъ Понизовской и прежде наблюдать и выводить заключенія, но вся эта ложь и политика только сегодня бросились ей въ глаза.

Точно „загадочная картинка“! То смотришь долго, внимательно—и ничего не видишь, но разъ увидѣлъ, кончено... Не отдѣлаться! И начинаешь удивляться, какъ другимъ не бросается въ глаза то, что намъ стала ясно.

— А здѣсь любопытный гость былъ!—сказалъ Агѣевъ холодно-насмѣшливымъ тономъ, не то передразнивая кого то, не то помимо воли выказывая досаду безсилья. — Удивительно пріятное знакомство у maman! И много у нея такихъ „друзей“?

— Кто былъ?

— Кто?! А, ты значитъ не знаешь!—оживляясь воскликнулъ Агѣевъ, очень довольный, что можетъ первый и по своему разсказать о посѣщеніи Рахимова.

Само собою разумѣется, что вообще онъ не придалъ бы особеннаго значенія случайному гостю maman, но на службѣ, какъ нарочно, много разсуждали объ оригинальномъ процессѣ Рахимовой.

Вѣрный принципу „держать носъ по вѣтру“, Агѣевъ горячо доказывалъ преступность Рахимова, говорилъ, что слѣдователь мирволилъ и т. д., но былъ пораженъ, услыхавъ, что начальникъ высказываетъ иное мнѣніе... А тутъ еще этотъ самый преступникъ сидитъ у него въ домѣ какъ гость и другъ... Если онъ, Агѣевъ, измѣнилъ бы взглядъ на дѣло, скажутъ: получилъ взятку... Опозорятъ.

Въ общихъ выраженіяхъ передалъ Николай Андреевичъ женѣ сущность процесса и вспыхнулъ отъ гнѣва, когда Васюта сказала:

— Да, я тоже знаю Бориса Рахимова!

— То есть ты его встрѣчала прежде,—подчеркнулъ Агѣевъ.—Теперь ты съ нимъ не знакома и не должна встрѣчаться!... Прошу этого и желаю... Надѣюсь, maman не станетъ принимать его больше? Это не деликатно... это... это...

— Не симпатичный онъ человѣкъ!—лѣниво поддакнула Васюта.—Какъ всѣ они, впрочемъ... Болтовня... фразы.

— Твоя мать—неглупая женщина,—перебилъ Агѣевъ,—но она тутъ ничего не понимаетъ. Ты подумай сама: я высказался противъ Рахимова, а между тѣмъ — онъ принятъ у насъ въ домѣ... Неудобно это для меня, для моего служебнаго положенія!

— Да, конечно! — согласилась Васюта, ловко скрывая зѣвокъ.

— И главное досадно, что барона точно обошелъ кто... Видитъ въ дѣлѣ романическую подкладку и отвергаетъ всякій корыстный умыселъ. Ха, ха, это оптиматы-то безъ умысла будутъ дѣйствовать!

— Оптиматы? Что это значитъ?

Агѣевъ объяснилъ, рисуясь и щеголяя своимъ знаніемъ, а затѣмъ, точно желая подчеркнуть передъ Васютой свое вліяніе на службѣ, добавилъ:

— Я покажу барону, кто правъ... Просмотрю дѣло и составлю докладъ... Ха, ха, господа оптиматы будутъ довольны... Нѣтъ, меня не подкупишь ни деньгами, ни лестью, ни громкими фразами... Знаю я эту націю... Выгода—все для нихъ!

Вѣроятно Васютѣ страшно спать хотѣлось, если она позволила себѣ съ досадой взглянуть на мужа и подумать:

„А для тебя выгода—не все? Тамъ—была и есть любовь, страсть, самопожертвованіе, а у насъ... Сошлись и вступили въ бракъ—потому что выгодно... живемъ вмѣстѣ дружно будто—а вѣдь все опять выгода..."

Боясь дать волю враждебному чувству, молодая женщина сказала съ принужденною заботливостью:

— Усталъ ты я думаю, Ника... Пора тебѣ лечь... Завтра у тебя засѣданіе...

Агѣевъ улыбнулся.

— И усталъ, да и maman меня сегодня очень разстроила.. Каждаго проходимца брать подъ покровительство... ставить меня въ неловкое положеніе... Вѣдь эти господа—нахалы, онъ не затруднится ляпнуть: ваша матушка, дескать, обѣщала... Меня тогда за лицемѣра могутъ считать!...

Разговоръ грозилъ затянуться. Васюта встала и, надѣясь покончить съ надоѣвшимъ ей вопросомъ, неосторожно замѣтила.

— Ты не безпокойся, Ника. Рахимовъ не сдѣлаетъ ничего неделикатнаго...

Если бы жена раздѣляла его опасенія, Агѣеву было бы пріятнѣе, но заступничество молодой женщины разсердило его. Онъ подумалъ, что Васюта на сторонѣ матери, что она сочувствуетъ „оптимату" и сдѣлалъ два—три рѣзкихъ замѣчаній о женской безтолковости вообще и о безтактности maman въ особенности.

Супруги отправились на покой, взаимно недовольные.

Агѣевъ считалъ себя непонятымъ и неоцѣненнымъ, а Васюта, сравнивая свое настроеніе въ гостяхъ и дома,—ясно сознавала, что... Да, въ гостяхъ ей было и легче и пріятнѣе, чѣмъ въ родномъ домѣ.

Понизовская долго не ложилась въ этотъ вечеръ. Она до мелочей анализировала семейную жизнь дочери и зятя и приходила къ удручающему заключенію.

„Ложью скрѣплена ихъ семья, ложью повита, ложью и держится... Такъ за что же онъ такъ строгъ къ другимъ?"

На утро, когда Агѣевы и Ольга Сергѣевна сидѣли за чаемъ, а малютка тянулся къ бабушкѣ, постоянно ласкавшей его, Николай Андреевичъ съ сердцемъ крикнулъ на ребенка:

— Не надоѣдай! Поди къ нянѣ... Что это, Васюта, какъ ты плохо его воспитываешь... Покоя нѣтъ отъ него... Тянется... Все трогаетъ...

Мотивъ раздраженія Агѣева былъ понятенъ Понизовской, но она ничего не сказала. Всѣ колебанія были для нея окончены. Она знала, что ей дѣлать.

X.

Жена барона, начальника Агѣева, была нѣкогда хорошею знакомой Понизовской. Разница соціальнаго положенія разлучила ихъ, но тѣмъ не менѣе обѣ онѣ сохранили доброе воспоминаніе одна о другой, и, встрѣчаясь, искренно высказывали сожалѣніе, что не могутъ чаще видѣться.

Отчего не могутъ—вопросъ не поднимался, такъ какъ онъ былъ рѣшенъ еще давно, когда Вѣра Алексѣевна, курсистка, дѣвушка, дававшая уроки, совершенно неожиданно сдѣлалась невѣстой богатаго и вліятельнаго старика, барона Зегемель.

Много толковали тогда объ этомъ бракѣ, одни, завидуя, другіе,—возмущаясь, но Понизовской хотѣлось знать навѣрное причины рѣшимости Вѣры.

Ольга Сергѣевна увидалась съ дѣвушкой и, просто, откровенно какъ всегда, сказала:

— Выходите замужъ, Вѣра? Зашла поздравить васъ, но прежде...

— Но прежде хотите знать, какъ это случилось, какъ

могло случиться! съ нервнымъ смѣхомъ прервала Вѣра.— Да, *вамъ* я скажу...

— Можетъ быть вамъ тяжело касаться?...

— Нѣтъ, нѣтъ! Если бы вы не пришли, я бы написала къ вамъ какъ исповѣдь. Потерять ваше расположенiе мнѣ больно. Боже мой, сколько у насъ было мечтанiй, плановъ, а чѣмъ окончилось.

Въ послѣдней фразѣ слышалась горечь и тоска. Понизовская замѣтила, что Вѣра очень похудѣла и поблѣднѣла, что въ выраженiи ея красиваго лица появилось нѣчто новое, и старившее дѣвушку, и придававшее ей новую прелесть.

— Вы не любите жениха, Вѣра?!

— Да, не люблю.

— Такъ зачѣмъ же, зачѣмъ?! Точно вы не знаете, что нѣтъ факта болѣе унизительнаго для женщины, для женщины-человѣка какъ бракъ безъ любви!

— А если иначе нельзя?

— Нельзя? Надоѣла рабочая жизнь? Полноте, Вѣра...

— Не то, не то, дорогая! Себя боюсь...

И Вѣра разсказала Понизовской свою драму. Она полюбила женатаго, семейнаго человѣка и угадала его чувство къ себѣ. Первая вспышка страсти—и онъ былъ готовъ бросить все. Но Вѣра не хотѣла и не могла принять такой жертвы. Она поэтому почти дала слово барону Зегемель, давно уже влюбленному въ нее.

Не взирая на доводы Вѣры, Понизовская не соглашалась съ нею. Дѣвушка продолжала:

— Любить—я никого больше не полюблю. Все кончено! Для меня остается общественная дѣятельность, но какая? Чѣмъ можетъ быть женщина въ наше время? Ничѣмъ. Много словъ—и никакихъ фактовъ. Но какъ жена барона—я буду стоять между нимъ и людьми, я могу имѣть влiянiе... Вы слышали, и не разъ я думаю, какъ жалкiй писарь могъ содѣйствовать тому или другому просителю... Если я завоюю уваженiе барона, у меня явится симпатичная дѣятельность его негласной помощницы... Какъ много добра и пользы можно принести!

Тогда Понизовская не повѣрила ей, думая, что все это— нѣкоторая рисовка; но теперь она нерѣдко слышала, что Вѣра дѣйствительно оказываетъ хорошее влiянiе на мужа.

Пока Агѣевъ и Васюта разговаривали между собою, Понизовская вспомнила о Вѣрѣ и нашла, что лучшаго союзника трудно придумать. Николай Андреевичъ по своему сдѣлаетъ докладъ, но баронъ можетъ взглянуть на дѣло съ другой точки зрѣнiя. Въ этомъ процессѣ все зависитъ отъ внутренняго смысла, отъ извѣстнаго освѣщенiя...

Ни слова не говоря Васютѣ, Понизовская поѣхала къ баронессѣ.

Между Васютой и женою начальника существовали натянутыя отношенiя. Обѣ красивыя, молодыя и изящныя, онѣ соперничали въ губернскомъ обществѣ и, естественно, Васюта завидовала Вѣрѣ и не любила ее, такъ какъ подъ часъ чувствовала свою зависимость и ея превосходство.

Понизовскую приняли дружески, хорошо. Вѣра обрадовалась гостьѣ, цѣловала, обнимала и корила за забвенiе. Ольга Сергѣевна оправдывалась, ссылаясь на занятiя, на нездоровье, но Вѣра продолжала, смѣясь:

— И теперь пришли по дѣлу... Просить за кого нибудь?... Правда?

— Правда! Угадали!

Баронесса приказала подать кофе, усадила Понизовскую на диванъ и сердечнымъ тономъ разспрашивала, что надо сдѣлать.

— Какъ я рада, что могу въ чемъ либо помочь вамъ... то есть, конечно, вашему protegé. Для себя—вы никогда не просили бы!

— Ничего мнѣ не нужно, Вѣра...

— Все то вы работаете, дорогая... Переводите...

— Есть еще силы... Не хочу быть въ тягость.

— Вы то—въ тягость! Имѣть такую мать, такого друга! Ахъ, какъ часто я васъ вспоминаю... Знаете,—продолжала молодая женщина, задумчиво прищуривая глаза,— бывало скажете вы что нибудь, такъ, мысль, опредѣленiе, результатъ наблюденiя—будто прошло незамѣтно, а между тѣмъ, нѣтъ... Остался слѣдъ. Благотворный слѣдъ! И вотъ, встрѣчается фактъ, не знаешь какъ отнестись, какъ поступить—вдругъ вспомнится ваше слово... О, милая, дорогая, какъ поучительны были всѣ эти молодые горячiе споры!

— А современная молодежь порицаетъ ихъ!—съ горечью

вырвалось у Понизовской.—По ихъ мнѣнію, все это была болтовня, ненужная и вредная.

— Можетъ быть они и правы, но... эти споры формировали людей, дѣлали ихъ болѣе отзывчивыми, чуткими...

Понизовская замѣчала, что говоря о прошломъ, Вѣра нерѣдко упоминаетъ о мужѣ, но не могла понять: искренно или съ умысломъ хвалитъ она барона. Въ интересахъ Рахимова для нея очень важно было знать правду.

Мало по малу, онѣ разговорились о дѣлѣ Бориса. Его фамилію и національность Ольга Сергѣевна не называла, зная по опыту, что это было бы неосторожностью.

Вѣра горячо заинтересовалась жизненною драмой и быстро разспрашивала о подробностяхъ. Въ это мгновенье въ комнату вошелъ баронъ.

— Не помѣшалъ я вамъ?—любезно освѣдомился Зегемель.—Я сейчасъ ѣду въ судъ и хотѣлъ проститься съ тобою, Вѣра.

— Нисколько не помѣшалъ! Ты даже нуженъ намъ, Жоржикъ... Очень нуженъ. Ахъ, да, вѣдь вы незнакомы?

Вѣра представила другъ другу мужа и Понизовскую, и Ольга Сергѣевна теперь могла замѣтить, что молодая женщина не только любитъ мужа, но и гордится имъ. Эти чувства свѣтились во взорѣ, звучали въ голосѣ.

„Счастливые, они скорѣе поймутъ чужое горе!“ подумала Понизовская.

— Мы не знакомы, правда, заговорилъ баронъ, — но я знаю васъ давно и хорошо знаю. О, сколько разъ меня побивали вашимъ авторитетомъ, ставили васъ въ примѣръ, корили, даже стращали вами!

— Когда ты того стоилъ, Жоржикъ! Но это было давно, давно...

— А теперь исправился?

Баронъ поцѣловалъ руку жены и на Понизовскую пахнуло атмосферой здороваго счастья, счастья, основаннаго на взаимномъ пониманіи.

— Слушай, Жоржъ, есть къ тебѣ дѣло! Ты можешь помочь симпатичнымъ людямъ.

— Которые однако совершили преступленіе?

— Понятно! Но ты послушай *какое*... Мотивы какіе! Ни корысти, ни злобы...

Вѣра начала было разсказывать, но спуталась и обратилась за помощью къ Понизовской.

Ольга Сергѣевна, слѣдившая за ея разсказомъ, подхватила недоконченную фразу и продолжала:

— Дѣвушка хорошей фамиліи полюбила бѣдняка; браку препятствовали. Она поѣхала заграницу и вернулась съ чужимъ паспортомъ. Поселилась съ нимъ, съ любимымъ человѣкомъ и съ его матерью.

— Ага, проживательство по чужому виду!...

— Ты слушай дальше, Жоржикъ...

— Ребенокъ родился, понижая голосъ продолжала Понизовская.—Счастливы они были безгранично, но стряслась бѣда. Узнали Раису случайно, донесли—и вотъ она въ тюрьмѣ.

— И все чего просятъ,—вмѣшалась Вѣра,—это свиданія. Ты можешь, Жоржикъ... Ты сдѣлаешь... Да? я понимаю его положеніе! Бѣдный! Ради него, изъ любви къ нему, Раиса принесла жертву—и вдругъ онъ на свободѣ, а она, героиня, въ тюрьмѣ! Ты вѣдь устроишь, чтобы имъ дали свиданіе? Я такъ и сказала! Я знала...

— Да, да, конечно,—быстро отвѣчалъ баронъ, тронутый разсказомъ.—Пусть этотъ господинъ завтра... нѣтъ, даже сегодня зайдетъ ко мнѣ. Я сдѣлаю все...

— Какъ мнѣ благодарить васъ...

Вѣра радостно глядѣла на мужа и на Понизовскую. Она какъ бы хотѣла сказать: „видишь, какой онъ!“

Съ дѣловитымъ выраженіемъ баронъ вынулъ записную книжку.

— Потрудитесь сказать мнѣ его фамилію... Я буду знать... Прикажу принять...

— Борисъ Соломоновичъ Рахимовъ...

— Еврей?—отрывисто спросилъ баронъ.

Фонды Бориса разомъ упали. Это почувствовала не только Понизовская, но и Вѣра, вся вспыхнувшая и въ упоръ смотрѣвшая на мужа.

— Еврей!—отвѣчала Ольга Сергѣевна, такимъ образомъ, какъ будто хотѣла напомнить, что это—человѣкъ, что національность здѣсь безразлична.

— Еврей?—протянулъ баронъ.—Да, да, я слышалъ объ

этомъ дѣлѣ. Но тутъ, мнѣ кажется, нѣчто другое, болѣе сложное... Я думаю, вамъ не все извѣстно. Мнѣ передавали...

Въ голосѣ Зегемеля слышалось порицаніе. Онъ какъ бы хотѣлъ подчеркнуть, что его желали подвести, воспользоваться знакомствомъ.

Понизовская и Вѣра переглянулись, и молодая женщина покраснѣла еще больше.

— Въ такихъ дѣлахъ надо быть очень и очень осторожнымъ,—продолжалъ баронъ оффиціальнымъ тономъ.—Вы не знаете, на что способны эти люди!...

— Ольга Сергѣевна хорошо знакома съ тѣмъ, за кого проситъ!—сурово напомнила Вѣра.—Она говоритъ, что г. Рахимовъ вполнѣ порядочный человѣкъ, она передавала въ чемъ все дѣло.

Баронъ заметался какъ человѣкъ, которому приходится и оправдываться и обвинять. Онъ отлично зналъ, что туманныя фразы и общія мѣста—лучшія орудія и, съ легкою насмѣшкой, какъ мужчина, объясняющій женщинамъ то, чего тѣ уразумѣть неспособны, сказалъ:

— Къ несчастію, я знаю эту націю... Хорошо знаю! Я живалъ въ юго-западномъ краѣ... Мнѣ приходилось...

Но Вѣра не выдержала. Она встала и, пылко, какъ человѣкъ, защищающій завѣтныя убѣжденія, заговорила:

— Ничего, ничего не понимаю! Кто обвиняется? Русская дѣвушка, изъ любви къ еврею сдѣлавшая преступленіе. Такъ! Чего просятъ? Правосудія и милости. Просятъ дать свиданіе людямъ, истомившимся въ разлукѣ... Такъ! Ты понялъ, пожалѣлъ, ты согласился разрѣшить свиданіе, но вдругъ узналъ, что Рахимовъ—еврей, и ты сталъ иначе относиться къ дѣлу! Это ужасно... Это не...

Баронъ точно испугался, что она вымолвитъ бичующее опредѣленіе, что одно слово можетъ обострить разговоръ и тоже всталъ.

— Не волнуйся, Вѣра... Я прошу...

— Да нельзя же такъ, нельзя!—съ прежнею горячностью продолжала молодая женщина.—Зачѣмъ эта узкая озлобленность, это огульное недовѣріе? Зачѣмъ *ты* такъ относишься? Я вовсе не поклонница какой-нибудь націи, но меня возмущаетъ несправедливость. Эта дѣвушка, Раиса кажется, полюбила, отказалась отъ рода и племени, отъ состоянія, все, все къ чему привыкла—къ ногамъ Рахимова положила... Значитъ стоилъ онъ такой любви. А вы сейчасъ подозрѣваете корысть со стороны Рахимова, „кагалъ" приплетаете... начинаете говорить, что въ юго-западномъ краѣ есть евреи-гешефтмахеры... Да у насъ, въ Курской губерніи, прасолы и ростовщики—кровные русаки, но меня, тоже курскую, ты не боялся женою назвать... Виновата эта дѣвушка, вѣрно! Развѣ я отрицаю, спорю?... Но въ чемъ виновата? Съ чужимъ паспортомъ жила... выдавала себя за еврейку! Ха, ха, преступленіе! Не княжна, не графиня, а дочь гонимаго народа... Выгода великая, подумаешь... Ну и судите за это, а зачѣмъ сейчасъ изъ за національности невиннаго человѣка подозрѣвать. И потомъ мы же, мы, русскіе, удивляемся, что они—не сливаются съ нами! Экое лицемѣріе! Только на почвѣ равенства и справедливости можно слиться, можно...

Вся пылая и волнуясь, высказывала Вѣра мужу все то, что думала Понизовская, но чего, конечно, сказать не имѣла права. Многое было посѣяно тогда еще, въ долгіе вечера, когда молодежь собиралась у Ольги Сергѣевны и въ теоріи рѣшала соціальные вопросы, многое явилось потомъ какъ результатъ широкаго образованія и начитанности.

Забывая о присутствіи Понизовской или не придавая ему значенія, Вѣра говорила, какъ поражаетъ ее общее отношеніе къ евреямъ даже со стороны людей интеллигентныхъ, приводила яркіе примѣры несправедливой оцѣнки и той пристрастной подозрительности, которая, естественно, подливаетъ масло въ огонь.

— Обманетъ насъ русскій человѣкъ, злимся, возмущаемся, но не винимъ всю націю за поступокъ одного, а если обманетъ еврей—фраза готова, банальная, дикая фраза: „чего же ожидать отъ жида! Такой народецъ!" Такъ и тутъ... Полюби Раиса гимнаста, клоуна, турка—ничего! Посмѣялись бы пожалуй и только! Но здѣсь... еврея полюбила! О, конечно, онъ самъ вмѣстѣ съ пресловутымъ кагаломъ истязалъ русскую дѣвушку, требуя ея любви! Ха, ха, можетъ быть даже кровь ея пилъ...

— Съ тобою говорить нельзя, Вѣра.

— Да, нельзя, если вмѣсто правды проповѣдуютъ кривду, если вы судите не человѣка, а національность, если правое для одного — дѣлается неправымъ для другого! И вы еще

обвиняете еврея за его несимпатичное отношенiе къ гоямъ... Да кто-жъ, кто поддерживаетъ эту племенную вражду, кто виноватъ: сильный или слабый? Я русская, я люблю родину,— горячо заключила Вѣра, — но если въ моемъ отечествѣ обращались бы со мною, какъ съ безправнымъ существомъ, я не могла бы любить родину! Погоди, погоди, два слова!— быстро добавила она, какъ бы предвидя возраженiе.

Но баронъ успѣлъ таки вымолвить короткую фразу, навѣянную газетами.

— Если здѣсь, въ Россiи, имъ такъ дурно, то что же ихъ держитъ?

— Жоржъ! Ты точно нарочно говоришь сегодня самыя ужасныя вещи... Кто держитъ? Необходимость! Я помню случай,—говорила Вѣра, обращаясь къ Понизовской, но желая убѣдить мужа,—одинъ мальчикъ... сынъ самодура прасола... Отецъ не хотѣлъ давать ему образованiя и въ то же время называлъ неучемъ... невѣждою. Добрые люди совѣтовали: бѣги изъ дома... сдѣлайся человѣкомъ! И никто не могъ понять, что мальчику некуда дѣться!.. Слова... слова... слова!

Долгiй споръ окончился такъ, какъ кончается большинство русскихъ споровъ, т. е. ничѣмъ... Баронъ и Вѣра высказывали свои мнѣнiя, призывали въ судьи Понизовскую, но когда Зегемель вспомнилъ, что ему пора на службу, простился и ушелъ, Ольгѣ Сергѣевнѣ показалось, что Вѣра недовольна всей этой исторiей.

Молодая женщина нервно кусала губы и быстро ходила по комнатѣ.

— Я доставила вамъ неудовольствiе, Вѣра... Простите.

— Полноте, дорогая! Не въ томъ дѣло. Досадно, что я не такъ взялась какъ нужно! Вѣдь они, господа дѣятели и властелины—самостоятельны, но... но если бы наши женщины были гуманнѣе и образованнѣе, если бы, отправляя дѣтей въ школу, онѣ не совѣтовали имъ не дружить съ евреями, не повторяли бы передъ дѣтьми пошлыхъ и банальныхъ фразъ, если бы жены и сестры щеголяли не только показнымъ развитiемъ, о, повѣрьте, Ольга Сергѣевна, недостойная травля слабыхъ сильными давно прекратилась бы. Вспомните, чего мы, женщины, успѣли добиться въ смыслѣ самостоятельности за 20—30 лѣтъ... Сравните права дѣвушки или женщины въ соцiальномъ отношенiи въ 62 и 92 году!

Тогда—мы были рабынями, теперь—подруги или равносильныя работницы... Чѣмъ достигнута побѣда? Фактами! Мужчины писали горячiя статьи, мы—дѣйствовали... Такъ и тутъ должно быть... Я не питаю никакого пристрастiя къ тому или другому народу, я только говорю: вы, подчеркивающiе свою вѣротерпимость, будьте справедливы!... Только справедливы! И это наше женское дѣло—воспитывать гуманность въ дѣтяхъ, братьяхъ и мужьяхъ!

Разставаясь съ Вѣрой, Понизовская горячо обняла ее.

„Да, на хорошую почву упали сѣмена былыхъ разсужденiй... Побольше бы такихъ скромныхъ, но стойкихъ женъ и матерей! Какая невидимая, но могучая польза принесется ими, какимъ добрымъ словомъ помянетъ ихъ исторiя“—думала Ольга Сергѣевна, торопясь къ Борису, ожидавшему исхода ея миссiи.

XI.

Свиданiе Рахимову разрѣшили и, къ величайшему неудовольствiю Агѣева, баронъ самъ просмотрѣлъ все дѣло Раисы Столбенской и вывелъ заключенiе въ пользу подсудимой.

Для Николая Андреевича это былъ двойной ударъ. Во первыхъ, его компетентность и справедливость являлись какъ бы поколебленными въ глазахъ барона, а во-вторыхъ— ему было страшно досадно, что нельзя „притянуть жида“.

Прямыхъ основанiй къ обвиненiю Рахимова не существовало, но Агѣевъ былъ убѣжденъ, что Борисъ виноватъ и только со свойственною своему племени „юркостью и вороватостью“, умѣлъ скрыть концы въ воду. Виноватъ тутъ былъ и пресловутый „кагалъ“, всегда и ко всему пристегиваемый проницательными людьми, а мотивъ всего дѣла— была, конечно, корысть, а любовь явилась только флагомъ, прикрывавшимъ преступленiе.

Въ такомъ тонѣ Агѣевъ сообщилъ барону сущность дѣла и вдругъ, ни съ того ни съ сего, Зегемель самъ пожелалъ прочесть все и высказался совершенно въ обратномъ смыслѣ. Николай Андреевичъ былъ увѣренъ, что здѣсь есть интрига, что его нарочно „подвели“, но не могъ понять: кто постарался подставить ему ножку.

Само собою разумѣется, онъ не зналъ о томъ, что Пони-

зовская была у Вѣры, и не предполагалъ, что молодая женщина позволила себѣ вмѣшаться въ дѣло. Замѣчая, что баронъ относится симпатично къ Раисѣ Столбенской, Агѣевъ готовъ былъ подозрѣвать, что на Зегемеля оказали давленіе... Взятки—баронъ не возьметъ, женскою красотою—не увлечется, но кто же не знаетъ, что „жиды“ на все способны...

. . . .

. . . .

Дѣло Раисы Столбенской возбудило очень большой интересъ въ населенномъ губернскомъ городѣ, тѣмъ болѣе, что въ качествѣ защитника долженъ былъ явиться знаменитый адвокатъ, прославившійся на Кавказѣ въ одномъ процессѣ, имѣвшемъ принципіальное значеніе. Тамъ ему приходилось научно, исторически и литературно опровергать дикую басню, созданную невѣжествомъ, но басню, изъ за которой гибли и теперь еще гибнутъ люди. Вѣковое заблужденіе при удобномъ случаѣ оживаетъ и пустой сравнительно фактъ пріурочиваютъ къ религіозной обрядности, раздувая страсти.

Раиса покойно ожидала дня суда. Смерть ребенка, разлука съ Борисомъ и мучительная жалость къ старухѣ Саррѣ притупили чувство эгоистическаго страха. Какая бы кара закона ни грозила ей—Раисѣ было безразлично. Тяжелѣе того, что она вынесла—не будетъ. Горше пережитаго—не выдумаешь.

Если молодая женщина печалилась, то только за Бориса. Она знала отъ защитника, что Рахимову придется играть на судѣ тягостную роль свидѣтеля, которому ни въ чемъ не вѣрятъ, знала, что гордый, честный и правдивый Борисъ будетъ страдать, и винила себя.

Она желала оградить его отъ участія въ преступленіи и невольно поставила любимаго человѣка въ положеніе лжеца.

Блѣдная и исхудавшая сидѣла она на скамьѣ обвиняемыхъ, смущаясь подъ взорами любопытныхъ. Старуха Сарра тихо плакала, но Раиса какъ бы застыла, какъ бы не сознавала происходившаго.

Преступницы не опровергали своей вины и просто, искренно объясняли свершенный проступокъ.

— Я много думала, я совѣтовалась съ юристами заграницей,—между прочимъ, сказала Раиса,—и нашла, что другого исхода нѣтъ. Мнѣ достали паспортъ Рахили Зандерсъ

и я съ нимъ пріѣхала въ Россію, надѣясь, что меня не узнаютъ.

— И вы жили внѣ брака съ г. Рахимовымъ?

— Мы были обвѣнчаны по закону его религіи!

Въ публикѣ замѣтно было движеніе. Прокуроръ ядовито усмѣхнулся и сдѣлалъ отмѣтку. Слова подсудимой давали богатый матеріалъ и онъ имъ съумѣлъ воспользоваться. Всѣ правдивые отвѣты Раисы и Сарры естественно принимались какъ выгораживанье Бориса и возбуждали недовѣріе. Можно ли допустить, что Рахимовъ не былъ участникомъ, если даже не подстрекателемъ.

Рѣчь обвинителя, талантливая и грозная, произвела удручающее впечатлѣніе. Точно ураганъ промчался, оставляя за собою полное опустошеніе и смерть. Точно вывернули душу человѣка и заглянули во всѣ ея тайники при своеобразно мрачномъ освѣщеніи.

Борисъ съ отчаяньемъ глядѣлъ на защитника. Всякая надежда умирала въ его сердцѣ. Сибирь... ссылка!..

О, какъ дорого пришлось заплатить Раисѣ за свое недолгое счастье... О, если бы онъ только могъ это предвидѣть... Лучше бы она оплакивала его, мертваго, чѣмъ ему придется оплакивать ее, живую...

Раздалась рѣчь защитника. Всѣ зашевелились, стали слушать внимательнѣе.

Призывъ къ возмездію смѣнился призывомъ къ снисхожденію; вмѣсто мрачнаго освѣщенія—явился смягчающій колоритъ и тѣ же факты, тѣ же событія получали иной характеръ.

Долго, хорошо и удивительно сердечно говорилъ ораторъ.

Не отрицая фактовъ, защитникъ указывалъ на мотивы, на подкладку преступленія, и въ красивыхъ выраженіяхъ упоминалъ о разныхъ литературныхъ типахъ, о героиняхъ, во имя любви свершавшихъ подвиги и проступки.

— Нѣтъ исторіи печальнѣе исторіи Ромео и Джульеты,— говорилъ ораторъ, между прочимъ. — Не имѣя права на счастье, они рѣшились умереть, но развѣ подсудимая не обрекла себя на смерть, на гражданскую смерть, отказываясь отъ всего, что ей было дорого, во имя любви къ чужанину? Развѣ не любовь заставила ее бросить и родину, и домъ, и даже свое дворянское имя? Гонимый, онъ сталъ ей дороже

преслѣдующихъ, безправный, онъ сдѣлался ея господиномъ. Бываютъ историческіе моменты, когда нельзя пользоваться своимъ преимуществомъ, и подсудимая говорила здѣсь, что на пепелищѣ разрушенныхъ еврейскихъ лачугъ, почти на завтра послѣ бурныхъ сценъ разгрома, она *не могла* согласиться, чтобы ея избранникъ отказался отъ своей религіи... Но она любила... она жаждала счастья, и вотъ, принося вредъ только себѣ, рѣшилась...

Дамы плакали, слушая проникновенную рѣчь оратора, и даже мужчины были побѣждены его логикой, его умѣлой и прочувствованной оцѣнкой фактовъ, представлявшихся теперь совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ. Правда, губернскіе остряки перешептывались: защитникъ, молъ, добросовѣстно *отрабатываетъ* свой крупный гонораръ, и снова повторяли басню „о кагалѣ“, который будто бы „подкупилъ“ присяжныхъ, но... ледъ былъ сломанъ...

Вмѣсто слѣпого озлобленія, стали относиться къ дѣлу съ желаніемъ понять истину, и то, что вчера еще казалось „возмутительнымъ преступленіемъ“, теперь называлось увлеченіемъ и легкомысліемъ.

Анализируя психологически проступокъ Раисы, защитникъ, между прочимъ, сказалъ:

— Столбенская полюбила, полюбила впервые, съ тѣмъ страстнымъ увлеченіемъ и героизмомъ, которые свойственны русской натурѣ, но ея избранникъ готовъ былъ бѣжать отъ счастья. Принять ея жертву—онъ не хотѣлъ, принести жертву—не могъ... Но кто изъ васъ, господа, не испыталъ, какимъ могучимъ двигателемъ является любовь? Кто не знаетъ, что, видя дорогое, любимое существо унижаемымъ, хочется умалиться самому, лишь бы вознести его на ту высоту, на которой онъ долженъ стоять! Любовь толкнула подсудимую на скользкій путь обмана, и все послѣдующее—неизбѣжныя послѣдствія перваго шага. Неужели за любовь ея вы бросите въ нее камень?

Публика рукоплескала оратору, умѣвшему разбудить душу присяжныхъ, и когда старшина, послѣ недолгаго перерыва, вышелъ съ вердиктомъ въ рукахъ—всѣ замерли.

— Невиновна!—громко и отчетливо раздалось въ залѣ.

— Невиновна!—прозвучало великое слово и по отношенію къ Саррѣ.

Громъ рукоплесканій, звонокъ предсѣдателя, и отдѣльныя бранчивыя замѣчанія, вмѣстѣ съ тихими рыданіями Раисы—все слилось въ общій шумъ.

Рахимовъ рванулся къ скамьѣ подсудимыхъ и упалъ на колѣни, обнимая Раису и мать, выстрадавшихъ такъ много изъ за любви къ нему.

— Вы оправданы.!. Можете идти!..—объявилъ предсѣдатель, обращаясь къ подсудимымъ.

Жизненная драма окончилась. Одни изъ присутствовавшихъ вздохнули свободнѣе, другіе... но объ этихъ другихъ не хотѣлось бы и думать...

Въ тотъ же день Рахимовъ и Раиса уѣхали за границу.

Процессъ Столбенской и, главное, оправданіе „преступницы“, возбуждало горячее негодованіе Агѣева. Онъ не могъ примириться съ мыслью, что Раиса останется не наказанной, и съ плеча, огуломъ бранилъ и законъ и его представителей.

Между зятемъ и тещей произошелъ жгучій споръ и, какъ это часто бываетъ именно съ „воспитанными“ людьми, они довольно рѣзко высказывали свои мнѣнія, въ то же время характеризуя другъ друга въ далеко не лестномъ смыслѣ.

Нравственная рознь, которую оба они маскировали, оберегая семейный покой, сказалась таки; оставаться подъ одною кровлей стало невыносимо...

Понизовская уѣхала изъ дома Агѣева, и когда знакомые спрашиваютъ: отчего maman не живетъ съ ними, Николай Андреевичъ пожимаетъ плечами и говоритъ:

— Теща, знаете... О, Ольга Сергѣевна прекрасная женщина, но все таки... теща!..

Понизовская не бранитъ зятя, даже не порицаетъ его. Она знаетъ, что каждому овощу полагается свое время, знаетъ, что ростъ такихъ овощей зависитъ отъ атмосферы, но... но ей ужасно жаль маленькаго внучка, который ростетъ подъ вліяніемъ тѣхъ же тенденцій вражды и обособленности.

Но старая идеалистка вспоминаетъ Вѣру и ей становится легче. Она не сомнѣвается, что женщины могутъ смягчить нравы, и вездѣ, всегда проповѣдуетъ свою любимую идею.

Столбенской удалось получить наслѣдство послѣ отца. Она учредила нѣсколько стипендій въ университетѣ, а на

остальныя деньги устроила колонію въ Америкѣ, съ больницами, школами и пріютами.

Пріѣзжающіе изъ Россіи встрѣчаютъ въ домѣ Рахимова и привѣтъ, и помощь, и доброе слово.

К. Назарьева.

Изъ дневника Неплюйскаго обывателя.

(11-го апрѣля 1891—14-го іюля 1892).

11-го апрѣля.—Сегодня со мною случилось то же, что и съ Щедринскимъ Крамольниковымъ. Какъ онъ, я проснулся рано утромъ и, ухватившись за газету, явственно ощутилъ, что я больше не существую, что я уже болѣе не жилецъ тутъ, въ Неплюйскѣ. Въ первыя минуты я ничего не могъ понять. Я подходилъ къ зеркалу, осматривалъ себя съ ногъ до головы — и недоумѣвалъ: снаружи какъ будто во мнѣ не произошло никакой перемѣны, все мое физическое бытіе не измѣнилось ни на одну іоту, какъ будто я тотъ же прежній неплюецъ со всѣми присущими неплюйцу аттрибутами, съ „лежащимъ на всѣхъ неплюйскихъ особымъ отпечаткомъ“. Но внутренній голосъ, а главное, газета, за которую я такъ жадно ухватился сейчасъ по пробужденіи, безапелляціонно говорила, что для Неплюйска мое бытіе превращено въ небытіе, что Неплюйскъ умеръ для меня и я умеръ для Неплюйска. Да, я умеръ... но еще не похороненъ.

Такъ какъ сегодня первый день Пасхи — великій день, въ который Іегова вывелъ меня изъ Египта и привелъ сюда, на сѣверъ, то я и отправился въ синагогу вознести Господу Богу свою задушевную молитву. И не успѣлъ я переступить порогъ синагоги, какъ стройный хоръ пѣвчихъ встрѣтилъ меня словами: „Нѣтъ, я не умру, а вѣчно буду жить, повѣствуя о дѣлахъ Господа!...“ Недоумѣніе мое стало еще больше: то пишутъ, что я умеръ, а то поютъ, что я не только не умеръ, но даже вѣчно буду жить...

21-го апрѣля.—Нѣтъ, а все-таки я умеръ... Вотъ ужъ я десять дней бьюсь съ этой загадкой, все колеблюсь между жизнью и смертью, бытіемъ и небытіемъ—теперь же это какъ будто такъ ясно для меня, что и сомнѣваться больше нельзя. Во 1-хъ, настоящіе живые люди, не сомнѣвающіеся въ своемъ бытіи, встрѣчая меня на улицахъ, безконечно удивляются, сторонятся отъ меня и въ недоумѣніи спраши-

ваютъ: „вы еще здѣсь? вы еще по улицамъ шляетесь? Вѣдь въ газетахъ сегодня „извѣщаютъ друзей и знакомыхъ“, что вы умерли, и что о днѣ похоронъ „будетъ объявлено особо“... Что-же вы тутъ дѣлаете?“ И дѣйствительно, во всѣхъ газетахъ, не только мѣстныхъ, но и всего міра, громогласно объявлено о моей скоропостижной смерти, повсюду пишутся некрологи, вездѣ служатъ панихиды, повсюду готовятся къ моимъ похоронамъ, а нѣкоторые земляки мои точатъ уже свои зубы, предвкушая сладость тѣхъ блюдъ, которыя подадутъ па моихъ поминкахъ... Ну, можно-ли послѣ этого сомнѣваться?..

Далѣе, въ моей смерти убѣждаютъ меня „Передовыя Вѣдомости“... А знаете-ли вы, что такое „Передовыя Вѣдомости“? Если Москва—сердце Россіи, то „Передовыя Вѣдомости“—мозгъ ея. Это—арсеналъ мудрости, цвѣтъ интеллигенціи, квинтъ-эссенція либерализма, сливки профессуры, литературы и культуры. И что-же? Для „Передовыхъ Вѣдомостей“ я не только умеръ, но какъ будто совсѣмъ никогда и не существовалъ, какъ будто никогда меня и не было на бѣломъ свѣтѣ. Моя хата съ краю—я ничего не знаю. У насъ, молъ, свои задачи, а по отношенію къ „инородцамъ“ (къ самоѣдамъ, лопарямъ, камчадаламъ и евреямъ) мы держимся политики невмѣшательства и невмѣшательства въ политикѣ — благо оно и спокойно, и, если хотите, либерально. Правда, Лассаль тоже инородецъ, а все-таки теоріей Лассаля вы не только не брезгаете, но занимаетесь, и даже очень усердно. Но то знамя, а то... fi donc!... „еврейскій вопросъ“. Ахъ, господа, снимите ваши академическія тоги и покажитесь въ настоящемъ свѣтѣ! Вотъ ваши коллеги-юристы—тѣ не стѣсняются и искренно говорятъ то, что думаютъ, и думаютъ то, что говорятъ. А то, согласитесь, капиталъ пріобрѣсти и невинность сохранить—это принципъ, совсѣмъ не идущій къ лицу носителей культуры, просвѣщенія и гуманности.

1-ое мая.—Всегда, въ этотъ день, я отправлялся in's Grüne. Но теперь открылось новое мѣсто „гулянья“: вокзалы желѣзныхъ дорогъ. Тутъ живые неплюйцы устраиваютъ своимъ землякамъ торжественные проводы. Стоны, слезы, крики, истерики безъ конца... Да, должно быть, это—смерть, ибо такъ провожаютъ и оплакиваютъ только покойниковъ.

Я осмотрѣлъ толпу и еще болѣе убѣдился, что небытіе мое рѣшено безповоротно. Я приговоренъ къ смерти, къ постепенной смерти. Это—агонія sui generis... И въ душѣ я позавидовалъ тѣмъ, чья агонія уже кончилась, тѣмъ, которые уже похоронены вотъ въ этомъ вагонѣ 3-го класса, и которыхъ мы провожаемъ па вѣчный покой. А мнѣ, такому же мертвецу, мнѣ еще предстоитъ, подобно тѣни, безцѣльно бродить по улицамъ, вызывать удивленіе всѣхъ живыхъ моихъ земляковъ; мнѣ еще предстоятъ цѣлые мѣсяцы мучительной агоніи, постепеннаго умиранія, пока, наконецъ, не пробьетъ и мой часъ...

Локомотивъ рѣзко свиснулъ, и поѣздъ помчался. Куда?... „На родину!“ Точно древнихъ аристократовъ, имѣющихъ свои фамильные склепы, всѣхъ ихъ отправляютъ „на родину“—на родину, въ которой большинство не родилось, никогда не бывало, но къ которой души (ревизскія) крѣпко приписаны и припечатаны.

Іюнь.—Вотъ уже два мѣсяца, какъ я ношусь съ моей загадкой, которой никто разрѣшить не можетъ: что со мною будетъ? Ношусь, колеблюсь, сомнѣваюсь... Эта мысль не даетъ мнѣ покою, она гвоздемъ засѣла въ моемъ мозгу, и оттуда ея дубиной не вышибешь. Колеблюсь, думаю, гадаю, сомнѣваюсь, хотя, по всѣмъ видимостямъ, мнѣ вовсе и не слѣдовало бы сомнѣваться. Прошелся, напримѣръ, я сегодня по нашей улицѣ: все опустѣло, какъ будто въ этомъ мѣстѣ прошелъ непріятель. Заколоченныя лавки, точно трупы, смотрятъ па васъ своими ярлыками съ надписью „отдается“. А въ этихъ лавкахъ-трупахъ недавно вѣдь копошились такіе же люди, какъ я, копошились, трудились, волновались, боролись, и сердце ихъ билось надеждой, и кровь текла по ихъ жиламъ живой струей—а теперь „разверзлась темная пропасть и поглотила ихъ“... И я также стою на краю этой пропасти, и та же сила толкаетъ меня, а я все еще сомнѣваюсь. Смѣшно!...

14 іюля.—Сегодня всѣ мои сомнѣнія, наконецъ, разрѣшены. 11-го апрѣля объявлено было о моей смерти, а сегодня, наконецъ объявлено о днѣ моего погребенія. Отнынѣ я больше уже не сомнѣваюсь. Я умеръ, и maximum черезъ годъ меня похоронятъ. Ужъ сколько лѣтъ я все твержу: „въ Новый годъ записываютъ, а въ Судный день печатью закрѣпляютъ“;

теперь я убѣдился, что 11-го апрѣля записывають, а 14-го іюля печать прикладывають. Новая эра наступила для меня, я начинаю вести свое лѣтосчисленіе съ 14-го іюля. Что-жъ? Знаменитыя „права человѣка и гражданина“ тоже ведутъ свое начало съ 14-го іюля.

Lerne leiden ohne zu klagen... Припоминается мнѣ въ данную минуту величавый и симпатичный образъ несчастнаго императора, прикованнаго къ своей постели коварнымъ, безжалостнымъ недугомъ. Вотъ онъ сидитъ, нѣмой и неподвижный, чувствуя, какъ слабѣютъ силы, гаснетъ энергія, кончается жизнь. Цѣлая буря встаетъ въ его головѣ. Онъ видитъ любящій и уповающій на него народъ, онъ видитъ манящіе его къ себѣ необозримые горизонты, онъ видитъ безпредѣльное поле дѣятельности—все зоветъ его къ себѣ... Но недугъ, безжалостный и равнодушный, парализовалъ его члены, убилъ его силы, погасилъ свѣтъ его жизни. И хочется ему открыть предъ всѣми свою истерзанную душу, раскрыть всѣ муки, всѣ страданія, все, что накипѣло въ изстрадавшейся душѣ... Но безжалостный недугъ лишилъ его и этого утѣшенія, лишилъ его самой дорогой для мыслящаго существа способности — способности говорить, передавать другимъ свои мысли и чувства. Безпомощно хватается онъ за клочекъ бумаги, и слабѣющая рука его судорожно выводитъ полную драматизма фразу: lerne leiden, ohne zu klagen!...

16-го іюля.—Классификація, какъ извѣстно, одна изъ самыхъ трудныхъ частей всякой науки. Зоологи и ботаники вѣчно спорятъ между собою, какъ лучше классифицировать свой матеріалъ... А между тѣмъ, оказывается, это — операція самая что ни на есть плевая. Посмотрите, въ самомъ дѣлѣ, какъ скоро, легко и удобно разсортированъ классъ особей, къ которымъ принадлежу я, неплюйскій обыватель. И какой простой и, главное, естественный principium divisionis! По мѣсяцамъ... Чего проще? Всей этой группѣ людей предопредѣленъ путь для годового движенія по зодіаку, между созвѣздіями Льва, Рыбъ, Рака, Скорпіона, Тельца и проч. И будутъ они всѣ плавно передвигаться по разъ намѣченной эклиптикѣ, не поворачиваясь и не останавливаясь, зная напередъ, къ какому созвѣздію пріурочено движеніе каждаго изъ нихъ. И никакой путаницы, никакого

безпорядка не предвидится: наступитъ Козерогъ — и потянутся козероги, настанетъ Водолей—и поплетутся водолеи, взойдетъ Ракъ — и поползутъ раки... Каждый знаетъ свое время въ кругѣ общаго движенія; каждый имѣетъ свой ярлыкъ, опредѣляющій его мѣсто въ классификаціонномъ ряду, и когда теперь встрѣчаются между собою особи этой породы, то не спрашиваютъ болѣе другъ друга, какъ имя и отчество, а освѣдомляются только, кто козерогъ, кто водолей, и кто телецъ. Такъ и спрашиваютъ: „Вы изъ какихъ будете? Изъ козероговъ, или изъ раковъ?“ Новое лѣтосчисленіе, и новая номенклатура, хотя нѣкоторые по новизнѣ дѣла и по забывчивости своей часто путаются и употребляютъ еще старую терминологію. Такъ, сегодня же я встрѣтилъ одного такого разсѣяннаго субъекта, который прямо меня огорошилъ вопросомъ: „Вы кто? ерникъ [1] или полуерникъ?...“

Странно, право, смотрѣть на всѣхъ этихъ людей, которые, подобно обреченнымъ на смерть неизлѣчимымъ больнымъ, считаютъ минуты, часы и дни. Они прислушиваются къ монотонному ходу времени, отсчитываютъ каждое качаніе маятника, чувствуя, что каждое такое качаніе вырываетъ частицу ихъ бытія и приближаетъ ихъ къ невѣдомому и страшному небытію... Еще день прошелъ, еще одна недѣля, еще мѣсяцъ—и все ближе и ближе надвигается безпросвѣтный мракъ, который окутаетъ непроницаемой мглой все существо твое. Они ложатся спать, сознавая, что протекшій день истребилъ еще одну частицу ихъ скуднаго запаса, а утромъ, протирая глаза свои, они съ грустью и отчаяніемъ убѣждаются, что на стѣнномъ календарѣ оторванъ еще одинъ листокъ, и еще одна единица прибавилась къ цифрѣ, показывающей число мѣсяца... Смотрѣть на каждый закатъ солнца съ такими мыслями, встрѣчать каждую зарю съ такими думами, считать и считать, дни за днями, недѣли за недѣлями, видя предъ собой лишь темную пропасть, къ которой неотвратимая стихійная сила приближаетъ тебя каждую минуту, и въ которую, лишь пробьетъ извѣстный часъ, она ввергнетъ тебя съ роковой неизбѣжностью незыблемаго закона природы — вотъ какъ проводятъ жизнь эти отпѣтые

[1] Отъ нѣмецкаго слова Jahr—годъ.

люди, съ которыми я встрѣчаюсь! Ну, такъ скажите, пожалуйста, развѣ это не мертвецы?...

17 іюля.—Да, мертвецы, по странной случайности покоящіеся не въ холодныхъ могилахъ, а въ высокихъ каменныхъ домахъ. Расхаживая по улицамъ и разглядывая дома, лавки и магазины, вы безъ всякаго затрудненія можете различить, гдѣ живетъ настоящій обыватель, живой человѣкъ, несомнѣвающійся въ своемъ бытіи, и гдѣ на извѣстный только срокъ оставленъ полуживой, полумертвый скорпіонъ или козерогъ, не только сомнѣвающійся, но до очевидности убѣжденный, что его бытіе равняется небытію. Гюи де Моппассанъ въ своемъ прелестномъ разсказѣ „La morte“ удивляется, что живые люди нуждаются въ большихъ городахъ, широкихъ улицахъ и многоэтажныхъ домахъ, а бѣдные покойники довольствуются небольшимъ кладбищенскимъ полемъ съ узкими аллеями, въ которыхъ скучены тѣсныя и непомѣстительныя могилы. Оказывается, что это не всегда такъ, что нѣкоторые мертвецы, какъ напр. козероги и водолеи, также живутъ на широкихъ улицахъ и въ многоэтажныхъ домахъ. Пройдитесь по улицамъ — и вы то тутъ, то тамъ встрѣтите надгробные памятники такимъ покойникамъ, прочтите всѣ эти эпитафіи — и вы во-очію въ этомъ убѣдитесь. „Здѣсь покоится Хаимъ Ицковъ Хаимсонъ“, „здѣсь покоится Ицка Хаимовъ Ициксонъ“ „Здѣсь покоится Шмуиль Берковъ Шмуильсонъ“ — такъ гласятъ всѣ эти эпитафіи. Согласитесь, вѣдь все это надгробные памятники скоропостижно умершимъ обывателямъ и только по недоразумѣнію они очутились на широкихъ, залитыхъ асфальтомъ, городскихъ улицахъ, среди жилищъ никогда не унывающихъ и въ усъ себѣ не дующихъ обывателей. Да, это—мертвецы, отличающіеся отъ настоящихъ покойниковъ только тѣмъ, что они ощущаютъ свою смерть, чувствуютъ и сознаютъ свое небытіе. А жить мертвецомъ, чувствовать свою смерть, вѣчно носиться съ сознаніемъ своего небытія—это состояніе многимъ непонятно, но, должно быть, не изъ пріятныхъ...

25 іюля.—Mortuus... Если вы классикъ, то навѣрно знаете что „de mortuis aut bene, aut nihil“ имѣетъ двоякое значеніе: во 1-хъ, „чортъ ихъ возьми!“ а во 2-хъ, „и лежачаго бей!“ Люди чувствительные и сантиментальные, изъ категоріи

„Передовыхъ Вѣдомостей“,—тѣ придерживаются перваго толкованія. „Bene“—какъ-то неловко, ну, такъ пусть будетъ „nihil“, т. е. „чортъ ихъ возьми!... Но люди съ задоромъ и „здравымъ смысломъ“, безъ всякой примѣси природнаго добродушія,—тѣ придерживаются болѣе второго толкованія. Вы говорите „mortuus“? Такъ что-жъ, что mortuus?! И лежачаго бей! Лупи, жарь!.. И какъ лупятъ! Такіе похоронные марши, что небо съ овчинку покажется. И смѣшная же это музыка, право! Смѣшна потому, что не вполнѣ стиль и характеръ выдержанъ. Правда, общая тема „лупи и жарь!“ проведена отлично, но въ частностяхъ и варіаціяхъ нѣтъ— нѣтъ, а проглянетъ гдѣ-нибудь грустная, карманъ раздражающая нотка. Такъ насмѣшили меня сегодня „Неплюйскія Вѣдомости“. Эта старая шарманка, вѣчно напѣвающая избитыя „заказанныя“ піесы, все время барабанила и барабанила свои „marches funèbres“, а вдругъ взяла и пустила такое pianissimo, что мнѣ даже ухо рѣзнуло. „Никому-де нежелательно, чтобы въ еврейскомъ дѣлѣ страдали чисто русскіе интересы“. Слышите? Ошиблись, видно, въ разсчетѣ, воображали, голубчики, что на моихъ поминкахъ будетъ пиръ стоять горою, а блиновъ подадутъ, блиновъ, что слюнки потекутъ. Анъ—нѣтъ! На мѣсто блиновъ, оказалась колбаса изъ еловыхъ шишекъ, да сапоги въ смятку...

Слышится диссонансъ и въ другихъ сферахъ. Плотоядныя, которымъ съ каждаго обѣда моего доставались не только кости, но и хорошіе куски мяса, и даже очень жирнаго, также вмѣсто „Громъ побѣды раздавайся!“ какъ-то уныло Лазаря поютъ. „Какъ можно безъ нихъ?“ вопіютъ они хоромъ. „Вѣдь только покойниками и кормились. А теперь, совсѣмъ бѣда, на чай и сахаръ не хватаетъ“... Да и травоядныя, которыя всегда за однимъ столомъ со мной сидѣли и изъ одной со мною миски щи хлебали, — и тѣ какъ-то, понуривъ головы, мрачно глядятъ въ будущее... То же уныніе и въ „Управѣ испытаній“... Послѣдняя прежде меня въ бараній рогъ гнула, а теперь сама такъ согнулась и сократилась, что хоть столы и скамейки вонъ выноси. „Управа“ то осталась, да учить и экзаменовать не стало кого... Но всѣ эти плотоядныя и травоядныя, всѣ эти „испытатели“ и надзиратели просто избыткомъ добродушія и неуравновѣшенностью характера страдаютъ. Поучились бы у г. Шмакова—

вотъ это настоящій классикъ и цѣльная натура! „De mortuis— говорите вы? Да наплевать! И лежачаго бей! Non bis in idem— говорите вы? Да чего глядѣть-то! И три шкуры съ одного вола содрать можно! Лупи, жарь, не оглядывайся.“.. Вотъ это цѣльная натура и выдержанный характеръ!..

31-го іюля.—Тиша-бе-Абъ... Вечеръ. Въ синагогѣ темно... Амвонъ затянутъ чернымъ крепомъ. Молящіеся съ блѣдными траурными лицами, какъ-то съежившись, опустились на полъ. Меланхолическая тишина, перерываемая кой гдѣ глухимъ шепотомъ... Гулкимъ эхомъ раздается „На рѣкахъ Россійскихъ... то бишь Вавилонскихъ сидѣхомъ и плакахомъ“... Сердце сжимается отъ боли, и на глаза выступаютъ слезы. Слышится знакомый, душу надрывающій мотивъ:

Плачетъ она по ночамъ.
И слезы на глазахъ
Ни откуда нѣтъ спасенья...
Всѣ друзья ей измѣнили,
Стали вдругъ врагами злыми...
Смотрите, ищите,
Есть-ли гдѣ на свѣтѣ горе,
Что могло-бъ съ моимъ сравниться!...

О, нѣтъ, какъ видно, ничего новаго подъ луной, и исторія удивительно повторяется. Воображали-ли мои отдаленные предки, бытіе которыхъ въ этотъ злополучный день превратилось сразу въ небытіе, что ихъ дальній потомокъ, черезъ двадцать вѣковъ, очутится на берегахъ Неплюевки въ такомъ же оригинальномъ положеніи небытія. Воображалъ-ли и вдохновенный пророкъ, что всѣ стоны и крики его истерзанной души такъ близко подойдутъ къ душѣ Неплюйскаго обывателя 1891 года? Думалъ-ли я, обыватель Неплюйскій, что настанетъ день—и мнѣ придется лишь измѣнить географическое названіе, чтобы знаменитое „На рѣкахъ Вавилонскихъ“ такъ правдиво и жизненно гармонировало съ моимъ современнымъ бытіемъ?... Не воображалъ и не думалъ, а вышло такъ. Да, исторія глупо повторяетъ зады... А еще, въ утѣшеніе себѣ я написалъ „lerne leiden ohne zu klagen“. Вѣкъ—молъ—живи, вѣкъ учись! Какъ будто мало еще я учился, и мало меня добрые люди учили. Кажется, всѣ классы и инстанціи прошелъ, даже съ отличіемъ. Учился я и на рѣкахъ Вавилонскихъ, и на рѣкахъ Мадридскихъ, и

на рѣкахъ Парижскихъ, и на рѣкахъ Римскихъ... Ужъ кажется, на свѣтѣ такой рѣчки нѣтъ, такого болота даже, гдѣ меня не учили!... И возжами учили, и прутикомъ, и кнутикомъ, и всяческимъ манеромъ. Всѣ методы педагогическіе, всѣ системы воспитательныя на мнѣ испробованы были. Учили, учили, а теперь — опять учись, начинай съ азовъ, опять берись за грифельную доску и выразительное чтеніе: „Смирно сидѣть, не марать рукавовъ!“ Нѣтъ, господа педагоги, ученаго учить, что мертваго лѣчить — одна корысть! А я и ученый и мертвый вмѣстѣ...

22 августа.—Первый день мѣсяца Элула... Трубятъ въ рогъ, раздражающе трубятъ, и въ зловѣщихъ звукахъ мнѣ чуется что-то недоброе... Цѣлый мѣсяцъ трубить будутъ, трубить и молиться, молиться и трубить.

15 сентября.—Все трубятъ... „Страшные дни“!...

21 сентября.—Новый, 5652-ой годъ... „Благословенъ Ты, Господи Боже Нашъ, что далъ намъ дожить до этого дня“. „L'schonoh tovu t'kosseivu!“...

Комедія, да и только! Развѣ не комичны и этотъ Новый годъ, и эта благодарность Господу Богу за то, что *я дожилъ* до этого момента, и это пожеланіе „быть записаннымъ къ хорошему году“? Во 1-хъ, я совершенно спутался въ счетѣ, такъ какъ у меня теперь уже цѣлыхъ три счета: какъ „инородецъ“, я считаю нынѣшній день началомъ 5652 года; какъ обыватель вообще, я считаю себя причисленнымъ къ 1891 году, а какъ скорпіонъ, козерогъ или водолей, я значусь въ третьемъ мѣсяцѣ перваго года по новѣйшему лѣтосчисленію... Во 2-хъ, какими устами могу я благословлять Предвѣчнаго Творца за то, что Онъ, въ великой милости Своей, далъ мнѣ *дожить* до этого дня, когда на самомъ-то дѣлѣ жизнь моя все равно что не жизнь, и бытіе мое все равно что небытіе? Въ 3-хъ, что значитъ пожеланіе друзей моихъ „да будете вы записаны къ хорошему году“, когда я уже 14-го іюля записанъ былъ, и записанъ совсѣмъ не къ году, а къ нѣсколькимъ всего мѣсяцамъ, въ теченіе которыхъ мнѣ дана полная возможность и просторъ дѣлать астрономическія наблюденія и вычисленія въ области движенія разныхъ созвѣздій? Что все это значитъ? Насмѣшка надъ самимъ собою, самообманъ и иллюзія? Какой смыслъ имѣетъ въ настоящій моментъ окончательно выяснившагося

небытія моего знаменитое „unssane teikof", это „кому жить, кому умереть", когда смерть уже совершившійся фактъ? — Какой смыслъ имѣетъ для меня это „кому къ сроку, кому до срока", когда мы всѣ къ сроку, непремѣнно къ сроку обречены?... Всѣ къ сроку—это такъ ясно и очевидно, какъ дважды-два—и не поможетъ тутъ „ни покаяніе, ни молитва, ни милосердіе!"...

30-го сентября.—Іомъ-Кипуръ .Великій день, день прощенія... „Благословенъ Ты, Господи Боже Нашъ, что далъ намъ дожить до сего времени"... Та же исторія, то же недоумѣніе, та же иллюзія! Путаница и недоразумѣніе... День нравственнаго обновленія и возрожденія, день праздника души, день всеобщаго прощенія... Прощать всѣмъ людямъ безъ изъятія, прощать врагамъ нашимъ, оспаривающимъ право наше на званіе „человѣка", издѣвающимся надъ нашимъ горемъ, надъ нашими страданіями, отрицающимъ наше прошлое, отравляющимъ наше настоящее и лишающимъ насъ даже надежды на будущее... Прощать, забыть, заглушить все, что кипитъ и клокочетъ на днѣ слабой человѣческой души... Прощать, видя кругомъ бѣснующуюся армію враговъ, направляющихъ отравленныя стрѣлы прямо въ грудь твою... Прощать?! И плачутъ измученные горемъ, постомъ, молитвою и скорбью живые мертвецы, вспоминаютъ потерянное прошлое и шлютъ свои вѣчные вопросы къ невѣдомому будущему. Плачутъ и рыдаютъ они—и въ этихъ рыданіяхъ заключаютъ все, жалобы и упреки, сомнѣнія и мольбы, вопросы и надежды. Цѣлая симфонія стоновъ, криковъ, слезъ и воплей поднимается надъ землей и летитъ въ необъятную даль къ престолу Того, Кто видитъ все, знаетъ всю правду и однимъ судомъ судитъ всѣхъ, первыхъ и послѣднихъ, избранныхъ и неизбранныхъ. „Тебѣ, о Господи, открыто все сокровенное, всѣ безчисленныя тайны мірозданія; нѣтъ забвенія у престола Твоего, и ничто не укроется отъ глазъ Твоихъ. Все открыто предъ Тобою, Ты зришь и видишь все до конца. Не Ты-ли сказалъ пророку: „Иди, скажи на ухо Іерусалиму:—такъ говорилъ Господь: я помню любовь твою въ дни твоей юности, когда невѣстою ты шла за мной въ безплодной пустынѣ. Я помню союзъ Мой съ тобой и укрѣплю его на вѣки". Не Ты-ли открылся народу Твоему на священной горѣ? Съ небесъ раздался гласъ Твой—

весь міръ вздрогнулъ, всѣ твари встрепенулись, услышавъ священные глаголы изъ палящаго огня. Не Ты-ли далъ клятву отцу нашему Аврааму на горѣ Моріи. Не Ты-ли „избралъ насъ" изъ всѣхъ народовъ, возлюбилъ и возвысилъ насъ и далъ намъ Твое великое и святое имя? Смотри: насъ предолѣли бѣдствія, и страданія покрыли главу нашу. Мы искали помощи, но не нашли ея, мы жаждали мира—и пришла погибель. Враги наши умножились и высоко подняли головы. Мы гонимы отъ моря до моря и негдѣ найти пріюта и пристанища"... И льются горючія слезы, плачетъ старъ и младъ, точно желая слезами потушить огонь жгучей боли. „О, когда вспоминаю, что каждый городъ красуется на холмахъ своихъ, а градъ Божій"... и страшныя рыданія заглушаютъ конецъ фразы. Но солнце становится все ниже и ниже, темныя сумерки опускаются на землю, голоса становятся все слабѣе и слабѣе... „Протруби, о Господи, нашу свободу, подними знамя и созови нашихъ изгнанниковъ, собери насъ, разсѣянныхъ между народами и разбросанныхъ по всѣмъ угламъ земли, приведи насъ въ священный градъ твой, Іерусалимъ, дай и намъ узрѣть покой и радость... и тамъ мы"... L'schonoh habooh b'Jeruscholaim! [1]—залпомъ раздается изъ тысячи грудей..

Какая злая, жестокая иронія!...

1-го октября.—Не успѣлъ я сегодня протереть глаза, какъ ненавистный календарь, къ которому теперь пріурочено все существо мое, какъ обухомъ, ударилъ меня по головѣ. Я взглянулъ—и ужаснулся. Роковая единица ослѣпила меня. Первое октября! Живые люди соединяютъ съ этимъ числомъ понятіе о полученіи жалованья или о платѣ за квартиру. Для меня же эта цифра имѣетъ совсѣмъ другое, не столь прозаическое значеніе. Мнѣ подъ этой цифрой представляется мое созвѣздіе и пріуроченное къ этому послѣднему движеніе мое въ міровомъ пространствѣ. Я вижу въ этой цифрѣ удаленіе Дѣвы и приближеніе Вѣсовъ и Скорпіона.. Такъ и кажется, что вотъ сейчасъ явится кто-нибудь и кри-

[1] Всѣ эти цитаты взяты изъ молитвъ евреевъ на Судный день.

кнетъ: „А кто у васъ скорпіонъ? Хаимъ Берковъ? Подайте сюда Хаима Беркова! А кто у васъ стрѣлецъ? Ицка Мовшовъ? Подайте сюда Ицку Мовшова!...“ Пройдутъ 14 дней, Вѣсы вступятъ въ свои права—и задвигаются съ Вѣсами всѣ спутники этого созвѣздія. А за Вѣсами взойдетъ Скорпіонъ—и двинутся скорпіоны, за Скорпіономъ послѣдуетъ Стрѣлецъ—и двинутся стрѣльцы, и т. д. и т. д. до выполненія всего круга зодіака...

Двигаться, двигаться и двигаться... Куда? Этого, конечно, никто изъ спутниковъ того или другого созвѣздія не знаетъ и знать не можетъ. Каждый знаетъ только то направленіе, по которому предназначено его движеніе, но куда ведетъ этотъ длинный путь въ міровомъ пространствѣ, это, конечно, не его ума дѣло. Я козерогъ, слѣдовательно, я двигаюсь, а результаты моего движенія зависятъ отъ законовъ мірового тяготѣнія... Такъ, вчера одинъ изъ знакомыхъ мнѣ обывателей, изъ козероговъ, зашелъ ко мнѣ проститься.

— Что, двигаетесь?—спрашиваю его.

— Какъ-же, двигаемся.

— А куда? Въ „Юдоль плача“?...

— Что вы, что вы? Ни за что на свѣтѣ. Что тамъ дѣлать? Нѣтъ ужъ! Разъ я мертвецъ, такъ я ужъ прямо на „тотъ свѣтъ“ и отправлюсь.

— Но, вѣдь, говорятъ... началъ было я.

— Знаю, батенька, знаю, все знаю. Знаю, что и на „томъ свѣтѣ“ не скоро въ рай попадешь. За то хоть на законномъ положеніи, какъ подобаетъ, тамъ буду. Да и то сказать: оно и почище будетъ. Вѣдь въ „Юдоли плача“ мнѣ, мертвецу, ничего, кромѣ гніенія, и не предвидится. Не правда-ли? А тамъ, можетъ быть, и въ крематорій попаду. Все оно лучше, чѣмъ гнить въ какомъ-нибудь болотѣ и быть съѣденнымъ противными червями. Какъ думаете?...

— Такъ-то оно такъ. Но, знаете-ли...

— Нѣтъ, не безпокойтесь. Ужъ коли на то пошло, такъ ужъ нечего тутъ разсуждать. Кромѣ того, тамъ, говорятъ, князь Серебряный „Погребальное братство“ такое учредилъ, что для нашего брата въ разныхъ мѣстахъ кладбища устраивать будетъ. Въ „Серебряномъ царствѣ“ одно такое кладбище, говорятъ, уже устроено. Можетъ, Богъ дастъ, и моему праху мѣстечко на одномъ изъ этихъ кладбищъ найдется...

3-го октября.—Что-за странныя и удивительныя существа всѣ эти живые мертвецы, всѣ эти скорпіоны, стрѣльцы, козероги и водолеи!... Обыкновенныя твари знаютъ только ограниченный кругъ своего существованія — и только. Какъ только завершается кругъ его бытія, и наступаетъ періодъ ничтожнаго небытія, все его существо превращается въ частицу неподвижной и мертвой матеріи, съ которой предстоитъ возиться уже окружающимъ. Умеръ — и шабашъ! Не то нашего сорта мертвецы. Они и въ періодѣ небытія остаются самодвижущимися существами, на которыхъ возлагается оригинальная обязанность удалить свое собственное тѣло изъ области бытія. Онъ, мертвецъ, обязанъ самъ себя похоронить... И вотъ, суетятся всѣ эти козероги и водолеи, суетятся, бѣгутъ и хлопочутъ о своихъ собственныхъ похоронахъ. Рыщутъ по всѣмъ лавкамъ, покупаютъ для себя саваны и гробы. И комично-же все это выходитъ!... Человѣкъ, собирающій на свои собственныя похороны! Слыхали вы что-либо подобное?... Собираютъ на бѣдную невѣсту, на погорѣлое мѣсто, но чтобы человѣкъ собиралъ себѣ на гробъ — признаться, я это въ первый разъ слышу. Какъ это ни странно, а это такъ. Ходитъ по домамъ какой-нибудь субъектъ, изъ козероговъ или водолеевъ, и проситъ:

— Подайте, ради Бога, копѣечку на гробъ!

— На что?!...

— На гробъ...

— На гробъ?! Кто у васъ умеръ?

— Я умеръ, похоронить себя долженъ, а денегъ на похороны нѣтъ ни гроша. Сжальтесь, пожалуйста, господинъ хорошій, вѣчно Бога за васъ молить буду...

Сегодня зашелъ ко мнѣ мальчишка изъ скорпіоновъ и, обливаясь слезами, проситъ помощи.

— Ты кто такой?—спрашиваю его.

— Я изъ скорпіоновъ.

— Да въ чемъ дѣло? Не плачь, разскажи толкомъ.

— Я изъ скорпіоновъ. Служилъ въ „мальчикахъ“... у хозяина. Но хозяинъ мой изъ раковъ... ну... онъ себя въ періодѣ Раковъ... похоронилъ, а я... такъ и остался... не похороненнымъ скорпіономъ...

— Зачѣмъ-же хозяинъ тебя такъ оставилъ?

— У него, господинъ мой, и безъ меня семья большая, такъ для меня на гробъ у него не хватило. Дайте что-нибудь, пожалуйста, пожалѣйте бѣднаго мальчика. Мнѣ немного... Я вѣдь маленькій, и гробикъ мнѣ небольшой нуженъ...

Я такъ и ахнулъ. Ребенокъ, собирающій себѣ на гробикъ!... И все это происходитъ отъ того, что эта разновидность мертвецовъ—странная разновидность, обязанная сама заботиться о своемъ погребеніи. А вѣдь такое множество, что положеніе дѣйствительно критическое. Всѣ они прекратили свое бытіе и умерли одновременно, всѣ они обязаны себя похоронить и въ гробъ уложить, а денегъ на похороны и гробы нѣтъ. Еще хорошо, что добрые люди „Бюро похоронныхъ процессій“ устроили, гдѣ неимущимъ даровые гробы выдаются, а то хоть караулъ кричи, хоть валяйся мертвецомъ на мостовой, пока собаки всего тебя не изгрызутъ... Да, странныя существа эти живые мертвецы!...

14-го октября.—Голова болитъ, и тошнитъ до рвоты. Вчера былъ радостный праздникъ Торы (Симхасъ-Тора), и я, забывши все на свѣтѣ, позволилъ себѣ подгулять немного. Никогда я хмѣльного въ ротъ не беру, но въ этотъ день я дѣлаю исключеніе. Помилуйте, Тора! та самая Тора, которая всегда освѣщала мой путь въ безпросвѣтной тьмѣ, и которая даже теперь, въ моментъ моего небытія, опять служитъ мнѣ путеводной звѣздой при моемъ движеніи между „кругомъ животныхъ“. Вѣдь изъ всего моего бытія у меня теперь ничего не осталось, кромѣ гроба въ карманѣ, выданнаго мнѣ изъ „Похороннаго Бюро“, да этой Торы въ сердцѣ... Это весь мой капиталъ, который я успѣлъ „наэксплуатировать“ въ теченіе всего моего „паразитическаго“ бытія на неплюйскихъ мостовыхъ и подворьяхъ. Да, ради этой Торы, я себѣ позволилъ выпить рюмку водки и бокалъ вина, и вотъ съ непривычки у меня голова болитъ, и на душѣ скверно, и тошнота одолѣваетъ. То-ли дѣло живые люди—тѣ „бочками сороковыми“ лопаютъ и — ничего, щелкнетъ языкомъ, животъ свой рукой погладитъ и—какъ ни въ чемъ не бывало. Вотъ что значитъ живой человѣкъ, въ своемъ бытіи не сомнѣвающійся!... А я? Фу!... Тошнитъ и мутитъ. Полежать бы теперь, да астрономія не пускаетъ... Астрономія! Это — точнѣйшая изъ наукъ: все размѣрено и вычислено такъ, что ни одной секунды не прибавишь и не убавишь...

Взошло созвѣздіе Вѣсовъ—ну и трогай! Эй, спутники Вѣсовъ, пожалуйте, въ путь-дорогу собирайтесь! Нечего потягиваться да нюни разводить... И ничего не подѣлаешь! Противъ рожна и астрономическихъ законовъ міроваго движенія вѣдь не пойдешь....

На вокзалѣ шумъ и гамъ. Старики, женщины и дѣти смѣшались въ одну пеструю кучу. Крикъ и гвалтъ, стонъ и плачъ такъ и висятъ въ воздухѣ. Каждый ощупываетъ въ карманѣ гробъ, выданный изъ „Похороннаго Бюро“. Счастливаго пути!... Счастливаго пути!... Благополучнаго плаванія!... Легкаго движенія!...

— Что это такое?—спросилъ меня случайно очутившійся тутъ живой обыватель.

— Это — октябристы, спутники созвѣздія Вѣсовъ, свое движеніе въ пространствѣ начинаютъ.

— Ахъ, такъ!... По-ни-ма-ю.

Динь-динь-динь... Разъ... два... три.... Локомотивъ свистнулъ, и погребальная процессія тронулась.

17-го октября.—Все сидѣлъ и оплакивалъ бѣдныхъ спутниковъ созвѣздія Вѣсовъ. Все безпокоюсь, какъ они тамъ въ пространствѣ свое движеніе совершаютъ, будутъ-ли атмосферическія явленія благопріятствовать правильному ихъ передвиженію, не будетъ-ли какой-нибудь непріятной встрѣчи, съ кометой напримѣръ, не случится-ли какого-нибудь столкновенія съ Юпитеромъ, Марсомъ или другими планетами которыми кишмя-кишитъ міровое пространство. Грустно мнѣ было на душѣ, какъ только бываетъ грустно въ домѣ, изъ котораго только что вынесли покойника... Вдругъ открывается дверь и входитъ мой старый пріятель Степанъ Петровичъ Либераловъ, большой философъ, большой libre-penseur и еще большій любитель поговорить на „высокія“ темы.

— Ахъ, здраствуйте!—обрадовался я.—Сколько лѣтъ!

— Да, все занятъ былъ. Только вчера и пріѣхалъ. Ну, что? Какъ поживаете? Да вы, я вижу, что-то не въ духѣ...

— Да такъ, скучно все. Помилуйте, вотъ ужъ сколько

времени все съ мертвецами вожусь. Кругомъ, знаете, все мертвецы, мертвецы, ни одного живого человѣка не видишь— и поневолѣ заскучаешь...

— Ахъ, опять вы все съ вашими мертвецами... И какъ это вамъ не надоѣстъ, право, объ одномъ и томъ-же толковать и думать?...

— Конечно, хорошо вамъ говорить, Степанъ Петровичъ, когда вы въ своемъ бытіи не сомнѣваетесь: вотъ усумнились-бы разикъ, тогда я послушаю, какую вы пѣсню запоете. Сытый голоднаго не понимаетъ.

— Сытый? Вы говорите „сытый"? Грѣшно вамъ! Чѣмъ это мы насытились, позвольте узнать, лебедой, что-ли? Бросьте это. Сами виноваты, мертвецы ваши.

— Что? Что такое?—взбѣсился я.—И вы туда-же, Степанъ Петровичъ? Убѣдились, наконецъ, „историческими" изслѣдованіями г. Шмакова! Спасибо, не ожидалъ.

— Да нѣтъ, оставьте, за кого вы меня принимаете! Я серьезно, я о донкихотствѣ говорю. Нельзя въ наше реальное время съ вѣтряными мельницами сражаться...

— Ей-ей, я васъ не понимаю — объясните, пожалуйста, вашу философію!

— Извольте. Всѣ говорятъ про вашу смекалку, про ваши финансовые и биржевые таланты, а не можете вы такую простую финансовую операцію, какъ „конверсія", учинить... Вы меня понимаете. Вѣдь это глупо. Ловкій маклеръ давно когда-то устроилъ для васъ заемъ, навязалъ вамъ капиталъ—и вотъ уже тысячи лѣтъ храните вы этотъ капиталъ и такіе убійственные проценты платите... Развѣ это не донкихотство? Извините меня, но это ничѣмъ необъяснимое упорство оказывается просто колоссальной глупостью. Во 1-хъ, разница только въ словахъ и формѣ, а сущность вездѣ одна и та же. Суть-то „люби ближняго, какъ самого себя", а проявляется-ли эта формула въ видѣ „око за око", или въ видѣ „и лежачаго бей!", отъ этого дѣло не измѣняется. Во 2-хъ, легенда о трехъ кольцахъ Натана Мудраго. Вы ее знаете. А въ 3-хъ, законъ борьбы за существованіе. Надо приспособляться къ окружающимъ условіямъ, съ волками жить, по волчьи и выть... Вы меня не со вчерашняго дня знаете и съ моимъ міровоззрѣніемъ знакомы. Не могу я симпатизировать человѣку, который страдаетъ изъ-за того, что у него рыжіе волосы на головѣ, и который ни за что не хочетъ идти къ парикмахеру окрасить свои волосы въ надлежащій цвѣтъ. Что-же это такое, по вашему? Храбрость? Нѣтъ-съ, это донкихотство, психопатія и предразсудокъ. А вотъ что значитъ храбрость: ты меня въ мертвеца, козерога или водолея, превратилъ, а я взялъ, конвертировалъ, сухъ изъ воды вышелъ, воскресъ и опять живой человѣкъ! Что ни говорите, но это глупость, которой невозможно сочувствовать. И я, признаюсь вамъ, съ большимъ уваженіемъ гляжу на тѣхъ „практическихъ людей" (теперь ихъ все больше и больше становится), которые знаютъ цѣну жизни и не разыгрываютъ печальной роли испанскаго рыцаря. Съ бо́льшимъ уваженіемъ отношусь къ нимъ, чѣмъ къ вашимъ козерогамъ и водолеямъ, которые въ міровомъ пространствѣ разгуливаютъ, съ вѣтряными мельницами сражаются и свое глупое упорство (извините меня!) въ какой-то героизмъ и подвигъ превращаютъ...

Степанъ Петровичъ закурилъ папиросу и пустилъ мнѣ прямо въ глаза густой клубъ дыма. По побѣдоносному выраженію его добраго лица можно было замѣтить, что онъ былъ очень доволенъ своей тирадой.

— Что? кончили?—прервалъ я молчаніе.

— Я еще многое могъ-бы сказать вамъ, но все это подробности, суть-то я высказалъ.

— Въ такомъ случаѣ, позвольте мнѣ съ вами не согласиться. Вы совѣтуете „конверсію". Конвертировать потому, что очень тяжелые проценты, не по силамъ, платить приходится. Проценты-то большіе—это правда. Но за то фирма старая и солидная. Да и тяжелые проценты вовсе не входятъ въ условія займа; тяжелые проценты не кредиторъ создалъ, а разные коммиссіонеры, маклера и зайцы, которые около этой сдѣлки поживиться хотятъ... Что-жъ теперь дѣлать прикажете? Еслибы я могъ собственными средствами, безъ всякаго займа, обходиться —тогда, пожалуй, быть можетъ, отъ капитала и отказался бы. Но вотъ бѣда, безъ займа нельзя, заемъ сдѣлать необходимо—вотъ тутъ-то и задумаешься. Бросить стараго кредитора и идти къ новому въ надеждѣ на уменьшеніе процентовъ... Знаете, Степанъ Петровичъ, тутъ надо хорошенько подумать...

Тутъ Степанъ Петровичъ какъ будто хотѣлъ прервать

меня, но изображалъ лишь своей физіономіей вопросительный знакъ.

— Конечно,—продолжалъ я послѣ нѣкотораго раздумья,— въ прибирной палаткѣ и мой капиталъ не былъ, и какой онъ тамъ пробы—Богъ его вѣдаетъ! Опять легенда о трехъ кольцахъ!... Знаю только, что съ этимъ капиталомъ я цѣлыхъ сорокъ вѣковъ жилъ—поживалъ и кой-какія биржевыя операціи дѣлалъ. И отказаться отъ всего этого не значитъ только „конвертировать", а измѣнить данному слову, лицемѣрить, душу свою за чечевичную похлебку продать... И еще вопросъ, выгодна ли для меня такая сдѣлка, конверсія-то?...

— Какъ?—прервалъ меня Степанъ Петровичъ.—Вы въ этомъ сомнѣваетесь? Вѣдь это очевидно. Возьмемъ хоть васъ, хоть вашего знакомаго, сегодня вы козероги, а завтра живые люди, въ своемъ бытіи не сомнѣвающіеся.

— Степанъ Петровичъ! Вы себя еще философомъ считаете, детерминистомъ и эволюціонистомъ называете, а такіе абсурды говорите... Выгодно? Да, *для меня*, и *въ настоящую минуту. А для всѣхъ*, en masse, это выгодно? какъ вы думаете? По моему, даже очень невыгодно. Вѣдь *всѣ* козероги, *всѣ* водолеи очень легко изъ огня въ полымя попасть могутъ. Сегодня они козероги, а завтра въ бараны, только для стрижки предназначенные, попадутъ... Согласитесь, повышеніе въ чинѣ небольшое. А ужъ по формулѣ „и лежачаго бей!" они навѣрно въ разрядъ барановъ попадутъ. Выгодно, нечего говорить. Выгодно то, что прочно. Ну, а прочна-ли формула „и лежачаго бей!" Читали, конечно, кое что по этому поводу?..

— Да, что вы въ „полянецкихъ" записались?

— Нѣтъ, вовсе не въ „полянецкихъ". И Полянецкій, по моему, очень плохой цѣлитель и врачеватель, но что онъ прекрасный анатомъ и діагностъ, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія. Но какъ бы то ни было, а, знаете, бросить старую лачугу, въ которой я столько лѣтъ прожилъ, и переселиться хоть въ пышный дворецъ, но въ которомъ я буду чувствовать себя очень мало обезпеченнымъ, я не могу въ силу простого здраваго смысла и чувства личной безопасности..

Степанъ Петровичъ улыбнулся.

— Смѣйтесь, но это такъ. Кромѣ этого, хоть меня торгашомъ и плутомъ называютъ, но я и съ этикой знакомъ.

Да, этика!... Я кредитоспособенъ, и „честному слову" моему не измѣню. И поддакивать стремленію свести всѣхъ къ общему знаменателю, окрасить всѣхъ въ одинъ цвѣтъ тоже не могу. Homo sum, а на масть не гляди—вотъ мой принципъ. И я добьюсь, непремѣнно добьюсь... Каждый день повторяю: „и будетъ Единъ Богъ, и едино Его Имя!"

Степанъ Петровичъ хотѣлъ было начать новую тираду, онъ потиралъ свой лобъ, точно вылавливая въ мозгу разные аргументы. Но въ это время кто-то постучался въ дверь нашей комнаты.

— Мозно?—послышалось за дверью.

— Войдите!—отвѣтилъ я.—Иванъ Сидоровичъ Файтельштейнъ! — отрекомендовалъ я вошедшаго.

Появленіе этой живой „конверсіи" вызвало невольную улыбку на лицѣ Степана Петровича, всѣмъ сдѣлалось какъ-то неловко, и мы постарались поскорѣе замять разговоръ.

20-го октября.—Былъ въ „Похоронномъ Бюро"... и не мало удивлялся. Представьте себѣ! Борьба... за гробъ! Борьба за жизнь—это пароль нашего вѣка, фундаментъ современной науки; la lutte pour la vie — это каждый гимназистъ знаетъ и понимаетъ. Но борьба за гробъ, за смерть — это явленіе, кажется, еще неизвѣстное въ біологіи. Люди борются за кусокъ хлѣба, за глотокъ воды, за лучъ свѣта, это въ порядкѣ вещей. Но вообразите мое недоумѣніе, когда мнѣ впервые пришлось увидѣть борьбу людей за смерть, за гробъ!... Пророкъ Моисей ужъ очень хорошо знакомъ былъ со всякаго рода казнями и проклятіями, но такой фактъ, повидимому, и ему былъ неизвѣстенъ. „Десять женщинъ будутъ хлѣбъ печь въ одной печи" — вотъ какую картину рисовалъ онъ предъ взорами своего народа! Пророкъ Исаія предсказывалъ, что семь женщинъ ухватятся за одного мужчину. Но имъ не могла придти въ голову мысль, что семь человѣкъ ухватятся за одинъ гробъ, и каждый будетъ оспаривать изо всѣхъ силъ право на этотъ гробъ... А въ „Похоронномъ Бюро" не семь—десять, двадцать человѣкъ накидываются на одинъ гробъ и со слезами на глазахъ молятъ похоронить себя. „Меня похороните!" проситъ какой-нибудь мертвецъ. „И меня, и меня, и меня!" хоромъ отвѣчаютъ десятки такихъ-же голосовъ. „Дайте мнѣ, пожалуйста, гробъ!" „И мнѣ, и мнѣ, и мнѣ!" раздается со всѣхъ сторонъ. „И мнѣ

гробикъ дайте!“ слышится плаксивый голосъ какого-нибудь мальчугана изъ скорпіоновъ. Вотъ это борьба! XIX вѣкъ, съ Дарвиномъ во главѣ, разъяснилъ намъ законы борьбы за жизнь; XX вѣкъ не оставитъ, вѣроятно, безъ вниманія и этотъ кругъ біологическихъ явленій: явится новый Дарвинъ и разъяснитъ намъ законы борьбы за смерть...

Предъ моими глазами пронеслась цѣлая вереница живыхъ мертвецовъ, жаждавшихъ покоя и погребенія. Вотъ подходитъ субъектъ тонкій и худой, какъ щепка.

— Вы кто такой?—спрашиваютъ его.

— Я? Я здѣшній.

— Чѣмъ занимаетесь?

— Чѣмъ? Я знаю? Ходятъ, бѣгаютъ, „вертятся передъ биржей“, „трутся около банковъ“...

— А какъ на счетъ правъ?

— Прежде меня по праву давности терпѣли. Я „восьмидесятникъ“. А теперь, знаете... То, что тогда считалось давностью, теперь уже не давность. Я самъ не понимаю.

— Ну, такъ что вамъ угодно?

— Что мнѣ угодно? Вы знаете, я желаю, чтобъ меня похоронили на общественный счетъ.

— Отъ чего вы умерли?

— Отъ чего я умеръ? Ха-ха! Отъ нашей эпидемической болѣзни. Вотъ посмотрите „свидѣтельство на погребеніе“, а вотъ и удостовѣреніе, что смерть моя не насильственная, а... „добровольная“.

— Ну хорошо. Вы одинъ будете?

— Что вы говорите? „Не хорошо быть человѣку одному“.

— Что-же, семья у васъ есть?

— Какъ-же, семейство: Я съ женой, семь человѣкъ дѣтей, старуха-мать и племянница-сирота.

— Боже мой! И всѣхъ васъ похоронить?

— А то какъ-же? Пожалуйста, ужъ будьте милостивы, не оставьте насъ, похороните, да только поглубже...

— Что-жъ, похоронимъ, на надлежащую глубину похоронимъ, до глинистаго слоя...

— А до слоя грунтовой воды нельзя?

— Что вы? Слишкомъ жирно будетъ.

— Ну ужъ какъ знаете. Только поглубже, пожалуйста, поглубже, какъ можно глубже.

И радуется же такой скорпіонъ, когда его въ тартарары законопатятъ!

За этимъ входитъ другой, низенькій, сѣденькій старичекъ съ пожелтѣвшимъ, какъ лимонъ, лицомъ. Порывистыя движенія, лихорадочный блескъ его сѣрыхъ глазъ, коротенькія фразы, которыя онъ произноситъ почти шопотомъ, точно онъ сообщаетъ какой-нибудь важный секретъ, сразу обнаруживаютъ, что въ его душѣ происходитъ страшная и мучительная борьба.

— Пожалуйста, дайте гробъ для меня и моего семейства.

— А вы кто?

— Я... я—мѣдникъ... Вы, кажется, меня знаете: еще на прошлой недѣлѣ женѣ вашей самоваръ вылудилъ.

— Вы давно тутъ?

— Давно... Лѣтъ тридцать. Да что толку? Хоть сто лѣтъ проживи, все на похороны не будетъ.

За старичкомъ является молодая, лѣтъ 18-ти, дѣвушка, бойкая, здоровая, пышная и цвѣтущая.

— Дайте мнѣ, пожалуйста, гробъ.

— А вы кто такая?

— Я—швея, т. е. была швеей, къ портновскому цеху приписана, а теперь въ цехъ скорпіоновъ попала.

— Вамъ куда?

— Право не знаю: на родину!...

— А вы гдѣ родились?

— Я тутъ родилась...

— Куда-же?

— Да не знаю. Посовѣтуйте, пожалуйста!...

Дѣвушку смѣняетъ блѣдный, какъ воскъ, человѣкъ среднихъ лѣтъ, очень худой и очень сутуловатый. Его спина, видно, сильно поддалась бремени жизни.

— Что скажете?

— Я? Хвей? Я насчетъ гробовъ пришелъ.

— Кто вы такой? Чѣмъ занимались?

— Чѣмъ занимался? Хвей! Шадхонесъ, меламдесъ, хазонесъ...

— Какъ-же вы насчетъ правъ?

— Правъ? Я въ родѣ „мертвыхъ душъ“.

— То есть?

— Очень просто: мертвыя души въ книгахъ только зна-

чились, а сами давно на небесахъ были, а я наоборотъ... Я по землѣ разгуливалъ, а въ книгахъ не значился...

— Такъ! Вамъ когда надо?

— Когда? Хвей! Я не скорпіонъ, не телецъ и не козерогъ. Я внѣ пространства и времени. Похороните, только поглубже—вотъ и все.

— А сколько васъ, мертвыхъ-то душъ?

— Немного. Я, жена, трое дѣтей.

— А это по вашему мало?

— Хвей! Бываетъ больше...

А за этимъ потянулись еще и еще, разнаго вида и калибра, длинные и коротенькіе, худые и толстые, старые и молодые, крикливые и пугливые, тихіе и болтливые—потянулись и пронеслись, точно вскрыли гдѣ-то цѣлое кладбище и выпустили на волю всѣхъ его обитателей... И бродятъ они, мертвецы, по свѣту, какъ ночныя тѣни, пугая живыхъ людей, бродятъ и ищутъ, гдѣ найти себѣ мѣсто „вѣчнаго покоя"...

21-го октября.—Мархешванъ... Никогда, никогда еще я такъ хорошо не понималъ значенія эпитета „маръ", какъ сегодня, послѣ вчерашняго моего посѣщенія „Похороннаго Бюро". La mort á mille aspects, говоритъ Викторъ Гюго, и смерть въ формѣ метаморфозы въ козерога или водолея не лучшая изъ многочисленныхъ видовъ смертей... Настоящая, „взаправдошная" смерть имѣетъ, пожалуй, и нѣкоторыя преимущества. Что смерть—желанный сонъ! Величайшій мудрецъ Соломонъ только на старости лѣтъ, когда бренное тѣло его уже насквозь было объято смертью, а живой, бодрый и мощный духъ рвался въ поднебесныя выси, только въ такія минуты, когда съ необыкновенной силою разрастается желаніе жить и жить, жить во что бы то ни стало, только въ такія минуты могъ высказать свой знаменитый афоризмъ: „лучше быть живой собакой, чѣмъ мертвымъ львомъ". Но и зоологія во время царя-философа не была такъ развита, какъ теперь, и не зналъ онъ о существованіи такихъ тварей, какъ козероги и водолеи... Сказалъ-ли бы онъ „лучше быть живымъ козерогомъ, чѣмъ мертвымъ львомъ" --- въ этомъ можно сомнѣваться... Чтó настоящая смерть, сразу поканчивающая всѣ счеты съ жизнью и ея прелестями, дающая вѣчный покой и отдохновеніе!... Но смерть искусственная sine sangunis fusione, смерть, оставляющая нетронутыми и неприкосновенными всѣ элементы жизни, но ничего недающая кромѣ страха и ужаса смерти... Шляйся-молъ живымъ козерогомъ въ міровомъ пространствѣ и вѣчно носись съ сознаніемъ и страхомъ смерти, валяйся, молъ, живымъ водолеемъ въ безплодной пустынѣ и денно и нощно борись со смертью, „чтобы въ груди дрожали жизни силы, чтобы дыша вздымалась тихо грудь", а кругомъ—ничего, кромѣ смерти и могилы...

1-е ноября.—Какъ время быстро летитъ! Опять первое число, опять memento mori!.. Помню, помню, отлично помню, не только теперь помню, но даже никогда не забуду... Ноябрь... ноябрь... Я поскорѣе отыскалъ учебникъ космографіи и началъ перелистывать. Ноябрь... Рыбы... Ракъ... Вѣсы... Скорпіонъ!... Скорпіонъ!... Слава Богу, до меня еще далеко! Скорпіонъ... позвольте, кто у насъ скорпіоны? Ахъ да! Хаимъ, Берка, Шмуиль, Ицка... Боже мой, сколько скорпіоновъ! Свершилась судьба ихъ! Но-о! Поворачивай'...

14 ноября.—Гнилой ноябрьскій день. Хмурое небо какъ будто вымазано растворомъ мѣла и сажи. Грязь и холодъ, пронизывающій до костей. Вѣтеръ пронзительно воетъ и реветъ. Дождь льетъ, какъ изъ ведра. Слякоть, такая слякоть, когда добрый хозяинъ и собакъ не выгоняетъ.

А на вокзалѣ давка и толкотня. Куча людей, съ изможденными лицами, въ изношенныхъ и истрепанныхъ платьяхъ, переполнила платформу. Навьюченные узлами, узелками и узелочками, пассажиры проталкиваются между толпой, таща за собой на буксирѣ безсмысленно оглядывающихся по сторонамъ дѣтей. Плачъ женщинъ, угрюмый говоръ мужчинъ, пискъ дѣтей смѣшались во-едино съ глухимъ завываніемъ вѣтра, хриплымъ пыхтѣніемъ паровоза и стукомъ дождевыхъ капель по желѣзной крышѣ. Прощайте! Про-о-го-го-го... всхлипываетъ гдѣ-то баба. Мама, мама! раздается съ другой стороны. Прощайте!.. До свиданія! Счастливаго пути!... Пишите, изъ Гамбурга пишите! Прощайте! Не робѣйте, ничего! Прощайте!

— Что за безобразіе!—негодуетъ какой-то живой господинъ.—Откуда взялись они сразу всѣ, пархатые?

— Да вѣдь это ноябристы... т. е. скорпіоны. Это они свое движеніе въ міровомъ пространствѣ начинаютъ.

— Ахъ да! Забылъ.

Динь-динь-динь... Разъ... два... три... Локомотивъ свистнулъ, похоронная процессія тронулась.

20 ноября.—Сколько-бы физіологи и психологи ни придумывали разныхъ теорій для объясненія сновидѣній, эта область все еще остается пока покрытой мракомъ неизвѣстности. Въ самомъ дѣлѣ, послушайте, какая белиберда и безсмыслица приснилась мнѣ сегодня ночью. Мнѣ снилось, будто ко мнѣ явился Илья Муромецъ и изо всѣхъ силъ сталъ меня душить. Несмотря на всѣ мольбы и просьбы, онъ не выпускалъ меня изъ своихъ цѣпкихъ рукъ. „Пришло твое время!" — мрачно проговорилъ онъ,—„и конецъ! Нечего тебѣ болѣе шляться по бѣлу свѣту и мозолить всѣмъ глаза".

— Но я еще юнъ и бодръ, мнѣ жить хочется! —умолялъ я.

— Мало что хочется! Лишній ты на свѣтѣ, безполезный, и даже вредный человѣкъ.

— Какъ такъ?... попробовалъ я возразить.

— Не возражай!... Вредный ты, и вреднымъ всѣ тебя признаютъ. Ничего у тебя своего нѣтъ, и только на чужой счетъ и живешь. Ты не производитель, а только потребитель и посредникъ. Посредничествомъ и коммиссіонерствомъ только и живешь и дышешь...

— Но подумай самъ!—возопилъ я.—Какъ-же мнѣ производителемъ быть, когда со мной по совѣту Мальтуса поступили... Не могу же я въ изуродованномъ видѣ производить— самъ понимаешь. Что же мнѣ дѣлать? Я по мѣрѣ силъ и занимаюсь сводничествомъ на благо другихъ производителей...

— Ничего не знаю и знать не хочу.

— И вѣдь безъ сводничества и посредничества тоже нельзя. Если, къ примѣру, у тебя каши полный горшокъ, а ложки нѣтъ; или ложка есть, да рукъ у тебя нѣтъ, такъ каша то въ ротъ сама не влетитъ. Самъ же ты говоришь „дорога ложка къ обѣду" — не правда-ли? Ты все сиднемъ сидишь и старыя истины повторяешь: „зачѣмъ желѣзныя дороги, коли человѣку Богомъ ноги даны? Зачѣмъ географія, когда на то извощики есть?"...

— Пустяки все говоришь! Не понимаю я твоихъ гешефтовъ. Вздоръ! Географію какую-то выдумали! Въ томъ-то и бѣда, что ты безпокойнаго поведенія и „сумнительнаго" характера человѣкъ: вопреки моей волѣ и стремленіямъ идешь. Я твержу: „ex oriente lux!" а ты во все горло кричишь: „а все-таки она движется!..." Ты все о древѣ познанія хлопочешь, а я древо невѣдѣнія разводить стараюсь; я о тьмѣ хлопочу, всѣ щели и отверстія законопачиваю, а ты всѣ двери и окна раскрыть хочешь и „сквознаго вѣтру" напустить думаешь... Мутишь все, каналья, суетишься и послѣ обѣда сладко всхрапнуть на пуховикахъ не даешь... Опротивѣлъ ты мнѣ, поганый!... Тутъ онъ сталъ такъ сильно меня душить, что я вскрикнулъ и проснулся. Съ трудомъ я вспомнилъ съ просонья, что на яву слышалъ это и читалъ не разъ и не два...

24 ноября.—Помните у Достоевскаго разсказъ о графинѣ Дюбарри?... „Умерла она такъ, что послѣ этакой-то чести, этакую бывшую властелинку потащилъ па гильотину палачъ Сампсонъ, заневинно, на потѣху пуассардокъ парижскихъ, а она и не понимаетъ, что съ ней происходитъ, отъ страху. Видитъ, что онъ ее за шею подъ ножъ нагибаетъ и пинками подталкиваетъ,—тѣ-то смѣются — и стала кричать: „Encore un moment, monsieur le bourreau, encore un moment!" Что означаетъ: „Минуточку одну еще повремените, всего одну!" Отъ этого графининаго крика объ одной минуточкѣ, я какъ прочиталъ, у меня точно сердце захватило щипцами..."

Сила любви къ жизни такъ могущественна, а боязнь смерти такъ велика, что она заглушаетъ разсудокъ, логику, заставляетъ смолкнуть философію. Я жить хочу, не хочу умереть, хоть одну еще минуточку повремените! А что толку, спросите, въ этой „минуточкѣ"?... Скорпіонъ, стрѣлецъ, козерогъ или водолей, видя предъ собой все ближе и ближе надвигающуюся смерть, объятый ужасомъ, начинаетъ безсмысленно барахтаться, метаться, пытается схватиться хоть за соломенку, за послѣднія нити, еще слабо прикрѣпляющія его существо къ ускользающей изъ - подъ ногъ почвѣ, и неистово кричитъ: „Минуточку, еще одну минуточку повремените!..." Смѣшно и страшно вмѣстѣ!... Въ самомъ дѣлѣ, всѣ ступени установленной 14-го іюля іерархической лѣстницы одинаково ведутъ къ одной и той-же страшной цѣли, всѣ степени оригинальной „табели о рангахъ" отъ Льва до

Козерога включительно одинаково заканчиваются одной и той-же высшею степенью. Но страхъ предъ неизвѣстностью заглушаетъ голосъ разсудка и вырываетъ предсмертный крикъ: „Минуточку, еще одну минуточку!...“ Я скорпіонъ, а нельзя-ли еще одну минуточку повременить, нельзя-ли изъ скорпіона въ козерога или водолея обратиться? Движеніе по службѣ, правда, небольшое, за то выиграю „еще одну минуточку“. И начинается бѣготня, суета, обиваніе пороговъ, выпрашиваніе, вымаливаніе и безсмысленные отчаянные крики: „Минуточку!...“

Встрѣчаю сегодня одного стрѣльца, безъ оглядки бѣгущаго куда-то съ пакетомъ въ рукахъ.

— Что такъ торопитесь?—спрашиваю его.

— Вотъ!—отвѣтилъ онъ, указывая на пакетъ.—Я, видите-ли, изъ стрѣльцовъ. Скоро декабрь, надо поспѣшить.

— Но куда же именно?

— Я прямо въ поднебесныя сферы...

— Напрасно, по моему, безпокоитесь.

— Ничего не подѣлаешь! Жена, дѣти маленькія, холодно, авось знаете! Попытка не пытка... Хоть бы еще мѣсяца два или три...

„Хоть бы еще мѣсяцъ!“, „еще недѣльку!“, „еще одну минуточку!“—раздается со всѣхъ сторонъ. Сознаюсь—слабый человѣкъ,—но козерогій крикъ объ одной минуточкѣ захватываетъ у меня сердце щипцами, какъ и у героя Достоевскаго.

1-го декабря.—Дворникъ, поздравившій сегодня меня съ первымъ числомъ, очень удивился, когда, вмѣсто положеннаго цѣлковаго, я всунулъ ему въ руку серебряный пятиалтынный. „Мало, баринъ!“ не то со злостью, не то съ сожалѣніемъ проговорилъ онъ.—Нельзя, братецъ, на похороны деньги нужны, да и не за что теперь, самъ понимаешь!—Дворникъ почесалъ затылокъ, видимо согласный, что дѣйствительно „не за что теперь“. А между тѣмъ, это поздравленіе какъ острымъ ножомъ кольнуло мнѣ сердце. Первое декабря!.. Бѣдные стрѣльцы!..

3-го декабря.—Еще въ дѣтствѣ нянюшка разсказывала мнѣ, что „Малохъ-адойми“ обходитъ по ночамъ новоявленныхъ покойниковъ и, гремя желѣзной цѣпью, подвергаетъ ихъ строжайшему допросу по извѣстной выработанной программѣ: Какъ твое имя? Какимъ ремесломъ занимался ты? и т. д. Горе покойнику, если онъ забудетъ свое имя и не съумѣетъ дать вѣрнаго отвѣта! Съ какимъ страхомъ перелистывалъ я псалтырь, стараясь найти стихъ, въ которомъ первая и послѣдняя буква такія же, какъ первая и послѣдняя буква моего имени! Какъ радовался я, когда такой стихъ наконецъ былъ найденъ, съ какимъ наслажденіемъ зазубривалъ я его, стараясь сохранить его въ памяти на всю жизнь!... Но въ послѣднее время въ душу мою стало закрадываться сомнѣніе насчетъ правдоподобности нянюшкина разсказа. Вотъ ужъ сколько мѣсяцевъ прошло съ того знаменитаго дня, какъ я умеръ, каждую ночь я все ждалъ, что вотъ-вотъ раздастся звонокъ или стукъ въ дверь, загремитъ желѣзная цѣпь, и начнется допросъ: „ты кто такой? какъ твое имя? какимъ ремесломъ занимаешься? и т. д. Но всѣ ожиданія мои какъ-то не сбывались... Наконецъ, въ эту ночь ожидаемое сбылось-таки. Все подземелье наше, вплотную набитое скорпіонами, стрѣльцами и козерогами, вдругъ взбудоражено было цѣлой арміей „малохъ-адоймимъ“. Съ испугу многіе забыли даже свои имена и ремесла, чернильные мастера съ просонья объявили себя стекольщиками, сапожники превратились въ пирожниковъ, а пирожники въ сапожниковъ. Произошло нѣчто въ родѣ Вавилонскаго столпотворенія... Малохъ-адойми ругался и скверныя слова произносилъ, женщины плакали и зарывались подъ свои одѣяла, дѣти орали и пищали... Да, теперь я убѣдился, что нянюшка правду говорила...

14-го декабря.—Ханука—праздникъ Маккавеевъ. Дѣла давно минувшихъ дней. Полумертвая Іудея, измученная раздорами внутри, обезсиленная гнетомъ извнѣ, истекала кровью. Медленно, но непрерывно потухалъ послѣдній огонекъ ея самостоятельной жизни, ея политическаго бытія... Какъ догорающая свѣча, истощивъ послѣдній запасъ горючаго матеріала, вспыхиваетъ внезапно на одинъ моментъ, чтобы затѣмъ ужъ окончательно погаснуть, какъ агонизирующее животное въ послѣднія минуты своей жизни вдругъ разражается предсмертными судорогами, чтобы затѣмъ ужъ окончательно отдать себя въ руки смерти, растерзанная Іудея напрягла всѣ свои послѣднія силы и судорожно вспыхнула еще на „одну минуточку“, чтобы затѣмъ ужъ окончательно пасть

къ ногамъ своихъ враговъ-завоевателей. Изсякъ матеріалъ, истощилось горючее масло... Но совершилось чудо, и скуднаго запаса священнаго елея хватило на цѣлыхъ восемь дней... И героями этого момента были братья Маккавеи, память которыхъ чествуется иллюминаціей, празднествомъ и весельемъ. То были герои, имена которыхъ начертаны на скрижаляхъ исторіи, дѣла коихъ воспѣты поэтами, увѣковѣчены могучими звуками музыкантовъ и композиторовъ... А вы, стрѣльцы! Бѣдные, жалкіе, никому невѣдомые, но всѣми поруганные и оплеванные стрѣльцы! Не стыдитесь однако предъ своими знаменитыми предками, не робѣйте и не горюйте! Дѣла ваши скромны, но и вашъ подвигъ великъ и вѣченъ: сбитые съ позиціи, на которой вы постоянно боролись за свое мизерное существованіе, вы не отступили трусливо, не попрятались въ кусты, не отдали своего „я“ на поруганіе и осмѣяніе, а впились руками въ ваше знамя и, цѣпко ухватившись за него, носите это знамя въ міровое пространство, не страшась ни голода, ни смерти... И въ вашемъ шествіи слышится мнѣ гимнъ Рубинштейновскихъ героевъ:

Богъ нашъ Единъ,
Хранитъ Онъ слабыхъ,
Всесиленъ Онъ и Всемогущъ,
Хранитъ Онъ въ жизни
Вѣчно правыхъ,
Ангелъ къ небу кажетъ путь!..
Осанна, Осанна!..

Сорокъ вѣковъ смотрятъ на васъ, стрѣльцы и скорпіоны— и вы съ чистою совѣстью можете смотрѣть на протекшіе сорокъ вѣковъ, зная, что составляете прямое ихъ продолженіе и не измѣнили имъ. Не воспѣваютъ васъ поэты и музыканты, но весь міръ, все человѣчество съ сочувствіемъ смотритъ на вашъ скромный подвигъ. И кто знаетъ? Быть можетъ, безсмысленные крики „лежачаго бей! лупи и жарь!“ прозвучатъ когда-то громче поэмъ и Рубинштейновскихъ оперъ!...

Морозъ. Снѣгъ скрипитъ подъ ногами. Изъ трубъ валитъ дымъ. Все прячется и ежится отъ холода. Носы раскраснѣлись, бороды, воротники шубъ покрылись толстымъ слоемъ инея. Извощики подпрыгиваютъ и хлопаютъ рукавицами.

А на платформѣ шумъ и гамъ. Въ толпѣ замѣтилъ я знакомаго стрѣльца.

— Ну, чѣмъ кончилось ваше путешествіе въ „поднебесныя сферы“?

— Видите,—сердито проговорилъ онъ, указывая на свой чемоданъ.

Озябшіе пассажиры спѣшатъ, толкаются. Прощайте! Счастливаго пути! Не забудьте, пишите! Дай вамъ Богъ! Про-о-щайте! Воды! воды дайте!...

— Что это они такъ плачутъ?—спрашиваетъ какая-то сердобольная барыня.

— Да вѣдь это—декабристы.

— Что-о? Какіе декабристы? Сама недавно въ газетахъ читала, что послѣдній изъ нихъ ужъ умеръ.

— Да не тѣ, барыня! Это — стрѣльцы свое движеніе въ міровомъ пространствѣ начинаютъ.

— Ахъ, спутала...

Динь-динь-динь... Разъ... два... три... Локомотивъ свистнулъ, и похоронная процессія тронулась.

16-го декабря.—Вотъ какое письмо получилъ я наконецъ сегодня съ того свѣта:

Милостивый Государь!

„Зная, что вы въ настоящее время сильно интересуетесь астрологіей и внимательно слѣдите за движеніемъ звѣздъ, созвѣздій и ихъ спутниковъ въ міровомъ пространствѣ, я счелъ своимъ долгомъ, согласно вашей просьбѣ, описать вамъ все, что я видѣлъ, слышалъ и испыталъ при моемъ передвиженіи изъ области бытія въ „лучшій міръ“.

„Наплакавшись до-сыта, распростившись со всѣми близкими и знакомыми, захвативъ съ собою гробъ изъ „Похороннаго Бюро“, свидѣтельство на погребеніе и другія нужныя и ненужныя бумаги, я уложилъ себя и... задвигался... Земля, небо, безпредѣльное пространство и—больше ничего. Кругомъ голо и пустынно, какъ у меня въ карманѣ. А на душѣ... Что говорить! Вы, небось, понимаете, какъ бываетъ на душѣ у скорпіона. Наконецъ-то мы переходимъ изъ одного атмосфернаго слоя въ другой. Сразу чувствуешь дру-

гое воздушное теченіе, всѣми фибрами души ощущаешь, какъ понижается баромертическое давленіе. Для меня, мертвеца, вокзалы, станціи, буфеты, верстовые столбы, ветлы, вѣхи и другіе указатели дороги, которыми пользуются живые люди, не имѣютъ никакого значенія. Я только и дѣлаю, что гляжу по сторонамъ и ищу, гдѣ „Похоронное Бюро“ имѣется. Вотъ являюсь въ „Похоронное Бюро“, осматриваютъ меня съ ногъ до головы, осматриваютъ всѣ документы и убѣждаются, что я дѣйствительно мертвецъ, такъ сказать, законный, санкціонированный и рекомендованный. Надо вамъ замѣтить, что тутъ обращаютъ серьезное вниманіе на родъ и причину смерти и особенно сурово относятся къ самоубійцамъ. Force majeure, эпидемія — это другое дѣло. Но самоубійцы преслѣдуются очень строго и вовсе лишаются погребенія. Да и то сказать — кругомъ эпидеміи свирѣпствуютъ, люди мрутъ, какъ мухи, отъ мертвецовъ отбою нѣтъ, могильщики работаютъ, не покладая рукъ, а тутъ еще самоубійства... Нѣтъ, ужъ подожди, братецъ, руки на себя накладывать!...

„Хароны выдаютъ мнѣ новое свидѣтельство на погребеніе, а на время помѣщаютъ въ общую могилу. Можете себѣ представить, каково лежать въ общей ямѣ съ цѣлой сотней мертвецовъ разнаго пола и возраста. Покойный Фамусовъ не могъ равнодушно и вспомнить, о „ларчикѣ, гдѣ ни встать, ни сѣсть“, а попробовалъ бы онъ, какъ я, въ общей могилѣ полежать...

„А „Погребальное Братство“ въ это время бездѣйствуетъ. Оно ведетъ горячіе споры о томъ, гдѣ меня похоронить. У насъ этотъ вопросъ считается рѣшеннымъ и безспорнымъ: не сомнѣвающіеся въ своемъ бытіи люди гоголемъ разгуливаютъ по горамъ, по доламъ и гдѣ душѣ ихъ угодно, а козероги, скорпіоны, водолеи и другія, не имѣющія господствующаго образа, твари загоняются въ „Юдоль плача“ и бьются себѣ, какъ рыба объ ледъ, и безропотно плодятся и множатся, аки песокъ въ морѣ. Но тутъ... тутъ отчаянно спорятъ и дебатируютъ. Люди, у которыхъ на первомъ планѣ легенда и пафосъ, тѣ патетически восклицаютъ: „Домой! на родину!... Тамъ млеко и медъ, въ каждой песчинкѣ историческое воспоминаніе сидитъ, изъ-подъ каждаго кустика народная традиція торчитъ. Тамъ, тамъ... А что касается того, что... то тогда объ этомъ мы... Мы... ничего!.. Что толковать? Гдѣ родился, тамъ его и похоронить надо“. Другіе, болѣе меланхолически настроенные, утверждаютъ, что мертвецу иного мѣста не можетъ быть, какъ только „на томъ свѣтѣ“. „Знаешь-ли край, гдѣ кофе растетъ? Туда, туда мы съ тобой“... элегически поютъ они. „Тамъ, на крайнемъ югѣ, въ „Серебряномъ царствѣ“, онъ не то что на серебрѣ, на золотѣ ѣсть будетъ“... Проектъ за проектомъ, предложеніе за предложеніемъ. А я лежу въ это время въ общей ямѣ, прислушиваясь ко всѣмъ этимъ толкамъ и спорамъ, и плачу, навзрыдъ плачу. Ужъ очень, знаете, обидно стало за себя. Фактъ самъ по себѣ, an und für sich, задѣлъ меня за живое. Что я за несчастное существо такое,—думалъ я про себя, что нѣтъ мнѣ мѣста на землѣ! Всякому звѣрю хищному, всякому гаду пресмыкающемуся, всякому червю ничтожному Богъ мѣсто на землѣ удѣлилъ, а мнѣ такъ-таки и мѣста нѣтъ. Вышвырнули меня на потѣху людямъ въ міровое пространство, дали въ руки посохъ и суму—и гуляй, гуляй безъ крова, безъ пріюта и пристанища!... Хотя бы баллонъ-каптивы устроить да помѣстить туда всѣхъ козероговъ и водолеевъ: пусть себѣ болтаются въ воздухѣ. Чего, кажется, проще!...“

„Наконецъ, рѣшеніе мое вышло, меня препроводили въ слѣдующее „Похоронное Бюро“, это послѣднее — опять въ слѣдующее и т. д. до послѣдняго пункта. Тутъ ужъ я думалъ, что мытарства мои всѣ кончились, но они только начинались. Собрался весь „эревъ-равъ“, разсортировали, размѣстили, и Ноевъ ковчегъ тронулся. Прощай, земля!... Вода и небо, небо и вода, и въ каютѣ вода, до колѣнъ вода. Туманъ, вѣтеръ и качка... Водяныя горы встаютъ со всѣхъ сторонъ, летятъ и съ шумомъ и ревомъ, точно звѣри-гиганты, накидываются на нашъ ковчегъ, какъ будто желая поглотить его... А вѣтеръ воетъ и гуляетъ въ безбрежномъ пространствѣ,—и въ его движеніи безъ цѣли, безъ плана, безъ направленія я ясно вижу копію и моего скитанія въ міровомъ пространствѣ безъ флюгера, безъ компаса, „безъ руля и безъ вѣтрилъ“... И былъ вечеръ, и было утро—день первый. И такихъ вечеровъ и утръ было ровно двадцать три. Двадцать три дня и двадцать три ночи сидѣнія по колѣна въ водѣ, двадцать три дня сухояденія, или по-просту, неядѣнія, двадцать три дня порханія по водѣ и въ водѣ, двадцать три дня качанія... За-то впереди, какъ говоритъ поэтъ:

Тамъ, за далью непогоды,
Есть блаженная страна;
Не темнѣютъ неба своды,
Не проходитъ тишина.

Но туда выносятъ волны
Только сильнаго душой!
Смѣло, братья, бурей полный
Прямъ и крѣпокъ парусъ мой...

„Земля!“ — раздалось со всѣхъ сторонъ. И какъ библейскій голубь, явившійся къ Ною съ масличнымъ листомъ во рту, такъ и это магическое слово „земля!“ воскресило во мнѣ всѣ надежды, оживило мой духъ и мои силы, и я жадно вперилъ взоръ въ пространство. На горизонтѣ вмѣсто голубя съ масличнымъ листомъ въ смутныхъ очертаніяхъ вырисовывалась статуя свободы... Свобода!...

„Вотъ пока все. Осмотрюсь и опишу вамъ все подробно. А что дѣлается у насъ, или у васъ? Право, путаюсь, и не знаю, какъ теперь сказать.

„Преданный вамъ Скорпіонъ“.

17-го декабря.—А время идетъ, и моментъ наступленія Козерога все приближается. Козерогъ! Легко сказать! Съ движеніемъ этого созвѣздія связана судьба тысячъ живыхъ существъ, цѣлыхъ тысячъ козероговъ. Есть люди, которые родятся „въ сорочкѣ“ и „подъ счастливой звѣздой“. Завидная доля! Но есть и такіе, которые, промаявшись всю жизнь свою до старости, и оставшись въ концѣ этой маяты совсѣмъ „безъ сорочки“, обязаны еще перērодиться и вновь родиться подъ указанной звѣздой. Таковы козероги. Брр... Холодно. Дрожь проходитъ по тѣлу при этомъ воспоминаніи. Шуткали, тысячи козероговъ...

31-го декабря.—Двѣнадцать часовъ ночи. Торжественная минута. Часовая стрѣлка медленно-медленно подползла къ своей меньшей спутницѣ и, крѣпко обнявшись съ ней, наскоро обмѣнявшись съ нею встрѣчнымъ и прощальнымъ поцѣлуемъ, снова пускается въ дальній безконечный путь... Съ новымъ годомъ!... Новый? Неужели для меня, мертвеца, предвидится что-либо новое? Оставьте, господа! Помните старый анекдотъ объ убитомъ на войнѣ казакѣ? Въ самомъ началѣ русско-турецкой войны въ газетахъ появилась слѣдующая телеграмма: „Вчера между нашими казаками и турками произошла первая стычка. Убитъ одинъ казакъ“. Одинъ старикъ, прочитавъ эту телеграмму, добродушно улыбнулся и сказалъ: „А знаете, этотъ казакъ — мой старый знакомый.

Помню, во время крымской кампаніи онъ также первый былъ убитъ“...

Да, этотъ „новый“ годъ для меня „знакомый казакъ“... Я съ точностью астрономическихъ вычисленій могу предсказать все, что сбудется со мною и со всѣми, мнѣ подобными. Январь — козероги, февраль—водолеи, мартъ—рыбы, сегодня—Хаимъ, завтра — Ицка, затѣмъ—Мошка и т. д. Чтó новаго меня ждетъ? Неужели явится новый Іисусъ Навинъ, который кликнетъ „остановитесь, звѣзды!“ Нѣтъ, время чудесъ прошло безвозвратно, теперь время желѣзныхъ законовъ науки, а въ ряду наукъ астрономія, какъ извѣстно, самая солидная и прочная, ея законы непоколебимы и неотразимы, движенія звѣздъ и ихъ спутниковъ вычислены съ самой строгой математической точностью. Такъ чего-же мнѣ послѣ этого ждать отъ „новаго“ года?

7-го января.—Январь—козероги.

Сколько ихъ! Куда ихъ гонятъ?
Что такъ жалобно поютъ?
Бѣгутъ и мчатся рой за роемъ
Въ безпредѣльной вышинѣ,
Визгомъ жалобнымъ и воемъ
Надрывая сердце мнѣ...

Мчатся, готовятся, собираются. Что-то будетъ?

14-го января. — Знаете-что? Поѣдемте на вокзалъ!—предложилъ я Степану Петровичу Либералову.—Поѣдемъ, право, сегодня особенно интересно.

Степанъ Петровичъ медленно подошелъ къ окну, посмотрѣлъ на термометръ и закачалъ головой.—Нѣтъ, не поѣду! Посмотрите: 31°. Замерзнешь.

— Вотъ видите, Степанъ Петровичъ. А каково же имъ-то. Вѣдь у насъ и шубы теплыя, и на хорошемъ извощикѣ поѣдемъ. Поѣдемъ! Ну, посмотрите хоть разикъ! Стóитъ, право.

— Ну, хорошо, Богъ съ вами, поѣдемъ. Только ужъ вы мнѣ плэдъ, пожалуйста, дайте!

— Идетъ.

Одѣлись, снарядились, закутались и поѣхали. Улицы почти пусты. Сибирскій 30-ти градусный морозъ какъ метлой очистилъ мостовыя и тротуары отъ обычной толпы. Въ воздухѣ стоитъ туманъ. На всѣхъ углахъ и перекресткахъ костры. Фонарныя стекла покрыты толстой ледяной корой, сквозь

которую съ трудомъ пробивается еле мерцающій огонекъ. Холодно, невыносимо холодно! Руку высунешь—паръ идетъ. Извощики—всѣ съ отмороженными носами, ушами и щеками...

А зала биткомъ набита козерогами. Всѣ скамьи заняты сундуками, чемоданами и узлами, около которыхъ толпятся кучки людей, точно армія на бивуакахъ расположилась. Чадолюбивыя матери устроили гдѣ ни попало, — на полу, на скамейкѣ, на ящикѣ, — импровизированныя постельки для своихъ озябшихъ дѣтей. Въ воздухѣ стонъ стоитъ. Дѣти плачутъ, пищатъ, матери воютъ, а отцы ругаются и проклинаютъ свою судьбу. Хайка, куда бѣжишь, чертовка? Ривка, Боже мой, гдѣ Ривка? Іошка, Іошка, скорѣй, на-вотъ, тащи! Сквозь землю тебѣ провалиться, старый чортъ! Тащи дѣтей, не видишь, что-ли? Холера на твою голову! Куда-ты пропадаешь? Гробы ужъ выдаютъ? Дайте, пожалуйста, мнѣ скорѣе, у меня много дѣтей. Башлыкъ! Полушубокъ дайте! Моему Хаимкѣ полушубокъ! Дайте ей валенковъ, смотрите, она совсѣмъ босая! Платокъ, платокъ, дайте платокъ! Валенковъ, башлыкъ, полушубокъ, гробъ, гробъ!... Чайникъ, смотри не забудь! Багажъ отдай! Гробъ возьми! Дѣтей—гдѣ дѣти?

Степанъ Петровичъ, вперивъ глаза въ толпу, стоялъ неподвижно, точно окаменѣлый, не понявъ сразу, гдѣ онъ очутился.

— Что съ вами?—вывелъ я его изъ оцѣпенѣлаго состоянія.

— Поѣдемте домой!

— А что?

— Поѣдемъ, поѣдемъ... Чего тутъ смотрѣть?

— Нѣтъ, подождемъ ужъ до конца. Развѣ не интересно?

— Оставьте!—сказалъ онъ почти гнѣвно. — Интересно, очень интересно...

Въ это время изъ одного угла залы раздался голосъ: „господа, гробовъ больше нѣтъ“.

— Неужели ихъ такъ много?—спросилъ Степанъ Петровичъ.

— Какъ видите, должно-быть, не мало. Не вѣрили, а вотъ убѣдились.

— Поѣдемъ однако, поѣдемъ,—настаивалъ Степанъ Петровичъ.

— Сію минуту! Я сейчасъ. Зайдите пока въ буфетъ, выпейте чаю, обогрѣетесь.

На платформѣ давка, крикъ и шумъ. „Мѣстъ нѣтъ, мѣстъ

нѣтъ, проходите дальше!“ выкрикиваетъ кондукторъ. Наконецъ всѣ усѣлись.

Динь-динь-динь... Разъ... два... три... Локомотивъ свистнулъ, и похоронная процессія тронулась.

— Ну, что?... Что это, по вашему, такое?—спросилъ я на обратномъ пути Степана Петровича, все время не проронившаго ни одного слова.

— Это... это... чортъ знаетъ что такое!...

15-го января.—Торчащій у всѣхъ на виду покойникъ, мозолящій глаза трупъ, вызываетъ гнетущее чувство въ живыхъ. Жизнь не терпитъ рядомъ съ собою смерти, не мирится съ нею и гонитъ ее прочь отъ себя. Покойникъ среди живыхъ людей какъ будто стѣсняетъ послѣднихъ, какъ бы мѣшаетъ нормальному теченію жизни, и хочется поскорѣе его убрать, запрятать, похоронить,—и когда этотъ послѣдній актъ совершился наконецъ, когда всепоглощающая земля освобождаетъ человѣческій глазъ отъ созерцанія продуктовъ смерти, всѣ какъ будто вновь оживаютъ, жизнь начинаетъ идти опять своимъ прежнимъ темпомъ. Нѣчто подобное чувствуется сегодня... Ухъ!.. Какъ будто цѣлая гора свалилась съ плечъ, и на душѣ легко стало... Сдвинуть съ мѣста, мобилизировать такую армію козероговъ, и въ такое неблагопріятное для движенія въ пространствѣ время, согласитесь, задача не изъ легкихъ, не легче, пожалуй, чѣмъ свергнуть съ канцлерскаго поста даже такого героя, какъ Бисмаркъ. Невольно вырвется изъ груди протяжное „ухъ!“, невольно почувствуешь облегченіе...

— Что, спровадили?

— Отправили.

— Ну, и слава Богу!...

— Дѣйствительно, нелегкая была коммиссія... Но вѣдь еще...

— Что еще?

— Какъ же, порядокъ забыли, что-ли? Козероги, а за козерогами—водолеи.

— Эхъ!...

17-го января.—Да, водолеи, водолейки, слезолеи, горемыки... Идутъ-тянутся длинной вереницей, со страхомъ и трепетомъ

ждутъ печальной очереди, чтобы ринуться въ ту же глубокую и темную бездну.

Древній миѳъ о Данаидахъ, вѣчно наполняющихъ бездонную бочку, даетъ только маленькое представленіе объ этомъ мучительномъ состояніи, объ этомъ адски-безсмысленномъ трудѣ, объ этой жестокой каторгѣ вѣчнаго движенія безъ конца и безъ цѣли, безъ просвѣта и безъ надежды. Подумайте только объ этихъ водолеяхъ, обреченныхъ на вѣчное „толченіе воды въ ступѣ", на вѣчный трудъ Данаидъ: лить, лить безъ конца, лить въ бездонную бочку, которую вотъ уже сколько тысячъ лѣтъ никакъ нельзя наполнить до краевъ, тянуть нескончаемую канитель, которая растянулась уже на пространствѣ двадцати вѣковъ, и которая, все болѣе разматывается и разматывается, въ длину и ширину, все болѣе запутывается въ своихъ изгибахъ и изворотахъ, точно гигантскій паукъ, охватившій своей паутиной неизмѣримыя пространства. Какой ты Янкель или Ицка? Ты не Янкель и не Ицка, ты... водолей, абстрактное существо, условный знакъ, живая цифра, безпочвенный водолей, оторванный отъ міра живыхъ людей, никому не принадлежащій, никому неинтересный, а такъ, по-пусту болтающійся на свѣтѣ, вертясь въ міровомъ пространствѣ. И помирись съ этимъ опредѣленіемъ, вырви изъ сердца своего понятіе о человѣкѣ, мыслимомъ только въ данной средѣ, въ данныхъ условіяхъ, въ данномъ мѣстѣ и въ данное время! Прочь все человѣческое, все жизненное, все условное, omne humanum tibi alienum est!... Прочь всѣ аттрибуты „общественнаго животнаго", знай, что ты—водолей, движущееся тѣло, для котораго нѣтъ ни родины, ни отчизны, и которому безразлично, гдѣ ни двигаться, въ Европѣ или Америкѣ, въ Россіи или въ Аргентинской республикѣ!...

18-го января.—Да, отрекись отъ всего человѣческаго, отъ всѣхъ свойствъ живущаго, чувствующаго и мыслящаго существа, забудь свою природу, заглуши всѣ запросы своей натуры, и помни, вѣчно помни, что ты не человѣкъ съ людскими понятіями, мыслями, желаніями и чувствами, что ты не человѣкъ, прикрѣпленный безчисленными связями ко всему человѣческому, а козерогъ или водолей, ревизская душа, и больше ничего. Твои желанія — незаконны, твои стремленія—противны, твои чувства—неумѣстны, твои дѣй-

ствія—нежелательны, весь ты—лишній, ненужный, незваный.. Если портной Ицка сѣлъ въ вагонъ конно-желѣзной дороги, это значитъ, что жиды нахально занимаютъ мѣста, предназначенныя для публики; банкиръ Ицка сидитъ въ ложѣ — жиды всюду лѣзутъ: студентъ Ицка явился въ аудиторію раньше всѣхъ и занялъ мѣсто на передней скамейкѣ — жиды занимаютъ лучшія мѣста; меламедъ Ицка не отдастъ сына своего въ классическую гимназію — жиды, значитъ, враги просвѣщенія, обособляются; гимназистъ Ицка получилъ золотую медаль въ Пошехонской гимназіи—жиды заполонили наши учебныя заведенія и вытѣсняютъ „коренныхъ"; булочникъ Ицка расширилъ въ городѣ Царевококшайскѣ бараночное производство—жиды захватили въ свои руки всю хлѣбную торговлю въ Россіи; купецъ Ицка выигралъ 200.000—жиды повсюду поспѣваютъ, „имъ страшно везетъ"; у лавочника Ицки родился сынъ—рождаемость жидовъ несоразмѣрно велика, и это грозитъ опасностью остальному населенію; просто Ицка умеръ отъ тифа—жиды грязны и разводятъ заразу... Жиды, жиды, жиды... Но позвольте! Портной Ицка въ простотѣ душевной воображаетъ, что и онъ принадлежитъ къ „публикѣ", банкиръ Ицка просто желаетъ посмотрѣть „Жидовку" жида Галеви въ исполненіи жида-же Ицини, а студентъ Ицка наивно думаетъ, что раннимъ своимъ приходомъ онъ пріобрѣлъ право на ближайшее мѣсто... Что? Онъ *воображаетъ*, онъ *желаетъ*, онъ *думаетъ*! Какъ вамъ это нравится? Жидъ желаетъ, жидъ воображаетъ, жидъ смѣетъ думать! Желать, воображать, думать имѣетъ право живой человѣкъ, но жидъ... Какъ вы этого не понимаете?...

2-го февраля.—Февраль. Созвѣздіе Водолей уже выступило въ путь, и земные спутники его собираются, укладываются. Я вспомнилъ моего стараго пріятеля Лейбу, одного изъ спутниковъ Водолея, и зашелъ сказать ему послѣднее „прости". Я невольно остановился въ дверяхъ, пораженный необыкновеннымъ зрѣлищемъ. Во всѣхъ углахъ небольшой его квартиры валялись кули, тюки, подушки и узлы, на которыхъ живописно расположились члены его семьи. Самъ Лейба стоялъ посрединѣ комнаты и, весь въ поту, съ раскраснѣвшимся лицомъ, съ налитыми кровью глазами, тяжело дыша, яростно рубилъ топоромъ совсѣмъ еще новый

вѣнскій стулъ.—Что вы дѣлаете?—изумился я. Лейба остановился и, положивъ топоръ на правое плечо, гнѣвно отвѣтилъ: „Что я дѣлаю? Рублю мебель мою!“ и онъ снова ударилъ топоромъ по стулу съ такой силой, что щепки разлетѣлись во всѣ стороны.

— Да погодите! Что такое съ вами случилось?

— Что со мною? Не знаете? Откуда пріѣхали? Не знаете, что я водолей? Скажите, пожалуйста, что я съ этимъ (и онъ указалъ на разрушенный стулъ) буду дѣлать? Съ собой тащить прикажете? Слава Богу, и безъ этого багажу не мало,—и онъ указалъ рукой на жену и дѣтей.

— Но позвольте, зачѣмъ-же ломать, вѣдь все это продать можно.

— Продать? Но кому? *Имъ?..*

— Мало-ли кому!

— Да, да, попробуйте... *Они*, безбожники, по пятачку за стулъ, по гривеннику за кровать предлагаютъ... Такъ имъ продать прикажете? Нѣтъ!... Лучше въ печкѣ сожгу, на улицу выброшу, въ порошокъ сотру, только чтобъ не досталось этимъ...

И онъ снова хватилъ топоромъ по стулу.

— Да успокойтесь, ради Бога! Нельзя-же такъ, вѣдь знаете заповѣдь „балъ-ташхисъ“—не порть.

— Не могу, не могу!—задыхался Лейба. Крупныя капли пота выступили у него на лбу, и на глазахъ показались слезы.—Не могу! Вѣдь я по два рубля за стулъ заплатилъ. Разрѣжьте каждый рубль мой — изъ него кровь потечетъ, въ каждой копѣйкѣ, въ каждой вещицѣ—потъ мой, мозгъ костей моихъ сидитъ, а *они* по пятачку за стулъ... „Погодите еще недѣльку-другую“—говорятъ *они*,—„можетъ, дороже возьмете“. Подождите!... А то, что я водолей, этого они развѣ не знаютъ? Знаютъ, канальи, знаютъ—и вотъ по пятачку предлагаютъ...

— Ну, что-же дѣлать? Не волнуйтесь, пожалуйста, не горячитесь. Присядьте лучше, отдохните, а то вы ужъ очень возбуждены.

Лейба сѣлъ. Медленно накипѣвшее раздраженіе, разразившееся такимъ бурнымъ взрывомъ, очевидно, утомило, а отчасти и облегчило его, и онъ въ безсиліи опустился на стоявшій тутъ-же сундукъ.

— Успокойтесь, продолжалъ я утѣшать его, не кипятитесь. Ваше положеніе еще слава Богу! Вы еще не старикъ, можете работать, дѣтей не много, да и сотня — другая въ карманѣ найдется... Богъ милостивъ! Есть куда похуже вашего положенія...

— Еще слава Богу!—иронически передразнилъ онъ меня.— Мы, евреи, вѣдь все Бога славимъ. Всегда и во всемъ привыкли видѣть чудо, „несъ“, Божье провидѣніе и заботливость, „гашгохасъ габойрэ“... Упадетъ еврей и носъ себѣ расшибетъ—и онъ смиренно говоритъ: „слава Богу! что за „несъ“! вѣдь эдакъ я могъ себѣ глазъ вышибить и зрѣніе потерять“. Умретъ у еврея молодая жена — и онъ покорно лепечетъ: „слава Богу, что грудныхъ дѣтей не оставила по себѣ“. Случится у него пожаръ въ домѣ—и онъ воздѣваетъ руки къ небу и говоритъ: „что-за „несъ“, что это случилось днемъ! Случись это ночью—и мы всѣ бы сгорѣли“. Слава Богу! За все слава Богу! Слава Богу и за то, что я водолей!...

— Конечно.

— Конечно! Благословенъ Ты, Господи, что сотворилъ меня водолеемъ, и что мнѣ, водолею, открыто міровое пространство, по которому могу безпрепятственно двигаться, какъ бѣлка въ колесѣ!... Это также своего рода „несъ“, не правда-ли? И то сказать, а что еслибы каждому водолею на „добрую память“ передъ отъѣздомъ десятокъ—другой горяченькихъ закатили, тогда еще хуже было-бы... Чѣмъ-же это не „несъ“? „Несъ“, да и только!

Я улыбнулся.

— Что, смѣшно? „Несъ“, кругомъ все „нисимъ“ и „гашгохасъ габойрэ“... Развѣ не „несъ“, не большой „несъ“, что Христофоръ Колумбъ Америку открылъ? А что еслибъ онъ не открылъ? а? Всевышній создаетъ лѣкарство до болѣзни...

Я задумался, не зная, что возразить несчастному Лейбѣ.

9-го февраля.—„Amerikanische Häfen gesperrt, deutsche Comités alle geschlossen“...

Вотъ тебѣ и Юрьевъ день! Бѣдный Лейба какъ будто предчувствовалъ это новое проявленіе „гашгохасъ габойрэ“... Созданное четыре вѣка тому назадъ лѣкарство вдругъ исчезло, погибло, и только теперь можно вполнѣ оцѣнить зна-

ченіе этого предуготованнаго провидѣніемъ лѣкарства. Вообразите себѣ, въ самомъ дѣлѣ, что матушка сыра-земля вдругъ почему-то отказалась пріютить бѣдныхъ покойниковъ, что гостепріимныя нѣдра ея вдругъ оказались закрытыми, запертыми, geschlossen, gesperrt... Вообразите себѣ эту нелѣпость на одну минуту—и вы ужаснетесь... Кругомъ мертвецы, покойники, повсюду трупный запахъ, гниль, мертвечина, а всепожирающая земля крѣпко сжала свои челюсти и не хочетъ дать „права жительства" всѣмъ этимъ гніющимъ, разлагающимся тѣламъ... Жизнь стала-бы невыносимой, люди предпочли-бы смерть жизни. Вообразите теперь этихъ водолеевъ, которые лишены уже всего, кромѣ надежды на „тотъ свѣтъ", и предъ которыми вдругъ закрылись двери и „того свѣта"!... Бѣдный Лейба, бѣдные водолеи!...

14-го февраля.—Холодный и печальный зимній день. Водолеи всѣ въ сборѣ, старые, юные, взрослые, дѣти. Тюки узлы, подушки и чемоданы, крики, стоны, слезы и истерики. Знакомая картина...

Динь—динь—динь... Разъ, два, три! Локомотивъ свистнулъ, и погребальная процессія тронулась.

16-го февраля.—Первое число мѣсяца „Адара", и новая категорія мертвецовъ, имѣющихъ „преставиться" въ этомъ мѣсяцѣ. Еще рѣки не успѣютъ сбросить съ себя ледяную кору, какъ рыбы пустятся вплавь по безбрежному міровому пространству, ища, не по людской привычкѣ, гдѣ лучше, а по рыбьему инстинкту, гдѣ глубже... Пустятся и зубастыя щуки, и жалкіе караси, пустится и мелкая плотва — пустятся и поплывутъ въ безбрежную даль, захлебываясь въ бездонной глубинѣ своего безконечнаго горя и мучительнаго одиночества...

17-го февраля.—А многіе отстаютъ, не двигаются съ мѣста, повинуясь силѣ инерціи... Это—хамелеоны, которыхъ удерживаетъ привязанность къ жизни и страхъ смерти. О, какъ сильна эта жажда жизни, какъ цѣпляется за эту жизнь человѣкъ! Какою цѣною готовъ онъ купить ее! Человѣкъ идетъ на все, лишь бы жить: онъ даетъ себѣ ампутировать руки, ноги, языкъ даже—лишь бы жить; онъ готовъ остаться безъ движенія, безъ зрѣнія, безъ слуха, безъ вѣры, безъ идеаловъ, безъ роду, безъ племени—лишь бы жить... И, воткнувъ въ свое тѣло пестрое павлиное перо, онъ живетъ, отъ своихъ отставъ и къ чужимъ не приставъ, живетъ, нося въ груди вѣчно жгущій его сердце и никогда не гаснущій огонь, живетъ, мучимый никогда и ничѣмъ неутолимой жаждой, живетъ, вѣчно борясь то съ своимъ прошлымъ, то съ своимъ настоящимъ... Не рыба и не мясо, не живой и не мертвецъ, не козерогъ и не водолей, а хамелеонъ, игрой цвѣтовъ рожденный и оптическимъ обманомъ живущій и существующій... Счастливъ хамелеонъ, который смотритъ на свое цвѣтоизмѣненіе съ грубымъ безсмысліемъ циника, съ деревяннымъ равнодушіемъ животнаго, совершающаго непріятную, но необходимую для поддержанія жизни функцію! Счастливъ хамелеонъ, который смотритъ на свою метаморфозу съ невозмутимымъ хладнокровіемъ философа, руководствующагося принципами и законами высшаго разума! Этихъ рѣдкихъ счастливцевъ имѣлъ, должно быть, въ виду Талмудъ, когда говоритъ: „Хамелеонъ черезъ семь лѣтъ превращается въ летучую мышь, эта послѣдняя черезъ семь лѣтъ превращается въ колючій кустарникъ; послѣдній черезъ семь лѣтъ превращается въ шиповникъ, а этотъ черезъ семь лѣтъ обращается въ дьявола"... Но какъ жалки и несчастны тѣ робкіе хамелеоны, у которыхъ эта метаморфоза ложится тяжелымъ камнемъ на душѣ, гнететъ и давитъ, какъ кошмаръ, сосетъ и точитъ, какъ червь, грызетъ и разъѣдаетъ, бѣситъ и пугаетъ!... Среди шумнаго веселья праздничнаго дня и „въ минуту жизни трудную", среди дневныхъ заботъ и въ тиши ночной, вездѣ и всегда, душа его горитъ и борется съ возстающими въ воображеніи его образами, съ постоянно возникающими въ головѣ думами и мыслями. Страхъ и стыдъ, сомнѣніе и раскаяніе—его вѣчные спутники, сердце поетъ и уста безмолвно шепчутъ: je suis revenu...

23-го февраля.—7-ой день мѣсяца Адара, день рожденія и годовщина смерти того самаго, по выраженію Степана Петровича, „ловкаго маклера", который устроилъ для меня заемъ и заставилъ меня подписать тяжелый контрактъ. Ловкій былъ маклеръ! И я тоже простофиля былъ порядочный, нечего сказать. Носился онъ съ своимъ капиталомъ ко всѣмъ народамъ земли, объѣхалъ весь свѣтъ, предлагалъ, навязывалъ, просился и низко кланялся: „такъ и такъ, не угодно-

ли, пожалуйста, возьмите!“ Уговаривалъ всѣми способами, а тѣ себѣ на умѣ, руками и ногами открещиваются: „проваливай дальше, не надо, молъ!“ Ходилъ онъ, рыскалъ по бѣлу-свѣту, пока не наткнулся на наивнаго дуралея, опуталъ его и заманилъ въ ловушку, изъ которой нѣтъ выхода. Стой, теперь не уйдешь! „Вотъ законы, которые я даю тебѣ, дабы *жить* ими!“ Въ простотѣ своей я и думалъ, что буду жить да поживать, а на дѣлѣ-то оказалось: не жизнь, а смерть, или жизнь, да похуже смерти. Пошелъ бы я теперь на его могилу, припалъ бы къ его праху, излилъ бы предъ нимъ свою горькую душу: „Что ты со мной сдѣлалъ? Зачѣмъ меня погубилъ?“ Да нѣтъ, ужъ хитеръ больно былъ, умеръ и похороненъ такъ, что „до днесь ни одинъ человѣкъ не знаетъ мѣсто его покоя“...

1-го марта.—Тягостное, мучительное ощущеніе, вызываемое первымъ числомъ мѣсяца, испортило мнѣ сегодняшній праздникъ Пуримъ, день паденія Гамана. Палъ Гаманъ, но твердо стоитъ и живетъ гаманство. Не только живетъ, но расцвѣтаетъ пышнымъ цвѣтомъ, разростается пестрымъ и сочнымъ букетомъ, завоевывая все большее и большее пространство. Куда ни кинь, куда ни взгляни—повсюду какой-нибудь маленькій Гаманъ торчитъ и скверный свой языкъ показываетъ. И гдѣ причина этой живучести, этой неуничтожимости? Подуетъ вѣтеръ, сорветъ цвѣтокъ, сломитъ вѣтки, разрушитъ корни этого ползучаго и ядовитаго растенія — и думаешь, вотъ насталъ конецъ, и на мѣсто ядовитаго растенія взойдетъ пальмовая вѣтвь мира, дружбы, покоя и счастья. Но не успѣлъ ты еще погрузиться въ этотъ сладкій сонъ, глядишь, оно тутъ какъ тутъ, растетъ, поднимается, вытягивается и распускается. „Народъ этотъ“, говорилъ фараонъ,—„многочисленнѣе и сильнѣе насъ. Давайте подумаемъ, какъ его со свѣту сжить!“ Это былъ первый крикъ новорожденнаго гаманства. „Есть народъ одинъ, разсѣянный и разбросанный между всѣми народами, законъ у него особенный и царскихъ законовъ онъ не исполняетъ, не стóитъ его оставлять въ живыхъ“. Такъ уже басомъ говорилъ выросшій Гаманъ. Прошли вѣка, сотни поколѣній смѣнили этихъ патріарховъ гаманства, а сѣмена, брошенныя ими, все даютъ плоды. На какіе только лады и манеры не варьировался этотъ катехизисъ гаманства, сколько крови человѣ-

ческой пролито, сколько жизней загублено изъ-за того, что „законъ у него особенный“. Каждый вѣкъ имѣлъ свою формулу: „христіанскую кровь онъ пьетъ“, „колодцы отравляетъ“, „соки высасываетъ“, „законъ обходитъ“, „эксплоатируетъ и паразитируетъ“. У каждой эпохи свое знамя, свой пароль, но сущность лучше всего выразилъ прародитель всѣхъ Гамановъ: „Законъ у него особенный“ — эта мысль покою не даетъ, точно зудень, раздражаетъ и въ ярость вводитъ. Палъ Гаманъ, но живо, живо гаманство...

8-го марта.—Гаманство, не поддающееся никакимъ средствамъ, никакимъ мѣрамъ, никакимъ ухищреніямъ... Будетъ-ли когда конецъ этому безконечному умопомраченію, найдется-ли когда исходъ изъ этого безысходнаго состоянія, отыщется-ли когда разрѣшеніе этой неразрѣшимой задачѣ? Наука, философія и простой здравый смыслъ складываютъ свое оружіе и объявляютъ себя безсильными предъ этимъ „проклятымъ вопросомъ“. Въ сто первый разъ ломалъ я себѣ голову надъ этой головоломной задачей, но раздавшійся въ передней звонокъ прервалъ мои мысли. Въ дверяхъ показалась дѣвочка, тонкая, худая, съ блѣднымъ прозрачнымъ лицомъ и большими, блестящими черными глазенками. На видъ ей можно было дать лѣтъ 10—12. „Спутница какого-нибудь созвѣздія!“—подумалъ я.—„Что вамъ милая, угодно?“

— Я слышала,—начала она робко и застѣнчиво, слегка краснѣя.—Мнѣ говорили, что вы... Мнѣ надо уѣхать... Я пришла просить васъ...

— Что-же вы, къ рыбамъ принадлежите?

— Нѣтъ!... У меня... у меня совсѣмъ другое дѣло...

— Какое-же это дѣло? Разскажите, пожалуйста!

— Видите. Отца у меня нѣтъ. Онъ давно умеръ. Я жила съ матерью. Мать моя, какъ всѣ... знаете. Но она не хотѣла ѣхать... не съ чѣмъ и некуда... Очень мы бѣдные, и никого у насъ нѣтъ... она взяла и... въ хамелеона обратилась (лицо ея зардѣлось, какъ пурпуръ, и въ глазахъ показались слезы). А я... я не могу... не хочу... ни за-что не пойду...— Она закрыла лицо руками и горько заплакала.

— Какъ-же быть съ вами?

— Не знаю... помогите, я уѣду...

— Какже вы одна поѣдете, и куда поѣдете?

— Что-же мнѣ дѣлать?...—и страшныя рыданія покрыли ея слабый голосокъ.

Я не сталъ болѣе ее разспрашивать. Я все понялъ. Что дѣлать?—вотъ вопросъ, надъ которымъ я самъ только-что думалъ. Что дѣлать всѣмъ этимъ козерогамъ вообще, что дѣлать Хаиму или Ицкѣ въ частности, что дѣлать этой несчастной дѣвочкѣ съ блѣднымъ лицомъ и черными глазами? И какая буря, должно-быть, бушуетъ въ этой дѣтской головкѣ, подъ этимъ тоненькимъ черепомъ, въ этомъ слабомъ не окрѣпшемъ мозгу! Что за страшная драма, когда ребенку, вмѣсто заботъ о куклѣ, приходится думать о гробѣ для своего дѣтскаго тѣльца, вмѣсто заботъ о новомъ платьицѣ, приходится рѣшать гамлетовскій вопросъ „быть или не быть", рыба или хамелеонъ, и думать о движеніи въ пространствѣ, одинокой и несчастной, когда „не съ чѣмъ и некуда, никого нѣтъ и ничего нѣтъ". Невольно вспомнишь знаменитыя слова Виктора Гюго: „Много великаго таится въ этой мелкой борьбѣ. Здѣсь встрѣчаются упорные и невѣдомые борцы, которые грудью стоятъ во мракѣ противъ осаждающихъ нищеты и грязи. Здѣсь совершаются таинственныя побѣды, которыхъ никто не видитъ и никто не славитъ. Несчастіе, одиночество, сиротство, нужда—представляютъ собою поле битвы, имѣющее своихъ героевъ—героевъ темныхъ, но, можетъ-быть, болѣе великихъ, чѣмъ герои, увѣнчанные славой" (Les misérables).

14-го марта.—Длинный рядъ извозчиковъ тянется по широкой и многолюдной улицѣ. Каждый изъ нихъ навьюченъ узлами, тюками съ разнымъ хламомъ и тряпьемъ. Тутъ торчитъ старая тощая подушка, тамъ какое-то дряхлое женское платье или старый сапогъ, здѣсь—мѣдный позеленѣвшій подсвѣчникъ высовываетъ изъ угла свою раненую голову, тамъ болтается на веревкѣ жестяной чайникъ, гремя порыжѣвшей и заржавѣвшей крышкой. А надъ всѣмъ этимъ „имуществомъ" возсѣдаютъ типичные путешественники съ рыбьими физіономіями и печально глядятъ на несущіеся мимо дома́, на снующій народъ, на бѣгущихъ, ѣдущихъ, идущихъ. Въ послѣдній разъ проѣзжаютъ они по этой широкой улицѣ, мимо этихъ знакомыхъ домовъ и магазиновъ, по этому городу, съ которымъ сжились и свыклись, въ которомъ одни провели большую часть своей жизни, а другіе родились и пребывали въ немъ вплоть до настоящей минуты. Вотъ остались позади знакомые улицы и переулки, скрылась за спиной вся эта громада домовъ, церквей и дворцовъ, скрылась и канула въ вѣчность—а предъ глазами встаетъ высокое и красивое зданіе вокзала-мавзолея... Уже слышны пронзительные свистки маневрирующаго паровоза, уже видны мрачныя, темныя стѣны гробницъ-вагоновъ. Порвались всѣ связи, улетѣли и исчезли всѣ скромныя и рѣдкія радости, всѣ великія и частыя горести и печали бездомнаго житья-бытья! Отрѣзано все прошлое, и наступаетъ страшное неизвѣстное будущее...

— Мартовцы! Рыбы!—слышится въ толпѣ.

Динь-динь-динь... Разъ, два, три... Локомотивъ свистнулъ, и похоронная процессія тронулась.

17-го марта.—Первый день мѣсяца „Ниссанъ". Какія радостныя воспоминанія вызываетъ этотъ веселый праздничный мѣсяцъ. Какъ легко, какъ хорошо чувствовалось въ то, кажется, недавнее время, когда съ наступленіемъ того или другого мѣсяца не связывалась мысль о движеніи того или другого созвѣздія и его неизмѣнныхъ спутниковъ! Кончалась зима. Душный и тѣсный „хедеръ", въ которомъ мы были замуравлены, лишенные свѣта и воздуха, ломая свои дѣтскія головы надъ вопросомъ „о яйцѣ, снесенномъ въ праздникъ", или надъ знаменитымъ споромъ между послѣдователями Шамая и Гиллеля, эта дѣтская тюрьма раскрывала, наконецъ, свои маленькія окна, сквозь которыя залпомъ врывались свѣжіе струи пахучаго весенняго воздуха. Солнце не только свѣтило, но и грѣло. Нашъ строгій менторъ, увлеченный меламедской страдой, когда приходится вербовать новыхъ учениковъ и питомцевъ и вести горячую кампанію противъ жестокихъ конкуррентовъ, являлся позже и отпускалъ насъ раньше обыкновеннаго. Заря грядущей свободы носилась въ воздухѣ, дѣтское сердце усиленно билось и прыгало въ груди, жизнерадостное чувство теплой струей разливалось по всему тѣлу. Какъ живо, бойко и рѣзво прыгали мы, выпущенные на волю! Снѣгъ сошелъ, ледъ стаялъ и превратилъ улицы въ бурные потоки и лужи,

въ которыхъ граціозно плавали и купались корыта и другая домашняя утварь; въ „подрядахъ“ пекли мацу, которую торжественно несли по улицамъ въ новыхъ бѣлоснѣжныхъ скатертяхъ; въ домахъ происходила универсальная чистка, мыли полы, кипятили кастрюли, скребли лавки, стругали столы, все выносилось, вытряхивалось, выбивалось и выколачивалось, на чердакахъ и въ курятникахъ горланили индюки и индѣйки, усиленно откармливавшіеся къ приближавшемуся празднику. Насъ, дѣтей, оставляли въ покоѣ, а часто даже просто выгоняли изъ дому, чтобы мы какъ-нибудь не опоганили хлѣбомъ пасхальные предметы и яства. А на дворѣ такъ весело, такъ свободно дышется, а на душѣ такъ легко-легко!.... Не знали мы никакихъ „вопросовъ“, считали себя „избраннымъ“ народомъ, живущимъ подъ особеннымъ покровительствомъ Всесильнаго Іеговы, который вывелъ насъ изъ земли Египетской, наказавъ ея обитателей десятью казнями за ихъ „невниманіе“ къ избранникамъ Божіимъ. И сколько радостей впереди! Цѣлый мѣсяцъ вакаціонной свободы, новое платье, новая шляпа, пасха съ ея мацой, сладостями, орѣхами! Счастливый мѣсяцъ, счастливое время! Даже смерть въ этомъ мѣсяцѣ считалась не только не страшной, но даже очень сладкой, и только праведники и богоугодные люди удостоивались умирать въ эти дни... А теперь... Одна казнь постигла меня, но стóитъ она десяти другихъ: въ ней и *тьма*, заслоняющая свѣтъ Божій, въ ней и *градъ* сыплющихся на меня невзгодъ и бѣдствій, и *саранча*, готовая каждую минуту сожрать меня... И смерть въ этомъ мѣсяцѣ, т. е. состояніе овна—не лучше козерога и водолея...

31-го марта.—Первый день Пасхи—годовщина моей скоропостижной смерти. Какъ-то странно звучитъ въ моихъ ушахъ слово „пасха“, напоминающее то отдаленное время, когда всѣ бѣдствія меня „миновали“. Всѣ казни библейскія, моръ, градъ, кровь и другія гадости, обильнымъ дождемъ сыпавшіяся на головы моихъ притѣснителей — египтянъ, пронеслись мимо, не задѣвая меня: я былъ недоступенъ, невосспріимчивъ, застрахованъ... Когда же я теперь оглядываюсь кругомъ, когда прочитываю поздравительныя письма, присланныя со всѣхъ концовъ земного шара, изъ Берлина и Вѣны, изъ Лондона и Парижа, изъ Нью-Іорка и Буэносъ-Айреса, когда возстановляю въ своей памяти многосложный и многострадальный процессъ, приведшій сыновъ Израиля вообще съ береговъ Нила на берега Неплюевки, и въ частности портного Израиля, бывшаго моего сосѣда, съ береговъ Неплюевки на берега Ріо-ла-Платы,—я отлично сознаю, что библейскія десять казней ничто въ сравненіи съ моей специфической казнью—казнью „вѣчнаго жида“, удѣлъ котораго — вѣчно бродить и скитаться въ міровомъ пространствѣ, не зная покоя, какъ perpetuum mobile...

А подъ сводами почти пустой синагоги стройно и плавно льются могучіе звуки божественнаго псалма: „Всѣ народы окружили меня, облѣпили меня, какъ пчелы... Караетъ меня Господь, но не предаетъ смерти. Нѣтъ, я не умру, а вѣчно буду жить, повѣствуя о дѣлахъ Господа“...

1-го апрѣля.—Проснитесь, овны, проснитесь, козлы отпущенія, протрите глаза и посмотрите на лазурное небо: вонъ тамъ, вдали, среди миріадъ звѣздъ и свѣтилъ, блѣднымъ свѣтомъ мерцаетъ созвѣздіе... Вглядитесь пристальнѣй, видите-ли его формы? Это—овенъ...

Гнетущая тоска сжимала мое сердце, и, чтобъ разогнать мучившія меня мысли, я отправился съ праздничнымъ визитомъ къ нашему почтенному ребъ-Мейеру. Онъ оказался въ самомъ лучшемъ, праздничномъ настроеніи духа. Его полное, мягкое и рыхлое лицо сіяло довольствомъ и душевнымъ покоемъ, какое-то неземное, безплотное счастье сквозило черезъ его холодные спокойные глаза: веселый праздникъ вытравилъ въ его душѣ всѣ скорби и горести, онъ забылъ всѣ мелочныя невзгоды будничной жизни, онъ въ настоящую минуту выше земныхъ интересовъ и заботъ; касаясь тѣломъ земли, онъ душою, казалось, былъ на небесахъ. „Сей день сотворилъ Господь—возликуемъ и возрадуемся въ немъ“— такъ говорила вся его флегматичная фигура. Съ праздникомъ, равви!—привѣтствовалъ я его.—„Съ праздникомъ, съ праздникомъ! Садитесь, пожалуйста! весело отвѣтилъ онъ, приглашая меня къ столу, уставленному разными сладостями. Выпейте „въ честь праздника“. Но замѣтивъ, вѣроятно, мое „пасхальное лицо“, онъ прибавилъ: сегодня, другъ мой, грустить нельзя, сегодня надо радоваться и благословлять Господа-Бога“...

— Но какъ же радоваться, равви, когда сегодня первое число, и вы знаете, что это значитъ?

— Теперь я ничего не знаю, кромѣ того, что сегодня — великій день нашего исхода изъ Египта и освобожденія отъ рабства. Нынѣшній день принадлежитъ Богу... Не такія чудеса показалъ Онъ отцамъ нашимъ...

— Но зачѣмъ Онъ не сдѣлаетъ какого-нибудь чуда теперь?—спросилъ я въ сердцахъ.—Пусть покажетъ! Пусть остановитъ движеніе овна! А то вѣдь, какъ сказано въ псалмахъ, могутъ спросить: „гдѣ ихъ Богъ?“...

— Эхъ, молодой человѣкъ!—вспыхнулъ ребъ-Мейеръ, и яркій огонекъ засвѣтился въ его холодныхъ глазахъ.—Что вы учить Бога собираетесь? Богъ знаетъ, что дѣлать, и въ вашемъ совѣтѣ не нуждается. „Гдѣ ихъ Богъ? — Богъ нашъ на небесахъ, все, что хочетъ, дѣлаетъ“, и дѣлаетъ для нашей пользы, для нашего спасенія. Вы Его, пожалуйста, не учите, Онъ больше нашего понимаетъ...

— Но зачѣмъ же эти страданія, зачѣмъ эти мученія?—прервалъ я.

— Подождите. Пути Господа неисповѣдимы, и не намъ съ нашимъ слабымъ умишкомъ понять мотивы Его дѣяній. Богъ—думаете вы—не понимаетъ, Богъ—думаете вы—не знаетъ? Онъ все знаетъ, все понимаетъ, и не намъ Его учить. Зачѣмъ, спрашиваете вы, страданія? По вашимъ понятіямъ, можно бы, кажется, и безъ этихъ мученій обойтись. А я вамъ скажу, что нѣтъ. Вы полагаете—все это такъ просто, какъ тамъ въ вашихъ романахъ и книжкахъ разсказывается. Нѣтъ! тутъ даже очень глубокая философія заключается. Богъ любитъ свой народъ и предназначилъ его къ вѣчной жизни. Но мы... мы очень легкомысленны и часто забываемъ наше назначеніе. Богъ и посылаетъ намъ разныя испытанія, безъ которыхъ насъ уже давно бы не было на свѣтѣ. Да! очень мы легкомысленны и забывчивы! Какъ глупыя обезьяны, мы все любимъ подражать другимъ, жить не собственной, а чужой жизнью, всѣми силами стараемся не походить на самихъ себя. Мы стыдимся своего происхожденія, своего языка, своего ученія, стыдимся даже назвать свое имя. Не правда, развѣ? Вотъ жили мы тутъ и поживали, Бога своего забыли, обрили себѣ бороды, торговали по субботамъ, въ

карты играли, по театрамъ гуляли, дѣтей нашихъ даже молиться не научили. Чѣмъ бы это кончилось—спрашиваю я васъ—если-бы все это продлилось еще десятокъ-другой лѣтъ? А? Чѣмъ бы это кончилось? Кончилось бы тѣмъ, что отъ всѣхъ этихъ евреевъ и праха бы не осталось: они бы „ассимилировались“, какъ вы любите выражаться, или они бы просто всѣ оставили еврейство. Что? хорошо это было бы, по вашему? И Богъ долженъ былъ бы допустить это? Нѣтъ! Богъ этого не захотѣлъ и явилъ чудо... Мѣняется вѣтеръ, наступаетъ буря—и заблудившіяся дѣти снова возвращаются къ своему Небесному Отцу. Развѣ это не чудо?—я васъ спрашиваю. „Гдѣ ихъ Богъ?“—Богъ въ сердцахъ тѣхъ сотенъ и тысячъ людей, которые во имя Его пожертвовали всѣмъ, что дорого человѣку, и пустились въ міровое пространство, не боясь ни голода, ни смерти... Ну, что?..

— Но, позвольте спросить, равви, откуда это вы узнали желанія и намѣренія Бога. Кто ихъ вамъ передалъ?...

— Какъ? — взбѣсился ребъ-Мейеръ. — Откуда? Пророки наши говорили, въ Библіи сказано... Какія вамъ еще доказательства нужны?...

— Но позвольте, не сердитесь. Если, какъ сказано, „Богъ нашъ въ небесахъ, все, что хочетъ, дѣлаетъ“, если, какъ вы говорите, Онъ любитъ свой народъ и вѣчно печется о немъ, почему же Онъ не дѣлаетъ, чтобы мы жили такъ, какъ Ему угодно—и тогда всѣ наши страданія и испытанія были-бы ненужны...

— Ай!—закричалъ ребъ-Мейеръ.—Что вы мнѣ говорите? Вы—думаете—уже все понимаете. Нѣтъ! Это—не физика... Рамбамъ говоритъ... А Рамбамъ тоже знаетъ физику, онъ также былъ докторъ, не хуже, думаю, вашего Захарьина, онъ все зналъ... И вотъ онъ говоритъ, что евреи—это такой народъ... Но что съ вами толковать! Это надо чувствовать. Надо быть *настоящимъ* евреемъ, чтобы все это понять...

Какъ мнѣ ни любопытно было узнать, что говоритъ по этому поводу Рамбамъ, но ребъ-Мейеръ упорно отказывался изложить его взгляды, подъ предлогомъ, что я не пойму, что „это надо чувствовать“. Я поспѣшилъ откланяться почтенному равви, искренно пожалѣвъ въ душѣ, что невольно омрачилъ свѣтлыя минуты его праздничнаго настроенія духа.

14-го апрѣля.—Прошли и праздники, пронеслось еще нѣ-

сколько дней, а сегодня я опять на вокзалѣ, опять раздаются знакомые зловѣщіе звуки: Динь-динь-динь... Разъ... два... три... Локомотивъ свистнулъ, и похоронная процессія тронулась.

1-го мая.—Весна. Тельцы...

Что для меня весны сіянье!
Въ ея лучахъ еще яснѣй
Встаютъ картины испытанія
Тяжелой участи моей.

Картины, одна другой печальнѣй, одна другой страшнѣй. Тамъ, по бурнымъ волнамъ безбрежнаго океана, несутся десятки и сотни эмигрантскихъ пароходовъ, сплошь набитыхъ скорпіонами и водолеями. Съ клокочущей злобой въ душѣ глядятъ они назадъ, въ ту дальнюю сторону, гдѣ остались могилы ихъ отцовъ и дѣтей, гдѣ осталась прожитая жизнь со всѣми ея радостями и горестями, гдѣ остались дорогія сердцу ихъ существа, съ отчаяніемъ въ груди глядятъ они впередъ, въ неизвѣстную даль, куда несетъ ихъ, качаясь и прыгая, какъ брошенный мячикъ, огромный пароходъ, въ тотъ невѣдомый край, гдѣ все ново, все чуждо, неизвѣстно, непонятно.

Тамъ, въ несчастномъ Кастель-Гарденѣ, валяясь въ грязи, томятся сотни и тысячи козероговъ, не зная, что съ собой дѣлать, куда дѣваться. Цѣлыми толпами шляются они по улицамъ и площадямъ, вымаливая работы, дѣла, хлѣба, и получая въ отвѣтъ насмѣшки, презрѣніе и камни.

Тамъ, на вокзалѣ, рыдаетъ мать, провожая въ далекій путь своего любимаго сына. Полинявшими отъ старости глазами впивается она въ дорогія ей черты, дрожащими костлявыми руками прижимаетъ его къ своей изсохшей груди, а искривленныя судорогой губы глухо вопрошаютъ: увижу-ль я тебя?

Тамъ, въ разныхъ подворьяхъ, стонутъ и бьются тельцы въ тщетныхъ поискахъ за средствами для далекаго путешествія, въ географическихъ изслѣдованіяхъ странъ и городовъ, гдѣ можно жить, въ безплодномъ обсужденіи пунктовъ, гдѣ лучше и гдѣ легче.

Тамъ заливается въ слезахъ жена, оплакивая своего „потеряннаго“ мужа, не выдержавшаго борьбы и совершившаго

конверсію. Какъ быть? Покинуть его, свой домъ, своихъ дѣтей, собственными руками убить привязанность, скрѣпленную многолѣтнимъ союзомъ, разбить свою жизнь и счастье, или идти за нимъ... Боже, какъ тяжело, какъ горько!...

Тамъ, въ „меблированной комнатѣ“, мечется на постели въ безсонницѣ молодой телецъ, въ сто первый разъ рѣшая вопросъ: быть тельцомъ или хамелеономъ?

Тамъ... но развѣ слабое человѣческое слово можетъ обнять всѣ варіаціи, всѣ положенія, всѣ комбинаціи, созданныя Тѣмъ, кто „мѣняетъ времена и распредѣляетъ созвѣздія по смѣнамъ“? Горькая чаша каждаго имѣетъ свои формы и особенности, свои индивидуальныя черты, у каждаго тельца своя повѣсть, своя драма, въ каждой семьѣ свой мартирологъ...

А на ясно-голубомъ небѣ весело сіяетъ весеннее солнце, разсыпая повсюду тепло и радость, будя оцѣпенѣвшую отъ зимняго сна землю, и призывая все и всѣхъ къ жизни, любви покою и счастью. Но - -

Что для меня весны сіянье!
Въ ея лучахъ еще яснѣй
Встаютъ картины испытанья,
Тяжелой участи моей.

1-го мая.—Наконецъ-то получено второе письмо скорпіона „съ того свѣта“. Вотъ оно:

„Милостивый Государь!

„Не удивляйтесь, что такъ долго не давалъ вамъ никакихъ извѣстій о себѣ и результатахъ моего пребыванія въ новомъ мірѣ. Во 1-хъ, какъ существо подвижное, чувствительное и воспріимчивое, я скоро проникся идеями и принципами „того свѣта“, въ которомъ, въ противоположность господствующему у васъ обломовскому принципу лежанія на печи, главенствуетъ принципъ „время—деньги“. Во 2-хъ, десять центовъ, необходимыхъ на отправку письма, играютъ теперь немаловажную роль въ моемъ бюджетѣ. Но прежде, чѣмъ говорить о своей собственной персонѣ, я считаю необходимымъ сказать нѣсколько словъ вообще. Кромѣ выше отмѣченнаго принципа „время--деньги“, человѣческія существа руководствуются здѣсь въ своихъ дѣйствіяхъ и поступкахъ еще слѣдующей простой формулой житейской му-

дрости: „я пить—ѣсть хочу, ты пить—ѣсть хочешь, онъ пить—ѣсть хочетъ, ergo не зѣвай, а смотри въ оба и пусти въ ходъ свои руки!“ Этой формулой регламентируются тутъ всѣ человѣческія отношенія. Представьте себѣ теперь, въ какомъ положеніи очутился тутъ я, скорпіонъ, растратившій всю свою мускульную силу во время движенія въ міровомъ пространствѣ, воспитанный на принципахъ обломовскаго dolce far niente, пропитанный идеями: тише ѣдешь—дальше будешь“, „потихоньку да полегоньку, не торопясь да Богу помолясь“. Скорпіонъ идетъ!—такъ встрѣчали меня уличные мальчишки на „этомъ свѣтѣ“. Зеленый, вотъ зеленый!—такъ, завидя меня, кричали мальчишки на „томъ свѣтѣ“. Кругомъ все кипитъ и клокочетъ, все кругомъ суетится, бѣжитъ, работаетъ, а я, одинокій и чужой, хожу „зеленый“ по широкимъ улицамъ, между рядами 10-ти этажныхъ домовъ, разинувъ ротъ и болтая своими худыми, какъ палки, руками, не зная, къ чему ихъ приложить, за что взяться. „Зеленѣлъ“ я, „зеленѣлъ“, искалъ—искалъ и ничего не находилъ... Въ теченіе двухъ—трехъ мѣсяцевъ пятнадцать профессій перемѣнилъ: былъ я „педлеромъ“ и шведскія спички на улицахъ продавалъ, былъ кочегаромъ, работалъ на фабрикѣ, гдѣ цѣлые дни какое-то колесо вертѣлъ, кирпичи при какой-то постройкѣ таскалъ, коровъ у какого-то фермера доилъ и лошадей пасъ, пробовалъ и лавчонку завести, типографію открывалъ и даже редакторомъ газеты недѣлю былъ... Вы подумаете, можетъ быть, что я преувеличиваю, что это невѣроятно — но я васъ увѣряю, что это такъ. Дѣло, видите-ли, въ томъ, что „свободъ“, „эманципацій“ и разныхъ „правъ“ тутъ хоть прудъ пруди: имѣешь тутъ и „право жить“, и плодиться, и сапоги шить, и торговать (даже водкой!), и притомъ подъ своимъ собственнымъ флагомъ—препятствія никакого. Вы не вѣрите — но это правда. Представьте себѣ большой — большой городъ, въ родѣ Тамбова или Пензы, даже чуть-ли не въ Китай - городъ величиной — и вдругъ какой-нибудь скорпіонъ лавочку себѣ на лучшей улицѣ открываетъ, вывѣску съ надписью „продажа папиросъ и стеариновыхъ свѣчей Джоржа Скорпіона“ прибиваетъ—и ничего, просто какъ въ раю. Съ непривычки страшно даже въ началѣ... Скорпіончики, знаете, въ разныя училища ходятъ и на ариеметическія „правила процентовъ“ никакого вниманія не обращаютъ... Словомъ, „правъ“ тутъ по горло. Благодаря именно такому обилію привиллегій и вольностей, я и имѣлъ возможность въ такое короткое время испробовать такое множество профессій, отъ кочегара до редактора газеты включительно, и въ концѣ концовъ остаться безъ всякой профессіи и опредѣленныхъ занятій, но съ разными планами, проектами и надеждами на многочисленность моихъ правъ и еще большую многочисленность человѣческихъ профессій. Бѣда только, что скорпіоновъ и козероговъ теперь тутъ видимо—невидимо, и на каждую профессію является множество охотниковъ и претендентовъ, такъ что гдѣ бы ни показался кусокъ хлѣба, какъ сейчасъ тутъ-же выростаетъ десятокъ—другой голодныхъ ртовъ и пустыхъ желудковъ. Зародится въ головѣ у тебя какой-нибудь блестящій проектъ,—какъ сейчасъ этотъ-же проектъ непонятнымъ образомъ возникаетъ въ десяткѣ, сотнѣ другихъ головъ. Гипнотизеры, чужія мысли отгадывающіе, право! Многіе даже въ отчаяніе приходятъ и въ сердцахъ жестоко проклинаютъ Христофора Колумба за его открытіе, но я еще до этого не дошелъ. Я крѣпокъ духомъ, вѣрю въ свои силы, въ свою „свободу“... Впрочемъ, если можете выслать мнѣ немного денегъ, я былъ бы вамъ очень—очень благодаренъ, такъ какъ теперь, въ моемъ положеніи, онѣ мнѣ очень—очень пригодились-бы. Вы понимаете...

Преданный вамъ Скорпіонъ“.

14-го мая.—Математическая точность, которой справедливо гордится астрономическая наука, никогда не ошибающаяся въ своихъ вычисленіяхъ и предсказаніяхъ, оправдалась и на этотъ разъ. Въ заранѣе предсказанный часъ со столькими минутами и секундами началось движеніе спутниковъ Тельца. Колоколъ рѣзко прозвучалъ свое „Динь—динь—динь“.

Разъ... два... три... Локомотивъ свистнулъ, и похоронная процессія тронулась.

20-го мая.—Праздникъ „швуатъ“—въ память дарованія Торы. „Благословенъ Ты, Господи Боже нашъ, что далъ

намъ дожить до этого дня". А день этотъ — всемірно-историческій день. Сколько тысячъ лѣтъ прошло съ этого знаменитаго дня, въ который впервые на горѣ Синаѣ, среди грома и молній, дыма и огня, провозглашены были міру и человѣчеству основныя и вѣчныя правила морали и справедливости; сколько тысячъ лѣтъ эти элементарные законы любви и гуманности переходятъ изъ устъ въ уста,—и какъ туго проникаютъ они въ головы, какъ мало еще отражаются они въ жизни людской! Тысячи лѣтъ пробиваютъ они себѣ путь и никакъ не могутъ пройти коротенькое разстояніе отъ ушей къ головѣ и сердцу. Труденъ же этотъ путь, медленно же ползетъ истина. Доползетъ-ли она?...

1-го іюня.—Ракъ! А вотъ раки уже ползутъ—ползутъ...

2-го іюня.—Учрежденія создаютъ людей, или люди учрежденія? Этотъ вопросъ, такъ горячо дебатировавшійся когда-то въ русской журналистикѣ, давно рѣшенъ уже, и вполнѣ резонно, народной мудростью, признавшей первенствующее значеніе за болотомъ, наличность котораго всегда уже нарождаетъ нужныхъ и всегда готовыхъ къ услугамъ чертей. Въ самомъ дѣлѣ, черти—не поэты, они не рождаются, non nascuntur, они дѣлаются, fiunt, они выращиваются и культивируются въ болотной атмосферѣ. Стóитъ только гдѣ нибудь заявиться болоту,—и откуда ни возьмись—изъ всѣхъ угловъ, щелей и норъ выползаютъ таившіеся въ бездѣйствіи и никому до того неизвѣстные люди и, пропитавшись насквозь болотнымъ духомъ, изъ обыкновенныхъ и незамѣтныхъ существъ превращаются сразу въ самыхъ настоящихъ чертей. Пустынное болото сразу населяется, оживляется и... начинается работа, закипаетъ дѣятельность.

Жилъ себѣ, напримѣръ, да поживалъ захудалый адвокатъ Ардаліонъ Степановичъ Шлаковъ; жилъ, защищалъ, взыскивалъ, обвинялъ и всѣмъ желающимъ „грѣшный свой языкъ" на прокатъ отдавалъ; жилъ да поживалъ — и никакихъ дьявольскихъ талантовъ и дарованій не обнаруживалъ. Вдругъ... болотный духъ въ воздухѣ раздался и по всѣмъ газетнымъ столбцамъ грязнымъ потокомъ разлился. Воспрянулъ Ардаліонъ Степановичъ, таившееся въ немъ скрытое сродство къ болотнымъ элементамъ сразу раскрылось и пышнымъ цвѣтомъ распустилось... Извлекши изъ нѣдръ

души давно забытыхъ Цицерона и Тацита, онъ вышелъ на работу—и смотришь: готовъ чортъ, настоящій чортъ!...

Пропадалъ безъ вѣсти и дѣятельности въ глухой провинціи административный самородокъ Держиморда и, никому невѣдомый, всѣ силы свои и энергію на мелкую монету размѣнивалъ. Но вдругъ потребовался исполнитель и руководитель очищенія, потребовался „демонъ, духъ изгнанія". Почуялъ Держиморда свое призваніе, расправилъ свои крылья, налетѣлъ ястребомъ, окунулся въ самое болото... и заработалъ настоящимъ, истиннымъ чортомъ...

А за симъ появляются черти-теоретики, разрабатывающіе и развивающіе болотно-демонское ученіе.

Умилительное согласіе практики и теоріи!...

14-го іюня.—Первый день мѣсяца Тамуза и начало движенія раковъ. Собравшись на платформѣ, передъ готовящимся въ путь поѣздомъ, они стоятъ и плачутъ, словно желая своими слезами оросить выжженную и высохшую отъ горя душу. Слеза! Какой это чудный даръ, ниспосланный съ неба человѣку! Какъ лучъ надежды, какъ ласка матери, онѣ облегчаютъ, утѣшаютъ, обновляютъ и возрождаютъ. Это — предохранительный клапанъ, открывающій выходъ чрезмѣрному душевному гнету и напряженію, это—громоотводъ отъ душевныхъ бурь и грозъ. И никто не умѣетъ такъ плакать, какъ евреи, никто не умѣетъ такъ изливать въ слезахъ и молитвѣ передъ Богомъ, ихъ Вѣчнымъ Защитникомъ и Охранителемъ, свои горести, муки и обиды. Слеза и молитва постоянно укрѣпляли духъ народа въ его „nah venad'ной" жизни.

Но... когда плакать не даютъ, когда закрытъ предохранительный клапанъ и разрушенъ громоотводъ души, когда нѣтъ возможности даже въ молитвѣ и слезахъ излить свою тоску и боль... О, какъ рвется тогда изнывшее сердце! О, какъ бушуетъ тогда „буря подъ черепомъ"!...

Но пора! Паровозъ ревѣтъ. Колоколъ звонитъ.

Динь—динь—динь... Разъ, два, три. Локомотивъ свистнулъ, и похоронная процессія тронулась.

30-го іюня.—Постъ 17-го Тамуза. Въ этотъ печальный день Титъ наложилъ свою тяжелую руку на священный градъ

Іерусалимъ — и онъ уже не могъ болѣе вырваться изъ желѣзныхъ когтей Римскаго орла. Началась агонія Іудеи—ужасная агонія, продолжавшаяся еще три недѣли, до 9-го Ава, когда наконецъ наступила ея смерть.

Уже сколько лѣтъ прошло съ того знаменитаго дня, а нанесенная тогда рана не затянулась еще рубцомъ забвенья. И эти „три недѣли", особенно же послѣдніе „девять дней", считаются днями глубокаго траура. Даже мясо не употреблялось въ пищу въ эти дни. Но для меня это не большое лишеніе. Привычка! Не девять дней, а девять недѣль не видалъ я мяса за своимъ столомъ... Интересный экспериментъ безубойнаго питанія населенія en grand...

1-го іюля.—Жарко, душно. Со всѣхъ сторонъ приходятъ невеселыя вѣсти: холера идетъ, холера идетъ...

13-го іюля.—Первый день Ава, того самаго мѣсяца, въ который 1822 года тому назадъ мое бытіе превратилось въ небытіе, и началось мое безконечное движеніе въ міровомъ пространствѣ... Завтра 14-ое іюля. Еще одно послѣднее сказаніе, и кругъ доконченъ будетъ весь. Выступаютъ львы...

14-ое іюля.—Послѣдній день, послѣдніе могикане... Нестерпимый жаръ знойнаго дня, тысячная толпа отъѣзжающихъ и провожающихъ, тѣснота и давка... Плачъ и крикъ, слезы и рыданія, стоны и обмороки смѣшались въ одинъ общій адскій шумъ. Да! Это—историческая картина, это историческій день...

Имѣетъ ли исторія свои законы? Гдѣ они, эти „историческіе законы"? Что сильный побѣждаетъ слабаго, что кулакъ и мечъ важнѣе права и справедливости, что дуракамъ счастье, и родиться надо не умненькимъ, а счастливенькимъ, что легче разбить всю голову, чѣмъ одну глупую мысль, засѣвшую въ ней, что подъ овечьей шкурой нерѣдко скрываются волчьи сердца, что ultima ratio rerum есть доводъ силы, что... Но это вѣдь все законы зоологіи, то-бишь, соціологіи, а не исторіи. Только сегодня я открылъ одинъ законъ, несомнѣнно историческій. Это—„законъ девятидесятыхъ годовъ", или „lex finis saeculorum". Не понимаете?... А вотъ почитайте исторію:

XIII вѣкъ. Въ 1290 г. Эдуардъ издалъ указъ объ изгнаніи всѣхъ евреевъ изъ Англіи.

XIV вѣкъ. 17 сент. 1394 г. слабоумный Карль VI издалъ указъ объ изгнаніи евреевъ изъ Франціи.

XV вѣкъ. 24 декабря 1497 г. послѣдовалъ указъ Эммануила объ изгнаніи евреевъ изъ Португаліи, а въ 1495—указъ князя Александра объ изгнаніи изъ Литвы.

XVI вѣкъ. Въ 1597 г. испанскій король Филиппъ II изгналъ евреевъ изъ Миланской области.

31-го марта 1492 года. Изабелла и Фердинандъ издали указъ объ изгнаніи всѣхъ евреевъ изъ всѣхъ испанскихъ владѣній. Герольды и трубачи возвѣстили по всей странѣ, что евреямъ дается до іюля срокъ покончить свои дѣла и выселиться изъ Испаніи. Историкъ разсказываетъ: „9-го Ава 1492 г. евреи въ числѣ 300.000 человѣкъ, мужчинъ и женщинъ, стариковъ и дѣтей, покинули свою незабвенную родину, попрощавшись съ могилами своихъ предковъ. Грандіозное и трагическое зрѣлище представляло это прощаніе съ покойниками. Въ теченіе трехъ дней и трехъ ночей лежали десятки тысячъ выселенцевъ на дорогихъ могилахъ, орошая ихъ горючими слезами. Даже христіане не могли безъ слезъ смотрѣть на эти раздирающія сердце сцены. Многіе изгнанники взяли съ собою въ дорогу на память надгробныя плиты. Несчастные изгнанники пошли... куда глаза глядятъ".

2-го Ава 1892 года...

Вотъ это законъ исторіи, проявляющійся съ точностью, которая наблюдается только въ самой точной наукѣ—астрономіи.

Какъ только стрѣлка историческихъ часовъ, заканчивая свой вѣковой ходъ, приближается къ слѣдующему столѣтію, такъ сейчасъ раздается команда: маршъ!—и я начинаю двигаться въ міровомъ пространствѣ. И я двигаюсь безъ конца, безъ отдыха, безъ перерыва... Напрасно механики и математики такъ долго ломаютъ себѣ голову надъ задачей вѣчнаго движенія. Perpetuum mobile—вотъ оно, вотъ эта галдящая, шумящая и вѣчно двигающаяся куда-нибудь еврейская толпа!...

Рѣзкій звукъ колокола разогналъ мои размышленія надъ законами исторіи и вѣчнаго движенія. Локомотивъ свист-

нулъ, похоронная процессія тронулась, и, очнувшись отъ своихъ тяжелыхъ думъ, я увидѣлъ только быстро удаляющійся поѣздъ.

Изъ моей груди невольно вырвалось: Sit vobis motus levis!...

С. Вермель.

Четвертый конгрессъ сіонистовъ.

Базель и Лондонъ.—Пріемъ въ ботаническомъ саду.—На засѣданіяхъ конгресса. — Конгрессъ, англійскіе евреи и англійская печать.— Все-еврейскій конгрессъ.

I

Въ 1900 году сіонисы оставили „пріютно-мирный, ясный долъ“ Базеля и собрались въ многолюдномъ, шумномъ Лондонѣ. И впечатлѣніе получилось такое, какъ если-бы какой нибудь испанскій грандъ изъ картины Веласкеза соскочилъ съ холста и какъ есть, во всѣхъ своихъ фижмахъ, атласныхъ чулкахъ, со шпагой и кружевными нарукавниками, оставилъ-бы мягкій свѣтъ и тишину залъ Эрмитажа и, перенесшись въ Гостинный дворъ, сталъ-бы здѣсь торговать за прилавкомъ, гдѣ-нибудь въ Перинной линіи.

Для сіонизма Базель былъ самой подходящей рамкой. Въ тихомъ старинномъ городкѣ все по сіе время вѣетъ мечтательностью и романтизмомъ. Рейнъ здѣсь такъ таинственно журчитъ, какъ нигдѣ на всемъ своемъ теченіи. Онъ здѣсь не рокочетъ водопадами, какъ у Шафгаузена, не шипитъ змѣей, какъ подъ Кобленцомъ, не воркуетъ голубемъ, какъ въ низкихъ берегахъ Пруссіи, а говоритъ о чемъ-то далекомъ—далекомъ и въ то же время столь близкомъ, о чемъ-то невозвратномъ, которое всетаки должно опять прійти, о какомъ-то туманномъ и неизвѣстномъ, которое всетаки ясно, какъ Божій день. Рейнъ подъ Базелемъ, это—неисправимый романтикъ, котораго не могутъ отрезвить ни электрическіе трамваи, звонящіе надъ его мостами, ни фешенебельныя гостинницы и кафе, выстроенныя у самыхъ водъ его, ни свистъ пароходовъ, то и дѣло бороздящихъ его поверхность. А горы, окружающія Базель? Что можетъ быть болѣе романтичнаго, чѣмъ эти мелкіе, уходящіе въ безграничную даль контуры, эти спокойные, мирные отроги холмовъ, покрытые рощами и виноградниками? Базель, это

почти единственное мѣсто въ Швейцаріи, которымъ туристы пренебрегаютъ; какъ порогъ Швейцаріи, его лишь переступаютъ, направляясь въ глубь страны, и онъ поэтому еще наименѣе шумный, наименѣе опошленный туристами швейцарскій городъ,—и какъ мѣсто для ежегодныхъ собраній сіонистовъ, этихъ романтиковъ нашего времени, Базель просто незамѣнимъ.

Теодоръ Герцль оказался, однако, другого мнѣнія. Для него сіонизмъ не томленіе романтика, а живое дѣло практической жизни. Базельскій романтизмъ его поэтому не удовлетворяетъ. Три года подрядъ онъ созывалъ конгрессы въ Базель, все ожидая и все надѣясь, что вмѣсто поэтовъ и журналистовъ, вмѣсто докторовъ и инженеровъ, явится хотя бы полдюжины еврейскихъ милліонеровъ, обыкновенныхъ толстопузыхъ, толстосумыхъ, прозаическихъ милліонеровъ. Кто видѣлъ, кто знаетъ еврейскаго милліонера? куда дѣвались еврейскіе милліонеры?—съ тоскою спрашивали Герцль и Нордау, ходя по стогнамъ Базеля. Но Рейнъ продолжалъ по прежнему таинственно журчать, а зала казино все переполнялась сотнями романтиковъ, являвшихся на конгрессъ съ большимъ энтузіазмомъ, но съ пустыми карманами. Затѣяли банкъ, но гдѣ же банкиры, гдѣ еврейскіе банкиры? Что такое банкъ безъ банкировъ? — продолжалъ спрашивать Герцль. Но гора все не шла къ Магомету, и Магометъ рѣшилъ пойти къ горѣ. Предвидя, что еврейскіе милліонеры въ Базель и на четвертый конгрессъ не пріѣдутъ, Т. Герцль рѣшилъ вмѣстѣ съ конгрессомъ явиться къ милліонерамъ. Говорятъ, что послѣдніе обрѣтаются въ Лондонѣ, 4-й конгрессъ былъ поэтому назначенъ въ Лондонѣ. Тѣмъ болѣе, что евреи уже давно вѣрятъ въ „мешане мокумъ—мешане мазель“ (перемѣна мѣста—перемѣна счастья). Но къ удивленію Теодора Герцля, и на 4-й конгрессъ явились не милліонеры, а все тѣ же романтики, несмотря на то, что обстановка оказалась менѣе всего романтической. Вмѣсто Рейна, загудѣла Темза съ ея доками, пароходами, верфями; вмѣсто тихой маленькой площади передъ базельскимъ казино, зашумѣлъ водоворотъ омнибусовъ, экипажей, пѣшеходовъ, велосипедистовъ, автомобилей на Ридженть Серкусѣ; вмѣсто стоящихъ въ голубой дали темно зеленыхъ холмовъ, кругомъ обступили тѣсныя каменныя громады, обвѣтренныя и закоптѣлыя. И

въ концѣ-концовъ романтики оказались недовольны и Герцль былъ недоволенъ. Первые только вздыхали по мирномъ, тихомъ и уютномъ Базелѣ, а второй ходилъ и все спрашивалъ: „а гдѣ-же милліонеры?!... Полцарства Палестины за одного милліонера!“ и, какъ шиллеровскій рыцарь Тогенбургъ, все ждалъ и ждалъ, „чтобъ у милой стукнуло окно“.

Говорятъ, что, несмотря на разочарованіе Т. Герцля и романтиковъ, слѣдующій конгрессъ сіонистовъ соберется все таки опять въ Лондонѣ. Лично я, конечно, могу только этому радоваться, такъ какъ конгрессъ въ Лондонѣ мнѣ дастъ возможность опять, безъ экстренныхъ расходовъ, встрѣчать старыхъ знакомыхъ и побывать на собраніяхъ, которыя имѣютъ для меня высокій интересъ. Однако, съ точки зрѣнія самихъ сіонистовъ, слѣдуетъ сказать, что гораздо лучше было-бы собираться имъ по прежнему въ Базелѣ. Помимо указаннаго выше соотвѣтствія обстановки, тутъ есть и болѣе важныя причины.

Сіонизмъ, какъ картины импрессіонистовъ, нуждается въ порядочномъ разстояніи, которое-бы отдѣляло его отъ зрителя. Иначе, вмѣсто чего-либо цѣльнаго, вы видите лишь грубые мазки и полное отсутствіе рисунка, а въ лучшемъ случаѣ крайне неправильный рисунокъ. Вдали отъ народной еврейской массы, отъ суеты и толкотни крупныхъ промышленныхъ центровъ, конгрессы сіонистовъ могутъ казаться полными значенія и богатыми ближайшими послѣдствіями. Въ печатныхъ отчетахъ и газетныхъ корреспонденціяхъ все принимаетъ какой-то солидный, опредѣленный и важный характеръ. Сообщается о принятыхъ „резолюціяхъ“, объ энтузіазмѣ, о рѣчахъ, о продолжительныхъ горячихъ дебатахъ, о пріемахъ, банкетахъ, встрѣчахъ, совѣщаніяхъ и „серьезныхъ работахъ“. Разсказывается о томъ, какое предложеніе внесено делегатами Англіи, что говорили делегаты Америки, съ чѣмъ выступали делегаты Франціи, Аргентины, Германіи и т. д. И сообщается все это съ полной справедливостью и стенографической точностью; но всетаки какъ далеко это отъ истиннаго положенія дѣла! Кто „видѣлъ и слышалъ“ на сіонистскихъ конгрессахъ, тотъ въ душѣ не можетъ не сознаться, что на самомъ дѣлѣ сіонизмъ далеко не то, чѣмъ онъ кажется издали. Вотъ почему, выхваченный изъ своей романтической стихіи, оторванный отъ своей надлежащей

перспективы, отъ береговъ Рейна и швейцарскаго ландшафта, и вынесенный на свѣтъ Божій въ Лондонъ, сіонизмъ на 4-мъ конгрессѣ оказался, какъ морская царевна, выхваченная изъ воды, „чудомъ морскимъ съ зеленымъ хвостомъ“. Обнаженный отъ делегатскихъ отчетовъ и описаній сіонистской печати, сіонизмъ предсталъ передъ всѣми въ центрѣ Лондона, въ Королевской залѣ (Queen's Hall) — и всѣмъ сразу стало очевидно, что движеніе, вызванное временными обстоятельствами, временнымъ отчаяніемъ, охватившимъ евреевъ въ нѣкоторыхъ странахъ Европы, можетъ быть лишь явленіемъ мѣстнымъ и временнымъ и никакъ не можетъ имѣть общееврейскій характеръ. Всѣ воочію могли убѣдиться, что движеніе это имѣетъ крайне ограниченный кругъ сторонниковъ и что всѣ эти разговоры о делегатахъ разныхъ странъ— звукъ пустой и чистѣйшій самообманъ.

Есть евреи страдающіе, гонимые и преслѣдуемые, и есть евреи, пользующіеся одинаковыми правами и одинаковымъ жизненнымъ жребіемъ съ своими прочими согражданами. Первые все еще ищутъ исхода и въ своихъ исканіяхъ готовы хвататься и за соломенку, за призракъ, за тѣнь; вторые исходъ уже обрѣли и, успокоенные, смотрятъ съ недоумѣніемъ и болью на безсильныя метанія первыхъ.

Герцль и Нордау называютъ вторыхъ не-евреями или плохими евреями; но вѣдь никакими кличками не скроешь факта, что такъ называемые англійскіе, американскіе, французскіе, южно-африканскіе и даже нѣмецкіе делегаты на конгрессѣ въ сущности это все тѣ же русскіе, румынскіе и отчасти галиційскіе евреи, поселившіеся въ то или другое время заграницей. Сказать-же, что въ одной лишь Россіи живутъ настоящіе евреи, а во всѣхъ прочихъ странахъ свѣта—плохіе евреи—значитъ просто сказать глупость. Отсутствіе же заграничныхъ евреевъ на конгрессѣ, за исключеніемъ какихъ нибудь пяти или *maximum* десяти человѣкъ, безсомнѣнно показываетъ, что сіонизмъ далеко не національное, а экономическое движеніе, вызванное матеріалистическими обстоятельствами и обращаемое многими въ какое-то отвлеченное стремленіе „dahin, dahin, wo die Citronen blüh'n“.

Впрочемъ, то, что намъ далъ четвертый конгрессъ, будетъ видно изъ дальнѣйшаго описанія его.

II.

Само собою разумѣется, что въ мою задачу не входитъ дать отчетъ о дебатахъ, рѣчахъ и резолюціяхъ. Съ большимъ или меньшимъ искусствомъ это уже было своевременно сдѣлано другими, какъ въ періодическихъ, такъ и въ отдѣльныхъ изданіяхъ [1]. Нѣтъ поэтому нужды здѣсь повторять то, что уже и безъ того достаточно хорошо извѣстно. Но оставляя въ сторонѣ такъ сказать офиціальную сторону конгресса, я считаю не лишнимъ предложить вниманію читателя нѣкоторыя изъ моихъ не-офиціальныхъ впечатлѣній и воспоминаній, и въ концѣ статьи нѣчто въ родѣ плана будущихъ дѣйствій.

Засѣданія конгресса, какъ извѣстно, открылись въ понедѣльникъ, 13 августа новаго стиля. Наканунѣ-же открытія, въ воскресенье, былъ данъ федераціей англійскихъ сіонистовъ раутъ (garden-party) въ Ботаническомъ саду. Этотъ пріемъ оказался однимъ изъ наиболѣе интересныхъ событій конгресса и на немъ сразу опредѣлился характеръ предстоящихъ занятій. Въ саду собралось громадное общество делегатовъ и ихъ друзей, состоявшее исключительно изъ иностранныхъ евреевъ. Даже Гринберга и Гааса, главныхъ распорядителей конгресса и столбовъ англійской федераціи, здѣсь, кажется, не было. Былъ лишь президентъ федераціи сэръ Франсисъ Монтефіоре, но и тотъ съ „толпой“ не смѣшивался, а въ качествѣ хозяина стоялъ у входа и принималъ гостей, т. е. наиболѣе почетныхъ; на мелкихъ же онъ и вниманія не обращалъ.

Это полное отсутствіе представителей англійскаго еврейства, это игнорированіе сіонизма даже членами многочисленнаго раввината Лондона, было слишкомъ демонстративно и не могло не бросаться въ глаза всякому, бывшему на

[1] Къ сожалѣнію, мнѣ пришлось ознакомиться лишь съ однимъ отчетомъ, напечатаннымъ въ „Восходѣ“ моимъ талантливымъ коллегой по этому журналу, г. Шми. Другихъ отчетовъ о 4-мъ конгрессѣ мнѣ пока не пришлось читать, хотя они уже давно напечатаны. Отчетъ въ „Восходѣ“ составленъ очень обстоятельно и написанъ довольно живо, но авторъ его оказался крайне несправедливымъ по отношенію къ англійскимъ евреямъ. Вотъ почему мнѣ дальше еще придется съ нимъ, какъ нѣмцы говорятъ, ein Hühnchen pflücken.

пріемѣ. Особенно чувствовали всю горечь обиды „хозяева“ раута, члены англійской федераціи, и среди нихъ то и дѣло можно было услышать споры и разговоры по этому поводу. Чаще всего слышались нападки на главнаго раввина, доктора Адлера, который и изъ Лондона бѣжалъ, чтобы какъ-нибудь, невзначай, не пріобщиться къ конгрессу.

Вотъ, напримѣръ, человѣкъ среднихъ лѣтъ съ распорядительскимъ значкомъ на лацканѣ споритъ съ безусымъ молодымъ человѣкомъ. Оба говорятъ по-англійски и, повидимому, принадлежатъ къ ремесленному или мелко-торговому классу людей. Но въ то время какъ старшій все еще не освободился отъ привезенной имъ съ собою въ Англію чужестранщины, молодой человѣкъ уже на все смотритъ съ точки зрѣнія вполнѣ „порядочнаго“ англійскаго еврея. Онъ безсомнѣнно прошелъ черезъ фильтръ еврейской безплатной школы (Jewish Free School), гдѣ культъ Ротшильда и доктора Адлера составляетъ чуть-ли не краеугольный камень воспитанія, и теперь, вѣрный традиціямъ школы, старается обѣлять главнаго раввина.

— Онъ работаетъ, онъ долженъ отдохнуть, вотъ и уѣхалъ,— говоритъ онъ.

— Я работаю больше, а все таки я здѣсь, — отвѣчаетъ рѣзко его собесѣдникъ. — Его мѣсто здѣсь! — произноситъ онъ, рѣшительно указывая пальцемъ на траву около себя,— здѣсь! а не на морскомъ берегу. Онъ нашъ слуга, онъ служитъ у насъ.

— Слуга?!—восклицаетъ съ ужасомъ обангличанившійся юноша.—Не слуга, а вождь!

— Вождь на жалованьѣ? — саркастически произноситъ человѣкъ съ распорядительскимъ значкомъ.—Вотъ Герцль— вождь, Максъ Нордау — вождь, а д-ръ Адлеръ — слуга, и если онъ не исполняетъ своего дѣла, то подай въ отставку!

Въ это время Герцль показался на горизонтѣ и всѣ собравшіеся повалили за нимъ. Онъ шелъ съ докторомъ Маморекомъ, и сіонисты, съ благоговѣйно - направленными на него глазами и съ какой-то безграничной покорностью, стали слѣдовать за нимъ громадной толпой. Куда Герцль—туда и толпа, пока наконецъ ему не надоѣла эта назойливость его поклонниковъ и онъ бѣжалъ изъ сада. И тогда толпа опять

разсѣялась по лужайкѣ, вблизи раскинутой палатки, гдѣ подавалось угощеніе, и опять занялась сама собою.

Для развлеченія гостей былъ приглашенъ оркестръ еврейскаго сиротскаго пріюта, составленный изъ питомцевъ этого учрежденія. Маленькіе трубачи и барабанщики очень мило исполняли разные патріотически-англійскія пьесы, которыя, однако, больше подходятъ для шовинистскихъ посѣтителей лондонскихъ кафе-шантановъ, чѣмъ для собранія сіонистовъ. Послѣдніе, впрочемъ, пришли сюда, какъ видно, не музыку слушать, а скорѣе самихъ себя, своихъ же сіонистскихъ ораторовъ и вождей, и вскорѣ толпа разбилась на кучки и въ разныхъ мѣстахъ сада раздались громкія рѣчи витій.

Вотъ молодой человѣкъ, смуглый, съ длинными вьющимися черными волосами и съ сверкающими, какъ уголь, черными глазами. Если бы вы не знали, что тутъ цыганъ нѣтъ, то вы его навѣрно приняли бы за одного изъ „дѣтей природы“. Но это былъ не цыганъ, а румынскій еврей. Говорятъ, что онъ поэтъ. Если это правда, то его стихи, должно быть, очень хорошіе, полные огня и страсти. Онъ вскочилъ на стулъ и началъ съ увлеченіемъ что-то громко декламировать и говорить на румынскомъ языкѣ. „Дара, рата, тара... ррр...“ посыпалось горохомъ. Жесты у него рѣшительные, оживленные; длинные волосы падаютъ прядями на лобъ, глаза мечутъ молніи, ни на кого особенно не глядя, и вся его тонкая и изящная фигурка ходитъ ходуномъ. Несмотря на то, что его поняло всего, можетъ быть, два-три человѣка, всѣ слушали его съ большимъ вниманіемъ, и когда онъ кончилъ, его вознаградили громкими одобреніями.

Въ другой группѣ окружили тѣснымъ кольцомъ господина съ бѣлокурой головой и съ мягкими чертами лица, составлявшими полный контрастъ съ физіономіей румынскаго поэта. Передъ нами уже не цыганъ, а славянинъ чистѣйшей крови, безъ примѣси татарщины и монгольщины, славянинъ-полякъ; по крайней мѣрѣ я бы его за такого принялъ, если бы я не зналъ, что это г. Соколовъ, популярный редакторъ газеты „Гацефира“. Его окружило нѣсколько десятковъ человѣкъ и требуютъ, чтобы онъ тоже что нибудь сказалъ. Г. Соколовъ не прочь, но на какомъ языкѣ? Онъ знаетъ такъ много языковъ, а евреевъ собралось изъ

столькихъ странъ, что его беретъ недоумѣніе, на какомъ языкѣ обращаться къ нимъ. „Дейчъ! дейчъ!“—кричитъ какая-то старушка, поддерживаемая молодой, вѣроятно дочкой. „По ангéльскому!“ — заявляетъ обангличанившійся русско-польскій еврей. „Мы вѣдь въ Англіи, такъ нужно по ангéльскому“,—настаиваетъ онъ. „А послѣ на жаргонѣ“,—скромно добавляетъ кто-то. „Нѣтъ, не нужно на жаргонѣ,—протестуетъ рѣшительный голосъ,—на древне-еврейскомъ, на „лошенъ-гакодешъ“!—говоритъ онъ.

Древне-еврейскій языкъ побѣждаетъ, и г. Соколовъ, ставъ на стулъ, произноситъ одну изъ прелестныхъ импровизацій, взявъ себѣ за тему именно эти разнообразныя требованія на счетъ языка, и произноситъ онъ ее съ плавностью и легкостью, словно бы говорилъ на материнскомъ нарѣчіи. Послѣ этого онъ-же самъ переводитъ свою рѣчь на чистый англійскій языкъ, вызывающій бурные восторги у господина, требовавшаго рѣчи „по ангéльскому“.

Въ другомъ углу сада старикъ въ очкахъ и въ мягкой шляпѣ съ бритой бородой и съ сѣдыми подстриженными баками напоминаетъ стараго нѣмца. Это—докторъ Липпе. Онъ говоритъ по нѣмецки, говоритъ о глубоко-философскомъ предметѣ, о монотеизмѣ, о смыслѣ человѣческаго и національнаго братства. Тѣлеснаго родства нѣтъ,—говоритъ онъ;—тѣлесно я вамъ чуждый и живу своей личной жизнью; но родство духовное существуетъ; одна идея принадлежитъ всѣмъ; а идея, если она проникнетъ все существо человѣка, составляетъ всю сущность нашего бытія, и т. д. и т. д. При этомъ д-ръ Липпе мягко и безпрестанно разводитъ въ воздухѣ передъ собою ладонями, словно плаваетъ по морю идей, и говоритъ быстро, какъ-бы торопясь все высказать, а высказывать, повидимому, у него есть много кое-чего.

Кромѣ произнесенія рѣчей, сіонисты забавляли себя и тѣмъ, что то и дѣло пробовали составлять хоры на древне-еврейскомъ языкѣ и даже раздавали какіе-то стихи, какъ текстъ для мелодій; но поэзія не ладилась; настоящихъ голосовъ не оказывалось и умѣнія дирижировать тоже не хватало. Очевидно, евреямъ пока не до сіонистскихъ пѣсенъ.

Въ общемъ праздникъ въ Ботаническомъ саду имѣлъ очень своеобразный характеръ, ничѣмъ не напоминавшій обычныя у англичанъ „garden-parties“. Обыкновенно такія

собранія отличаются модными туалетами дамъ, угощеніями у буфетовъ, бесѣдой и музыкой. Здѣсь-же, хотя и буфетъ былъ гостями очищенъ и оркестръ игралъ, но душа собранія лежала не къ этому, а требовала чего-то другого, умственнаго, священнаго, чего-то возвышеннаго и трогательнаго. Словомъ, это было собраніе представителей той расы, которая и подъ тяжелымъ бременемъ исторіи еще не окончательно растеряла свое духовное богатство. На гулянье въ саду сіонисты посмотрѣли не какъ на отдыхъ, не какъ на средство завязывать знакомства и возможность дружеской бесѣды, а какъ на дѣловое собраніе, происходившее лишь безъ обычныхъ формальностей. Тутъ не было предсѣдателя, не было стенографовъ, но были тѣ же рѣчи и дебаты, тотъ-же энтузіазмъ и группировка делегатовъ. Торжественное открытіе конгресса на другой день въ залѣ Queen's Hall было поэтому лишь какъ-бы продолженіемъ гулянья въ Ботаническомъ саду.

III.

Вотъ они тутъ всѣ опять: и делегаты, и Герцль. Опять слышу воодушевленныя рѣчи, восторженные крики, нѣтъ только пріютскаго оркестра и мягкой зелени лужаекъ. Я оглядываюсь кругомъ и начинаю всматриваться въ лица делегатовъ, стараясь узнать тѣхъ, которыхъ видѣлъ въ Базелѣ на второмъ конгрессѣ. Многихъ узнаю, но и многихъ нѣтъ. Куда дѣвались всѣ эти бурные, независимые, смѣлые Бернаръ Лазаръ, Мишель Делинъ, докторъ Ландау, д-ръ Леве съ его энергичной рѣчью и свѣтлокудрой головой, и многіе другіе, имена которыхъ я уже забылъ? Гдѣ эта живая, бойкая, самоувѣренная, подчасъ очень симпатичная молодежь изъ Монпелье, Женевы и другихъ иностранныхъ университетовъ? Вижу только одного молодого Сыркина, но и этотъ, наиболѣе шумный делегатъ на 2-мъ конгрессѣ, сидитъ теперь какимъ-то присмирѣвшимъ и незамѣтнымъ зрителемъ, именно зрителемъ, а не делегатомъ. Гдѣ, наконецъ, респектабельный, хотя и горячій Бентвичъ, бывшій главнымъ представителемъ англійскихъ сіонистовъ въ Базелѣ? И чѣмъ больше всматриваюсь въ собраніе и чѣмъ дальше присутствую на занятіяхъ конгресса, тѣмъ все больше убѣждаюсь,

что имѣю дѣло съ совершенно новой фазой въ сіонизмѣ, съ новымъ духомъ его. Сіонизмъ самопроизвольнаго чувства, сіонизмъ всеобъемлющей еврейской демократіи, сіонизмъ, какъ крикъ наболѣвшей души, прошелъ невозвратно. Сіонизмъ одѣлъ фракъ и бѣлый галстукъ и сталъ чиновникомъ. Делегаты уже больше не избранники шекеледателей, не настоящіе представители послѣднихъ, а члены конгресса по назначенію „свыше". На конгрессъ больше не посылаютъ того, кто можетъ быть непріятенъ комитету въ Вѣнѣ, а заранѣе наводятъ справки и удостовѣряются, что комитетъ противъ уполномочія такого-то делегата ничего не имѣетъ. Говорю это не только по одному внѣшнему впечатлѣнію, но и на основаніи извѣстныхъ мнѣ фактовъ. Какъ видите, тутъ уже говорить о делегатахъ, какъ о дѣйствительныхъ представителяхъ народа, можно только съ очень большой натяжкой, если вообще можно. Вотъ почему 4-й конгрессъ въ сравненіи со вторымъ имѣлъ въ высшей степени мирный и смирный характеръ. Все шло какъ по маслу. Никакихъ неудобныхъ предложеній никто не вносилъ и не собирался вносить. Все то, за что стоялъ Герцль, принималось единогласно; все то, противъ чего онъ выступалъ, столь же единодушно отвергалось.

Конечно, эта система избранія делегатовъ, угодныхъ лишь вождямъ, не составляетъ какой-то выдумки сіонистовъ и сама по себѣ ничего дурного не заключаетъ; но она находитъ свое оправданіе лишь тамъ, гдѣ имѣется партійная борьба и гдѣ, слѣдовательно, имѣются и нѣсколько борющихся между собою вождей. Наибольшаго своего развитія система эта достигла въ англійской политикѣ. Здѣсь каждый, желающій быть избраннымъ въ парламентъ, долженъ раньше озаботиться о томъ, чтобы его кандидатура была угодна не только мѣстной политической организаціи, но и главной организаціи въ Лондонѣ и главнымъ политическимъ вождямъ. Иначе его не только не выберутъ въ члены парламента, но и кандидатуры его даже не выставятъ. Но это дѣлается потому, что въ парламентѣ есть нѣсколько партій, каждая изъ которыхъ имѣетъ своего отдѣльнаго вождя. Каждый-же изъ вождей долженъ знать, на кого онъ можетъ разсчитывать и на кого нѣтъ. Если поэтому у сіонистовъ существовали-бы два исполнительныхъ комитета,

которые-бы между собою боролись, или если бы въ одномъ и томъ-же комитетѣ боролись два вождя или, что то же самое, двѣ партіи, то, пожалуй, было-бы естественно и цѣлесообразно руководствоваться при выборѣ делегатовъ желаніями и мнѣніями того или другого комитета или того или другого вождя. При одномъ-же комитетѣ и при одномъ вождѣ избирать делегатовъ не въ зависимости отъ собственныхъ взглядовъ и убѣжденій, а по указкѣ другого, свыше, значитъ—низвести значеніе конгресса до нуля. Зачѣмъ-же тогда ломать комедію и играть въ „полномочія"!

Было-бы, однако, несправедливо съ моей стороны утверждать, что вѣнскому комитету уже удалось окончательно обезличить конгрессы сіонистовъ. Дѣло всетаки еще слишкомъ ново, чтобы успѣть обратиться въ рутину; надежды, возложенныя на сіонизмъ, еще не совсѣмъ потухли; прежнее воодушевленіе еще продолжаетъ тлѣть въ сердцахъ многихъ сторонниковъ Герцля, и чиновничество и сухость, хотя и начинаютъ водворяться въ движеніи, еще не окончательно его заѣли. Это не столько было видно въ самой залѣ, гдѣ происходили официальныя засѣданія, сколько въ коррıдорахъ, въ буфетныхъ и совѣщательныхъ комнатахъ, гдѣ горячими спорами и разговорами гудѣло, какъ въ пчелиномъ ульѣ. Въ залѣ было слишкомъ много показного. Тамъ было царство разныхъ „членовъ комитетовъ" и секретарей и разныхъ любителей „произносить рѣчи", подчасъ хорошо подготовленныя и разсчитанныя на то, что каждое слово появится въ печати. Делегаты тамъ раздѣлялись на простыхъ смертныхъ и на аристократію, на тѣхъ, которые сидѣли у „мизрахъ-вантъ" (у восточной стѣны), въ данномъ случаѣ — на эстрадѣ, и на тѣхъ, которые сидѣли въ партерѣ. Другое дѣло—въ коррıдорѣ и прилегавшихъ комнатахъ: здѣсь царствовало полнѣйшее равенство; кипѣли оживленные споры и сыпались импровизаціи, вызванныя исключительно желаніемъ убѣдить противника и не имѣвшія никакихъ шансовъ попасть въ печать.

Въ настоящее время, т. е. спустя четыре—пять мѣсяцевъ послѣ описываемыхъ событій, мнѣ, конечно, трудно въ точности припомнить все то, что мнѣ удалось услышать; да и наврядъ-ли было-бы интересно все воспроизводить здѣсь. Но въ памяти у меня очень хорошо врѣзалась одна коре-

настая, не высокаго роста фигура съ большой черной бородой, съ ермолкой на головѣ и съ сигарой во рту, волновавшаяся и энергично спорившая съ какимъ-то молодымъ человѣкомъ о культурѣ,—вопросѣ, особенно занимавшемъ конгрессъ. Молодой человѣкъ стоялъ за то, чтобы исполнительный комитетъ или сіонистскій банкъ ассигновалъ деньги на распространеніе среди молодежи знанія древне-еврейскаго языка. Господинъ-же съ сигарой во рту и, очевидно, съ большимъ здравымъ смысломъ, былъ противъ „культуріи". Споръ велся на жаргонѣ, на хорошемъ, родномъ, литовскомъ жаргонѣ.

— Еще меламдимъ! мало меламдимъ! — сыпалъ безпрестанно, не слушая противника, анти-культуристъ.—Довольно меламдимъ! Гей мистъ фиренъ (навозъ тащи)! Иди навозъ тащить, довольно меламдимъ!... Ассигновать 20,000 на меламдимъ... Какъ будто и безъ того ихъ мало.

— Куда-же навозъ тащить, когда земли нѣтъ,—пробуетъ возражать оппонентъ.

— Все одно, тащи навозъ! — повторяетъ свое слишкомъ уже увлекшійся и бѣгавшій въ волненіи анти-культуристъ: —Все одно, тащи навозъ! Не въ Россіи, такъ въ Америкѣ, тащи навозъ, довольно меламдимъ!

Въ то же время рядомъ, въ буфетной, переполненной народомъ, какой-то раввинъ въ атласномъ кафтанѣ споритъ съ какимъ-то тощимъ чернымъ господиномъ.

— А вотъ я вамъ скажу,—говоритъ тощій господинъ:— Евреи жаловались „мы помнимъ рыбу, которую въ Египтѣ мы ѣли даромъ, огурцы, и дыни, и лукъ, и рѣпчатый лукъ, и чеснокъ". Нужно было сорокъ лѣтъ для того, чтобы вывести запахъ чеснока. Понимаете, культура, все культура. Въ Палестину безъ культуры нельзя, а то мы опять захотимъ чесноку и попросимся обратно въ Египетъ... Мнѣ пора въ Permanenz-Comité,—обрываетъ себя вдругъ ораторъ и, не дожидаясь возраженія, убѣгаетъ. Раввинъ остается на мѣстѣ и продолжаетъ уже обращаться къ другимъ. „Реформированные евреи и низшій классъ—не сіонисты, сіонисты—лишь средній классъ"—говоритъ онъ, но довести мысль до конца ему не даютъ, такъ какъ говорятъ одновременно много людей и другъ друга стараются перекричать. И въ то же время въ этой толкотнѣ и давкѣ какой-то делегатъ

(англійской федераціи) ни къ селу, ни къ городу все пристаетъ съ жалобами на доктора Адлера. Делегатъ этотъ — бывшій русскій еврей и теперь живетъ въ Бристолѣ. „Представьте себѣ",—начинаетъ онъ въ сотый разъ одну и ту-же фразу, обращаясь то къ тому, то къ другому. „Представьте себѣ... пріѣзжаетъ докторъ Адлеръ... представьте себѣ". Но почему-то нашему делегату, котораго природа не особенно одарила даромъ слова, никакъ не удается приковать къ себѣ вниманіе слушателей.

— Ну хорошо, пріѣзжаетъ докторъ Адлеръ... Что-же дальше?—рѣшаюсь я наконецъ выручить бѣднаго человѣка.

Делегатъ отъ души обрадовался моей готовности выслушать его и онъ быстро и крайне нескладно сталъ разсказывать: „Такъ вотъ, представьте себѣ, пріѣзжаетъ докторъ Адлеръ дѣтей конфирмировать. Хорошо, значитъ всѣхъ бармицве въ синагогу. И мой тоже. Хорошо, иду и я. Мой мальчикъ знаетъ „геморе", отлично знаетъ. Я платилъ меламду полкроны въ недѣлю. Что же вы думаете? Мальчиковъ выставили въ рядъ. Докторъ Адлеръ подходитъ къ одному. „Что такое пасха?" — спрашиваетъ. „Что такое сукосъ?"—спрашиваетъ у другого. Потомъ раскрываетъ молитвенникъ. Ну-ка, почитай, говоритъ. Одинъ изъ мальчиковъ прочелъ строчку. Отлично! говоритъ. Готово. Ну, я васъ спрашиваю, что-жъ это такое. Развѣ это называется экзаменовать (мой собесѣдникъ, конечно, употребилъ здѣсь слово „varhören")?

Какое отношеніе этотъ разсказъ русско-англійскаго делегата могъ имѣть къ занимавшему всѣхъ вопросу о культурѣ, трудно сказать; но очевидно нашъ англо-россъ, сидя въ Бристолѣ, долго искалъ случая излить свои чувства, и конгрессъ сіонистовъ, на которомъ собралось столько старыхъ земляковъ и соотечественниковъ, явился желаннымъ случаемъ „отомстить" доктору Адлеру за невниманіе къ высокимъ познаніямъ бристольскаго мальчика.

Другой вопросъ, особенно волновавшій делегатовъ, это— объ экономическомъ положеніи евреевъ, какъ въ Палестинѣ, такъ и въ Россіи. Насколько этотъ вопросъ для нѣкоторыхъ изъ русскихъ делегатовъ составляетъ всю сущность сіонизма, видно было, между прочимъ, изъ отдѣльныхъ восклицаній, вырывавшихся изъ груди ихъ, когда г. Ясеновскій предложилъ

вотировать за снятіе этого вопроса съ очереди. „Это значитъ вотировать за самоубійство!“ — воскликнулъ кто-то. „Зачѣмъ мы сюда пріѣхали?“—спрашиваетъ докторъ Штейнбергъ. „Экономическая дѣятельность—единственно важное дѣло!“—восклицаетъ г. Габриловичъ.

Какъ читателю, безсомнѣнно, уже извѣстно изъ другихъ отчетовъ о конгрессѣ, докладъ объ улучшеніи экономическаго положенія евреевъ долженъ былъ читать г. Моцкинъ. Къ сожалѣнію, онъ своевременно доклада не приготовилъ и поэтому ничего опредѣленно-практическаго конгрессу не было предложено и все ограничилось высказываніемъ лишь разныхъ благожеланій, отъ которыхъ, конечно, бѣдствующимъ милліонамъ людей ни тепло, ни холодно.

А между тѣмъ, если что-либо ярко выступило и выяснилось на 4-мъ конгрессѣ, то это была именно крайняя необходимость что-либо предпринять, не откладывая въ долгій ящикъ, для улучшенія экономическаго положенія евреевъ. Самое глубокое впечатлѣніе произвели не рѣчи Герцля, не рѣчи Макса Нордау, не взвинченное краснорѣчіе Гастера, а простой содержательный докладъ доктора Мандельштама. Сердце разрывается отъ боли, когда читаешь этого докладъ. Описаніе обычной, сѣренькой и придавленной жизни въ маленькомъ любомъ мѣстечкѣ черты осѣдлости, сдѣланное докладчикомъ, по своей безпретенціозной вѣрности натурѣ, достойно кисти величайшаго художника. Передъ этой картиной нищеты кажутся какимъто сугубымъ лицемѣріемъ, какой-то цинической насмѣшкой высокопарныя рѣчи о „будущемъ отечествѣ“, о „духовномъ возрожденіи“, о какой-то спеціально-еврейской культурѣ и тому подобныхъ любимыхъ побрякушкахъ сіонистовъ. Воздуха и хлѣба!—вотъ чего проситъ теперь еврейскій народъ, вотъ что ему нужно. Дайте воздуха и хлѣба, и дайте сейчасъ-же, какъ можно скорѣе, потому что тутъ-же, на нашихъ глазахъ, сотни тысячъ дѣтей задыхаются въ землянкахъ и лачугахъ, сотни тысячъ дѣтей, если и выростаютъ, то какими то хилыми, болѣзненными и развинченными. Спросите объ этомъ доктора Мандельштама, онъ врачъ и, значитъ, спеціалистъ. Но довѣряясь діагнозу почтеннаго доктора, въ то же время выбросьте за окно предлагаемое имъ лѣкарство. Какъ терапевтъ—конечно, въ переносномъ смыслѣ—онъ не заслуживаетъ вниманія. Ука-

завъ на физическое вырожденіе евреевъ, вслѣдствіе подневольной скученности населенія и вслѣдствіе насильственнаго лишенія его свѣта, воздуха и хлѣба, докладчикъ кончилъ тѣмъ, что физическое возрожденіе евреевъ можетъ совершится лишь „на *собственной землѣ* и *родной* почвѣ, и изъ всего земного шара *лишь на одной той землѣ*, гдѣ они всегда будутъ терпимы, въ странѣ, гдѣ народъ долженъ получить новые соки и силы для подъема своего физическаго и духовнаго состоянія“.

И это говоритъ *врачъ*, да еще такой, который тутъ-же въ своемъ докладѣ допускаетъ, что евреи въ западно-европейскихъ странахъ и въ Америкѣ представляютъ собою болѣе здоровый типъ...

IV.

Рядомъ съ вопросами о культурѣ и экономическомъ положеніи выдвигался и вопросъ объ участи румынскихъ эмигрантовъ. Культура занимала главнымъ образомъ раввиновъ съ одной стороны и нѣкоторыхъ молодыхъ интеллигентовъ съ другой стороны, присоединившихся къ сіонизму безъ глубокой вѣры въ него. Экономическій вопросъ особенно волновалъ тѣхъ, которые живутъ въ чертѣ осѣдлости, и тѣхъ, которые сдѣлали себѣ спеціальность изъ изученія еврейскихъ колоній въ Палестинѣ. Послѣдніе, въ лицѣ гг. Іафе, Шенкина и другихъ, очень много агитировали въ пользу палестинскихъ рабочихъ. Но какъ и культурный, такъ и экономическій вопросъ, поднимался самими делегатами. По ихъ иниціативѣ вносились доклады и предлагались резолюціи. Румынскіе-же евреи были выдвинуты почти исключительно вождями сіонизма. Нужда румынскихъ эмигрантовъ и вообще положеніе евреевъ въ Румыніи показались этимъ вождямъ очень подходящимъ средствомъ произвести давленіе на англійскихъ евреевъ и вообще на антисіонистовъ.

Дѣло въ томъ, что сіонизмъ, явившійся крикомъ отчаянія, требуетъ для своего существованія вѣчныхъ мукъ и страданій евреевъ. Это—антиподъ еврейскаго благополучія. Чѣмъ легче евреямъ, тѣмъ меньше почвы для сіонизма; чѣмъ тяжелѣе евреямъ—тѣмъ сильнѣе дѣлается сіонизмъ. Какъ прекрасная снѣгурочка, онъ живетъ и здравствуетъ

въ царствѣ мороза и льда, въ густыхъ, покрытыхъ снѣгомъ, чащахъ невѣжества и тьмы, но быстро таетъ и умираетъ при прикосновеніи солнечнаго луча, при наступленіи царства Ярила, при усиленіи свѣта и любви. Это отлично сознаютъ Герцль и Нордау, и поэтому они съ такою готовностью, я не говорю—радостью, хватаются за всякій случай еврейскаго страданія, какъ за лишнее доказательство того, что другого исхода, кромѣ Палестины, нѣтъ. Сіонизмъ поэтому имѣетъ за собою тяжелый грѣхъ отравленія евреевъ ядомъ пессимизма. Рѣчи всѣхъ вождей всегда полны самыхъ мрачныхъ предсказаній, самыхъ безнадежныхъ картинъ и черныхъ мыслей.

„Вѣдь почему на самомъ дѣлѣ мы стали сіонистами? - спрашиваетъ М. Нордау въ своей рѣчи на послѣднемъ конгрессѣ:—Можетъ быть вслѣдствіе мистическаго стремленія къ Сіону? Отъ этого большинство у насъ свободно. Мы стали сіонистами потому, что бѣдствія еврейскаго народа задѣваютъ насъ за живое, потому, что мы съ глубокимъ огорченіемъ замѣчаемъ, что логика вещей *фатально приведетъ къ быстрому росту этихъ бѣдствій и даже къ внезапнымъ насильственнымъ катастрофамъ* [1], и потому, что самыя напряженныя болѣзненныя [2] (?!) размышленія насъ постоянно приводятъ только къ единственному исходу изъ нужды: это—пріобрѣтеніе охраненнаго публичнымъ правомъ убѣжища для преслѣдуемыхъ милліоновъ евреевъ“. (Бурныя рукоплесканія).

Естественно, что этотъ ораторъ сдѣлалъ печальную судьбу румынскихъ евреевъ главной темой для всѣхъ своихъ рѣчей.

Т. Герцль съ своей стороны, въ рѣчи при открытіи конгресса, коснувшись исхода евреевъ изъ Румыніи, этого, какъ онъ выразился, трагическаго событія, между прочимъ сказалъ: „Между нашими аргументами въ пользу сіонизма однимъ изъ сильнѣйшихъ было банкротство ассимиляціи. Теперь у насъ еще одинъ важный аргументъ—несостоятельность филантроповъ!“

Во все время конгресса румынскими бѣглецами такъ

---

[1] Курсивъ нашъ.
[2] Цитирую по переводу, напечат. въ „Восходѣ“.

сказать тыкали въ носъ англійскимъ евреямъ; но послѣдніе даже и не чихнули. Кромѣ Герцля и М. Нордау, румынскимъ бѣглецамъ посвятилъ свою рѣчь и раввинъ Гастеръ, которому, какъ румынскому уроженцу и въ свое время тоже бѣдному эмигранту, самъ Богъ велѣлъ говорить о нихъ. Гастеръ—великій мастеръ насчетъ цвѣтовъ краснорѣчія—и не удивительно, что въ его рѣчи мы встрѣчаемъ, напримѣръ, такую фразу: „На глазахъ всей Европы румынскими евреями исполнялся „танецъ мертвецовъ“, а алльянсы кричали имъ: обратно въ ваши гробы, обратно!“

Красиво сказано, но какъ чудовищно несправедливо, несправедливо хотя-бы уже потому, что самъ-то сіонизмъ, сами-то сіонисты, что́ сдѣлали они для румынскихъ бѣглецовъ или для оставшихся въ Румыніи евреевъ? Послѣ краснорѣчиваго и до приторности театральнаго воззванія Нордау, на конгрессѣ было собрано около 800 рублей и передано Гастеру для распредѣленія между нуждающимися. Вотъ вся жертва и вся помощь сіонизма! Я далекъ отъ того, чтобы упрекнуть членовъ конгресса въ недостаточной филантропичности. Каждый далъ, сколько могъ. Но въ томъ-то и дѣло, что денежными подачками тутъ немного поможешь. Зачѣмъ же другихъ корить? Однако, въ то время какъ вожди конгресса занимались жалкими и жалостными словами и оплевывали анти-сіонистовъ, бросая имъ укоры и упреки въ жестокосердіи и равнодушіи къ страданіямъ братьевъ, — въ это самое время англійскіе евреи безъ громкихъ трубъ и истеричныхъ взываній пожертвовали до 20.000 рублей на проѣздъ многихъ въ Канаду или обратно на родину и, что куда важнѣе, усиленно добивались содѣйствія англійскаго правительства для улучшенія положенія евреевъ въ Румыніи.

Настоящая статья составляется мною, конечно, не съ цѣлью защиты англійскихъ или иныхъ заграничныхъ евреевъ отъ нападокъ сіонистовъ. Но говоря о румынскихъ бѣглецахъ въ Лондонѣ и объ отношеніи къ нимъ конгресса, не могу не сказать нѣсколько словъ въ отвѣтъ на статью г. Шми, напечатанную въ № 74 „Восхода“. Статья является вѣрнымъ отголоскомъ отношенія сіонистовъ къ англійскимъ евреямъ и вообще вѣрнымъ отраженіемъ настроенія членовъ четвертаго конгресса. Очевидно, г. Шми совершенно не знаетъ англій-

скихъ евреевъ и наврядъ-ли имѣлъ случай ознакомиться со всей той огромной работой, которая выпала на ихъ долю и которую они выполняютъ съ честью и достоинствомъ. Но это ничуть не мѣшаетъ ему заявлять: „Среди стариковъ есть еще такіе, которые не совсѣмъ потеряли интересъ къ евреямъ и ко всему еврейскому, но молодежь...“ Тутъ г. Шми ставитъ многоточіе. Очевидно, молодежь ужъ такъ плоха, что и сказать невозможно. И чтобы не быть голословнымъ, г. Шми указываетъ на нѣкоего Шлезингера-Синклера, который требуетъ ограниченія въѣзда эмигрантовъ. Болѣе несправедливаго оскорбленія для англійскихъ евреевъ, какъ выставленіе этого Шлезингера типомъ ихъ, трудно было и придумать. Никогда англійскіе евреи не считали и по настоящее время не считаютъ его своимъ; за исключеніемъ того, что онъ родственникъ Самуэля Монтегю, никакихъ нравственныхъ связей съ англійскимъ еврействомъ у него нѣтъ и не было. Ни въ какихъ еврейскихъ общественныхъ учрежденіяхъ его не избираютъ, ни въ какіе комитеты его не приглашаютъ, и вообще онъ гораздо больше принадлежитъ Франціи, гдѣ онъ родился и гдѣ состоялъ гражданиномъ до самымъ послѣднихъ лѣтъ, чѣмъ Англіи, гражданство котораго онъ принялъ всего 3 года тому назадъ [1].

Указаніе-же на англійскую молодежь еще менѣе удачно. Надѣюсь, что подъ „молодежью“ г. Шми подразумѣваетъ не школьниковъ, которые вообще въ Англіи мало занимаются общественными дѣлами. Если-же подъ этимъ словомъ подразумѣвать молодое поколѣніе, смѣняющее и отчасти смѣнившее прежнее поколѣніе 60-хъ и 70-хъ годовъ, то среди еврейской „молодежи“ Англіи имѣются такія лица, какъ Дж. Джекобсъ, редакторъ начинающей выходить въ Америкѣ „Еврейской энциклопедіи“ и бывшій секретарь Русско-еврейскаго комитета, Израиль Абрагамсъ, извѣстный редакторъ „Jewish Quarterly“, братья Зангвилли, Израиль Голланцъ, Освальдъ Саймонъ, поднявшій здѣсь сильную агитацію въ началѣ 90-хъ годовъ въ пользу русскихъ евреевъ, адвокатъ Адлеръ, братъ главнаго раввина, вынужденный уѣхать изъ Россіи, гдѣ онъ пытался изучить на мѣстѣ положеніе евреевъ, и изслѣдовавшій евреевъ въ Персіи, миссъ Лили Монтегю,

[1] По поводу агитаціи Шлезингера противъ эмигрантовъ, см. выше, статью „Евреи въ англійскомъ обществѣ“.

дочь Самуэля Монтегю, дѣятельница среди еврейскихъ рабочихъ дѣвушекъ, Исидоръ Спильманъ, самый энергичный дѣятель на пользу русскихъ евреевъ и устроитель въ 1887 г. англо-еврейской исторической выставки, и многіе другіе, отдавшіе свое время лондонскому истъ-энду и дѣлу воспитанія и устройства эмигрантовъ и дѣтей ихъ. Совѣтую г. Шми въ свой слѣдующій пріѣздъ въ Лондонъ посѣтить хотя-бы Board of Guardians.

Интересно было-бы, однако, знать, какъ отнеслись бы, напримѣръ, петербургскіе евреи къ своимъ „братьямъ“, если бы послѣдніе явились не то, что изъ какой-то заграницы, нищіе и малокультурные, чуждые и иноязычные, а изъ собственной черты осѣдлости, и явились бы не десятками и сотнями, а тысячами и десятками тысячъ. Если г. Шми пороется въ старыхъ номерахъ русско-еврейской печати, то онъ найдетъ такіе любопытные фактики, которые впередъ отобьютъ у него всякую охоту бросать камнями въ чужой огородъ.

„А отношеніе къ конгрессу!? Оно, конечно, среди съѣхавшихся въ Лондонъ не было ни одного милліонера, ни одного баронета и ни одного члена парламента, но неужели,— спрашиваетъ обиженный невниманіемъ сіонистъ,—эти сотни дѣятелей (?!), прибывшихъ со всѣхъ концовъ земли (со всѣхъ-ли, г. Шми?), съ глубокимъ довѣріемъ къ своимъ культурнымъ англійскимъ союзникамъ, не заслуживали братскаго привѣтствія? Неужели горячая вѣра этихъ энтузіастовъ въ возможность возрожденія нашего народа такъ преступна? Мы допускаемъ (какое снисхожденіе!), что можно сіонистскую программу считать невыполнимой, утопичной, но совершенно игнорировать движеніе, столько сдѣлавшее для подъема еврейскаго самосознанія, могутъ лишь тѣ, у кого не сохранилось въ душѣ ни слѣда еврейскаго чувства. Пора намъ, какъ видно, переоцѣнить наши еврейскія цѣнности, поставить всякаго на свое мѣсто“.

Во всемъ этомъ упрекѣ кроется одно глубокое недоразумѣніе, отъ котораго сіонисты никакъ не могутъ освободиться, несмотря, говоря по-канцелярски, „на многократныя разъясненія и подтвержденія“. Они упорно продолжаютъ считать всякаго противника своего за человѣка, „у кого не сохранилось въ душѣ ни слѣда еврейскаго чувства“. И имъ

никакъ нельзя вдолбить въ голову, что можно быть евреемъ, т. е. можно питать глубокое сочувствіе къ своему племени, можно быть даже религіознымъ евреемъ—и всетаки не только считать сіонистскую программу невыполнимой и утопичной, но и безусловно вредной лучшимъ интересамъ еврейства, нелѣпой и унизительной для величайшаго въ духовномъ отношеніи народа въ мірѣ.

Отношеніе англійскихъ евреевъ къ сіонизму двоякое: матеріалистическое и нравственное. Первое хорошо выразилось въ письмѣ, напечатанномъ въ послѣдній день конгресса въ газетѣ „Daily News“ и подписанномъ „Cantab“, что значитъ Cantabrigian, т. е. учившійся или учащійся въ кембриджскомъ университетѣ. Письмо это было энергичнымъ протестомъ противъ собранія сіонистовъ въ Лондонѣ и вообще противъ сіонизма. „Въ такое время, когда антисемитизмъ столь распространенъ заграницей и не совсѣмъ неизвѣстенъ даже въ Англіи,—говорилось въ письмѣ,—необходимо, чтобы англійскіе евреи приняли какія-либо мѣры для окончательнаго и офиціальнаго устраненія себя отъ движенія, которое даетъ поводъ думать, что правы тѣ, которые заявляютъ, будто еврей ни въ какой странѣ не считаетъ себя гражданиномъ“.

На другой день въ той же газетѣ появились два письма, одно отъ сэра Франсиса Монтефіоре, единственнаго изъ англо-еврейской аристократіи, приставшаго къ сіонизму, а другое, подписанное „англійская еврейка“. Монтефіоре отвѣтилъ съ большимъ достоинствомъ и указалъ на то, что его сіонизмъ предназначается такъ сказать лишь для вывоза, для иностраннаго потребленія, и для однихъ вѣрующихъ евреевъ. „Англійская-же еврейка“, напротивъ, выразила свое полное удовольствіе письмомъ „кембриджца“. „Раньше всего мы—англичане,—писала она:—англичане по языку, по самому нашему мышленію и по воспитанію нашихъ дѣтей. И если бы тѣ нѣсколько сотъ человѣкъ моего народа, которые поддерживаютъ дѣло сіонизма, жили въ такой-же свободной странѣ, какъ наша собственная милая Англія (не забудьте, что письмо писала женщина), то движеніе это никогда бы и не зародилось“.

Черезъ день появилось второе письмо „кембриджца“, въ отвѣтъ на письмо Монтефіоре. Изъ этого второго письма видно, что авторъ его имѣетъ въ себѣ, кромѣ еврейской, и какія-то капли „чистой англо-саксонской“ крови, которыя, однако, ничуть не мѣшаютъ ему считать себя вполнѣ евреемъ. „Поскольку,—пишетъ онъ,—сіонистское движеніе стремится къ облегченію несчастной судьбы евреевъ заграницей, постолько оно пользуется моимъ глубочайшимъ сочувствіемъ, хотя я сомнѣваюсь въ возможности осуществленія предложенной теперь программы. И если вожди его удовлетворились-бы лишь призывомъ къ нашимъ человѣколюбивымъ чувствамъ, то я-бы могъ только пожелать имъ всяческаго успѣха. Противъ чего я возстаю, такъ это—противъ лозунга „Израиль какъ нація“. Если было-бы вѣрно, что евреи — отдѣльный народъ, то другіе народы были-бы вправѣ (?!) стараться отдѣлаться отъ чуждаго имъ населенія. Но въ томъ-то и дѣло, что это неправда; евреи не отдѣльный народъ; они просто англичане, французы, нѣмцы, русскіе другого исповѣданія, чѣмъ большинство ихъ соотечественниковъ; и единственная причина моего протеста противъ сіонистскаго движенія, это то, что оно какъ-бы оправдываетъ ложь, столь старательно распространяемую противъ насъ нашими врагами, что, будто, наши задачи и стремленія не связаны съ нашими родинами и что мы, будто, упорно держимся за обособленность еврейской націи“.

Можно кстати прибавить, что если-бы г. Cantab посѣтилъ какое-либо засѣданіе конгресса сіонистовъ, то могъ-бы найти подтвержденіе своимъ словамъ и въ чисто этнографическомъ характерѣ делегатовъ. Русскій еврей былъ именно русскій и по типу; еврей изъ Польши былъ полякъ съ ногъ до головы, не только по языку, но и всѣмъ своимъ общимъ обликомъ. Но оставляя зыбкую почву этнографіи и возвращаясь опять къ отношенію англійскихъ евреевъ къ сіонизму, мы видимъ, что не совсѣмъ справедливо отказать имъ въ какомъ-бы то ни было „еврейскомъ чувствѣ“. Но „кембриджецъ“ представляетъ собою лишь одну часть антисіонистовъ, и при томъ наиболѣе утилитарную. Онъ протестуетъ противъ сіонизма, потому что боится антисемитизма. Но есть другая часть англійскаго еврейства, очень энергично выступающая противъ сіонизма съ гораздо болѣе возвышенной точки зрѣнія. Это—евреи-идеалисты, евреи-философы, евреи-ученые. Для нихъ Сіонъ не грязное мѣстечко

въ Палестинѣ, не клочекъ земли въ Малой Азіи, а братство людей. Миссія еврейства для нихъ не замыкается какими-то узкими территоріальными границами, а заключается въ сѣяніи величайшихъ истинъ, какія только когда-либо провозглашались людямъ. Къ такого рода антисіонистамъ между прочими принадлежатъ Клодъ Монтефіоре, кузенъ Франсиса, Израиль Абрагамсъ, Освальдъ Саймонъ и др. Въ своихъ рѣчахъ, лекціяхъ и статьяхъ Абрагамсъ неизмѣнно указываетъ на опасность низведенія еврейской религіи съ высоты универсальнаго ученія къ куцому идеалу маленькой національности, прѣющей въ собственномъ соку буржуазнаго довольства и грошевой матеріальной борьбы.

Весьма возможно, что и этотъ анти-сіонизмъ столь же утопиченъ, какъ иные считаютъ программу сіонистскую, но чѣмъ-же онъ однако обнаруживаетъ меньше „еврейскаго чувства", нежели сіонисты?

Таковы были отношенія англо-еврейской общины къ конгрессу сіонистовъ. Теперь мнѣ остается сказать еще нѣсколько словъ объ отношеніи къ нему англійской печати. Созывая конгрессъ въ Лондонѣ, вожди сіонизма почему-то очень разсчитывали на то, что вся печать перейдетъ на ихъ сторону и своимъ шумомъ и требованіями заставитъ не только англо-еврейскихъ милліонеровъ, но и англійское правительство взяться за осуществленіе идеи Герцля. На самомъ дѣлѣ, однако, оказалось нѣчто совсѣмъ другое. Главныя утреннія газеты или вовсе замалчивали конгрессъ, или же ограничивались очень краткими отчетами, въ 10—20 строчекъ. Наиболѣе благосклонной оказалась „Daily News". Нѣкоторыя-же отнеслись болѣе чѣмъ нелюбезно, и вообще всѣ вмѣстѣ никакого значенія не придали конгрессу. Вечернія-же газеты и небольшая „Morning Leader", хоть и отводили конгрессу больше мѣста, но взглянули на конгрессъ съ такой точки зрѣнія, которая должна была бы показаться обидной для самихъ сіонистовъ, а именно—съ точки зрѣнія рѣдкостнаго курьеза, и делегатовъ и вождей третировали не какъ серьезныхъ политиковъ и „дѣятелей", а какъ интересныхъ чудаковъ, какихъ въ Лондонѣ собирается каждый годъ не мало. Къ сожалѣнію, мало знакомые съ англійской печатью сіонисты могли принять этотъ интересъ нѣкоторыхъ мелкихъ изданій за серьезную оцѣнку значенія сіонистскаго

движенія. И дѣйствительно, нѣкоторые делегаты придали совершенно несоотвѣтствующее значеніе, напримѣръ, тому факту, что одна изъ газетъ воспроизвела, какъ курьезъ, факсимиле заголовка „Ежедневника конгресса", или, что та же газета напечатала переводъ двухъ стиховъ совершенно бездарнаго рифмоплетства, которымъ почему-то редакція „Ежедневника" сочла нужнымъ „украсить" свой первый нумеръ.

V.

Итакъ, четвертый конгрессъ сіонистовъ выяснилъ намъ слѣдующее:

Во-первыхъ, сіонизмъ потерялъ свой первоначальный, демократическій и все-еврейскій характеръ. Отъ него отпали или, лучше сказать, отринуты всѣ свободомыслящіе и всѣ энтузіасты, которые явились еще на 2-й конгрессъ. Сіонизмъ изъ движенія самопроизвольнаго и народнаго обратился въ чиновничью-буржуазную организацію съ узкой національно-политической цѣлью и съ ортодоксально-религіозной закваской.

Во-вторыхъ, сіонизмъ до сихъ поръ не утеръ ни одной слезы, не облегчилъ ни одной живой души и, вмѣсто практическаго дѣла, все еще испускаетъ романтическіе вздохи и пробавляется громкими и пустыми фразами.

Въ третьихъ, огромный классъ заграничнаго и богатаго еврейства—и далеко не самаго худшаго, какъ увѣряютъ гг. Герцль и Нордау—не только все еще стоитъ вдали отъ него, но и повернулся къ нему рѣшительно спиной и сдѣлался враждебнымъ ему. Конгрессъ въ Лондонѣ не только не привлекъ въ лагерь сіонистовъ никого изъ вліятельныхъ и богатыхъ людей, но еще оттолкнулъ многихъ, которые раньше относились къ сіонизму безразлично.

И, наконецъ, въ-четвертыхъ, какъ доклады на конгрессѣ, такъ и рѣчи и бесѣды, безспорно выяснили одно, что экономическая нужда евреевъ крайне обострилась и требуетъ немедленной помощи.

Таковы, такъ сказать, отрицательные выводы, которые конгрессъ далъ намъ; но онъ-же далъ и нѣчто положительное. Раньше всего онъ показалъ, что среди евреевъ, къ великой нашей гордости, есть огромный классъ людей, искренно

преданныхъ дѣлу помощи своего народа и примкнувшихъ къ сіонизму лишь потому, что ихъ сердце проситъ дѣла. Они не могутъ спокойно сидѣть сложа руки, видя страшную нужду и горе окружающихъ ихъ соплеменниковъ. Если бы при этомъ люди увидѣли какую-либо другую возможность практической помощи, то навѣрно ухватились-бы за нее скорѣе, чѣмъ за сіонистскую синицу въ небѣ. И эту возможность необходимо имъ доставить.

Затѣмъ, самый важный выводъ, который невольно напрашивается на умъ каждому постороннему наблюдателю на конгрессѣ, это высокая полезность конгрессовъ, но не конгрессовъ сіонистскихъ, а все-еврейскихъ. Необходимы годичные или двугодичные съѣзды, на которыхъ могли бы присутствовать делегаты любой еврейской общины, разныхъ филантропическихъ учрежденій, обществъ, клубовъ (въ родѣ, наприм., клуба Маккавеевъ въ Лондонѣ), научныхъ и иныхъ еврейскихъ кружковъ. На такомъ конгрессѣ сіонисты могли бы составить очень важную группу, и если-бы имъ удалось перетянуть другихъ на свою сторону, то это была-бы *ихъ* побѣда; но тутъ-же могли бы участвовать и тѣ богачи, за которыми такъ безплодно теперь гоняются Герцль и Нордау, и сюда-же вошли-бы и многіе другіе элементы, которые теперь исключаются по требованію „начальства".

Задача все-еврейскаго конгресса была-бы чисто экономическая. Онъ составлялъ-бы собою организацію, которая, съ одной стороны, вырабатывала-бы мѣры для подъема экономическаго положенія евреевъ, а съ другой стороны, служила-бы притягательнымъ центромъ для пожертвованій, хранителемъ и контролеромъ всѣхъ капиталовъ, оставленныхъ въ пользу евреевъ, какъ народа въ цѣломъ.

Въ настоящее время, напримѣръ, евреи владѣютъ огромнымъ капиталомъ, какой имъ никогда и не снился. Я говорю о милліонахъ барона Гирша. Великимъ филантропомъ оставлено для пользы своего народа до 75 милліоновъ рублей [1]. Это капиталъ, на который можно было бы сдѣлать неисчислимо много добра. Но какъ-же утилизируется этотъ огромный народный капиталъ? Необходимо вырвать его изъ рукъ чиновниковъ и сдѣлать его дѣйствительно орудіемъ добра, способнымъ пересоздать еврейство, и это можетъ только сдѣлать хорошо и правильно организованный все-еврейскій періодическій съѣздъ. Конечно, юридическаго права распоряжаться милліонами Гирша этотъ съѣздъ не имѣлъ-бы, но его нравственная сила была бы такова, что никакіе юридическіе опекуны не посмѣли бы дѣйствовать противъ воли, выраженной настоящими представителями всего народа. Безсомнѣнно, среди евреевъ есть не мало лицъ, которыя, какъ и покойный баронъ Гиршъ, готовы были-бы оставить въ пользу своихъ соплеменниковъ свои капиталы; не въ пользу того или другого города, того или другого благотворительнаго учрежденія, а именно въ пользу цѣлаго народа; но для этого раньше всего должна существовать какая нибудь организація, которая-бы отвѣчала за ввѣренный ей капиталъ, и должна быть увѣренность, что жертва или пожертвованіе принесетъ пользу, а не сдѣлается предметомъ попрошайничества или легкой добычей разныхъ опекуновъ и администраторовъ. Своей демократической организаціей, своей доступностью для контроля и наблюденія, своимъ, наконецъ, открытымъ для всѣхъ и гласнымъ веденіемъ дѣла, все-еврейскій конгрессъ могъ бы такимъ образомъ явиться порукой, что переданные въ его руки капиталы дѣйствительно будутъ употреблены съ пользой для нуждающихся. Не ограниченный куцымъ идеаломъ г. Т. Герцля, предлагаемый мною конгрессъ могъ бы очень легко изобрѣсти средства помощи покупкой-ли земель, основаніемъ-ли кооперативныхъ фабрикъ и мастерскихъ или другими путями.

Если сіонисты дѣйствительно хотятъ что-нибудь сдѣлать, а не праздно болтать, и если, съ другой стороны, ихъ противники не прочь воспользоваться безсомнѣнными организаторскими способностями послѣдователей Герцля, то пусть 5-й конгрессъ будетъ не конгрессъ сіонистовъ, а все-еврейскій, и пусть въ дѣйствительности, а не только въ воображеніи разныхъ Суворинихъ и Дрюмоновъ, будетъ у евреевъ „кагалъ", съ „всемірной организаціей" и капиталомъ, какъ онъ и есть у всякихъ благоустроенныхъ сектъ и племенъ. Пусть у евреевъ будетъ также своя „лепта св. Петра", свой

[1] Увы, въ то время, какъ я писалъ эти строки, капиталъ сразу потерялъ до 15 милліоновъ по приговору апелляціоннаго суда, присудившаго наслѣдственныя пошлины въ пользу англійской казны; и такимъ образомъ деньги, которыя должны были идти на помощь сиротамъ и разнымъ „уйтлендерамъ", пойдутъ на пролитіе человѣческой крови въ южной Африкѣ.

южно-африканскій „бондъ", свой „союзъ друзей", какъ у квекеровъ. Намъ бояться такого „кагала" нечего, до тѣхъ поръ пока мы будемъ дѣйствовать открыто и съ пользой не только для евреевъ, но и для окружающаго насъ населенія.

Вотъ, въ созданіи такого-то все-еврейскаго конгресса съ экономической, а не религіозно-политической цѣлью, и можетъ лишь заключаться будущая заслуга сіонизма, который, какъ вѣчевой колоколъ, разбудилъ евреевъ и показалъ имъ возможность совмѣстной работы.

С. И. Рапопортъ.

Лондонъ.

Евреи въ Румыніи.

Отношеніе румынскаго правительства къ евреямъ въ послѣднюю четверть XIX столѣтія.

Послѣднія событія въ Румыніи, возбудившія страшное негодованіе всей просвѣщенной Европы, побудили насъ познакомить публику болѣе подробно съ положеніемъ евреевъ въ этой странѣ и тѣми стадіями, черезъ которыя проходилъ тамъ еврейскій вопросъ.—Мы воспользовались для этой цѣли въ высшей степени замѣчательной статьей, появившейся въ послѣднихъ №№ парижской газеты „Siècle" и принадлежащей перу г. Санієля Маркуса, человѣка, какъ увидитъ читатель, близко стоящаго къ дѣлу и участвовавшаго во всѣхъ перипетіяхъ еврейскаго вопроса въ Румыніи. Вотъ эта статья.

I.

Беззаконныя мѣры и варварскія дѣйствія.

Газета „Siècle", считающая своимъ долгомъ неизмѣнно держаться своей программы, главнѣйшая задача которой заключается въ защитѣ свободы и справедливости, выступила первая изъ числа другихъ (къ сожалѣнію, весьма немногихъ) печатныхъ органовъ, принимающихъ близко къ сердцу положеніе несчастныхъ румынскихъ евреевъ [1].

Вашъ журналъ имѣетъ болѣе права, чѣмъ всякій другой, возвышать свой голосъ для заявленія протеста противъ варварскихъ дѣйствій румынъ уже потому, что на его же столбцахъ румынофилъ Убичини такъ смѣло ратовалъ

[1] См. „Siècle" — 17, 29 декабря 1857 г.; 9, 24 января и 7 апрѣля 1858 г.

въ 1857—1858 гг., отстаивая независимость молдаво-валаховъ, которой они такъ злоупотребляютъ теперь.

Румынское правительство, озабоченное хлопотами по заключенію новаго займа, посредствомъ котораго оно разсчитывало пополнить свои кассы, опустошенныя цѣлой шайкой бюджетныхъ хищниковъ, поручило своимъ представителямъ за границей опровергнуть сдѣланныя вами сообщенія и такимъ образомъ уничтожить столь основательно направленныя вами противъ него обвиненія—каковой цѣли и пытались достигнуть г. Гика, румынскій посланникъ во Франціи, и его коллега, г. Дувара.

Но для того, чтобы дать возможность вашимъ многочисленнымъ читателямъ оцѣнить по достоинству аргументы, противопоставленные румынскими дипломатами, — необходимо, съ одной стороны, доставить имъ точныя свѣдѣнія относительно обязательствъ, принятыхъ на себя румынскимъ правительствомъ передъ цѣлой Европой по еврейскому вопросу, а съ другой—указать имъ на невыносимое положеніе, которое было создано евреямъ румынами со времени ихъ національнаго воскресенія.

Такъ какъ мнѣ довелось принимать дѣятельное участіе въ кампаніи, предшествовавшей и послѣдовавшей за берлинскимъ трактатомъ, въ силу котораго Румынія пользуется теперь положеніемъ свободнаго и независимаго государства,—то я могу доставить вамъ свѣдѣнія, неоспоримыя по своей достовѣрности и имѣющія весьма серьезное значеніе. Въ виду этого, я прошу васъ, въ интересахъ истины, опубликовать на столбцахъ вашей газеты изложенныя мною данныя, столь близко касающіяся опроверженій румынскихъ дипломатовъ.

Г. Гика начинаетъ свое письмо, напечатанное въ „Siècle" отъ 8 августа истекшаго года, съ отрицанія факта отказа евреямъ въ правосудіи, и въ отвѣтъ на ваши обвиненія указываетъ на превосходную организацію румынской магистратуры, состоящей, по его словамъ, изъ превосходныхъ юристовъ. Не смотря на то, что я могъ бы привести здѣсь безчисленное множество примѣровъ беззаконій, совершенныхъ этой, столь прекрасно организованной магистратурой,—я считаю за лучшее не останавливаться на подобныхъ прискорбныхъ фактахъ, такъ какъ все это—дѣйствія индивидуальныя, которыя должны быть поставлены въ счетъ судьямъ, не стѣсняющимся, несмотря на свое знаніе законовъ, поступать несправедливо и жестоко въ отношеніи евреевъ.

Я предпочитаю прямо перейти къ прочимъ возраженіямъ г. Гики, причемъ мнѣ не трудно будетъ доказать, что его объясненіе, также какъ и объясненія г. Дувары, напечатанныя въ „Temps", служатъ только подтвержденіемъ сущности обвиненій въ варварскихъ дѣйствіяхъ, формулированныхъ противъ румынъ.

Упомянутые дипломаты, не будучи въ состояніи опровергнуть неопровержимые факты, вынуждены были наконецъ сознаться, что евреи дѣйствительно подвергаются въ Румыніи стѣснительнымъ мѣрамъ; но при этомъ они поясняютъ, что мѣры эти никакъ не служатъ признакомъ произвола и отсутствія законности, такъ какъ онѣ примѣняются къ *туземнымъ* евреямъ на основаніи дѣйствующихъ законовъ, изданныхъ для *иноземцевъ* вообще. Такимъ образомъ, изъ этого слѣдуетъ, что румыны смотрятъ на всѣхъ евреевъ безъ исключенія какъ на иностранцевъ.

Это нелѣпое объясненіе само по себѣ служитъ столь яснымъ доказательствомъ вѣроломства и недобросовѣстности румынъ, что намъ нѣтъ даже надобности входить въ подробное разсмотрѣніе тенденцій упомянутыхъ законовъ, изданныхъ, очевидно, такими же свирѣпыми ненавистниками иностранцевъ, какъ и китайскіе кулаки.

II.

Право евреевъ на названіе коренныхъ жителей Румыніи.

Оспаривать у всего еврейскаго населенія право на названіе коренныхъ жителей Румыніи—значило бы отрицать очевидность и становиться въ прямое противорѣчіе съ исторіей, такъ какъ пребываніе евреевъ на берегахъ Нижняго Дуная начинается со временъ завоеванія румынами Дакіи, и такимъ образомъ, быть можетъ, раньше даже пребыванія тамъ самихъ молдаво-валаховъ, древнѣйшая исторія которыхъ представляется такой темной и смутной. Настоящая историческая эпоха Молдаво-Валахіи начинается, для

Молдавіи, лишь съ четырнадцатаго столѣтія, при Богданѣ, появившемся изъ страны Marmaros, а для Валахіи—со времени прибытія валаховъ съ юга Авреліанской Дакіи. На пребываніе же молдаво-валаховъ на сѣверѣ Дуная до этой эпохи—историки [1] смотрятъ какъ на чистѣйшую легенду, такъ какъ до четырнадцатаго столѣтія тамъ невозможно усмотрѣть ни малѣйшихъ слѣдовъ этого пребыванія; съ другой стороны, у насъ имѣются вполнѣ достовѣрныя историческія данныя, свидѣтельствующія о пребываніи евреевъ въ этой мѣстности съ конца періода отдаленной древности.

Какъ апостолъ Павелъ, такъ и Іосифъ Флавій упоминаютъ о многочисленыхъ еврейскихъ общинахъ, находившихся на Балканскомъ полуостровѣ и на сѣверо-западѣ Понта Эвксинскаго; затѣмъ, до насъ дошелъ рескриптъ отъ четвертаго вѣка императора Ѳеодосія I, обращенный къ македонскимъ префектамъ въ Дакіи и Иллиріи и предписывающій имъ оказывать покровительство еврейскимъ синагогамъ. Между седьмымъ и десятымъ вѣками въ этой странѣ водворились хазары, владѣнія которыхъ простирались отъ Дона до Дуная, какъ на то указываютъ границы, обозначенныя въ письмѣ, адресованномъ царемъ Іосифомъ бенъ-Арономъ къ Хасдаи ибнъ-Шапруту, министру финансовъ Абдулъ-Рахмана III, кадуйскаго халифа. Царствующая-же династія и высшій классъ населенія Хазарской имперіи были послѣдователями еврейской религіи.

Знаменитый путешественникъ, Веніаминъ изъ Туделы, посѣтившій эти страны въ 1172 г., тоже упоминаетъ о многочисленныхъ еврейскихъ семьяхъ, жившихъ тамъ мирно и въ добромъ согласіи съ прочимъ населеніемъ.

III.

Между четырнадцатымъ и девятнадцатымъ столѣтіями.

Съ наступленія исторической эпохи Молдаво-Валахіи сохранилось не мало документовъ и фактическихъ данныхъ, свидѣтельствующихъ о пребываніи евреевъ въ этихъ странахъ.

[1] См. Roessler: Rumänische Studien. Marco Antonio Canini: La verité sur la question israélite en Roumanie. Paris. 1879. Ch. Maréchal.

Въ четырнадцатомъ столѣтіи венгерскіе евреи, которыхъ Людовикъ I хотѣлъ насильно заставить креститься, укрывались у своихъ молдаво-валахскихъ единовѣрцевъ. Александръ Добрый, воевода молдавскій, и Дано I, воевода валахскій, относились къ нимъ весьма благосклонно, а послѣдній предоставилъ имъ даже нѣкоторыя привиллегіи, въ видахъ поощренія торговли [1].

Въ пятнадцатомъ столѣтіи Стефанъ Великій, молдавскій воевода, извѣщаетъ письмомъ польскаго короля, Александра Ягеллона, о выкупѣ евреями у татаръ одной польской дамы, что ясно указываетъ на существованіе въ Молдавіи уже въ эту эпоху хорошо организованныхъ еврейскихъ общинъ, имѣвшихъ въ своемъ распоряженіи человѣколюбивое учрежденіе, предназначенное для выкупа плѣнныхъ, подобное тѣмъ, какія учреждались всѣми еврейскими общинами въ средніе вѣка.

Начиная съ шестнадцатаго столѣтія, мы находимъ на старыхъ еврейскихъ кладбищахъ, во многихъ молдаво-валахскихъ городахъ, надгробные камни, свидѣтельствующіе о пребываніи тамъ евреевъ; а какъ на оффиціальный документъ, относящійся къ этой эпохѣ, мы можемъ указать на княжескій декретъ (Hrissoo Domnescu) Стефана VI, молдавскаго воеводы, помѣченный 1525 годомъ. Этимъ декретомъ молдавскій князь возстановляетъ предписанія старинныхъ законовъ, вышедшихъ было изъ употребленія и воспрещавшихъ какъ евреямъ, такъ и армянамъ содержать булочныя и бакалейныя лавки.

Въ этомъ же декретѣ подтверждается свобода богослуженія, торговли и промышленности, дарованная Александромъ Добрымъ еврейскимъ бѣглецамъ изъ Венгріи.

Въ Валахіи, Михаилъ V Храбрый ознаменовалъ свое возстаніе противъ Оттоманской имперіи, своей верховной властительницы, избіеніемъ бухарестскихъ евреевъ и турокъ.

Переходя къ семнадцатому столѣтію, мы встрѣчаемъ въ уложеніяхъ молдавскаго Василія Волка и валахскаго Матвѣя Бассараба множество предписаній относительно евреевъ; кромѣ того, знаменитый математикъ, Соломонъ-дель-Ме-

[1] См. M. Cogalniceano, Histoire de la Dacie et des Valaques transdanubiens.

диго, посѣтившій Яссы въ 1620 г., также упоминаетъ о мѣстной еврейской общинѣ и о великомъ философѣ Іаковѣ-ибнъ-Арвеѣ, лейбъ-медикѣ воеводы.

Эпоха фанаріотовъ отмѣчена организаціей легальнымъ порядкомъ еврейскихъ общинъ въ Молдаво-Валахіи по образцу турецкихъ, подчиненныхъ Хахаму-баши, назначавшемуся императорскимъ фирманомъ. Этотъ сановникъ, стоявшій во главѣ нотаблей, только одинъ имѣлъ право освящать синагоги и назначать священнослужителей.

Но эта организація касалась только туземныхъ евреевъ, и этотъ именно пунктъ, имѣющій значеніе пункта первостепенной важности въ разсматриваемомъ нами вопросѣ, я и хочу выставить на видъ, такъ какъ къ этой эпохѣ относится опредѣленіе правомѣрнаго состоянія туземныхъ евреевъ, прозывавшихся Паментани, въ отличіе отъ ихъ иностранныхъ единовѣрцевъ, фигурировавшихъ подъ кличкой Суддити.

Съ тѣхъ поръ во всѣхъ документахъ, слѣдующихъ одинъ за другимъ, въ правительственныхъ декретахъ, кодексахъ Калемаки и Караги и учредительномъ регламентѣ — содержатся предписанія относительно предоставленія туземнымъ евреямъ преимуществъ, какими не пользовались Суддити; въ новомъ же кодексѣ Алек. Іоанна Кузы (1864), до сихъ поръ сохраняющемъ свою силу, туземнымъ евреямъ предоставлены гражданскія права безъ всякихъ ограниченій, а нѣкоторымъ разрядамъ дарованы, сверхъ того, и общинныя права.

IV.

Международные трактаты.

Такимъ образомъ, недобросовѣстныя заявленія румынскихъ дипломатовъ, выдающихъ это коренное населеніе страны за чужеземцевъ и новыхъ пришлецовъ, — должны быть признаны безусловно ложными, въ виду того факта, что оно въ теченіе цѣлыхъ столѣтій было правномѣрно признано туземнымъ. Кромѣ того, въ силу варварскихъ законодательныхъ постановленій, дѣйствующихъ теперь въ странѣ, евреи признаются туземцами только въ тѣхъ слу-

чаяхъ, когда дѣло идетъ объ обложеніи ихъ налогами и обремененіи всевозможными тяжкими повинностями, не исключая и повинности крови, которую они несутъ на себѣ вотъ уже почти цѣлыхъ сорокъ лѣтъ.

Да, тотъ самый солдатъ, который съ опасностью жизни защищалъ у Гривицкихъ рвовъ румынское знамя, изгоняется теперь изъ своей родной деревни, а для сына его закрываются двери общественной школы, содержащейся на средства, доставляемыя его отцомъ.

Наконецъ, допустивъ даже, что наши дипломаты, не имѣя никакого понятія о старинныхъ хроникахъ своей страны, дѣйствительно думаютъ, что пребываніе евреевъ въ Румыніи ограничивается лишь двумя поколѣніями; но все же они должны быть знакомы по крайней мѣрѣ съ современной исторіей и съ международными трактатами, установившими, такъ сказать, гражданскій строй теперешней Румыніи. Въ виду этого, я позволяю себѣ задать имъ два вопроса:

а) Въ статьѣ 46 парижскаго трактата сказано:

„Всѣ молдаво-валахи равны передъ закономъ, по отношенію къ налогамъ, и всѣ равно допускаются къ занятію общественныхъ должностей.

„Молдаване и валахи всѣхъ христіанскихъ обрядностей должны въ равной степени пользоваться политическими правами. Пользованіе этими правами можетъ быть распространено, посредствомъ законодательныхъ постановленій, и на послѣдователей другихъ религій“; статья же 44 берлинскаго трактата, внося поправку въ послѣдній параграфъ парижскаго, присовокупляетъ:

„Въ Румыніи различіе религіозныхъ вѣрованій и исповѣданій не должно служить поводомъ къ устраненію или лишенію кого либо преимущества пользоваться гражданскими и политическими правами“. И такъ, спрашивается— не имѣли ли въ виду эти параграфы, оба санкціонированные подписями великихъ европейскихъ державъ, внести существенное улучшеніе въ положеніе румынскихъ евреевъ?

в) Затѣмъ—замѣчается ли въ настоящемъ быту румынскихъ евреевъ улучшеніе сравнительно съ тѣмъ, какъ было до вступленія на престолъ короля Карла I Гогенцоллернскаго?

Что касается до перваго вопроса, что гг. Гика и Дувара, конечно, помнятъ какъ долгіе переговоры румынскаго пра-

вительства, такъ и обязательства, принятыя имъ на себя передъ Европой, съ цѣлью склонить державы къ признанію его независимости; но если они позабыли это, то пусть потрудятся перечитать дипломатическую корреспонденцію по этому поводу, занесенную румынскимъ правительствомъ въ свою Зеленую Книгу въ 1880 г.

Я ограничусь извлеченіемъ изъ всей этой длинной корреспонденціи только заявленій, во первыхъ, г. Бюллова, воспроизведеннаго г. Литано, румынскимъ дипломатическимъ агентомъ въ Берлинѣ, въ его отчетѣ отъ 12 мая 1879 г., — а во вторыхъ—г. Бокреско, министра иностранныхъ дѣлъ, содержащагося въ запискѣ, представленной имъ иностраннымъ кабинетамъ и повторенной въ циркулярной телеграммѣ отъ 3 декабря 1879 г.

Привожу первое заявленіе [1].

„Европа прежде всего ожидаетъ отъ васъ законодательныхъ мѣръ, которыя бы съ необходимой откровенностью обнаружили намѣреніе существенно улучшить положеніе евреевъ. Достаточно будетъ изданія такихъ законовъ, которые бы служили дѣйствительной защитой осуществленія предоставленныхъ правъ. Такіе законы будутъ вполнѣ надежной гарантіей какъ для державъ, такъ и для самой Румыніи“.

А вотъ текстъ заявленія г. Бокреско [2]:

„Въ положеніи всѣхъ евреевъ вообще, какъ румынскихъ подданныхъ, такъ и иностранныхъ, должна произойти, сравнительно съ тѣмъ, что было прежде, значительная перемѣна къ лучшему.

Дѣйствительно, если послѣ пересмотра статьи 7 и закона о натурализаціи, который не замедлитъ послѣдовать затѣмъ, мы станемъ сравнивать прежнее положеніе евреевъ съ новымъ, то должны будемъ констатировать значительныя измѣненія, сдѣланныя въ ихъ пользу.

„Евреи, румынскіе подданные, были подвергаемы, въ прежнее время, всевозможнымъ воспрещеніямъ, направленнымъ противъ иностранныхъ евреевъ; они были лишены даже нѣкоторыхъ гражданскихъ правъ, которыми пользовались другіе румыны.

[1] См. Зел. Книгу, стр. 48.
[2] См. Зел. Книгу, стр. 122.

„Такъ, они не могли быть ни адвокатами, ни профессорами, ни государственными инженерами; они не могли быть членами суда присяжныхъ по отчужденію имущества въ городахъ, такъ какъ къ нимъ могло быть предъявлено требованіе о порукѣ (judicatum solvi) и пр. При новомъ же режимѣ *всѣ воспретительные законы должны исчезнуть* и имъ прежде всего будутъ даны всѣ права, предоставляемыя иностранцамъ вообще; *сверхъ того имъ будетъ оказано то преимущество передъ иностранцами, что, какъ румынскіе подданные, они будутъ пользоваться правомъ служить* въ арміи и въ національной гвардіи, пріобрѣтать недвижимое имущество и земельные участки въ городахъ, *быть адвокатами* и принадлежать къ составу суда присяжныхъ по отчужденію имущества въ городахъ, словомъ—*свободно заниматься всякой профессіей и всякимъ ремесломъ*; они будутъ пользоваться тѣмъ же личнымъ правовымъ положеніемъ какъ и румыны, будутъ въ равной степени состоять подъ охраной законовъ и властей и пр.

„Что же касается до евреевъ, признанныхъ гражданами, то, само собою разумѣется, что между ними и прочими гражданами не будетъ допущено никакого различія“.

V.

Обѣщанія и ошибки румынскаго правительства.

Во многихъ циркулярныхъ депешахъ, адресованныхъ къ румынскимъ представителямъ заграницей, г. Бокреско поручаетъ имъ завѣрить правительства, при которыхъ они аккредитованы, что положеніе всѣхъ евреевъ, проживающихъ въ Румыніи, будетъ улучшено, что всѣ прежніе ограничительныя законы, въ которыхъ имѣются ссылки на религіозную причину, будутъ отмѣнены, и что впредь религія ни для кого не будетъ служить препятствіемъ къ пользованію *гражданскими* или политическими правами. Никому не будетъ болѣе угрожать опасность подвергнуться притѣсненію со стороны администраціи изъ-за своего *происхожденія* или *религіи*.

Помимо этихъ, столь категорическихъ увѣреній, неоднократно повторенныхъ въ дипломатической корреспонденціи,

румынское правительство, съ другой стороны, приняло на себя обязательство, выраженное въ такой же определенной и еще болѣе рѣшительной формѣ, по отношенію къ комитету, составленному еврейскими нотаблями для веденія переговоровъ съ нимъ по вопросу объ индивидуальной натурализаціи, на которой оно настаивало въ видахъ устраненія различныхъ затрудненій, встрѣчаемыхъ со стороны парламента.

Но какъ по поводу этихъ переговоровъ съ кабинетомъ г. Братіано, приведшихъ къ соглашенію, торжественно засвидѣтельствованному совѣтомъ министровъ въ полномъ его составѣ и въ присутствіи всѣхъ членовъ, — такъ и по поводу другихъ переговоровъ, которые происходили заграницей послѣ этого соглашенія и въ которыхъ я лично принималъ дѣятельное участіе, какъ членъ упомянутаго комитета, — до настоящаго времени не послѣдовало ровно никакихъ разоблаченій.

Въ виду этого, я считаю не безполезнымъ изложить здѣсь всѣ фазисы этихъ переговоровъ, такъ какъ, не говоря уже о той роли, которую они играютъ въ занимающемъ насъ вопросѣ, но и для современной и политической исторіи, не безъинтересно будетъ выяснить, какимъ образомъ Румыніи, этому маленькому и только что возникшему государству, служившему прежде чѣмъ-то въ родѣ побѣднаго приза для великихъ державъ, — удалось противопоставить свою волю волѣ всей Европы, а ея правительству исторгнуть у евреевъ согласіе на требованіе относительно индивидуальной натурализація, у державъ же на признаніе независимости страны подъ условіемъ точнаго выполненія статьи 44 берлинскаго трактата.

Какъ только румынскому правительству были предъявлены постановленія этого трактата, оно, ни мало не стѣсняясь, пустило въ ходъ обычныя свои уловки, съ помощью которыхъ оно надѣялось уклониться отъ выполненія своихъ обязательствъ и такъ же безпрепятственно обойти статью 44 берлинскаго трактата, какъ обходило до сихъ поръ статью 46 парижскаго трактата, которая не помѣшала ему, благодаря попустительству европейской политики, привести въ дѣйствіе съ 1866 г. систему гнета и гоненія по отношенію къ евреямъ.

Но предостереженія его дипломатическихъ агентовъ за-

границей заставили его отказаться отъ подобныхъ мечтаній. Такъ, г. Литано, бывшій румынскимъ агентомъ въ Берлинѣ, гдѣ находился, такъ сказать, связующій узелъ вопроса, предупредилъ свое правительство [1] о томъ, что державы не расположены болѣе позволять обманывать себя, какъ прежде, обѣщаніями на срокъ, никогда не приводимыми въ исполненіе, и что на этотъ разъ Европа приняла твердое намѣреніе добиться окончательнаго рѣшенія еврейскаго вопроса, согласно съ принципомъ равноправія, какъ то было объявлено на берлинскомъ конгрессѣ.

Съ своей стороны, г. Когальничано, который занималъ въ то время постъ министра иностранныхъ дѣлъ въ кабинетѣ г. Братіано и котораго, по справедливости, слѣдуетъ назвать величайшимъ государственнымъ дѣятелемъ Румыніи и человѣкомъ съ истинно либеральнымъ образомъ мыслей, оказавшимъ громадную услугу странѣ своими благодѣтельными реформами—отмѣной крѣпостнаго права и секуляризаціей имѣній греческихъ монаховъ, — г. Когальничано, говорю я, тоже присоединилъ свой голосъ къ предостереженіямъ своего зятя, г. Литано, заклиная правительство отважиться на рѣшительный шагъ и смѣло заявить парламенту, что если Румынія желаетъ занять мѣсто въ кругу цивилизованныхъ странъ, то она должна безповоротно отказаться отъ старыхъ предубѣжденій и приступить, съ подобающей добросовѣстностью [2], къ проектируемой реформѣ, которая не только не повлечетъ за собой никакихъ затрудненій, но, напротивъ того, будетъ благодѣяніемъ для страны, такъ какъ евреи, включенные въ составъ румынской націи, сдѣлаются добрыми румынскими патріотами, подобно тому, какъ ихъ французскіе единовѣрцы сдѣлались добрыми французами; вмѣстѣ съ тѣмъ они внесутъ весьма крупный вкладъ въ сумму общественнаго богатства, которое несомнѣнно возрастетъ, благодаря ихъ трудолюбію и умственнымъ способностямъ.

Къ сожалѣнію, прочіе члены министерства, заботившіеся не столько о благѣ страны, сколько о собственной популярности, не отважились послѣдовать этому патріотическому

[1] Депеша г. Литано отъ 25 сентября 1898 г. Зеленая книга, стр. 14.
[2] См. депешу отъ 18 января 1879 г., Зел. книга, стр. 34.

совѣту, и вмѣсто того, чтобы открыто и честно обратиться къ парламенту съ этимъ заявленіемъ, они затѣяли меркантильно-торгашескіе переговоры у себя дома, съ парламентскими политиканами, а заграницей—съ иностранными правительствами, стараясь склонить ихъ къ принятію, такъ называемаго, „проекта категорій“ [1], въ силу котораго гражданскія права предоставлялись только извѣстнымъ категоріямъ между туземными евреями, съ цѣлью ограниченія числа эмансипированныхъ.

Такое двусмысленное поведеніе румынскаго правительства, разумѣется, только ободрило оппозицію, которая, будучи составлена изъ ярыхъ жидоѣдовъ, изобрѣла безсмысленную теорію о „туземныхъ чужеземцахъ“, стараясь доказать, что всѣ румынскіе евреи чужеземцы; вслѣдствіе этого она хотя и приняла принципъ, изложенный въ статьѣ 44 берлинскаго трактата, относительно того, что религія не должна служить препятствіемъ къ пользованію гражданскими и политическими правами, но отказывала въ этихъ правахъ каждому еврею не на томъ, якобы, основаніи, что онъ не христіанинъ, а потому, что онъ чужеземецъ. Этотъ нелѣпый и лживый аргументъ впослѣдствіи обманнымъ образомъ усвоилъ себѣ Дрюмонъ, вознамѣрившійся примѣнить его къ французскимъ евреямъ и выступившій съ своей пресловутой формулой: „Франція для французовъ“.

Румынская пресса гораздо раньше, чѣмъ французская газета „Libre parole“, занесла на свои столбцы эту излюбленную ею идейку, которую она принялась эксплоатировать и развивать на всѣ лады, съ страстностью достойной лучшаго дѣла, энергично протестуя противъ допущенія въ

[1] Проектъ этотъ устанавливалъ слѣдующія шесть категорій:

1) Служившихъ или служащихъ въ арміи;

2) получившихъ ученую степень или дипломъ бакалавра въ Румыніи;

3) имѣющихъ дипломы отъ заграничныхъ университетовъ и занимающихся своими профессіями въ Румыніи;

4) основателей благотворительныхъ учрежденій въ странѣ;

5) основателей и владѣльцевъ торговыхъ и промышленныхъ учрежденій;

6) писателей, написавшихъ и издавшихъ свои сочиненія на румынскомъ языкѣ.

число равноправныхъ румынскихъ гражданъ кого-либо изъ евреевъ, даже самыхъ почетныхъ лицъ между ними, если они не предъявляли, подобно всѣмъ прочимъ иностранцамъ, формальной просьбы о натурализаціи.

Тщетно указывали юдофобствующей румынской прессѣ на безсмысленность ея проповѣди противъ, такъ называемыхъ ею „туземныхъ чужеземцевъ“ [1], тщетно приводили ей примѣръ эмансипаціи евреевъ въ цѣлой Европѣ, а также и армянъ, которымъ въ той же Румыніи разомъ были дарованы, въ 1858 г., гражданскія права въ силу 46 статьи парижскаго трактата,—въ своей непримиримой и слѣпой ненависти она оставалась глуха ко всякимъ внушеніямъ здраваго смысла.

Такимъ образомъ, правительство, по собственной своей винѣ, очутилось въ совершенно безвыходномъ положеніи: у себя дома оно видѣло полную невозможность установить соглашеніе между двумя партіями депутатовъ, чтобы приступить къ голосованію своего проекта о категоріяхъ; а заграницей—великія державы отказывались санкціонировать этотъ проектъ до тѣхъ поръ, пока не узнаютъ числа эмансипированныхъ евреевъ, вошедшихъ въ составъ категорій. Что же касается до проекта относительно индивидуальной натурализаціи, предъявленнаго оппозиціей, то румынскіе представители заграницей категорически заявили, что иностранныя державы смотрятъ на эту комбинацію, какъ на замаскированную уловку съ цѣлью уклониться отъ выполненія предъявленнаго имъ условія.

VI.

Министерство сліянія.

Кабинетъ Братіано увидѣлъ себя вынужденнымъ уда-

[1] Этотъ эпитетъ „туземныхъ чужеземцевъ“ кажется архи-нелѣпымъ въ устахъ этихъ ксенофобствующихъ „патріотовъ“, такъ какъ почти всѣ румынскіе политики, въ сущности, иностранцы и, сравнительно съ евреями, должны называться новѣйшими пришлецами (venetеci) въ странѣ. Всѣ эти гг. Ферикидесы, Поликроміодесы, Политесы, Морогенесъ, Мосурисъ, Германисъ, Лаховарисъ—оказываются фанаріотскими греками, прибывшими въ Румынію вмѣстѣ съ фанаріотскими воеводами. Даже и двое нашихъ дипломатовъ, гг. Гика и Дювара — албанцы по происхожденію; наконецъ, и самъ глава румынскаго правительства, г. Братіано — природный болгаринъ; настоящее его имя— Братъ-Іано (братъ Иванъ).

литься отъ дѣлъ, но черезъ нѣсколько дней вернулся назадъ перетасованнымъ и переименованнымъ въ министерство слiянiя, въ которомъ теперь фигурировали также гг. Стурдза, назначенный министромъ финансовъ, и Бокреско—министръ иностранныхъ дѣлъ. Этотъ послѣднiй, человѣкъ на столько же способный, на сколько и лукавый, — въ теченiе двухъ лѣтъ содѣйствовалъ работѣ еврейскаго исполнительнаго комитета и, сдѣлавшись теперь главой новой партiи центра, обѣщалъ г. Братiано свое содѣйствiе, обнадеживалъ его спасти правительство.

Новое министерство, съ первыхъ же шаговъ своей политической дѣятельности, довольно ловко затѣяло двусмысленную игру. 23 iюля 1879 г. оно обратилось къ палатѣ съ программой, содержавшей въ себѣ его капитуляцiю, съ заявленiемъ, что оно присоединяется къ проекту индивидуальной натурализацiи, исключившему всякую эманципацiю по общему праву. Въ то же время оно, въ циркулярной депешѣ, поручило своимъ дипломатическимъ агентамъ объяснить иностраннымъ кабинетамъ, что, не взирая на то, что оно вынуждено было, въ видахъ успокоенiя взволнованныхъ умовъ, присоединиться къ проекту индивидуальной натурализацiи,— такой компромиссъ съ его стороны ни мало не измѣняетъ сути дѣла, такъ какъ проектъ эмансипацiи по категорiямъ сохраняетъ всю свою силу; правительство намѣрено обратиться къ палатѣ съ требованiемъ приступить одновременно къ голосованiю какъ измѣненiя статьи 7, такъ и эмансипацiи евреевъ, имена которыхъ будутъ занесены въ списки, съ зачисленiемъ въ нихъ тѣхъ самыхъ лицъ, которыя предполагалось включить въ категорiи.

Такъ какъ г. Бокреско хорошо зналъ, что дипломатическое путешествiе гг. Стурцы и Розетти окончилось неудачно [1], то онъ не могъ не сознавать, какъ трудно ему будетъ склонить державы къ принятiю придуманной имъ новой комбинацiи; тѣмъ не менѣе, считая себя хитрѣе и искуснѣе своихъ коллегъ и вмѣстѣ съ тѣмъ надѣясь на то, что его еврейскiе друзья облегчатъ ему выполненiе предстоявшей ему задачи, онъ всетаки рѣшился предпринять дипломатическую поѣздку за границу.

[1] Румынскiе эмиссары, гг. С. А. Розетти и Д. Стурдза, отправленные за границу съ спецiальной цѣлью выясненiя дѣйствiй своего правительства, потерпѣли полное пораженiе въ своей миссiи.

Нужно замѣтить, что такъ какъ ему было извѣстно, что на меня, какъ на члена еврейскаго исполнительнаго комитета, было возложено порученiе вести корреспонденцiю съ нашими парижскимъ и берлинскимъ делегатами, то онъ, занявъ постъ министра иностранныхъ дѣлъ, тотчасъ же направилъ ко мнѣ своего секретаря, М. В., съ просьбой немедленно извѣстить нашихъ делегатовъ о вступленiи его въ кабинетъ Братiано и о томъ, что онъ намѣренъ принять всѣ мѣры, чтобы довести еврейскiй вопросъ до благопрiятнаго разрѣшенiя.

Не заставъ меня въ Бухарестѣ, М. В., знавшiй адресъ нашего берлинскаго корреспондента, ни мало не стѣсняясь, отправилъ къ нему телеграмму въ упомянутомъ смыслѣ, подписавъ ее моимъ именемъ. Само собою разумѣется, что эта продѣлка привела меня въ сильнѣйшее негодованiе, когда я узналъ о ней по возвращенiи въ Бухарестъ. И потому я, не теряя ни минуты, отправилъ нешифрованную телеграмму въ Берлинъ, предупреждая нашего корреспондента, чтобы онъ смотрѣлъ на адресованную къ нему передъ этимъ депешу, какъ на апокрифическую, и не предпринималъ ничего до полученiя отъ меня дальнѣйшихъ извѣстiй.

Въ то же время я предупредилъ г. Бокреско черезъ одного изъ нашихъ общихъ друзей, что, въ виду программы, составленной министерствомъ слiянiя, и въ виду присоединенiя его къ тому нелѣпому проекту, противъ котораго онъ и самъ боролся до полученiя министерскаго портфеля — онъ не только не долженъ разсчитывать ни на какое содѣйствiе съ нашей стороны, но напротивъ того, долженъ принять къ свѣдѣнiю, что мы употребимъ всѣ мѣры къ тому, чтобы его дипломатическое путешествiе привело его къ такимъ же отрицательнымъ результатамъ, какъ и его предшественниковъ.

Получивъ мое посланiе 2 августа, г. Бокреско обратился ко мнѣ съ настоятельнымъ приглашенiемъ—посѣтить его въ его частной квартирѣ, для личныхъ переговоровъ со мной и объясненiя его плановъ и намѣренiй.

Я не замедлилъ явиться на это свиданiе, и между нами произошелъ слѣдующiй разговоръ, занесенный мною въ тотъ же день въ мою записную книжку и въ оффицiальный докладъ.

Я началъ съ того, что высказалъ г. Бокреско, какъ глубоко поражены и огорчены мы были, когда узнали, что онъ измѣнилъ дѣлу прогресса и справедливости, которому онъ служилъ вмѣстѣ съ нами въ прежнее время.

— Я знаю, — отвѣтилъ г. Бокреско, — что это дѣйствительно должно поразить васъ, и всетаки я настоятельно прошу васъ объяснить вашимъ друзьямъ, что они должны оказать мнѣ свое содѣйствіе и облегчить для меня выполненіе моей дипломатической миссіи, хотя бы на томъ основаніи, что я единственный дѣйствительно либеральный человѣкъ въ министерствѣ и твердо намѣренъ добиться разрѣшенія еврейскаго вопроса согласно съ великимъ принципомъ равноправія, провозглашеннымъ Европой.

— Прежде, чѣмъ я найду возможнымъ дать вамъ утвердительный отвѣтъ на вашу просьбу, я, съ своей стороны, попрошу васъ отвѣтить мнѣ категорически на слѣдующіе три вопроса, которые съ такой бурной страстностью обсуждаются прессой. Но я долженъ предупредить васъ, что я желаю знать ваше мнѣніе какъ министра, а не какъ друга моего, Бокреско.—Ваши отвѣты, воспроизведенные мною въ вашемъ присутствіи подъ заглавіемъ—Interview между министромъ иностранныхъ дѣлъ и однимъ изъ членовъ еврейской общины, будутъ приложены къ моему письму.

VII.

Аргументы г. Бокреско.

— Итакъ, я прошу г. министра сказать мнѣ:

а) — Существуетъ ли въ Румыніи туземное еврейское населеніе?

— Конечно, существуетъ,—отвѣтилъ г. Бокреско.—Наша исторія, также какъ и наше законодательство свидѣтельствуютъ о вѣковомъ пребываніи у насъ туземнаго еврейскаго населенія, не принадлежащаго никакой другой странѣ, кромѣ Румыніи.

b) — Какими же причинами слѣдуетъ объяснить вражду, тяготѣющую надъ евреями въ Румыніи?

— Я не вижу никакой другой причины, кромѣ религіознаго различія, возбуждающаго чувство ненависти въ нашихъ политикахъ, ослѣпленныхъ фанатизмомъ и закоренѣлыми предразсудками.

с) — А угрожаетъ ли эмансипація евреевъ какой либо опасностью для страны?

— Ровно никакой. Я вполнѣ убѣжденъ, что эта мѣра не повлечетъ за собой никакихъ гибельныхъ или вредныхъ послѣдствій для румынской націи.

— Но въ такомъ случаѣ,—вскричалъ я,—какъ же согласовать ваши мнѣнія, раздѣляемыя также и нѣкоторыми изъ вашихъ коллегъ по министерству, съ программой, внесенной вами въ ревизіонную палату?

— Вы не должны судить обо мнѣ по наружности,—возразилъ г. Бокреско.—Прежде всего вамъ слѣдуетъ принять во вниманіе то критическое, можно сказать безвыходное положеніе, въ которомъ мы очутились по милости этого олуха Братіано, не открывшаго мнѣ своевременно доступа въ кабинетъ. Если бы онъ призвалъ меня къ участію въ дѣлахъ правленія до выборовъ, то я постарался бы, съ помощью моихъ друзей, сформировать парламентъ изъ настоящихъ патріотовъ и дѣйствительно либеральныхъ людей, которые никоимъ образомъ не стали бы противиться введенію великой реформы, нынѣ требуемой отъ насъ Европою. Теперь же я вижу себя какъ бы связаннымъ по рукамъ и по ногамъ посреди этого сборища сумасшедшихъ, навербованныхъ Братіано на холмѣ Метрополіи (Палата депутатовъ). Знайте, однако, что къ программѣ, внесенной въ палату, будутъ сдѣланы еще дополненія. Искусный генералъ, какъ вамъ извѣстно, не открываетъ своего стратегическаго плана до наступленія битвы. Да, я вынужденъ дѣйствовать съ крайней осмотрительностью, чтобы не дать возможности нашимъ противникамъ, въ особенности Вернеско, парализовать наши дѣйствія посредствомъ псевдо-патріотической глупости депутатовъ. Кромѣ того, я могу сообщить вамъ содержаніе циркуляра, адресованнаго мною 23 іюля къ нашимъ заграничнымъ агентамъ, такъ что вы сами увидите, что мы только дѣлаемъ видъ, будто мы готовы связать себя брачными узами съ этой нелѣпой теоріей о „туземныхъ чужеземцахъ“; на самомъ же дѣлѣ мы намѣрены потребовать, чтобы собраніе, одновременно съ голосованіемъ пере-

смотра статьи 7, вотировало бы также безотлагательную эмансипацію большинства тѣхъ евреевъ, которыхъ мои предшественники предполагали включить въ разрядные списки. Къ этому я могу прибавить также, что я буду руководствоваться болѣе широкими и либеральными принципами, чѣмъ они, такъ какъ я намѣренъ потребовать, чтобы въ наши списки были включены имена и нѣкоторыхъ изъ вашихъ достойнѣйшихъ представителей, не принадлежащихъ къ числу румынскихъ подданныхъ.

— „Число счастливыхъ избранниковъ между евреями, имена которыхъ вы предполагаете занести въ ваши списки, съ цѣлью предоставленія имъ гражданскихъ и политическихъ правъ, не представляетъ вовсе для насъ такой важности, какъ вы думаете,—отвѣтилъ я.—Насъ гораздо болѣе озабочиваетъ печальная участь той массы туземныхъ евреевъ, которыхъ вы хотите оставить въ положеніи не-эмансипированныхъ.

„Мы не перестанемъ болѣть душой объ этихъ горемыкахъ, которымъ съ 1866 г. пришлось пережить столько бѣдствій, и будемъ настойчиво добиваться, чтобы имъ были дарованы такія же гражданскія права, какими они пользовались во времена князя Кузы. Благоволите же сообщить мнѣ ваши намѣренія относительно этой злополучной массы.

„Вашъ проектъ имѣетъ ли цѣлью улучшить ея положеніе? Отмѣните ли вы всѣ эти звѣрскіе и проникнутые ненавистью законы, которые вы примѣняете теперь къ евреямъ? По прежнему ли ихъ будутъ изгонять изъ сельскихъ общинъ при помощи самыхъ возмутительныхъ мѣръ насилія? По прежнему ли ваши префекты и подпрефекты будутъ преслѣдовать и травить ихъ, какъ дикихъ звѣрей?“

— Конечно нѣтъ, — отозвался министръ. Послѣ замѣны статьи 7 постановленіями берлинскаго трактата, объявляющими при помощи конституціоннаго закона, что религія не должна служить препятствіемъ къ пользованію гражданскими и политическими правами, такіе безчеловѣчные и антиконституціонные законы долѣе существовать не могутъ, такъ что теперь уже невозможно будетъ, путемъ насилія и произвола, воспрепятствовать не-эмансипированнымъ евреямъ пользоваться гражданскими правами, а эмансипированнымъ—политическими.

— „Я готовъ исполнить ваше желаніе,—сказалъ я въ заключеніе,—и, пожалуй, напишу нашимъ друзьямъ въ вышеуказанномъ смыслѣ, хотя откровенно говоря, я сильно сомнѣваюсь, что это послужитъ вамъ въ пользу. Принимая во вниманіе, какъ трудно вамъ было склонить державы къ принятію проекта эмансипаціи по категоріямъ, я думаю, что вамъ едва ли удастся заручиться ихъ одобреніемъ относительно вашего новаго проекта.

„Вы не можете отрицать того, что въ сущности этотъ проектъ *индивидуальной натурализаціи*, въ виду той враждебности, какой проникнуты ваши политическіе дѣятели къ евреямъ, является не болѣе, какъ замаскированной уловкой съ цѣлью уклониться отъ выполненія предъявленныхъ вамъ условій.

„Что пользы въ томъ, что вы вводите въ вашъ конституціонный законъ принципъ, гласящій, что религія не должна служить препятствіемъ къ пользованію гражданскими и политическими правами, если вы лишаете не-эмансипированныхъ туземныхъ евреевъ возможности пользоваться этими правами, если не въ силу религіознаго различія, то на томъ основаніи, будто они чужеземцы? Если же спросить васъ, почему вы называете чужеземцами этихъ евреевъ, приписанныхъ къ числу румынскихъ подданныхъ и не принадлежащихъ никакой другой національности, тогда какъ армянъ и даже цыганъ, столь же многочисленныхъ, какъ и евреи, и тоже не одного происхожденія съ молдаво-валахами — вы разомъ провозгласили румынскими гражданами,—то вамъ волей - неволей придется сознаться, что вы относитесь къ евреямъ иначе, потому что они не христіане.

„Такимъ образомъ, въ сущности, камнемъ преткновенія для евреевъ служитъ не что иное, какъ религія“.

VIII.

Дипломатическая миссія.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого свиданія, г. Бокреско, не теряя надежды на успѣхъ своей миссіи, предпринялъ дипломатическое путешествіе въ Европу, во время котораго онъ посѣтилъ Петербургъ, Вѣну, Парижъ и Римъ. Во Фран-

ціи онъ встрѣтился также съ лордомъ Салисбюри. Само собою разумѣется, что ему всюду былъ оказанъ самый любезный пріемъ, сопровождавшійся не менѣе любезными увѣреніями въ симпатіяхъ къ Румыніи; но что касается до софизмовъ, которые онъ началъ развивать передъ представителями великихъ державъ, то аргументаціи его тоже всюду остались гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Самое же сильное разочарованіе постигло его въ Римѣ. Г. Кароли [1], который былъ въ то время президентомъ совѣта и на поддержку котораго онъ особенно разсчитывалъ въ силу расоваго сродства, рѣшительно возсталъ противъ его нелѣпой теоріи и наотрѣзъ объявилъ, что онъ, какъ членъ берлинскаго конгресса, не можетъ допустить даже и мысли о томъ, чтобы за евреями, рожденными въ Румыніи отъ родителей, родившихся тамъ же, и не принадлежащими никакой другой національности, не признавалось права на названіе румынскихъ гражданъ. Въ силу современнаго законодательства, говорилъ онъ, ни одному человѣку не отказыватеся въ правѣ, считать своимъ отечествомъ ту страну, въ которой онъ родился.

Тщетно указывалъ г. Бокреско (въ запискѣ, цитированной выше и составленной въ Парижѣ въ формѣ перечня мотивовъ его проекта) на то, что берлинскій трактатъ только выразилъ принципъ, не настаивая на способѣ выполненія его,—никто изъ государственныхъ людей не хотѣлъ внимать его, далеко не убѣдительнымъ, доводамъ, сущность которыхъ сводилась къ тому, что простое, или теоретическое, изложеніе обязательной и нетерпящей отлагательства статьи можетъ имѣть значеніе фактическаго выполненія ея, хотя бы этого выполненія и не послѣдовало.

Въ видахъ оправданія своей двусмысленной теоріи, г. Бокреско пустилъ наконецъ въ ходъ старое клише съ изображеніемъ вредоносности еврейскаго элемента (обычный пріемъ и іудофобовъ, къ которому не затруднился прибѣгнуть и г. Дювара въ письмѣ, помѣщенномъ имъ въ „Temps“), ссылаясь на то, что многочисленность евреевъ и ихъ отсталость въ дѣлѣ просвѣщенія угрожаетъ опасностью румынской національности въ этническомъ отношеніи. Но онъ напрасно расточалъ цвѣты своего краснорѣчія: европейскіе государственные люди были на столько знакомы съ положеніемъ еврейскаго вопроса въ Румыніи, что не могли придавать серьезнаго значенія его заявленіямъ. Имъ было извѣстно изъ достовѣрныхъ источниковъ, что еврейское населеніе Румыніи отличается трудолюбіемъ [1], что 75% туземныхъ евреевъ состоитъ изъ мастеровыхъ, занимающихся самыми тяжелыми ремеслами, и что въ интелектуальномъ отношеніи они не только не ниже, но значительно выше ихъ соотечественниковъ изъ христіанъ. Что же касается до ссылки на многочисленность евреевъ, то европейскимъ дипломатамъ тоже не безъизвѣстно было, что числа, выставленныя румынскими политиками, были невѣрны и преувеличены. Такъ, румынское правительство утверждало прежде, будто цифра евреевъ, проживающихъ въ Румыніи, достигаетъ 600,000, перепись же, произведенная г. Когальничано въ 1869 г., доказала, что настоящее ихъ число простирается только до 218,300 душъ [2].

[1] См. Зел. книгу, стр. 138.

[1] Лживыя инстинуаціи г. Дювара, исправленныя и дополненныя пресловутымъ отцомъ лжи, Дрюмономъ, обозвавшимъ всѣхъ румынскихъ евреевъ ворами, сводниками и отравителями,—съ достаточной убѣдительностью опровергаются заявленіями г. Карпа, теперешняго главы румынскаго правительства, неоднократно указывавшаго и горячо возстававшаго въ своихъ рѣчахъ противъ насильственныхъ мѣръ, которымъ подвергаются евреи.

[2] Г. Когальничано, желая собрать достовѣрныя свѣдѣнія по этому поводу, въ 1869 г. предписалъ произвести перепись христіанскаго и еврейскаго населенія, при чемъ, для полученія подлинныхъ данныхъ о числѣ послѣднихъ, онъ обратился съ просьбой къ двумъ французскимъ евреямъ, находившимся въ то время въ Румыніи (къ румынскому журналисту философу Арману Леви и Антуану Леви, профессору школы Св. Варвары),—облегчить задачу префекта, убѣдивъ своихъ единовѣрцевъ доставлять офиціальнымъ чиновникамъ самыя точныя цыфры.

Изъ этой переписи, о которой упоминаетъ также г. В. въ своей докладной запискѣ, видно, что тогдашнее населеніе Румыніи, въ общей сложности, состояло изъ 4,582,600 душъ, между которыми насчитывалось до 218,300 евреевъ, составляющихъ, слѣдовательно, около 4¾%—пропорція вовсе не чрезмѣрная для страны, насчитывающей только по 35 жителей на квадратный километръ

Сверхъ того, статистическая таблица, напечатанная г. профессоромъ Феликсомъ, директоромъ санитарнаго отдѣленія въ Румыніи, свидѣтельствуетъ, что еврейское населеніе увеличивается тамъ ежегодно только на 2,350 душъ при сравненіи цифры рожденій съ цифрой смертности.

Впрочемъ, во время нашего свиданія 2 августа, г. Бокреско самъ же заранѣе представилъ формальное опроверженіе на всѣ свои деклараціи заграницей—въ своихъ отвѣтахъ на мои запросы, каковые отвѣты были препровождены мною къ нашему корреспонденту для сообщенія ихъ лицамъ, съ которыми румынскому дипломату предстояло вести переговоры.

Въ половинѣ сентября онъ вернулся изъ своего путешествія за границу, гдѣ онъ потерпѣлъ полное пораженіе: ни одна изъ державъ не изъявила готовности одобрить его проектъ. Тѣмъ не менѣе, онъ все еще не терялъ надежды склонить ихъ на свою сторону съ помощью Германіи, съ которой румынское правительство завязало секретные переговоры, предлагая ей уладить столкновеніе, вызванное дѣломъ Струсберга, и въ награду за это требуя отъ нея дружеской услуги по разрѣшенію еврейскаго вопроса въ желательномъ для него смыслѣ.

IX.

Статья 7.

Пока велись переговоры съ Германіей, совѣтъ министровъ вырабаталъ окончательный текстъ новой статьи 7, который и былъ представленъ 24 сентября въ бюро палаты.

Текстъ этой новой статьи начинался съ воспроизведенія принципа, гласившаго, что въ Румыніи религія не должна служить препятствіемъ къ пріобрѣтенію и пользованію гражданскими и политическими правами; въ первомъ же параграфѣ было упомянуто, что, согласно съ спеціальными законами, индивидуальная натурализація была доступна иностранцамъ всѣхъ религій, равно какъ и румынскимъ подданнымъ, не пользовавшимся гражданскими правами.

Въ пятомъ параграфѣ содержалось главное постановленіе проекта списковъ по категоріямъ, о которомъ мнѣ говорилъ г. Бокреско. Текстъ этого параграфа былъ составленъ въ такихъ выраженіяхъ.

„Объявляются гражданами на сей единый и единственный разъ румынскіе подданные всѣхъ вѣроисповѣданій, ассимилировавшіеся съ націей, имена и прозванія которыхъ вотированы палатой одновременно съ этимъ закономъ“.

Это постановленіе снова подняло неописуемый гвалтъ между депутатами изъ іудофобской оппозиціи. Ихъ газеты начали испускать негодующіе возгласы, громко протестуя противъ эпитета *румынскихъ подданныхъ*, даннаго евреямъ, и указывая правительству (которое съ позорнымъ малодушіемъ сдалось на ихъ завѣдомо лживыя измышленія) на то, что оно обязано дѣйствовать послѣдовательно и не предоставлять права на эмансипацію никому изъ евреевъ—даже самому достойному изъ нихъ, до тѣхъ поръ, пока онъ не предъявитъ формальной просьбы о натурализаціи, согласно съ правилами, установленными для всѣхъ иностранцевъ.

Правительство, такимъ образомъ, опять увидало себя въ критическомъ и даже еще болѣе затруднительномъ положеніи, чѣмъ въ іюнѣ мѣсяцѣ. Хотя оно и успокаивало себя надеждой на то, что съ помощью громадныхъ финансовыхъ жертвъ, которыя оно вынуждено будетъ принести для устраненія столкновенія по дѣлу Струсберга [1], ему удастся заручиться поддержкой Германіи,—тѣмъ не менѣе, оно не могло не сознавать того, что до тѣхъ поръ, пока оно не сдѣлаетъ хоть перваго шага къ выполненію 44 статьи берлинскаго трактата,—даже самому князю Бисмарку не удастся побудить Францію и Англію къ отказу отъ выполненія трактата, санкціонированнаго ихъ подписями.

Но какъ сдѣлать первый шагъ въ этомъ направленіи, когда оппозиція упорно отказывала въ правахъ туземныхъ

---

[1] 6% заемъ, заключенный для постройки румынской желѣзной дороги, съ предоставленіемъ концесіи Струсбергу, почти всѣ акціи котораго были размѣщены въ Германіи, былъ гарантированъ государствомъ. Но консервативнсе министерство (или министерство бѣлыхъ), смѣнившее либеральный кабинетъ (красныхъ), придумавшее концессію,—нашло возможнымъ отказаться подъ разными предлогами отъ уплаты по купонамъ.

Не смотря на энергическіе протесты Германіи, румыны, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, на отрѣзъ отказывались отъ выполненія ея требованій; вслѣдствіе этого бумага, стоимостью превышавшая 250 милліоновъ и пущенная въ обращеніе по 75% номинальной цѣны, совершенно упала и была котирована по 8%.

Министерство Братіано, желая заручиться дружескимъ содѣйствіемъ Германіи въ разрѣшеніи еврейскаго вопроса, сочло необходимымъ принести громаднѣйшую жертву и выкупить эти акціи, платя 66% номинальвой цѣны, болѣе чѣмъ въ восемь разъ противъ котировки.

гражданъ всѣмъ евреямъ безъ исключенія до предъявленія ими прошеній по этому поводу; евреи же съ неменьшимъ упорствомъ отказывались отъ предъявленія таковыхъ прошеній.

Кончилось тѣмъ, что правительство, не зная какъ выпутаться изъ затруднительнаго положенія, сочло за лучшее обратиться къ тѣмъ же евреямъ, взывая къ ихъ патріотическимъ чувствамъ.

Но такъ какъ евреи энергично отстаивали, не только словесно, на публичныхъ собраніяхъ, но и путемъ печати, свои права туземныхъ жителей, то правительство не осмѣлилось обратиться къ нимъ съ предложеніемъ полюбовной сдѣлки. Тѣмъ не менѣе, гг. Лекка, военный министръ, и его коллега, Столопанъ, министръ юстиціи, твердо вѣруя въ легенду о еврейскихъ богачахъ и несмѣтныхъ милліонахъ, имѣющихся въ распоряженіи „Alliance Israélite“, не преминули обратиться къ евреямъ съ предложеніемъ — постараться склонить на свою сторону депутатовъ оппозиціи посредствомъ соотвѣтствующихъ денежныхъ подачекъ, а г. министръ юстиціи переслалъ ко мнѣ, черезъ г. Поля Буковинано, даже списокъ депутатовъ, который до сихъ поръ хранится у меня, и на которомъ отмѣчены крестомъ имена жидоѣдовъ, считавшихся подкупными. Въ отвѣтъ на это предложеніе мы заявили, что не можемъ и не хотимъ прибѣгать къ такимъ недостойнымъ мѣрамъ.

Между тѣмъ нашъ исполнительный комитетъ тоже находившійся въ крайне затруднительномъ положеніи, принявшемъ еще болѣе тревожный оборотъ, вслѣдствіе полученныхъ нами извѣстій о секретныхъ переговорахъ, начавшихся съ Германіей, — рѣшился устроить конференцію въ Бухарестѣ, созвавъ на нее еврейскихъ нотаблей, делегатовъ отъ мѣстныхъ общинъ, съ цѣлью обсужденія текущихъ дѣлъ, а также и мѣръ, которыя слѣдовало предпринять въ виду столь сложныхъ обстоятельствъ.

X.

Предложеніе г. Гераклиди.

Въ день, назначенный для собранія нашей конференціи, 15 октября, г. Гераклиди, депутатъ отъ Ролана и членъ

юдофобской части палаты, обратился къ намъ съ просьбой дозволить ему присутствовать на нашемъ засѣданіи, такъ какъ онъ намѣренъ сдѣлать намъ нѣкоторыя предложенія отъ имени оппозиціи. Мы, разумѣется, изъявили согласіе на эту просьбу, и г. Гераклиди сдѣлалъ намъ слѣдующія предложенія:

— Мы знаемъ,—началъ онъ,—что вы такъ упорно отказываетесь обратиться въ парламентъ съ петиціями объ индивидуальной натурализаціи на томъ основаніи, что надѣетесь во всякомъ случаѣ быть зачисленными въ списки правительственнаго проекта. Но вамъ, конечно, не безъизвѣстно, что максимальное число лицъ, имена которыхъ правительство предлагаетъ занести въ эти списки и для которыхъ оно намѣревается потребовать гражданскихъ правъ, не превышаетъ тысячи человѣкъ. Наша же партія, энергично протестующая противъ проекта эмансипаціи по спискамъ, предлагаетъ вамъ натурализацію 3000 человѣкъ, если вы согласитесь подписать ваши петиціи по примѣру прочихъ иностранцевъ, такъ какъ, если мы и допускаемъ въ принципѣ равноправіе, то никакъ не признаемъ въ васъ туземцевъ.

„Права на названіе туземцевъ никто не можетъ оспаривать у насъ,—отвѣтили мы.—Мы на законномъ основаніи пользуемся этимъ правомъ въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ, не имѣя, однако, гражданскихъ правъ. Что же касается до числа лицъ, которыя пріобрѣтутъ теперь эти права вмѣстѣ съ правомъ принимать участіе въ политическихъ выборахъ,—то этотъ вопросъ нисколько не интересуетъ насъ.

„Въ настоящее время насъ занимають главнымъ образомъ заботы о судьбѣ прочаго еврейскаго населенія, которому вы отказываетесь даровать гражданскія права.

„Мы хотимъ знать, намѣрена ли оппозиція позаботиться о томъ, чтобы этому населенію было возвращено право полнаго пользованія гражданскими правами? Обѣщаетъ ли она настоять на отмѣнѣ всѣхъ ограничительныхъ законовъ и на огражденіи этого беззащитнаго населенія противъ мѣръ самаго возмутительнаго произвола, которымъ оно подвергается до сихъ поръ?“

— Наша партія приняла твердое намѣреніе положить конецъ всякимъ враждебнымъ дѣйствіямъ противъ вашихъ единовѣрцевъ,—заявилъ г. Гераклиди,—поэтому вопросъ объ

отмѣнѣ исключительныхъ законовъ будетъ, безъ сомнѣнія, разрѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ.

Послѣ самыхъ оживленныхъ преній, собраніе рѣшило принять въ принципѣ предложеніе г. Гераклиди, дозволивъ туземнымъ евреямъ обращаться съ индивидуальными петиціями о натурализаціи, но обусловило свое рѣшеніе предложеніемъ, изложеннымъ въ слѣдующей формѣ:

„1) Въ виду необходимости подчеркнуть тотъ фактъ, что мы дѣлаемъ уступку не оппозиціи, мы должны прежде всего обратиться къ правительству съ запросомъ о томъ, согласно ли оно принять наши предложенія, и условиться относительно гарантій къ точному выполненію пунктовъ, составляющихъ главную суть соглашенія между нами.

„2) Туземнымъ евреямъ, не пользующимся политическими правами, должна, тѣмъ не менѣе, быть предоставлена привиллегія пользоваться гражданскими правами безъ всякихъ ограниченій, а именно: пріобрѣтать и владѣть недвижимой собственностью и виноградниками, за исключеніемъ большихъ загородныхъ помѣстій, владѣніе которыми сопряжено съ пользованіемъ политическими правами.

„3) Они получатъ право свободно и всюду заниматься всякой торговлей, всякими промыслами и всякаго рода профессіями, въ томъ числѣ и адвокатурой, и будутъ допущены, наравнѣ съ прочими своими согражданами, къ занятію общественныхъ должностей (согласно съ 46 статьей парижскаго трактата).

„4) Всѣ ограничительные законы, дѣйствующіе теперь, будутъ отмѣнены, и къ нимъ не будутъ болѣе примѣняться никакія законодательныя или административныя предписанія, не распространяющіяся на всѣхъ гражданъ вообще.

„5) 3000 евреевъ, которые должны быть натурализованы на основаніи индивидуальныхъ петицій, будутъ назначены еврейскими общинами, соразмѣрно съ числомъ ихъ членовъ.

„6 Помимо этихъ трехъ тысячъ человѣкъ, которые примутъ участіе во всѣхъ функціяхъ гражданской жизни, должны быть признаны гражданами также всѣ военные, участвовавшіе въ войнѣ противъ Турціи“.

Въ заключеніе, собраніе назначило комиссію изъ пяти членовъ, въ числѣ которыхъ находился и я,—поручивъ ей

передать формулированное его предложеніе и условиться относительно дальнѣйшаго образа дѣйствій.

XI.

Вопросъ о натурализаціи.

Комиссія на слѣдующій же день приступила къ выполненію возложеннаго на нее порученія и, вмѣстѣ съ г. Гераклиди, была принята въ частной аудіенціи г. Когальничано, въ вѣдомствѣ котораго, какъ тогдашняго министра внутреннихъ дѣлъ, находились дѣла еврейскихъ общинъ.

Увидавъ насъ на порогѣ своего кабинета, г. Когальничано, предупрежденный о цѣли нашего посѣщенія, громко воскликнулъ:—„O tempora! O mores!“ Неужели я вижу передъ собой лютаго врага евреевъ, рѣшившагося, наконецъ, протянуть имъ руку!?“—Затѣмъ, обращаясь прямо къ г. Гераклиди, министръ прибавилъ:

„Г. депутатъ, я не знаю побудительной причины сдѣланной вами попытки; но чѣмъ бы ни руководились вы въ данномъ случаѣ, — хотя бы даже васъ побудили еврейскіе капиталы, — вашъ поступокъ все таки слѣдуетъ назвать истинно патріотическимъ дѣломъ, такъ какъ страна и правительство забрели въ такой запутанный лабиринтъ, изъ котораго не легко выбраться“.

„Что же касается до васъ, господа,—продолжалъ г. Когальничано, привѣтствуя насъ,—то я полагаю, вамъ достаточно извѣстны мои симпатіи къ вамъ, внушаемыя мнѣ моей любовью къ прогрессу и патріотическими чувствами, въ силу которыхъ я желаю видѣть мою страну причисленной къ разряду цивилизованныхъ государствъ.

„Поэтому то я и счелъ своимъ долгомъ, тотчасъ же какъ вспыхнула война, обратиться къ моимъ коллегамъ съ нотой (которую я сейчасъ прочту вамъ), убѣждая ихъ вооружиться твердостью и, по собственной иниціативѣ, приступить къ выполненію той великой реформы, которую я предлагалъ еще въ 1865 г., въ послѣднемъ посланіи князя Кузы [1], имѣя въ виду улучшить ваше положеніе, согласно

[1] Этотъ князь, отличавшійся такой же энергіей, какъ и его министръ, не смотря на упорное сопротивленіе бояръ, совершилъ, какъ сказано выше, двѣ великихъ реформы: отмѣну крѣпостнаго права

съ требованіями прогресса, и совѣтуя поспѣшить съ дарованіемъ вамъ эмансипаціи, прежде чѣмъ эта мѣра будетъ вмѣнена намъ въ обязанность Европой, какъ варварскому народу.

„Но, къ сожалѣнію, г. Братіано не хотѣлъ принять во вниманіе мои предостереженія, и на всѣ мои доводы и убѣжденія возражалъ, что я сильно ошибаюсь, воображая, что у Европы только и заботы, что о нашихъ евреяхъ. Послѣдствія доказали, однако, что ошибался не я, а онъ, такъ какъ мои предсказанія вполнѣ подтвердились и приняли форму до-нельзя унизительной и весьма прискорбной для насъ дѣйствительности“.

Выразивъ г. Когальничано глубокую нашу признательность за его благородное и сочувственное отношеніе къ намъ, мы поспѣшили объяснить ему, какимъ образомъ у насъ завязались сношенія съ делегатами оппозиціи, и прибавили, что если мы рѣшились принести такую тягостную жертву, какой мы считаемъ сдѣланную нами уступку въ вопросѣ, представляющемъ для насъ столь важное значеніе въ принципіальномъ отношеніи, и въ концѣ концовъ—согласились на то, чтобы съ нами было поступлено, какъ съ иностранцами, — то жертва эта была принесена никакъ не врагамъ нашимъ изъ оппозиціи, а правительству, подъ тѣмъ, однако условіемъ, если оно изъявитъ согласіе на принятіе постановленій, изложенныхъ въ нашемъ предложеніи, которое мы, какъ делегаты собранія, намѣрены вручить ему.

Когальничано, познакомившись съ пятью пунктами предложенія, отвѣтилъ намъ въ слѣдующихъ словахъ: „Вы желаете знать, согласится ли правительство натурализировать 3,000 вашихъ единовѣрцевъ. Скажу вамъ на это, что мы согласились-бы на натурализацію втрое большаго числа, если-бы господа члены оппозиціи были расположены къ

и секуляризацію церковныхъ имѣній, и намѣревался довершить свою благотворную дѣятельность дарованіемъ эмансипаціи евреямъ. Въ послѣднемъ своемъ тронномъ посланіи, прочитанномъ при открытіи палаты 6 (18) декабря 1865 г., онъ заявлялъ: „Мое правительство приметъ необходимыя мѣры къ эмансипаціи румынъ Моисеева закона (Români de ritul Mosaic). Такъ назывались евреи, переименованные теперь въ Straini (иностранцы), во всѣхъ офиціальныхъ документахъ во время правленія этого, столь чтимаго ими, князя.

этому. Но на что я, румынскій министръ, никогда не соглашусь, такъ это на принужденіе *солдатъ-евреевъ* просить о натурализаціи.

„Нѣтъ!—такой гнусности я не дозволю! Кто носитъ румынскій мундиръ, кто подъ румынскимъ знаменемъ защищалъ честь и независимость нашего отечества, тому нѣтъ надобности просить о натурализаціи; онъ по праву—румынскій гражданинъ; онъ болѣе гражданинъ, чѣмъ я и чѣмъ делегаты оппозиціи.

„Предупреждаю васъ также, чтобы вы были осторожнѣе въ вашихъ дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ по этому вопросу, дабы не даться въ обманъ кликѣ юдофобовъ.

„Какъ вамъ извѣстно, оппозиція, не признающая васъ даже румынскими подданными, исключила въ своемъ проектѣ нашъ пятый параграфъ, въ которомъ говорится, что лица, стоящія въ спискѣ, натурализуются сразу.

„Члены оппозиціи стараются подчеркнуть, что рѣчь идетъ о натурализаціи иностранцевъ, зависящей отъ обыкновенныхъ палатъ, а не отъ учредительнаго собранія, призваннаго къ пересмотру 7-ой статьи конституціи.

„Поэтому вы должны настаивать на томъ, чтобы оппозиція формально обязалась голосовать натурализацію одновременно со статьей 7-ой, и чтобы эти два соединенные вотума были внесены въ сенатъ и предложены на утвержденіе правительству; иначе, если предложеніе о натурализаціи поступитъ въ палату лишь послѣ того, какъ вотумъ сената и санкція главы государства придастъ 7-ой статьѣ силу закона, вы рискуете, что эти господа, члены оппозиціи, нарушатъ принятыя ими обязательства и откажутъ вамъ въ своемъ вотумѣ.

„Что касается до другихъ статей вашего предложенія, то я могу заявить вамъ, что правительство принимаетъ ихъ и обязывается испросить у парламента отмѣны или измѣненія всякаго закона, не согласующагося съ означенными статьями, въ особенности съ тѣми, которые относятся къ адвокатской профессіи; такимъ образомъ не натурализованные румынскіе подданные изъ вашихъ единовѣрцевъ, хотя и лишенные политическихъ правъ, будутъ пользоваться въ полной мѣрѣ правами гражданскими и спокойно заниматься своими дѣлами“.

Поблагодаривъ еще разъ г. министра за его заботы о насъ, мы, во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній, попросили его принять къ свѣдѣнію слѣдующую нашу резолюцію:

а) мѣстные комитеты каждаго округа будутъ собирать прошенія, подписанныя лицами, назначенными общиной.

б) Прошенія, ввѣренныя нашей коммиссіи, будутъ поданы правительству какъ скоро оно сообщитъ парламенту о принятомъ относительно насъ обязательствѣ объ отмѣнѣ ограничительныхъ законовъ, и какъ скоро палата приметъ къ свѣдѣнію это заявленіе, внеся его въ протоколъ.

Мы прибавили, что въ виду взятой нами на себя важной отвѣтственности приглашеніемъ нашихъ единовѣрцевъ удовольствоваться подачей прошеній о личной натурализаціи; и, съ другой стороны, поощряемые крайней благосклонностью г. министра, мы просимъ его устроить такъ, чтобы принятое относительно насъ правительствомъ обязательство было подтверждено президентомъ совѣта, г. Братіано.

Г. Когальничано отвѣтилъ:

— Я вполнѣ понимаю ваше требованіе и охотно исполню его. Я лично введу васъ, не только къ г. Братіано, но въ полное собраніе совѣта министровъ, чтобы президентъ подтвердилъ принятое имъ на себя обязательство въ присутствіи всѣхъ членовъ правительства, такъ какъ въ высокой степени патріотичный поступокъ вашъ вполнѣ заслуживаетъ такой торжественности.

XII.

Агитація среди евреевъ.

Пока длились эти переговоры, агитація среди еврейскаго населенія значительно усилилась; съ тѣхъ поръ какъ юдофобская печать стала упорно оспаривать право евреевъ считаться румынами, еврейскій исполнительный комитетъ положилъ строго запретить всѣмъ туземнымъ евреямъ единолично подавать прошенія о натурализаціи. Я самъ, во время одной лекціи о хазарахъ, читанной мною передъ многочисленной публикой изъ евреевъ и христіанъ, назвалъ измѣнникомъ всякаго, кто нарушитъ это запрещеніе.

Еврейская масса, въ особенности въ столицѣ, испытала сильное разочарованіе, узнавъ, что собраніе нотаблей назначило коммиссію для изложенія правительству своего признанія принципа прошеній о натурализаціи.

Не зная, ни подробностей, ни мотивовъ этого рѣшенія, она опасалась измѣны. Накканунѣ дня, назначеннаго для представленія насъ совѣту министровъ, произошли колоссальныя сходки съ цѣлью энергично протестовать противъ измѣнническаго образа дѣйствій нотаблей. Вечеромъ меня извѣстили, что на сходкѣ, на которой предсѣдательствовалъ г. Гастеръ [1], экзальтированные ораторы предлагали выйти на улицу для бурной манифестаціи противъ членовъ коммиссіи, вступившихъ въ компромиссъ съ правительствомъ.

Опасаясь печальныхъ послѣдствій, я отправился въ это бурное собраніе и мнѣ тотчасъ было предоставлено слово. Мнѣ не трудно было, изложивъ сущность нашего предложенія, доказать сходкѣ несправедливость и неосновательность обвиненій, взведенныхъ на собраніе нотаблей. Чтобы вполнѣ убѣдить участниковъ ея въ томъ, что единственнымъ мотивомъ нашихъ дѣйствій былъ общій, а не личный интересъ, я далъ формальное обѣщаніе, что имя мое не будетъ стоять въ числѣ 3,000 натурализованныхъ и такимъ образомъ, несмотря на мои связи съ вліятельными членами правительства, и несмотря на то, что я уже столько лѣтъ стою на бреши, борясь за наши права и свободу, я останусь въ числѣ моихъ ненатурализованныхъ единовѣрцевъ, пользующихся только свободой и гражданскими правами, которыя мы снова завоевали себѣ.

Съ помощью этого заявленія мнѣ удалось успокоить умы.

XIII.

Соглашеніе съ правительствомъ.

На слѣдующій день, коммиссія, введенная министромъ Когальничано, была принята въ оффиціальной аудіенціи президентомъ совѣта, г. Братіано, въ общемъ собраніи членовъ министерства. Министръ-президентъ, освѣдомленный о

[1] Изгнанный впослѣдствіи изъ Румыніи какъ иностранецъ, нынѣ главный раввинъ въ Лондонѣ; онъ прославился своими изслѣдованіями въ области румынскаго фольклора.

возбужденіи умовъ среди евреевъ и о враждебныхъ манифестаціяхъ, вызванныхъ нашими мѣропріятіями, поздравилъ насъ съ нашею стойкостью и произнесъ слѣдующую, лестную для румынскихъ евреевъ рѣчь:

„Я и всѣ мои товарищи очень рады убѣдиться, что вы, какъ сыны нашего общаго отечества, предпочли обратиться къ намъ съ просьбой о принятіи васъ въ число румынскихъ гражданъ, вмѣсто того, чтобы быть введенными въ ихъ среду иностранцами въ видѣ контрабанды. Я придаю вашему ходатайству высокое политическое значеніе.

„Не озабочивайтесь тою непопулярностью, которую вы встрѣтите среди вашихъ единовѣрцевъ; ваша совѣсть можетъ довольствоваться сознаніемъ, что вы совершили высоко-патріотическое дѣло; какъ и я тоже не заботился о непопулярности, когда рѣшился перейти черезъ Дунай съ нашей арміей, чтобы принять участіе въ войнѣ.

„Я исполнялъ свой долгъ, рискуя *получить каменья* вмѣсто лавровъ. Я освѣдомленъ о вашемъ разговорѣ съ нашимъ почтеннымъ коллегой по внутреннимъ дѣламъ, и заявляю вамъ отъ имени правительства, что мы готовы, если согласится оппозиція, даровать гражданскія права не 3,000, а 60,000 лицъ; и я убѣжденъ, что мы пріобрѣтемъ такимъ способомъ 60,000 добрыхъ и вѣрныхъ гражданъ безъ вреда для кого-бы то ни было изъ христіанъ. Я знаю съ 1846 г. горячій патріотизмъ евреевъ; я видѣлъ его на дѣлѣ, когда они храбро боролись рядомъ съ нами за наши права и вольности. Поэтому я совѣтую вамъ избрать тѣ 3,000 лицъ, которыхъ оппозиція согласна признать полноправными гражданами изъ числа наиболѣе умныхъ и способныхъ вашихъ единовѣрцевъ, преимущественно изъ тѣхъ, кто, по своему общественному положенію, можетъ попасть въ первую же избирательную коллегію и составить въ ней значительный контингентъ. Эти люди образуютъ авангардъ, который встанетъ на передовую позицію и повлечетъ за собою тѣхъ изъ вашихъ единовѣрцевъ, которые еще не пріобрѣли политическихъ правъ. Правительство заявляетъ вамъ также, что на будущее время никакое ограничительное постановленіе, законодательное или административное, не будетъ примѣняемо къ румынскимъ подданнымъ вашего вѣроисповѣданія, натурализованнымъ или нѣтъ; причемъ само собою разумѣется, что всѣ существующіе ограничительные законы или мѣры будутъ отмѣнены. Правительство согласно и на предложенный вами способъ дѣйствія; вы вручите намъ ваши прошенія послѣ того, какъ мы внесемъ въ палату заявленіе объ отмѣнѣ ограничительныхъ законовъ“.

Прежде чѣмъ удалиться, мы выразили нашу признательность г. президенту и его товарищамъ, увѣривъ ихъ, что мы съумѣемъ заслужить оказанное намъ довѣріе безграничною преданностью общему отечеству.

Таково было точное и категорическое соглашеніе, которое правительство торжественно установило съ нами.

XIV.

Отклоненіе законопроекта о натурализаціи.

Къ несчастью, несмотря на всѣ принятыя предосторожности и на либеральныя заявленія всѣхъ министровъ, мы были позорно обмануты и принятое обязательство было возмутительно нарушено въ то самое время, когда оно готово было осуществиться.

Мы обязаны этой низостью г. Бокреско. Этотъ человѣкъ, опасаясь, что значеніе его въ кабинетѣ умалится, если соглашеніе, достигнутое нами безъ его содѣйствія, сгладитъ затрудненія, которыя, какъ онъ похвалился, онъ одинъ могъ-бы преодолѣть, задумалъ коварный планъ дѣйстій, при помощи котораго ему удалось разстроить соглашеніе. Ослабленіе единодушія въ рядахъ евреевъ вслѣдствіе рѣшенія нашего собранія допустить подписываніе прошеній, въ началѣ строго запрещенное, а также измѣна нѣсколькихъ молодыхъ евреевъ помогли г. Бокреско выполнить свой макіавелевскій планъ.

Зная о принятыхъ нами постановленіяхъ относительно прошеній, подъ которыми могли подписываться только лица, указанныя общинами и которыя должны были быть поданы правительству нашей коммиссіей лишь послѣ заявленія имъ въ парламентѣ объ отмѣнѣ ограничительныхъ законовъ, г. Бокреско послалъ своего повѣреннаго г. В.... въ Яссы, гдѣ находится мнаголюдная еврейская община, для секретнаго сбора прошеній. Клеврету его удалось, къ несчастью, съ помощью одного молодого адвоката, собрать полсотни

прошеній, подписанныхъ не особенно совѣстливыми лицами, которыя, чтобы обезпечить свою личную натурализацію, не отступали передъ гнусной измѣной своимъ единовѣрцамъ. Прошенія эти г. В.... передалъ непосредственно г. Бокреско, и правительство, воспользовавшись этой измѣной и не заботясь о принятыхъ обязательствахъ, поспѣшило поставить на очередь въ палатѣ 25-го октября законопроектъ оппозиціи, въ силу котораго румынскіе подданные еврейскаго вѣроисповѣданія признаются иностранцами, не имѣющими національности, а 50 подателей прошеній гражданскаго званія натурализуются сверхъ 838 военныхъ евреевъ, безъ всякой предшествующей вотуму деклараціи, о которой было съ нами условлено [1]. Мы узнали объ этомъ обманѣ, когда онъ уже достигъ своей цѣли: грустная новость эта застигла насъ какъ разъ въ то время, когда мы совѣщались на счетъ инструкцій, которыя слѣдовало послать общинамъ. Въ нашемъ горькомъ разочарованіи мы были вынуждены признать, что масса нашихъ единовѣрцевъ, инстинктивно возставшая противъ всякой сдѣлки съ правительствомъ, была дальновиднѣе насъ. Стой мы непоколебимо на требованіи признанія нашихъ правъ въ качествѣ румынскихъ туземцевъ, мы не пошли бы на компромиссъ въ вопросѣ о прошеніяхъ, и противники наши, остановленные этимъ препятствіемъ, не могли бы сослаться на то, что исполненію требованія всѣхъ державъ, включая Германію, уже положено начало.

Впрочемъ, мы еще не совсѣмъ были обезкуражены; намъ оставалась увѣренность, что державы, не исключая самой Германіи, не потерпятъ такого обмана, въ особенности когда

[1] Число еврейскихъ солдатъ, участвовавшихъ въ войнѣ, было гораздо значительнѣе; болѣе 200 сражавшихся не были занесены въ списокъ; мало того, съ 1879 г. румынскіе кабинеты, послѣдовательно стоявшіе у власти, отмѣняли вотированныя натурализаціи съ помощью всякихъ уловокъ и придирокъ. Такъ, въ 1893 г., при министерствѣ Ласкара Катарджи, было уничтожено 460 дипломовъ о натурализаціи, выданныхъ этимъ бѣднымъ еврейскимъ солдатамъ; мѣра эта состоялась на основаніи доклада военнаго министра отъ 2-го октября за № 11,917, и была одобрена резолюціей совѣта министровъ отъ 9-го декабря 1893. г. за № 196. Трое ихъ членовъ настоящаго министерства, президентъ Карпъ и коллеги его Оланеско и Лаговари состояли членами того кабинета.

узнаютъ о состоявшемся, съ одобренія оппозиціи, соглашеніи между румынскимъ кабинетомъ и нашей общиной.

XV

Новая заграничная миссія.

Съ цѣлью извѣстить ихъ объ этомъ были отправлены заграницу два делегата: я отъ Бухареста и другой отъ Яссъ.

Мы начали съ Берлина, куда прибыли въ началѣ ноября 1879 г. Прежде всего мы отправились къ Блейхредеру, который велъ переговоры по дѣлу Струсберга и во время конгресса выказалъ большое участіе къ намъ. Изложивъ ему цѣль нашей миссіи, мы ознакомили его съ содержаніемъ нашего соглашенія съ румынскимъ правительствомъ, прося довести все это до свѣдѣнія князя Бисмарка, дабы Германія, руководившая берлинскимъ конгрессомъ, не далась въ обманъ и не признала Румыніи независимымъ королевствомъ, прежде чѣмъ она честно выполнитъ условія берлинскаго договора. Г. Блейхредеръ отвѣтилъ намъ:

„Вамъ хорошо извѣстно, что всѣ мои симпатіи на вашей сторонѣ и что я употреблялъ всѣ усилія для того, чтобы знаменитый европейскій ареопагъ заставилъ Румынію подчиниться законамъ цивилизаціи и прогресса. Германія продолжаетъ твердо стоять на своемъ требованіи, чтобы эти законы честно примѣнялись. Но въ глазахъ всякаго правительства непосредственные интересы страны одерживаютъ верхъ надъ идеальными интересами человѣчества. Еврейскій вопросъ представляетъ нашему канцлеру возможность спасти сотни милліоновъ нѣмецкихъ сбереженій, такъ сильно скомпрометированныхъ въ рукахъ вашихъ правителей, и красныхъ, и бѣлыхъ; а въ виду такой цѣны Германія должна стремиться къ полюбовному соглашенію, и вы хорошо сдѣлали, что пошли на компромиссъ съ вашимъ правительствомъ. Тѣмъ не менѣе я убѣжденъ, что князь Бисмаркъ не примирится съ обманомъ, къ которому прибѣгли ваши Братіано, Бокреско и пр.; поэтому составьте докладную записку, которую я представлю канцлеру. Изложите въ ней всѣ фазы вашихъ переговоровъ и условія состоявшагося соглашенія съ вашими министрами“.

Мы немедленно составили эту записку и особенно на-

пирали въ ней на полное согласіе оппозиціи на всѣ пункты соглашенія, чтобы дать отпоръ всѣмъ возраженіямъ и предлогамъ румынскаго правительства, въ родѣ враждебнаго намъ настроенія національныхъ чувствъ, рѣшительнаго сопротивленія оппозиціи и т. п. Докладная записка наша была отправлена въ Варцинъ и, въ ожиданіи отвѣта канцлера, мы обратились въ румынскій комитетъ, организовавшійся въ Берлинѣ послѣ гоненія на евреевъ и знаменитыхъ потопленій 1868 г. Предсѣдателемъ комитета былъ въ это время тайный совѣтникъ и знаменитый профессоръ г. Лацарусъ, давшій толчокъ къ изученію „психологіи народовъ". Онъ немедленно созвалъ членовъ комитета, который и собрался въ тотъ же вечеръ.

Комитетъ, послѣ того, какъ мы изложили ему положеніе дѣлъ и объяснили, какъ злоупотребило румынское правительство нашимъ довѣріемъ, ознакомился съ содержаніемъ докладной записки къ канцлеру и положилъ послать делегацію изъ своего президента и двухъ членовъ къ гг. Бюлову и Радовицу, чтобы представить имъ нашъ докладъ.

Прежде чѣмъ излагать результатъ всѣхъ этихъ ходатайствъ, я долженъ сказать, что наша докладная записка произвела сильное впечатлѣніе на этихъ государственныхъ людей, такое впечатлѣніе, что румынскій дипломатическій агентъ, г. Литеано, пришелъ въ тревогу, узнавъ о нашей миссіи. Онъ поспѣшилъ къ Блейхредеру и клятвенно увѣрялъ его, что всѣ пункты нашего соглашенія съ румынскимъ правительствомъ были и будутъ строго выполняемы; но намъ не трудно было опровергнуть его увѣренія, такъ какъ правительство не выполнило главнаго условія соглашенія: публичной деклараціи объ отмѣнѣ ограничительныхъ законовъ, не говоря уже о томъ, что натурализація, вмѣсто 3,000, какъ было условлено, была дарована всего 50 лицамъ гражданскаго званія. Фактически, въ числѣ 888 евреевъ, получившихъ гражданскія права, о чемъ такъ торжественно возвѣстилъ г. Бокреско въ своей циркулярной депешѣ отъ 26-го октября 1879 г.[1], числилось 838 лицъ военнаго званія.

Какъ я уже сказалъ, г. Литеано, человѣкъ прямодушный, приходилъ все въ большее и большее безпокойство,

[1] См. Зеленую книгу стр. 163.

видя, какой оборотъ принимаетъ этотъ вопросъ въ Берлинѣ. Онъ извѣстилъ объ этомъ свое правительство въ Бухарестѣ, и г. Бокреско поспѣшилъ подтвердить существенные пункты соглашенія телеграммой [1] отъ 21-го ноября 1879 г., которую я привожу буквально: „Независимо отъ заявленій, заключающихся въ моемъ послѣднемъ циркулярѣ отъ 10-го ноября касательно искренняго и честнаго примѣненія новаго принципа, введеннаго въ статью 44-ю нашей конституціи, потрудитесь прибавить еще и увѣрить его пр-во г. министра иностранныхъ дѣлъ...., что согласно ясному и категорическому смыслу новой 7-й статьи конституціи, *всѣ предшествовавшіе изданію ея законы, ограничивавшіе гражданскія права за религіозныя убѣжденія, отнынѣ отмѣнены* и религія не будетъ болѣе служить препятствіемъ къ пользованію этими правами. Слѣдовательно, всѣ живущіе въ Румыніи будутъ пользоваться, съ точки зрѣнія частнаго гражданскаго права, обезпеченнымъ юридическимъ положеніемъ *безъ опасенія, подпасть подъ произвольныя административныя мѣры или подъ исключительные законы на основаніи происхожденія или религіи*".

Изъ всего сказаннаго вытекаетъ категорическій и безспорный отвѣтъ на первый вопросъ, поставленный мною румынскимъ дипломатамъ, а именно:

a) Парижскій трактатъ (ст. 46) обезпечиваетъ за евреями пользованіе гражданскими правами, включая занятіе общественныхъ должностей.

b) Берлинскій трактатъ (ст. 44), внося поправку къ парижскому, предписываетъ полную эмансипацію румынскихъ евреевъ съ обезпеченіемъ за ними пользованія политическими правами.

c) Румынское правительство, будучи противникомъ немедленной эмансипаціи всѣхъ туземныхъ евреевъ, тѣмъ не менѣе формально обязалось улучшить ихъ положеніе, допустивъ по отношенію къ политическимъ правамъ личную натурализацію и признавъ гражданскія права за всѣми румынскими подданными еврейскаго вѣроисповѣданія, безъ всякихъ исключеній и ограниченій.

[1] См. Зеленую книгу стр. 168.

XVI.

Старое румынское законодательство.

Второй вопросъ, предложенный мною г. Бокреско, состоялъ въ томъ, можно-ли признать настоящее положенiе румынскихъ евреевъ улучшеннымъ сравнительно съ прошлымъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ заключается въ старомъ румынскомъ законодательствѣ, о которомъ я прошу позволенія напомнить въ нѣсколькихъ словахъ.

Исторія румынскихъ евреевъ, даже въ темную эпоху фанатизма и религіозной ненависти, не представляетъ такихъ кровавыхъ страницъ, какъ исторія ихъ западныхъ единовѣрцевъ.

Правда, обычное молдаво-валахское право и указы многихъ воеводъ—собранные въ кодексъ въ XVII вѣкѣ Василіемъ Волкомъ для Молдавіи, и Матвѣемъ Бассарабомъ для Валахіи [1]—заключаютъ въ себѣ много позорныхъ и унизительныхъ предписаній противъ евреевъ; но эти проникнутые духомъ нетерпимости указы, стремившіеся, на основаніи каноническаго права, воспрепятствовать сближенію между христіанами и евреями или еретиками, никогда строго не примѣнялись.

Оттоманское правительство всегда отличалось вѣротерпимостью. Баязетъ II великодушно принималъ къ себѣ всѣхъ евреевъ, изгоняемыхъ изъ Испаніи, Португаліи и другихъ христіанскихъ странъ, и предлагалъ имъ убѣжище въ своемъ государствѣ. Турція, со времени завоеванія ею Балканскаго полуострова и впродолженіе всѣхъ пяти вѣковъ своего господства, предоставляла всѣмъ подвластнымъ ей народамъ—грекамъ, сербамъ, болгарамъ, валахамъ и др.—сохранять свою національность и свою вѣру, а могущественная оттоманская имперія несомнѣнно оказывала сильное вліяніе на дунайскія княжества, гдѣ гатти-гумаюны падишаха имѣли силу закона.

Благодаря этому благотворному вліянію, молдаво-валахскіе евреи пользовались такою же полною свободой вѣро-

[1] Параграфъ 30, періодъ 9 кодекса Матвѣя Бассараба строго запрещаетъ христіанамъ вкушеніе питій и яствъ, къ которымъ прикасались евреи.

исповѣданія, торговли и промышленности, какъ и въ другихъ провинціяхъ оттоманской имперіи. Они могли селиться во всѣхъ городскихъ или сельскихъ общинахъ [1] и свободно заниматься тамъ ремесломъ или торговлей. Еврейскія дѣти безплатно допускались въ общественныя школы [2]. Евреи могли пріобрѣтать недвижимую собственность, даже виноградники [3]. Они допускались на общественныя должности [4]. Они были допущены къ адвокатской профессіи и къ повышенію въ чинахъ на военной службѣ [5].

Они допускались, подъ извѣстными условіями, къ участію въ общинныхъ выборахъ (ст. 24 общиннаго закона).

Таково было положеніе румынскихъ евреевъ въ прошломъ до воцаренія принца Карла Гогенцоллернскаго (1866), но съ этого времени начинается для нихъ печальная исторія гоненій и притѣсненій.

XVI.

Современные ограничительные законы.

Пробужденіе религіозной нетерпимости совпадаетъ съ ослабленіемъ оттоманскаго вліянія. Усиленіе враждебности

[1] Молдаванскій воевода Григорій Гика, человѣкъ узкаго и нетерпимаго ума, впервые предписалъ, въ 1747 г., изгнаніе евреевъ изъ деревень; но указъ этотъ никогда не примѣнялся. Онъ служилъ, однако, боярамъ предлогомъ къ вымогательству денегъ у евреевъ, что продолжалось до 1804 г., когда указомъ отъ 18-го мая вопросъ этотъ былъ окончательно рѣшенъ предоставленіемъ евреямъ права жить въ деревняхъ и заниматься всякаго рода торговлей и ремеслами. Исключено было только право арендовать землю для обработки, такъ какъ не желали, чтобы крестьяне, въ ту пору закрѣпощенные землѣ, даже временно находились въ крѣпостной зависимости у евреевъ.

[2] Такимъ образомъ органическое уложеніе 1832 г., хотя внушенное чужой политикой, все-же было либеральнѣе настоящаго режима; въ немъ не заключается никакихъ ограниченій относительно поселенія евреевъ въ деревняхъ; въ статьѣ 54-й выговорено для нихъ право посылать своихъ дѣтей въ общественныя школы.

[3] Въ началѣ прошлаго вѣка многіе евреи владѣли даже обширными имѣніями въ Валахіи.

[4] Въ правленіе князя Кузы (1856—66) знаменитый докторъ Барашъ былъ профессоромъ естественной исторіи, а Адольфъ Бюхнеръ былъ назначенъ инспекторомъ финансовъ.

[5] Около того-же времени генералъ Флореску произвелъ въ офицерскій чинъ Ньюмана Геката, дослужившагося потомъ до чина маіора.

къ евреямъ шло параллельно съ ослабленіемъ связи княжества съ Турціей. По мѣрѣ того, какъ Румынія приближалась къ цѣли своихъ давнихъ стремленій — къ освобожденію отъ турецкаго господства — политическіе люди ея обнаруживали все болѣе и болѣе нетерпимости и фанатизма.

Я не стану распространяться о разгромѣ еврейскихъ домовъ и магазиновъ, объ оскверненіи и разрушеніи синагогъ фанатическою чернью, подстрекаемою должностными лицами, хотя отъ подобныхъ бѣдствій не была избавлена ни одна еврейская община съ 1866 г. [1]. Я ограничусь только указаніемъ на легальное лишеніе всѣхъ правъ, терпимое евреями съ этой эпохи.

Члены парламента, преисполненные, подобно Дрюмону, непримиримой ненависти къ Израилю, вотируютъ притѣснительные законы, примѣненіе которыхъ возлагается на алчныхъ и безжалостныхъ чиновниковъ; въ рукахъ послѣднихъ даже безобидные, повидимому, законы становятся страшнымъ оружіемъ, повергающимъ въ отчаяніе многочисленныя еврейскія семьи. Префекты, въ сообщничествѣ съ судьями изъ восхваленной Гикой магистратуры, съумѣли придать законамъ о бродяжничествѣ и о сельской полиціи, не имѣющихъ никакого отношенія къ евреямъ, такое толкованіе, что на основаніи его организовалось страшное гоненіе на евреевъ.

Такъ, въ силу закона о бродяжничествѣ, евреи, *собственники домовъ и магазиновъ*, были объявлены *бродягами, не имѣющими мѣстожительства*, и безпощадно изгнаны изъ своихъ жилищъ.

Въ силу же закона 1867 г. о сельской полиціи, требующаго, чтобы всякій новоприбывшій въ сельскую общину иностранецъ запасался спеціальнымъ разрѣшеніемъ на проживаніе въ ней, администрація изгоняла всѣхъ евреевъ, уже

[1] Въ Бухарестѣ и Яссахъ еврейскія общины неоднократно подвергались разгрому. Новѣйшіе случаи произошли въ Бухарестѣ, въ ноябрѣ и декабрѣ 1898 г., и были организованы при крикахъ: „Румынія для румынъ!“ членомъ нынѣшняго кабинета, г. Филипеску, съ одобренія тогдашняго министра внутреннихъ дѣлъ, г. Ферикидеса. Разгромъ же въ Яссахъ, 16 мая 1899 г., произошелъ подъ руководствома префектовъ Кречано и Кананау въ сообщничествѣ съ генеральнымъ прокуроромъ апелляціоннаго суда.

за нѣсколько вѣковъ назадъ основавшихся въ деревняхъ и составлявшихъ треть всего еврейскаго населенія.

Несмотря на то, что въ 6-й статьѣ гражданскаго кодекса, изданнаго въ 1864 г. княземъ Кузой, выговорено, согласно принципамъ парижскаго договора, что пользованіе гражданскими правами не зависитъ отъ качества гражданъ, румынскіе правители послѣдовательно пробивали бреши въ зданіи гражданскихъ правъ, присвоенныхъ евреямъ. Право заниматься многими профессіями и ремеслами, право владѣть частными имѣніями были объявлены правами политическими съ цѣлью обусловить пользованіе ими качествомъ гражданина. Такимъ образомъ, у евреевъ было отнято много источниковъ для существованія.

Въ настоящее время для нихъ закрыты профессіи: адвоката (указомъ отъ 1 декабря 1869 г.), аптекаря и дрогиста (законъ 1869 г.). Они не могутъ быть ни продавцами табака (законъ 1872 г.), ни кабатчиками (законъ о разрѣшеніи продажи питій 1873 г.).

Всѣ эти ограничительные законы были въ силѣ до берлинскаго договора и румынское правительство обязалось отмѣнить ихъ; но вмѣсто того они обманнымъ образомъ сдѣланы еще болѣе стѣснительными и удручающими.

Чтобы создать предлогъ къ примѣненію закона о сельской полиціи къ евреямъ, живущимъ въ городахъ, съ цѣлью и здѣсь изгонять ихъ изъ ихъ жилищъ, кабинетъ Братіано-Розети преобразовалъ простымъ декретомъ, въ 1881 г., много городскихъ общинъ въ сельскія, послѣдствіемъ чего сдѣлось внезапное выселеніе многочисленныхъ группъ туземныхъ евреевъ, вынужденныхъ такимъ образомъ влачить свою нищету по большимъ дорогамъ.

Бывшій революціонеръ 1848 г. К. А. Розети, будучи румынскимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, совершилъ гнусность своимъ декретомъ отъ 1881 г., запретившимъ кабатчикамъ христіанамъ держать у себя еврейскую прислугу, сдѣлалъ себѣ изъ этой чудовищной гнусности избирательную рекламу.

Онъ похваляется въ своемъ органѣ („Romanul,“ 25 декабря 1880 г.) тѣмъ, что примѣняетъ строже своихъ предшественниковъ законъ 1873 г. о разрѣшеніи продажи спиртныхъ напитковъ,—хотя онъ дѣлаетъ это при помощи притѣс-

нительныхъ мѣръ, и вопреки протестамъ многихъ тысячъ румынскихъ христіанъ, не признающихъ за правительствомъ права произвольно препятствовать имъ брать слугъ по собственному выбору. Онъ запретилъ также аптекарямъ и дрогистамъ держать у себя прикащиковъ евреевъ.

Новые стѣснительные законы, изданные послѣ берлинскаго договора, еще пагубнѣе предшествовавшихъ по причинѣ большаго числа жертвъ, которымъ эти возмутительные законы причиняютъ безконечныя страданія. Законъ 1881 г. воспрещаетъ евреямъ быть маклерами и куртье во всякаго рода торговлѣ, запрещая также христіанскимъ маклерамъ и куртье брать къ себѣ евреевъ въ помощники.

Законъ 1884 г., запретившій евреямъ разносную торговлю, довелъ до крайней нищеты 20,000 еврейскихъ семействъ.

Законъ отъ 12-го марта 1887 г. воспрещаетъ евреямъ быть директорами или управляющими фабрикъ и ограничиваетъ число рабочихъ еврейскаго вѣроисповѣданія въ промышленныхъ предпріятіяхъ.

Новый военный законъ воспретилъ производство евреевъ въ офицерскій чинъ [1].

Законъ о народномъ образованіи (1893) направленъ къ исключенію всѣхъ евреевъ изъ общественныхъ школъ и къ обложенію ихъ спеціальными школьными налогами, вопреки конституціи, предписывающей обязательное и безплатное обученіе всѣхъ румынскихъ подданныхъ. Опредѣленіе размѣра школьнаго налога предоставлено на произволъ министра [2]. Но особенно страшнымъ бичемъ для евреевъ сдѣ-

[1] Таковъ законъ; но военные министры всѣхъ политическихъ оттѣнковъ предписываютъ командирамъ не производить еврейскихъ солдатъ даже въ низшіе чины. И однако, несмотря на всѣ притѣсненія и страданія, терпимыя еврейскими солдатами отъ старшихъ, констатировано оффиціально, что 11% еврейскаго населенія несетъ военную службу, тогда какъ христіанское населеніе даетъ арміи всего 4%. Въ то же время процентъ дезертировъ изъ христіанъ много выше процента дезертирующихъ евреевъ и достигаетъ громадной пропорціи 18%, тогда какъ число еврейскихъ дезертировъ не даетъ и 1%.

[2] Авторъ этого возмутительнаго закона Г. П. Тони опредѣлилъ размѣръ налога въ 20 франковъ за посѣщеніе низшихъ школъ и въ 30 фр. за посѣщеніе среднихъ (гимназій). Преемникъ его Спиро Гаретъ повысилъ эти цифры до 30 фр. за низшія школы, до 40 фр. за среднія и до 200 за университеское образованіе.

лался законъ противъ анархистовъ, изданный въ 1882 г. и уполномочивающій правительство изгонять административнымъ порядкомъ безъ суда всякаго иностранца, подозрѣваемаго въ противугосударственныхъ тенденціяхъ. Законъ этотъ создалъ предлогъ для румынскихъ чиновниковъ къ безпощаднымъ вымогательствамъ на основаніи все той же юридической фикціи, признающей евреевъ иностранцами.

XVIII

Массовый исходъ.

Помимо всѣхъ этихъ легально предписанныхъ притѣсненій для изморенія еврейскаго населенія голодомъ, въ Ру-

Знаменитый президентъ антисемитской лиги, Истрати, пошелъ въ своемъ усердіи еще далѣе, повысивъ до 40 фр. налогъ за начальныя школы, до 60 за среднія, и до 800 за университетское образованіе. Мало того, онъ запретилъ директорамъ училищъ принимать свыше 5% еврейскихъ учениковъ, и предоставилъ имъ произвольно отказывать въ принятіи ихъ даже въ томъ случаѣ, когда вышеуказанная пропорція не достигнута.

Когда же министръ замѣтилъ, что адская цѣль закона не достигается, такъ какъ евреи, согласно предсказанію г. Карпа въ его рѣчи отъ 4-го февраля 1893 г., предпочитаютъ, вмѣсто того, чтобы платить такіе поборы, заводить собственныя школы для образованія своихъ дѣтей, онъ сталъ измышлять всевозможныя придирки, чтобы помѣшать дѣятельности еврейскихъ школъ. Сначала онъ создавалъ затрудненія подъ предлогомъ не-гигіеническихъ условій ихъ помѣщеній, когда же въ этомъ отношеніи не осталось ничего, къ чему можно было бы придраться, изобрѣтательный умъ его нашелъ другіе предлоги къ закрытію школъ.

Эти учрежденія, будучи предназначены исключительно для еврейскихъ дѣтей, обыкновенно закрывались по субботамъ, по воскресеньямъ же были открыты. Министръ преписалъ совсѣмъ закрытъ эти школы, какъ нарушающія уставъ народнаго образованія, воспрещающій открытіе общественныхъ школъ по воскресеньямъ. Евреи согласились тогда закрывать свои школы и по воскресеньямъ и ограничить преподаваніе пятью днями въ недѣлю. Но министръ и тогда не разрѣшилъ открытія школъ, ссылаясь на то, что программа ихъ противорѣчитъ ихъ уставу, предписывающему шесть дней учебныхъ занятій въ недѣлю. Евреи (по соглашенію съ раввинами) рѣшились открывать школы по субботамъ съ тѣмъ, чтобы этотъ день посвящался исключительно преподаванію религіи. Но министръ и этимъ не удовлетворился, и все-таки предписалъ закрыть школы подъ предлогомъ нарушенія ими устава, предписывающаго равное распредѣленіе предметовъ учебныхъ занятій на шесть дней въ недѣлю.

мыніи организованъ всеобщій бойкотажъ противъ еврейскихъ рабочихъ. Правительство конфиденціально предписало всѣмъ администраціямъ устранять евреевъ отъ публичныхъ работъ и внушать ту же мѣру директорамъ и предпринимателямъ, распространяя ее даже на частныя предпріятія, хозяевами которыхъ состоятъ евреи. Въ портахъ еврейскіе рабочіе сильно бойкотируются.

Таково теперь, спустя 22 года послѣ берлинскаго договора, положеніе евреевъ въ Румыніи. Этимъ и объясняется ихъ массовый исходъ изъ этой страны,—исходъ дѣйствительный, а не фиктивный, какъ стараются увѣрить антисемиты. Число несчастныхъ, съ отчаянія взявшихся за странническій посохъ и покинувшихъ эту страну разоренія и страданій, доходитъ съ прошлой осени, по имѣющимся въ нашихъ рукахъ достовѣрнымъ даннымъ, до 30,000.

Изъ этого числа всего 2,700 принуждены были, съ горечью въ сердцѣ, возвратиться въ Румынію по недостатку необходимыхъ средствъ на переѣздъ черезъ Атлантическій океанъ [1].

XIX

Заключеніе.

Изъ сравненія прошлаго съ грустнымъ настоящимъ ясно вытекаетъ, что положеніе румынскихъ евреевъ не только не улучшилось со времени парижскаго и берлинскаго договоровъ, но, наоборотъ, страшно ухудшилось. Никакія тонкости румынской дипломатіи съ ихъ нелѣпой теоріей ино-

[1] Вопреки разсказамъ, румынское правительство не только не облегчило возвращенія несчастнымъ эмигрантамъ, но разрѣшило вернуться въ Румынію только тѣмъ изъ нихъ, которые возвращались изъ Австро-Венгріи; возвращающимся же изъ Турціи доступъ въ предѣлы Румыніи былъ безпощадно закрытъ.

Такая неудача постигла, напримѣръ, въ Смирнѣ (въ Малой Азіи) нѣсколько несчастныхъ семействъ этихъ эмигрантовъ, всѣ, отцы которыхъ—солдаты румынскаго запаса, имѣющіе военный паспортъ и свидѣтельство объ участіи ихъ въ прошлогоднихъ маневрахъ. Хотя всѣ они ремесленники, но не зная мѣстныхъ языковъ, они не могли найти себѣ занятія и были вынуждены возвратиться въ отечество. Несмотря, однако, на настойчивое вмѣшательство въ ихъ пользу румынскаго консула, бухарестское правительство, въ своей депешѣ отъ 18-го октября, упрямо отказалось разрѣшить имъ возвращеніе.

странныхъ румынскихъ подданныхъ не въ состояніи умалить безчеловѣчность этого притѣснительнаго режима, противнаго всякому понятію о правѣ.

Впрочемъ нынѣшній глава румынскаго правительства, г. Карпъ, въ рѣчи, произнесенной имъ въ сенатѣ 7-го декабря 1898 г., точно и вѣрно опредѣлилъ жестокости, совершаемыя румынскими политическими людьми въ отношеніи евреевъ подъ предлогомъ, что они иностранцы. Обращаясь къ либеральной партіи, г. Карпъ сказалъ:

„Что это значитъ, какъ не то, что вы *ставите внѣ закона* значительную часть *нашего* населенія въ силу теоріи, которая, какъ вамъ хорошо извѣстно, есть не болѣе, какъ *юридическая фикція*.

„Вы постоянно говорите объ „иностранцахъ“; но что такое наши евреи въ дѣйствительности? Иностранные они подданные, или румынскіе?

„Конечно, румынскіе, не пользующіеся покровительствомъ никакого другого государства, хотя и вы не оказываете имъ естественнаго покровительства государства румынскаго и *третируете ихъ, какъ паріевъ*“.

Чтобы положить конецъ такому невозможному режиму, такъ долго господствующему въ странѣ, причисляющей себя къ цивилизованнымъ европейскимъ государствамъ, надо, чтобы политическіе люди, члены европейскихъ парламентовъ, испросили могущественнаго вмѣшательства своихъ правительствъ.

Вмѣшательство должно состояться въ силу европейскаго публичнаго права, а не въ силу только гуманности, потому что всякое воззваніе къ чувствамъ справедливости и гуманности, обращенное къ румынамъ, осталось-бы безъ всякаго дѣйствія, какъ уже доказала попытка великодушнаго г. Трарье, президента лиги для защиты человѣческихъ правъ.

Своимъ преступнымъ образомъ дѣйствій румыны впродолженіе двадцати лѣтъ наносятъ унизительныя оскорбленія [1] европейскимъ великимъ державамъ. Стало быть, на

[1] Они сознаютъ свою смѣлость. Не даромъ Розети, въ своей вышеупомянутой избирательной рекламѣ, хвастливо говоритъ: „Мы можемъ поздравить себя съ рѣшеніемъ еврейскаго вопроса въ наці-

послѣднихъ и лежитъ обязанность принудить Румынію къ уваженію международныхъ договоровъ, подписанныхъ державами.

По этому поводу я долженъ упомянуть здѣсь объ отвѣтѣ, данномъ княземъ Бисмаркомъ г. Блейхредеру, по поводу врученной ему послѣднимъ докладной записки. Отвѣтъ этотъ, подтвержденный профессору Лацарусу г. Радовицемъ, я отложилъ цитировать до этой части моего труда. „Я вынужденъ, сказалъ князь Бисмаркъ, согласиться на эту сдѣлку по еврейскому вопросу, чтобы предохранить нѣмецкія сбереженія отъ крупной потери; *но не думайте, что я поставлю этотъ вопросъ въ разрядъ рѣшенныхъ*. Я оставлю его въ полу-открытомъ ящикѣ, чтобы при удобномъ случаѣ вынуть".

Съ этой именно цѣлью три великія державы: Германія, Англія и Франція, въ моментъ признанія независимости Румыніи, и формулировали въ своей нотѣ отъ 20 февраля 1880 г., врученной румынскому правительству, нижеслѣдующую оговорку:

„*Правительство не можетъ признать сообщенныя ему новыя конституціонныя постановленія отвѣчающими взглядамъ, руководящимъ державами, подписавшими берлинскій трактатъ.* Въ особенности не можетъ оно признать таковыми тѣ изъ нихъ, изъ которыхъ вытекаетъ для лицъ нехристіанскаго вѣроисповѣданія, живущихъ въ Румыніи и не принадлежащихъ ни къ какой иностранной національности, необходимость подчиниться формальностямъ личной натурализаціи. Тѣмъ не менѣе, полагаясь *на готовность княжескаго правительства все болѣе и болѣе приближаться въ примѣненіи этихъ постановленій къ либеральной идеѣ, вдохновлявшей державы, правительство принимаетъ къ свѣдѣнію данныя ему на этотъ счетъ формальныя увѣренія*".

Правительства этихъ трехъ державъ, въ особенности Англіи и Германіи, во главѣ которыхъ стоятъ государственные люди, участвовавшіе въ берлинскомъ конгрессѣ, Сольсбери, Гогенлоэ, Бюловъ, подписавшіеся подъ этимъ

ональномъ смыслѣ. Мы рѣшили его, какъ *мы можемъ теперь сознаться, вопреки явно выраженной волѣ державъ* и противно самому духу берлинскаго трактата" („Romanul" 25 декабря 1881 г.).

трактатомъ, такъ позорно нарушеннымъ Румыніей, обязаны передъ самими собою, передъ своею честью великихъ націй, передъ престижемъ своего положенія, какъ великихъ имперій, взять на себя, по соглашенію съ другими, подписавшими договоръ, иниціативу энергичныхъ мѣръ, чтобы заставить румынъ подчиниться долгу и уваженію къ международному праву.

Само собою разумѣется, что я подразумѣваю мѣры мирныя, а не военное вмѣшательство. Мѣры эти могутъ быть какъ дипломатическими, такъ и экономическими, и, будучи приняты въ пользу обездоленныхъ евреевъ, послужатъ заодно интересамъ и другихъ классовъ населенія, и обезпечатъ прочность румынскаго государства.

Дабы облегчить задачу румынскаго правительства, я считаю за лучшее ограничить требованіе державъ выполненіемъ формально состоявшагося въ 1879 г. соглашенія между кабинетомъ Братіано и делегатами еврейскихъ нотаблей (какъ выше изложено), на которое дала свое согласіе и столь враждебная евреямъ оппозиція. Несмотря на то, что со времени подписанія берлинскаго трактата прошло четверть вѣка, и всѣ возраженія, выставлявшіяся въ ту пору, лишены теперь основанія, я не требую, чтобы румынъ принуждали къ строгому выполненію берлинскаго трактата (т. е. къ полной эмансипаціи всѣхъ румынскихъ евреевъ) въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ подписанъ членами конгресса; можно бы удовольствоватся предъявленіями румынскому правительству слѣдующихъ требованій:

a) Даровать политическія права всѣмъ румынскимъ евреямъ, служившимъ въ арміи.

b) Отмѣнить всѣ ограничительные законы и положить конецъ притѣснительной системѣ.

c) Признать за туземными евреями всѣ гражданскія права безъ всякихъ ограниченій, не исключая даже тѣхъ лицъ, которыя не состоятъ въ качествѣ гражданъ (согласно ст. 6 гражданскаго кодекса).

d) Возстановить въ прежней классификаціи всѣ ремесла и профессіи, входившія раньше въ область частныхъ и гражданскихъ правъ.

Я долженъ прибавить, что и крестьяне страдаютъ отъ этого притѣснительнаго режима и произвола; и они также

эксплоатируются безсовѣстными мздоимцами—чиновниками. Справедливость, какъ и истина, едина, и кто эксплуатируетъ и обираетъ еврея, слабаго въ своемъ положенiи парiи, тотъ разумѣется, не становится добросовѣстнѣе и честнѣе и по отношенiю къ крестьянамъ, такимъ же слабымъ и безпомощнымъ, вслѣдствiе своего глубокаго невѣжества.

Въ сущности страшный финансовый кризисъ, переживаемый въ настоящее время Румынiей, подготовленъ въ гораздо большей степени упадкомъ нравовъ въ рядахъ всѣхъ этихъ бюджетоѣдовъ, обнаруживающимся въ притѣсненiи слабыхъ, въ фаворитизмѣ и расточительности во всѣхъ отрасляхъ администрацiи на пользу политическимъ людямъ, стоящимъ у власти, чѣмъ неурожаями послѣднихъ годовъ.

Профессоръ К. Р. Матру какъ нельзя лучше доказалъ въ опубликованномъ имъ отчетѣ въ „Nova Révista Romana“ отъ 15-го сентября прошлаго года, какъ дорого обходится Румынiи политика антисемитовъ и ксенофобовъ [1].

Безпечное отношенiе ихъ къ общественнымъ капиталамъ и легкомысленная вѣра въ легкость кредита побудили ихъ увеличить расходы государства до цифры, несоразмѣрной съ производительными силами страны.

Румынiя, производительность которой даже въ лучшiе годы не превышаетъ 400 миллiоновъ, а экспортъ—243 миллiоновъ, обременена бюджетомъ въ 238 миллiоновъ [2], цифра котораго почти равняется цифрѣ экспорта въ лучшiе годы.

Въ этихъ цифрахъ сумма процентовъ на государственный долгъ (помимо долговъ общинныхъ и департаментскихъ) составляетъ около ста миллiоновъ и превышаетъ на 30% обязательства Бельгiи.

Изъ всего вышесказаннаго вытекаетъ, что, независимо отъ еврейскаго вопроса, правительства великихъ державъ должны бы, уже ради предохраненiя отъ краха своихъ нацiональныхъ сбереженiй, которыхъ ввѣрено Румынiи на сумму въ два миллiарда, принять необходимыя мѣры къ

[1] Ненавистниковъ всего иностраннаго.

[2] Въ 1850 г. бюджеты обохъ княжествъ, Молдавiи и Валахiи, не превышали 10 миллiоновъ; стало быть, расходы государства увеличились съ тѣхъ поръ въ 24 раза, не считая расходовъ общинныхъ и департаментскихъ, которые въ то время включались въ государственный бюджетъ.

понужденiю правительства этой страны обновить свою политику и положить конецъ системѣ притѣсненiй и гоненiй, ведущей страну къ полному краху.

Правда, какъ я уже не разъ повторялъ, глава настоящаго румынскаго кабинета, г. Карпъ—государственный человѣкъ глубоко честный, искренно либеральный, вдохновляемый самымъ возвышеннымъ чувствомъ справедливости и заслуживающiй полнаго довѣрiя. Но, къ несчастiю, какъ я сильно опасаюсь, онъ находится во власти своихъ коллегъ, въ числѣ которыхъ есть нѣсколько юдофобовъ, какъ напр. Филипеско, знаменитый организаторъ еврейскаго погрома и разрушенiя синагогъ въ Бухарестѣ въ декабрѣ 1898 г.

Нечего, стало быть, надѣяться, что г. Карпу удастся пробудить въ своихъ коллегахъ и членахъ парламента чувства долга и справедливости, если державы не прибѣгнутъ для этого къ понудительнымъ средствамъ, которыми онѣ располагаютъ.

Главный инспекторъ оттоманскаго табачнаго режи,
Членъ румынско-еврейскаго исполнительнаго комитета

Санiель Маркусъ.

По поводу предыдущей статьи.

Въ послѣднее время въ еврейскихъ газетахъ и обществѣ неоднократно обсуждался вопросъ о невыносимомъ положеніи румынскихъ евреевъ. Печатались статьи и произносились рѣчи, въ которыхъ выливалось негодованіе и возмущеніе, вызываемыя тяжелыми условіями, въ которыхъ они находятся и благодаря которымъ они громадными толпами, нищіе и голодные, покидаютъ свою „родину". Ихъ печальное положеніе нашло откликъ въ нѣкоторой части общей европейской печати, той именно, которая всегда выступаетъ въ защиту угнетенныхъ, безправныхъ, слабыхъ. Но—увы!—слишкомъ много событій настойчиво домогаются общественнаго вниманія, возбуждая негодованіе и возмущеніе. Слишкомъ много выползло на свѣтъ Божій мрачныхъ силъ, мрачныхъ дѣяній, вопіющихъ все къ той же читающей публикѣ все тѣхъ же газетъ, такъ много, что нервы притупляются, возбужденіе оскорбленныхъ чувствъ, не зная на что раньше обратиться, слабѣетъ, разливаясь во всѣ стороны. Индивидуальныя особенности фактовъ и явленій стушевываются и остается общее недовольство современностью, тускнѣющее въ огульное и малоопредѣленное будированіе ея. Протестъ, крикъ возмущенной души—теряютъ свою силу, потому что такъ часто и по столькимъ поводамъ раздаются, что становятся почти обычной обстановкой, обычной средой мыслящаго человѣка, потому что на тотъ капиталъ негодованія, который въ немъ заложенъ, приходится выдавать слишкомъ много чековъ для удовлетворенія предъявляемыхъ къ нему со всѣхъ сторонъ и исчерпывающихъ его требованій. Эмоціи изсякаютъ и—ничего на ихъ мѣстѣ не остается.

Поэтому то и имѣетъ такое важное значеніе, чтобы вмѣсто воззваній и протестовъ появлялось побольше точныхъ изложеній фактовъ; чтобы на ряду съ описаніями бѣдствій румынскихъ евреевъ, появлялись и описанія того пра-

вового, или вѣрнѣе безправнаго положенія, которое довело ихъ до отчаянія и бѣгства.

Голое изложеніе содержанія статей законовъ, указовъ, перечисленіе мѣропріятій, запрещеній и пр. важнѣе вѣчнаго взыванія къ неизбѣжно притупляющимся и въ значительной степени уже притупившимся чувствамъ. И поскольку можетъ имѣть значеніе общественное мнѣніе Европы,—именно знаніе надо ему дать, чувства въ нужный моментъ и сами явятся. Вотъ почему слѣдуетъ привѣтствовать появленіе вышеприведенной статьи въ одномъ изъ французскихъ органовъ печати, составившемъ себѣ извѣстность честной борьбой за всякое дѣло, признаваемое имъ правымъ.

Знаніе—вотъ что нужно прежде всего и намъ, евреямъ, хотя бы наше общественное мнѣніе и не могло оказать никакого практически-важнаго давленія на тотъ или иной государственный механизмъ; знаніе,—хотя бы для того, чтобы въ сумятицѣ общественной растерянности, разнервничавшіеся вожди не производили пущаго смятенія, подъ вліяніемъ нахлынувшихъ чувствъ и эмоцій, направляя своихъ сторонниковъ необдуманно и наугадъ. И въ этомъ смыслѣ фактическое изложеніе исторіи—въ частномъ случаѣ хотя бы и румынскихъ ограниченій—имѣетъ для насъ громадное значеніе. Достаточно припомнить, какъ еще недавно одинъ изъ краснорѣчивѣйшихъ выразителей возмущеннаго румынскими дѣлами общественнаго чувства, къ голосу котораго прислушивается значительная часть еврейства, предлагалъ (и тотчасъ же нашелъ и въ этомъ сторонниковъ и союзниковъ) евреямъ вовсе и не добиваться политическихъ правъ, удовлетворившись требованіемъ гражданскихъ. И вотъ—не говоря уже о болѣе глубокихъ принципіальныхъ соображеніяхъ—достаточно слегка познакомиться съ фактическимъ положеніемъ дѣла, чтобы убѣдиться въ полной непригодности такой постановки вопроса: въ самомъ дѣлѣ, стоитъ только румынскому правительству признать ту или иную группу искомымъ правъ политическими (что оно—см. выше статью г. Маркуса—уже и дѣлало), чтобы свести на нѣтъ результаты программы г. Нордау, даже въ случаѣ ея полнаго осуществленія.

И въ этомъ смыслѣ, какъ одно изъ средствъ разобраться въ современныхъ обстоятельствахъ и современной политикѣ,

слѣдуетъ высоко цѣнить такіе документы доподлинной исторіи (въ данномъ случаѣ преимущественно закулисной), каковымъ—при всей невыясненности многихъ существенныхъ моментовъ—является вышеприведенная статья г. Маркуса. На достовѣрность ея можно и должно безусловно положиться, и вотъ почему: румынское правительство зорко слѣдитъ за появляющимися въ европейской печати сообщеніями о румынскихъ дѣлахъ и, гдѣ только можетъ, опровергаетъ ихъ хотя бы путемъ экивоковъ—письмами въ газеты своихъ дипломатовъ. Такъ было и съ замѣтками, помѣщенными еще въ прошломъ году въ той же газетѣ, въ которой появилась и данная статья; помѣщеніемъ въ ней своихъ опроверженій румынскіе дипломаты ясно показали, что чутко къ ней прислушиваются. Очевидно поэтому, что разъ на обстоятельную статью г. Маркуса до сихъ поръ не послѣдовало отвѣта (а статья появилась еще въ началѣ января нов. ст.), то отвѣчать на нее—нечего.

Г. Маркусъ совершенно не затрогиваетъ соціально-экономическихъ отношеній евреевъ и румынъ, ограничиваясь очеркомъ правового положенія первыхъ и исторіи политическихъ — вѣрнѣе, дипломатическихъ отношеній ихъ представителей къ румынскому правительству. И вотъ, относящіеся сюда факты при внимательномъ анализѣ и наводятъ на многія размышленія. При этомъ мы не имѣемъ въ виду поведенія и образа дѣйствія румынскихъ государственныхъ мужей; они переходятъ за ту ступень, гдѣ чувство возмущенія смягчается въ своеобразное „эстетическое восхищеніе“ исключительными раритетами политической „добросовѣстности“. Въ смыслѣ поучительности гораздо важнѣе и интереснѣе та именно часть событій, которая относится къ положенію евреевъ и ихъ пріемамъ; важнѣе уже въ силу того удивительнаго сходства, которое наблюдается между ними съ одной стороны и положеніемъ и пріемами евреевъ въ другихъ странахъ и въ другіе моменты — съ другой. Только далеко не всегда подобныя событія получаютъ огласку, но тѣмъ и драгоцѣннѣе данный документъ и тѣмъ внимательнѣе слѣдуетъ къ нему отнестись, чтобы воспользоваться печальнымъ урокомъ, который можно и слѣдуетъ изъ него извлечь. Въ дальнѣйшемъ намѣтимъ только одно изъ соображеній, которое, намъ кажется, неизбѣжно напрашивается

при ознакомленіи съ разсказанными г. Маркусомъ событіями. Мы имѣемъ въ виду ту роль, которую сыграли въ этихъ событіяхъ румыно-еврейскіе „нотабли“. Въ самомъ дѣлѣ мы видимъ, что дѣла еврейской массы ведутъ ея „нотабли“, ведутъ, какъ всегда, на почвѣ личныхъ отношеній и связей съ великими міра сего, вступая, вопреки народнымъ симпатіямъ, въ компромиссы, соглашаясь на уступки, не совмѣстимыя съ народными требованіями и интересами, и которыя въ итогѣ и приводятъ къ полному пораженію всего дѣла. Къ такой несложной формулѣ сводится участіе нотаблей въ разсказанныхъ г. Маркусомъ событіяхъ; къ ней же могутъ быть сведены и многія другія перипетіи еврейскихъ отношеній къ правительственнымъ органамъ и въ другія времена, и въ другихъ странахъ.

Не слѣдуетъ взваливать на румыно-еврейскихъ нотаблей бóльшую тяжесть, чѣмъ та, которая по праву на нихъ лежитъ. Быть можетъ, большинство дѣйствовало вполнѣ добросовѣстно, въ предѣлахъ крайняго своего разумѣнія. Повидимому внутренніе раздоры нотаблей (по крайней мѣрѣ такой выводъ можно сдѣлать изъ разсказа г. Маркуса) не оказались въ числѣ содѣйствовавшихъ разгрому общаго дѣла моментовъ, чѣмъ едва ли могутъ похвалиться нотабли иныхъ европейскихъ странъ; наконецъ, они не цѣликомъ узурпировали право говорить отъ имени еврейскаго народа, выступать за него, не справляясь съ его собственными желаніями, а считая себя von Gottes Gnaden его наслѣдственными представителями; напротивъ, они считались съ его митингами и хотя бы post factum старались убѣдить его и склонить на свою сторону, не окутывая своихъ дѣйствій непроницаемой таинственностью. Словомъ, румынскіе евреи были свободны отъ нѣкоторыхъ язвъ, подтачивавшихъ дѣятельность еврейскихъ „нотаблей“ другихъ странъ (хотя бы только потому, что при мѣстныхъ условіяхъ сравнительно болѣе оживленной общественной жизни, гласности, свободы собраній, иные пріемы оказались бы прямо невозможными). Но тѣмъ выпуклѣе—потому что тѣмъ въ болѣе чистомъ, безпримѣсномъ видѣ — выступаетъ основное зло „дипломатіи нотаблей“.

Сколько-бы ни оставалось невыясненныхъ сообщенными г. Маркусомъ фактами сторонъ дѣлъ, ясно во всякомъ случаѣ,

что дѣло вело на собственный рискъ собраніе нотаблей; вело его на почвѣ личныхъ отношеній къ министрамъ и депутатамъ и—что всего характернѣе—особенно **враждебнымъ** къ евреямъ; вело путемъ уступокъ, касавшихся существеннѣйшихъ принциповъ, такъ что борьба за народныя права была низведена на уровень вульгарной, коммерческой „мировой" сдѣлки—съ заклятымъ и непримиримымъ врагомъ. Изъ статьи г. Маркуса не ясно, какъ именно удалось вожакамъ іудофобовъ убѣдить еврейскихъ нотаблей отказаться отъ своихъ, ими же твердо установленныхъ принциповъ. Но фактъ тотъ, что этотъ отказъ вызвалъ сильное волненіе въ еврейской массѣ, которая, слѣдовательно, не была на это согласна, которая на это не уполномочивала нотаблей, которая, значитъ, не видѣла въ нихъ своихъ представителей. Такъ лишній разъ подтвердилась неумѣстность узурпированія веденія народнаго дѣла его „нотаблями" и необходимость для массы отказаться отъ пассивнаго подчиненія имъ, отъ ихъ „ходовъ и связей" въ правящихъ сферахъ, а создавать своихъ собственныхъ повѣренныхъ. Еврейскіе нотабли дѣлаютъ много добра своимъ единовѣрцамъ преимущественно путемъ благотворительности; честь имъ за это и мѣсто и всякія почетныя права въ еврейской общинѣ, права, но не обязанность, тяжелая и отвѣтственная обязанность веденія и защиты еврейскаго дѣла. Здѣсь мало добраго сердца и даже дѣловой опытности; гдѣ нужна борьба на почвѣ опредѣленной программы, тамъ не мѣсто закулиснымъ дипломатическимъ переговорамъ и сдѣлкамъ, въ которыхъ вѣское значеніе имѣютъ тѣ или иныя лестныя замѣчанія и комплименты министра или вліятельнаго іудофоба.

Но характерно, что въ данномъ случаѣ и въ этомъ направленіи закулисной „дипломатіи" еврейскіе нотабли не пошли до конца. Одно изъ двухъ — или необходимо вести политическую борьбу, стоя непоколюбимо на почвѣ опредѣленной программы; или же—ужъ если сойти съ нихъ и стать на оппортунистически-коммерческую точку зрѣнія цѣлесообразнаго приспособленія къ даннымъ обстоятельствамъ и людямъ—то и здѣсь надо идти до конца, и имѣя дѣло съ продажными дѣятелями—неумѣстно щадить свою нравственность или свой кошелекъ. Не только единственно нравственный, но и единственно вѣрный—первый путь; но и второй—по

крайней мѣрѣ послѣдовательный—можетъ иной разъ привести къ цѣли. Хуже всего тотъ промежуточный, которымъ шли румыно-еврейскіе нотабли; изъ соображеній цѣлесообразности, ради закулиснаго соглашенія съ отдѣльными лицами и сдѣлки съ отдѣльными группами они отказывались отъ принциповъ, а изъ за принциповъ они отказывались отъ проведенія соглашенія до конца. Надо смѣло идти по парадной лѣстницѣ, но ужъ если рѣшаются идти по черной, то ужъ нечего бояться, что запачкаешься, и надо идти—безъ перчатокъ. Еврейскіе же нотабли—какъ это показала Румынія—въ перчаткахъ, съ принципами, но безъ nervus rerum, пробираются по чернымъ лѣсницамъ государственнаго зданія, поэтому ихъ съ нея и спускаютъ, увы, вмѣстѣ со всѣмъ народомъ.

Не меньше интереса представляетъ и тотъ основной пунктъ, относительно котораго пошли на компромиссъ. Уступка состояла въ томъ, чтобы политическія права получили только 3000 человѣкъ по указанію общинъ. Очевидно—какъ того и испугалась масса и какъ предлагалъ министръ—эти права и должны были получить сами нотабли, впрочемъ съ тѣмъ, чтобы остальные получили права гражданскія. Весьма вѣроятно, что при этомъ многіе дѣйствовали вполнѣ безкорыстно, какъ самъ г. Маркусъ, отказавшійся лично отъ причисленія къ этимъ 3000. Но во всякомъ случаѣ нотабли обнаружили своей коммерческой точкой зрѣнія роковое непониманіе народныхъ интересовъ; притомъ трудно отдѣлаться отъ мысли, что въ этомъ ихъ рѣшеніи не выразилось стремленіе отдѣлить себя отъ „плебса" путемъ привиллегіи на права политическія, стремленіе закрѣпить свое соціальное превосходство, свое классовое политическое значеніе и вліяніе въ ущербъ общему: для „плебса", молъ, достаточно и выгодъ обладанія гражданскими правами. Повидимому, именно такое пониманіе образа дѣйствія нотаблей взволновало массу, къ сожалѣнію, поддавшуюся обычному обаянію; можно думать, что на эти стремленія разсчитывали и румынскіе государственные дѣятели, выражая желаніе, чтобы будущіе полноправные граждане принадлежали къ первой коллегіи.

Во всякомъ случаѣ остается тотъ фактъ, что нотабли, какъ классъ (между ними могли быть и въ высшей степени безкорыстные люди), оказались неспособными къ защитѣ еврей-

скаго дѣла, отдѣливъ свои интересы отъ интересовъ народныхъ, выдвинувъ впередъ первые, а относительно вторыхъ удовлетворившись узкоутилитарной точкой зрѣнія достаточности для „плебса“ гражданскихъ правъ безъ политическихъ. Такимъ то образомъ и удалось имъ, не обладавшимъ политической зрѣлостью даже низшихъ слоевъ населенія, руководствуясь политикой восхожденія по чернымъ лѣстницамъ, да еще въ бѣлыхъ перчаткахъ, погубить еврейское дѣло въ маленькой Румыніи, стоявшей подъ контролемъ европейскихъ державъ.

Нѣтъ, для дѣла еврейскаго народа необходимы—не „связи и ходы“, а убѣжденія и знанія; нужна дѣятельность его интеллигентныхъ силъ, не дипломатія нотаблей. Вотъ, повидимому, самъ собою напрашивающійся выводъ изъ разсказанныхъ событій. Но они даютъ матеріалъ и для многихъ другихъ заключеній, и надо надѣяться, что помѣщенной выше статьей не ограничится въ высокой степени поучительная и важная работа подробнаго изученія исторіи евреевъ въ Румыніи за послѣднія десятилѣтія. Такія изслѣдованія могутъ имѣть большое значеніе для европейскаго общественнаго мнѣнія, создавая въ немъ опредѣленное отношеніе къ румынскимъ государственнымъ дѣятелямъ, которое при слабости этого государства можетъ оказать на него опредѣленное воздѣйствіе. Для насъ же, евреевъ, они имѣютъ громадное практическое значеніе въ смыслѣ изученія нашей общественной дѣятельности, ея недостатковъ и недочетовъ, какъ урокъ исторіи, исторіи намъ современной и родственной, и притомъ единственно-доступной—въ силу внѣшнихъ условій—огласкѣ и обсужденію.

И надо надѣяться, что важная въ этомъ отношеніи статья г. Маркуса будетъ только почином для дальнѣйшихъ работъ въ этомъ направленіи.

Гри.

„Романъ близкаго будущаго“.

Сіонизмъ еще слишкомъ молодое движеніе, чтобы имѣть свои историческіе романы. Его исторія еще впереди. Онъ также еще мало пригоденъ для беллетристовъ—бытописателей, черпающихъ темы изъ текущей живой дѣйствительности. Для бытописателя сіонизмъ еще недостаточно устоялся; онъ все еще бродитъ и все еще не принялъ вполнѣ опредѣленныхъ формъ. Краска, которая, такъ сказать, его покрываетъ, еще настолько свѣжа, что покуда на нее слѣдуетъ только смотрѣть издали; малѣйшее же неосторожное прикосновеніе только портитъ картину, да и не оставляетъ безъ пятенъ и того, который неловко дотронулся до нея.

Другое дѣло, какъ предметъ для фантазіи. Тутъ сіонизмъ незамѣнимъ, и если дать волю воображенію, то чего-чего только нельзя придумать! И дѣйствительно, нашлась одна англійская писательница, которая и придумала и написала романъ въ 363 страницы довольно убористаго шрифта. Писательница эта, извѣстная подъ псевдонимомъ „Сидней Ч. Гріеръ“—изъ молодыхъ, да ранняя. Несмотря на то, что ей всего какихъ нибудь 30 съ чѣмъ-то лѣтъ, она уже успѣла напечатать пять большихъ романовъ, не считая болѣе мелкихъ вещей. И всѣ ея романы написаны все на высоко-дипломатическія темы и всѣ ея герои—все это короли, императоры, принцы и дипломаты, дипломаты безъ конца. Уже одни названія романовъ С. Гріеръ даютъ нѣкоторое понятіе о высокомъ положеніи ихъ персонажей. Есть романъ съ названіемъ „Вѣнценосная королева“, романъ „Невѣнчанный король“, романъ „Англійская гувернантка его превосходительства“. Какъ видите, не простая англійская гувернантка. Но въ данную минуту насъ интересуетъ ея по-

слѣдній романъ, изданный въ прошломъ году и названный „Короли Востока“ (The Kings of the East).

Сама С. Гріеръ называетъ его въ заголовкѣ „романомъ близкаго будущаго“. И дѣйствительно, *настоящаго* въ немъ не много.

Содержаніе романа построено на сіонизмѣ или, правильнѣе сказать, на герцлизмѣ, т. е. на стремленіи одной части евреевъ возстановить Палестину посредствомъ учрежденія синдиката и купли у султана концессіи. Передать здѣсь всецѣло это содержаніе мы не считаемъ ни нужнымъ, ни возможнымъ, хотя бы уже просто потому, что г-жа Гріеръ наплела такое фантастическое кружево, что требуется особое искусство для того, чтобы разобраться въ немъ. Для насъ вполнѣ довольно будетъ ухватиться за одну лишь нить этого кружева, непосредственно касающуюся сіонизма, и затѣмъ, не выпуская ея изъ рукъ (что вовсе не такъ легко), прослѣдить ее отъ начала до конца. Это мы и постараемся сдѣлать.

Главный герой романа, это—англичанинъ, графъ Мортимеръ. Года за два до начала событій, описывающихся въ романѣ, Мортимеръ занималъ постъ перваго министра во Ѳракіи. Гдѣ лежитъ эта самая Ѳракія и какимъ это образомъ англичанинъ тамъ попалъ въ премьеръ-министры—все это вопросы, которые не должны васъ смущать. Вы еще и не такихъ чудесъ услышите, если только вооружитесь терпѣніемъ выслушать до конца. Скажемъ, однако, сейчасъ-же, что за исключеніемъ Англіи и Палестины, всѣ другія страны, упоминаемыя въ романѣ, не только носятъ названія полувымышленныя, но и сами тоже подчасъ вымышлены.

И такъ, главный герой—англичанинъ Мортимеръ. Онъ обладаетъ удивительнымъ умомъ, энергіей и силой воли. У него связи со всѣми европейскими дворами и онъ лично знакомъ со всѣми дипломатами. Это какъ разъ такой человѣкъ, который и въ состояніи осуществить идеалъ сіонистовъ, дѣйствующихъ черезъ свой офиціальный Синдикатъ Соединенной Націи. Главнымъ дѣятелемъ и душою Синдиката является милліонеръ Израиль Гольдбергъ. Онъ внесъ въ дѣло свое несмѣтное богатство, свои связи и главнымъ образомъ свою глубокую преданность идеалу сіонизма. Изъ менѣе важныхъ дѣятелей Синдиката въ романѣ выступаетъ знаменитый ученый Текселіусъ, гордый и тщеславный, разсчитывающій на главенство, раввинъ Шолемъ, фанатикъ, имѣющій огромное вліяніе на ортодоксальную часть еврейства, и поэтъ еврейскаго гетто Гершель Рубенсонъ, полный энтузіазма не религіозно-національнаго, а матеріально-расоваго. Рубенсону важна не религія еврейская, не традиціи, не исторія ихъ, а сытость и матеріальное довольство еврейскаго народа. Тутъ, какъ видите, есть все: и фанатизмъ, и энтузіазмъ, и милліоны, и научныя познанія; не хватаетъ только государственнаго ума, который Гольдбергъ и находитъ въ христіанинѣ Мортимерѣ.

Послѣдній охотно беретъ на себя руководительство сіонистскимъ движеніемъ, какъ уполномоченный отъ имени Синдиката Соединенной Націи, и всѣ евреи, за исключеніемъ тщеславнаго и недовѣрчиваго Текселіуса, вездѣ признаютъ его своимъ вождемъ.

Принявъ на себя роль Мессіи, Мортимеръ дѣйствуетъ совершенно безкорыстно. Онъ отказывается отъ какого бы то ни было вознагражденія и соглашается только взять на расходы. Его просто увлекаетъ перспектива энергичной дипломатической дѣятельности, къ которой онъ привыкъ давно и по которой скучаетъ. Сіонистское же движеніе ему способно доставить дѣла по горло. Великій Синьоръ Румовъ изъ Цареграда не прочь уступить Палестину, но другія державы мѣшаютъ, и для достиженія цѣли приходится то прижать одного дипломата, то пугнуть другого, то прибѣгнуть къ протекціи одного императора, то просить заступничества у другого.

Первый ловкій ударъ наносится Мортимеромъ Герциніи. Это не дама, а имперія. Премьеръ-министръ этой имперіи, особенно противящійся палестинской концессіи, проѣзжаетъ черезъ Виндобону, столицу Панноніи, гдѣ проживаютъ Гольдбергъ и Мортимеръ. Премьеръ останавливается у графа Темеши, который другъ-пріятель Керлеону, брату Мортимера.

Сначала премьеръ Герциніи и видѣть не хочетъ Мортимера, „продавшагося жидамъ“, но потомъ, раскаявшись въ своей неумѣстной гордости, бѣжитъ за нимъ въ ресторанъ, гдѣ и происходитъ дипломатическая бесѣда. Оказывается, что если премьеръ герцинійской имперіи будетъ упорство-

вать въ своемъ противодѣйствіи сіонизму, то онъ тогда не получитъ анатолійской концессіи.

— Позвольте, графъ,—говоритъ въ изумленіи премьеръ,— что вы знаете насчетъ анатолійской концессіи?

— Я знаю столько, сколько мнѣ нужно,—отвѣчаетъ холодно графъ.—Я знаю, что это очень глубоко задуманный планъ, которымъ особенно интересуется одно очень высокопоставленное лицо. Неужели вы полагаете, баронъ, что я ничего не знаю о вашемъ затруднительномъ положеніи, о томъ, что вашъ императоръ подозрѣваетъ васъ въ тайной оппозиціи его планамъ? Я хорошо знаю, что ваша дальнѣйшая карьера вполнѣ зависитъ отъ того, получите ли вы эту концессію или нѣтъ.

Нужно ли прибавить, что содѣйствіе со стороны Герциніи было обезпечено?

Мортимеру удалось также вскорѣ заручиться содѣйствіемъ маститаго императора Паннонiи, съ которымъ онъ встрѣтился на водахъ въ Людвигсбадѣ. Императоръ, обязанный многимъ Гольдбергу, не разъ выручавшему своими милліонами его родныхъ, очень любезно заговорилъ съ уполномоченнымъ Синдиката и спросилъ, есть ли у него шансы на полученіе Палестины?

— Въ настоящую минуту непредотвратимыхъ препятствій не предвидится,—отвѣтилъ англичанинъ.

— Что-жъ, я противъ вашего плана ничего не имѣю. Конечно, намъ нельзя отдѣлаться отъ всѣхъ евреевъ. Когда ихъ останется здѣсь меньше, имъ будетъ лучше, и тѣ, которые выселились, поспѣшатъ обратно; но пожалуй, на время вамъ удастся освободить насъ отъ низшаго класса евреевъ, а это одно уже отчасти упроститъ наши печальныя дилеммы. Раньше, однако, чѣмъ рекомендовать другимъ вашъ планъ, я долженъ быть увѣренъ насчетъ одного въ высшей степени важнаго пункта.

Пунктомъ этимъ оказался вопросъ объ охранѣ святыхъ мѣстъ. Но Мортимеръ могъ тутъ же совершенно успокоить монарха, носящаго и титулъ „короля іерусалимскаго“. Евреи сами намѣрены просить державы назначить губернатора изъ христіанъ, и главная обязанность его будетъ именно состоять въ наблюденіи за св. мѣстами. Губернаторъ долженъ быть, конечно, человѣкъ широкихъ воззрѣній, и евреямъ

должно быть предоставлено право доступа ко всѣмъ тѣмъ мѣстамъ, которыя и они почитаютъ святыми и къ которымъ теперь ихъ не допускаютъ.

Въ Англіи общественное мнѣніе также на сторонѣ сіонистовъ, и если нѣкоторые члены правительства и высказываются не совсѣмъ благопріятно проекту возстановленія еврейскаго государства, то они всетаки мѣшать не станутъ.

Главнымъ и самымъ сильнымъ оппонентомъ выступала лишь соѳская имперія, которая нашла себѣ дѣятельнаго союзника въ лицѣ принцессы изъ Дардоніи. Эта принцесса, не смотря на свой пожилой возрастъ и на то, что у нея уже были внуки, была смертельно влюблена въ Мортимера, тоже человѣка, давно уже пережившаго и вторую молодость, и страшно ревновала его къ своей кузинѣ Эрнестинѣ, вдовствующей королевѣ Ѳракіи, тоже уже совсѣмъ постарѣвшей особѣ. Но вѣдь извѣстно, что „любви всѣ возрасты покорны“, особенно въ романахъ близкаго будущаго.

Дардонійская принцесса была опаснѣйшей интриганткой. Она хотѣла женить на себѣ Мортимера и сдѣлаться королевой палестинской или по крайней мѣрѣ добыть мѣсто будущаго палестинскаго губернатора для своего сына, въ то время ни къ чему не пристроеннаго. Принцесса вела поэтому двойную игру, и стараясь завлечь въ свои сѣти Мортимера, въ то же время тайно поддерживала сношенія съ княземъ Сударкомъ, соѳскимъ дипломатомъ. Но Мортимера на мякинѣ не проведешь. Онъ всю ея игру видѣлъ насквозь, и ударъ, направленный на него, обрушился на голову интригановъ же. Дѣло въ томъ, что, по наущенію Сударка, принцесса дардонійская согласилась на то, чтобы пустить слухъ, будто Мортимеръ преслѣдуетъ свои личныя цѣли, добиваясь независимости Палестины, будто онъ обманываетъ евреевъ, довѣрившихся ему, и тайно обязался передать Палестину въ руки соѳской имперіи, какъ только получитъ власть правителя ея. За такую измѣну ему будто обѣщана огромная сумма и рука принцессы Дардоніи, въ которую онъ влюбленъ по уши.

Пуская этотъ слухъ, князь Сударокъ разсчитывалъ, что Синдикатъ Соединенной Націи сейчасъ же отшатнется отъ Мортимера, и возможность полученія концессіи будетъ отодвинута на неопредѣленное время. У принцессы же тутъ

былъ другой умыселъ, который шелъ въ разрѣзъ съ затѣей совскаго дипломата. Она надѣялась, что, распуская такой слухъ, она можетъ заставить Мортимера сейчасъ же жениться на ней, дабы этой преждевременной женитьбой доказать міру, что ему вовсе не было надобности обманывать евреевъ изъ за любви къ принцессѣ.

По такимъ то очень хитроумнымъ мотивамъ была составлена записка, разоблачавшая яко бы Мортимера, и передана въ руки Текселіуса, который и напечаталъ ее въ редактировавшейся имъ газетѣ „Еврейскій Колонистъ". Газета эта издавалась на средства Гольдберга на нѣмецкомъ языкѣ и еврейскомъ жаргонѣ и имѣла цѣлью развитіе земледѣлія и торговли въ Палестинѣ и колонизацію ея евреями. Это былъ послѣдній выстрѣлъ ожесточеннаго и мстительнаго ученаго, котораго уволили отъ редактированія газеты за крайне неудачную и безтактную войну съ антисемитской виндобонской думой, доведшую до уличныхъ безпорядковъ.

Но этотъ выстрѣлъ въ цѣль не попалъ, такъ какъ въ тотъ же день въ другихъ газетахъ появилась официальная замѣтка, что по совѣту самого Мортимера императоръ Паннонiи рѣшилъ предложить въ кандидаты будущаго правителя Палестины одного изъ родственныхъ ему принцевъ, Франца Иммануэла Шварцвальдъ-Мальцаускаго. Конфузъ для принцессы и князя Сударка вышелъ черезвычайный. Текселіусъ же за клевету и нападки на главнаго уполномоченнаго Синдиката былъ исключенъ изъ состава послѣдняго и хотя продолжалъ завѣдывать колонизаціоннымъ дѣломъ, потерялъ послѣ того всякое вліяніе на общее руководство движеніемъ. Его мѣсто въ Синдикатѣ занялъ докторъ Кепфле, иниціаторъ идеи этого самаго Синдиката Соединенной Націи. Къ доктору Кепфле, напоминающему доктора Герцля, авторъ романа относится съ большимъ уваженіемъ. Вотъ какъ онъ его рисуетъ: „Было странно видѣть, что человѣкъ, который первый вызвалъ энтузіазмъ, небывалый въ наше время, самъ оставался вполнѣ на почвѣ практическаго дѣла. Это былъ человѣкъ дѣловой отъ ногъ до головы, старавшійся придавать практическую форму мечтаніямъ многихъ поколѣній и умѣвшій кристаллизовать неопредѣленныя стремленія и порывы разныхъ фанта-

зеровъ въ видѣ холодныхъ параграфовъ вполнѣ отвѣчающей потребностямъ жизни конституціи. Онъ не стѣснялся заявлять, что только нестерпимый антисемитизмъ христіанъ заставилъ его подумать о возможности убѣжища для его племени гдѣ-нибудь вдали отъ родины. Его точка зрѣнія на дѣло была настолько практическая, что онъ готовъ былъ искать мѣста для еврейскаго государства хотя бы въ Новомъ Свѣтѣ, если Палестину не удалось бы получить. Съ такимъ же здравомысліемъ онъ согласился на содѣйствіе Мортимера, не обнаруживая ни излишней готовности Гольдберга, ни подозрительности Текселіуса. Умѣя обходиться съ людьми, онъ умѣлъ, при случаѣ, поднять столько энтузіазма въ своихъ соотечественникахъ, сколько требовалось для того, чтобы руководить ими, не погашая въ нихъ усердія и не увлекаясь излишне самому.

Черезъ нѣсколько дней послѣ неудачной попытки дискредитировать въ глазахъ евреевъ Мортимера, концессія отъ Великаго Синьора была, наконецъ, получена, и въ дипломатическомъ мірѣ началась борьба насчетъ личности будущаго губернатора Палестины. Съ этого момента дѣйствіе романа переносится въ Палестину и Сирію, куда отправился Мортимеръ. Сначала онъ полагалъ туда отправиться чисто по личному дѣлу, съ цѣлью примириться съ королевой Эрнестиной, уединившейся въ одномъ изъ тамошнихъ женскихъ монастырей и никого къ себѣ не допускавшей. Нужно сказать, что эта самая вдовствующая королева Эрнестина была безумно влюблена въ Мортимера, отвѣчавшаго ей хотя взаимностью, но по интригамъ принцессы дардонійской еще десять лѣтъ тому назадъ отвергшаго ея любовь. Но, какъ извѣстно, старая любовь не ржавѣетъ, и Мортимеръ теперь раскаивается и, воспользовавшись затишьемъ, наступившимъ въ сіонистскомъ дѣлѣ послѣ полученія палестинской концессіи, рѣшается искать примиренія съ отвергнутой возлюбленной королевой. Милліонеръ Гольдбергъ, однако, не даетъ ему погрузиться всецѣло въ личныя чувства и отъ имени Синдиката возлагаетъ на него порученіе, будучи въ Палестинѣ, успокоить мѣстныхъ чиновниковъ и мусульманское населеніе, встревоженныхъ слухами о переходѣ Палестины въ руки евреевъ. Разные паши и шейхи не безъ основанія уже предвидѣли конецъ всякимъ бакшишамъ и

данямъ и, сами волнуясь, смущали также и населенiе. Греческiе и латинскiе церковнослужители и монахи еще болѣе подстрекали и науськивали ихъ, въ надеждѣ вызвать безпорядки, а затѣмъ и вмѣшательство Европы и такимъ образомъ помѣшать фактическому переходу Палестины къ евреямъ.

Кромѣ чиновниковъ и мусульманскаго населенiя, приходилось еще успокоивать и бедуиновъ, кочевавшихъ въ пустыняхъ между Дамаскомъ и Багдадомъ. Кто-то тамъ среди нихъ пустилъ слухъ, что евреи собираются отнять у нихъ степь и обложить ихъ высокой данью, и естественно, они тоже начали волноваться, а предводительница ихъ (вмѣсто старшины ихъ начальницей была женщина) грозила обратиться за помощью къ европейскимъ державамъ. На лаврахъ поэтому Мортимеръ отдыхать никакъ не могъ, и ему предстояло того умаслить, другого успокоить, съ третьимъ заключать договоры и т. д. Синдикатъ далъ ему неограниченныя полномочiя—и онъ уѣхалъ.

Въ Палестинѣ жизнь Мортимера оказалась полной тревогъ и опасностей. Какъ только стало извѣстно, что онъ прибылъ въ Iерусалимъ, его сейчасъ-же осадила толпа искателей наживы и мѣстъ. Евреи, магометане и христiане, сирiйцы, левантинцы, греки, албанцы и разные другiе представители всѣхъ племенъ и нарѣчiй устремились къ нему, какъ къ источнику разныхъ благъ и милостей. Всѣ смотрѣли на него, какъ на будущаго правителя Палестины, и заранѣе спѣшили просить его о подрядахъ, концессiяхъ, о мѣстахъ въ армiи, полицiи, гражданской службѣ, а кто просто хотѣлъ на всякiй случай расположить его въ свою сторону. Но надоѣдливость этой толпы просителей и лицемѣрныхъ поклонниковъ было еще не такой большой бѣдой; гораздо хуже приходилось отъ наемниковъ и пособниковъ принцессы дардонiйской, интриги которой слѣдовали по пятамъ его. Агенты этой принцессы въ сообществѣ съ греческимъ епископомъ Татарiи, смотрѣвшимъ на Мортимера, какъ на антихриста, и возбуждавшимъ противъ него монаховъ и паломниковъ, не останавливались рѣшительно ни передъ какой гнусностью, даже передъ убiйствомъ. И дѣйствителъно, разъ на прогулкѣ въ горахъ, по наущенiю епископа Татарiи, на Мортимера напала толпа паломниковъ съ дубинками и камнями и онъ спасся лишь по „случайно случившемуся случаю“.

Раненый и избитый, онъ былъ отвезенъ въ домъ, предоставленный въ его распоряженiе въ находившемся по сосѣдству имѣнiи Гольдберга, и здѣсь пролежалъ нѣсколько недѣль. Но и лежа больнымъ, онъ продолжалъ двигать дѣло сiонизма. Оффицiальная передача Палестины въ руки евреевъ должна была состояться въ день Новаго года. Въ этотъ день наблюденiе за св. мѣстами должно была перейти къ консуламъ, какъ представителямъ христiанскихъ державъ, а румскiе (читай турецкiе) чиновники должны были уступить мѣсто временному еврейскому правительству, которое находилось бы подъ сюзеренитетомъ Великаго Синьора.

Основанiе этого то временнаго правительства и составляло теперь главную заботу у руководителей сiонизма. Нужно было, во-первыхъ, образовать его путемъ выборовъ, такъ, чтобы принципъ представительнаго правленiя, легшiй краеугольнымъ камнемъ въ конституцiю Кепфле, былъ соблюденъ. Было поэтому рѣшено устроить голосованiе во всѣхъ странахъ, гдѣ только имѣлись еврейскiя организацiи. Но кондидаты должны были быть людьми, прiятными державамъ и Синдикату, и это обстоятельство составляло второй и самый важный пунктъ заботъ и хлопотъ, такъ какъ организацiи не всегда соглашались выставлять кандидатовъ, рекомендованныхъ имъ сверху.

Выборы всетаки благополучно состоялись и въ члены будущаго временнаго правительства были избраны люди умѣреннаго образа мыслей и готовые слѣдовать указанiямъ Синдиката. Что же касается до личности верховнаго правителя, то никто не сомнѣвался, что когда поселенцамъ Палестины будетъ предложенъ плебисцитъ, то выборъ падетъ на Мортимера. Но все это было еще впереди. Проектъ конституцiи, выработанный лучшими еврейскими юристами,— „что значитъ лучшими юристами въ Европѣ“, замѣчаетъ при этомъ авторъ романа—для руководства временнаго правительства и разосланный на одобренiе державъ, все еще не былъ ими утвержденъ. Конституцiя гарантировала свободу совѣсти, свободу торговли и всяческiя политическiя права и льготы, какихъ только человѣкъ можетъ желать, и притомъ для всѣхъ народовъ и исповѣданiй одинаково; но державы все таки медлили, колебались и были не со-

всѣмъ довольны, хотя сами взамѣнъ ничего лучшаго не предлагали.

Между тѣмъ Мортимеръ успѣлъ уже настолько поправиться отъ послѣдствій сдѣланнаго на него покушенія, что могъ, наконецъ, предпринять путешествіе къ своей возлюбленной королевѣ въ монастырь. Но безпокоился онъ напрасно; королева его не приняла, т. е. она то его можетъ быть и приняла бы, да ея наперсница, жестокая фрейлина, доложить о немъ не хочетъ и говоритъ, что раньше чѣмъ недѣли чрезъ двѣ она и не обѣщаетъ. Чтобы даромъ не терять времени, Мортимеръ рѣшается пока съѣздить въ пустыню къ предводительницѣ племени Бни-Исмаилъ, съ цѣлью разсѣять ея страхи насчетъ послѣдствій отъ перехода Палестины въ руки евреевъ. Напрасно всѣ уговариваютъ его не предпринимать такой долгій и опасный путь, напрасно увѣряютъ его, что предводительница эта, извѣстная подъ именемъ „царицы пустыни“, рѣшительно никого не допускаетъ къ себѣ и никому на свѣтѣ, даже собственнымъ подданнымъ, не показывается. Мортимеръ непреклоненъ и въ сопровожденіи секретарей отправляется въ путь-дорогу. Путешествіе по пустынѣ занимаетъ много времени и сопровождается, конечно, разными приключеніями. Но когда Мортимеръ достигаетъ, наконецъ, Ситтъ-Зейнаба, резиденціи таинственной царицы бедуиновъ, то оказывается, что эта особа—его же возлюбленная, королева Эрнестина.

Впрочемъ, это можетъ казаться сюрпризомъ только для насъ съ вами, читатель; для героя же романа тутъ ничего удивительнаго не было, и его глубокій умъ давно догадывался, кто именно царица бедуиновъ. Стала же вдовствующая королева ѳракійская предводительницей племени Бни-Исмаилъ очень просто. Всѣ, вѣдь, чудесныя вещи случаются очень просто. Королева, видите-ли, заслужила особенную любовь дѣтей пустыни, оказавъ имъ какую то важную поддержку у цареградскихъ властей. Въ благодарность бедуины предложили ей въ подарокъ старинную, заброшенную крѣпость Ситай-Зейнабъ, находившуюся за три-девять земель, среди сыпучихъ степей Аравіи. Королева приняла этотъ подарокъ и время отъ времени стала наѣзжать въ Ситай-Зейнабъ, проживать здѣсь цѣлыми мѣсяцами и мало-по-малу, благодаря своимъ достоинствамъ и высокимъ за-

слугамъ, стала признаваться всѣмъ племенемъ Бни-Исмаилъ, какъ царица ихъ.

Уговорившись съ своей возлюбленной насчетъ брачныхъ узъ и успокоивъ бедуиновъ насчетъ евреевъ, Мортимеръ возвращается обратно въ Дамаскъ, гдѣ его ждутъ очень непріятныя вѣсти. Оказалось, что въ то время какъ онъ путешествовалъ по пустынѣ, въ Европѣ произошелъ большой переворотъ въ отношеніи государствъ къ евреямъ. Антисемитизмъ ожилъ вездѣ, но особенно въ Нейстріи. Знаменитый проповѣдникъ въ Лютеціи началъ рядъ лекцій противъ евреевъ и газета „Petite Parole“ открыла свои столбцы для самыхъ жестокихъ нападокъ. Всѣ другія газеты послѣдовали ея примѣру; въ парламентѣ депутаты выступили противъ палестинскаго проекта и повидимому разныя политическія партіи, раньше враждовавшія между собою, рѣшили соединиться на почвѣ ненависти къ евреямъ. Оппозиція сіонизму распространилась и за предѣлы Нейстріи и теперь всюду и вездѣ раздаются голоса, требующіе, чтобы державы заняли Іерусалимъ и совершенно удалили оттуда евреевъ, сосредоточивъ въ своихъ рукахъ внѣшнія сношенія и предоставивъ еврейскому правительству лишь чисто внутреннія дѣла.

Мортимеръ, однако, и тутъ не растерялся. „Ничего, мы справимся и съ Нейстріей“,—говоритъ онъ спокойно. И не безъ основанія. Въ рукахъ у него документъ о тайномъ договорѣ, заключенномъ между Нейстріей и Соѳей насчетъ Даріенскаго канала, и Мортимеръ сейчасъ же грозитъ министру иностранныхъ дѣлъ Нейстріи, что если преслѣдованія евреевъ не прекратятся, то этотъ тайный договоръ станетъ немедленно извѣстенъ Соединеннымъ Штатамъ. Секретарь спрашиваетъ Мортимера: „И вы думаете, что они въ состояніи будутъ прекратить разгорѣвшуюся Judenhetze?“

— Безсомнѣнно,—вполнѣ резонно отвѣчаетъ Мортимеръ. Они всегда могутъ, когда хотятъ. Имъ, быть можетъ, придется принять строгія мѣры, быть можетъ и не совсѣмъ законныя, во имя общественной безопасности; но вѣдь они не задумываются же принимать такія мѣры, когда они хотятъ повредить евреямъ.

И затѣмъ, въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, прямо съ дороги, всѣ его секретари были безпрерывно заняты перепиской,

посылкой телеграммъ и полученіемъ отвѣтовъ, „Успокоительныя посланія,—разсказывается въ романѣ,—отправлялись одной еврейской общинѣ, краткіе приказы—другой, строгій выговоръ—третьей, въ то время какъ высокимъ сановникамъ, дипломатамъ и даже особамъ повыше посылались короткія напоминанія о непріятныхъ послѣдствіяхъ, какія могли бы произойти для того или другого отъ нарушенія обѣщаній, сдѣланныхъ Синдикату Соединенной Націи".

Но это была лебединая пѣснь Мортимера, его послѣдній полетъ въ области сіонизма. Сдѣланное имъ въ эти нѣсколько часовъ умственное напряженіе, послѣ долгаго и утомительнаго пути, предпринятаго къ тому еще, когда нашъ герой недостаточно оправился отъ ранъ, и послѣ пережитыхъ тревогъ и волненій, оказалось гибельнымъ. Въ мозгу его словно оборвалась струна, и онъ сразу потерялъ способность къ глубокимъ комбинаціямъ. Мортимеръ почувствовалъ, что онъ умственно ослабъ, что онъ уже не прежній борецъ, а когда черезъ недѣлю—другую въ Европѣ появилась брошюра, направленная противъ него и Синдиката, то онъ уже не былъ въ состояніи достойно отвѣтить. Сознавъ окончательно свою умственную слабость, онъ рѣшилъ сойти со сцены и намѣревался уже покончить жизнь самоубійствомъ, какъ его спасла отъ рокового шага королева Эрнестина. Они обвѣнчались, какъ было между ними условлено, и поселились въ Ситай-Зейнабѣ, гдѣ Мортимеръ сталъ насаждать среди кочевыхъ арабовъ европейскую культуру. Впрочемъ, дѣло тутъ не въ дальнѣйшей судьбѣ влюбленной парочки, уединившейся за безлюдными и безводными степями, а въ участи сіонизма, за который прежде такъ боролся нашъ герой.

Оказалось, что на этотъ разъ клевета, пущенная безсовѣстной принцессою Дардоніійской, подѣйствовала, и среди евреевъ произошелъ расколъ. Въ нападкахъ на Мортимера семиты сошлись съ антисемитами. Финансовые тузы, никогда вообще не обнаруживавшіе особенной слабости къ Іерусалиму и предпочитавшіе ему Парижъ, были теперь рады случаю открыто отдѣлиться отъ Гольдберга. Ортодоксальные раввины, всегда противившіеся сіонизму и смотрѣвшіе со страхомъ на то, что ихъ вліяніе вытѣсняется вліяніемъ свободомыслящихъ и прогрессивныхъ евреевъ, восторженно

привѣтствовали новыхъ „обличителей" и порвали съ раввиномъ Шолемомъ. Остались вѣрны движенію только рядовые „дѣти Сіона" и такимъ образомъ единодушіе, ставившееся условіемъ достиженія цѣли, было нарушено.

Самый страшный ударъ сіонизму былъ, однако, нанесенъ не этой брошюрой, а соѳской имперіей—и какъ разъ въ тотъ моментъ, когда, казалось, цѣль была уже достигнута. Освобожденная отъ „недреманнаго ока" Мортимера, отъ его проницательнаго ума и дальновидности, Соѳа исподоволь подготовила неожидавшееся никѣмъ нападеніе. Все, повидимому, шло какъ по маслу. Губернаторъ румскій передалъ консуламъ начальство надъ св. мѣстами, а временному правительству—городъ и часть войска. Въ Іерусалимѣ отпраздновали это событіе очень шумно и весело. Но вечеромъ вдругъ въ какой-то церкви произошелъ безпорядокъ. Никто не могъ сказать—какъ и почему. Началась уличная свалка между христіанами, мусульманами и евреями. Народъ высыпалъ изъ церквей и домовъ. Монахи перемѣшались съ паломниками, и всѣ съ крикомъ и шумомъ окружили зданіе, въ которомъ засѣдало временное правительство. Консулы приказали войску очистить улицы, но войско не слушалось, сославшись на то, что приказывать ему можетъ только временное правительство. Но послѣднее, осажденное толпою, было безсильно и никакихъ приказовъ передавать войску не было въ состояніи. Тогда соѳскій консулъ предложилъ помощь паломниковъ изъ своихъ соотечественниковъ и ѳракійцевъ. Британскій консулъ, подозрѣвавшій истину, предложилъ лучше вооружить евреевъ; но его предложеніе было отвергнуто со смѣхомъ. Вооружить кровожадныхъ евреевъ противъ кроткихъ и смирныхъ христіанскихъ богомольцевъ—никогда! Между тѣмъ волненіе росло и консулы рѣшили принять предложеніе представителя соѳской имперіи. Мгновенно на лицо оказалось три тысячи паломниковъ, среди которыхъ, къ удивленію всѣхъ, очутились и генералъ Адріантель, нѣсколько полковниковъ и маіоровъ, капитаны, поручики—все паломники!

„На плечо!" — раздалась команда Адріантеля — и палки превратились, какъ по мановенію волшебнаго жезла, въ ружья. Улицы были быстро очищены, члены временнаго правительства, будто для ихъ собственной безопасности, арестованы,

и генералъ Адріантель провозглашаетъ себя губернаторомъ города и единственнымъ хозяиномъ святыхъ мѣстъ. Британскій и Паннонскій консулы пробуютъ протестовать, но напрасно: каждый ѳракійскій или соѳскій храмъ, монастырь или часовня, каждое зданіе, принадлежащее Соѳѣ и Ѳракіи обращены въ крѣпость. Тутъ оказываются и пушки, и солдаты, и амуниція. Каждый стратегическій пунктъ, каждая дорога занята. Сунься-ка!

Но и этотъ неожиданный ударъ не разочаровываетъ Гольдберга. Какъ ни глубоко онъ пораженъ, а надежды не теряетъ. „Мы должны покориться обстоятельствамъ, пока не будемъ въ состояніи измѣнить ихъ. Но мы ихъ измѣнимъ. Это будетъ задачей остатка дней моихъ!“—говоритъ онъ, какъ истинный сынъ своего народа.

Такова фабула этой, въ общемъ не безъинтересной сіонистской фонтазіи. Самъ авторъ романа относится, повидимому, вполнѣ сочувственно къ сіонизму, но съ точки зрѣнія своеобразно англійской, евангелически-миссіонерской.

Вотъ, напримѣръ, какъ Мортимеръ объясняетъ отношеніе одной вліятельной англійской герцогини къ сіонизму: „Она,--разсказываетъ онъ принцессѣ дардонійской, — глубоко интересуется обращеніемъ евреевъ въ христіанство. Лѣтъ 50 или 60 тому назадъ люди ея образа мыслей вѣрили, что возвращеніе евреевъ въ землю своихъ предковъ можетъ состояться лишь послѣ того, какъ они признаютъ Христа, и въ Іерусалимѣ было даже учреждено епископство для встрѣчи и принятія новообращенныхъ. Теперь же ихъ взгляды немного измѣнились; теперь они уже вѣруютъ, что сначала евреи возвратятся въ Палестину, а уже потомъ произойдетъ давно жданное присоединеніе ихъ къ христіанству. Они поэтому и желаютъ болѣе скораго возстановленія еврейскаго государства, въ надеждѣ, что сейчасъ же за этимъ осуществится и обращеніе евреевъ“.

Когда, въ концѣ романа, Израиль Гольдбергъ видитъ, что мечта его жизни, его труды и работы рушатся, онъ начинаетъ изливать все свое глубокое негодованіе, свой гнѣвъ и досаду на подвернувшагося у него подъ руку англиканскаго пастора Юдсона, имѣвшаго несчастье быть сыномъ миссіонера изъ крещеныхъ евреевъ. Гольдбергъ не можетъ выносить миссіонеровъ и грубо отказывается отъ предла-

гаемой ему помощи и сочувствія. На это ему Юдсонъ отвѣчаетъ:

— Вы не должны исключить насъ, еврейскихъ христіанъ изъ наслѣдства Израиля. Вамъ дѣйствительно принадлежатъ и божеское усыновленіе, и слава, и обѣты, и завѣты; но они принадлежатъ и намъ. Не отказывайтесь отъ нашей помощи. Мнѣ кажется, вы совершенно не понимаете, какой глубокій интересъ возбуждаетъ еврейскій вопросъ въ евангелическихъ кругахъ Англіи. Позвольте же намъ сдѣлать все что возможно, для того, чтобы разбудить англійскихъ друзей Сіона и подвинуть ихъ на дѣло. Повѣрьте мнѣ, что когда всѣ обстоятельства станутъ извѣстны, въ странѣ поднимется такое движеніе, что правительство вынуждено будетъ потребовать отъ Соѳы удаленія изъ Іерусалима.

Но Израиль Гольдбергъ и слышать не хочетъ о помощи евангелическаго миссіонерства.

— Что!—восклицаетъ онъ,—принять помощь отъ выкреста, отъ сына измѣнника?.. Никогда!.. Ради Сіона я готовъ сойтись съ христіанами, съ агностиками, съ реформированными евреями, съ самимъ сатаной, если хотите, но не съ вами. Вы ничего общаго не можете имѣть съ Израилемъ!..

И кто изъ евреевъ, столько натерпѣвшихся отъ ренегатства, можетъ бросить камень въ этого благороднаго сіониста изъ „Королей Востока“!..

Spectator.

ПѢСНИ ВѢТРА.

Посмертное стихотвореніе.

Сижу у окошка вечерней порой
И слышу я вѣтра таинственный вой.
Есть что-то родное въ его завываньи:
Мнѣ слышатся стоны и вопли страданья.
Я слышу: „я шаръ облетаю земной,
У! У! У! Я—вѣтеръ, я—вѣтеръ ночной!

Съ тобой мы сроднились, ты мною любимъ:
Коль люди оглохли къ страданьямъ твоимъ,
Одинъ я внимаю тяжелому горю
И вздохамъ твоимъ, и стенаніямъ вторю,
Но люди, заслышавъ унылый мой вой,
Твердятъ бозпокойно: „то вѣтеръ ночной!"

Ты слышалъ на кладбищахъ тягостный стонъ?
То стонутъ покойники разныхъ временъ,
То—жертвы невинныя горя, неволи,
То—жертвы безчестья, страдальческой доли,
Я вторю имъ; люди, заслышавъ мой вой,
Твердятъ содрагаясь: „То вѣтеръ ночной!"

Надъ грудою труповъ, надъ дымомъ костровъ,
Зажженныхъ руками бездушныхъ глупцовъ,
Однажды не могъ удержать я рыданья,
Но къ жертвамъ не вызвалъ въ сердцахъ состраданья.
Твой врагъ суевѣрно шепталъ: „упокой!
То—вѣтеръ суровый, то—вѣтеръ ночной..."

Однажды, свистя въ корабельныхъ снастяхъ,
На палубѣ видѣлъ толпу я въ слезахъ.
То были изгнанники. Въ дальнее море
Угнали ихъ муки, угнало ихъ горе.
И сталъ я рыдать надъ несчастной толпой,
А люди шептали: „то вѣтеръ ночной!"

Я мѣсяцъ спросилъ: „что ихъ ждетъ въ той странѣ?"
— Одни лишь несчастья!—отвѣтилъ онъ мнѣ.
—„Такъ будь ты, бурное море, могилой!"—
Сказалъ я, и море ихъ всѣхъ поглотило...
А люди, заслышавъ мой тягостный вой,
Твердили: „о, горе! то—вѣтеръ ночной!"

Надъ городомъ шумнымъ вчера я виталъ.
Все спало вокругъ, но я свѣтъ увидалъ:
Тамъ мужъ передъ свѣтло горящей свѣчою
Задумчивый, блѣдный поникъ головою.
—„Тебя призываетъ народъ твой родной"—
Надъ нимъ прошепталъ я,—я вѣтеръ ночной!

Я видѣлъ, какъ поднялъ онъ взоръ къ небесамъ
И тихо поклялся: „И жизнь я отдамъ
Для васъ, о, несчастные, бѣдные братья!
Придите ко мнѣ—распростерты объятья—
Приди ты, уставшій въ борьбѣ роковой!"
То міру повѣдалъ я—вѣтеръ ночной.

Вчера въ океанѣ я пѣснь услыхалъ,
Грядущаго пѣсню; пѣвцовъ я узналъ.
Пѣвцы были вѣры и счастія полны.
Быстрѣе погналъ я послушныя волны.
И шкиперъ сказалъ:—„О, мы мчимся стрѣлой!
То—вѣтеръ попутный, то вѣтеръ ночной"...

Гдѣ дикій индѣецъ боролся со львомъ,
Средь сильвасовъ вѣчныхъ, обвитыхъ плющемъ,

Гдѣ тихія воды Атланта струятся,
Гдѣ пальмы тѣнистыя въ волны глядятся,
Гдѣ солнце не прячетъ свой дискъ золотой,
Про чудныя грезы пѣлъ вѣтеръ ночной,—

Тамъ ломъ загудѣлъ и топоръ застучалъ,
И лѣсъ-исполинъ заскрипѣлъ, застоналъ,
Кудрявой главою качая въ волненьи;
И левъ, и шакалъ заметались въ смятеньи—
И, новые звуки заслыша порой,
Имъ грезится мирно:—„то—вѣтеръ ночной!“

Но нѣтъ, то не вѣтра таинственный вздохъ!
Гдѣ щедро разсыпалъ дары свои Богъ,
Тамъ жизнь родилась, родилась тамъ свобода
И вѣчное счастье родного народа,
Тамъ крѣпнетъ народъ твой въ работѣ дневной
И грезами вѣетъ тамъ вѣтеръ ночной!...

И. Тагеръ.

Римскіе Евреи

ВЪ ДРЕВНОСТИ И ВЪ СРЕДНІЕ ВѢКА [1].

Еврейская община города Рима является несомнѣнно, если не древнѣйшею, то во всякомъ случаѣ одною изъ наиболѣе древнихъ общинъ еврейскихъ въ Европѣ. Ея возникновеніе теряется въ періодѣ временъ пуническихъ войнъ, хотя и не можетъ быть установлено въ точности. Во всякомъ случаѣ твердо установлено, что около средины второго до-христіанскаго вѣка, именно около 139 года, число евреевъ, жившихъ въ ту пору въ Римѣ, было весьма значительно. Съ этого момента и вплоть до нашихъ дней въ вѣчномъ городѣ всегда существовала одна, а то и нѣсколько еврейскихъ общинъ. При той легкости, съ которою именно римскіе евреи ассимилировались съ окружавшею ихъ средою, они естественно стали неотъемлемымъ ингредіентомъ Рима; на нихъ, какъ на коренныхъ римлянахъ, всецѣло отражались историческія судьбы вѣчнаго города, они жили съ нимъ общею жизнью.

Слишкомъ двухтысячелѣтнее историческое существованіе Рима принято разбивать на отдѣльные періоды, сообразно съ характеромъ преобладавшаго въ то или другое время политическаго теченія. Интересно, что въ примѣненіи къ вѣчному городу политическія теченія въ то же время являлись всегда и показателемъ различныхъ религіозныхъ направле-

[1] Въ основу настоящаго очерка положены нами капитальныя изслѣдованія: 1) Dr. A. Berliner, Geschichte der Juden in Rom von der ältesten Zeit bis zur Gegenwart, 2 Bde, Fr. a. M. 1893, 2) Dr. Hermann Vogelstein und Dr. Paul Rieger, Geschichte der Juden in Rom. Erster Band, 139 v. Chr.—1420 n. Chr., Berlin, 1896, 3) P. Manfrin, Gli Ebrei sotto la dominazione romana, Roma, 1888--1892) и 4) статья Hild'a, Les juifs à Rome въ Revue des études juives, 1884 et 1885. Остальные источники цитируются нами попутно.

ній. Съ этой точки зрѣнія будетъ вполнѣ удобно разбить нашъ очеркъ на три отдѣла: 1) на исторію евреевъ города Рима въ *языческій періодъ*, 2) на разсмотрѣніе судебъ римскихъ евреевъ въ *періодъ христіанскій*, спеціально *папскій*, и 3) на ознакомленіе съ исторіей ихъ въ новѣйшее время, которое можетъ быть названо *итальянскимъ*. Римъ—классическаго язычества на столько же разнится отъ Рима христіанскихъ первосвященниковъ, какъ и папскій Римъ отъ современной столицы объединенной Италіи. Новые факторы жизни, совершенно измѣненное міросозерцаніе, различіе въ общественныхъ и политическихъ идеалахъ присущи каждому изъ названныхъ періодовъ, которые поэтому и носятъ каждый свой специфическій характеръ. Понятно, что и жизнь еврейскихъ общинъ города отражала на себѣ эти разнородныя вліянія и складывалась различно въ разное время. Но структура нашего очерка и объемы его заставляютъ насъ предпочесть иное, менѣе строго логическое дѣленіе. Въ виду того, что исторія папскаго Рима явилась бы несоразмѣрно пространной въ сравненіи съ Римомъ языческимъ и новѣйшимъ, мы предпочитаемъ разбить имѣющійся въ нашемъ распоряженіи матеріалъ на слѣдующія три группы: 1) исторію евреевъ въ языческомъ Римѣ, 2) исторію евреевъ въ средневѣковомъ Римѣ и 3) исторію евреевъ Рима новаго времени. На этотъ разъ мы ограничимся первыми двумя періодами, оставляя за собою право при случаѣ вернуться въ самостоятельномъ очеркѣ къ судьбамъ еврейскихъ общинъ вѣчнаго города въ новой и новѣйшей исторіи. Такимъ образомъ настоящій очеркъ само собою распадется на двѣ главы: одна обниметъ исторію евреевъ города Рима отъ половины II вѣка до-христіанскаго лѣтосчисленія вплоть до торжества христіанства, т. е. 315 года по Р. Хр., другая будетъ посвящена періоду до 1420 года. Въ каждой изъ этихъ главъ мы соберемъ данныя внѣшней исторіи общинъ, затѣмъ дадимъ очеркъ внутренней жизни ихъ и закончимъ обзоромъ литературной дѣятельности римскихъ евреевъ, такъ какъ политическая исторія евреевъ всегда и вездѣ тѣснѣйшимъ образомъ связана съ исторіей ихъ литературнаго творчества, какъ въ зеркалѣ отражающаго въ себѣ всѣ перипетіи историческихъ судебъ избраннаго народа.

I

ЕВРЕИ ВЪ ДРЕВНЕМЪ ЯЗЫЧЕСКОМЪ РИМѢ.

Насколько бурно складывалась жизнь евреевъ на ихъ родинѣ въ періодъ, вскорѣ послѣдовавшій за смертью Александра Великаго, настолько тихо и мирно текла она въ тѣхъ многочисленныхъ колоніяхъ, которыя сравнительно уже рано возникли какъ въ Малой Азіи, такъ и на Іонійскихъ островахъ, въ Киренаикѣ и Египтѣ. Далекіе отъ треволненій родины, евреи на чужбинѣ спокойно занимались главнымъ образомъ торговлею, отнюдь однако не забывая своей прежней отчизны и сохраняя съ нею нѣкоторую связь, которая особенно рельефно выражалась въ ежегодной отправкѣ извѣстнаго налога въ пользу Іерусалимскаго храма и въ посылкѣ письменныхъ вопросовъ на Востокъ съ цѣлью разрѣшенія того или другого спорнаго пункта въ области ритуальной или юридической. Покоривъ въ 168 году Македонію, римляне, естественно, вступили въ болѣе близкія сношенія съ Востокомъ, а окончательное въ 146 году разрушеніе Кареагена, когда римская республика стала могущественною владычицею древняго міра не только на сушѣ, но и на морѣ, привело ихъ само собою къ тѣснѣйшему общенію съ Александріею, Египтомъ, Кипромъ и Азіею. Сирійскія войны еще болѣе способствовали этому и потому нѣтъ ничего удивительнаго, что уже рано въ побѣдоносномъ Римѣ появились представители различныхъ покоренныхъ или союзныхъ племенъ Азіи, и въ томъ числѣ также евреи. Въ 154 году въ Римъ прибыло еврейское посольство, отправленное Іудою Маккавеемъ съ порученіемъ заручиться дружественною поддержкою со стороны римлянъ. Въ 138 году подобное же посольство съ тою же цѣлью было отправлено братомъ и преемникомъ Іуды, Іонаеаномъ, а чрезъ дальнѣйшія шесть лѣтъ Симонъ Маккавей заключилъ при помощи своихъ пословъ формальный наступательный и оборонительный союзъ съ римлянами. По словамъ историка Трога Помпея (Justin., lib. 36), евреи были первымъ восточнымъ народомъ, которому удалось заключить съ гордыми побѣдителями подобный союзъ. Само собою разумѣется, что теперь болѣе чѣмъ когда либо было удобно являться евреямъ

въ Римъ и оставаться въ немъ на болѣе или менѣе продолжительное время или даже навсегда. Какъ извѣстно, завоеванія римлянъ въ Африкѣ и на Востокѣ имѣли слѣдствіемъ крупный экономическій и общественный переворотъ въ жизни побѣдителей. Съ греческою образованностью, карѳагенскими и сирійскими сокровищами и африканскими и азіятскими рабами проникли въ Римъ не только дотолѣ незнакомая населенію роскошь и распущенность нравовъ, но и совершенно новые, дотолѣ невѣдомые идеи, обычаи и культы. Особенно послѣдніе, несмотря на всѣ усилія противодѣйствовавшей имъ національной партіи, нашли въ столицѣ міра радушный пріемъ и грозили самостоятельности и даже дальнѣйшему существованію древне-римской гражданственности. Нѣтъ сомнѣнія, что и представленія евреевъ объ единомъ, всемогущемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ незримомъ Божествѣ проникли на берега Тибра, не оставаясь исключительно достояніемъ послѣдователей Моисеева закона, но проложивъ себѣ путь въ сознаніе многихъ римскихъ гражданъ и найдя у нихъ пониманіе и сочувствіе. Насколько сильною казалась опасность новыхъ идей консервативному правительству, можно заключить изъ того, что въ 139 году преторъ Гиспалъ издалъ указъ, въ силу котораго изъ Рима изгонялись евреи. Конечно, нельзя допускать, чтобы мѣра эта была направлена противъ всего еврейскаго населенія города, равно какъ и невѣроятно, чтобы она имѣла въ виду удаленіе членовъ вышеупомянутаго второго еврейскаго посольства за слишкомъ усиленную религіозную пропаганду, какъ предполагаютъ нѣкоторые изслѣдователи (Срв. Vogelstein-Rieger, I, 3—4, ann.). Вѣроятнѣе всего, декретъ былъ направленъ противъ нѣсколькихъ пришлыхъ еврейскихъ купцовъ или врачей, чѣмъ либо возбудившихъ противъ себя общественное мнѣніе. Это тѣмъ болѣе правдоподобно, что вскорѣ затѣмъ (въ декабрѣ 138 года) состоялось между римлянами и посланными Симона Маккавея заключеніе формальнаго оборонительнаго и наступательнаго союза, причемъ сенатъ милостиво принялъ даръ еврейскаго князя, массивный щитъ огромныхъ размѣровъ изъ кованнаго золота. (Joseph. Flav. Antiquit. XIV, 8, 5). Союзъ этотъ оказался вполнѣ своевременнымъ, потому что уже чрезъ пять лѣтъ Іоаннъ Гирканъ увидѣлъ себя вынужденнымъ отправить въ

Римъ посольство съ просьбою оградить Іудею отъ поползновеній другого римскаго союзника, царя сирійскаго, Антіоха.

Во время войны съ царемъ Митридатомъ, въ Италію и спеціально въ Римъ было доставлено значительное количество военноплѣнныхъ евреевъ; то же самое можно сказать также относительно эпохи Помпея, который, какъ извѣстно, во время междоусобной войны между Гирканомъ и Аристовуломъ вступился за перваго, взялъ приступомъ Іерусалимъ и привезъ въ Римъ въ качествѣ военноплѣнныхъ не только Аристовула и членовъ его семьи, но и многихъ другихъ евреевъ (Евр. Древн. XIV, I и слѣд.). Когда же впослѣдствіи возникла борьба между Помпеемъ и Цезаремъ, послѣдній, зная ненависть Аристовула къ Помпею, назначилъ его военачальникомъ двухъ легіоновъ, во главѣ которыхъ онъ долженъ былъ дѣйствовать на Востокѣ. Однако приверженцы Помпея отравили несчастнаго и лишь много лѣтъ спустя Антоній распорядился вырыть погребенный въ Римѣ трупъ его и похоронить его останки въ царской гробницѣ въ Іерусалимѣ.

Что касается остальныхъ военноплѣнныхъ, привезенныхъ Помпеемъ въ Римъ и участвовавшихъ въ торжественномъ его тріумфѣ, то имъ вскорѣ была возвращена свобода; отчасти сами владѣльцы, тяготясь массою неудобствъ, сопряженныхъ съ точнымъ соблюденіемъ еврейскими рабами ритуальныхъ обрядовъ и предписаній, охотно отпускали ихъ на волю [1], отчасти тутъ, вѣроятно, имѣлъ мѣсто часто практиковавшійся у евреевъ прекрасный обычай, что болѣе зажиточные евреи выкупали изъ неволи своихъ единовѣрцевъ. Эти то евреи и составили ядро будущей общины въ Римѣ, причемъ впослѣдствіи всѣ вообще римскіе евреи стали называться „libertini“ (вольноотпущенниками). Будучи принуждены заботиться о своемъ пропитаніи, они занялись наиболѣе подходящимъ въ ихъ положеніи дѣломъ, ремеслами и торговлею. Въ связи съ этимъ находилось и мѣсто, гдѣ они преимущественно селились; то былъ такъ назыв. кварталъ Trans Tiberim, низкая равнина на правомъ берегу Тибра у подножія холмовъ Яникульскаго и Ватиканскаго. Тутъ издавна помѣщались пристани греческихъ и финикій-

---

[1] Philo, legat. ad Caium, ed. Mangey, II, 568.

скихъ судовщиковъ и лавки мелкихъ торговцевъ; здѣсь же, въ этомъ почти предмѣстьи Рима, находились и косметическіе и кожевенные заводы, открытіе которыхъ возбранялось въ центрѣ города. Тутъ же, по всей вѣроятности, жили и прежніе пришельцы изъ Палестины, такъ что ко всѣмъ практическимъ удобствамъ, связаннымъ съ жительствомъ въ этой по преимуществу торговой части города, присоединялись еще соображенія религіозно-ритуальнаго характера. Впрочемъ, поселеніе евреевъ въ указанной части города (и на близъ лежащемъ островѣ рѣки) отнюдь не носило характера средневѣковаго гетто, подобно тому какъ и въ Александріи не было рѣчи о таковомъ. Возникновеніе гетто — дѣло гораздо болѣе поздняго періода.

Найдя въ Римѣ довольно значительное число уже ранѣе жившихъ тамъ единовѣрцевъ [1], прибывшіе туда съ Помпеемъ евреи быстро освоились съ своею новою родиною и, благодаря присущей имъ живости ума, отзывчивости и практичности, вскорѣ поняли, что они окончательно оторваны отъ Палестины и должны принять участіе въ политической жизни Рима, если хотятъ достигнуть независимости и спокойствія. И дѣйствительно, мы замѣчаемъ, что раздоры, характерные для палестинскихъ евреевъ, совершенно исключены изъ жизни молодой еврейской общины города Рима. Находя объединяющую связь въ своей общей религіи, римскіе евреи тѣсно сплачиваются въ одно цѣлое и вскорѣ представляютъ изъ себя настолько внушительную политическую единицу и силу, съ которою приходится считаться такому стражу интересовъ своего отечества, какимъ явился блестящій ораторъ Цицеронъ. Въ своей знаменитой рѣчи, сказанной въ защиту Флакка (въ 52 году до Р. Хр.), Цицеронъ отзывается о римскихъ евреяхъ весьма враждебно, усматривая въ нихъ и ихъ организаціи, при помощи которой они будто бы оказывали сильнѣйшее вліяніе на рѣшенія народныхъ собраній, весьма серьезную опасность для государства. Онъ указываетъ на ихъ тѣсную сплоченность, солидарность, ихъ пронырливую агитаціонную дѣятельность

[1] Berliner, l. c. I, 5—7 прилагаетъ усиленныя старанія къ тому, чтобы отвергнуть прибытіе большого числа военно-плѣнныхъ евреевъ въ Римъ при Помпеѣ. Онъ относитъ возникновеніе первой общины къ гораздо болѣе раннему періоду.

и на ихъ *многочисленность*. Послѣдняя заставляетъ ихъ казаться особенно опасными Цицерону, который очевидно усматривалъ въ евреяхъ элементъ, поддерживавшій демократическую, народную партію, столь ненавистную знаменитому „отцу отечества“. Между тѣмъ, вполнѣ естественно, что евреи, принадлежа по своему экономическому и соціальному положенію къ пролетаріямъ, поддерживали послѣднихъ въ ихъ упорной борьбѣ за независимость и бóльшую матеріальную обезпеченность. Вообще въ то время даже среди палестинскихъ евреевъ царило стремленіе къ республиканскому образу правленія [1], а это не могло нравиться Цицерону. Намъ, впрочемъ, отнюдь и не важно знать личный взглядъ великаго оратора на евреевъ. Гораздо существеннѣе выводъ, вытекающій изъ его рѣчи за Флакка, а именно, что въ срединѣ I вѣка до-христіанской эры численность римскихъ евреевъ была значительна, и она представляла серьезную силу въ политическомъ отношеніи.

Это отнюдь не ускользнуло отъ вниманія Юлія Цезаря, видѣвшаго главнѣйшій оплотъ своихъ стремленій именно въ сильной народной партіи. Въ виду этого Цезарь всегда относился къ евреямъ особенно милостиво, и они, въ свою очередь, платили ему полнымъ расположеніемъ. Предположеніе Манфрина [2], будто евреи уплатили колоссальные долги Цезаря, совершенно ни на чемъ не основано, какъ и цѣлый рядъ другихъ гипотезъ итальянскаго ученаго.

Будучи на первомъ планѣ государственнымъ человѣкомъ, великій завоеватель никоимъ образомъ не сталъ бы руководствоваться въ политическихъ дѣлахъ личными симпатіями. Стремясь къ учрежденію монархіи, онъ долженъ былъ уничтожить привилегіи и исключительное положеніе гражданъ города Рима и уравнять въ правовомъ отношеніи всѣхъ подданныхъ великой республики. Городское гражданство должно было замѣниться государственнымъ гражданствомъ, и евреи, разсѣянные почти по всѣмъ частямъ обширной республики, естественно представлялись Цезарю наиболѣе подходящими носителями этой мысли (Моммзенъ,

[1] Извѣстно, что къ Помпею являлась депутація изъ Палестины, просившая объ удаленіи враждовавшихъ между собою царственныхъ братьевъ и введенія республиканской формы правленія.

[2] Manfrin, Gli ébrei sotto la dominazione Romana, I, 215.

Римск. Истор. III, 8, 549). Знаменитые эдикты, изданные имъ въ пользу евреевъ, служатъ лучшимъ показателемъ его симпатіи къ нимъ. Евреи города Александріи получили права гражданства; всѣмъ вообще евреямъ было предоставлено свободно отправлять свое богослуженіе, собирать деньги для религіозныхъ цѣлей и посылать десятину Іерусалимскому храму. Всѣ эти права распространялись, конечно, и на евреевъ города Рима, причемъ послѣдніе получили еще одно особое преимущество: въ то время, какъ всѣ вообще религіозныя сообщества были упразднены, евреямъ было разрѣшено образовать таковыя. Кромѣ того, всѣ они были освобождены, въ виду нѣкоторыхъ религіозно-ритуальныхъ предписаній ихъ, отъ военной службы и изъяты изъ компетенціи римскаго гражданскаго суда. Послѣднее обстоятельство пріобрѣтаетъ именно въ Римѣ особенное значеніе и служитъ фундаментомъ всей дальнѣйшей правовой жизни римскихъ евреевъ вплоть до того момента, какъ христіанство окончательно было признано господствующею религіей. Недаромъ указанные эдикты, не разъ возобновлявшіеся и подтверждавшіеся преемниками Юлія Цезаря, были названы „Великою Хартіею“ римскихъ евреевъ. Вполнѣ понятно, что подобныя условія существованія только способствовали процвѣтанію еврейской общины гор. Рима. Когда Цезарь умеръ, скорбь его еврейскихъ подданныхъ была такъ велика, что они даже ночью приходили плакать на его могилу.

Смерть Цезаря имѣла своимъ ближайшимъ послѣдствіемъ полную анархію въ Римской республикѣ, пока, наконецъ, послѣ битвы при Акціумѣ (30 г. до Р. Хр.), Октавіану не удалось возстановить нарушенный порядокъ и направить государственный корабль по менѣе бурному теченію.

„Путемъ войны Октавіанъ сталъ властелиномъ всего міра; Августъ же укрѣпилъ свою власть мирнымъ путемъ“, говоритъ Reumont въ своей исторіи города Рима (I, 170). И дѣйствительно, за эпохою самыхъ жестокихъ неурядицъ послѣдовалъ продолжительный періодъ, въ теченіе котораго граждане великой Римской Имперіи могли всецѣло оцѣнить блага, даруемыя имъ божественнымъ Августомъ. Евреи также не могли пожаловаться на императора. Вотъ, какъ

отзывается объ Августѣ извѣстный философъ Филонъ (Legatio ad Cajum, ed. Mang. II, 545—600):

„Онъ прекрасно зналъ, что евреи занимали значительную часть города по ту сторону Тибра. Большинство ихъ было вольноотпущенниками. Раньше они были доставлены въ Италію въ качествѣ военноплѣнныхъ, а затѣмъ господа даровали имъ свободу безъ того, чтобы имъ пришлось чѣмъ-либо поступиться въ своихъ старинныхъ обычаяхъ и установленіяхъ. Августу также было извѣстно, что у евреевъ имѣются синагоги, въ которыхъ они собираются особенно по субботамъ, и что тамъ ихъ наставляютъ въ правилахъ мудрости, переданной имъ ихъ предками. Онъ зналъ, что они собираютъ деньги какъ бы въ искупленіе первенцевъ и посылаютъ ихъ при посредствѣ извѣстныхъ лицъ въ Іерусалимъ. Лица эти закалываютъ за нихъ жертвенныхъ животныхъ и приносятъ ихъ въ жертву. Тѣмъ не менѣе, Августъ не только не изгналъ ихъ изъ Рима, но и не лишилъ ихъ римскаго гражданства, такъ какъ и онъ благосклонно относился къ еврейскому народу. Равнымъ образомъ онъ не вводилъ никакихъ новшествъ относительно ихъ синагоги, не препятствовалъ имъ собираться для изученія ихъ закона и не предпринималъ никакихъ мѣръ относительно тѣхъ, которые собирали указанныя деньги. Напротивъ, онъ настолько высоко цѣнилъ нашу религію, что почти весь домъ его украсилъ нашъ храмъ драгоцѣннѣйшими дарами. Кромѣ того, онъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы Богу Всевышнему ежедневно приносились на его счетъ жертвенныя животныя; жертвоприношенія эти продолжаются и понынѣ и будутъ всегда имѣть мѣсто, служа доказательствомъ его исто-императорскаго расположенія. Даже относительно обычныхъ у насъ на родинѣ [1] ежемѣсячныхъ распредѣленій среди простого народа денегъ и хлѣба онъ никогда не обижалъ евреевъ. Если иногда случалось, что такія раздачи падали на субботу, въ каковой день евреямъ запрещено что-либо принимать или выдавать и особенно пріобрѣтать что бы то ни было для своего пропитанія, онъ распорядился, чтобы тѣ, кто завѣдывалъ раздачею, эти дары его любвеобильной милости распредѣляли между евреями на слѣдующій день“. По свидѣтельству Фла-

---

[1] Т. е. въ городѣ Александріи.

вія, Августъ распорядился также освобождать евреевъ по субботамъ и пятницамъ вечеромъ отъ участія въ судебныхъ процессахъ. Равнымъ образомъ онъ призналъ ихъ синагоги неприкосновенными и вообще въ полной мѣрѣ подтвердилъ эдикты Юлія Цезаря.

Такія благопріятныя условія существованія повели къ тому, что вскорѣ въ Римѣ, ставшемъ теперь въ полномъ смыслѣ столицею міра, еврейское населеніе стало быстро возростать. Лучшимъ доказательствомъ этого можетъ служить тотъ фактъ, что тутъ возникло при Августѣ нѣсколько еврейскихъ общинъ, изъ которыхъ каждая обладала собственною синагогою. Одна изъ послѣднихъ называла себя въ честь императора Августовскою, другая Агрипповою (по имени царя Агриппы), третья, наконецъ, носила названіе Волумніевой, по всей вѣроятности, въ честь гуманнаго относительно евреевъ сирійскаго префекта Волумнія[1]. Особенно же рельефное доказательство все возроставшаго могущества еврейскихъ общинъ въ Римѣ можно усмотрѣть въ томъ обстоятельствѣ, что немедленно послѣ смерти Ирода Великаго (въ 3 году по Р. Хр.) римскіе евреи нашли возможнымъ лично поддержать своихъ палестинскихъ единовѣрцевъ въ ихъ ходатайствѣ о смѣщеніи идумейской династіи. Когда споръ о престолонаслѣдіи былъ представленъ на благоусмотрѣніе императора, и въ Римъ прибыло отправленное въ количествѣ 50 человѣкъ посольство изъ Іудеи, къ этому посольству примкнуло около 8.000 римскихъ евреевъ, чтобы своимъ появленіемъ въ храмѣ Аполлона содѣйствовать благопріятному рѣшенію волновавшаго всѣхъ вопроса. Впрочемъ, эта грандіозная демонстрація не оказала ожидаемаго дѣйствія. Большимъ успѣхомъ сопровождалось ходатайство другого посольства, прибывшаго немного спустя въ Римъ съ жалобою на Архелая, равно какъ успѣшными оказались также хлопоты евреевъ Кирены и Малой Азіи, которые добились отъ Августа возобновленія эдиктовъ Юлія Цезаря. По всей вѣроятности, названныя депутаціи вошли въ тѣсное общеніе съ проживавшими въ Римѣ евреями, которые въ свою очередь имѣли не мало благожелателей среди коренныхъ гражданъ. Впрочемъ, относительно послѣднихъ намъ придется подробно говорить ниже. Личности вродѣ знаменитаго ритора и философа Цецилія изъ Калакты служили въ то время главнымъ украшеніемъ римскаго еврейства и не мало способствовали сближенію римской аристократіи съ носителями вѣчной идеи единобожія. Вспомнимъ, что извѣстный археологъ Варронъ высказалъ въ своемъ капитальномъ изслѣдованіи о римскихъ древностяхъ мысль, что римляне въ теченіе почти двухсотъ лѣтъ поклонялись богамъ безъ изображеній ихъ, и что онъ сказалъ: „Если бы этотъ обычай сохранился, богослуженіе осталось бы болѣе чистымъ“. Блаженный Августинъ же, сохранившій намъ эту замѣтку Варрона, поясняетъ, что римскій археологъ указывалъ при этомъ спеціально на евреевъ, какъ на идеальныхъ богопоклонниковъ[1]. Вполнѣ поэтому естественно, что въ то время, о которомъ мы теперь говоримъ, когда въ Римѣ, болѣе чѣмъ когда либо, ощущался упадокъ религіозности, представители такой возвышенной религіи, какъ іудаизмъ, должны были пользоваться особеннымъ уваженіемъ. Масса скопившихся въ ту пору на берегахъ Тибра поклонниковъ египетскаго Сераписа, маговъ, звѣздочетовъ и разнаго рода предсказателей должна была еще болѣе оттѣнить высокій характеръ еврейскаго единобожія. При преемникѣ Октавіана Августа, Тиверіи, этотъ же самый сбродъ шарлатановъ однако навлекъ своими продѣлками на евреевъ тяжкое испытаніе: по наущенію всесильнаго при дворѣ Сеяна, были изгнаны изъ Рима не только всѣ маги, прорицатели, астрологи и шарлатаны, но и математики, астрономы и философы. Горькая участь постигла и евреевъ, впервые ставшихъ отнынѣ отвѣтственными за мошенническую продѣлку нѣкоторыхъ своихъ единовѣрцевъ. По сенатскому постановленію, изъ Рима и Италіи изгонялись тѣ евреи, которые не пожелали бы отречься отъ своей вѣры. Вся богослужебная утварь въ синагогахъ подвергалась конфискаціи и сожженію, и 4.000 еврейскихъ юношей были призваны на военную службу и отправлены на островъ Сардинію для усмиренія разбойниковъ; а такъ какъ большинство этихъ юношей отказывалось

[1] Гипотеза Манфрина (l. c., III, 103) о вліяніи Ирода Великаго на возникновеніе римскихъ общинъ рѣшительно ни на чемъ не основана. Срв. Vogelstein-Rieger. I, 12 ann.

[1] August. De civit. Dei, IV, 31. 2.

нести службу по субботамъ, то масса ихъ подверглась казни за непослушаніе и нарушеніе военной дисциплины.

Это было первымъ серьезнымъ бѣдствіемъ, постигшимъ, притомъ совершенно незаслуженно, римскія еврейскія общины, притомъ тѣмъ бо́льшимъ, что теперь впервые еврейская религія была признана находящеюся въ противорѣчіи съ общеримскими имперскими установленіями. Надвинувшаяся гроза оказалась впрочемъ скоропреходящею. Вскорѣ послѣ названнаго распоряженія Тиверія послѣдовало паденіе и казнь Сеяна, а въ 31 году императоръ издалъ новые эдикты, въ силу которыхъ евреямъ опять разрѣшалось поселиться въ Римѣ и пользоваться всѣми правами, которыя были дарованы имъ Цезаремъ и Августомъ. Этимъ объясняется и то, что Филонъ, повѣствующій о своей поѣздкѣ къ Каю Калигулѣ, не находитъ нужнымъ говорить о существованіи въ то время еврейскихъ общинъ въ Римѣ: наличность таковыхъ считалась имъ само собою понятною.

Правленіе сумасброднаго расточителя Калигулы ознаменовалось новымъ бѣдствіемъ іудеевъ, хотя и не коснулось спеціально евреевъ города Рима. Убѣжденный въ своей „божественности“, цезарь потребовалъ, чтобы въ Іерусалимскомъ святилищѣ была воздвигнута его статуя. Лишь настойчивому вмѣшательству вліятельнаго при дворѣ Агриппы удалось добиться отмѣны этого сумасброднаго постановленія, осуществленіе котораго повлекло бы за собою цѣлый рядъ несказанныхъ бѣдствій для евреевъ. Общеизвѣстно, какъ странно отнесся Калигула къ депутаціи александрійскихъ евреевъ, среди которой находился и философъ Филонъ. Интересно также то обстоятельство, что въ числѣ членовъ контръ-депутаціи александрійскихъ грековъ былъ пресловутый юдофобъ Апіонъ, извѣстный по возраженію Іосифа Флавія на его инсинуаціи по адресу еврейскаго народа.

Когда Херея убилъ Калигулу, весь міръ вздохнулъ свободно, ожидая столь желаннаго спокойствія во время правленія только что провозглашеннаго новаго императора Клавдія. Послѣдній, по словамъ Моммзена, былъ „наиболѣе страннымъ изъ всѣхъ правителей: въ его душѣ были задатки наивной честности, юмора, пониманія права и порядка, даже остроумія и энергіи; только всѣ эти прекрасныя качества перепутались у него между собою, такъ что въ его головѣ

и сердцѣ былъ полный хаосъ и всѣ эти качества давали изображеніе чудовищно-смѣшное, подобное тому, какое получается отъ отраженія предмета въ вогнутомъ зеркалѣ“.

Избранный въ императоры благодаря энергичному содѣйствію Агриппы, Клавдій первое время относился весьма доброжелательно къ евреямъ, сдѣлалъ нужные шаги къ успокоенію александрійскихъ іудеевъ и подтвердилъ за всѣми своими подданными Моисеева закона прежнія преимущества, дарованныя имъ эдиктами Цезаря и Октавіана. Тѣмъ болѣе поражаетъ насъ то, что на девятомъ году правленія Клавдія внезапно замѣчается крутой поворотъ въ отношеніяхъ императора къ евреямъ, выразившійся изданіемъ въ 49 году распоряженія, въ силу котораго римскимъ евреямъ запрещались всякія собранія религіознаго характера. Поводомъ къ такому грустному мѣропріятію послужило то нарушеніе общественнаго спокойствія, которое вызывалось особенно усилившимися къ тому времени раздорами среди отдѣльныхъ еврейскихъ общинъ относительно мессіанства Іисуса Христа. Среди евреевъ явилось не мало послѣдователей новой религіи, которые не стѣснялись объявить открытую борьбу своимъ остававшимся въ лонѣ іудейства единоплеменникамъ, такъ что полиція увидѣла себя вынужденной прибѣгнуть къ весьма энергичнымъ мѣропріятіямъ по крайней мѣрѣ по отношенію къ главарямъ партій и зачинщикамъ безпорядковъ. Послѣдніе должны были покинуть Римъ, и съ ними, быть можетъ, оставило городъ болѣе или менѣе значительное число евреевъ. Однако эта мѣра не привела къ водворенію ожидаемаго порядка, потому что споры о божественности Христа не прекращались и число приверженцевъ новой религіи замѣтно росло. Когда же въ 61 году апостолъ Павелъ былъ привезенъ сперва въ Путеоли, а затѣмъ въ Римъ на судъ императора, огромное количество римскихъ евреевъ устроило ему торжественную встрѣчу. Естественно, что Павелъ въ теченіе продолжительнаго времени могъ удачно проповѣдывать въ вѣчномъ городѣ. Извѣстіе о томъ, что будто бы одновременно съ апостоломъ Павломъ въ Римѣ находился апостолъ Петръ, относится, какъ теперь окончательно выяснилось, къ области преданій. Итакъ, мы видимъ, что крутая мѣра Клавдія относительно евреевъ и тѣснѣйшимъ образомъ съ ними связанныхъ христіанъ,

не особенно повліяла на измѣненіе бытовыхъ условій римскаго еврейства.

При слѣдующихъ императорахъ, Неронѣ и Нервѣ, въ правовомъ положеніи римскихъ евреевъ не произошло существенныхъ перемѣнъ. Какъ тотъ, такъ и другой относились къ нимъ довольно доброжелательно, тѣмъ болѣе, что римскіе евреи, по самому географическому своему положенію, не могли принимать какого бы то ни было активнаго участія въ тѣхъ кровопролитныхъ бояхъ, которые происходили теперь въ Іудеѣ и въ которыхъ рѣшался вопросъ о политической независимости ихъ единовѣрцевъ. Несомнѣнно, что разрушеніе Титомъ іерусалимскаго храма преисполняло сердца ихъ горемъ и единственное, что они могли сдѣлать для своихъ несчастныхъ военноплѣнныхъ соотечественниковъ, было—выкупать ихъ изъ рабства и тѣмъ самымъ увеличивать число тѣхъ libertini, которые всегда способствовали увеличенію римскихъ общинъ. Нѣтъ также поводовъ предполагать, чтобы побѣдоносный Титъ, которому въ Римѣ была впослѣдствіи сооружена тріумфальная арка, отнесся особенно враждебно къ римскимъ евреямъ и стѣснялъ бы ихъ въ отправленіи ихъ религіозныхъ обрядовъ. Онъ совершенно удовлетворялся сознаніемъ, что ему удалось сломить національную гордость іудеевъ и разрушить ихъ національное святилище. Тѣмъ самымъ онъ положилъ конецъ ихъ политическому существованію, а къ бо́льшему римскій полководецъ-императоръ и не стремился. Чтобы окончательно завершить начатое дѣло, нужно было отнять у евреевъ, ранѣе представлявшихъ привиллегированную для римлянъ націю, ихъ послѣднюю привиллегію, свободу ихъ религіи, или по крайней мѣрѣ стѣснить ихъ въ отправленіи требованій этой религіи. Это было достигнуто путемъ введенія такъ наз. fiscus judaicus, установленіемъ подати въ двѣ драхмы за право посѣщенія евреями синагоги. Повидимому, эта мѣра не могла быть названа особенно стѣснительною, потому что евреи и раньше платили полъ-сикла (двѣ драхмы) въ пользу іерусалимскаго храма. Фактически же въ этой мѣрѣ заключалось много униженія для нихъ, потому что отнынѣ, когда храмъ Іерусалимскій пересталъ существовать, эти деньги взимались въ пользу *храма Юпитера Капитолійскаго*. Независимо отъ всей унизительности подобной

подати для евреевъ, указанный fiscus judaicus, продолжавшій существовать въ теченіе цѣлаго ряда столѣтій (именно вплоть до Юліана-Отступника), являлся клеймомъ, которымъ еврейство было поставлено въ особое стѣсненное положеніе, было первымъ актомъ въ трагедіи тѣхъ правовыхъ ограниченій, которыя существуютъ и понынѣ.

Эта подать взималась чрезъ особыхъ чиновниковъ, procuratores ad capitularia judaeorum, которые руководствовались спеціально съ указанною цѣлью составленными списками. Послѣдніе въ свою очередь являлись въ рукахъ правительства могущественнымъ орудіемъ для противодѣйствія сильно къ тому времени развившемуся среди евреевъ прозелитизму: правительство несомнѣнно не разъ удерживало многихъ вліятельныхъ и знатныхъ римлянъ отъ внесенія вышеозначеннаго налога въ двѣ драхмы и отъ вступленія въ число членовъ римской еврейской общины.

Мы уже сказали, что вслѣдствіе разрушенія въ 70 г. по Р. Хр. Іерусалима, число еврейскихъ гражданъ въ Римѣ значительно возросло. Такъ, въ столицѣ міра очутился цѣлый рядъ знатныхъ еврейскихъ семействъ, члены которыхъ попали сюда въ качествѣ военноплѣнныхъ. Впослѣдствіи семейства de Rossi, degli Adolescentoli (или Neri), de Pomis и degli Piatelli (или Mansi, Umani) вели свои родословныя отъ такихъ прибывшихъ съ Титомъ плѣнниковъ. Конечно, за неимѣніемъ болѣе опредѣленныхъ данныхъ, чѣмъ преданіе, трудно судить о степени достовѣрности подобныхъ сообщеній, хотя нужно признать, что они не совсѣмъ лишены основанія, потому что въ числѣ военноплѣнныхъ іудеевъ, приведенныхъ Титомъ въ Римъ, находились и адіабенскіе принцы Кенедей и Монобазъ. Приливъ новыхъ libertini въ значительной степени способствовалъ возростанію римско-еврейскаго пролетаріата, какъ можно заключить изъ сообщеній римскихъ сатириковъ той эпохи (Ювеналъ, Марціалъ и др.). Тѣмъ страннѣе фактъ, что именно теперь число прозелитовъ, всецѣло принимавшихъ еврейство или отчасти примыкавшихъ къ нему, постоянно росло. Мы себѣ объясняемъ это не только общимъ упадкомъ язычества, какъ религіи, но и тѣмъ, что въ то время еще не установилось окончательное различіе между еврействомъ и молодымъ христіанствомъ, все еще продолжавшимъ быть еврей-

скою сектою. Привлекательность соціально-демократическаго характера ученія новой вѣры, столь строго проводившееся на практикѣ фактическое равенство всѣхъ членовъ общинъ между собою, побуждало множество рабовъ и представителей низшаго пролетаріата вступать въ члены еврейско-христіанской секты.

Геройская защита евреями Іерусалима и его святыни должны были вызвать среди римлянъ удивленіе и преклоненіе передъ вѣрою, побуждавшею на такіе подвиги. Въ то же время это же обстоятельство, именно сила новой религіи, не могла не вызвать подозрѣнія и нѣкоторыхъ опасеній среди правящихъ круговъ. Мы знаемъ, что римскіе императоры всѣми способами старались поддержать престижъ древнеязыческой религіи, понимая, что съ паденіемъ ея можетъ рухнуть и все зданіе ихъ власти. Поэтому еврейство и христіанство должны были вызывать особенныя опасенія у императоровъ. И дѣйствительно, послѣдовавшія за іудейскою войною возстанія евреевъ въ Киренѣ и Египтѣ являлись грознымъ показателемъ того, какъ сильно мессіанскія идеи волновали тогдашнее еврейство. Неудивительно, что императоръ Домиціанъ становился съ каждымъ днемъ недовѣрчивѣе къ своимъ неязыческимъ подданнымъ и готовъ былъ принять энергичныя мѣры противъ всѣхъ, кто могъ бы грозить цѣлостности его монархіи. Въ 89 и 95 годахъ онъ поэтому изгналъ изъ Рима философовъ, и по разсказу Евсевія (Hist. Eccles. III, 20) онъ велѣлъ привести къ себѣ двухъ потомковъ царя Давида, чтобы обезопасить себя отъ нихъ. Лишь когда императоръ увидѣлъ предъ собою простыхъ ремесленниковъ, онъ нѣсколько успокоился и отпустилъ мнимыхъ претендентовъ на власть.

Теперь только сказалась вся практичность для римлянъ введеннаго Титомъ fiscus judaicus: по спискамъ плательщиковъ видно было, откуда могла грозить опасность. Это весьма скоро поняли евреи и знатные прозелиты и, несмотря на значительную, грозившую за сокрытіе своей принадлежности къ еврейству, отвѣтственность, всетаки всячески уклонялись отъ внесенія въ списки прокураторовъ и отъ унизительной уплаты двухъ драхмъ въ казну Юпитера Капитолійскаго. Система доносовъ, какъ извѣстно, особенно усердно примѣнявшаяся при Домиціанѣ, однако принесла римскому

еврейству и его приверженцамъ не мало горя и униженій. Светоній разсказываетъ о возмутительномъ фактѣ публичнаго освидѣтельствованія 90 лѣтняго старца относительно обрѣзанія, по которому и опредѣлялась принадлежность заподозрѣннаго лица къ еврейству [1]. Весьма вѣроятно, что перенесенный съ Востока въ Италію обычай кастрацій, впервые запрещенныхъ императоромъ Домиціаномъ, не мало способствовалъ тому, что правительство рѣшилось принимать энергичныя мѣры противъ прозелитизма. Число прозелитовъ, попавшихъ по доносамъ и на основаніи медицинскихъ освидѣтельствованій подъ судъ, было довольно значительно. Въ результатѣ — цѣлый рядъ казней, ссылокъ и во всякомъ случаѣ конфискація имущества. Одною изъ жертвъ императора пали въ 95 году его родной племянникъ, консулъ Флавій Климентъ, и его супруга, Флавія Домицилла. Первый подвергся казни, вторая была сослана на островъ Пандатарію [2].

Намѣченныя Домиціаномъ грандіозныя мѣропріятія противъ евреевъ однако не были приведены въ исполненіе, благодаря внезапной кончинѣ императора. Мидрашъ къ Второзакон. (103а) сообщаетъ о постановленіи сената объ избіеніи всѣхъ поголовно евреевъ въ предѣлахъ Римской Имперіи и говоритъ, что эта ужасная цѣль только потому не была достигнута озвѣрѣвшимъ Домиціаномъ, что нашелся „богобоязненный“ (יראת שמים) сенаторъ, пожертвовавшій собою ради общаго блага. Тотъ же источникъ приводитъ въ связь съ упомянутымъ сенатскимъ постановленіемъ и путешествіе въ Римъ, въ самую неблагопріятную пору, четырехъ выдающихся палестинскихъ ученыхъ, патріарха р. Гамаліила, р. Іошуи, р. Елеазара безъ Азарьи и знаменитаго р. Акибы.

Въ Римѣ посольство это нашло вѣроятно пріютъ въ домѣ историка Флавія Іосифа и вошло въ сношенія съ Флавіемъ Климентомъ (Midr. Deut l. c. срв. Тракт. Aboda zarah, 10 b Grätz, die jüdischen Proselyten im Römerreiche, p. 28).

Прибытіе этого посольства въ Римъ несомнѣнно весьма

---

[1] Sueton. Domit. 12; срв. ibidem 7 и Dio Cass. 67, 2.

[2] Dio Cass. 67, 14. Предположеніе, будто бы указанная чета была наказана за принадлежность къ христіанству, совершенно не доказано. Срв. Vogelstein-Rieger, l. c. I, p. 28, ann. 2.

благотворно отразилось на подъемѣ умственной жизни тамошнихъ еврейскихъ общинъ: проповѣдуя въ синагогахъ и вступая въ публичные диспуты съ языческими философами и христіанскими учеными, члены миссіи не мало способствовали выясненію коренныхъ различій между еврействомъ и христіанствомъ, главнѣйшіе представители котораго все еще состояли изъ природныхъ евреевъ. Съ этого времени вѣроятно и произошло окончательное раздѣленіе обѣихъ братскихъ религій.

Преемникъ умерщвленнаго Домиціана, престарѣлый императоръ Нерва, относился въ высшей степени гуманно къ евреямъ. Лучшимъ доказательствомъ этого служатъ вычеканенныя въ его правленіе монеты съ надписью: „Fisci judaici calumnia sublata", что прямо указываетъ, если не на полную отмѣну спеціально еврейскаго налога, то по крайней мѣрѣ на уменьшеніе тѣхъ несправедливостей и тѣхъ неприглядныхъ пріемовъ, которые примѣнялись при взиманіи этихъ денегъ. Къ сожалѣнію, время правленія этого государя было непродолжительно. При его преемникахъ Траянѣ и Адріанѣ (98 — 138) произошли вышеупомянутые мятежи африканскихъ евреевъ и возстаніе Баръ-Кохбы въ Палестинѣ, когда погибли послѣдніе борцы за независимость Іудеи и древній Іерусалимъ обратился въ римскую военную колонію подъ названіемъ Aelia Capitolina. Извѣстно, что особыми указами императоръ Адріанъ, признавшій возможность допустить исповѣдываніе христіанства, запретилъ отправленіе предписаній еврейской религіи въ предѣлахъ его владѣній. Интересно, что эти императорскіе декреты повидимому остались безъ всякаго примѣненія именно къ римскимъ еврейскимъ общинамъ [1]. Къ этому же времени относится и полный экономическій разцвѣтъ императорскаго Рима, который затмеваетъ своимъ богатствомъ рѣшительно всѣ города тогдашняго цивилизованнаго міра и являлся средоточіемъ міровой торговли. По всей вѣроятности, это не осталось безъ вліянія и на евреевъ. Объ этомъ можно судить по тѣмъ крупнымъ денежнымъ суммамъ, которыя отправлялись въ ту пору изъ Рима гонимымъ палестинскимъ законовѣдамъ.

Указанные декреты Адріана противъ евреевъ были отмѣ-

[1] Срв. Wogelstein-Rieger, l. c. I, p. 38.

нены его преемникомъ Антониномъ Піемъ, разрѣшившимъ также безпрепятственное обрѣзаніе евреевъ. Однако вскорѣ же воспослѣдовали новые указы, вызванные вѣроятно смутами въ Іудеѣ, запрещавшіе отправленіе обрядовъ еврейской религіи. Разрѣшалось исключительно научное изученіе еврейскихъ законовъ. Тогда наиболѣе знаменитые таннаи того времени, р. Сименъ б. Іохаи и р. Елеазаръ б. Іосе, отправились въ Римъ, чтобы въ особой аудіенціи упросить императора отмѣнить тягостныя постановленія. По талмудическому преданію (тракт. Меила, л. 17а), попытка таннаевъ увѣнчалась полнымъ успѣхомъ. Быть можетъ нѣкоторую роль играла тутъ также личность недавно прибывшаго изъ Палестины и основавшаго въ Римѣ первую талмудическую академію, р. Маттіи б. Хереша. Какъ бы тамъ ни было, но дѣйствительно правовое положеніе римскихъ евреевъ при Антонинахъ значительно улучшается, особенно если сравнить съ этимъ тѣ ужасныя гоненія, которымъ именно въ тѣ дни подвергались христіане. Крупныя бѣдствія постигли римскихъ евреевъ тогда съ совершенно иной стороны: при Антонинѣ Піѣ въ Римѣ былъ голодъ, случился огромный пожаръ, истребившій до 340 домовъ, и произошло наводненіе, затопившее низкія части города, особенно Trastevere, гдѣ жило большинство римскихъ евреевъ. Еще одно, еще болѣе грозное бѣдствіе постигло городъ; именно, занесенная въ 166 году въ городъ императорскими войсками чума, потребовавшая массу человѣческихъ жертвъ, особенно среди пролетаріата.

Говоря здѣсь о стихійныхъ бѣдствіяхъ, постигшихъ Римъ, нельзя не упомянуть и о землетрясеніи, бывшемъ тамъ въ 191 году (при императорѣ Коммодѣ) и о сейчасъ же послѣдовавшемъ затѣмъ грандіозномъ пожарѣ, истребившемъ множество строеній и въ томъ числѣ сооруженный Веспасіаномъ храмъ Мира, гдѣ хранились сокровища, забранныя римлянами въ іерусалимскомъ храмѣ. Къ счастію однако, эти драгоцѣнности удалось спасти; онѣ погибли значительно позже отчасти въ Африкѣ, отчасти въ Византіи и Іерусалимѣ [1] (въ 614 г.). Насколько еврейство пользовалось расположеніемъ римскихъ императоровъ, видно изъ слѣдую-

[1] Срв. Berliner, l. c. I, p. 106—108.

щаго факта: Нѣкій Каллистъ, бывшій рабомъ у знатнаго римлянина и желавшій, вслѣдствіе ужасныхъ условій своей жизни, покончить съ собою, проникъ однажды въ синагогу и нарушилъ происходившее тамъ субботнее богослуженіе. Онъ былъ избитъ, приведенъ къ претору Фусціану и приговоренъ къ ссылкѣ въ сардинскіе рудники. Лишь впослѣдствіи, при Коммодѣ, воспослѣдовало его помилованіе. Характерно то, что этотъ же Каллистъ окончилъ жизнь свою въ санѣ римскаго епископа.

Послѣ смерти Коммода (192 г.) наступаетъ обнимающій почти цѣлое столѣтіе періодъ самыхъ ожесточенныхъ междоусобій, въ теченіе которыхъ разныя варварскія племена неоднократно грозили Риму полною гибелью. Римъ переживалъ тяжелый кризисъ. Естественно, что за этотъ періодъ, когда всеобщее вниманіе было поглощено событіями міровой важности, источники совершенно почти умалчиваютъ объ евреяхъ. При Септиміи Северѣ (ум. въ 211 году) былъ изданъ эдиктъ, угрожавшій смертью всѣмъ, кто бы вздумалъ перейти въ еврейство или христіанство. Это распоряженіе однако отнюдь не умаляло гражданскихъ правъ природныхъ евреевъ. Северъ и сынъ и его, Каракалла, напротивъ, подтвердили право евреевъ на занятіе разныхъ почетныхъ должностей, лишь бы отправленіе связанныхъ съ послѣдними обязанностей не затруднялось различными ритуальными предписаніями. Въ этомъ отношеніи положеніе римскихъ евреевъ оказывалось значительно лучше условій, въ которыхъ находились христіане, и Тертулліанъ[1] даже завидуетъ тому, что еврейство является религіею привиллегированною (religio licita).

Вообще при Каракаллѣ замѣчается полное смѣшеніе всякихъ религіозныхъ формъ, принявшее, особенно при Эліогабалѣ, этомъ императорѣ-понтифексѣ, чудовищные размѣры и поведшее къ ужаснѣйшимъ оргіямъ. По сообщенію Лампридія (Heliogab. 3), на Палатинскомъ холмѣ былъ воздвигнутъ храмъ новому богу, гдѣ были помѣщены религіозные символы евреевъ, самарянъ и христіанъ.

Тотъ же религіозный микретизмъ замѣчается и при Александрѣ Северѣ (223—235). Благодаря природной своей

[1] Tertullian, Apolog. 21.

мягкости, этотъ романтикъ на тронѣ римскихъ цезарей не былъ способенъ на жестокости. При немъ не только прекратились гоненія на христіанъ, но и предполагалось построить храмъ Христу; вѣроятно, въ этомъ сказывалось вліяніе Юліи Маммеи, матери Александра, очень потворствовавшей христіанамъ и устроившей торжественный пріемъ Оригену[1]. Самъ императоръ былъ хорошо знакомъ съ сущностью христіанскаго и еврейскаго вѣроученій и оказывалъ представителямъ ихъ всякія преимущества. Такъ, напр., онъ разрѣшалъ патріарху налагать церковное отлученіе со всѣми связанными съ этимъ тягостными послѣдствіями, хотя это и противорѣчило основнымъ государственнымъ законамъ. За свое расположеніе къ евреямъ, императоръ получилъ отъ жителей Антіохіи и Александріи кличку archisynagogus. Весьма вѣроятно, что одна изъ римскихъ синагогъ получила свое названіе въ честь Александра Севера.

Однако гуманный императоръ палъ подъ ударами недовольныхъ его слабостью преторіанцевъ, и въ Римѣ снова наступила анархія. Мощныя фигуры Декія, Авреліана и Проба не могли остановить быстро совершавшійся процессъ внутренняго разложенія. Потоки крови, грабежи, убійства, насилія и пожары ознаменовывали всякое новое правленіе. При Авреліанѣ (270—275) Римъ былъ укрѣпленъ высокою и крѣпкою стѣною, охватившею также мѣстность за Тибромъ, гдѣ жило большинство евреевъ и гдѣ теперь раскинулись пышные сады цезарей. Слѣдовавшее за умерщвленіемъ иллирійца Проба (276—282) время, когда въ теченіе двухъ лѣтъ смѣнилось три императора, было сплошною смутою. Лишь одаренному нечеловѣческою силою воли Діоклетіану (284—305) удалось возстановить спокойствіе и порядокъ. Введеніемъ новой системы управленія и престолонаслѣдія было положено начало новой эрѣ въ исторіи вѣчнаго города, который теперь навсегда пересталъ быть столицею имперіи и долженъ былъ уступить этотъ титулъ малоазіятскому городу Никомедіи, избранной императоромъ въ резиденціи. Конецъ правленія Діоклетіана, вообще весьма толерантно относившагося къ евреямъ и христіанамъ, омрачился страшными гоненіями на послѣднихъ, такъ что масса христіанъ искала спасенія

[1] Euseb. Hist. eccles. 21, 3, 4.

въ переходѣ въ еврейство, которому подозрительный императоръ не приписывалъ особаго политическаго значенія. Однако всѣ попытки подавить христіанство оказались тщетными, и 30 апрѣля 311 года императоры Галерій, Лициній и Константинъ издали указъ, гарантировавшій христіанамъ полную свободу и безопасность при отправленіи ихъ религіозныхъ предписаній. Въ 312 году побѣда Константина надъ Максенціемъ рѣшила участь древняго Рима. Наступаетъ новая эпоха съ новыми теченіями и стремленіями; центръ тяжести политической и умственной жизни переносится съ береговъ Тибра на берега Босфора, и христіанство провозглашается господствующею религіею. Съ этихъ поръ, естественно, измѣняются и взаимоотношенія между евреями и римлянами, кончается классическая древность и наступаетъ пора мрачнаго средневѣковья, всѣ ужасы котораго сильнѣе всего, быть можетъ, отразились именно на евреяхъ.

II.

ВНУТРЕННЯЯ ЖИЗНЬ РИМСКИХЪ ЕВРЕЕВЪ ДО ТОРЖЕСТВА ХРИСТІАНСТВА.

Прослѣдивъ внѣшнюю исторію евреевъ города Рима отъ перваго появленія ихъ до первой четверти IV вѣка христіанской эры, мы должны теперь обратиться къ ихъ быту, ихъ внутренней жизни. На первомъ планѣ слѣдуетъ установить тѣ источники, которые смогутъ намъ дать интересующія насъ здѣсь указанія. Къ крайнему прискорбію, эти источники и весьма немногочисленны и не особенно содержательны. Первое мѣсто между ними занимаютъ приблизительно *200 могильныхъ плитъ*, которыя въ разное время были найдены въ катакомбахъ Рима, служившихъ евреямъ кладбищами. Эти въ общемъ довольно хорошо сохранившіяся надписи даютъ намъ возможность взглянуть на внутреннюю, бытовую сторону жизни римскихъ евреевъ и сопоставить ихъ съ данными второго рода, съ *сообщеніями* разныхъ *римскихъ писателей* (историковъ, сатириковъ и философовъ) относительно евреевъ. *Указанія* на римскихъ евреевъ *въ талмудической литературѣ* въ высшей степени скудны, сбивчивы и носятъ нерѣдко прямо таки легендарный характеръ.

Къ нимъ поэтому слѣдуетъ относиться съ величайшею осторожностью и считаться съ ними лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда возможна провѣрка на основаніи другихъ источниковъ. Итакъ, мы видимъ, что въ нашемъ распоряженіи собственно только одинъ надежный источникъ—надписи, изъ краткихъ сообщеній которыхъ попытаемся набросать здѣсь, конечно въ самыхъ общихъ штрихахъ, картину быта евреевъ древняго и императорскаго Рима. Сообщенія писателей классической древности большею частью тенденціозны, представляютъ данныя извращенныя и часто прямо невѣрныя, а потому и менѣе интересны. Но раньше, чѣмъ ознакомиться съ содержаніемъ упомянутыхъ надписей, этихъ фактическихъ свидѣтельницъ глубокой, сѣдой старины, мы считаемъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ о томъ, гдѣ, когда и какъ онѣ были найдены. Это, въ свою очередь, сможетъ выяснить крайне важный вопросъ объ ихъ исторической цѣнности.

До сихъ поръ извѣстно пять еврейскихъ кладбищъ вблизи города Рима:

1) Въ 1602 году Bosio нашелъ первое изъ нихъ около Porta Portuensis, недалеко отъ Тибра, вблизи т. наз. Colle rosato [1]. Онъ опредѣляетъ его древнѣйшимъ еврейскимъ кладбищемъ, которымъ пользовались римскіе евреи въ то время, когда они жили исключительно въ Trastevere. Однако, описаніе мѣстности у Bosio настолько неопредѣленно, что до сихъ поръ не удалось въ точности установить ее и извлечь, быть можетъ, крайне важныя надписи, которыя были бы въ состояніи пролить не мало свѣта особенно на древнѣйшую исторію первыхъ еврейскихъ общинъ города. Marchi предпринялъ въ 1843 году попытку разыскать указанныя у Bosio катакомбы, но безуспѣшно. Впрочемъ, случайныя раскопки въ той мѣстности дали нѣсколько могильныхъ плитъ, несомнѣнно съ еврейскихъ могилъ, какъ можно судить по сохранившимся на нихъ надписямъ и особенно символическимъ изображеніямъ. Въ XIX столѣтіи были найдены и изслѣдованы другія катакомбы, изъ которыхъ три расположены вблизи Аппіевой дороги, а именно:

---

[1] Bosio, Roma sotterranea, II, c. 22 y. Vogelstein-Rieger, l. c. I, p. 49.

2) Въ 1859 г. Garucci нашелъ подземное еврейское кладбище въ предѣлахъ виноградника Ранданини (Vigna Randanini) [1], пролившее много свѣта на этотъ темный вопросъ.

3) У этой же дороги, именно въ виноградникѣ графа Cimarra, de Rossi нѣсколько лѣтъ спустя нашелъ катакомбы, о которыхъ онъ помѣстилъ краткую замѣтку въ Bullettino di archeologia christiana, ser. I, vol. IV (Roma 1866) и vol. V (1867). Усыпальница занимаетъ маленькую подземную пещеру недалеко отъ San-Sebastiano и находится вблизи знаменитыхъ христіанскихъ катакомбъ (ad catacumbas). А Берлинеру удалось сдѣлать снимки съ найденныхъ тамъ могильныхъ плитъ съ греческими надписями. Онъ сообщаетъ ихъ въ своей „Geschichte der Juden in Rom“, I, p. 90—92.

4) Д-ръ Н. Мюллеръ [2] нашелъ въ 1885 году еврейское кладбище у via Appia Pignatelli. Одна изъ извлеченныхъ оттуда надписей важна тѣмъ, что даетъ нѣкоторыя указанія на существованіе синагоги въ Субуррѣ; наконецъ —

5) въ 1882 году Marucchi нашелъ пятое кладбище въ Vigna Apolloni у via Labicana, вблизи Эсквилинскаго и Вимипальскаго холмовъ [3]. Нѣкоторыя тутъ найденныя надписи содержатъ въ себѣ остатки еврейской формулы בשלום אם, а также рисунки священнаго еврейскаго семисвѣчника, точную копію изображеннаго на тріумфальной аркѣ Тита.

Большинство еще раньше извѣстныхъ надгробныхъ надписей найдены на еврейскомъ кладбищѣ города Portus, основаннаго императоромъ Клавдіемъ послѣ того, какъ гавань Рима, Остія, была занесена морскимъ пескомъ и настолько обмелѣла, что не отвѣчала болѣе своей цѣли. Находясь въ разстояніи $14^1/_2$ миль отъ столицы и будучи средоточіемъ довольно оживленной торговли, Portus естественно вскорѣ привлекъ вниманіе римскихъ евреевъ и они охотно селились тамъ. Близость же къ Риму обратила этотъ приморскій городокъ какъ бы въ предмѣстье столицы міра.

---

[1] Garucci, R.: Cimiterio degli antichi ebrei scoperto recentemente in Vigna Randanini. 1862.

[2] Mitteilungen des Kais. deutsch. archäol. Instituts, Römische Abtheilung, I (1889), 49—56.

[3] Marucchi, O.: Di un nuovo cimiterio giudaico scoperto sulla via Labicana (Roma, 1887).

Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что на кладбищѣ городка было похоронено не мало римскихъ евреевъ.

Еврейскія катакомбы Рима мало чѣмъ отличались отъ христіанскихъ. Обыкновенно въ подземную усыпальницу вела шахта до 6 метровъ глубиною. Сюда спускались по каменнымъ ступенямъ. Шахта заканчивалась горизонтальною галлереею, стѣны которой были снабжены довольно узкими нишами (loculi), гдѣ и помѣщались трупы покойниковъ. Часто подъ первою галлереею помѣющались параллельно ей еще вторая и третья, соединенныя между собою каменными лѣстницами. Различіе еврейскихъ loculi отъ христіанскихъ заключалось въ томъ, что въ первыхъ трупы клались параллельно галлереѣ, во вторыхъ же перпендикулярно къ ней. Обыкновенно отверстія этихъ нишъ наглухо замуравливались либо нѣсколькими небольшими камнями, либо, какъ это видно въ Vigna Randanini, одною большою плитою. Катакомбы Ранданини первоначально были снабжены довольно объемистымъ вестибюлемъ, который впослѣдствіи однако также былъ обращенъ въ усыпальницу. Въ нѣкоторыхъ римскихъ катакомбахъ имѣлись также отдѣльные склепы, по всей вѣроятности фамильные (т. наз. cubicula).

Въ упомянутыхъ катакомбахъ Vigna Randanini первоначальный вестибюль являетъ слѣды мозаичнаго пола и остатки стариннаго колодца. Тутъ же находятся остатки саркофага, носящаго на себѣ слѣды еврейскихъ символическихъ изображеній. Въ задней части усыпальницы сохранился второй саркофагъ, снабженный чисто языческими скульптурными изображеніями, указывающими на то, что здѣсь было похоронено тѣло молодой актрисы, равно какъ на то, что въ Римѣ евреи не слишкомъ строго придерживались исконнаго своего обычая — не прибѣгать къ изображеніямъ живыхъ существъ. Равнымъ образомъ и на сводахъ этого помѣщенія замѣтны остатки рисунковъ въ чисто языческомъ вкусѣ.

Эти катакомбы дали наибольшее количество эпиграфическаго матеріала. Интересно, что ни одинъ изъ труповъ не сохранился и лишь изрѣдка попадаются мелкія косточки. Объясняется это условіями почвы. Послѣ этихъ общихъ замѣчаній мы можемъ перейти къ содержанію самихъ надписей, чтобы извлечь изъ нихъ нужный намъ матеріалъ.

Трудно сказать что нибудь вполнѣ точное о времени происхожденія надгробныхъ надписей. Наиболѣе древнею плитою является, по всей вѣроятности, камень, носящій имя Клавдія Іосе и относимый де Росси (вслѣдствіе имени Клавдія и отлично исполненной надписи) ко времени императора Клавдія. Большинство же, какъ можно судить по даннымъ правописанія и палеографическимъ, относятся къ III и даже IV вѣку похристіанской эры. На весьма немногихъ камняхъ имѣются точныя даты (14 мая 330 или 25 апрѣля 502 г.). Что касается языка упомянутыхъ памятниковъ, то большинство ихъ (до ²/₃) составлены по гречески, остальные на латинскомъ языкѣ. Первая въ Италіи надгробная надпись, составленная цѣликомъ на еврейскомъ языкѣ, относится къ 1154 году. Если, какъ мы говорили уже выше, Marucchi и нашелъ остатки нѣсколькихъ еврейскихъ буквъ, изъ которыхъ не безъ извѣстной натяжки составилъ еврейскую формулу שלום אמן, то рядомъ съ этимъ на тѣхъ же камняхъ имѣются и греческія буквы. Орѳографія и языкъ надписей крайне испорчены. Одна надпись составлена параллельно по гречески и по латыни, другія составлены на латинскомъ языкѣ, написанномъ греческими буквами. Часто оба языка или буквы надписи перемѣшаны между собою.

Что мы имѣемъ въ данномъ случаѣ дѣло дѣйствительно съ еврейскими могилами, а не съ христіанскими, это наилучшимъ образомъ доказывается тѣми символическими изображеніями, которыя встрѣчаются на многихъ плитахъ. Такъ, напр., особенно часто встрѣчается изображеніе священнаго семисвѣчника (41 разъ), а также лулаба, эсрога, Кивота завѣта, трубы, вазъ, листьевъ плюща, корзинъ съ плодами. Есть камни, снабженные рисунками коровы съ теленкомъ или одного теленка, головы барана, куръ и пѣтуховъ. Въ этомъ очевидно заключается указаніе на жертвенныхъ животныхъ. На одной надписи мы видимъ рядъ свитковъ Торы въ кивотѣ, на другой—фигуру первосвященника съ свиткомъ Завѣта, на третьей, наконецъ, льва рядомъ съ раскрытою рукописью Пятикнижія. Пальмовыя вѣтви также нерѣдко встрѣчаются на указанныхъ плитахъ.

Содержаніе надписей, за весьма немногими исключеніями, крайне однообразно и какъ бы застыло въ опредѣленныхъ формулахъ. На греческихъ постоянно повторяются

слова ἔνθαδε (ὧδε) κεῖται. Затѣмъ слѣдуетъ имя, иногда возрастъ покойника и почти всегда имя того, кто воздвигъ памятникъ усопшему, который при этомъ снабжается какимъ либо хвалебнымъ эпитетомъ. Наконецъ приводится однообразное заключительное пожеланіе: ἐν εἰρήνῃ ἡ κοίμησις (κοίτη) σοῦ (Миръ праху твоему). Текстъ латинскихъ надписей гораздо проще и въ громадномъ большинствѣ случаевъ ограничивается именемъ и датою возраста покойника [1]. Интересно также то, что на памятникахъ встрѣчаются формулы, живо напоминающія языческую древность, вродѣ hic Mamibus nemo immortalis, равно какъ и то, что снабженныя датами о смерти покойника надписи цитируютъ эти даты всегда по „римскому“ календарю, причемъ только одна изъ нихъ принимаетъ также во вниманіе и „еврейское“ счисленіе, указывая, что въ день смерти было новолуніе.

Очень цѣнный матеріалъ представляютъ надписи въ смыслѣ установленія соціальнаго положенія покойниковъ, ихъ занятій, образа жизни, а также отношеній къ еврейской общинѣ или римскимъ патронамъ. Сохранилось также нѣсколько указаній на то, что усопшій или усопшая не были природными евреями города Рима, но прибыли туда изъ разныхъ другихъ мѣстъ.

Д-ръ Берлинеръ [2] впервые перевелъ всѣ надписи на нѣмецкій языкъ, расположивъ ихъ, сообразно содержанію, въ извѣстномъ порядкѣ. Однако, въ его перечнѣ и переводахъ вкралось много неточностей. Все-таки сведенный имъ матеріалъ представляется крайне цѣннымъ и даетъ возможность установить рядъ фактовъ, характеризующихъ жизнь еврейскихъ общинъ въ древнемъ Римѣ.

Какъ мы уже знаемъ, первоначальнымъ мѣстомъ поселенія римскихъ евреевъ былъ кварталъ Trastevere, гдѣ вплоть до II вѣка по Р. Хр. жило большинство ихъ. До XVII столѣтія мѣстность, прилегавшая тамъ къ Porta Portese, носила названіе campo giudaico, что несомнѣнно указываетъ на значительность тамъ еврейскаго населенія. Постепенно однако римскіе евреи перешли и въ другія части

---

[1] Замѣчательно, что большинство латинскихъ надписей указываетъ на покойниковъ прозелитовъ. Срв. Vogelsteiin.-Rieger c. I, p. 75.

[2] Berliner, l. c. I, p. 72—92.

города или, правильнѣе, въ другія предмѣстья: при Домиціанѣ находимъ множество ихъ вблизи Porta Capena у Аппіевой дороги; часть Марсова поля, лежавшаго противъ Trastevere, также была занята ими, равно какъ и т. наз. Suburra, вплоть до Эсквилина. Разбросанность еврейскихъ жилищъ повела къ основанію нѣсколькихъ молитвенныхъ домовъ и образованію соотвѣтственнаго числа общинъ, носившихъ названіе синагогъ, тогда какъ молитвенные дома назывались просевхами (προσευχή). Впрочемъ, нельзя утверждать, чтобы дѣленіе на общины производилось очень точно: какъ видно изъ разныхъ надписей, многія лица одновременно числились членами нѣсколькихъ общинъ, очевидно занимая въ нихъ почетныя должности. Сколько общинъ въ какое время самостоятельно существовали рядомъ,—это въ настоящее время опредѣлить невозможно. Сохранились свѣдѣнія о существованіи общинъ августовской, агрипповой, кампезійской, субурской, каркарезской, родосской, еврейской (самаританской), элейской, волумніевой и северовской. О внутреннемъ устройствѣ еврейскихъ общинъ города Рима надписи сообщаютъ довольно подробныя свѣдѣнія. Устройство обусловливалось отчасти греческими, отчасти римскими вліяніями. Управленіе дѣлами общины возлагалось на архонтовъ (евр. פרנס и נבאי), которые распредѣляли между собою завѣдываніе различными отраслями управленія. О числѣ архонтовъ извѣстій не сохранилось. Мы знаемъ, что предсѣдательствованіе въ ихъ коллегіи принадлежало такъ называемому герусіарху. Быть-можетъ, архонты поочередно занимали эту почетную должность. Внѣ коллегіи архонтовъ стоялъ архисинагогъ (archisynagogus), функціи котораго соотвѣтствовали ראש הכנסת Мишны. Въ то время, какъ компетенціи коллегіи архонтовъ подлежали богоугодныя заведенія, призрѣніе бѣдныхъ, похоронное дѣло общины, архисинагогъ вѣдалъ скорѣе духовные интересы общины. Такъ, напр., на его обязанности лежало произнесеніе субботнихъ проповѣдей, разрѣшеніе различныхъ ритуально-правовыхъ недоразумѣній и т. п. Однимъ изъ его помощниковъ являлся ὑπηρέτης соотвѣтствовавшій общинному חזן הכנסת. Defensor или προστάτης общины вѣдалъ огражденіе внѣшнихъ правовыхъ интересовъ ея членовъ.

Рядомъ съ этимъ въ надписяхъ упоминаются „отцы“ и „матери“ синагогъ. Какъ видно изъ послѣдняго термина, это были титулы, связанные съ почетными должностями, тѣмъ болѣе, что нерѣдки случаи, когда это званіе давалось нѣсколькими общинами одному и тому же лицу одновременно. Очевидно, званіе это давалось особенно заслуженнымъ дѣятелямъ и дѣятельницамъ въ дѣлѣ призрѣнія бѣдныхъ.

Мѣстами встрѣчается на надписяхъ названіе ἱερεύς. Оно отнюдь не означаетъ духовнаго сана, а только указываетъ на происхожденіе соотвѣтствующаго лица отъ Аарона. Что значитъ имя μουνα и возможно ли его привести въ связь съ еврейскимъ ממונה, до сихъ поръ остается невыясненнымъ, тѣмъ болѣе, что оно встрѣчается на одной только надписи и представляетъ, быть можетъ, искаженіе [1].

Первоначально выборы на всѣ упомянутыя должности, считавшіяся почетными и, конечно, безвозмездными, производились ежегодно, въ сентябрѣ. Но затѣмъ замѣчается стремленіе къ сохраненію должностей за однимъ и тѣмъ же лицомъ или представителемъ хотя бы той же семьи въ теченіе болѣе продолжительнаго времени и даже пожизненно (на это указываютъ встрѣчающіеся на надписяхъ термины δια Βιου впослѣдствіи исказившіеся въ ζάβιος, διάβιος, iabius и dia viv). На двухъ плитахъ сохранились эпитеты μελλάρχων ἄρχων νήπιος въ приложеніи къ рано умершимъ, въ отроческомъ возрастѣ, сыновьямъ архонтовъ. Даже титуломъ архисинагога пользовались, правда, въ позднѣйшее время, дѣти и *женщины*. О возрастѣ, который требовался для занятій той или иной общественной должности, мы не знаемъ ничего положительнаго.

Всѣ указанныя должности относились, такъ сказать, къ области административной. Духовнымъ представителемъ общины, помимо архисинагога, являлся еще рядъ лицъ, изъ которыхъ надписи упоминаютъ о слѣдующихъ:

νομομαθής или μαθητής σοφῶν вполнѣ соотвѣтствовалъ ученому талмудисту (תלמיד חכם). На одной латинской надписи законовѣдъ обозначенъ именемъ sapidus, вмѣсто sapiens. Рядомъ съ этимъ находимъ терминъ γραμματεύς, буквально соотвѣт-

[1] Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что римскіе евреи обладали весьма слабыми познаніями въ еврейскомъ языкѣ и всегда обозначали должности греческими терминами.

ствующій еврейскому סופר. Это, по всей вѣроятности, необходимые въ каждой еврейской общинѣ специалисты-писцы, составлявшіе различные документы по законамъ установленной формѣ и иногда служившіе секретарями, заносившими въ протоколъ рѣшенія совѣта общинныхъ архонтовъ. Несомнѣнно, что должности этихъ соферовъ нерѣдко были наслѣдственными. На одной надписи дѣдъ называется γραμματεύς, на другой, относящейся къ ней же, внукъ его фигурируетъ въ качествѣ γραμματεύς νήπιος. Встрѣчаются также дѣти, μελλογραμματεῖς, очевидно такія, которыя съ раннихъ лѣтъ обучались искусству писать, чтобы впослѣдствіи занять должности писцовъ.

Кромѣ синагогъ, въ Римѣ издавна существовала академія (основаніе ея, какъ мы видѣли выше, связывается съ именемъ ученаго Маттіи б. Хереша), спеціальное судилище, разбиравшее споры и тяжбы членовъ еврейскихъ общинъ и признанное вполнѣ законнымъ даже въ самой Іудеѣ (Sanhedr., f. 32в), а также общественная баня (миква), какъ можно судить по нѣкоторымъ талмудическимъ указаніямъ (Tosephta Nidda, 7, 1; тракт. Nidda, 58а). Къ числу общинныхъ учрежденій слѣдуетъ отнести также кладбища, памятники которыхъ даютъ намъ такое множество цѣнныхъ указаній относительно быта евреевъ древняго Рима.

Перейдемъ теперь къ даннымъ относительно семейнаго быта послѣднихъ. Здѣсь намъ нѣкоторую услугу окажутъ попутныя свѣдѣнія, находимыя у римскихъ и греческихъ писателей, т. е. вторая категорія вышупомянутыхъ источниковъ.

Простой образъ жизни римскихъ евреевъ пріятно контрастируетъ съ роскошью и расточительностью римлянъ особенно императорскаго періода. Умѣренность въ пищѣ и питьѣ, трудолюбіе, трезвость, расположеніе къ благотворительности и миролюбіе составляютъ отличительную черту ихъ [1], что тѣмъ болѣе бросается въ глаза, что жившіе въ Римѣ потомки Ирода и особенно Агриппа I выдавались какъ разъ противуположными качествами. Семейная жизнь евреевъ отличалась чрезвычайною чистотою, что подтверждается даже Тацитомъ (Hist. V, 5), котораго по меньшей мѣрѣ нельзя

[1] Срв. Martial. VII, 35, 55. Ioseph. c. Apion. II, 39 и Mart. IV, 4, 7.

упрекнуть въ расположеніи къ евреямъ [1]. Отношенія между супругами, дѣтьми и родителями были самыми любовными. Рѣдко въ надгробныхъ надписяхъ мы не находимъ какого либо любвеобильнаго отзыва о почившихъ. Нерѣдко благочестивая, непорочная жизнь покойника служитъ предметомъ особаго восхваленія. Очень характерно для опредѣленія склада семейной жизни привиллегированное положеніе женщинъ. На это указываетъ не рѣдко повторяющійся на надписяхъ почетный титулъ „мать синагоги“. Это въ значительной степени зависѣло отъ констатированнаго памятниками обычая весьма рано (на 15 году жизни) выдавать дочерей замужъ. Тѣ же памятники указываютъ и на то, что рѣдко вдовы не выходили вторично замужъ. Большую роль въ этомъ отношеніи играло также строгое соблюденіе римскими евреями религіозныхъ предписаній, которое неоднократно вызывало императорскіе эдикты, благопріятные евреямъ и освобождавшіе ихъ отъ массы гражданскихъ обязанностей.

Если мы теперь перейдемъ къ соціальному положенію римскихъ евреевъ, то опять таки эти надписи дадутъ намъ нѣкоторыя указанія. Такъ, напримѣръ, нѣкій Александръ обозначается рѣзникомъ, Эвлогій—художникомъ. Эмблемы на вышеупомянутомъ, найденномъ въ Vigna Randanini саркофагѣ Фаустины, указываютъ на то, что нѣкоторыя еврейки были актрисами. Изъ Флавія Іосифа и другихъ источниковъ намъ извѣстно, что при дворѣ Поппеи, вообще потворствовавшей евреямъ, пользовался большими симпатіями еврейскій актеръ Alityrus. Большинство римскихъ евреевъ занималось торговлею въ различныхъ видахъ. Многіе, особенно болѣе богатые, были банкирами, но масса ограничивалась торговлею мелочною и разносною, какъ можно судить по сатирамъ Ювенала (III, 14; VI, 542). Рядомъ съ этимъ у нихъ процвѣтали ремесла, портняжное и ткацкое. Несомнѣнно, среди евреевъ было не мало художниковъ, что слѣдуетъ приписать могучему воздѣйствію римско-эллинской культуры. Въ этомъ отношеніи оправдывается изреченіе Luz-

[1] Съ этимъ, повидимому, не вяжется сообщеніе Овидія (Ars amandi I. 75). Но рѣдкія исключенія только подтверждаютъ правило. Срв. Mart. XI, 94.

zatto (Il Giudaismo illustrato, p. 29), что „итальянскіе евреи были всегда ортодоксальны и въ то же время просвѣщенны“. Помимо указанныхъ нами выше фресокъ въ гробницахъ и лѣпной работы саркофаговъ, здѣсь можно упомянуть о такъ называемыхъ золотыхъ бокалахъ, нерѣдко находимыхъ въ еврейскихъ (но также и въ христіанскихъ катакомбахъ). Эти стеклянные сосуды, назначеніе которыхъ до сихъ поръ въ точности не установлено, были украшены расписанными золотомъ всевозможными изображеніями птицъ, животныхъ и растеній. Дно этихъ сосудовъ всегда двойное, надписи на нихъ обязательно латинскія, исполнены латинскимъ же шрифтомъ, а постоянно возвращающаяся формула PIE ZESES заставляетъ предположить, что этими стаканами пользовались во время похоронныхъ пиршествъ.

Заговоривъ объ искусствѣ, процвѣтавшемъ среди римскихъ евреевъ, нельзя не упомянуть также о томъ, что между ними имѣлись присяжные поэты. Судя по сообщенію Марціала (XI, 94), это были не всегда особенно симпатичные люди. Само собою разумѣется, что условія жизни большого города содѣйствовали возникновенію всякаго рода непривлекательныхъ типовъ, естественно, встрѣчавшихся также среди евреевъ. Сюда на первомъ планѣ слѣдуетъ отнести цѣлый рядъ евреекъ-гадальщицъ и истолковательницъ сновидѣній. Пользуясь тѣмъ ореоломъ таинственности, который окружалъ въ то время въ глазахъ римлянъ іудаизмъ, какъ одну изъ религій загадочно привлекательнаго Востока, нѣкоторыя еврейки рѣшились на подобный печальный заработокъ куска насущнаго хлѣба.

Это только доказываетъ то въ общемъ довольно плачевное экономическое положеніе, въ которомъ находились тогдашніе римскіе евреи и которое побуждало ихъ посвящать себя подобнымъ предосудительнымъ профессіямъ. Другое доказательство сравнительной бѣдности еврейскихъ общинъ временъ имперіи усматриваемъ также въ томъ обстоятельствѣ, что въ Римѣ всегда было много рабовъ-евреевъ.

На основаніи собственныхъ именъ, упоминаемыхъ въ надписяхъ, можно заключить: 1) что евреи пользовались и въ Римѣ, какъ въ то время почти повсемѣстно, чаще всего греческимъ и лишь изрѣдка латинскимъ языкомъ, и 2) что въ составъ еврейскихъ общинъ несомнѣнно входило мно-

жество прозелитовъ. Римляне всегда отличались склонностью къ принятію иноземныхъ культовъ. Особенно должно было сказаться это стремленіе въ эпоху императоровъ, когда древне-римская религія почти совершенно утратила всякое обаяніе, а притѣсненія со стороны властителей и ихъ клевретовъ поневолѣ направляли вниманіе римлянъ на личную свою жизнь, послѣ того какъ участіе ихъ въ общественныхъ и правительственныхъ дѣлахъ фактически прекратилось. Этимъ объясняется громадный успѣхъ недавно введеннаго въ Римѣ культа египетской Изиды и другихъ восточныхъ божествъ. Несомнѣнно, еврейскіе и вскорѣ затѣмъ христіанскіе монотеисты, столь рѣзко выдѣлявшіеся среди прочаго населенія чистотою своихъ нравовъ и возвышенностью своихъ помысловъ, не могли не обратить на себя вниманія этого населенія. Первый примѣръ богоугодной жизни, вызывавшей къ подражанію, подали конечно рабы. Какъ видно изъ сообщенія Флавія Іосифа (contra Apion. II, 39), многіе римляне II вѣка строго соблюдали празднованіе субботы, постные дни и даже многіе ритуальные законы о пищѣ. Философъ Сенека находилъ поводъ жаловаться на то, что „обычаи этого противнаго народа (евреевъ) оказались настолько всесильными, что введены во всѣхъ странахъ; они, побѣжденные, дали побѣдителямъ законы“ [1]. Конечно, въ этой склонности римлянъ къ еврейству дѣло не обходилось безъ нѣкоторой пропаганды со стороны евреевъ. Прозелиты дѣлились на два разряда: גרי השער, metuentes deum, и גרי הצדק т. е. всецѣло примкнувшихъ къ іудаизму, подвергшихся обряду обрѣзанія и платившихъ вышеупомянутый налогъ въ пользу fiscus judaicus. Ювеналъ художественно рисуетъ въ своей XIV сатирѣ процессъ отпаденія римлянина отъ древне-языческой религіи и переходъ его въ еврейство. Быть можетъ, что и геройская защита Іерусалима въ 70 г. способствовала усиленію симпатій римлянъ къ евреямъ. Интересно и то, что надгробныя надписи приводятъ цѣлый рядъ именъ римскихъ матронъ, принявшихъ еврейство [2], причемъ такія женщины присоединяли къ своему первоначальному имени еще имя библейское. Впрочемъ,

---

[1] Seneca, de Superstitione у Августина Civ. Dei, VI, 11.

[2] Срв. Vogelstein-Rieger, l. c. I, p. 74—75.

слѣдуетъ обратить вниманіе также на то обстоятельство, что множество прозелитовъ впослѣдствіи примкнуло къ христіанству, такъ что пребываніе ихъ въ еврействѣ оказывалось лишь временнымъ этапнымъ пунктомъ. При всемъ этомъ крайне странно, что римляне имѣли довольно смутныя представленія о религіи, обычаяхъ и исторіи евреевъ. Конечно, трудно судить объ этомъ по тѣмъ немногимъ указаніямъ, которыя мы находимъ у римскихъ писателей и которыя сплошь и рядомъ сознательно искажены (напр., у сатириковъ Ювенала и Горація и эпиграмматика Марціала). Во всякомъ случаѣ данныя эти настолько интересны, что мы не можемъ не остановиться на нихъ [1].

Ювеналъ (XIV, 102 и слѣд.) упрекаетъ евреевъ въ нетерпимости къ иновѣрцамъ. Плиній (Natur. hist. XIII, 46) приписываетъ имъ неуваженіе къ Божеству. Насколько, впрочемъ, послѣдній освѣдомленъ о сущности іудаизма, видно изъ того, что онъ выводитъ религію маговъ изъ еврейскаго вѣроученія (XXX, 11) и увѣряетъ, будто евреямъ дозволено употреблять въ пищу исключительно рыбъ безъ чешуи [2]. Тацитъ упрекаетъ евреевъ въ отсутствіи патріотизма (Hist. V, 5). Персій сообщаетъ о „дняхъ Ирода", когда окна еврейскихъ домовъ озарены свѣчами (Satir. V, 5, 183); очевидно, онъ имѣетъ здѣсь въ виду праздникъ Ханука, но впадаетъ въ ошибку, подобную той, какую мы замѣчаемъ у Светонія (August. 76) и Трога Помпея (36, 2, 14), полагающихъ, будто бы евреи постятся каждую субботу. Навѣрное, цитированные авторы знали о постныхъ дняхъ евреевъ (Іомъ Киппуръ, 9 аба и т. п.) и обобщили эти данныя. Еврейскія ритуальныя предписанія были римлянамъ совершенно непонятны. По ихъ мнѣнію, употреблять въ пищу свинину воспрещено евреямъ оттого, что они воздавали божескія почести свиньямъ (срв. Плутархъ, Sympos. IV, 5). Тацитъ объясняетъ это запрещеніе боязнью заболѣть проказою послѣ употребленія свинины. Страбонъ (Geogr. XVI, 2, 35—37) глубоко убѣжденъ, что лишь основа іудаизма, монотеистическое начало еврейской религіи, сообщено Моисеемъ, тогда какъ всѣ ритуальныя предписанія являются

[1] Срв. *Hild* l. c. въ Revue des Etudes juives, VIII, I и слѣд.
[2] Въ противность предписаніямъ кн. Лев. 11, 9 и Второз. 14, 9.

дополненіями значительно позднѣйшаго времени. Квинтиліанъ же (instit. orat. III, 7, 21) считаетъ Моисея однимъ изъ родоначальниковъ всѣхъ золъ на землѣ. Къ сожалѣнію, рамки настоящаго очерка не позволяютъ намъ дольше остановиться на интересномъ вопросѣ о взглядахъ интеллигентнѣйшихъ представителей классической древности на происхожденіе и сущность еврейской религіи. Характерный въ этомъ отношеніи матеріалъ мы имѣемъ въ отповѣди Флавія Іосифа Апіону.

Не менѣе конечно интересенъ вопросъ о томъ, какого взгляда держались евреи на Римъ [1]. Талмудическіе трактаты полны различныхъ легендъ о возникновеніи, постепенномъ ростѣ и усиленіи Рима. Несмотря на то, что римляне неоднократно подавали евреямъ поводъ относиться къ нимъ весьма недоброжелательно, тѣмъ не менѣе почти нигдѣ не замѣтно слѣдовъ столь естественной ненависти евреевъ къ ихъ угнетателямъ. Напротивъ, скорѣе можно констатировать преклоненіе предъ величіемъ могущественнаго города. (Срв., напр. изреченіе р. Іошуи б. Леви, жившаго въ „вѣчномъ городѣ": „Если тебя спросятъ: Гдѣ Богъ твой? отвѣчай: Въ великомъ градѣ Римѣ, ибо сказано въ Писаніи (Исаія, XXII, 11): „Отъ Сеира взываетъ Господь мой" (Талмудъ іерушалми, Таанитъ, 64, 10).

Если иногда въ сердцѣ того или иного еврея и возникала ненависть къ Риму, угнетателю вселенной, то онъ все-таки мирился съ этимъ, считаясь съ наличностью этого неизбѣжнаго зла во всемірной исторіи. Пророчество Исаіи (I, 24) указывало на возможность избавленія отъ тяжкихъ гоненій и предвѣщало близость мессіанскаго царства. По истолкованію р. Іосе, Римъ былъ избранъ Господомъ Богомъ для того, чтобы карать Израиля за несоблюденіе имъ постановленій закона и требованій вѣры (Midr. rab. Beresch. 67). Лучшимъ доказательствомъ незлобивости евреевъ относительно римлянъ могутъ служить многочисленныя преданія о совѣщаніяхъ и тѣсномъ научномъ общеніи разныхъ римскихъ императоровъ съ еврейскими законовѣдами. По сообщенію талмудическаго трактата Гиттинъ, л. 57, императоръ Неронъ будто бы принялъ еврейство и однимъ изъ

[1] См. нашу статью въ „Восходѣ", „Римъ въ Талмудѣ и Мидрашѣ".

его потомковъ былъ знаменитый таннай р. Меиръ, нѣкоторое время, дѣйствительно, проведшій въ Римѣ.

III.

ЕВРЕЙСКІЕ ПИСАТЕЛИ ВЪ ДРЕВНЕМЪ РИМѢ.

Дѣятельность еврейскихъ писателей, жившихъ въ древнемъ Римѣ, мало освѣтитъ намъ состояніе умственныхъ интересовъ общинъ въ тотъ или другой періодъ, потому что писатели эти занимали совершенно обособленное положеніе. Ихъ за слишкомъ 450 лѣтъ было всего пять, причемъ природныхъ римскихъ евреевъ только двое, а можетъ быть и одинъ, имя котораго, къ сожалѣнію, не сохранилось. Три остальныхъ, Цецилій Калактійскій явился въ Римъ изъ Сициліи, Флавій Іосифъ и Маттія б. Херешъ изъ Іудеи. Всѣхъ этихъ писателей можно раздѣлить на двѣ группы: къ одной принадлежатъ представители римско-греческой письменности, къ другой— спеціально еврейско-талмудической. Связующимъ между обѣими группами звеномъ служитъ личность историка Флавія Іосифа, произведенія котораго въ одинаковой мѣрѣ относятся какъ къ греческой, такъ и къ еврейской литературѣ.

Первый по времени еврейскій писатель въ Римѣ былъ риторъ *Цецилій* изъ сицилійскаго города Калакты. Первоначальное имя его было Архагаѳонъ, названіе же Цецилія онъ принялъ впослѣдствіи, когда получилъ свободу, потому что родился рабомъ и нѣсколько лѣтъ пробылъ въ рабствѣ. Прибывъ въ Римъ, молодой вольноотпущенникъ занялся, вѣроятно подъ руководствомъ знаменитаго Аполлодора, изученіемъ риторики и близко сдружился съ извѣстнымъ Діонисіемъ Галикарнасскимъ, который въ теченіе 24 лѣтъ (30—7 до Р. Хр.) жилъ въ Римѣ. Лексикографъ Свида особенно подчеркиваетъ принадлежность Цецилія къ еврейству, хотя и остается открытымъ вопросъ, родился ли Цецилій евреемъ или сталъ таковымъ впослѣдствіи. Въ пользу однако еврейскаго происхожденія Цецилія говоритъ его близкое знакомство съ содержаніемъ библейскихъ книгъ. Литературная дѣятельность его была одинаково плодотворною, какъ и разностороннею, но по капризу судьбы до насъ не дошло ни одного изъ его многочисленныхъ сочиненій и все, что отъ него сохранилось, сводится къ нѣсколькимъ скуднымъ

отрывкамъ, случайно цитированнымъ разными писателями [1]. Однако даже по этимъ ничтожнымъ отрывкамъ можно судить объ огромномъ значеніи Цецилія, особенно въ области риторики.

Чтобы оцѣнить здѣсь роль Цецилія, слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что въ теченіе многихъ вѣковъ въ греческой риторикѣ властвовало т. наз. азіанское направленіе, сущность котораго заключалась въ громкихъ фразахъ и звучномъ паѳосѣ. Къ концу перваго дохристіанскаго вѣка проложило себѣ путь новое, т. наз. аттическое направленіе, ставившее себѣ цѣлью подражать величайшимъ образцамъ аттическаго краснорѣчія и стремившееся главнымъ образомъ къ сжатости формы при возможно большей полнотѣ содержанія. Такія лица, какъ Аполлодоръ, Тимагенъ, Гермагоръ жили въ ту пору въ Римѣ и являлись страстными поборниками аттическаго направленія. Они имѣли такой успѣхъ, что ихъ стремленія отразились всецѣло на римской литературѣ того времени. Наиболѣе выдающимися представителями аттицизма явились Діонисій Галикарнасскій и Цецилій изъ Калакты, причемъ наиболѣе живымъ, энергичнымъ и несомнѣнно болѣе ученымъ былъ послѣдній. Огромная заслуга его заключается въ томъ, что онъ примѣнилъ теоретическую часть аттицизма на практикѣ къ области эстетической критики, причемъ съ этимъ неразрывно была связана детальная филологическая разработка шедевровъ греческой словесности. Онъ, подъ вліяніемъ своего друга, Діонисія Галикарнасскаго, впервые рѣшился выступить съ опытомъ „критической характеристики десяти выдающихся ораторовъ". Тутъ не только разбирались построеніе и характерныя особенности каждой рѣчи, но, что гораздо важнѣе, устанавливалась подлинность самихъ рѣчей. Въ этомъ заключается особенно крупное значеніе труда Цецилія. Не менѣе цѣннымъ вкладомъ въ литературу является его параллельная оцѣнка краснорѣчія Демосѳена и Эсхина, равно какъ сопоставленіе творчества Демосѳена съ дѣятельностью Цицерона. Четвертое, небольшое сочиненіе Цецилій посвятилъ сравненію слога Лисія съ Платономъ.

---

[1] Срв. *Müller*, Fragment. hist. graec. III, 330—333 и *Th. Burckhardt*. Caecilii rhetoris fragmenta, Basel, 1863.

Какъ показываетъ предпослѣднее изъ только что названныхъ изслѣдованій Цецилія, онъ не побрезгалъ основательно изучить латинскій языкъ и его литературу, чтобы составить себѣ ясное самостоятельное представленіе о Цицеронѣ и его слогѣ. То обстоятельство, что сочиненія Цецилія вызвали среди риторовъ оживленную полемику, во всякомъ случаѣ доказываетъ ихъ содержательность и цѣнность. Тѣмъ болѣе мы должны сожалѣть объ ихъ утратѣ. Кромѣ этихъ критическихъ изслѣдованій, Цецилій, какъ извѣстно изъ сочиненія другого автора (Photius cod. 259), написалъ также риторико-философскій трактакъ „О возвышенномъ".

Заслуга Цецилія въ томъ, что онъ былъ первымъ, сдѣлавшимъ „возвышенное" предметомъ эстетическаго изслѣдованія. Перу нашего автора принадлежали также „лексиконъ" и два изслѣдованія „о различіи аттическаго и азіаническаго краснорѣчія" и „противъ Фригійцевъ". Послѣднія сочиненія носили несомнѣнно полемическій характеръ.

Рядомъ съ занятіями филологическими и риторическими, Цецилій посвятилъ свои силы также изслѣдованіямъ въ области исторіи. Къ этому побудила его между прочимъ необходимость выясненія біографическихъ данныхъ относительно тѣхъ десяти классическихъ ораторовъ, которымъ онъ посвятилъ особое сочиненіе. Перу Цецилія принадлежитъ также изслѣдованіе „объ Исторіи" и „Повѣствованіе о войнахъ рабовъ". Годъ смерти Цецилія неизвѣстенъ.

Въ теченіе цѣлаго почти столѣтія нѣтъ указаній на какихъ либо еврейскихъ писателей въ Римѣ. Затѣмъ, уже въ концѣ перваго похристіанскаго вѣка, появляется поэтъ, о которомъ упоминаетъ Марціалъ, не называя его, впрочемъ, по имени. Хотя поэтъ этотъ и родился въ Іудеѣ, однако онъ, по свидѣтельству крайне враждебно настроеннаго противъ него эпиграмматика, мастерски владѣлъ латинскою рѣчью, подвергалъ осмѣянію произведенія тогдашнихъ поэтовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ будто бы не гнушался плагіатовъ. Изъ всего этого, крайне сомнительнаго сообщенія, важенъ лишь тотъ выводъ, что среди римскихъ евреевъ находились въ то время выдающіеся знатоки латинскаго языка. Что греческая рѣчь не было чужда имъ, мы уже имѣли не разъ случай видѣть, особенно во второй главѣ настоящаго очерка. Наиболѣе нагляднымъ же тому доказательствомъ, помимо Цецилія

Калактійскаго, служитъ крупная фигура Флавія Іосифа, который послѣ 70 года жилъ, какъ извѣстно, въ Римѣ, гдѣ и написалъ свои знаменитыя произведенія „Іудейская война", „Іудейскія Древности", „Возраженіе противъ Апіона" и „Автобіографію". Личность талантливаго историка настолько извѣстна, что мы не считаемъ нужнымъ останавливаться здѣсь на ней. Тутъ слѣдуетъ лишь коснуться одного на нашъ взглядъ крайне важнаго обстоятельства, а именно, что грамматикъ Епафродитъ, которому Флавій посвятилъ всѣ свои сочиненія и съ которымъ историкъ былъ связанъ узами тѣсной дружбы, быть можетъ, былъ еврейскимъ прозелитомъ [1].

Второй вѣкъ христіанской эры не ознаменовался никакими выдающимися произведеніями римскихъ писателей-евреевъ. Все то немногое, что было ими въ этомъ отношеніи сдѣлано, относится къ области талмудической галахи. Въ эпоху императора Адріана выдѣлялся среди римскихъ евреевъ *Ѳеудасъ*, человѣкъ, отличавшійся, видимо, зажиточностью и во всякомъ случаѣ обладавшій отзывчивымъ и добрымъ сердцемъ, такъ какъ онъ оказывалъ значительную матеріальную поддержку палестинскимъ академіямъ и ихъ наставникамъ [2]. Ѳеудасъ былъ, вѣроятно, самъ выдающимся законовѣдомъ. Такъ, по свидѣтельству Талмуда [3], онъ ввелъ въ римской общинѣ обычай съѣдать въ пасхальную вечерю цѣлаго пасхальнаго ягненка. Такъ какъ преданіе сохранило одну изъ сказанныхъ имъ проповѣдей, то весьма вѣроятно, что Ѳеудасъ занималъ должность архисинагога [4].

Гораздо болѣе видною личностью былъ прибывшій въ Римъ въ эпоху гоненій Адріана іудей *Маттія б. Херешъ*, основатель талмудической академіи и другъ знаменитаго р. Іошіи, ученика р. Измаила.

Что побудило р. Маттію б. Хереша покинуть Іудею и направиться въ Римъ, неизвѣстно. Быть можетъ, онъ стремился къ основанію въ различныхъ мѣстахъ академій, чтобы спасти еврейство отъ той окончательной гибели, которою грозили ему жестокіе эдикты и гоненія императора Адріана [5]. Маттіи

---

[1] Срв. *Vogelstein-Rieger* l. c. I, p. 108.
[2] Іерус. талм., Моэдъ Катонъ 81, 27.
[3] Pesah. 53; Berakh. 19, Beza 23.
[4] Midr. Tehill. 28, Pesah. 53-*b*.
[5] Срв. *Vogelstein-Rieger*, l. c. I, p. III.

принадлежитъ заслуга устройства въ Римѣ еврейскаго судилища и нормировки различныхъ положеній о бракоразводѣ. Въ его крайне ригористическомъ отношеніи къ святости брака сказывается, быть можетъ, отзвукъ нѣкоторой распущенности нравовъ, проникшей въ серединѣ II вѣка, подъ вліяніемъ окружавшей среды, и къ римскимъ евреямъ [1]. О высокой гуманности этого танная свидѣтельствуютъ тѣ постановленія его о возможности нарушенія субботы, когда дѣло касалось больныхъ [2]. Наибольшее значеніе однако имѣютъ его труды въ области агадической. Позднѣйшія поколѣнія окружили личность выдающагося своею ученостью и добродѣтелью наставника цѣлымъ рядомъ легендъ [3].

Конецъ II, весь III и начало IV вѣка не ознаменовались появленіемъ какихъ либо выдающихся литературныхъ дѣятелей среди римскихъ евреевъ: неопредѣленность положенія, постоянныя смуты и общій характеръ крайне тревожнаго настроенія той эпохи отнюдь не способствовали плодотворной умственной работѣ. Заканчивался первый актъ великой трагедіи, именующейся исторіей человѣчества, и наступалъ періодъ нѣкотораго застоя и отдыха, въ теченіе котораго собирались новыя силы, для новыхъ условій жизни. Палъ Римъ языческій, чтобы уступить мѣсту нарождавшемуся Риму христіанскому.

Мы собственно пришли тутъ къ концу первой части нашей задачи. Будетъ умѣстно здѣсь дополнить и резюмировать тѣ данныя, съ которыми мы тутъ познакомились и которыя намъ пришлось собирать на пространствѣ почти пяти вѣковъ. Позволяемъ себѣ по этому поводу привести нѣкоторыя выдержки изъ перваго тома капитальнаго труда д-ра А. Берлинера Geschichte der Juden in Rom (pp. 93—104). Вотъ что пишетъ извѣстный ученый:

„Изъ мрака временъ выступаетъ еврейская община города Рима. Среди цѣлаго ряда всевозможныхъ языческихъ культовъ она собирается на молитву, въ которой прославляется единый—единичный Господь Богъ, и слушаетъ субботнія

[1] Jebam. 61-b.

[2] Joma, 84.

[3] Aboth de R. Nathan, 1; Joma, 53-b. Aboth, 4, 15; Sanhedr. 22-b; Meila 17-b и Jalkut Beresch. 161

проповѣди, въ которыхъ излагается сущность передающагося отъ отцовъ къ дѣтямъ, изъ рода въ родъ ученія. Единобожіе, исповѣдуемое евреями и ихъ строго-нравственный образъ жизни не остаются тайною. Многое проникаетъ въ низшіе слои населенія, многое въ высшіе круги Рима, создавая почитателей, приверженцевъ, даже прозелитовъ. Сами евреи находятъ въ своей вѣрѣ объединяющее ихъ начало, которое однако не препятстствуетъ имъ принимать участіе въ политической и общественной жизни Рима, поскольку это не возбраняется имъ ихъ собственными предписаніями или римскими законами. Оставаясь евреями, они стали въ то же время римлянами, стали римскими евреями. То, что составляло національную идею многихъ тысячъ единовѣрцевъ ихъ на прежней родинѣ и заставляло ихъ проливать кровь свою въ борьбѣ за нее, не воодушевляло евреевъ Рима. Поэтому послѣдніе никогда не рѣшались какимъ бы то ни было образомъ поддержать эту борьбу за національную идею. Они, напротивъ, упражнялись въ отрѣшеніи отъ этой идеи... Этимъ исполнялось все то, чего требовало римское общество отъ евреевъ. Римъ подавлялъ *Іудею*, а не *іудеевъ*, *націю*, а не *религію*. Поэтому всѣ тѣ насильственныя мѣропріятія Рима противъ нихъ, о которыхъ повѣствуетъ исторія, за крайне незначительными исключеніями не касались евреевъ города Рима“.

Особое покровительство, оказываемое римскимъ евреямъ со стороны правительства, находитъ себѣ яркое выраженіе въ тѣхъ привиллегіяхъ и преимуществахъ, которыя были даруемы имъ въ теченіе извѣстнаго періода времени. Объ этомъ мы, впрочемъ, уже говорили. Упомянемъ здѣсь лишь о *собственной юрисдикціи*, которою пользовались евреи города Рима наравнѣ съ прочими своими единовѣрцами, подвластными императорамъ... Собственная *юрисдикція* побуждала къ изученію *еврейскаго* права, возникшаго въ Палестинѣ, и нерѣдко побуждала къ сравненіямъ съ положеніями права *римскаго*. Послѣднее пользовалось извѣстностью и въ Палестинѣ, такъ что неизбѣжно различные техническіе термины римскаго права должны были проникнуть въ область права талмудическаго. Именно собственная юрисдикція болѣе всего, вѣроятно, способствовала поддержанію взаимныхъ отношеній между палестинскими и римскими евреями...

Особенно же способствовала „столица міра“ торговымъ начинаніямъ, сперва хотя бы и незначительнымъ, со стороны римскихъ евреевъ. Послѣдніе поставили себѣ задачею удовлетворять первѣйшимъ потребностямъ обыденной жизни и затѣмъ понемногу перешли къ торговлѣ тѣми рѣдкими восточными произведеніями, на которыя развился столь большой спросъ на Западѣ. Ростъ коммиссіонныхъ сдѣлокъ открылъ евреямъ доступъ къ болѣе крупнымъ торговымъ предпріятіямъ и даже правительственнымъ поставкамъ... Мы выше уже отмѣтили, что даже въ тѣ времена, когда въ литературѣ замѣчалось враждебное къ евреямъ настроеніе, имъ ни разу не было сдѣлано упрека въ недобросовѣстности въ торговыхъ дѣлахъ... Изъ различныхъ отзывовъ нѣкоторыхъ римскихъ писателей о правахъ евреевъ отнюдь нельзя вывести заключеніе, будто бы разные классы римскаго общества чувствовали крайнюю антипатію къ евреямъ. Напротивъ, въ нашемъ распоряженіи достаточно свидѣтельствъ въ пользу того душевнаго расположенія, которымъ пользовались при дворѣ и среди римскаго народа нѣкоторые или даже всѣ еврейскіе обычаи... То, что называлось въ Римѣ vita judaica, было по меньшей мѣрѣ признаніе святости субботы и признаніе еврейской нравственности. „*Богобоязненными*“, metuentes, σεβόμενοι, judaei improfessi и т. п. назывались тѣ римляне, которые, не подвергшись обрѣзанію, въ большей или меньшей мѣрѣ приняли еврейскіе обычаи. Конечно, не всѣ изъ этихъ іудействовавшихъ римлянъ оставались въ лонѣ еврейства. Уже Флавій Іосифъ дѣлаетъ между ними извѣстныя различія, распредѣляя ихъ по группамъ. Для такихъ римлянъ еврейство было лишь путемъ къ принятію христіанства. Еврейское населеніе Рима въ древнѣйшее время несомнѣнно не состояло изъ палестинскихъ іудеевъ; таковые въ большомъ количествѣ прибыли въ Римъ, добровольно или въ качествѣ военноплѣнныхъ, непосредственно передъ и сейчасъ же послѣ катастрофы въ Іудеѣ. Древнѣйшими составными частями еврейскихъ общинъ Рима были несомнѣнно евреи греческіе, пришельцы изъ Малой Азіи, Александріи или острововъ Архипелага. И по направленію своему они принадлежали къ такъ называемымъ эллинистамъ, и ихъ богослуженіе и проповѣди происходили на греческомъ языкѣ. Этимъ объясняется и то обстоятельство, что одна римская синагога именовалась *еврейскою*, ибо тутъ богослуженіе продолжало вестись на еврейскомъ языкѣ... Если же изъ эллинистическаго іудаизма развились христіанскіе догматы и понятія, пока наконецъ совершенно расцвѣтшее христіанство не вступило во владѣніе всѣмъ наслѣдіемъ, оставленнымъ ему эллинизмомъ, то средою, гдѣ произошла эта эволюція, нужно признать именно еврейско-эллинистическое населеніе города Рима. Послѣднее постепенно совершенно исчезаетъ, претворяясь въ христіанство. Подъ римскими евреями послѣдующей эпохи мы будемъ разумѣть уже евреевъ палестинскихъ, т. е. раввинистовъ.

Такимъ образомъ еврейство способствовало развитію христіанства... Язычникамъ указывался путь къ Господу Богу... Путь же къ любви къ Богу и къ ближнему былъ предначертанъ еврействомъ, притомъ въ значительной степени еврействомъ города Рима. Однако, остававшіеся вѣрными завѣтамъ прошлаго, сами представители этой религіи не встрѣтили любовнаго къ себѣ отношенія: имъ въ теченіе вѣковъ приходилось даже умирать за свою вѣру, притомъ не одинъ только разъ, но многократно.

Какъ евреи впослѣдствіи попали въ положеніе рабовъ, объ этомъ рѣчь впереди.

Г. Генкель.

Сыны Завѣта.

РОМАНЪ ИЗЪ АНГЛО-ЕВРЕЙСКОЙ ЖИЗНИ.

Самуела Гордона.

I.

— Брилліантъ,—сказала жена.

— Что еще!—проворчалъ въ отвѣтъ голосъ изъ-за газеты.

— Мнѣ нужно, чтобы ты сдѣлалъ для меня кое-что.

— Очень кстати твое кое-что для человѣка, проработавшаго двѣнадцать часовъ на мясномъ рынкѣ и убившаго семнадцать быковъ.

Мистеръ Брилліантъ былъ еврейскій рѣзникъ, убивавшій быковъ, телятъ и барановъ для своихъ соотечественниковъ традиціоннымъ способомъ.

— Семнадцать быковъ? Чего-же ты огрызаешься? Вѣдь никто не заставляетъ тебя убивать восемнадцатаго.

Я не огрызаюсь, милая Бекки, -- возразилъ Брилліантъ, забывшій, кто съ нимъ говоритъ, заинтересовавшись однимъ процессомъ о диффамаціи.

Всѣмъ было извѣстно, что м-ссъ Брилліантъ обладаетъ голосомъ трехъ размѣровъ. Одинъ размѣръ употреблялся ею исключительно въ разговорѣ съ женою мѣстнаго члена парламента, которую ей удалось увѣрить, что мужъ ея пользуется вліяніемъ среди избирателей. Второй размѣръ служилъ ей въ разговорѣ съ обыкновенными людьми, въ томъ числѣ и со своимъ мужемъ; а третій былъ испытанной пользы по четвергамъ утромъ въ торгахъ съ рыбакомъ, у котораго она покупала рыбу для шабаша. Такимъ же голосомъ она говорила вообще въ тѣхъ случаяхъ, когда что-нибудь шло наперекоръ ея желанію, и чаще всего со своимъ мужемъ. Тогда Брилліантъ отвѣчалъ смиренно, если вообще что-нибудь отвѣчалъ.

— Ты ничего не можешь сдѣлать безъ препирательствъ!—продолжала м-ссъ Брилліантъ нѣсколько смягченнымъ тономъ.—Развѣ я мало дѣлаю для тебя? Какая у тебя была-бы репутація, если-бы я не твердила всѣмъ и каждому, что ты—лучшій изъ мужей? И мнѣ вѣрятъ. Желала-бы я сама себѣ вѣрить!

— И я желалъ-бы этого, милая Бекки,—смиренно отвѣтилъ мужъ.

— Удивительно, какъ ты стараешься объ этомъ!—иронизировала м-ссъ Брилліантъ.—Я знаю, чего ты добиваешься. Тебѣ хочется поднять цѣну себѣ, доказать неученой женѣ, какое сокровище она имѣетъ въ своемъ мужѣ, который можетъ написать для нея все, что нужно, даже эпитафію надъ ея могилой...

— Сейчасъ напишу, милая Бекки.

— Что? эпитафію?

— Какъ ты можешь говорить такія глупости? Конечно, письмо,—вѣдь тебѣ нужно письмо? Я готовъ.

Онъ досталъ листъ бумаги, взялъ перо и ждалъ диктовки.

— Кто тебѣ говоритъ о письмѣ?—спросила жена.

— А что же другое? Не стихи-же ты сочинила, милая Бекки.

— Стихи! Вотъ еще глупости! Слушай, Брилліантъ, я хочу, чтобы ты сдѣлалъ подлогъ.

При этихъ словахъ мужъ всталъ и надѣлъ шляпу.

— Что ты? куда?

— Въ участокъ,—спокойно отвѣтилъ Брилліантъ.—Ты требуешь, чтобы я совершилъ подлогъ, а это то же, какъ если-бы я уже совершилъ его. Ужъ лучше поскорѣе начать отсиживать десять лѣтъ тюрьмы.

М-ссъ Брилліантъ молчала, пораженная не то вѣрностью своего мужа законамъ страны, не то такимъ явнымъ признаніемъ ея власти въ семьѣ. Не зная, какъ разобраться въ этой дилеммѣ, она кончила тѣмъ, что разсердилась.

— Прекраснаго ты мнѣнія о своей женѣ! Это за то, что она заботится, хлопочетъ, мучается, какъ раба, для тебя, вотъ уже двадцать семь лѣтъ будетъ на Пасхѣ. Ну, говори-же прямо, что ты думаешь обо мнѣ? Что я—негодяйка или дура? Вѣдь не скажешь; ты знаешь, худо-ли тебѣ живется.

Подлогъ—тюрьма—изъ-за Бекки Брилліантъ! Я желала-бы устроить для тебя рай на землѣ, но ты не хочешь этого.

— Устрой, пожалуйста, только не сейчасъ, — отвѣтилъ мужъ. Разумѣется, онъ не имѣлъ никакого намѣренія отдать себя задаромъ въ руки правосудія, а хотѣлъ только воспользоваться инцидентомъ, чтобы пойти къ сосѣдямъ поиграть въ карты.

М-ссъ Брилліантъ, не слыша въ его тонѣ ни малѣйшей дерзновенной нотки, усмирилась и приступила къ дѣлу. Она положила передъ мужемъ печатный бланкъ, говоря:

— Заполни это.

Мужъ прочелъ: „Въ Бюро попечительства о неимущихъ евреяхъ. Первое прошеніе“.—Отъ кого?—спросилъ онъ.—Если ты говоришь, что это подлогъ,—значитъ, не отъ меня.

У м-ссъ Брилліантъ чуть не сорвалось съ языка саркастическое замѣчаніе насчетъ его догадливости, но вмѣсто того она пояснила:

— Нѣтъ, не отъ тебя. Это отъ м-ссъ Липкотъ.

— Отъ м-ссъ Липкотъ?—спросилъ мужъ, кладя перо.— Развѣ она не могла поручить написать это прошеніе своимъ сыновьямъ? Кажется, они—или одинъ изъ нихъ—уже въ шестомъ классѣ?

— Она ничего не знаетъ объ этомъ; это моя мысль; я дѣлаю это на свой страхъ. Понялъ?

— Не скажу. Почему ты считаешь себя вправѣ выдавать людей за нищихъ безъ ихъ вѣдома?—спросилъ Брилліантъ, почти рѣшительнымъ тономъ.

— А по твоему лучше предоставить имъ умереть съ голоду? М-ссъ Липкотъ не продержится и года, если будетъ такъ стирать, какъ она теперь стираетъ. Ты не знаешь,— она обкладываетъ себѣ руки горчичниками, ложась спать.

— Почему мнѣ знать это? Но изъ этого еще не слѣдуетъ, что ты должна взять на себя такую отвѣтственность.

— Нѣтъ, слѣдуетъ,—отрѣзала жена.—О такихъ глупыхъ людяхъ, какъ м-ссъ Липкотъ, надо, чтобы кто-нибудь заботился. Она будетъ себѣ работать, не покладая рукъ, и даже не спроситъ, который часъ. Чѣмъ же это кончится? Придется помѣстить ее въ больницу для неизлѣчимыхъ, хлопотать о принятіи дѣтей ея въ сиротскій пріютъ; тратиться на помощь ей еще болѣе, чѣмъ теперь,—не знаю, что и сталось

бы съ нашей общиной, если бы я и двое—трое другихъ членовъ не помнили, что заплата, поставленная во-время, сберегаетъ бѣлье. Ну, мнѣ кажется, что ты уже достаточно поломался?

— Сейчасъ я готовъ,—одно слово: отчего бы тебѣ не представить дѣло въ такомъ видѣ самой этой женщинѣ?

— Развѣ я не представляла? Развѣ я не старалась вдолбить ей все это въ голову?

— Что-же она?

— Только головой качаетъ и улыбается. Хоть бы отвѣтила что-нибудь—ну накричала-бы о своемъ желаніи оставаться независимой, а втихомолку и попросила бы. Такъ нѣтъ! Она только улыбается и предоставляетъ тебѣ думать, что хочешь. Вотъ ужъ, какъ говорится, гордость въ дыры башмаковъ глядитъ. Кто не беретъ супа изъ благотворительной кухни зимой?—М-ссъ Липкотъ. Кто не приходитъ на раздачу колоніальныхъ товаровъ по четвергамъ?—Все она же. Кто не позволяетъ своимъ дѣтямъ брать сапоги и куски плиса, которые выдаются ученикамъ въ школѣ по ихъ просьбѣ?—ужъ извѣстно, кто. Вотъ какова эта м-ссъ Липкотъ! Но соберешься-ли ты писать, наконецъ?

— Сейчасъ; гдѣ это „Evening News“,—заторопился Брилліантъ.—Я только число посмотрю. Но чѣмъ же могутъ попечители помочь ей?

— Они могутъ ссудить ей нѣсколько фунтовъ на открытіе мелочной лавочки. Сыновья будутъ помогать ей въ торговлѣ, когда подростутъ или выучатся какому-нибудь ремеслу, и она доживетъ до сѣдыхъ волосъ. Надѣюсь, что мой планъ уменъ. Скоро-ли, однако, ты приступишь къ дѣлу, Брилліантъ?

Мужъ поспѣшно схватился за перо и задалъ женѣ нѣсколько вопросовъ касательно характеристики просительницы. М-ссъ Брилліантъ дала всѣ нужныя свѣдѣнія. Въ точности ихъ нельзя было сомнѣваться, такъ какъ она поставила себѣ въ обязанность разузнавать всю подноготную о своихъ знакомыхъ. Проникновеніе въ семейныя тайны было ея спеціальностью.

Въ данномъ случаѣ, собранныя ею свѣдѣнія дали довольно полную біографію м-ссъ Липкотъ. Ей было тридцать

четыре года, она уже пять лѣтъ, какъ овдовѣла, и имѣла двухъ сыновей, тринадцати и двѣнадцати лѣтъ. Имѣлись свѣдѣнія и объ ея мѣстожительствѣ, занятіи и происхожденіи. Генеалогія ея показывала, что родители ея были иностранцы и поселились въ Англіи, когда ей было четыре года. Родственниковъ у нея не было, ни въ Лондонѣ, ни въ другихъ мѣстахъ.

М-ссъ Бриллiантъ не успокоилась, пока документъ не былъ ей прочтенъ до четырехъ разъ и затѣмъ вложенъ въ конвертъ. Было уже десять часовъ, когда вся эта процедура кончилась, и у Бриллiанта уже не хватило мужества отпроситься на часъ къ сосѣду. Онъ остался дома и утопилъ свое горе въ перинахъ.

II.

Среди архитектурнаго лабиринта Спитальфельдскаго квартала находится улица Узкая, имѣющая видъ унылый, растерянный, словно потерявшійся въ толпѣ ребенокъ. Старые, жалкіе дома ея какъ-будто извиняются въ томъ, что они такъ долго зажились. Верхніе этажи съ обѣихъ сторонъ улицы тянутся другъ къ другу, и если бы комнаты въ нихъ были повыше, то улица была-бы туннелемъ; теперь же въ нее, хотя и съ трудомъ, но проникали слабые лучи свѣта.

Былъ вечеръ,—тотъ самый вечеръ, въ который чета Бриллiантъ сфабриковала подложное прошеніе отъ м-ссъ Липкотъ о пособіи. Обстановка квартиры этой послѣдней, дѣлившей домъ въ Узкой улицѣ съ безчисленнымъ множествомъ другихъ семействъ, не противорѣчила ея праву на людскую благотворительность. Мебель была изъ самыхъ незатѣйливыхъ и обнаруживала наклонность къ распаденію на ея составныя части. Но среди ветхихъ стульевъ, кроватей, стола двигалась пара крѣпкихъ мальчугановъ лѣтъ 12—13, которые, насколько можно было разсмотрѣть при тускломъ свѣтѣ лампы, что-то стряпали. Это подтверждалось и запахомъ масла, трещавшаго на сковородѣ.

— Поспѣши, Левъ; мама сейчасъ придетъ,—сказалъ младшій изъ двухъ братьевъ, Филь.

— Я и такъ спѣшу,—ворчливо отвѣтилъ Левъ.—Развѣ я виноватъ, что мы такъ поздно начали стряпать?

— Я и не виню тебя,—сказалъ Филь.

Но Левъ какъ-будто чувствовалъ потребность оправдаться въ собственныхъ глазахъ.

— Не думаешь-ли ты, что я слонялся по улицамъ цѣлыхъ два часа? Я ходилъ около лавки Соломона, поджидая, когда онъ уйдетъ изъ нея въ комнаты. Вѣдь этотъ старый скряга ни на грошъ не вѣритъ намъ больше въ долгъ. Я дождался, пока не пришла ему на смѣну его жена, и, разумѣется, сейчасъ же воспользовался случаемъ. Она дала мнѣ этотъ разъ на цѣлый шиллингъ, вмѣсто того, чтобы дать только на шесть пенсовъ. Ты видишь, я не виноватъ, что мы запоздали.

— Я и не виню.

— Молчи. Не подумай, что я оправдываюсь передъ тобой. Иногда человѣку хочется оправдаться передъ самимъ собою.

— А!—сказалъ Филь, начиная понимать.

— Предположимъ, что я не получилъ-бы этого картофеля, и мама осталась-бы безъ ужина, ужъ не говоря о тебѣ:— развѣ могъ-бы я оправдываться тѣмъ, что старый Соломонъ не уходилъ изъ лавки? Никакъ не могъ-бы. Вѣдь что-то говорило-бы мнѣ, что я—какъ-бы это сказать—что я отвѣтственное лицо, глава семьи по старшинству лѣтъ, хотя и предоставляю мамѣ зарабатывать хлѣбъ на семью, пока я не кончилъ школы.

— Вотъ черезъ двѣ недѣли кончишь,—добавилъ Филь.

— Черезъ двѣ недѣли!—повторилъ Левъ съ мрачной торжественностью.

— Тебѣ жалко?—робко спросилъ Филь.

— Не то что жалко, а какъ-то страшно—только ты этого никому не говори. Вѣдь мнѣ придется до всего самому додумываться вмѣсто того, чтобы спрашивать учителя, а это въ самомъ дѣлѣ какъ-то страшно.

— Надо же когда нибудь самому начать думать. Вотъ я уже началъ,—успокоительно сказалъ Филь.

— Ты?—Воображаю! Ты грезишь съ открытыми глазами, а мнѣ нужны не грезы; я долженъ взять свою голову въ руки и сообразить, какъ надо жить на свѣтѣ. А какъ ты думаешь, легкое это дѣло?

Филь поглядѣлъ на него, озадаченный его словами, и очень обрадовался, угадавъ по его сосредоточенному виду, что онъ вовсе не ждетъ отъ него отвѣта.

— Нѣтъ, мнѣ не жалко школы, и я думаю, что свѣтъ только издали кажется такимъ страшнымъ. Вотъ я посмотрю на него поближе, да и схвачусь съ нимъ. Знаешь, Филь, въ послѣдніе два года мнѣ чувствуется, какъ будто я очень выросъ—не наружно; есть въ моемъ классѣ и болѣе долговязые, чѣмъ я. Вѣдь мнѣ какъ то совсѣмъ не пристало дурачиться на игрищахъ съ толпой мальчишекъ. Слава Богу, что черезъ двѣ недѣли я почувствую себя честнымъ человѣкомъ.

Онъ задумался, пока Филь весь отдавался наблюденію за жарившимся картофелемъ, — и потомъ проговорилъ въ заключеніе своей мысли:—Не хорошо это, не хорошо!

— Что не хорошо?—съ безпокойствомъ спросилъ Филь, полагая, что замѣчаніе относится къ его стряпнѣ.

— Жить въ кредитъ. И голоденъ человѣкъ, а кусокъ въ горло не лѣзетъ; и кажется тебѣ, что и такъ смерть, и этакъ смерть: не помрешь съ голоду, такъ подавишься. Вотъ я и тороплюсь рости, чтобы начать покупать все на деньги, прежде чѣмъ кто-нибудь изъ насъ помретъ.

— Не люблю и я одолжаться, — въ раздумьи сказалъ Филь,—но я не прочь бы всю жизнь оставаться мальчикомъ.

— Это зачѣмъ?

— Чтобы не оставлять школы.

— Вотъ и это также я занесъ въ свой списокъ будущихъ дѣлъ, вмѣстѣ со всѣмъ другимъ.

— Не слишкомъ-ли длиненъ твой списокъ?—сказалъ Филь, озабоченно.

— Ничего; я только повыше засучу рукава.

— Не могу-ли я помочь тебѣ?

— Можешь, если не будешь соваться мнѣ подъ ноги, не то у меня будетъ уходить половина времени на то, чтобы оберегать тебя. Нѣтъ, ужъ ты знай свои книги, а людей предоставь мнѣ. Вѣдь и съ книгами управляться—не легкое дѣло.

— И я тоже засучу рукава повыше.

— Отлично! Однимъ борцомъ больше!—вскричалъ Левъ, очищая ножемъ послѣднюю картофелинку. Вдругъ онъ поспѣшно положилъ ножъ и сталъ озираться, какъ-бы ища чего-то.

— Что тебѣ?—спросилъ Филь.

— Тряпочку.

— Ты порѣзался? Много крови идетъ?

— Потокъ. Сейчасъ вся комната будетъ залита,—пошутилъ Левъ.

— Поди внизъ, подержи руку подъ краномъ,—посовѣтовалъ Филь, не совсѣмъ успокоенный шуткой.

— Отличная мысль! И тряпочки не надо, и мама не узнаетъ.

Черезъ пять минутъ онъ уже собирался вернуться наверхъ, какъ увидѣлъ въ концѣ корридора медленно приближавшуюся женщину.

— А! мама!—сказалъ онъ, беря ее подъ руку.—Давай я буду для тебя лифтомъ.

— Благодарю, милый мой. Ну что, былъ ты у Соломона?

— Былъ и все въ исправности.

— Очень рада, а то у м-ссъ Даніельсъ опять не было мелочи.

— Я такъ и зналъ,—съ горечью замѣтилъ Левъ.—Вѣрно опять сказала: „Завтра заплачу“. Желалъ-бы я знать, сколько еще домовъ купилъ на этой недѣлѣ ея мужъ.

— Не бранись, Левъ. Она просто немножко легкомысленна.

— Оправдывай ее! Показалъ-бы я ей.

Въ это время Филь отворилъ дверь, чтобы посвѣтить матери на лѣстницѣ, и Левъ бережно ввелъ ее въ комнату, гдѣ послышались звучные поцѣлуи.

— Довольно!—скомандовалъ Левъ.

— Не смотри на него, мама; онъ просто ревнуетъ,—сказалъ со смѣхомъ Филь.

— Можетъ быть, но несомнѣнно то, что мама устала, а ты заставляешь ее стоять. Это во-первыхъ; а во-вторыхъ, пора тебѣ привыкать держать твои чувства про себя и не выставлять ихъ напоказъ. Не годится выворачивать свою душу наизнанку, когда вокругъ такъ много злыхъ людей.

Филь глядѣлъ на мать, ожидая, что она скажетъ на этотъ совѣтъ развивать въ себѣ нравственную дисциплину. Самъ

онъ не чувствовалъ себя въ состояніи отвѣчать брату. На голоса, которые слышались ему въ его грезахъ на яву, онъ всегда находилъ отвѣтъ, но передъ житейскою мудростью, говорившею съ нимъ устами его брата, онъ оказывался безпомощнымъ. А какъ хорошо быть такимъ сильнымъ, какъ Левъ, и на все находить отвѣтъ! Онъ постарается перенять у него этотъ секретъ.

М-ссъ Липкотъ молчала; Левъ и ее нерѣдко ставилъ въ затрудненіе своими замѣчаніями, и многое въ этомъ мальчикѣ казалось ей страннымъ, непонятнымъ; но то, что для нея было въ немъ ясно, успокаивало за остальное. Поэтому она сказала только:

— Ужинъ остынетъ, дѣти.

Во время воцарившагося послѣ того дѣлового молчанія всѣ трое думали каждый свое. М-ссъ Липкотъ размышляла о томъ, какъ не похожа была бы ея жизнь на то, чѣмъ она стала, еслибы не запущенная простуда, перешедшая въ воспаленіе легкихъ, которое унесло ея мужа. Быть можетъ у нея было бы теперь столько же драгоцѣнностей, какъ у миссисъ Даніельсъ; дѣла ихъ маленькой сапожной мастерской шли все лучше и лучше. Теперь ей было не до драгоцѣнностей, а до мыла и утюговъ; и если они были хорошаго качества и избавляли ее отъ лишняго труда и натуги, то она считала свой день удачнымъ Не долго оставалась она въ состояніи оцѣпенѣнія, въ которое повергла ее потеря мужа; два здоровыхъ молодыхъ аппетита просили хлѣба, и это придало ей энергіи. Но она чувствовала, что энергія поддерживается искусственно, и на запасъ силъ нельзя разсчитывать. Поэтому она все чаще начинала заглядывать въ будущее, которое олицетворялось для нея въ ея сыновьяхъ, и когда мысль ея останавливалась на старшемъ, она успокаивалась.

А на того опять нашло сварливое и мятежное настроеніе, которымъ выражался его протестъ противъ скудности, поскребушекъ, заплатъ и рвани, входившихъ въ рутину его жизни. Онъ не понималъ покорности судьбѣ; если ему дано знаніе, что на свѣтѣ есть хорошія вещи, то не можетъ быть, чтобы онъ былъ обреченъ никогда не пользоваться ими. Онъ

рано началъ грозить кулакомъ судьбѣ, и не допускалъ компромиссовъ въ своихъ счетахъ съ нею: или все, или ничего.

Думалъ свою думу и Филь, затвердивъ про себя первое правило самозащиты, преподанное ему братомъ: умѣнье не выдавать своихъ чувствъ при постороннихъ.

III.

Въ то время, главная квартира еврейской благотворительности, такъ называемое попечительное бюро еще не помѣщалось въ такомъ дворцѣ, какой служитъ въ настоящее время центромъ его широкихъ и многостороннихъ операцій.

Въ началѣ такимъ центромъ служилъ простой, удобный домъ въ сѣверо-западной части еврейскаго квартала. Но постепенно дѣла попечительства такъ разрослись, что явилась опасность запутаться въ нихъ по недостатку простора.

Еврей очень скоро акклиматизируется—физически и нравственно—въ усыновившей его странѣ. У него есть наклонность быть болѣе роялистомъ, чѣмъ король, т. е. усвоивать себѣ свыше надобности характеристическія черты своихъ новыхъ согражданъ. Въ искренности этого усвоенія не можетъ быть сомнѣнія, оно не ограничивается однѣми внѣшними чертами. Въ тѣхъ странахъ, гдѣ еврей можетъ входить въ лицевую дверь и безъ страха показываться у окна, нѣтъ сердца, полнѣе сочувствующаго всѣмъ фазамъ національной судьбы, чѣмъ его сердце. Онъ радуется радостямъ своей страны, печалится объ ея бѣдствіяхъ, какъ если-бы это были его личныя печали и радости. Ради нея онъ вырываетъ изъ своего сердца вѣками укоренившіеся въ немъ предразсудки, но двѣ вещи онъ всегда считаетъ своимъ неотъемлемымъ правомъ: это молиться по своему и помогать своимъ бѣднымъ.

Иные объясняютъ еврейскую филантропію нежеланіемъ усиливать предубѣжденіе противъ себя, сваливая заботу о своихъ бѣдныхъ на плечи британскаго народа, и безъ того обремененнаго налогами; но этотъ взглядъ слишкомъ узокъ.

Эта клановая филантропія есть исключительно дѣло чувства, а нельзя не признать, что сердца еврейской націи, на струнахъ которыхъ такъ много и такъ часто играли, должны быть очень чутки. Быть можетъ, предокъ этого несчастнаго

переселенца сказалъ слово ободренія вашему предку на рѣкахъ вавилонскихъ; быть можетъ, онъ ободрялъ его, умирая вмѣстѣ съ нимъ на аренѣ передъ ревущей римской толпой, или не выдалъ его, истязуемый на инквизиторской дыбѣ. Никакая свѣтская или церковная политика не могла бы сдѣлать то, что дѣлаетъ эта смутная потребность поквитаться за возможное обязательство, хотя оно—даже еслибы могло быть доказано—все же стало уже легендарнымъ. Поэтому, хотя буквальное примѣненіе еврейскаго лозунга во время праздника Пасхи: „Прими и накорми голоднаго", было-бы теперь нелѣпостью, но чувства еврея учатъ его практическому способу примѣненія духа этого правила.

Быть можетъ, именно эти мысли бродили въ головѣ одной дамы, вошедшей въ воскресенье въ канцелярію попечительнаго бюро вмѣстѣ со своею десятилѣтнею дочерью. Войдя, дама остановилась въ нерѣшимости, показывавшей, что она не знакома съ этимъ мѣстомъ. Находившійся въ канцеляріи клеркъ подошелъ къ ней, учтиво спрашивая, что ей нужно.

— Я—я—желала бы видѣть кого-нибудь изъ начальства,—отвѣчала она.

На лицѣ клерка изобразилось сомнѣніе.—Позвольте узнать ваше имя?—спросилъ онъ.

Дама достала изъ маленькой сумки визитную карточку. Видъ футляра для карточекъ и портмоне изъ крокодиловой кожи разрѣшилъ сомнѣнія клерка и онъ, торопливо сказавъ: „Прошу садиться",—скрылся въ одну изъ дверей.

Минуты черезъ двѣ онъ вернулся съ пожилымъ господиномъ благодушнаго вида.

— Здравствуйте, миссисъ Дювинъ,—сказалъ онъ, улыбаясь:—ваше имя не совсѣмъ чуждо мнѣ. Чѣмъ могу служить?

— Я желала бы быть чѣмъ нибудь полезной.

— Въ качествѣ почетной посѣтительницы? Очень радъ. У насъ дѣла вдоволь на охотниковъ.

— Когда же я могу начать?

— Надо пройти сначала черезъ маленькую формальность—выборовъ, назначенія—но это не составитъ затрудненія,—отвѣтилъ пожилой джентльменъ.—Въ ожиданіи, не по-

желаете-ли сопровождать одного изъ нашихъ платныхъ агентовъ въ его обходѣ. Это позволитъ вамъ познакомиться съ характеромъ вашихъ будущихъ обязанностей. Если вамъ позволяетъ время, то не хотите ли сейчасъ же воспользоваться случаемъ?

— О! времени у меня довольно,—сказала м-съ Дювинъ и сквозь эти слова послышалось что то похожее на вздохъ.

— Есть здѣсь кто нибудь изъ агентовъ?—спросилъ пожилой господинъ клерка. Тотъ отвѣтилъ, что есть, и миссисъ Дювинъ былъ данъ провожатый, которому старикъ объяснилъ ея цѣли.

— Кстати, быть можетъ, васъ интересуетъ одна какая-нибудь категорія нуждающихся?—спросилъ онъ ее.

— Да, вдовы.

Старикъ сочувственно кивнулъ, бросивъ взглядъ на ея траурный костюмъ.

— Въ моемъ спискѣ какъ разъ стоитъ первымъ дѣло одной вдовы,—сказалъ агентъ.—Миссисъ Липкотъ, въ Узкой улицѣ. Это недалеко отсюда.

Пожилой господинъ пожалъ руку миссисъ Дювинъ, ущипнулъ за щеку дѣвочку, видимо оскорбившуюся такою фамильярностью, и партія выступила въ путь подъ лучезарнымъ августовскимъ солнцемъ, какъ бы старавшимся заставить людей забыть, что есть на свѣтѣ горе и бѣдность.

Воскресенье—базарный день въ Спитальфельдѣ и, хотя въ полдень торгъ уже прекратился, но земля была усѣяна корками гнилыхъ апельсиновъ, перьями домашней птицы и всякимъ соромъ. Разъ дѣвочка дернула мать за руку и вскричала, указывая въ канаву:—Посмотри, мама, спящій котенокъ.

Агентъ не сталъ разочаровывать ее.

— Да,—сказалъ онъ уныло,—все здѣсь дурно, и для глазъ, и для обонянія, и для сердца.

— Я и не знала, какъ дурно,—тихо проговорила миссисъ Дювинъ, грустно кивнувъ головой.

— А что еще впереди!—прибавилъ онъ.

У миссисъ Дювинъ сжалось сердце, когда она остановилась на минуту при входѣ въ Узкую улицу. До сихъ поръ она знала о нищетѣ только по наслышкѣ, а вотъ те-

перь ей предстояло увидѣть ее собственными глазами. Ей было страшно, какъ студенту-медику передъ первымъ вскрытіемъ.

Когда они вошли въ узкія сѣни, жильцы партера съ любопытствомъ выглядывали изъ отворенныхъ дверей. Двѣ дѣвочки-подростки украдкой втягивали въ себя запахъ лавендовой воды изъ флакона миссисъ Дювинъ, который она держала открытымъ.

Агентъ, спросивъ, гдѣ комната миссисъ Липкотъ, и убѣдившись, что она дома, поднялся по лѣстницѣ въ сопровожденіи своихъ спутницъ. На стукъ его, какъ онъ и ожидалъ, отвѣтили не сейчасъ; онъ зналъ, что бѣднота подозрительна.

Наконецъ, Левъ отворилъ дверь и уставился на посѣтителей удивленными глазами. Но агентъ безъ церемоніи отстранилъ его и вошелъ, приглашая войти и своихъ спутницъ. Миссисъ Липкотъ что то поспѣшно спрятала и встала.

Первый взглядъ агента упалъ на Филя, который лежалъ на постели, выглядывая изъ подъ одѣяла.

— Вашъ сынъ боленъ?—спросилъ онъ, вынимая памятную книжку и карандашъ.

Миссисъ Липкотъ все еще была нѣма отъ удивленія, а плотно стиснутыя губы Льва показывали, что онъ еще не простилъ агенту его безцеремоннаго обращенія съ нимъ. Отвѣчать на вопросъ пришлось самому Филю.

— Нѣтъ, сэръ, я не боленъ, но мама чинитъ мои панталоны.

Повидимому, агентъ не почувствовалъ грустнаго юмора въ этихъ словахъ и, обратившись къ миссисъ Липкотъ, продолжалъ допрашивать дѣловымъ тономъ:

— Много ли вы зарабатываете въ недѣлю?

Та съ минуту подумала и начала было:

— Смотря по обстоятельствамъ, сэръ...

Но тутъ ее перебилъ Левъ.

Сдѣлавъ шагъ впередъ и мягко отстранивъ мать, онъ обратилъ къ агенту свое гнѣвное лицо и сказалъ:

— Слушайте, довольно вамъ ломаться надъ нами! Кто вы такіе?

Агентъ остолбенѣлъ; но тотчасъ оправившись, отвѣтилъ съ добродушнымъ смѣхомъ:

— Вы немножко заносчивы для вашихъ лѣтъ, маленькій человѣкъ. Ваша мать знаетъ, зачѣмъ мы пришли.

— Я знаю?—съ изумленіемъ повторила миссисъ Липкотъ.

Агентъ видимо терялъ терпѣніе.

— Однако, я не могу даромъ тратить время; мнѣ нужно обойти еще пять мѣстъ. Скажите мнѣ прямо и просто, что вамъ нужно отъ попечительнаго бюро?

— Вы отъ попечительнаго бюро?—проговорила миссисъ Липкотъ упавшимъ голосомъ.

— Конечно. Вотъ ваше прошеніе. Вѣдь это вы — миссисъ Липкотъ?

— Я, но...—Женщина безпомощно озиралась. Взглянувъ на Льва, она какъ будто прозрѣла.—Зачѣмъ ты не сказалъ мнѣ?—спросила она укоризненно.—Если-бы я знала, что ты хочешь, чтобы я обратилась за помощью къ совѣту...

— Я хочу!.. Ты думаешь, что это я писалъ?—вскричалъ Левъ, съ трудомъ выговаривая слова отъ волненія.—За кого ты меня принимаешь, мама?

Вдругъ его поразила какая то мысль.

— Не ты-ли, Филь?

— Не я—божусь, что не я,—отвѣтилъ жалобнымъ тономъ испуганный Филь.

— Вы видите—тутъ есть какое то недоразумѣніе,—обратился Левъ къ озадаченному агенту. Мы не нуждаемся въ помощи; мы не нищіе. Теперь вы, можетъ быть, пожелаете намъ „добраго вечера", и уйдете. Вы не поздоровались, когда вошли.

Миссисъ Дювинъ оставалась все время нѣмой и озадаченной свидѣтельницей этого страннаго объясненія. Впрочемъ, зрѣніе ея было занято больше слуха. Съ первой же минуты, какъ она вошла въ эту комнату, глаза ея остановились на мечтательномъ личикѣ Филя, которое напомнило ей что-то близкое. Отъ этого воспоминанія у нея защемило сердце, но въ то же время было и что то радостное въ томъ, что оно приняло такую реальную форму. Мысли ея однимъ скачкомъ перенеслись въ прошлое. Между тѣмъ маленькая Дюльси боязливо прижималась къ матери. Что это за страш-

ный мальчикъ! Какой онъ, должно быть, злой! Однако ей казалось, что онъ правъ, хотя она и не понимала, изъ-за чего идетъ споръ. Почему то ей думалось, что злой мальчикъ сейчасъ же успокоился бы, если бы кто нибудь подошелъ и погладилъ его по головѣ; она сама не прочь былабы сдѣлать это.

Тѣмъ временемъ агентъ успѣлъ сообразить, въ чемъ дѣло, и сказалъ, пожавъ плечами:

— Очевидно, тутъ вкралась ошибка. Больше мнѣ нечего сказать. Уйдемте, миссисъ Дювинъ.

Та, какъ бы очнувшись отъ забытья, подошла къ миссисъ Липкотъ.

— Мнѣ очень жаль, что мы причинили вамъ безпокойство,—сказала она самымъ мягкимъ тономъ,—и я хочу только напомнить вамъ, что это сдѣлалось не по моей винѣ.

— Благодарю васъ, сударыня. Никакого безпокойства не было,—отвѣтила миссисъ Липкотъ, сильно смущенная.

Въ это время Дюльси неожиданно подошла къ Льву и протянула ему руку, говоря:—Прощайте!

Мальчикъ попятился назадъ, словно эта маленькая ручка была большимъ, грозящимъ ему кулакомъ. Какъ это онъ не замѣтилъ раньше присутствія дѣвочки? Это оттого, что ему такъ понравилось играть роль грубіяна въ семьѣ. Вѣдь можно бы объясниться и не набрасываясь на людей, какъ собака. Ему стало стыдно,—стыдно этихъ большихъ глазъ, которые такъ чистосердечно глядѣли на него. Если бы у него хватило смѣлости взглянуть въ нихъ прямо... А вотъ и взглянулъ, — взглянулъ и взялъ протянутую руку. Онъ испытывалъ теперь на себѣ, какъ пріятно человѣку, когда ему прощаются его грѣхи. Онъ замѣтилъ, что высокая дама, прощаясь, пристально глядѣла на Филя; но Левъ не завидовалъ; ему осталось нѣчто лучшее: воспоминаніе о маленькомъ личикѣ, которое только что улыбалось ему на порогѣ двери.

Трое посѣтителей, молча, спустились съ лѣстницы.

— Боюсь, что первый опытъ показался вамъ слишкомъ непріятнымъ,—сказалъ, наконецъ, агентъ.

— Нѣтъ, не въ этомъ дѣло,—разсѣянно отвѣтила миссисъ

Дювинъ.—Меня удивляетъ, какъ могла случиться подобная ошибка. Не мистификація ли это?

— Нѣтъ, вы сами видите, что эти люди нуждаются. Просто на просто они слишкомъ горды, чтобы просить помощи. Вѣроятно, какой-нибудь добрый человѣкъ изъ ихъ знакомыхъ взялъ это на себя безъ ихъ вѣдома, полагая, что они не откажутся отъ помощи, когда она сама придетъ къ нимъ. Но каково упрямство!

— Упрямство?—повторила миссисъ Дювинъ.

— Твердость характера, если хотите,—поправился агентъ. Но согласитесь, что въ наше время такія черты слишкомъ необычны. Вы не хотите продолжать обходъ?

— Нѣтъ, благодарю васъ,—сказала миссисъ Дювинъ, остановившись.—Не подумайте, впрочемъ, что я обезкуражена. Я боюсь, что моя дѣвочка устанетъ. Она упросила меня взять ее съ собой, и я взяла, находя, что такіе предметные уроки полезны дѣтямъ.

Черезъ часъ миссисъ Дювинъ вернулась въ свой красивый домъ въ Сенъ-Джонсъ-Вудѣ. Дорогой, въ вагонѣ, она такъ разсѣянно отвѣчала на вопросы Дюльси, что та удивилась, когда мать въ свою очередь спросила ее:

— Который изъ мальчиковъ понравился тебѣ болѣе?

— Тотъ, который закричалъ на насъ,—отвѣтила Дюльси, не задумываясь.—У него такіе честные глаза.

Слѣдующій вопросъ матери еще болѣе удивилъ дѣвочку.

— Помнишь ли ты того мальчика, который бѣгалъ у насъ по комнатамъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ?

Дюльси нахмурила брови, силясь припомнить, но усилія ея не увѣнчались успѣхомъ.

— Если бы ты помнила его, то нашла бы, что другой мальчикъ, который лежалъ въ постели, очень похожъ на него,—такъ похожъ, что я почти не нашла никакой разницы.

Дюльси посмотрѣла на мать съ благоговѣйнымъ страхомъ.

— Мама, у меня былъ братъ?

Мать только кивнула головой, не полагаясь на свой голосъ.

— Такъ какъ же съ этимъ-то мальчикомъ?—робко спросила Дюльси.

— Не знаю. Я подумаю.

Она думала объ этомъ весь вечеръ. На другой день, принявъ свое рѣшеніе, она дрожащими руками написала письмо миссисъ Липкотъ.

IV.

Письмо дошло по назначенію въ тотъ же вечеръ и произвело большую сенсацію, такъ какъ миссисъ Липкотъ уже года три ни отъ кого не получала писемъ. Поэтому, прежде чѣмъ распечатать, она повертѣла его въ рукахъ, загадывая, отъ кого бы оно могло быть.

— А я знаю,—сказалъ Филь.—Это отъ той черной дамы, которая была у насъ вчера.

— И она навѣрное посылаетъ намъ денегъ,—добавилъ Левъ, уже сочиняя въ умѣ отвѣтъ для приложенія къ возвращаемымъ деньгамъ.

Миссисъ Липкотъ вскрыла конвертъ и начала читать вслухъ.

„Милая миссисъ Липкотъ, авторъ этого письма — та посѣтительница, которая была у васъ вчера съ агентомъ попечительнаго бюро...“

— Вотъ! не говорилъ я?—сказалъ торжествующій Филь.

Во время перерыва миссисъ Липкотъ пробѣжала глазами слѣдующія строки и вдругъ поблѣднѣла. Письмо выпало изъ ея рукъ.

Левъ молча поднялъ его и подалъ ей.

— Нѣтъ, читайте сами,—прошептала она.—Прочти Филю.

„Я рѣшилась писать, чтобы сдѣлать вамъ одно предложеніе,—медленно читалъ Левъ и въ голосѣ его слышалась угроза тому, кто такъ разстроилъ его мать.—Быть можетъ, вы сочтете меня безумной эгоисткой, и я не могу не сознавать, что мною дѣйствительно движетъ прежде всего эгоизмъ. Я хочу просить васъ позволить мнѣ усыновить вашего младшаго сына. Онъ замѣнилъ бы для меня горячо любимаго сына, котораго я потеряла нѣсколько лѣтъ тому назадъ, и на котораго онъ похожъ, какъ живой портретъ. Я сама не знаю, откуда у меня взялась смѣлость обратиться

къ вамъ съ подобной просьбой, но мнѣ кажется, что самъ Богъ внушилъ мнѣ ее, и я не упрекаю себя. Единственное, что я могу предложить вамъ взамѣнъ, это обѣщаніе облегчить для вашего сына его путь въ жизни. Я богата, и могу доставить ему такія выгоды, какія — простите — мнѣ кажется, для васъ недостижимы. Если онъ имѣетъ склонность къ наукамъ, онъ получитъ полную возможность удовлетворить ее. Единственная жертва, которую я жду отъ него, это принятіе моей фамиліи и отплата мнѣ хотя сотой долей той любви, которою я окружу его. Я не требую, чтобы вы рѣшились немедленно. Обратитесь къ Богу за совѣтомъ, и передайте мнѣ Его отвѣтъ.

„Ваша сестра по сердцу *Роза Дювинъ*“.

Когда письмо было дочитано, въ комнатѣ на нѣсколько минутъ воцарилось молчаніе, полное отзвуковъ прочитанныхъ словъ. Наконецъ Левъ спросилъ:

— Чего же мы испугались? Отчего молчимъ?

— Я жду, что мнѣ внушитъ Богъ,—отвѣтила м-съ Липкотъ дрожащимъ голосомъ.

— Пусть пока Филь скажетъ, что онъ думаетъ,—угрюмо замѣтилъ Левъ.

— Не спрашивай меня,—жалобно откликнулся Филь.—Я не понимаю, что все это значитъ, и понять боюсь.

— Это значитъ, что эта дама приглашаетъ тебя жить у нея,—пояснилъ Левъ притворно легкомысленнымъ тономъ.—Хорошо, что тебѣ не придется долго укладываться. Кстати, гдѣ наши три воротничка? Которому изъ насъ достанется тотъ— странный такой?

Вмѣсто отвѣта Филь разревѣлся.

— Не говори такъ со мною, Левъ! Вѣдь я не виноватъ, я не просилъ ее приходить къ намъ. А если она захочетъ взять меня отсюда, я убѣгу и донесу полиціи.

Рука Льва тотчасъ обвила его шею.

— Я знаю, что ты не виноватъ. Я хотѣлъ только узнать, что ты думаешь объ этомъ предложеніи.

— Такъ зачѣмъ же ты прямо не спросилъ меня?

— Полно, мама, не думай объ этомъ болѣе. Мы съ Филемъ уже рѣшили,—весело вскричалъ Левъ.

М-съ Липкотъ была такъ поражена неожиданно встав-

шей передъ нею дилеммой, что едва могла прійти въ себя. Первымъ чувствомъ ея была слѣпая злоба на женщину, вздумавшую оторвать половину ея материнскаго сердца. Она проучитъ ее, устыдитъ за ея эгоизмъ!.. Но развѣ не эгоизмъ говоритъ въ ней самой? Когда дошло дѣло до испытанія ея материнской любви, оказывается, что она любитъ себя болѣе, чѣмъ свое дитя. Чужая женщина берется облегчить для Филя жизненный путь, а она, мать, откажется! Но что же сама то она можетъ сдѣлать для него? Только стать препятствіемъ на его дорогѣ; а развѣ препятствіе пріятнѣе оттого, что оно называется матерью? Хорошо, что письмо пришло при ея дѣтяхъ. Она не устояла бы передъ соблазномъ скрыть его, а горе, не боящееся дневного свѣта, можно назвать счастьемъ сравнительно съ тайными угрызеніями совѣсти.

Поднявъ глаза, она встрѣтила вопросительные взгляды своихъ сыновей.

— Вы спрашивали что нибудь?

— Мы ничего не спрашивали,—отвѣтилъ Левъ.—Я сказалъ только, что мы покончили съ черной женщиной.

Мать покачала головой.—Нѣтъ, Левъ, объ этомъ надо подумать.

Левъ широко раскрылъ глаза.—Что же тутъ думать? Не отдадимъ же мы Филя?

— Онъ всегда будетъ нашимъ, но надо уступить просьбамъ этой дамы.

— Вотъ прекрасно! Уступать просьбамъ перваго встрѣчнаго!—горячо вскричалъ Левъ.

— Вспомни, что̀ она обѣщаетъ сдѣлать для Филя.

— Дать ему свое имя? Здравствуйте, мистеръ Филиппъ Дювинъ! Какая честь, какъ подумаешь!

— Она обѣщаетъ дать ему образованіе.

— Въ самомъ дѣлѣ? Она хочетъ, чтобы я учился?—съ живостью спросилъ Филь.

— На эту удочку тебя легко поймать,—проворчалъ Левъ.— А что ты сейчасъ говорилъ о полиціи?

— Предоставь рѣшить мнѣ, Левъ,—съ усиліемъ сказала миссисъ Липкотъ.—Мнѣ это дѣло ближе, чѣмъ тебѣ.

— Нѣтъ, не ближе,—угрюмо возразилъ Левъ.—Я защищаю брата.

— А я самое себя. Мнѣ не хотѣлось бы говорить это, но ты вынуждаешь меня сказать. Пускай Филь идетъ къ этой дамѣ, иначе я боюсь за себя. Если я откажусь отъ ея предложенія, то буду впослѣдствіи мучиться. Что, если онъ будетъ несчастливъ? На кого падетъ вина, на тебя или на меня? Кого онъ будетъ укорять? Понимаешь ты меня, Левъ?

Онъ потупилъ глаза и тихо отвѣтилъ:—Понимаю, мама.

— Такъ примемъ же радостно то, что намъ посылаетъ Богъ. Если Филь не забудетъ насъ...

Голосъ ея прервался отъ рыданій. Филь подбѣжалъ и прижался къ ней, крича:—Я не уйду, мама, не уйду!

— Прекрасно! Мы такъ хорошо порѣшили дѣло, а ты опять все разстраиваешь!—сказалъ Левъ, притворяясь разсерженнымъ.—Оставь маму въ покоѣ; вѣдь она плачетъ отъ радости. Ты сдѣлаешься барченкомъ, будешь ходить въ курточкахъ, вотъ какъ тѣ мальчики, что приходятъ къ намъ и сидятъ на платформѣ въ день раздачи наградъ. И тогда...

Голосъ его вдругъ прервался; не прикидываясь болѣе твердымъ мужчиной, онъ припалъ къ матери съ другой стороны и... но лучше умолчать о томъ, что было далѣе. Это видѣлъ только мѣсяцъ, заглянувшій въ окно.

V.

На слѣдующій день Филь чуть не испортилъ въ школѣ разсѣянностью свою репутацію внимательнаго ученика. Разсѣянность его была вполнѣ естественна: ему предстояла трудная задача отвѣчать на письмо миссисъ Дювинъ. Въ семейномъ совѣтѣ рѣшено было предоставить это дѣло исключительно ему, и онъ все утро ломалъ себѣ голову, придумывая форму отвѣта и начиная смутно сознавать, что жизненныя задачи потруднѣе школьныхъ. Вдохновеніе нашло на него только дома, когда онъ уже сидѣлъ за листомъ почтовой бумаги. Вотъ, что онъ написалъ:

„Любезная лэди, мама ничего не имѣетъ противъ того, чтобы я жилъ съ вами, но она совсѣмъ не рада этому. Вы сами поняли бы это, если бы увидѣли ея красные глаза. Она согласна потому, что вы обѣщаете помочь мнѣ сдѣ-

латься ученымъ, а что касается стола, то я не особенно разборчивъ. Считаю нужнымъ однако предупредить васъ, что я привыкъ ѣсть три раза въ день: поутру чай съ хлѣбомъ; въ полдень хлѣбъ съ чаемъ, а вечеромъ много картофеля съ рыбой—картофель всякій день, а рыба иногда; кромѣ того, въ шабашъ и праздники—мясо. Мы пробовали ѣсть меньше, но хворали отъ этого, и мой братъ Лева пожалѣлъ однажды, что Богъ не создалъ его совсѣмъ безъ желудка, такъ что въ этомъ я не могу сдѣлать никакой уступки. Вотъ и на счетъ ученья: если вы пошутили, то скажите лучше прямо, и мы разстанемся добрыми друзьями, какъ если бы никогда и не знали другъ-друга. Я хочу, чтобы вы помѣстили меня въ высшую школу, и чтобы я могъ часто видѣться съ мамой и Левой; а такъ какъ вы живете далеко отъ насъ, то вамъ придется давать мнѣ денегъ на проѣздъ. Заполнивъ четыре страницы этого письма, подписываюсь *Филиппъ Липкотъ*."

Филь нѣсколько разъ перечиталъ это посланіе и нашелъ, что оно не нуждается въ поправкахъ. Особенно былъ онъ доволенъ его высокомѣрнымъ тономъ. Пускай черная женщина знаетъ, съ кѣмъ она имѣетъ дѣло. Этотъ актъ независимой иниціативы преисполнилъ его гордости; многимъ-ли мальчикамъ его лѣтъ приходится писать „отъ себя" такія отвѣтственныя письма? Мать и Левъ отказались читать его письмо; имъ довольно было знать, что въ общемъ смыслѣ оно заключаетъ въ себѣ утвердительный отвѣтъ на предложеніе м-съ Дювинъ.

Филь заклеилъ конвертъ и вышелъ изъ дому, чтобы опустить письмо въ почтовый ящикъ. Глухой звукъ его паденія на дно ящика почти испугалъ его, наполнивъ сознаніемъ чего-то рѣшеннаго безповоротно; въ первый разъ онъ понялъ, что въ его рѣшеніи есть что-то страшно важное; что онъ взялъ свою судьбу въ свои руки и вывелъ ее изъ предначертанной колеи. Онъ почти бѣгомъ удалился отъ ящика. Никогда еще не чувствовалъ онъ себя такимъ одинокимъ, какъ въ эту минуту; ему хотѣлось быть съ матерью, съ братомъ; но мать ушла на работу на цѣлый день, а Левъ уже съ недѣлю, какъ уходилъ куда-то прямо изъ школы и возвращался только къ ужину. Онъ не давалъ

никакихъ объясненій своихъ продолжительныхъ отлучекъ, а спрашивать его о томъ, чего онъ самъ не говорилъ, было бы напрасно.

Филь безцѣльно бродилъ по улицамъ, пока не встрѣтилъ Желтаго Джо, который, засунувъ руки въ карманы, обколачивалъ пятки о фонарный столбъ. „Желтый" было прозвище Джо,—переводъ его оффиціальнаго имени Джозефъ Шафранъ. Это былъ одинъ изъ немногихъ школьныхъ товарищей, съ которыми Левъ позволялъ знаться своему брату.

— Здравствуй, Джо!

— А! Филь! Отчего ты не сидишь дома за книгой?

— Дѣло было, письмо отправилъ.

Джо счелъ долгомъ вѣжливости поинтересоваться, кому и о чемъ; но Филь воздержался отъ объясненій, не успѣвъ узнать мнѣнія Льва на счетъ огласки событія въ ихъ семьѣ. Отпарировавъ разспросы какъ умѣлъ, онъ самъ перешелъ въ наступленіе.

— Скажи мнѣ, Джо, знавалъ ты богатыхъ людей?—спросилъ онъ какъ бы между прочимъ.

Джо самоувѣренно засунулъ руки поглубже въ карманы.

— Сколько ты желаешь занять?

Филь засмѣялся.—Не ростовщиковъ, а настоящихъ богачей.

— Не могу сказать, чтобы я зналъ близко кого нибудь изъ нихъ,—началъ Джо послѣ минутнаго размышленія.—Впрочемъ, разъ въ праздникъ одинъ франтъ, который знакомъ съ регентомъ нашего хора и бываетъ на репетиціяхъ, пригласилъ насъ къ себѣ. Когда мы вошли, человѣкъ, стоявшій у двери, принялся чистить наши сапоги и такъ усердно теръ ихъ, что я думалъ—они загорятся. Потомъ насъ свели въ комнату съ кранами холодной и горячей воды и заставили вымыть руки. Послѣ этого пригласившій насъ франтъ ввелъ насъ въ комнаты, гдѣ его миссисъ осмотрѣла насъ въ очки съ длинной ручкой. Ты думаешь, насъ стали угощать потомъ пряниками и кексами?—какъ бы не такъ! Насъ заставили сначала пропѣть разные гимны и ужъ потомъ угостили, должно быть, ужиномъ. Но рабъ подносилъ намъ блюда съ такими странными кушаньями, что

мы не знали, какъ за нихъ приняться, и говорили: „Покорно благодарю; не хочу“. Послѣ ужина франтъ разсказалъ намъ сказку о Іудѣ Маккавеѣ, о томъ, какой онъ былъ хорошій мальчикъ, и какъ намъ должно быть стыдно, что мы не похожи на него; а когда я зѣвнулъ, онъ сталъ смѣяться надъ тѣмъ, что я щелкнулъ зубами, закрывая ротъ. Если этотъ хлыщъ еще живъ, такъ только потому, что мы не могли придумать для него довольно жестокой смерти.

Было ясно, что на разсказъ Джо нельзя полагаться; онъ явно преувеличивалъ или искажалъ то, чего не понималъ. Однако все же онъ заронилъ въ умъ Филя не совсѣмъ благопріятное мнѣніе о богатыхъ людяхъ. Но вѣдь мама лучше знаетъ. Развѣ она отдала бы его къ нимъ, еслибы всѣ они были такіе.

Не находя большого удовольствія въ обществѣ Желтаго Джо, Филь простился съ нимъ и продолжалъ путь одинъ, давая себѣ слово собрать нужныя справки не черезъ школьныхъ товарищей, а какимъ-нибудь другимъ путемъ. Въ перспективѣ у него было еще часа два одиночества и онъ рѣшился убить ихъ новымъ для него способомъ: слоняясь по улицамъ.

Хотя онъ шелъ, не спѣша и тщательно оберегая подошвы своихъ сапоговъ, въ которыхъ уже имѣлись большіе изъяны, однако все же зашелъ далеко за предѣлы обычнаго круга своихъ прогулокъ и очутился въ одномъ изъ центровъ, гдѣ сходятся лондонскія желѣзныя дороги. Какая-то старуха тяжело поднималась на станцію по каменнымъ ступенямъ, не спуская глазъ съ зеленаго чемодана, который двигался рядомъ съ нею на человѣческихъ плечахъ. Въ первую минуту Филю показалось, что чемоданъ замѣняетъ голову на этихъ плечахъ, но, подойдя ближе, онъ услышалъ вылетавшее изъ подъ него тяжелое дыханіе, завершавшееся звукомъ, похожимъ на рыданіе. Любопытство и какое-то странное предчувствіе, порожденное знакомымъ костюмомъ носильщика, побудило Филя послѣдовать за нимъ. Въ пассажирскомъ залѣ носильщикъ снялъ съ плечъ чемоданъ и Филь убѣдился, что онъ не ошибся: это былъ Левъ. Онъ стоялъ теперь, красный и запыхавшійся, пока старуха отсчитывала шесть полупенсовъ, которые она положила въ его руку, еще дрожавшую отъ напряженія.

— Зачѣмъ ты не сказалъ мнѣ, что это ты? Я помогъ бы тебѣ тащить чемоданъ по ступенямъ,—спросилъ Филь, подойдя къ брату.

— Ты здѣсь? — сказалъ Левъ безъ всякого смущенія. Ужъ не шпіонишь ли?

— Провалиться сейчасъ...

Левъ перебилъ кивкомъ головы, говорившимъ, что съ его стороны инцидентъ исчерпанъ. Филь шелъ возлѣ него, теряясь въ мысляхъ и не зная, что сказать.

— Вѣдь ты могъ надорваться,—замѣтилъ онъ наконецъ.

— На то и шелъ. Впрочемъ, невсегда приходится носить такія тяжести.

— И ты дѣлаешь это каждый вечеръ?

— Да, когда есть, что дѣлать. Дѣла-то немного, а охотниковъ на него вдоволь.

— Если бы мама знала!..

Левъ повернулся къ нему спокойнымъ движеніемъ и сказалъ:—Мама не узнаетъ,—понялъ?

— Мнѣ чувствуется, какъ будто мы замышляемъ ложь.

— Если я не говорю о томъ, что мнѣ чувствуется,—сказалъ Левъ, потирая свои плечи,—такъ ужъ тебѣ-то нечего толковать о твоихъ чувствахъ.

— Такъ зачѣмъ же ты это дѣлаешь?—спросилъ Филь, чуть не плача.

— А затѣмъ, что мнѣ пришла охота ѣсть яблоки. Жить безъ нихъ не могу. Не вѣришь? А вотъ, какъ засучу рукава, такъ и повѣришь. Впрочемъ, я поношу еще дня четыре и баста!

— Зачѣмъ же носить?

— Вѣдь это подготовка. Что нужно, чтобы начать какое нибудь дѣло?

— Не знаю, Левъ,—я никогда не думалъ объ этомъ.

— Деньги нужны. Вотъ поэтому я и таскаю багажъ. Не безпокойся, я не застряну въ этомъ; не велика честь быть носильщикомъ. Но вѣдь пока я не кончилъ школы, я не могу считать себя настоящимъ мужчиной, а мальчишка можетъ дѣлать многое, что не прилично взрослому.

— А мама думаетъ, что ты ходишь къ Шпиглеру.

— Это въ лавкѣ-то служить? За шиллингъ въ недѣлю, со своими передниками? Ну, нѣтъ! У меня будетъ своя фирма „Льюисъ Липкотъ безъ К°". Однако пойдемъ домой. Этотъ чемоданъ отдавилъ мнѣ плечи.

Хотя разлука Филя съ матерью и братомъ была уже дѣломъ рѣшеннымъ, а все же отвѣтъ миссисъ Дювинъ на письмо Филя, съ извѣщеніемъ, что она пріѣдетъ за нимъ черезъ два дня, отозвался въ сердцахъ всѣхъ членовъ семьи, какъ грозный приговоръ, не смотря на то, что онъ былъ написанъ въ самыхъ мягкихъ выраженіяхъ. Но каждый, видя, что другіе принимаютъ это съ покорностью судьбѣ, старался затаить горе въ своемъ сердцѣ, чтобы не огорчать другихъ.

VI.

Въ пятницу, день, назначенный для переселенія Филя, миссисъ Дювинъ все утро размышляла надъ вопросомъ, ѣхать ли ей за нимъ въ собственномъ экипажѣ, и не будетъ ли эта выставка богатства передъ голодными глазами жителей Узкой улицы слишкомъ неумѣстной. Но карета была послѣднимъ подаркомъ ея покойнаго мужа и ей казалось, что, употребивъ ее въ настоящемъ случаѣ, она какъ бы раздѣлитъ съ нимъ свою отвѣтственность въ предпринимаемомъ дѣлѣ. Въ своемъ рѣшеніи она не колебалась ни минуты, чувствуя, что она не только не измѣняетъ этимъ памяти любимаго сына, но какъ бы ставитъ ему живой монументъ въ своей семьѣ. Притомъ же—съ улыбкой подумала она—видъ экипажа послужитъ въ глазахъ Филя ручательствомъ въ томъ, что его будутъ кормить три раза въ день.

Дюльси попросилась сопровождать ее и мать охотно согласилась, надѣясь что болтовня дѣвочки не дастъ разбѣгаться ея мыслямъ. „Я старѣюсь и становлюсь мнительной", говорила она себѣ. Но ей было всего тридцать пять лѣтъ и мнительность была не признакомъ старости, а слѣдствіемъ ея возбужденнаго состоянія.

Въ Спитальфельдскомъ кварталѣ экипажу пришлось ѣхать шагомъ, такъ какъ улицы кишѣли дѣтьми, совавшимися почти подъ ноги лошадей. Миссисъ Дювинъ дала удивленному кучеру надлежащія указанія и при въѣздѣ въ Узкую улицу Дюльси вскричала, указывая рукой:

— Мама, гляди, вонъ онъ!

— Кто?

— Кричавшій мальчикъ. Онъ выглядывалъ изъ за угла и убѣжалъ, когда увидѣлъ насъ.

М-съ Дювинъ была довольна, что семья будетъ предупреждена объ ея пріѣздѣ. Это дастъ время бѣдной матери приготовиться къ послѣднему акту. Дѣйствительно, когда она и Дюльси вошли, м-съ Липкотъ встрѣтила ихъ съ улыбкой, удачно маскировавшей усиліе, котораго она ей стоила.

— Не знаю, какъ и благодарить васъ, — сказала она, крѣпко пожимая руку м-съ Дювинъ.

— А что же мнѣ то сказать?—отвѣтила та.

— Не будемъ лучше ничего говорить; конечно, обѣ мы передумали въ эти дни больше, чѣмъ можно высказать словами.

— Какая вы мужественная женщина!—сказала м-съ Дювинъ, глядя на нее съ жалостью и удивленіемъ.

— Я—мужественная? Скорѣе это можно сказать о васъ.

— Вы смѣетесь надо мною, миссисъ Липкотъ. Я должна казаться вамъ эгоисткой.

— Вы забываете, чѣмъ вы сами рискуете. Что́ вы знаете о моемъ сынѣ? Что́ вамъ ручается, что онъ не испорченный, не порочный мальчикъ? Самая готовность моя разстаться съ нимъ должна бы внушать вамъ сомнѣнія. Вы не наводили справокъ, не осматривали его какъ теленка на рынкѣ; вы просто послѣдовали голосу сердца. Это ли не мужество?

М-съ Дювинъ внимательно слушала.

— Я очень рада, что вы показали мнѣ дѣло съ этой стороны,—сказала она, когда мать Филя кончила:—и очень благодарна вамъ за то, что вы нѣсколько подняли меня въ собственныхъ глазахъ.

М-съ Липкотъ хотѣла что то сказать, но промолчала и съ безмолвной мольбой перевела свой взглядъ съ лица гостьи на Филя. М-съ Дювинъ поняла ее.

— Что Филь,—готовъ?—спросила она самымъ мягкимъ тономъ.

— Готовъ,—отвѣтилъ Левъ безсознательно рѣзкимъ тономъ. Ему наскучила эта сцена. Притомъ же онъ все время чувствовалъ на себѣ взглядъ дѣвочки, а самъ боялся взглянуть на нее. Раза два глаза ихъ встрѣтились и онъ покраснѣлъ и поскорѣе перевелъ взглядъ въ сторону. А она продолжала глядѣть на него, словно онъ былъ восковая кукла. Это сердило его, заставляло чувствовать ея превосходство надъ нимъ, и ему хотѣлось, чтобы вся эта исторія разставанья поскорѣе кончилась.

Мать уже прощалась съ Филемъ. Черная дама глядѣла въ окно и Левъ былъ доволенъ этимъ; у нея, конечно, пустыя стекла, а у нихъ съ налѣпленными картинками. Вдругъ онъ вздрогнулъ: дѣвочка—стояла возлѣ него и говорила:

— Надѣюсь, что вы не оттого такой сердитый, что мы увозимъ вашего брата?

Рыданія, давно душившія Льва, чуть было не прорвались наружу.

— Ничего,не безпокойтесь,—отвѣтилъ онъ неопредѣленно.

— Мы будемъ ласковы съ нимъ.

— И хорошо сдѣлаете.

Онъ могъ быть доволенъ: рѣзкіе отвѣты его видимо смутили самоувѣренную дѣвочку и она не нашлась болѣе, что сказать. Но тутъ вниманіе Льва было отвлечено Филемъ, который въ слезахъ бросился къ нему на шею.— Прощай, Левъ!

— Полно хныкать; что скажутъ люди внизу?—строго шепнулъ ему Левъ.

— Не могу,—отвѣтилъ Филь, однако тотчасъ пересталъ плакать. Собственно ему было мало дѣла до того, что подумаютъ о немъ нижніе жильцы, такъ какъ онъ уѣзжалъ; но онъ не хотѣлъ оставлять насмѣшки въ наслѣдство Льву.

М-съ Липкотъ пошла къ двери, но м-съ Дювинъ остановилась въ нерѣшимости, видимо желая что то сказать и не находя словъ. М-съ Липкотъ угадала ея мысль.

— Ни одного пенни, миссисъ Дювинъ. Я не продаю своего сына. Конечно, и вы не захотите, чтобы дѣло имѣло такой видъ.

— Я не въ томъ смыслѣ,—начала м-съ Дювинъ. Мнѣ просто хотѣлось бы облегчить какъ нибудь ваше положеніе.

Вотъ хотя бы для вашего другого сына—я могла бы пристроить его въ контору къ одному изъ моихъ друзей.

— Очень благодаренъ, сударыня,—отозвался Левъ, къ которому она обратилась при послѣднихъ словахъ.—Я уже придумалъ себѣ дѣло.

М-съ Дювинъ обезкураженно пожала плечами.—Вы точно сговорились наказать меня,—сказала она съ грустной улыбкой.—Дайте мнѣ, по крайней мѣрѣ, слово, миссисъ Липкотъ, что въ случаѣ, еслибы вамъ понадобилась помощь, вы отнесетесь къ мнѣ, какъ къ сестрѣ.

Миссисъ Липкотъ дала это слово, такъ какъ оно ни къ чему не обязывало, и затѣмъ всѣ двинулись къ двери,— Филь впереди всѣхъ. Онъ избѣгалъ глядѣть на мать и брата, чтобы снова не расплакаться и не сдѣлать изъ себя зрѣлища для нижнихъ жильцовъ. За нимъ слѣдовали мать и миссисъ Дювинъ, которая дѣлилась со своею спутницей своими планами въ ближайшемъ будущемъ, между прочимъ планомъ поѣздки на морской берегъ для здоровья Филя. Шествіе замыкали Дюльси со Львомъ. Дѣвочка подождала, пока онъ запиралъ за собою дверь на ключъ, и потомъ безъ церемоніи вложила въ его руку свою. Спускъ съ лѣстницы казался ей не безопаснымъ. Но Левъ не оцѣнилъ ея довѣрія и отдернулъ свою руку.

— Отчего?—спросила Дюльси съ удивленіемъ.

— У меня пальцы грязные, вы замараете ваши митенки.

— У меня не митенки, а перчатки,—обиженно поправила дѣвочка. Въ сердцахъ, она оступилась и чуть не упала. Дѣлать нечего, Льву пришлось подать ей руку.

— Только до низу,—пригрозилъ онъ.

Какъ ни пріятно было ощущеніе теплой маленькой ручки, но боязнь показаться смѣшнымъ нижнимъ жильцамъ перевѣшивала все. Дюльси, не знавшая причины его неучтивости, прямо объявила ему, что онъ „гадкій“.

— Мнѣ все равно,—отвѣтилъ Левъ.

— Не хорошо, если вамъ все равно, гадкій или нѣтъ.

— Я думаю, и вамъ то же говорили.

— Никогда.

— Ну, такъ скажутъ.

Левъ ухватился за перила, ожидая нападенія, и повер-

нулъ лицо къ дѣвочкѣ, чтобы не быть застигнутымъ врасплохъ. Но, къ удивленію своему, онъ увидѣлъ на ея лицѣ, вмѣсто гнѣва, кроткую улыбку.

— Не будемъ ссориться,—сказала она.

— Хорошо,—отвѣтилъ Левъ, но тотчасъ раскаялся въ своей податливости. Кто знаетъ, не скрывается-ли подъ этой доброй улыбкой какая-нибудь ловушка?

Они продолжали сходить съ лѣстницы молча и, когда вышли на дворъ, голова колонны была уже у кареты. Филь со страхомъ глядѣлъ на блестящій экипажъ и спрашивалъ себя, какимъ масломъ его мажутъ. Онъ едва повѣрилъ своимъ глазамъ, когда м-съ Дювинъ, отворивъ дверцу, пригласила его жестомъ садиться въ экипажъ. Филь рискнулъ однако еще разъ обнять мать и пожать руку брату, и на этотъ разъ дѣло обошлось безъ слезъ.

Впрочемъ, Левъ не далъ ему отдѣлаться такъ дешево. Онъ наклонился и шепнулъ ему на ухо:

— Помнишь, Филь, что ты уже ѣхалъ разъ въ каретѣ?

Филь посмотрѣлъ на него, недоумѣвая, но потомъ вспомнилъ.

— Помню; на похоронахъ папы.

— И не забудешь этого никогда?

— Никогда.

Левъ остался доволенъ. Онъ зналъ, что Филь понялъ значеніе его вопроса. Проводы тѣла отца въ траурной каретѣ были самымъ грустнымъ воспоминаніемъ ихъ дѣтства; эта мрачная сцена показала имъ, какъ близки они другъ другу, и память о ней не разъ сдерживала обидное слово, которое готово было сорваться съ языка у того или другого подъ сердитую руку. Но они никогда не говорили объ этомъ, и только теперь, когда дороги ихъ расходились и ни одинъ не зналъ, скрестятся-ли онѣ опять когда-нибудь, они почувствовали потребность убѣдиться, что у нихъ сохранится, по крайней мѣрѣ, одно общее воспоминаніе, которое навсегда останется связью между ними. Они какъ бы поклялись такимъ образомъ въ вѣчной братской дружбѣ.

— Никогда!—повторилъ Филь, и, прежде чѣмъ замеръ звукъ этого слова, карета отъѣхала. Левъ продолжалъ стоять на томъ же мѣстѣ, пока мать не дотронулась до его руки, говоря:

— Пойдемъ домой, Левъ; что же тутъ стоять?

Онъ тутъ только замѣтилъ, что ихъ окружаетъ толпа сосѣдей, осаждающихъ разспросами его мать. Она коротко отвѣчала имъ. Да, лучше пойти домой и показать дверь всякому непрошенному гостю. Въ уединеніи найдется, можетъ-быть, лѣкарство отъ жгучей боли въ глазахъ и отъ тяжести, которая давитъ ему на мозгъ. Онъ нѣжно взялъ свою мать за руку и повелъ по лѣстницѣ.

Но желанное уединеніе еще не было достинуто. Едва успѣли они войти въ свою комнату и окинуть ее грустнымъ взглядомъ, инстинктивно ища знакомую фигуру, какъ на лѣстницѣ послышался шелестъ юбокъ, дверь распахнулась, и въ комнату влетѣла м-съ Брилліантъ, красная и запыхавшаяся.

— Что это? Правду-ли мнѣ сказали?—проговорила она, съ трудомъ переводя духъ.

М-съ Липкотъ посмотрѣла на нее, и выраженіе этого взгляда заставило вошедшую придать своимъ дальнѣйшимъ словамъ извиняющійся тонъ.

— Я видѣла, какъ отъѣхала отъ этого дома карета, и мнѣ сказали внизу, будто вашего Филя увезли.

— Это правда.

— Какъ? кто? увезли кататься?

— Нѣтъ, совсѣмъ. Его усыновила м-съ Дювинъ.

— Дювинъ?—Богачка?

— Да, кажется, она не бѣдна.

М-съ Брилліантъ всплеснула руками.—И я могла бы застать ее, если бы пришла десятью минутами раньше! А я такъ давно ищу случая познакомиться съ нею. Да разскажите же, какъ это случилось.

М-съ Липкотъ коротко передала подробности.

— Такъ, значитъ, всему причиной письмо въ бюро попечительства!—вскрѝчала гостья съ торжествующимъ блескомъ въ глазахъ.

— Повидимому, такъ.

— А вѣдь это я написала письмо.

— Вы?—вскричали въ унисонъ мать и сынъ.

— Я,—повторила м-съ Брилліантъ и сдѣлала такой жестъ, какъ-будто оборонялась отъ бури благодарности.—Это моя идея. Какъ всегда, я была вашимъ ангеломъ-хранителемъ.

— Не очень-то мы вамъ благодарны за это,—сказала м-съ Липкотъ.

— Великій Боже! эта женщина съ ума сошла!—вскричала м-съ Брилліантъ, обращаясь къ воображаемымъ свидѣтелямъ.—Да, для такихъ людей, какъ вы, что ни дѣлай,—имъ все мало! Я помогла вамъ сбыть съ рукъ одного изъ вашихъ сыновей, который будетъ теперь воспитанъ, какъ принцъ, и вы „не очень-то“ благодарны! Стыдитесь!

Левъ сжалъ кулаки, готовый встать на дыбы, но сообразивъ, что лучше предоставить матери наказать эту женщину, отошелъ и сѣлъ въ дальнемъ углу.

— Я не хочу притворяться благодарной,—сказала м-съ Липкотъ.—Я знаю, что вы желали намъ добра, но, если бы вы не написали этого письма, Филь былъ бы еще съ нами. Я не рѣшилась взять на себя отвѣтственность за отказъ отъ предложенія этой дамы; но если бы его не было, сколько горя миновало бы меня! И кто знаетъ, не лучше-ли было бы для Филя, если бы онъ собственными силами прокладывалъ себѣ дорогу въ жизни. А главное—мы не разлучались бы—вотъ все, о чемъ я могу теперь думать.

— Очень рада, что есть еще шансы на то, что вы когда-нибудь образумитесь,—саркастически замѣтила м-съ Брилліантъ, вставая.—На меня больше не разсчитывайте.

— Богъ поможетъ,—отвѣтила м-съ Липкотъ, хотя сердце ея тоскливо сжалось, когда за вышедшей гостьей хлопнула дверь: м-съ Брилліантъ доставляла ей половину ея заработка.

Но надежда на Бога тотчасъ оправдалась. Черезъ минуту м-съ Брилліантъ снова появилась въ дверяхъ, и съ совершенно другимъ выраженіемъ лица.

— Кстати, м-съ Липкотъ,—сказала она очень мягкимъ тономъ,—я нашла для васъ легкую стирку на понедѣльникъ. Желаю вамъ веселаго шабаша.

— Веселаго!—съ горечью прошептала м-съ Липкотъ.

VII.

Сильныя ощущенія этого дня напрягли до высокой степени впечатлительность Филя. Каждый толчокъ экипажа дѣйствовалъ на него, какъ электрическій ударъ, и его коробило подъ ласковыми взглядами сидѣвшей противъ него „черной“ дамы.

— Не будь такимъ печальнымъ,—шутливо сказала миссисъ Дювинъ.

— А развѣ я могу быть веселымъ,—отвѣтилъ Филь. Въ этихъ словахъ прорвалось наполнявшее его раздраженіе; ему казалось, что его похитили.

Дюльси въ раздумьи поглядѣла на него и замѣтила:

— А мнѣ нравится, что ты такъ говоришь.

— Отчего?—спросилъ Филь.

— Не знаю,—отвѣтила дѣвочка. Она могла бы сказать, что онъ напомнилъ ей „кричавшаго мальчика“, если бы сознавала это.

Не была недовольна рѣзкимъ отвѣтомъ Филя и сама м-съ Дювинъ; она понимала его раздраженіе, и ей было пріятно узнать, что онъ имѣетъ мужество высказывать свои мнѣнія. Въ то же время она понимала и свою отвѣтственность.

— Мы постараемся, чтобы ты былъ счастливъ. Надо только, чтобы ты помогъ намъ въ этомъ.

Филь насторожился: вотъ сейчасъ ему поставятъ какое-нибудь условіе, и „черная“ дама покажетъ свою игру.

— Помочь вамъ? Я не могу обѣщать сдѣлать что-нибудь трудное,—сказалъ онъ упрямо.

— Это не трудно: я хочу только, чтобы ты имѣлъ ко мнѣ немного довѣрія. Неужели ты думаешь, что твоя мама отдала бы тебя мнѣ, если бы не была увѣрена, что тебѣ будетъ хорошо? Имѣй же и ты немножко довѣрія ко мнѣ.

— Вотъ ужъ я-то не стала бы его упрашивать!—съ негодованіемъ вскричала Дюльси.—Тебя, мама, всѣ хвалятъ.

М-съ Дювинъ мягко прикрыла ей ротъ рукой.—Дай Филю отвѣчать.

— Это на счетъ довѣрія?—сказалъ тотъ.—Что же—постараюсь... Развѣ я могу обѣщать?

М-съ Дювинъ засмѣялась, но отъ удовольствія, а не потому, что отвѣтъ показался ей смѣшнымъ. Она знала, что съ дѣтьми надо обращаться, какъ съ нѣжными растеніями.

— Вотъ и Эджваръ Родъ,—замѣтила Дюльси, глядѣвшая въ окно.—Помнишь, ты говорила дядѣ Браму...

— Да, да, мы туда,—торопливо отвѣтила мать.

Филь навострилъ уши. Эджваръ Родъ? Зачѣмъ сюда? Это не та улица, куда онъ адресовалъ свое письмо.

— Вы здѣсь живете?—спросилъ онъ, когда экипажъ остановился.

— Мы?—съ негодованіемъ вскричала Дюльси.—Развѣ ты не видишь, что это магазинъ платья?

Филь машинально послѣдовалъ за своими спутницами въ магазинъ, который показался ему какимъ-то волшебнымъ дворцомъ.

— Полный костюмъ для молодаго джентльмена? Пожалуйте, сударыня, сюда,—говорилъ приказчикъ, изгибаясь въ поклонахъ.

„Молодой джентльменъ! Съ чего это онъ вздумалъ дурачиться"—чуть не сорвалось съ языка Филя. Но въ словахъ и манерахъ приказчика не было и тѣни ироніи. Онъ самымъ старательнымъ образомъ снималъ мѣрку съ Филя.

— Одѣньте на него теперь же этонскій костюмъ,—сказала м-съ Дювинъ, кончивъ переговоры съ купцомъ, изъ которыхъ Филиппъ понялъ, къ своему великому изумленію, что для него заказываются разомъ три полныхъ костюма.

— Хорошо, сударыня; только не лучше ли выбрать сначала три ассортимента всего прочаго?

„Еще прочаго? Да что же это значитъ, всю лавку, что-ли, скупаютъ?"

Было выбрано три пары сапоговъ—патентованныхъ, со снуровкой—и туфли; затѣмъ цѣлый запасъ воротничковъ, галстуховъ, манжетъ, носовыхъ платковъ и пр. По части головного прикрытія были отобраны двѣ шапочки, котелокъ и—нѣтъ! ужъ это слишкомъ! Что сказалъ бы желтый Джо, увидѣвъ Филя Липкота въ цилиндрѣ?... Протестовать было бы напрасно. Неумолимый приказчикъ подвелъ его къ огромному зеркалу, заставилъ сознаться, что все къ нему

очень идетъ, и потомъ увелъ въ другую комнату, чтобы переодѣть въ этонскій костюмъ.

По возвращеніи въ магазинъ, Филь видѣлъ, какъ м-съ Дювинъ отсчитала девять блестящихъ совереновъ, съ которыхъ ей дали всего три шиллинга сдачи. Онъ убѣдился теперь, что съ нимъ не шутятъ; слишкомъ дорого стоила бы такая шутка. Возвращаясь въ карету, онъ придумывалъ, чтб бы ему сказать м-съ Дювинъ. Когда они сѣли въ экипажъ, онъ дотронулся до ея руки въ черной перчаткѣ и проговорилъ:

— Благодарю васъ, мадамъ.

Онъ слышалъ, что приказчикъ такъ называлъ ее.

М-съ Дювинъ удержала его руку въ своей и, прежде чѣмъ онъ успѣлъ что-нибудь сообразить, наклонилась и поцѣловала его въ щеку.

— И меня, мама!—вскричала Дюльси. Сорвавшись съ мѣста она обхватила шею матери и стала цѣловать ее съ безумной страстностью. М-съ Дювинъ успокоительно поглаживала ее по спинѣ. Этотъ порывъ послужилъ для нея предостереженіемъ, показавъ, какая осторожность нужна съ этимъ ребенкомъ, чтобы не заронить въ него искры ревности.

— Но ты не долженъ говорить мнѣ „мадамъ",—съ улыбкой обратилась она къ Филю, который глядѣлъ большими глазами на сцену между матерью и дочерью.

— Онъ и мамой не долженъ звать тебя; ты моя мама, и больше ничья!—объявила Дюльси, и сѣрые глаза ея, обыкновенно смотрѣвшіе такъ мягко, сверкнули стальнымъ блескомъ.

У м-съ Дювинъ мелькнула счастливая мысль.

— А какъ, по-твоему, онъ долженъ называть меня?—спросила она серьезно.

Это воззваніе къ авторитету Дюльси произвело свое дѣйствіе. Она поглядѣла на Филя, и гнѣвъ ея перешелъ въ жалость. Бѣдный мальчикъ, ему, должно быть, совсѣмъ невесело, и она еще подбавляетъ ему огорченія. Однако все же мама должна быть только ея мамой, это ясно!

— Ты можешь звать мою маму „тетей"—великодушно замѣтила она.—Вѣдь „тетя"—это какъ бы вторая мама.

— Великолѣпно, Дюльси!—сказала м-съ Дювинъ, по-

нявшая серьезность этого мелочнаго, повидимому, вопроса о титулѣ.—Ты ничего не имѣешь, Филь, противъ „тети"?

Онъ ничего не имѣлъ, и кризисъ благополучно миновалъ. Дюльси спокойно усѣлась въ своемъ углу и опять приняла ангельски-невозмутимый видъ, но Филь не могъ удержаться, чтобы не посматривать на нее сбоку. Онъ почувствовалъ, что она совсѣмъ не такая „простенькая", какою онъ считалъ ее. Впрочемъ, онъ недолго останавливался на этой мысли; въ головѣ его вертѣлся вопросъ поважнѣе: онъ чувствовалъ зарождающееся влеченіе къ своей такъ-называемой теткѣ и хотѣлъ удостовѣриться въ этомъ фактѣ прежде чѣмъ что-нибудь помѣшаетъ. Но тутъ экипажъ остановился и Дюльси внушительно сказала:

— Вотъ нашъ домъ.

Филь посмотрѣлъ на красивое четырехъэтажное зданіе, спрашивая себя, много ли то комнатъ занимаетъ въ немъ его тетка; но ему не пришлось долго размышлять. Одновременно распахнулись ворота и дверь подъѣзда, и изъ послѣдней вышли двѣ молодыя женщины въ бѣлыхъ чепцахъ. Онѣ помогли сидѣвшимъ въ каретѣ выйти и, по слову м-съ Дювинъ, взяли картоны съ гардеробомъ Филя. Онъ замѣтилъ, что онѣ украдкой поглядываютъ на него, но въ этихъ взглядахъ не было ничего обиднаго. Филя смутило только то, что такія нарядныя дамы несутъ багажъ, а онъ стоитъ праздно.

— Могу я помочь имъ?—спросилъ онъ м-съ Дювинъ полушепотомъ.

— Нѣтъ, сэръ, благодарю васъ; намъ не тяжело,—отвѣтила одна изъ дамъ, разслышавъ его вопросъ.

Филь чуть не расхохотался. Дурочка! если бы она знала кого она величаетъ „сэромъ":—Филиппа Липкота изъ Узкой улицы, у котораго мать—прачка.

— Идемъ, сказала м-съ Дювинъ, взявъ его за плечо.

— Вы еще съ кучеромъ не расплатились,—напомнилъ Филь.

— Мы никогда не платимъ Джону; онъ нашъ, и лошади наши,—пояснила Дюльси.

Филь былъ пораженъ. Онъ вопросительно поглядѣлъ на м-съ Дювинъ, но она только улыбнулась въ отвѣтъ. Значитъ, правда; его новая тетка не стала бы улыбаться, если бы дочь ея солгала. Итакъ, онъ попалъ къ людямъ, которые цѣлый день могутъ кататься, если захотятъ. А вѣдь это недурно. Но вдругъ у него мелькнуло сомнѣніе. Онъ остановилъ Дюльси, всходившую по ступенямъ подъѣзда, и шопотомъ спросилъ, указывая на женщинъ, несшихъ багажъ:—Кто эти дамы?

— Это не дамы,—отвѣтила дѣвочка также шопотомъ изъ уваженія къ его конфиденціальному тону.—Высокая—Бетси, а пониже—Джэнъ, а въ кухнѣ м-съ Исаакъ, которая стряпаетъ.

— И всѣ онѣ—ваши?

— Не мои, а мамины,—впрочемъ, и мои немножко.

— А вы держите квартирантовъ?

— Квартирантовъ? Что это значитъ?

М-съ Дювинъ, шедшая впереди, вошла въ сѣни и обернулась, глядя съ довольнымъ видомъ на оживленныя лица дѣтей.

— Входите, милые мои,—позвала она.—Дома удобнѣе разговаривать.

Филь, поднявшись наверхъ, радостно удивился: онъ увидѣлъ на правой сторонѣ двери жестяную капсюлю, заключающую въ себѣ имя Бога изъ трехъ буквъ,—знакъ, который, по еврейскому обычаю, долженъ находиться на двери каждаго еврейскаго дома. Филь, конечно, зналъ, что м-съ Дювинъ одной съ нимъ вѣры, тѣмъ не менѣе видъ „мезузы" былъ для него ручательствомъ родства, чувство котораго вся ея доброта еще не успѣла пробудить въ его сердцѣ. Какъ ни чужды были они еще другъ другу, какъ ни раздѣляли ихъ богатство и общественное положеніе, но этотъ знакъ служилъ между ними связью, которой ни тотъ, ни другой не сталъ бы отрицать. Первый разъ въ жизни Филь понялъ истинное значеніе этого знака, скрѣпляющаго братство евреевъ. И входя въ этотъ таинственный для него домъ, онъ оставилъ всѣ страхи за порогомъ.

(До слѣд. книги).

Перев. А. Каррикъ.

Наше законодательство о евреяхъ

ЗА ПОСЛѢДНЕЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

Und ich hab es doch getragen,
Aber fragt mich nur nicht: wie?
Heine.

Чѣмъ труднѣе дышется, чѣмъ тяжелѣе жизнь,—тѣмъ съ большимъ упованіемъ человѣкъ ожидаетъ наступленія условныхъ граней, которыми мы отдѣляемъ одинъ отъ другого опредѣленные промежутки времени.—Когда опрокидываются всѣ логическіе разсчеты, когда дѣйствительность перестаетъ реагировать на благоразумные доводы ума и чувства, тогда, подобно безнадежно больному, обращающемуся отъ медицинскихъ свѣтилъ къ знахарству, остается надѣяться на авось, на помощь сверхъестественныхъ силъ.—Приблизительно въ такомъ положеніи находились (да и находятся, конечно) русскіе евреи на зарѣ такъ много обѣщающаго XX столѣтія. „Быть можетъ, пишетъ одинъ изъ нихъ въ запискѣ, представленной въ министерство внутреннихъ дѣлъ, Богу угодно будетъ и впредь продолжать то испытаніе цѣлой массы вѣрноподданныхъ Государя Императора... Но, быть можетъ, попеченіе правительства о всѣхъ вѣрноподданныхъ Государя вызоветъ къ евреямъ болѣе милостивое отношеніе".

Эта надежда къ концу столѣтія не сбылась... Вообще 19 вѣкъ, вѣкъ безпринципности и оппортюнизма, не представлялъ удобной почвы для взращенія миртовъ. Торжествующей буржуазіи, въ жадномъ стремленіи сохранить свою позицію, удалось укрыться за цѣлый рядъ Prügelknaben, которыхъ и наказывали за ея грѣхи. Однимъ изъ наиболѣе удобныхъ, по истинѣ тѣмъ Макаромъ, на котораго, по пословицѣ, всѣ шишки валятся, оказалось еврейское племя. — Пользованіе этимъ Prügelknabe примѣнялось въ весьма широкихъ размѣрахъ и не замедлило принести пышный плодъ: въ одномъ изъ недавнихъ уголовныхъ процессовъ молодой рабочій, убившій еврея, на вопросъ, почему онъ это сдѣлалъ,—не задумываясь отвѣтилъ: баютъ, за нихъ суда нѣтъ.—Такъ перевелъ этотъ сынъ народа на свой простой языкъ, освобожденный отъ Conventionelle Lüge, сущность отношенія къ евреямъ.

Послѣднее десятилѣтіе не уклонилось отъ работы вѣка.— Предпринятый законодательный пересмотръ положеній объ евреяхъ, повидимому, не подвигается ни на шагъ. Собираются матеріалы, созываются и распускаются комиссіи, каждый разъ сызнова начинаются работы, засимъ признаются негодными и т. д. и т. д. Однако „впредь до законодательнаго пересмотра" (фраза, неизмѣнно повторяющаяся во всѣхъ законахъ, касающихся евреевъ) продолжаютъ приниматься временныя мѣры, приносящія весьма чувствительныя послѣдствія.—Ограничить, преградить — таковъ общій лозунгъ всѣхъ этихъ мѣръ. Съ клеветническихъ страницъ „Новаго Времени" въ оффиціальные акты переходятъ утвержденія вродѣ того, что „религія евреевъ въ дѣлахъ съ христіанами разрѣшаетъ нарушеніе всѣхъ нравственныхъ принциповъ", или, что „между евреями выработалось наслѣдственное враждебное отношеніе къ распоряженіямъ правительственныхъ властей, а слѣдовательно и къ правительственному строю". Подобныя утвержденія принимаются вполнѣ въ серьезъ и считаются нетребующими никакой провѣрки. Между тѣмъ, насколько такія смѣлыя заявленія вообще соотвѣтствуютъ дѣйствительности, можно судить хотя бы по слѣдующему примѣру. Состоявшая при министерствѣ юстиціи изъ самыхъ видныхъ судебныхъ дѣятелей комиссія, обсуждая вопросъ объ ограниченіи доступа евреевъ въ адвокатуру, сообщаетъ въ объяснительной запискѣ къ проекту, что благодаря мѣрамъ послѣдняго времени, „главнѣйшимъ или даже единственнымъ убѣжищемъ для евреевъ, получившихъ юридическое образованіе, сдѣлалось поступленіе въ присяжные или частные повѣренные", что и вызвало переполненіе адвокатуры еврейскимъ элементомъ. „На ряду съ симъ, пишетъ далѣе комиссія, неоднократно удостовѣренные предосудительные и недостойные званія присяжнаго повѣреннаго поступки евреевъ съ достаточной убѣдитель-

ностью указывали на вредное вліяніе столь большого прилива евреевъ въ среду повѣренныхъ".

Казалось бы, какъ не повѣрить столь авторитетному заявленію? Но когда юридическое общество, разсматривая этотъ вопросъ, подошло къ нему съ безпристрастными цифрами въ рукахъ, то оказалось, что изъ представленныхъ комиссіи предсѣдателемъ петерб. совѣта присяжныхъ повѣренныхъ цифровыхъ данныхъ о движеніи дисциплинарной судимости въ С.-Петербургскомъ округѣ за періодъ времени съ 1885 года по 1895 годъ усматривается, что за время усиленнаго наплыва евреевъ въ адвокатуру съ 1885 по 1890 г., когда процентное отношеніе евреевъ къ общему числу присяжныхъ повѣренныхъ достигло цифры 22%, общая дисциплинарная судимость отнюдь не была выше дисциплинарной судимости слѣдующаго пятилѣтія (1890—1895 гг.), когда, въ силу Высочайшаго повелѣнія 8 ноября 1889 года, доступъ евреевъ въ адвокатуру фактически былъ прегражденъ, и процентное отношеніе евреевъ къ общему числу присяжныхъ повѣренныхъ понизилось до 13,4%. Въ теченіе пятилѣтія 1885—1890 гг., къ концу котораго число евреевъ достигло 22,4%, по „проступкамъ особо важнымъ еврейская судимость равнялась 0, а по проступкамъ маловажнымъ достигла 12,7%—16%", т. е. всегда была ниже процентнаго отношенія евреевъ къ общему числу повѣренныхъ. Ну, и что же? Раскрытіе этой основной ошибки, совершенно опровергающее исходную точку комиссіи, заставило ее взять назадъ несправедливое обвиненіе, уничтожить ничѣмъ не вызванное стѣсненіе? — Нисколько. Бываютъ моменты, когда и сила цифръ склоняется предъ духомъ времени.

Лишь изрѣдка раздаются отдѣльные трезвые голоса среди высшихъ чиновъ администраціи, настаивающіе, что если евреи и плохи, то ихъ „нужно перевоспитать, а процессъ перевоспитанія сложенъ и труденъ, и задача правительства должна состоять въ томъ, чтобы по возможности благопріятствовать этому процессу, или по крайней мѣрѣ не задерживать его. Въ этомъ отношеніи распоряженія правительства будутъ цѣлесообразны тогда лишь, когда не будутъ налагать стѣсненій, не вызываемыхъ необходимостью, и особенно стѣсненій, распространяемыхъ не на всѣхъ одинаково. Въ противномъ случаѣ мѣропріятія не приведутъ къ цѣли". Къ сожалѣнію, эти рѣдкіе голоса таютъ въ общемъ хорѣ вражды и нетерпимости...

По времени появленія слѣдуетъ прежде всего отмѣтить Высочайшее повелѣніе 10 апрѣля 1890 г. о томъ, чтобы „принятіе лицъ нехристіанскихъ вѣроисповѣданій въ число частныхъ повѣренныхъ при уѣздныхъ съѣздахъ, впредь до изданія особаго по сему предмету закона, допускать не иначе, какъ съ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ и юстиціи, по представленіямъ о семъ предсѣдателей уѣздныхъ съѣздовъ". Этотъ законъ повторяетъ лишь по отношенію къ образованнымъ по закону 12 іюля 1889 г. судебнымъ учрежденіямъ то начало, которое годомъ раньше (8 ноября 1889 г.) установлено было, по иниціативѣ бывшаго министра юстиціи Н. А. Манасеина, относительно всей адвокатуры вообще. Мы уже упоминали выше о томъ, насколько этотъ законъ вызванъ дѣйствительными потребностями жизни, и намъ остается лишь замѣтить, что за десять лѣтъ дѣйствія этого Высочайшаго повелѣнія имѣлъ мѣсто лишь одинъ случай принятія еврея въ присяжные повѣренные, еврея, прослужившаго 25 лѣтъ членомъ суда. Больше не оказалось ни одного еврея, достойнаго получить званіе присяжнаго или частнаго повѣреннаго, несмотря на то, что многіе изъ нихъ пользуются весьма почетной репутаціей, какъ блестящіе ораторы, занимаютъ видное мѣсто въ юридическомъ обществѣ и извѣстны своими научными трудами. Очевидно поэтому, что разсматриваемое Высочайшее повелѣніе, вопреки его прямому смыслу, примѣняется на практикѣ, какъ абсолютное запрещеніе доступа евреевъ въ адвокатуру. Но мало того, дѣйствіе приведеннаго закона не исчерпывается преграждeніемъ доступа въ адвокатуру новымъ аспирантамъ; то и дѣло онъ отнимаетъ право веденія чужихъ дѣлъ у лицъ, которыя давно этимъ правомъ пользовались. Дѣло въ томъ, что по мѣрѣ территоріальнаго распространенія реформы 12 іюля 1889 г. (о земскихъ начальникахъ и городскихъ судьяхъ), частные повѣренные, состоящіе при упраздняемыхъ мировыхъ съѣздахъ, остаются, такъ сказать, за штатомъ и для пріобрѣтенія права вести дѣла въ уѣздныхъ съѣздахъ должны получить отъ послѣднихъ особое свидѣтельство, а

такія свидѣтельства, какъ уже выше было упомянуто, евреямъ фактически не выдаются.

По этому поводу (рѣчь идетъ о распространеніи положенія о земскихъ начальникахъ на Сѣверозападныя губерніи) въ спеціальномъ юридическомъ органѣ „Право" (№ 31 за 1900 г.) мы читаемъ: „такой исходъ, не говоря уже о полномъ несоотвѣтствіи его элементарнымъ требованіямъ справедливости, едва ли вызывается смысломъ и цѣлью Высочайшаго повелѣнія 1890 г. Въ самомъ дѣлѣ — этотъ законъ, какъ видно изъ текста его, вовсе не ставилъ своей задачей преградить всякій доступъ евреямъ къ адвокатурѣ, онъ, очевидно, желалъ лишь сократить сколько возможно наплывъ ихъ, и допускать только лицъ, которыя окажутся достойными того по мнѣнію высшаго правительства. Во всякомъ же случаѣ законъ этотъ ничего не говоритъ о сокращеніи наличнаго числа евреевъ повѣренныхъ, и потому безъ достаточно вѣскихъ серьезныхъ основаній едва ли правильно и цѣлесообразно принимать въ этомъ направленіи какія-либо исключительныя мѣры.

„Имѣются ли однако такія основанія?— Съ 1889 г. фактически, какъ уже замѣчено выше, евреи не допускаются въ частные повѣренные при мировыхъ съѣздахъ. Слѣдовательно—самые молодые изъ повѣренныхъ евреевъ занимаются своей профессіей въ теченіе 10 лѣтъ, но, какъ намъ извѣстно, есть не мало и такихъ, которые состоятъ повѣренными съ самаго момента открытія въ Могилевской, Минской и Витебской губерніяхъ мировыхъ учрежденій, т. е. около 30 л. По самому свойству своей профессіи адвокатъ всегда имѣетъ противниковъ, недоброжелателей, а въ перечисленныхъ губерніяхъ, гдѣ благодаря скученности, разноплеменности и крайней бѣдности населенія сутяжничество развито весьма широко, недоброжелательство принимаетъ уродливые размѣры и не прощаетъ ближнему и микроскопической соринки. Если же при этомъ принять во вниманіе, что, помимо дисциплинарной власти съѣздовъ, министру юстиціи предоставлено (406^{15} ст. учр. суд. уст.) устранять лицъ, которыя по доходящимъ до него несомнѣннымъ свѣдѣніямъ обнаруживаютъ предосудительный образъ дѣйствій,—то нельзя, конечно, сомнѣваться, что всѣ нынѣ состоящіе при съѣздахъ повѣренные, избѣгшіе дисциплинарныхъ взысканій и устраненія министерствомъ, стоятъ на высотѣ своего призванія и вполнѣ достойны того довѣрія, которымъ они въ силу своего званія облечены. Если же это такъ, если вчера они признавались достойными своего званія, то почему они могутъ оказаться недостойными сегодня, при отсутствіи какихъ бы то ни было поступковъ съ ихъ стороны; если вчера они отправляли свои обязанности въ мировыхъ учрежденіяхъ, то какой можетъ быть резонъ лишать ихъ этого права по отношенію къ уѣзднымъ съѣздамъ, компетенція коихъ является болѣе ограниченной? Это было бы непослѣдовательно со стороны самого министерства юстиціи, которое въ прошломъ году признало справедливымъ выдать свидѣтельства на хожденіе по дѣламъ въ суд. палатахъ всѣмъ помощникамъ пр. повѣренныхъ, которые имѣли такія свидѣтельства отъ окр. судовъ".

Согласится ли министерство юстиціи принять во вниманіе эти справедливыя указанія, пока еще неизвѣстно; распространеніе на указанныя губерніи положенія о земскихъ начальникахъ на время отсрочено.

Проявившееся въ восьмидесятыхъ годахъ съ необыкновенной настойчивостью стремленіе поставить евреямъ всякія преграды въ дѣлѣ образованія дѣтей своихъ нашло себѣ выраженіе и въ разсматриваемомъ десятилѣтіи. Въ 1895 г. по всеподданѣйшему докладу министра финансовъ состоялось Высочайшее повелѣніе объ ограниченіи пріема евреевъ въ одесское коммерческое училище. На этотъ разъ, впрочемъ, процентное отношеніе опредѣляется относительнымъ размѣромъ платежей, вносимыхъ евреями-купцами на содержаніе училища, и поэтому съ перваго взгляда законъ этотъ какъ будто и не можетъ вызвать противъ себя серьезныхъ возраженій. Но однако, если признано справедливымъ установить такой принципъ, то почему же онъ примѣняется только къ евреямъ, а не къ нѣмцамъ, грекамъ, армянамъ, которыхъ въ Одессѣ также очень много?

Впрочемъ, если въ свое время этотъ законъ могъ вызывать недоумѣніе и казаться необъяснимымъ, то съ тѣхъ поръ законодательная техника дала намъ такіе образцы, что остается лишь пожалѣть о прошломъ. Мы имѣемъ въ

виду утвержденный въ 1897 г. уставъ Кіевскаго коммерческаго училища, въ § 11 коего (прим. 1 и 2) указано, чтобы *въ каждомъ классѣ* отношеніе числа учениковъ-евреевъ къ числу учениковъ всего класса не превышало отношенія суммъ, ежегодно вносимыхъ купцами евреями, ко всѣмъ суммамъ, вносимымъ купеческимъ сословіемъ на содержаніе училища... Не правда ли, — недоумѣнія, вызывавшіяся прежнимъ закономъ, какъ бы блѣднѣютъ въ сравненіи съ противорѣчіями послѣдняго. Въ самомъ дѣлѣ, если уже признано возможнымъ устанавливать это платежное отношеніе, то причемъ же тутъ отдѣльные классы? Вѣдь благодаря этому именно и нарушается тотъ принципъ, который положенъ въ основу закона, ибо требованіе процентнаго отношенія для каждаго класса отдѣльно должно привести къ тому, что общее процентное отношеніе учениковъ евреевъ къ остальнымъ—во всемъ училищѣ—будетъ меньше, нежели отношеніе платежей. Очевидно—тутъ скрываются какъ бы другія невысказанныя побужденія, которыя невольно приводятъ на умъ сказанныя недавно Рихтеромъ въ прусской палатѣ депутатовъ слова: какъ невысоко цѣнятъ христіанство тѣ, которые думаютъ, что государство, 98% населенія коего составляютъ христіане, не въ состояніи перенести равноправія 1—2% иновѣрцевъ.

Мы долго не кончили бы, если бы стали перечислять всѣ учебныя заведенія, доступъ въ которыя ограниченъ для евреевъ. Ограничимся поэтому лишь указаніемъ на два существенныхъ нововведенія: во 1) правила объ ограниченіи (или полномъ прегражденіи, какъ напр. въ Московскомъ инженерномъ училищѣ) доступа евреевъ вносятся въ самые уставы, т. е. пріобрѣтаютъ характеръ прочной законодательной мѣры, а во 2) ограниченія распространяются не только на правительственныя, но и на частныя учебныя заведенія (училище Файга въ Одессѣ, училище Натансона въ Кіевѣ).

Нужно быть совершенно слѣпымъ, чтобы въ подобныхъ мѣропріятіяхъ не видѣть рѣзкаго противорѣчія твердо установившейся еще въ началѣ 19 столѣтія политикѣ и взглядамъ правительства, которое, какъ справедливо замѣчаетъ М. И. Мышъ *, въ образованіи видѣло залогъ нравственнаго

* Руков. къ русскимъ законамъ о евреяхъ изд. 2. стр. 353.

перерожденія евреевъ и улучшенія ихъ быта. И дѣйствительно, если еврейская масса темна, замкнута, туго ассимилируется, то вѣдь еще Бисмаркъ блестяще показалъ, что Эльзасъ и Лотарингію покорилъ школьный учитель, и поэтому казалось бы вполнѣ послѣдовательнымъ всячески стараться удовлетворять эту жажду просвѣщенія, тѣмъ болѣе, что законъ нашъ всегда отличалъ евреевъ, получившихъ образованіе, предоставляя имъ всякаго рода преимущества сравнительно съ прочими ихъ единовѣрцами. Что же могло заставить сойти съ этого истинно-правильнаго пути? Какія можно подыскать основанія сознательно заставлять людей коснѣть въ невѣжествѣ. И неужели Россія такъ богата интеллигентными силами, что ей ни почемъ закрывать двери просвѣщенія предъ толпами жаждущихъ въ нихъ проникнуть? Въ отвѣтъ на это достаточно указать, что уже въ слѣдующемъ (1896) году за изданіемъ упомянутаго закона пришлось вновь испрашивать Высочайшее повелѣніе о разрѣшеніи министру финансовъ замѣщать евреями оставшіяся свободными вакансіи въ одесскомъ коммерческомъ училищѣ.—А вмѣстѣ съ тѣмъ, все тѣснѣе и тѣснѣе смыкая кругъ дѣятельности евреевъ, открыто толкая ихъ на путь неопредѣленныхъ занятій, мы не перестаемъ повторять старую погудку о томъ, что евреи бѣгутъ всякаго производительнаго труда, что они отъ природы склонны къ гешефтмахерству и т. п. Впрочемъ, многіе вѣдь убѣждены, что еврей и въ огнѣ не горитъ, и въ водѣ не тонетъ... Такъ напр. одинъ администраторъ въ оффиціальномъ документѣ удостовѣрялъ, что законъ 3 мая 1882 г. нельзя разсматривать, какъ притѣснительный относительно евреевъ, что сосредоточеніе евреевъ въ городахъ по этому закону и усиленіе между ними конкурренціи не принесло имъ вреда и всякія жалобы ихъ въ этомъ отношеніи неосновательны.

Остановимся теперь на законахъ послѣдняго десятилѣтія, устанавливающихъ новыя ограниченія въ выборѣ мѣстожительства евреевъ.

Такихъ законовъ было нѣсколько: 28 марта 1891 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе о воспрещеніи евреямъ механикамъ, винокурамъ, пивоварамъ и вообще мастерамъ и ремесленникамъ переселяться на жительство въ Москву и Московскую губернію и о выселеніи оттуда уже прежде поселив-

шихся тамъ евреевъ этихъ категорій; 15 октября 1892 г. состоялось такое же Высочайшее повелѣніе относительно евреевъ отставныхъ нижнихъ чиновъ, служившихъ по прежнему рекрутскому уставу; 13 ноября 1897 г. по всеподданнѣйшему докладу министра вн. дѣлъ состоялось Высочайшее повелѣніе объ отмѣнѣ для Москвы и Моск. губ. дѣйствія п. 3 прим. къ § II ст. 12 уст. о пасп., предоставляющаго право повсемѣстнаго въ Имперіи жительства евреямъ, изучающимъ фармацію, фельдшерское и повивальное искусства. Наконецъ, 22 января 1899 г. ограничено право евреевъ купцовъ 1 гильдіи приписываться къ московскому купечеству необходимостью испрашивать на это разрѣшеніе министра финансовъ, которое дается по соглашенію съ Московскимъ генералъ-губернаторомъ. — Замѣтимъ кстати, что до сихъ поръ ни одного разрѣшенія еще не послѣдовало. Затѣмъ 18 іюня 1892 г. состоялось Высочайше утвержд. мнѣніе Государственнаго Совѣта о водвореніи и временномъ пребываніи евреевъ въ областяхъ Кубанской и Терской и, наконецъ, Высочайше утв. 24 мая 1893 г. мнѣніемъ Госуд. Совѣта городъ Ялта исключенъ изъ числа мѣстностей, назначенныхъ для постоянной осѣдлости евреевъ.

Почти всѣ эти законы имѣютъ между собою то общее, что неизмѣнно въ нихъ повторяется: впредь до пересмотра въ законодательномъ порядкѣ и т. д.,—стереотипная фраза, не оставляющая никакого мѣста для утѣшенія, какъ потому, что ничего во всякомъ случаѣ не указывало на необходимость экстреннаго принятія столь крутыхъ относительно евреевъ мѣръ, такъ и потому, что временныя правила 3 мая 1882 г. дѣйствуютъ вотъ уже почти два десятка лѣтъ.

Принятіе этихъ мѣръ въ видѣ временныхъ, внѣ общаго законодательнаго пересмотра, иначе говоря—при отсутствіи безспорныхъ къ тому основаній и безъ соображенія съ общими интересами государства, является тѣмъ болѣе непослѣдовательнымъ, что наряду съ этимъ 21 іюня 1895 г., по всеподд. докладу министра внутр. дѣлъ, состоялось Высочайшее повелѣніе о томъ, чтобы впредь до разрѣшенія въ законодательномъ порядкѣ общаго вопроса о евреяхъ, предложить генералъ-губернаторамъ Сѣверо- и Юго-Западнаго края и Бессарабскому губернатору пріостановиться въ под-

вѣдомственныхъ имъ мѣстностяхъ понудительными мѣрами къ выселенію изъ городовъ и мѣстечекъ пограничной пятидесятиверстной полосы евреевъ, водворившихся въ нихъ вопреки ст. 18 Уст. о пас., предоставивъ послѣднимъ оставаться на жительствѣ тамъ, гдѣ они въ настоящее время проживаютъ, но съ тѣмъ, чтобы переходъ ихъ на жительство въ другія городскія поселенія той же полосы и въ особенности въ мѣстности, лежащія внѣ городовъ и мѣстечекъ, отнюдь не допускался. Независимо отъ сего, подтвердить помянутымъ генералъ-губернаторамъ и губернатору о недопущеніи новыхъ поселеній въ пограничной полосѣ евреевъ, права на это не имѣющихъ.

Если, такимъ образомъ, неопредѣленность и противорѣчивость законодательства о евреяхъ заставили законодателя, очевидно подъ давленіемъ настойчивыхъ требованій жизни, склониться даже предъ нарушеніемъ закона, и притомъ такого, съ которымъ населеніе давно могло бы свыкнуться, то, само собою разумѣется, тѣмъ болѣе ясна логическая необходимость воздержаться отъ новыхъ ограниченій, отъ дальнѣйшихъ экспериментовъ, особенно если это не вызывается бьющими въ глаза, неотложными поводами. А что такихъ поводовъ въ дѣйствительности не было, что здѣсь играетъ роль какая то случайность, достаточно видно хотя бы изъ одного сопоставленія заказанныхъ для евреевъ мѣстностей: Москва, Терская и Кубанская области и Ялта. Что общаго между ними? Чѣмъ онѣ отличаются отъ сосѣднихъ съ ними губерній и городовъ, остающихся на старомъ положеніи?

Законъ о Терской и Кубанской области вызванъ тѣмъ, что „проживающіе въ этихъ областяхъ евреи, выдавая себя за ремесленниковъ, въ дѣйствительности занимаются скупкою хлѣба, негласною торговлей, ростовщичествомъ и тому подобными занятіями, приносящими большой вредъ коренному населенію, и поддерживаютъ кромѣ того секту іудействующихъ, получившую въ послѣднее время значительное распространеніе среди мѣстнаго казачьяго населенія“. Но вѣдь этотъ мотивъ эксплоатаціи—это вѣдь и есть то общее мѣсто, которое неустанно и при всѣхъ обстоятельствахъ повторяется, и именно оно то и должно составить основной вопросъ обѣщаемаго законодательнаго пересмотра, а въ ча-

стности ремесленники, незанимающіеся своимъ ремесломъ, и по дѣйствующимъ законамъ подлежатъ высылкѣ, причемъ, какъ извѣстно, практика нашихъ административныхъ властей не только не даетъ никакихъ поблажекъ, но идетъ гораздо дальше, чѣмъ бы допускало и самое распространительное толкованіе закона. Что же касается секты іудействующихъ (или, какъ ее одно время „въ видахъ посмѣянія надъ заблужденіями и возбужденія въ народѣ отвращенія“ велѣно было у насъ именовать—жидовствующихъ), то, не говоря о томъ, что остается совершенно неизвѣстнымъ, какіе именно евреи—пришлые или же коренные, которые и по новому закону оставляются на мѣстахъ — повинны въ поддержаніи секты, слѣдуетъ еще замѣтить, что секта эта распространена далеко не въ однѣхъ только упомянутыхъ областяхъ: она встрѣчается въ Воронежской губерніи, Тамбовской и Саратовской (см. Брокгаузъ и Ефронъ, 26 т., с. 769) и, напротивъ, о ней ничего не слышно въ чертѣ еврейской осѣдлости. А главное—предполагаемая теперь мѣра уже примѣнялась: въ ст. 70 Т. XIV Уст. о пред. и пресѣч. прест. по изд. 1876 г. было постановлено: „изъ уѣздовъ, въ коихъ находится жидовская ересь, высылать евреевъ безъ исключенія и ни подъ какимъ предлогомъ не дозволять имъ тамъ пребыванія“, по въ 1884 г. правило это было отмѣнено (ib. т. 22, с. 944) и такимъ образомъ непригодность разсматриваемой мѣры доказана уже опытомъ.

Точно также изъятіе изъ черты осѣдлости г. Ялты мотивируется тѣмъ, что „усилившійся за послѣднее время наплывъ и прогрессивное умноженіе (?!) числа евреевъ въ г. Ялтѣ, въ связи съ замѣтнымъ среди нихъ стремленіемъ къ пріобрѣтенію недвижимой собственности, грозитъ этому лѣчебному мѣсту обратиться въ чисто еврейскій городъ“.

На этотъ разъ обычные мотивы не выдвинуты: нѣтъ рѣчи ни объ еврейской эксплоатаціи, ни вообще о прирожденныхъ еврейскихъ порокахъ (нельзя же въ самомъ дѣлѣ стремленіе къ пріобрѣтенію недвижимости отнести въ число пороковъ), но вина евреевъ въ томъ, что они слишкомъ плодятся и притомъ — по неизвѣстной до сихъ поръ математической формулѣ прогрессивнаго умноженія. Но пусть такъ, пусть этого достаточно, чтобы хоть „и съ возможно меньшимъ ущербомъ въ матеріальномъ отношеніи“ лишить извѣстную

категорію подданныхъ привычнаго крова, — но почему же именно Ялта, почему не Одесса, Херсонъ; развѣ произведено было вычисленіе, что въ Ялтѣ процентное отношеніе евреевъ къ остальному населенію выше, чѣмъ въ другихъ сосѣднихъ городахъ? И затѣмъ—почему же напримѣръ въ Кубанской и Терской областяхъ, гдѣ евреи, повидимому, представляютъ столь серьезную опасность, оставляются на мѣстахъ жительства тѣ, которые владѣютъ недвижимымъ имуществомъ, а въ Ялтѣ, гдѣ ихъ вина во всякомъ случаѣ меньше—это обстоятельство не принято во вниманіе. Всѣ эти, столь явныя противорѣчія могли бы подать поводъ къ предположенію, если бы оно не было такъ невѣроятно, что все объясняется настроеніемъ мѣстныхъ властей, и достаточно послѣднимъ предложить какое угодно ограниченіе—оно принимается безъ дальнѣйшихъ соображеній съ общимъ положеніемъ вопроса. Но, съ другой стороны, если отбросить это предположеніе, то едва ли возможно подыскать какое нибудь основательное объясненіе всему происходящему.

При такихъ условіяхъ—нельзя въ особенности не пожалѣть о томъ, что вносимыя этими законами ограниченія распространяются не только на будущее время, но поражаютъ и права тѣхъ, кто до сихъ поръ жилъ въ этихъ мѣстностяхъ на законномъ основаніи, кто даже пустилъ тамъ прочные корни, для кого, слѣд., выселеніе связано съ неминуемымъ разореніемъ. Подобныя постановленія содержатся въ законѣ о ремесленникахъ („предоставить министру вн. дѣлъ, по соглашенію съ Московскимъ генералъ-губернаторомъ, озаботиться принятіемъ мѣръ къ тому, чтобы вышеупомянутые евреи постепенно выѣхали изъ Москвы и Московской губ. въ мѣстности, опредѣленныя для постоянной осѣдлости овреевъ“), объ отставныхъ нижнихъ чинахъ („всѣхъ перечисленныхъ въ предыдущихъ пунктахъ,—т. е. за исключеніемъ приписанныхъ къ мѣщанскимъ обществамъ гор. Москвы и Московской губ., а также вступившихъ въ вѣчные ремесленные цехи—евреевъ, которые окажутся на жительствѣ въ Москвѣ и Московской губ. ко времени изданія настоящихъ правилъ, удалить, съ членами ихъ семействъ, изъ названныхъ мѣстностей въ сроки, опредѣляемые въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, по взаимному соглашенію Московскаго генералъ-губернатора и министра вн. дѣлъ“) и, наконецъ, въ законѣ о Терской и Кубан-

ской областяхъ („предоставить командующему войсками Кавказскаго военнаго округа и войсковому наказному атаману кавказскихъ казачьихъ войскъ озаботиться постепеннымъ выселеніемъ евреевъ, подлежащихъ удаленію изъ Кубанской и Терской областей“). Правда, законъ рекомендуетъ производить выселеніе постепенно, въ одномъ случаѣ даже отсрочиваетъ выселеніе на годъ со времени обнародованія, но едва ли нужно доказывать, что это не могло служить существеннымъ коррективомъ, не могло серьезно противодѣйствовать неминуемому разоренію, а подчасъ и безцѣльной гибели тысячъ людей. Въ этомъ отношеніи мы встрѣчаемъ характерное признаніе въ одномъ изъ приведенныхъ законовъ, а именно—касающемся Ялты. Пунктъ III этого закона повелѣваетъ выселить евреевъ въ сроки, достаточные для устройства семейныхъ и имущественныхъ дѣлъ выселяемыхъ,—*съ возможно меньшимъ ущербомъ для ихъ интересовъ*. Такимъ образомъ и самъ законъ не сомнѣвается, что ущербъ будетъ, и заботится лишь о томъ, чтобы онъ былъ возможно меньше. Въ прежнія времена государство старалось, чтобы причиняемый ущербъ не пропадалъ зря; такъ, когда въ 1659 г. Алексѣй Михайловичъ повелѣлъ выселить евреевъ изъ Могилева, то вмѣстѣ съ тѣмъ приказано было „жидовскіе дворы отдать: половину въ ратушу, а другую половину отдать въ пользу казны; лучшихъ три двора отдать въ пользу воеводы и приказныхъ людей“. „Считалось, стало быть,—замѣчаетъ по этому поводу И. Г. Оршанскій (Русское законодат. о евреяхъ, т. I стр. 180),—совершенно естественнымъ, что казна и христіанское общество дѣлили между собою содержаніе общественной „копилки“, предоставляя евреямъ начать въ другомъ мѣстѣ сызнова танталову работу накопленія капитала, который впослѣдствіи могъ бы служить удобнымъ рессурсомъ для казны и ратуши“. Теперь, на зарѣ XX вѣка,—казна уже не разсчитываетъ на подобные рессурсы, и еврейскіе капиталы и энергія расточаются зря, ибо можно легко себѣ представить, что,—не говоря объ естественномъ пониженіи цѣнъ вслѣдствіе несоразмѣрнаго и неожиданнаго превышенія предложенія надъ спросомъ, — нашлось, конечно, довольно охотниковъ поживиться на чужой счетъ и несомнѣнно, что имущество приходилось отдавать задаромъ.—

Мы, къ сожалѣнію, ничего не знаемъ о результатахъ примѣненія этихъ мѣръ, не знаемъ, многіе ли оказались не въ состояніи вынести этотъ новый экспериментъ, но и тѣмъ, которымъ удалось вынести, остается сказать словами Гейне:

Und ich hab es doch getragen,
Aber fragt mich nur nicht: wie?

Не станемъ же и мы спрашивать, но прежде чѣмъ покончить съ разсмотрѣніемъ этихъ законовъ, мы не можемъ не остановиться еще на нѣкоторыхъ недоумѣніяхъ, вызываемыхъ ими. Во первыхъ—почему въ законѣ, касающемся московскихъ ремесленниковъ, повелѣно не только выселить ихъ изъ Москвы, но и принять мѣры къ тому, чтобы они выѣхали въ мѣстности, опредѣленныя для постоянной осѣдлости евреевъ. А если они желаютъ переселиться въ другой городъ, лежащій внѣ черты? Вѣдь законъ ихъ этого права не лишаетъ, какое же основаніе требовать переселенія ихъ непремѣнно въ черту.—А затѣмъ, какъ мы уже видѣли выше, въ одномъ изъ этихъ законовъ рекомендуется *постепенность* выселенія, въ другомъ назначается *минимальный срокъ*, до истеченія котораго нельзя приступить къ высылкѣ, и самая высылка должна производиться по заранѣе выработаннымъ военнымъ министромъ *общимъ правиламъ*; въ третьемъ — *рекомендуется щадить* по возможности имущественные интересы евреевъ и, наконецъ, въ четвертомъ установленіе срока *предоставляется усмотрѣнію* въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ высшихъ административныхъ властей.—Чѣмъ объяснить эту разницу? Ни въ законахъ, ни въ мотивахъ къ нимъ нельзя найти ни малѣйшаго указанія на то, чтобы положеніе выселяемыхъ евреевъ въ Москвѣ, въ областяхъ Терской и Кубанской и въ Ялтѣ или же какія либо другія обстоятельства требовали со стороны законодателя различныхъ способовъ гарантіи ихъ имущественныхъ интересовъ.—Напротивъ, въ одномъ изъ этихъ случаевъ Государственный Совѣтъ отказался отъ мысли установить опредѣленный срокъ только вслѣдствіе послѣдовавшаго заявленія, что полиція и безъ того не приступаетъ къ выселенію до истеченія назначаемаго ею срока. Но почему же это заявленіе не имѣло рѣшающаго значенія въ другихъ случаяхъ и не устраняло того соображенія, что

„осторожность и простое чувство справедливости требуютъ дать выселяемымъ евреямъ опредѣленный срокъ для ликвидаціи ихъ дѣлъ, съ тѣмъ, чтобы къ удаленію ихъ было приступлено не ранѣе наступленія этого срока"?—Не свидѣтельствуетъ ли эта пестрота объ отсутствіи опредѣленной идеи, о такой неустойчивости, которая не соотвѣтствуетъ высокимъ задачамъ законодателя, и уже сама по себѣ доказываетъ всю случайность, а потому и ненужность принятыхъ мѣръ, не говоря уже о томъ, какое вліяніе, съ точки зрѣнія укрѣпленія чувства законности какъ въ евреяхъ, такъ и въ коренномъ населеніи, и ихъ взаимныхъ отношеній могутъ произвести всѣ эти колебанія нашего законодательства.

Въ заключеніе нашего бѣглаго обзора намъ хотѣлось бы упомянуть еще объ одномъ, не лишенномъ интереса, законѣ. Мы имѣемъ въ виду Высочайше утв. 3 мая 1892 г. мнѣніе Государственнаго Совѣта о правилахъ о нефтяномъ промыслѣ; п. V этого закона, между прочимъ, гласитъ: евреи, имѣющіе право жительства внѣ черты осѣдлости, и иностранцы ограничены въ правѣ пріобрѣтенія нефтеносныхъ земель. Съ перваго взгляда, въ этомъ законѣ нѣтъ ничего особеннаго: разъ рѣчь идетъ объ евреяхъ, то уже заранѣе можно презюмировать ограниченіе, слѣдов. все въ порядкѣ вещей. Но весьма любопытна исторія этого пункта закона: Выс. утв. 8 апрѣля 1887 г. положеніемъ Комитета Министровъ министру госуд. имуществъ предоставлено было подвергнуть ближайшему обсужденію вопросъ объ ограниченіи перехода нефтеносныхъ земель въ собственность *иностранцевъ*. Сообразно съ этимъ въ представленіи министра и указывается на вредъ, причиняемый иностранцами, и предлагаются мѣры ограниченія ихъ правъ. Объ евреяхъ не говорится ни одного слова и вдругъ, какъ deus et machina, наряду съ иностранцами появляются евреи. Поэтому, если мы выше сказали, что разъ рѣчь идетъ объ евреяхъ,—значитъ, слѣдуетъ ожидать ограниченія, то это, пожалуй, неточно; слѣдовало бы, пожалуй, выразиться такъ: разъ рѣчь идетъ о какомъ либо ограниченіи, то оно, вѣроятно, коснется и евреевъ.

Таковы тенденціи нашего законодательства о евреяхъ за

послѣднее десятилѣтіе. Суровое отношеніе въ принципѣ, невыдержанное и непослѣдовательное осуществленіе его на практикѣ—вотъ въ двухъ словахъ сущность послѣднихъ законодательныхъ мѣръ.

Мудрено ли, что при такихъ условіяхъ все болѣе расцвѣтаетъ сіонистское движеніе, исходящее изъ того начала, что „юдофобія—это разновидность боязни привидѣній; какъ психозъ, она наслѣдственна, и какъ болѣзнь, въ теченіе тысячелѣтій переходящая по наслѣдству—неизлѣчима.

„Разъ предубѣжденность человѣческаго рода противъ евреевъ покоится на природныхъ и неискоренимыхъ началахъ, имѣющихъ глубокія антропологическія и соціальныя основанія, то, имѣя въ виду медленность человѣческаго прогресса, надо отказаться отъ мысли побѣдить эту предубѣжденность, точно такъ же, какъ другія наслѣдственныя болѣзненныя предрасположенія".

И однако, вполнѣ понимая, что подъ давленіемъ послѣднихъ событій появленіе такого взгляда было почти неизбѣжно, мы рѣшительно не можемъ съ нимъ согласиться, хотя бы уже потому, что „исторія человѣчества вообще есть безконечный мартирологъ, но въ то же время она есть и безконечное просвѣтлѣніе". И если, какъ говоритъ Щедринъ, до сихъ поръ въ сферѣ мартиролога еврейское племя занимаетъ первое мѣсто, а въ сферѣ просвѣтлѣнія оно стоитъ въ сторонѣ,—то вѣдь таковъ физическій законъ наименьшаго сопротивленія, и если вина горсточки сосущихъ евреевъ вымещается на всемъ племени, то не потому ли, какъ глубокомысленно спрашиваетъ нашъ сатирикъ, что сосущій еврей есть сила, за которою скрывается еще сила, и даже не одна, а цѣлый легіонъ? — Правда, въ послѣднее время слишкомъ уже нависли тучи, но никто вѣдь не станетъ отрицать, что и вообще печаленъ духъ нашего времени и что юдофобія является однимъ—и можетъ быть далеко не самымъ существеннымъ—его проявленіемъ. Но нельзя же сомнѣваться, что исчезнетъ духъ этотъ...

I. Г. Сенъ.

Лекція о Дрейфусіадѣ.

Quasi una fantasia.

Много вѣковъ прошло послѣ XIX столѣтія; много воды съ тающихъ ледниковъ утекло въ океанъ и испарилось въ поднебесье; много слезъ растопило оледенѣвшее горе души человѣческой и испарилось, какъ и самое горе, какъ и радость, какъ все, что минутами волнуетъ живую душу; испарилось и исчезло въ пустомъ просторѣ забвенія. Какъ и встарь, люди копошились, страдали и даже радовались, а потомъ — умирали, уничтожая свой маленькій багажъ чувствъ и мысли. Какъ и встарь — ихъ забывали, а остававшіеся въ живыхъ продолжали копошиться, точно отъ этого зависѣло нѣчто весьма важное и цѣнное.

И такъ проходили вѣка за вѣками...

I.

Но какъ и въ наше время, и тогда человѣчество больше всего интересовалось—самимъ собою. И не только настоящее свое считало оно весьма цѣннымъ, а въ будущемъ ожидало всякихъ благъ, сущность которыхъ, впрочемъ, весьма смутно себѣ представляло, довольствуясь общею увѣренностью въ ихъ привлекательности,—но еще и въ длинной, безсвязной вереницѣ уже канувшихъ въ вѣчность происшествій люди искали сокровенное значеніе; и многіе въ его раскрытіи видѣли смыслъ своей жизни, создавая въ ней такимъ образомъ то, чего въ дѣйствительности вовсе и не было. И имъ строили великолѣпныя зданія и всячески давали возможность поучать тому, что они находили—или что помѣщали въ прошлое. А такъ какъ прошлое было еще безсвязнѣе настоящаго, то это обстоятельство давало людямъ лишнее основаніе гордиться этимъ послѣднимъ и высоко его цѣнить.

Поэтому то въ роскошныхъ дворцахъ — университетахъ

того времени — въ которыхъ учили ихъ люди науки, было нѣсколько сухихъ, темныхъ, мрачныхъ помѣщеній, — тамъ читались лекціи о древней исторіи, которая въ то время считалась оканчивающейся 20-мъ вѣкомъ. Это было устроено съ тѣмъ, чтобы лучше запечатлѣть въ слушателяхъ колоритъ древности, чтобы ощущенія настоящаго не шли въ разрѣзъ съ представленіями о быломъ... Въ видѣ исключенія противъ другихъ аудиторій—въ этихъ встрѣчались одни мужчины, женщины сюда не ходили, заявляя этимъ протестъ противъ олицетворенной эпохи, не признававшей ихъ полноправности, противъ старинныхъ прототиповъ этихъ аудиторій, не допускавшихъ ихъ предшественницъ въ свои стѣны. Увы! И въ то время еще большинство протестовъ были направляемы противъ мебели и стѣнъ!

Какъ бы то ни было, но такъ какъ всѣ общественныя учрежденія были къ тому времени уже заполнены женщинами, а эти мрачныя помѣщенія были свободны отъ нихъ, то здѣсь временно искали отдохновенія юноши, потерпѣвшіе пораженіе въ исконной борьбѣ съ капризнымъ поломъ. Меланхолически настроенные, они избѣгали вида противницъ, и чтобы не встрѣчаться съ ними, уходили сюда.

Такъ и на этотъ разъ, въ одной изъ этихъ античныхъ аудиторій собралась кучка юношей, дожидаясь очередной лекціи. Одни изъ нихъ спѣшили воспользоваться свободнымъ промежуткомъ времени, чтобы оживленно поспорить объ удачѣ и неудачѣ на гонкахъ, въ играхъ и спортахъ, или похохотать надъ забавнымъ анекдотомъ. Нѣкоторые—это и были временные неудачники—уныло усѣвшись на скамьи, сдѣланныя подъ стиль сѣдой древности, съ угрюмымъ, сосредоточеннымъ видомъ вырѣзывали на партахъ разныя слова. Чаще всего то были: Добродѣтель, Уступчивость, Истина! Однако эти слова отнюдь не обозначали соотвѣтственныхъ понятій—это были все женскія имена, такъ какъ къ тому времени установилась мода давать въ качествѣ именъ названіе того, что у обладателя имени въ наименьшей степени имѣлось въ дѣйствительности.

Другіе изъ числа собравшихся подготавливались къ лекціи, ведя одинаково горячій, принципіальный споръ о послѣдней рѣчи блестящаго оратора въ собраніи депутатовъ и о самой знаменитой пѣвицѣ того времени. И тутъ-же ихъ

имена усиленно вырѣзывались на партѣ: какъ и въ наше время, университетскія парты представляли лучшую лѣтопись общественныхъ любимцевъ. А были среди ожидавшихъ лекцію даже и такіе, которые обдумывали содержаніе предшествовавшихъ.

Вдругъ среди гула голосовъ, говорившихъ, разумѣется, одновременно, иначе это не былъ бы юношескій споръ, послышался скрипъ двери и тотчасъ же, почти что еще изъ за нея, раздался голосъ: „Милостивые государи, въ послѣдней своей лекціи я имѣлъ честь"...

Маленькій человѣкъ съ большой головой быстро входилъ въ комнату и направлялся къ каѳедрѣ въ старинномъ стилѣ, продолжая все время говорить. Но голосъ его терялся въ шумѣ обрывавшихся рѣчей, въ шорохѣ усаживавшихся слушателей. Даже гравировщики именъ считали нужнымъ оторваться отъ своей работы и заерзать на своихъ мѣстахъ, принимая болѣе солидныя позы, какъ будто они взаправду готовились слушать профессора; но только что онъ начиналъ говорить, какъ постепенно то одинъ, то другой возвращался къ своей Истинѣ или Вѣрѣ.

Между тѣмъ профессоръ взошелъ на каѳедру и замолкъ. Умнымъ, насмѣшливымъ взглядомъ прекрасныхъ глазъ онъ обвелъ свою аудиторію, наблюдая постоянную смѣну лицъ, и подождалъ, пока всѣ усѣлись и наступила тишина. У него была такая слабость: входя въ аудиторію, онъ не могъ сейчасъ же не начинать своей лекціи. Но потомъ, каждый разъ замѣчая шумъ и движеніе, онъ замолкалъ, ожидая наступленія тишины.

И теперь, проведя рукой по высокому, выпуклому лбу, придававшему его лицу печать умственнаго благородства, онъ началъ говорить.

II.

„Мы почти подходимъ къ концу нашей задачи, господа. Въ длинномъ курсѣ, за которымъ—я отмѣчаю это съ чувствомъ признанія—вы слѣдили съ такимъ лестнымъ для меня неослабѣвающимъ интересомъ", и профессоръ ехидно оглянулъ рядъ физіономій, которыхъ онъ еще никогда въ жизни не видѣлъ—„мы обозрѣли всю этическую литературу древняго міра въ ея основныхъ чертахъ. Мы подошли къ знаменитому эпосу, послѣднему по времени и первому по значенію для насъ, по мощи развертывающейся драмы, къ всеміpно-извѣстной Дрейфусіадѣ. Вы видѣли, господа, что, говоря о другихъ эпосахъ, намъ приходилось имѣть дѣло съ полузабытыми произведеніями, знакомыми только узкимъ спеціалистамъ. Содержанія же Дрейфусіады мнѣ даже незачѣмъ вамъ разсказывать, настолько оно хорошо всѣмъ намъ извѣстно. Имена дѣйствующихъ лицъ сдѣлались именами нарицательными; большинство эпизодовъ разработаны художниками пера, кисти и рѣзца [1]; вы учили наизусть, вы многократно осматривали, вы дѣлали слѣпки съ произведеній, вдохновленныхъ какой нибудь стороной этого геніальнаго творенія. Чѣмъ была для древности—Иліада, тѣмъ въ наше время сдѣлалась Дрейфусіада. И не служитъ-ли это глубокой, знаменательной чертой отличія нашего времени отъ того? Не служитъ-ли это признакомъ, что для насъ великая интеллектуальная борьба за справедливость и человѣчность, борьба критической мысли противъ стаднаго безумія, психическаго мужества противъ соціальной трусости—заняла мѣсто рукопашнаго боя, пожара и разрушенія? Наши идеалы уже не лукавыя выдумки, не крѣпкія мышцы",—и профессоръ, какъ бы въ видѣ иллюстраціи таковыхъ взмахнулъ своими худыми, тощими руками,—„для насъ уже не Аяксы и Діомеды—герои. Мы останавливаемся въ изумленіи и восторгѣ передъ нравственнымъ героизмомъ Пикара, передъ отвагою Діомеда-Золя.

„Но извините",—перебилъ себя профессоръ, виновато улыбнувшись,—„извините. У меня здѣсь слишкомъ сильныя симпатіи; восхищенный, я увлекаюсь образомъ этихъ людей всякій разъ какъ вспоминаю ихъ дѣла. А намъ, людямъ науки, надо разсуждать спокойно и систематически.

Я вамъ уже говорилъ, что до насъ Дрейфусіада не дошла. Мы имѣемъ только безконечную литературу о ней,—и притомъ такую, которая (въ особенности въ болѣе раннихъ сво-

[1] Профессоръ называлъ другія орудія передачи мысли и образовъ еще не существующія въ настоящее время; но не желая пользоваться непонятными еще для современниковъ терминами, стенографъ здѣсь какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ, придалъ лекціи болѣе современную окраску.

ихъ проявленіяхъ) разсматриваетъ ее не какъ эпосъ, а какъ реально свершившееся событіе.

Это явленіе долго смущало изслѣдователей, но уже четыре вѣка тому назадъ знаменитый ученый и философъ Сціэнцій доказалъ, что событіемъ реальной жизни никоимъ образомъ Дрейфусіада быть не могла. Онъ изучилъ конецъ древности—XIX и XX вѣка; онъ извлекъ изъ пыли архивовъ множество высокогуманныхъ теорій, появившихся въ то время; онъ собралъ много высокочеловѣчныхъ заявленій наиболѣе могущественныхъ правительствъ, и на основаніи богатѣйшаго матеріала пришелъ къ убѣжденію, что никогда на рубежѣ послѣдняго вѣка древности не могли произойти тѣ ужасныя трагедіи, о которыхъ повѣствуетъ Дрейфусіада.

Изслѣдованія Сціэнція показали, что время, о которомъ идетъ рѣчь, было расцвѣтомъ могущества и непререкаемаго авторитета государственной власти. Никогда еще государство не сосредоточивало въ своихъ рукахъ подобной силы и не было въ такой степени въ состояніи подавить и уничтожить всякое нарушеніе установленнаго имъ порядка и устранить всѣхъ преступниковъ. А между тѣмъ, если-бы Дрейфусіада была реально совершившимся событіемъ, то оказалось бы, что мощное государство XIX-го вѣка терпитъ и даже поощряетъ сопротивленіе власти, нарушеніе важнѣйшихъ основъ правопорядка, явную анархію; что такіе явные преступники, какъ Мерсье, не только пользуются свободой послѣ обнаруженія всѣхъ своихъ преступленій, не только освобождены отъ отвѣтственности за нихъ, но еще достигаютъ почетныхъ и высокихъ степеней общественной лѣстницы. Оказалось бы, что чѣмъ выше стоитъ преступникъ, тѣмъ въ большей безопасности отъ наказанія можетъ онъ себя считать. Оказалось бы, что въ лучшемъ случаѣ преступники, вмѣсто суда, подвергаются временному удаленію отъ центра общественной жизни, а невинные люди годами томятся въ тюрьмѣ въ угоду газетной черни. Оказалось бы, что само государство попираетъ свои собственные законы, не стѣсняясь ихъ нарушать, создавать ихъ на опредѣленный случай или съ обратною силой; что, игрушка въ рукахъ карьеристовъ и крикуновъ, оно—этотъ колоссъ XIX вѣка—кружится, какъ безсильный и презрѣнный флюгеръ, по истеричному

капризу низкопробныхъ политикановъ, вдохновляемыхъ личныхъ разсчетомъ, личными интересами.

Сціэнцій показываетъ, что согласно теоріямъ того времени (получившимъ типичное развитіе именно во Франціи—мѣстѣ дѣйствія Дрейфусіады) судъ получилъ полную независимость отъ исполнительной и законодательной власти, показываетъ, что задолго до того времени всѣ были признаны равными передъ закономъ, показываетъ, какимъ образцовымъ и самостоятельнымъ было судебное сословіе, носитель меча правосудія, верховной гарантіи порядка и справедливости. Какъ же повѣрить въ возможность всѣхъ тѣхъ правонарушеній, о которыхъ идетъ рѣчь въ Дрейфусіадѣ? Какъ повѣрить: въ дѣйствительность вторженія правительства и даже частныхъ лицъ въ отправленіе правосудія; въ оправданія и обвиненія по приказу; въ составленіе обвинительныхъ актовъ подъ диктовку защитниковъ обвиняемыхъ; въ различное отношеніе къ различнымъ подсудимымъ; въ явное, беззастѣнчивое пристрастіе и лицепріятіе слѣдователей и судей и потворствованіе ими уличнымъ страстямъ? Какъ повѣрить, что низменные мотивы проникли до высшихъ ступеней судебной іерархіи, обнаруживая тамъ присутствіе человѣка, удивившаго свою родину непревзойденнымъ умственнымъ и нравственнымъ убожествомъ?

Сціэнцій выяснилъ, что именно конецъ XIX-го вѣка былъ свидѣтелемъ торжества и распространенія съ особой силой религіознаго чувства въ массахъ, выливавшагося въ формы религіи любви и милосердія. Сціэнцій показалъ, что одновременно широкая гласность и образованіе, хотя бы начальное, разносили по всѣмъ глухимъ уголкамъ плоды критическаго анализа передовыхъ людей. Какъ же повѣрить реальности упорнаго, нелѣпаго предубѣжденія, съ мощью фанатизма охватившаго и ослѣпившаго животной ненавистью и злобой массы, за которыми даже враги ихъ признавали большую привязанность къ религіи, ослѣпившаго даже нѣкоторыхъ людей изъ такихъ слоевъ, которые гордились своимъ скептицизмомъ и анализомъ, да еще въ самой скептической и анализирующей странѣ того времени? Какъ повѣрить, что во главѣ этого движенія, его заправилами и подстрекателями были монашескіе ордена, основанные во имя той же религіи милосердія?

Сціэнцій приводитъ обильный фактическій матеріалъ, съ

безусловной ясностью доказывающій, какъ враждебно въ ту эпоху относилось человѣчество къ войнѣ, какъ народы всего міра порицали и даже осыпали упреками и бранью страну, воевавшую въ то время, а правительства устраивали конференціи мира. Какъ же при такомъ отношеніи къ войнѣ, вполнѣ соотвѣтствовавшемъ промышленному духу господствовавшихъ въ то время слоевъ населенія—объяснить себѣ (и притомъ въ типичной странѣ буржуазіи) культъ военнаго мундира и штыка, повидимому, предназначеннаго исключительно къ бою! Вмѣсто того, чтобы только терпѣть шпагу, какъ печальное, но неизбѣжное орудіе обороны, люди ползали на карачкахъ передъ султаномъ, лизали пыль на шпорахъ, и даже наиболѣе независимые и разумные, начиная говорить о чемъ бы то ни было, предварительно разсыпались въ увѣреніяхъ безконечной преданности и раболѣпнаго преклоненія передъ штыкомъ. А при этомъ многіе военные ставили себя выше законовъ и дисциплины, входящей въ составъ самаго понятія войска, при радостномъ гулѣ и одобреніи большинства.

Какъ объяснить ослѣпленіе тысячъ и тысячъ людей, не стѣснявшихся явно противорѣчить дѣлами—своимъ словамъ и дѣламъ-же, словами—своимъ дѣламъ и словамъ. Какъ объяснить этотъ delirium tremens, исковеркавшій большую часть народа безобразными судорогами безшабашной лжи и разгильдяйства. Какъ понять, что въ странѣ народа, когда то признаннаго первымъ по тонкому и изящному остроумію, писалась, печаталась и повторялась на тысячи ладовъ безсмыслица, пока она не смѣнялась новой, хотя-бы и противорѣчащей прежней, но болѣе соотвѣствовавшей новымъ обстоятельствамъ? Какъ повѣрить, что въ классической странѣ вѣжливости въ теченіе многихъ лѣтъ выливались цѣлые ушаты оскорбленій, ругательствъ, сквернословія?

Сціэнцій разсматриваетъ могучее движеніе, охватившее культурную Европу XIX вѣка въ пользу гуманнаго устройства мѣстъ заключенія, ради созданія изъ нихъ воспитательныхъ учрежденій, предназначенныхъ изъ падшихъ людей возсоздавать образцовыхъ гражданъ; онъ излагаетъ теоріи, уничтожавшія всякія излишнія, чрезмѣрныя, ненужныя страданія заключенныхъ,—и сравниваетъ съ этимъ все то, что разсказывается Дрейфусіадой о заключеніи ея героя, о врѣзы-

вавшихся въ тѣло кандалахъ, о незаконной и мучительной двойной оградѣ, о ложныхъ тревогахъ, едва не стоившихъ узнику жизни, или хотя-бы объ осколкахъ стекла въ пищѣ Пикара, и сопоставляетъ эти теоріи, взгляды и убѣжденія съ нравственными пытками Реннскаго процесса, слѣдовавшими за физическими—Чортова острова. Онъ доказываетъ фактическую невозможность торжества святошъ и фанатиковъ въ странѣ равенства и свободы, скептицизма и насмѣшки; невозможность того, чтобы вѣкъ спустя послѣ революціи во Франціи поднялось движеніе противъ группы гражданъ, отличныхъ отъ другихъ только вѣрой или происхожденіемъ,—чтобы улицы, видѣвшія освященіе божества Разума, слышали крики: смерть иновѣрцамъ.

Даже мелочи—мелодраматическое названіе тюрьмы Дрейфуса Чортовымъ островомъ—склоняютъ Сціэнція все къ тому же выводу: „Будь Дрейфусіада—истиной, исторія—была бы бредомъ",—въ такомъ неотразимомъ афоризмѣ, блестящемъ по своей лаконичности, сосредоточиваетъ онъ всю суть своей работы, составившей эпоху въ наукѣ. Но такъ какъ вся десятитысячелѣтняя мысль человѣческая отказывается видѣть бредъ тамъ, гдѣ она установила причинную нить развивающихся по незыблемымъ законамъ событій, согласованныхъ въ стройное, одухотворенное единнымъ принципомъ, цѣлое,—то неизбѣжно вмѣстѣ съ Сціэнціемъ прійти къ заключенію, что никоимъ образомъ въ концѣ XIX вѣка не могла реально произойти Дрейфусіада; что *исторія Дрейфуса не есть реальное происшествіе, а произведеніе фантазіи, не имѣющее своимъ содержаніемъ факта дѣйствительности*".

III.

„Оставалось изслѣдовать, кто былъ авторомъ этого произведенія фантазіи. Исторія не сохранила намъ его имени, но проникновенному генію Сціэнція удалось все же намѣтить основныя черты его характеристики. Сціэнцій выяснилъ, что авторъ Дрейфусіады не могъ быть ни общественнымъ, ни государственнымъ дѣятелемъ своего времени, ни юристомъ,—иначе онъ не допустилъ бы въ своемъ твореніи столько анахронизмовъ въ видѣ безнаказанныхъ преступленій противъ законовъ, государственнаго устройства, судо-

производства, нарушеній общераспространенныхъ, элементарныхъ нормъ справедливости; онъ не могъ быть психологомъ, иначе не допустилъ бы такого искалѣченія народной психологіи; онъ не былъ философомъ исторіи, иначе не допустилъ бы въ разсказанномъ столько явной безсмыслицы; наконецъ, онъ несомнѣнно страдалъ психическимъ разстройствомъ, именно, по всѣмъ вѣроятностямъ, меланхоліей съ приступами психоза болѣе тяжелой формы, и поэтому любилъ представлять себѣ всякія мрачныя происшествія, небывалые ужасы; любилъ смаковать картины мучительныхъ физически или нравственно пытокъ, въ дѣйствительности въ то время уже невозможныхъ, къ которымъ однако онъ такъ охотно возвращается.

Вотъ, господа, въ бѣгломъ, сокращенномъ изложеніи знаменитая теорія великаго Сціэнція, положившая прочное основаніе его славѣ. До нея еще возможно было сомнѣніе—реальное ли происшествіе или произведеніе фантазіи—Дрейфусіада. Она же своимъ появленіемъ уничтожила самую возможность споровъ. Не много можно насчитать въ исторіи мысли такихъ ученій, которыя бы силою несокрушимой логики на почвѣ рѣдкой эрудиціи и знанія громаднаго матеріала,—съумѣли бы однимъ ударомъ рѣшить вопросъ, устранивъ всѣ противорѣчія и недоумѣнія.

Теорія Сціэнція быстро сдѣлалась общепринятой. Вопросъ о реальности Дрейфусіады, какъ рѣшенный ею окончательно, больше и не подымался. Развѣ изрѣдка какой нибудь ученикъ Сціэнція, эпигонъ его, прибавлялъ новый доводъ. Но, господа, ученики и эпигоны всегда только портятъ ученіе своихъ учителей, истинныхъ мыслителей. Если убавятъ что нибудь—то наиболѣе существенное, прибавятъ—никуда негодное. Таковъ ужъ законъ природы. Создать свое они не могутъ, что-жъ и дѣлать имъ, какъ не портить чужое"...

По аудиторіи пронесся радостный гулъ одобренія, какой рѣдко выпадалъ на долю профессора. Всѣ слушатели были въ восторгѣ отъ его ехидной выходки противъ учениковъ, и сочувствовали ей. Отъ 15-ти и до 25-ти лѣтъ человѣкъ никогда себя эпигономъ не считаетъ.

„Напримѣръ", продолжалъ профессоръ, когда возстановилась тишина, „одинъ приводилъ въ доказательство нере-

альности Дрейфусіады то, что одно изъ дѣйствующихъ въ ней лицъ заявляло: „нѣтъ дѣла Дрейфуса". Но, господа, можно-ли придавать какое либо значеніе словамъ такихъ политикановъ, какъ сказавшій это—Мелинъ; можно вѣрить развѣ только обратному тому, что говорили эти люди.

Другіе думали даже найти автора Дрейфусіады, приписывая эту высокую честь нѣкоему Рейнаку. Но кто знаетъ разбираемый нами эпосъ, понимаетъ, что все это бредни, характерныя для дѣйствующихъ въ ней лицъ, но недостойныя серьезнаго ученаго. Еще другіе приписывали авторство нѣкоему іезуиту о. Дюлаку. Конечно, іезуиты играли большую воль въ событіяхъ того времени, но вѣдь въ самомъ эпосѣ Дрейфусіады, какъ поэтическомъ твореніи, нѣтъ никакого подвоха, такъ зачѣмъ же было бы іезуиту ее создавать? Могъ ли бы іезуитъ такъ высоко поставить людей, подобныхъ Пикару, какъ это въ ней сдѣлано? Могъ ли бы онъ воспѣть гимнъ борьбѣ за истину и справедливость, каковымъ она является? Поставить эти вопросы—значитъ уже отвѣтить на нихъ отрицательно.

Итакъ, господа, отбросивъ эпигоновъ, намъ все же неизбѣжно признать правильность установленнаго взгляда: Дрейфусіада—это эпосъ, оригиналъ котораго, однако, до насъ не дошелъ. Мы имѣемъ только множество подробнѣйшихъ изложеній его и комментаріевъ.

Но какъ это всегда бываетъ въ наукѣ—великій Сціэнцій, давъ правильное рѣшеніе проблеммы, тѣмъ самымъ создалъ новую, еще до сихъ поръ не разрѣшенную. Дрейфусіада—это эпосъ. Хорошо, но въ такомъ случаѣ, въ чемъ же ея смыслъ? Будь она изложеніемъ дѣйствительности,—дѣло было бы ясно. Но если она фантазія, то въ чемъ же ея значеніе, что является ея содержаніемъ? Не безсодержательный же это бредъ безумнаго автора! Гдѣ источникъ ея обаянія, доставившаго ей столь большую и продолжительную, можно даже сказать—безсмертную славу? Вотъ та задача, которую я себѣ ставлю.

Впрочемъ я не буду здѣсь останавливаться на выясненіи всѣхъ ея составныхъ частей. Эпосъ этотъ—крайне сложенъ, въ немъ имѣется цѣлый рядъ отдѣльныхъ нитей самаго разнообразнаго содержанія и значенія, соціальнаго и психологическаго, сплетающихся въ одну общую сложную и за-

путанную картину. Я попытаюсь только въ нѣсколькихъ штрихахъ разсмотрѣть основную нить эпоса, то, что можно назвать въ собственномъ смыслѣ Дрейфусіадой:—исторію ея героя-мученика Дрейфуса.

„Я позволю себѣ", продолжалъ онъ, какъ то тише, съ той внѣшней изысканной скромностью, съ которой говорятъ самолюбивые талантливые люди, цѣнящіе и дорожащіе своимъ умомъ и оригинальностью, когда они, предъ посторонними равнодушными слушателями, приступаютъ къ изложенію какой нибудь излюбленной, обдуманной въ уединенной тиши вдумчивой мысли, взлѣлѣянной одинокою мечтой, картины или теоріи—„я позволю себѣ предложить вамъ мою теорію, и я надѣюсь, что вы признаете ее обоснованной".

Тутъ всѣ слушатели, сколько ихъ ни было, подняли головы, если онѣ были опущены, или перемѣнили свою позу—откинувшись назадъ, кто сидѣлъ нагнувшись впередъ, и нагнувшись впередъ, кто раньше сидѣлъ, откинувшись назадъ, — словомъ, подавая явные признаки сосредоточенія и вниманія. Когда дѣло доходитъ до изложенія совсѣмъ поваго взгляда, относительно котораго еще не установилось ходячаго, банальнаго мнѣнія и оцѣнки, кто не считаетъ себя необыкновенно сильнымъ и самостоятельнымъ,—за отсутствіемъ того капрала, который бы взялъ страшную для умовъ палку установившагося приговора.

IV.

„Итакъ, господа, Дрейфусіада—это эпосъ, созданный въ послѣднее десятилѣтіе XIX вѣка. Авторъ—неизвѣстенъ. Событія не реальны.

Вотъ—наши данныя. Будемъ надъ ними оперировать.

Припомнимъ прежде всего, что конецъ XIX столѣтія ознаменовался побѣдоноснымъ развитіемъ и торжествомъ символизма въ литературѣ и искусствѣ. Величайшія произведенія того времени всецѣло проникнуты имъ; всѣ авторы и художники были увлечены этимъ теченіемъ. Можно ли думать, что величайшее твореніе того времени, Дрейфусіада, уже при своемъ появленіи обратившая на себя небывалое вниманіе всего тогдашняго культурнаго міра, какъ объ этомъ неопровержимо свидѣтельствуютъ первоисточники, —составляла исключеніе? Нѣтъ, господа, уже одна только историческая обстановка появленія нашего эпоса не только наводитъ на мысль, но почти доказываетъ, что въ немъ скрывается какой то символъ. А, вдобавокъ, припомните еще, что подобное же символическое толкованіе давали всѣми признанныя научныя теоріи всевозможнымъ эпосамъ и миѳамъ древности, и притомъ—какъ вы легко можете убѣдиться—на несравненно болѣе шаткихъ основаніяхъ. Поэтому едва ли можемъ мы усумниться въ правильности нашего предположенія.

Пойдемъ же по дорогѣ, указываемой этой догадкой, поищемъ, въ чемъ могло заключаться символическое значеніе Дрейфусіады.

Вы замѣтили, конечно, что герой эпоса—еврей. Кругомъ него, его семьи и еще двухъ трехъ дѣйствующихъ лицъ — все христіане, какъ защитники, такъ и противники его. Зачѣмъ же автору вздумалось выставить героемъ-мученикомъ какъ разъ столь рѣдкаго въ общей массѣ французовъ еврея? Не кроется ли здѣсь разгадка символа?

Посмотрите на жену нашего героя, на это воплощеніе лучшаго идеала еврейской женщины, вообще скромно отдающейся всецѣло семейной жизни, мужу и дѣтямъ, но въ минуту горести и страданія обнаружившую такую удивительную высоту и крѣпость духа. Посмотрите на эти семейныя отношенія, развѣ они не типичны для еврейской семьи, какъ она сохранилась въ теченіе многихъ вѣковъ,—оплотъ и твердыня завѣтныхъ идеаловъ. Вы помните эту любовь къ мужу, къ брату, которая ни на минуту не покидаетъ семью, ни на мгновеніе не допускаетъ, несмотря ни на что, сомнѣнья и малодушнаго отчаянія, двигая горами въ своей несокрушимой вѣрѣ.

Но если жена героя — олицетвореніе идеала еврейской женщины, его семейныя отношенія—типичны для еврейской семьи во все ея существованіе, то не напрашивается ли мысль, что *вся Дрейфусіада только символъ еврейской исторіи, творчески набросанная поэтическая картина ея философіи?*"

Профессоръ остановился. Онъ уже не видѣлъ своихъ слушателей, онъ не видѣлъ маленькой комнаты и каѳедры подъ стиль сѣдой старины. Передъ нимъ мелькали нескон-

чаемой вереницей картины далекаго быта въ перемежку съ отвлеченными идеями, абстракціи слѣдовали за образами. Онъ глядѣлъ прямо передъ собой, но видѣлъ мнимый міръ, когда то бывшій дѣйствительностью, а можетъ быть, и не бывшій ею никогда. И въ то время, какъ его глубокіе, мерцающіе тихимъ заволокнутымъ свѣтомъ, черные глаза смотрѣли въ далекую перспективу исторіи, хотя и были устремлены на искусственно закопченную стѣну аудиторіи, умъ его приводилъ въ порядокъ и распредѣлялъ тѣснившійся въ изобиліи матеріалъ.

V.

„Дрейфусъ былъ офицеромъ генеральнаго штаба, блестящимъ и талантливымъ, рѣдкимъ по своимъ дарованіямъ и знаніямъ; и еврейскій народъ—вы это вѣдь уже знаете, господа—находился въ генеральномъ штабѣ націй, поведшихъ міръ по пути прогресса; и еврейскій народъ выдѣлялся въ этомъ штабѣ своимъ глубокимъ умомъ, богатыми дарованіями и ревностной службой, не покладая рукъ. Многіе ли дали міру, сколько далъ онъ! И въ верховномъ совѣтѣ народовъ, ведшихъ борьбу съ мракомъ нравственнымъ и интеллектуальнымъ—ровнею ему были только два-три другихъ. Если же авторъ Дрейфусіады далъ своему герою изъ скромности чинъ пониже, то это соотвѣтствовало только тому внѣшнему положенію, которое занималъ и еврейскій народъ.

Дрейфусъ сознавалъ свои заслуги и силы; быть можетъ, онъ даже ихъ преувеличивалъ. Какъ и народъ его, онъ считалъ себя избраннымъ, и, пожалуй, единственнымъ избраннымъ для великихъ дѣлъ. Онъ считалъ себя одинокимъ среди товарищей, какъ тотъ среди народовъ, и относился къ нимъ надменно и свысока. Впрочемъ, оба они не брезгали перенимать у другихъ много скверныхъ привычекъ, иногда поклонялись нечиновнымъ божкамъ и не отказывались отъ посѣщенія салоновъ сомнительныхъ особъ, гдѣ бывали начальники и товарищи; и оба любили прихвастнуть своими побѣдами—нетрудными побѣдами, если не мнимыми—надъ полудикими, развращенными племенами и женщинами — больше, чѣмъ слѣдовало.

Все это имъ зачлось: и надменность, и хвастливость, и

достоинства, которыми они превосходили другихъ, и заслуги, и успѣхи—все возбуждало кругомъ зависть и ненависть, сперва—тихомолкомъ и за ихъ спиной, но въ рѣшительную минуту прорвавшуюся наружу и затопившую и совѣсть, и законъ.

И вотъ, господа, при такихъ условіяхъ пронесся слухъ, что совершено ужасное преступленіе, самое страшное преступленіе, которое только можно было въ то время совершить. Онъ-ли его совершилъ? Все говорило, что нѣтъ; но почва была подготовлена, страсти разгорѣлись, это былъ удобный случай выместить достоинства, удачи и недостатки; это было удобно многимъ истиннымъ преступникамъ, которые замѣтили, какъ легко имъ здѣсь изъ обвиненныхъ превратиться въ обвинителей; это было удобно товарищамъ и соперникамъ,—и обвиненіе было выставлено и поддержано.

Слѣдствія надъ ними не было, судъ былъ одною комедіей,—они были обвинены по пустяшнымъ показаніямъ товарищей о мнимой безнравственности и отчужденности. Не было другихъ доказательствъ виновности, кромѣ басенъ о скверныхъ чертахъ характера, о возмутительныхъ привычкахъ и позорномъ поведеніи. А посвященнымъ и судьямъ тайно были предъявлены подложные документы, устанавливавшіе вину.

И они были осуждены.

И сдѣлались они предметомъ всеобщаго презрѣнія и ненависти. Людская тупость обрушилась на нихъ, найдя удобную жертву для своихъ низкихъ инстинктовъ. И тѣмъ сильнѣе была всеобщая ненависть, что многимъ была она на руку, которые ее и поддерживали, раздражая и подливая масла въ огонь. Люди любятъ имѣть про запасъ кого-нибудь на роль негодяя, воплощенія пороковъ и демона зла, на котораго даже послѣдній изъ пошляковъ и первый изъ допотопныхъ негодяевъ могъ бы обрушиться возмущеніемъ, котораго бы могъ презирать презреннѣйшій. Это облегчаетъ душу и совѣсть, содѣйствуя новымъ грѣшкамъ и преступленьицамъ. Эту-то роль и навязали Дрейфусу и его племени.

Ихъ жестоко наказали за мнимое преступленіе: ихъ засадили за узкую двойную ограду гетто Чортова острова, которою—кромѣ неба завѣтнаго ученія и адски раскаленнаго

кусочка земли позорныхъ профессій — народъ, какъ и его воплощеніе, были отрѣзаны отъ всего міра, лишены почти всякаго сообщенія съ нимъ, лишены даже возможности забыться, глядя на океанъ, терявшійся въ безбрежной дали человѣческаго развитія.

Къ нимъ были приставлены тюремщики, не сводившіе съ нихъ глазъ; съ грохотомъ и трескомъ устраивали эти люди ночныя провокаторскія облавы и погромы, и только вынужденныя, едва доступныя силамъ человѣческимъ сдержанность, выносливость и терпѣніе спасали Дрейфуса отъ смерти, народъ отъ истребленія.

Но и этого было мало—для нихъ воскресили пытки—наручники и кандалы, глубокими ранами врѣзывавшіеся въ руки и ноги, лишавшіе возможности движенія. По утрамъ съ нихъ снимали кандалы, чтобы дать возможность ранамъ слегка закрыться при содѣйствіи тюремнаго врача. Но чуть смеркалось,—и снова надѣвались они на больное еще тѣло и тѣмъ большее мученіе причиняли незажившимъ еще ранамъ. Раненый, окровавленный лежалъ Дрейфусъ, задыхаясь отъ раскаленнаго воздуха, безъ силъ и возможности двинуться съ мѣста, раненый и окровавленный влачилъ несчастное существованіе народъ, задыхаясь въ отравленной атмосферѣ, не имѣя возможности работать и трудиться.

А въ это время не было той клеветы, которая бы на нихъ не возводилась, той грязи, которою бы ихъ не забрызгивали. Отбывая муки наказанія, преступникъ очищается, снимаетъ съ себя осужденіе; здѣсь же наказаніе все увеличивалось и вмѣстѣ съ нимъ росла ненависть и клевета. Пропадали-ли еще бумаги изъ военнаго министерства—ихъ пропажу пріурочивали къ Дрейфусу; разглашена-ли тайна какого-нибудь снаряда—это дѣло его рукъ; разоренъ-ли народъ — виноваты евреи; стряслась-ли какая бѣда — отвѣтственны жиды. Люди стали входить во вкусъ обвиненій,— и посыпались они одно другого нелѣпѣе. Дрейфусъ-де на службѣ въ нѣмецкой арміи, евреи проданы чорту; Дрейфусъ подкупомъ развратилъ всю Францію, евреи отравили колодцы. И чѣмъ безсмысленнѣе было выставленное обвиненіе, тѣмъ ему охотнѣе вѣрили. Дрейфусофобія сдѣлалась національнымъ достояніемъ, достигши степени коллективнаго психоза, совершенно подобно іудофобіи. Дѣти ругали

другъ друга Дрейфусомъ и жидомъ, не было клички позорнѣе этихъ именъ, а кто знаетъ, какую силу имѣютъ установившіяся словесныя этикетки, тотъ пойметъ, что даже и вовсе ничего не знавшіе о Дрейфусѣ и евреяхъ—и такіе-то больше другихъ — особенно сильно презирали, ненавидѣли, проклинали ихъ. Няни стращали ихъ именемъ дѣтей, когда тѣ капризничали; люди дрались на дуэли, оскорбленные этимъ названіемъ, и всѣ радовались, что есть существо презреннѣе ихъ, есть народъ, на который безбоязненно можно ступать ногами.

И что бы они ни дѣлали, или вѣрнѣе—что бы имъ ни приписывали, они всегда были одинаково виноваты: сносятъ ли они терпѣливо свое мученіе,—это признакъ вины и низости: будь они правы, имѣй они хоть искру благородства—они бы безъ устали негодовали. Негодуютъ-ли они,—это проявленіе преступной строптивости,—надо терпѣть; жаждутъ-ли они смерти—это явный признакъ страшной виновности, одно сознаніе которой отравляетъ имъ существованіе; жаждутъ ли они жизни—это новое доказательство закоренѣлой преступности и цинизма. И даже то, что при самыхъ тщательныхъ обыскахъ у нихъ не было найдено ни одного, хотя бы только бросающаго на нихъ тѣнь подозрѣнія, документа, было выставлено какъ неотразимое доказательство предумышленности въ преступленіи, благодаря которой они заранѣе запрятали или уничтожили всѣ его улики.

А Дрейфусъ въ это время, какъ и народъ его, томясь въ кандалахъ за двойной оградой, ни на минуту не терялъ надежды, сознавая свою правоту и нравственную силу. Но въ отчужденіи отъ людей онъ опустился. Онъ разучился говорить; умъ его непрестанно работалъ въ одномъ только направленіи, дѣятельности у него не было никакой, и онъ разучился мыслить,—подобно тому какъ у народа его въ отчужденіи гетто съужался умственный горизонтъ, какъ онъ застывалъ на старыхъ формахъ и понятіяхъ. Единственное, что нетронутымъ сохранилось при всѣхъ страданіяхъ и испытаніяхъ—это надежда на будущее, на просвѣтлѣнье. Ни на минуту не переставали они взывать о справедливости, объ истинѣ. Увы, они взывали къ великимъ міра сего, они просили Форовъ, Буадефровъ и Мелиновъ, которые спокойно—не дочитывая посланій—бросали ихъ въ каминъ.

И заключенные въ своей одинокой отчужденности не знали, что совсѣмъ съ другой стороны—изъ круговъ людей мысли—уже давно все сильнѣе и сильнѣе раздаются голоса за ту самую справедливость для всѣхъ, о которой они тщетно взывали передъ Мелинами, за ту истину, которую попирали Буадефры, за правду и право, а изъ пучинъ народной жизни, вторя голосу передовой мысли и возвышеннаго чувства, уже гудитъ смутный гулъ подымающихся волнъ народнаго волненія, прорывавшагося сквозь гнетъ страданія, грозя бурнымъ наводненіемъ затопить общественную неправду и ложь.

Они не знали, что уже давно люди честнаго сердца и проницательной мысли усомнились въ томъ, чтобы совершившееся преступленіе можно было поставить имъ въ вину; они не знали, что даже возникло сомнѣніе въ томъ, свершено-ли оно было. Критическая мысль вскрывала одинъ подлогъ за другимъ въ доказательствахъ виновности. Съ каждымъ днемъ обнаруживались все новыя злоупотребленія, даже преступленія въ генеральномъ штабѣ; все явственнѣе проявлялся хаосъ и безпомощность правительства, грозившее погубить народъ духовно и матеріально.

Впереди разроставшагося движенія шли люди чистой души, люди, выступавшіе ради спокойствія своей совѣсти, ради отвлеченныхъ принциповъ, на почвѣ логики и мысли; ихъ встрѣтили ревомъ и свистомъ, ихъ провожали угрозами звѣрской расправы. Къ нимъ примкнули люди дѣла, борцы; и одинъ за другимъ, каждый день, каждый часъ присоединялись къ первымъ, къ вождямъ, все новые и новые рядовые, и чѣмъ дальше—тѣмъ въ большемъ числѣ; между тѣмъ какъ навстрѣчу шло снизу все, что страдало, терпѣло и жаждало избавленія.

Волненіе росло. Съ каждымъ днемъ становилось явственнѣе всеобщее напряженіе, съ каждымъ днемъ чуялось приближеніе развязки. Дѣло явно шло объ основномъ достояніи человѣчества, о томъ, которое аршиномъ не мѣряется, на вѣсахъ не взвѣшивается—и дороже человѣку, настоящему человѣку, всего того, что оцѣнивается на золото и серебро. И какъ частный случай этого общаго стремленія—было дѣло Дрейфуса, дѣло еврейскаго народа.

Долго длилась борьба; изъ области мысли и печатнаго слова она перешла въ законодательныя собранія, въ клубы,

на улицу,—пока, наконецъ, не совершилось великое событіе“...

VI.

„Вы помните, господа, какъ символизировано въ Дрейфусіадѣ это важное событіе: ту роль, которую въ дѣйствительной исторіи играло высшее законодательное собраніе страны, заново учрежденное, здѣсь играетъ спеціально назначенное присутствіе верховнаго суда, которое послѣ продолжительнаго разсмотрѣнія рѣшило пересмотръ дѣла. Дрейфуса—и евреевъ—вернули изъ гетто Чортова острова. Въ глубокомъ невѣдѣніи всего совершившагося возвращались они оттуда, обращая свою благодарность за освобожденіе къ Форамъ и Буадефрамъ.

Ихъ вернули,—и всѣ были увѣрены, что вопросъ исчерпанъ, рѣшенъ окончательно и безповоротно, съ тѣхъ поръ какъ кассаціонный судъ постановилъ пересмотръ, законодательное собраніе—эмансипацію.

Но темные силы не дремали, старыя понятія, узкія вожделѣнія жили еще въ человѣкѣ; и все, что было противъ свѣта, все, что изъ корысти или недомыслія предпочитало старое, все соединилось на бой, на штурмъ, на бѣшенную атаку потерянной твердыни.

Посмотрите, какъ тонко авторъ Дрейфусіады символизируетъ этотъ моментъ. Исторія показываетъ, что походъ противъ еврейства сталъ въ центрѣ программы всякаго мракобѣсія, всякаго движенія вспять, такъ какъ его вожаки ясно замѣтили, что на этой почвѣ бушующихъ страстей и закаменѣвшихъ предразсудковъ легче всего уловить малыхъ сихъ въ разставленныя сѣти. Обветшавшіе знамена и лозунги мало кого привлекли бы къ себѣ, если бы въ помощь имъ не выступали туманившія разсудокъ страсти. И вотъ, сообразно съ этимъ, нашъ авторъ показываетъ, какъ всѣ реакціонныя теченія принимаютъ общее знамя противниковъ—Дрейфуса, чтобы прикрыть имъ свои затасканныя въ грязи стремленія и цѣли, сочувствія къ которымъ въ ихъ голомъ видѣ—уже нельзя было ожидать.

И къ стыду общества, благодаря проявленію съ необычайною силою атавизма уже отжившихъ было обществен-

ныхъ настроеній, благодаря позорному недомыслію однихъ, бездѣйствію и неумѣлости другихъ, послѣ тяжелаго нравственнаго мартиролога новаго суда"...

Профессоръ замедлилъ рѣчь; мрачно произносилъ онъ слова, раздѣльно и торжественно, точно самъ онъ читалъ кому-то суровый приговоръ.

„Въ концѣ XIX вѣка евреямъ и Дрейфусу былъ произнесенъ новый вердиктъ. Онъ уже не былъ единогласнымъ; нашлось меньшинство, по долгу и совѣсти оправдавшее обвиненныхъ,—но оно было меньшинствомъ; всѣ же остальные, хоть и сознавали, вѣроятно, весь позоръ своего приговора—подтвердили его.

Это былъ безсмысленный приговоръ. Не за преступленіе, въ которомъ они были обвинены, былъ онъ произнесенъ, потому что никто уже и не вѣрилъ въ преступленіе. Ихъ обвинили, потому что имя имъ были — Дрейфусъ и евреи, потому что страсти противъ нихъ разгорѣлись, потому что оправданіе было бы крушеніемъ для всевозможныхъ Мерсье; ихъ осудили, и въ уступку возмущенному меньшинству, признали смягчающія вину обстоятельства...

Но обвиняя окружавшее общество въ этомъ неслыханномъ приговорѣ, мы не можемъ не обвинить въ немъ отчасти и самихъ осужденныхъ. Помните, господа, какъ Дрейфусіада ясно намекаетъ на допущенныя семьею ея героя ошибки. Помните, какъ—все продолжая надѣяться на великихъ міра сего, несмотря на горькій опытъ—они шли на всякія уступки, лишь бы не вызвать чѣмъ нибудь неудовольствія враговъ; помните, какъ они играли имъ въ руку, ослабляя своего лучшаго защитника Лабори, лучшаго — потому что онъ защищалъ не Дрейфуса, а угнетенныхъ, боролся не съ прокуроромъ, а съ несправедливостью; какъ они мѣшали ему произнести заключительную рѣчь, или—играя на руку тѣмъ, которые неудавшимся преступленіемъ хотѣли вовсе устранить его, связывали по рукамъ, мѣшая вести допросъ генераловъ. Они избѣгали всего, что могло бы всего сильнѣе поразить противниковъ, изъ боязни быть обвиненными въ ненависти къ арміи, къ генераламъ, къ родинѣ; они отказались отъ лучшаго оружія, разсчитывая на компромиссъ съ властвовавшими. Они не поняли—семья и народъ Дрейфуса—что добиться успѣха они могли только, бросившись въ борьбу на сторонѣ борцовъ за правду и передовыя теченія,—что только, поставивъ свое дѣло на почву общихъ требованій истины и справедливости, а не замыкаясь въ рамки единичнаго, своего, семейнаго и народнаго,—они могли выиграть его. Они не съумѣли удержать свое дѣло на томъ мѣстѣ, куда его поставили событія—какъ олицетвореніе и воплощеніе стремленій и борьбы страждущаго, угнетеннаго и рвущагося къ правдѣ человѣчества, они отдѣлили его и сдѣлали частнымъ, отдѣльнымъ вопросомъ.

Мы не будемъ осуждать ихъ за это. Чувства семейной и народной привязанности взяли верхъ—это было естественно. Ближніе, братъ, жена хотѣли спасти почти умиравшаго Дрейфуса, воскресить его къ новой счастливой, семейной жизни—это было ихъ право. И разъ они только къ тому стремились—они не могли рисковать ею ради отвлеченныхъ идеаловъ; не мѣшая ихъ осуществленію другими путями, они убрали свое дѣло изъ арсенала орудій борьбы, среди которыхъ оно было однимъ изъ наиболѣе могучихъ —это было послѣдовательно. Мы не будемъ укорять ихъ за нѣжныя чувства, они имѣли право на счастливую семейную жизнь, какъ и всѣ другіе; и такое же право они имѣли — избрать тѣ пути, которые считали лучшими. Но, осуществляя это свое право, они создали новую трагедію, быть можетъ, менѣе замѣтную, въ особенности человѣку, не обладающему проникновеннымъ умомъ и чуткой совѣстью, но на самомъ дѣлѣ преисполненную тоскливой горечью. Первая трагедія, та, что бросается всѣмъ въ глаза, это страданія Дрейфуса на Чортовомъ островѣ и борьба за него; вторая—незамѣтная, безъ дѣйствій и картинъ, — это та, что *мученикъ Дрейфусъ не сумѣлъ стать героемъ.*

И осужденныхъ—его и его народъ—спасли: ихъ больше не сослали на Чортовъ островъ, не надѣвали на нихъ кандалы и наручники и, оставивъ подъ тяжестью нелѣпаго приговора, *помиловали отъ наказанія*".

VII.

„Вы видите, господа, на сколько полно соотвѣтствіе между Дрейфусіадой и еврейской исторіей. Крайне ненаучно и непослѣдовательно было бы считать это соотвѣт-

ствіе дѣломъ случая: уже великій Сціэнцій установилъ, что Дрейфусіада — эпосъ, въ которомъ не излагаются событія, современныя его созданію; историко-литературныя соображенія заставили насъ искать въ немъ символа; наконецъ, подробный анализъ содержанія, кажется, достаточно незыблемо установилъ мою теорію, разсматривающую Дрейфусіаду, какъ символъ еврейской исторіи. Всѣ факты прекрасно укладываются въ эту схему, и мы не нашли ни одного, противорѣчащаго ей. Есть, правда, два—но только два—соображенія, какъ будто идущія въ разрѣзъ съ нашимъ взглядомъ, но и они легко устраняются.

Въ самомъ дѣлѣ, можно указать на то, что Дрейфусъ богатъ, между тѣмъ какъ евреи въ большей своей части всегда были пролетаріями. Однако это несоотвѣтствіе легко объясняется тѣмъ, что если еврейскій народъ былъ бѣденъ матеріально, онъ былъ богатъ духовно. Дрейфусіада же символизируетъ прежде всего нравственную драму.

Съ другой стороны, можно замѣтить, что авторъ Дрейфусіады выставляетъ ея застрѣльщиками и видными дѣятелями брата осужденнаго и еще двухъ евреевъ. Онъ сдѣлалъ здѣсь крупную ошибку: только въ эпосѣ евреи энергично выступали за своихъ братьевъ; въ жизни этого не бывало. Но если предположить,—что встрѣчаетъ подтверяжденіе и въ выборѣ темы и въ нѣкоторыхъ другихъ соображеніяхъ, — что авторъ былъ и самъ евреемъ, то это несоотвѣтствіе можно естественно отнести на долю вполнѣ понятнаго авторскаго самообольщенія, такъ что и оно не можетъ подорвать значеніе нашего вывода".

VIII.

Профессоръ подошелъ къ концу намѣченнаго имъ на лекцію того дня. Но мозгъ его былъ возбужденъ, онъ чувствовалъ какую-то недосказанность. Изложеніе мыслей, давно его волновавшихъ, подняло въ немъ рядъ воспоминаній, ясныхъ или смутныхъ ассоціацій, оцѣнокъ, чувствъ; они волновали его въ своей колеблющейся неясности, создавая смутное настроеніе, которое онъ жаждалъ вылить, передать слушателямъ, возбудивъ въ нихъ такія же мысли, такія же чувства. А между тѣмъ лекція продолжалась дольше обыкновеннаго и слушатели неоднократно уже смотрѣли на маленькіе снаряды, замѣнявшіе имъ наши часы. Мгновеніе колебался онъ—не остановиться ли на сказанномъ, но чувство одержало верхъ и онъ далъ ему волю въ неожиданной для него самого импровизаціи.

„Всѣ эти событія, олицетворенныя въ Дрейфусіадѣ, давно уже перестали непосредственно волновать людей. Они исчезли, и событія и люди съ ихъ волненіями, — они даже вышли изъ области возможнаго. Намъ становится все труднѣе даже понять хорошенько, прочувствовать то, что когда-то охватывало всего человѣка, поглощая его мысли, всю его душу. Наше общество не преслѣдуетъ никого за явно не содѣянныя преступленія, мы терпимы къ людямъ и народамъ; и страдальческій силуэтъ вѣкового мученика народа-Дрейфуса наполняетъ насъ презрительной жалостью къ его времени и современникамъ. Другія міровыя трагедіи разыгрываются въ нашей средѣ, и намъ грустно-смѣшны эти мелочныя межплеменныя распри и преслѣдованія. Какъ на неразумныхъ дѣтей, даромъ растратившихъ свои слабыя силенки на вѣчныя дрязги и драки, на взаимныя избіенія и терзанія, смотримъ мы на народы старины, и глубокая щемящая тоска охватываетъ насъ—почему они не пользовались лучше своими силами, почему они не накопляли ихъ въ вѣковѣчныя залежи душевныхъ и умственныхъ богатствъ. Быть можетъ, и намъ бы пришлось тогда легче въ нашемъ поединкѣ съ мертвой природой!...

И тѣмъ не менѣе, господа, когда я проникаю мыслью въ глубь временъ, когда по сохранившимся пылинкамъ научнаго изслѣдованія я пытаюсь воображеніемъ возсоздать теченіе минувшаго, среди безсмысленной его сутолоки, среди его жестокости и преступленій, и главное, главное — среди удручающей пустоты этой толкотни, — одно привлекаетъ меня своимъ грандіознымъ величіемъ, одно заставляетъ позабывать наше спокойное мирное время, маня къ себѣ неотразимой силой. Это, господа, великое вѣковѣчное дѣло народа-Дрейфуса.

Судьба подняла противъ него мрачныя, животныя стороны человѣка, низшія стремленія его сознанія, и сдѣлала его—хотя бы и помимо его воли—борцомъ и знаменосцемъ борцовъ за то, что мерцало человѣку вдали, что загоралось

въ его высшемъ сознаніи. Народъ-Дрейфусъ былъ поставленъ между новымъ и старымъ, между человѣколюбіемъ и человѣконенавистничествомъ, между индивидуальной мыслью и коллективной традиціей, между свободой и рабствомъ. И борьба, безпощадная борьба между ними велась на немъ, цѣною его страданій. На него падалъ прежде всего всякій ударъ, всякая побѣда и пораженіе были его побѣдой и пораженіемъ. Онъ выстрадалъ страданія человѣчества, онъ переболѣлъ муки родовъ всего въ немъ великаго и свѣтлаго.

Вотъ почему, господа, погружаясь мыслью въ даль вѣковъ, вы не встрѣтите болѣе увлекательнаго и привлекающаго зрѣлища, какъ судьбы этого народа, всегда поставленнаго въ самомъ опасномъ мѣстѣ сѣчи; и нѣтъ въ исторіи мѣста почетнѣе того, гдѣ онъ стоялъ.

О, я знаю, у него было много перебѣжчиковъ, многіе прятались въ кусты въ минуты опасности; онъ терпѣлъ иногда позорныя пораженія, и что всего важнѣе—я вамъ уже указывалъ на это, господа — онъ и самъ не всегда понималъ свою судьбу, свое значеніе, самъ избѣгалъ напрашивавшейся роли, не захотѣлъ или не сумѣлъ изъ мученика стать героемъ.

Но для тѣхъ, въ комъ горитъ искра Божьяго огня, не нашлось бы болѣе подходящихъ условій, гдѣ бы сильный духъ не только могъ, но неминуемо долженъ былъ проявиться такъ ярко, какъ здѣсь. По жребію рожденія, люди оказывались въ передовыхъ рядахъ сѣчи; чтобы вступить въ нее, здѣсь не требовалось ихъ согласія и сознательнаго выбора, какъ всюду, у другихъ, не надо было особыхъ и почти всегда случайныхъ обстоятельствъ, чтобы бросить человѣка въ бой—объ этомъ заботилась слѣпая судьба. Вотъ почему здѣсь сильнѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, сама жизнь уничтожала слабыхъ, выбрасывала среднихъ, неспособныхъ къ ней, калѣчила и ломала. Вотъ почему нигдѣ не закалялась такъ смѣлость и рѣшимость; нигдѣ подъ перекрестными ударами друзей и враговъ не чеканились такіе могучіе характеры, не появлялись вожди, ведшіе всѣ арміи, всѣ народы на великую борьбу...

Господа, мы живемъ теперь между собой мирно и тихо, мы терпимы другъ къ другу, мы даже стараемся не слишкомъ портить жизнь сразу цѣлымъ группамъ людей. Но если

бы это отъ меня зависѣло, лично для себя, я бы промѣнялъ эту жизнь на кличку жида, я бы ушелъ на много вѣковъ назадъ, я бы сталъ подъ тяжелый молотъ гоненій и презрѣнія; и если бы я не выдержалъ, если бы, слабый духомъ, я погибъ или бѣжалъ,—для меня не было бы обмана этой спокойной жизни, прикрывающей мою душевную немощь. Но если бы я прошелъ сквозь огонь испытаній, онъ закалилъ бы мой духъ, онъ бы развилъ мою мысль и чувство, отточилъ бы совѣсть мою. Я бы много выстрадалъ и переболѣлъ душою, но я научился бы чувствовать и понимать то, что теперь для меня чуждо и недоступно. И какое бы поле дѣятельности ни дала мнѣ судьба — скромную ли полоску частной жизни, нивы печатной борьбы или широкій горизонтъ Маркса или Лассаля, я зналъ-бы, что живу не даромъ, что я въ „батальонѣ смерти", что я участвую въ вѣковой борьбѣ мысли за великое достояніе человѣчества, за его страдальцевъ и мучениковъ; что я страдаю вѣковѣчнымъ страданіемъ, изъ-за котораго идетъ борьба—и которую такъ мастерски воплотилъ великій, неизвѣстный художникъ въ геніальномъ эпосѣ Дрейфусіады".

Рѣшительно еще никогда нашему профессору не приходилось имѣть такого шумнаго успѣха, какъ въ этотъ день. Онъ задѣлъ созвучныя струны въ сердцахъ своихъ слушателей, и во второй разъ его слова были встрѣчены продолжительными, восторженными рукоплесканіями. И они провожали его, пока онъ сходилъ съ каѳедры подъ стиль сѣдой старины, весь поблѣднѣвшій, съ заволокнутымъ взглядомъ и какой-то усталой, досадливо-разочарованной улыбкой; пока мелкими шажками маленькаго человѣчка, замѣнившаго собой полумыслителя, полупоэта, онъ прошелъ до двери и скрылся за нею.

И тотчасъ же поднялось въ аудиторіи всеобщее движеніе и гулъ прерывавшихъ другъ друга голосовъ. Да, они всѣ хотѣли бы жить въ ту эпоху, испытать горечь униженія и страданія,—правда, не съ тѣмъ, чтобы закалиться, они и такъ чувствовали себя достаточно твердыми,—но чтобъ мощно

отвѣчать на оскорбленія, чтобы сразиться и уничтожить... Однако, что именно—они на этотъ разъ такъ и не рѣшили: лекція затянулась дольше обыкновеннаго, ихъ уже давно мучилъ голодъ, и со всѣхъ ногъ бросились они къ буфету.

Мечтатель.

Іюль 1900 г.

Объявленія.

ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДРАЖАНІЙ!!

ХИННОЕ МЫЛО

(содержитъ Chininum hydrochloricum 1%)

приготовленное лабораторіей А. ЭНГЛУНДЪ.

Совершенно уничтожаетъ головную перхоть и прекращаетъ выпаденіе волосъ.

Цѣна за кусокъ 40 к., съ пересылкой 2 куска 1 р. 10 к.

Бальзамъ Эйкалипти для волосъ

Косметика А. ЭНГЛУНДЪ,

уничтожаетъ перхоть и пріятно освѣжаетъ головную кожу.

Цѣна за флаконъ 1 р. 50 к., съ пересылкою 2 р.

Для предупрежденія отъ поддѣлокъ, прошу обратить вниманіе на подпись: **А. ЭНГЛУНДЪ** красными чернилами и марку СПБ. Косметической Лабораторіи.

БЕРЕЗОВЫЙ КРЕМЪ

приготовленъ въ лабораторіи А. ЭНГЛУНДЪ.

Приготовленъ съ разрѣшенія С.-Петербургскаго Врачебнаго Управленія.

Средство противъ веснушекъ, желтизны, пятенъ, красноты и пр.

ЦѢНА за фаянсовую банку 1 р., съ пересылкою 1 р. 50 к.

ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ.

Кремъ „ИДЕАЛЪ“

приготовл. лаборат. А. ЭНГЛУНДЪ

для нѣжности и свѣжести лица.

Спеціально для баловъ, вечеровъ и театра; при употребленіи этого крема лицо получаетъ натуральный и естественный цвѣтъ и дѣлается юношески свѣжимъ; этотъ кремъ не пристаетъ къ матеріи, не дѣлаетъ жирныхъ пятенъ и при дневномъ свѣтѣ совершенно незамѣтенъ на лицѣ. Кремъ „ИДЕАЛЪ“ можно имѣть слѣдующихъ трехъ цвѣтовъ: бѣлый, розовый и нѣжно-тѣльный.

ЦѢНА 75 коп., съ пересылкой 1 руб. 10 коп.

Для предупрежденія поддѣлокъ прошу обратить особенное вниманіе на подпись **А. ЭНГЛУНДЪ** красными чернилами и марку **С.-Петербургской Косметической Лабораторіи**, которыя имѣются на всѣхъ препаратахъ. Получать можно во всѣхъ лучшихъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ складахъ Россійской Имперіи. Главныя агентства и склады фирмы для Европы: **Эмиль Беръ**, Гамбургъ; для Южной и Сѣверной Америки: **Л. Мишнеръ**, Нью-Іоркъ. Главный складъ для всей Россіи: **А. ЭНГЛУНДЪ, С.-Петербургъ, Бассейная улица, № 27.**

ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДДѢЛОКЪ!!

Печатано было въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ въ № 138, 18 Іюня 1900 г.

(ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1901-й ГОДЪ (2-ой годъ изданія) НА ЕЖЕНЕДѢЛЬНУЮ ГАЗЕТУ.

„БУДУЩНОСТЬ"

Съ ежегоднымъ приложеніемъ НАУЧНО-ЛИТЕРАТУРНАГО СБОРНИКА.

„Будущность"—независимый органъ русскихъ евреевъ, стремящійся къ культурному возрожденію и подъему самосознанія еврейской массы. Девизъ ея—„народность и просвѣщеніе".

„Будущность" выходитъ еженедѣльно въ размѣрѣ 2½—3 печатныхъ листовъ по слѣдующей программѣ:

I. Статьи по бытовымъ вопросамъ о юридич., экономич. и культурномъ бытѣ евреевъ. **II. Еврейская лѣтопись: А. Въ Россіи** 1) Правительственныя распоряженія. Дѣйствія губернскихъ властей, городскихъ и сословныхъ учрежденій. 2) Сенатскія разъясненія законовъ о евреяхъ. (въ соотвѣтствующихъ случаяхъ съ изложеніемъ исторіи даннаго вопроса). Судебные отчеты. 3) Обзоръ текущихъ событій еврейской жизни. 4) Письма корреспондентовъ „Будущности". 5) Обзоръ періодической печати о евреяхъ Б. Заграницей. Иностранное обозрѣніе. Палестинская хроника. **III. Научный отдѣлъ.** Статьи по исторіи евреевъ и еврейской литературѣ, по іудейской этикѣ и религіозной философіи. Статьи по антропологіи евреевъ.—Новости еврейской археологіи и друг. отраслей науки о еврействѣ. **IV. Литературный отдѣлъ.** Повѣсти и разсказы изъ еврейской жизни. Стихотворенія. Художественныя замѣтки. Еврейское народное творчество (Легенды, сказки, пѣсни). Критика и рецензіи новыхъ книгъ. Фельетонъ.

Въ Ежегодномъ сборникѣ „Будущности" помѣщаются болѣе крупныя по размѣрамъ статьи научнаго и литературнаго содержанія.

Въ Научно-Литературный сборникъ „Будущности"

за 1900 г. (большой томъ въ 408 стр. текста) вошли статьи:

1. Религія и политика въ исторіи древнихъ евреевъ. Д-ра Л. С. Каценельсона.—II. Кумиры. Сказка въ стихахъ. С. Г. Фруга.—III. Ошибка. Разсказъ. М. Д. Рывкина.—IV. Изъ практики примѣненія правилъ 3 мая 1882 г. М. И. Мыша.—V. „Записка" Державина, какъ общественно-историческій памятникъ. Ю. И. Гессена.—VI. Стансы. Х. Б. Зингера.—VII. Враги талмуда. Н. А. Переферковича.—VIII. Диночка пріѣхала. Разсказъ. Мих. Брянскаго.—IX. Наши предки на литвѣ. Историческій очеркъ М. Н. Крейнина.—X. Панская забава. Быль. Стихотв. А. Ф. Панова.—XI. Евреи въ Польшѣ и Бѣлоруссіи въ XVI и XVII ст. По даннымъ изъ раввинскихъ респонсъ. С. М. Лившица.—XII. Птицы перелетныя. Сказка для еврейскихъ дѣтей. Бенъ-Ами.—XIII. Изъ прошлаго и настоящаго евреевъ въ Азіи. Барона Н. Н. фонъ-деръ-Ховена.—XIV. Осенніе цвѣты. Стихотв. С. Г. Фруга.—XV. Старыя и новыя свѣдѣнія о евреяхъ въ Абиссиніи. И. Ю. Маркона.—XVI. Безъ радости. Разсказъ. Менделе-Мохеръ-Сфоримъ. (С. Абрамовича). Пер. съ евр.—XVII. Евреи въ Южной Африкѣ. Изъ записокъ эмигранта. J.—XVIII. М. Оппенгеймъ, національный еврейскій художникъ. М. С. Іоффе.—XIX. Среди чужихъ. Романъ. Макса Віола. (Пер. съ нѣмецкаго). XX. С. Д. Луццато С. М. Станиславскаго.—XXI. Литературно-критическія замѣтки (Беллетристическіе сборники „Еврейскіе силуэты" и „Въ духотѣ"). О. О. Грузенберга.—XXII. Еврейская литература за послѣдній годъ. Як. Б. Каценельсона. XXIII. Объявленія.

Цѣна сборника въ отдѣльной продажѣ **2 руб.** (съ пересылкой).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: **на 1 годъ (съ приложеніемъ ежегоднаго Сборника) 7 руб., на ½ года—4 руб., на 3 мѣсяца—2 руб.—Ежегодное приложеніе предназначается только для годовыхъ подписчиковъ.**

Адресъ редакціи и главной конторы: С.-Петербургъ, Пушкинская, 7.

Редакторъ-Издатель **Д-ръ С. О. Грузенбергъ.**

Еврейское Реальное и Коммерческое Училище

въ Пфауништадтѣ, близъ Франкфурта на Майнѣ.

Пріемъ мальчиковъ отъ 10 до 16 лѣтъ во всякое время. Основательное научное и коммерческое образованіе. Строго-религіозное воспитаніе. Тщательное физическое развитіе и питаніе. Отличные успѣхи.

Подробности сообщаетъ

Direktor D-r. **Barnass**, Pfungstadt.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на

„С.-Петербургскія Вѣдомости."

въ 1901 году.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Безъ казенныхъ прибавленій

	на годъ.	6 мѣс.	3 мѣс.	1 мѣс.
Съ дост. по гор. почтѣ	**16** р.	**9** р.	**4** р. **50** к.	**1** р. **80** к.
Съ перес. иногородн.	**17** „	**10** „	**5** „ **50** „	**2** „ — „
За границу	**26** „	**14** „	**8** „ — „	**3** „ — „

Съ казенными прибавленіями.

	на годъ.	6 мѣс.
Съ доставкой по гор. почтѣ	**18** р.	**10** р.
Съ пересылкою иногороднимъ	**19** „	**11** „
За границу	**28** „	**16** „

Допускается разсрочка платежа подписныхъ денегъ чрезъ гг. казначеевъ (по особому съ ними соглашенію), для частныхъ же лицъ, обращающихся прямо въ контору редакціи: 7 рублей при подпискѣ, 5 руб. въ концѣ марта и 5 р. 1 августа.

Для духовныхъ лицъ, воспитанниковъ высшихъ учебныхъ
заведеній, преподавателей народныхъ училищъ и всѣхъ сред-
нихъ и высшихъ учебныхъ заведеній, а равно для общест-
венныхъ библіотекъ и читаленъ подписная цѣна: 12 руб. въ
годъ или *по 1 рублю въ мѣсяцъ* (исключительно черезъ кон-
тору „СПБ. Вѣдомостей"). Подписчикамъ не внесшимъ въ
срокъ подписныхъ денегъ, высылка газеты прекращается.

Подписка принимается: въ Петербургѣ, въ главной конторѣ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей", Шпалерная 26, и въ книжномъ магазинѣ Мелье (Невскій пр., № 20); въ Москвѣ, въ конторѣ Печковской, Петровская линія, № 61.

Иногородные адресуютъ: С.-Петерб., Шпалерная, 26.

Редакторъ-издатель **князь Э. Э. Ухтомскій.**

в

КОТЕЛЬНЫЕ ЗАВОДЫ

Бельгійскаго Акц. Общества въ С.-Петербургѣ

Московское шоссе, № 2 а. Телефонъ № 2014.

ПАРОВЫЕ КОТЛЫ всѣхъ системъ и размѣровъ.

Стропила. Клепанн. **колонны.** Желѣзн. конструкц. **Мосты.** Повор. круги и друг. принадл. жел. дор. **Трансмисоіи. Баки. Цистерны. Вентил.** и **отопленіе.** Большіе **механич.** и **чугунолит.** отдѣлы.

Заводы оборудованы самыми СИЛЬН. НОВѢЙШ. машинами.

Директоръ-Распорядитель и уполномоченный, Инженеръ-Технологъ, Иванъ Григорьевичъ ГЕРШУНЪ.

Годъ изданія V-ый.

1901 г. ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА 1901 г.

на ежедневную газету

„ЮЖНОЕ ОБОЗРѢНІЕ"

выходящую въ ОДЕССѢ въ форматѣ большихъ столичныхъ газетъ

съ иллюстраціями въ текстѣ

(рисунки событій дня, общественныхъ дѣятелей, художниковъ, виды мѣстностей и т. п., появляющимися на отдѣльныхъ листахъ не менѣе двухъ разъ въ недѣлю).

Съ Января 1901 г. въ иллюстр. листахъ печатается полный переводъ послѣдняго романа ЭМИЛЯ ЗОЛЯ

«ТРУДЪ».

За четыре года существованія ***„Южное Обозрѣніе"*** вполнѣ выяснило свою идейную программу и заняло опредѣленное мѣсто въ ряду русскихъ газетъ.

Ставя на первомъ планѣ интересы трудящихся классовъ, мы всегда признавали, что всѣ отдѣльныя племенныя и національныя группы, живущія въ Россіи, являются вполнѣ равноправными членами одной великой культурной семьи.

Въ настоящее время редакціей обращено особенное вниманіе на развитіе провинціальнаго отдѣла и приглашены корреспонденты изъ всѣхъ наиболѣе замѣтныхъ пунктовъ Юга и Юго-Запада Россіи.

Въ газетѣ „Южное Обозрѣніе" имѣются слѣдующіе отдѣлы:

I. **Распоряженія и узаконенія правительства.**

II. **Передовыя статьи**, по общественно-политическимъ вопросамъ мѣстной, областной, южной, обще-русской и заграничной жизни, помѣщаются ежедневно.

III. **Телеграммы**, политическія, биржевыя и коммерческія, какъ „Россійскаго Агенства", такъ и отъ собственныхъ корреспондентовъ.

IV. **Фельетонъ.** Разсказы, повѣсти и романы русскихъ и иностранныхъ авторовъ помѣщаются ежедневно.

V. **Заграницей.** Свѣдѣнія о политической, соціальной и литературно-художественной жизни иностранныхъ государствъ. Корреспонденціи отъ собственныхъ заграничныхъ корреспондентовъ.

VI. **Русская Жизнь.** Свѣдѣнія о политической, общественной и литературно-художественной жизни Россіи.

VII. **Наша печать.** Сводъ мнѣній по различнымъ вопросамъ органовъ русской печати разныхъ направленій.

VIII. **Общественный фельетонъ.** Подъ заглавіями „Мелочи жизни", „Зигзаги", „Досужія мысли". „У моря житейскаго", обсужденіе злободневныхъ вопросовъ одесской, южно-русской и обще-русской жизни.

IX. **Наши дѣла.** Статьи по вопросамъ городской жизни и городского благоустройства.

X. **Провинція.** Сообщенія собственныхъ корреспондентовъ изъ всѣхъ крупнѣйшихъ пунктовъ Юга и Юго-запада Россіи. **На этотъ отдѣлъ въ настоящее время редакціей обращено особенное вниманіе.**

XI. **Одесская жизнь.** Хроника административной и общественной жизни города Одессы и уѣзда, рефераты засѣданій думы, земскихъ собраній, ученыхъ обществъ, происшествія и т. д.

XII. **Маленькій фельетонъ.** Небольшіе разсказы, стихотворенія, замѣтки сообщенія, анекдоты, оригинальные и переводные.

XIII. **Наука, искусство и литература.**

XIV. **Театръ и музыка.**

XV. **Законъ и жизнь.** Извѣстія и отчеты о судебныхъ дѣлахъ, разбирающихся въ камерахъ мировыхъ судей, земскихъ начальниковъ, уѣздныхъ членовъ, въ мировыхъ и уѣздныхъ съѣздахъ, въ Окружномъ Судѣ, Судебной Палатѣ и Прав. Сенатѣ.

XVI. **Биржа.** Свѣдѣнія о сдѣлкахъ. Фонды, курсы и т. д.

XVII. **По Россіи.** Мелкія и анекдотическія событія русской жизни.

XVIII. **Справочный листокъ.** Календарь, судебный указатель дѣлъ въ мировомъ съѣздѣ, окружномъ и коммерческомъ судѣ и судебной палатѣ, движеніе поѣздовъ, пароходовъ и т. д.

Подписная цѣна на газету „ЮЖНОЕ ОБОЗРѢНІЕ".

	Въ Одессѣ съ дост. на домъ	На города (съ пересылкой)	
6 р.	на годъ 6 р.	на годъ 8 р.	**8 р.**
	6 мѣс. 3 р. 50 к.	6 мѣс. 4 р.	
	3 мѣс. 1 р. 80 к.	3 мѣс. 2 р.	
	1 мѣс. — 60 к.	1 мѣс. — р. 70 к.	

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА ПЛАТЕЖА, ОТДѢЛЬН. №№ ПРОДАЮТСЯ 3 КОП.

Подписка принимается въ Одессѣ въ главной конторѣ газеты „Южное Обозрѣніе", при типографіи Исаковичъ и Бейленсонъ, Гаванная ул., соб. домъ.

Редакторъ **Н. П. ЦАКНИ.** Издатель **Г. М. БЕЙЛЕНСОНЪ.**

Ново! **ЭЛЕКТРО-КЕРОСИНОВЫЙ ДВИГАТЕЛЬ** **Ново!**

„ОТТО ДЕЙТЦЪ"

Фабричное клеймо

OTTO Schutz-Marke

настоящаго двигателя „ОТТО".

съ магнитно-электрическимъ воспламененіемъ **БЕЗЪ ОГНЯ и ПЛАМЕНИ**, безъ элементовъ и аккумуляторовъ.

Въ ходу болѣе **58000** двигателей отъ **1—1000** лош. силъ, представляющихъ **290000** лош. силъ въ общей сложности.

Двигатели для насосовъ, для электрическаго освѣщенія и передачи силы, вообще для всѣхъ цѣлей промышленности и сельскаго хозяйства.

Расходъ керосина самый минимальный. Двигатели для **нефтяного, свѣтильнаго, колошниковаго и генераторнаго газа** (Kraftgas) **до 1200 лош. силъ. Насосы** всякаго рода и пр.

Уполномоченный завода, инженеръ **Карлъ Винандъ.**

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Васильевскій Островъ, Кадетская линія, № 25.

Адресъ для телеграммъ: **Винандъ, Петербургъ.**

Телефонъ № 3970.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1901 годъ

на ежедневную газету **„ВОЛЫНЬ"** на ежедневную газету

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

На 12 мѣсяцевъ	. 6 р. — к.	Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка платежа.
„ 6 „	. 3 „ — „	
„ 3 „	. 1 „ 50 „	Розничная продажа по 5 к. №.
„ 2 „	. 1 „ 10 „	Помѣсячно . . . . . . 60 к.

Плата за напечатаніе объявленій:

За одну строчку въ столбцѣ петита (считая 30 буквъ въ строкѣ) или мѣсто занимаемое ею: впереди текста, за 1 руб. 20 к., за каждый слѣдующій разъ 10 к., позади текста за 1 разъ 10 к., за слѣдующ. разы 5 к. Адресъ редакціи: **Б.-Бердичевская ул., Архіерейскій домъ.** Телефонъ редакціи № 103, Телефонъ квартиры редактора № 104.

ВАЖНО ДЛЯ КАЖДАГО СЕМЕЙСТВА!!!

ПЕРЕПЛЕТЪ КНИГЪ

для подарковъ, библіотекъ и учебныхъ заведеній

ИЗГОТОВЛЯЕТЪ

ПО САМЫМЪ УМѢРЕННЫМЪ ЦѢНАМЪ

Переплетная С. Анбиндеръ

НЕВСКІЙ, 88.

Образцы и цѣны могутъ быть присылаемы, при требованіи городскимъ письмомъ, черезъ день.

С ъ 20 марта 1901 года

выходитъ въ г. Керчи ЕЖЕДНЕВНО, исключая понедѣльниковъ и послѣпраздничныхъ дней, литературно-политическая, общественная и коммерческ. газета

„ЮЖНЫЙ КУРЬЕРЪ"

посвященная обсужденію нуждъ Керчь-Еникальскаго градоначальства таврической губерніи, губ. и ближайшихъ къ Керчи мѣстъ Черноморья и Пріазовья.

Всюду, въ районѣ газеты, постоянные корреспонденты. Подробная хроника русской и заграничной жизни. Полная программа большихъ газетъ. Телеграммы Россійскаго Телеграфнаго Агентства и собствен. корреспондентовъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

	12 м.	11 м.	10 м.	9 м.	8 м.	7 м.	6 м.	5 м.	4 м.	3 м.	2 м.	1 м.
Съ доставк. въ Керчи .	6 —	5 50	5 —	4 70	4 30	3 90	3 50	3 10	2 50	2 —	1 50	— 80
Съ пересылкой иногор.	7 —	6 50	6 —	5 50	5 —	4 50	4 —	3 50	3 -	2 50	1 80	1 —

За пересылку заграницу доплачиваютъ къ иногородней цѣнѣ по 60 коп. за каждый мѣсяцъ.

Допускается широкая разсрочка при первомъ взносѣ отъ 2-хъ р. Редакція и главная контора „Южнаго Курьера": Керчь, Дворянская улица, домъ Макриди, № 10-й.

Желающихъ получить номеръ газеты для ознакомленія просятъ указать адресъ.

Издатель **В. І. Харитонъ**. Редакторъ-издатель **Д. Т. Овсѣенко**.

АКЦІОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО

ПИСЧЕБУМАЖНОЙ ФАБРИКИ

„Г. І. Паллизенъ".

Среднія сорта писчей, печатной, обойной и т. п.

ТОВАРИЩЕСТВО

„РЖЕВСКОЙ"

ПИСЧЕБУМАЖНОЙ ФАБРИКИ.

Высокія сорта почтовой, писчей, рисовальной и т. п.

АКЦІОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО

„КОШЕЛЕВСКИХЪ" ПИСЧЕБУМАЖНЫХЪ ФАБРИКЪ.

Желтая обертна, табачная, обойная и т. п.

ПРАВЛЕНІЕ:

С.-Петербургъ, Васильевскій Островъ, 17 линія, № 2.

СКЛАДЫ:

С.-Петербургъ, Екатерининскій каналъ, № 24.
Москва, Варварка, Среднія ряды.
Самара, Дворянская улица, № 9.
Ростовъ н/Д., Большая Садовая улица.
Одесса, Успенская улица, № 58.
Николаевъ, Заборная улица.
Тифлисъ, уголъ Головинскаго и Георгіевской.
Баку.

КОММИССІОННЫЕ СКЛАДЫ:

Варшава, у г. Г. Рогозинскаго, Долгая улица, № 23.
Вильна, „ „ И. Папъ.
Рига, „ „ Ю. Бурхарда, Господская улица, № 24.
Самаркандъ, „ „ А. Шуберта.
Харьковъ, „ „ Х. Я. Синельникова.
Кіевъ, „ „ Н. И. Тихомірова, Николаевская, № 3.

„КІЕВСКОЕ СЛОВО"

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА

общественная, литературно-политическая и экономическая.

Программа газеты:

1) **Передовыя статьи** по вопросамъ общественнымъ, политическимъ, экономическимъ, хозяйственн., педагогическимъ, юридическимъ и др.
2) **Телеграммы** внутреннія и заграничныя.
3) **Корреспонденціи** внутрен., заграничн. и изъ славянск. земель.
4) **Политическое обозрѣніе.**
5) **Повѣсти и разсказы.**
6) **Бесѣды** по разнымъ вопросамъ дня (**фельетонъ**).
7) **Обозрѣніе** русскихъ журналовъ и газетъ.
8) **Критика** литературная, художественная и театральная.
9) **Внутренняя хроника:** законодательство и распоряженія правительства и краткія извѣстія изъ разныхъ мѣстъ отечества.
10) **Мѣстная хроника:** городскія дѣла, дѣятельность мѣстныхъ правительственныхъ и общественныхъ учрежденій, событія и происшествія.
11) **Областная хроника:** корреспонденціи изъ различныхъ мѣстностей юго-западнаго края.
12) **Справочный отдѣлъ:** курсы, фонды, ипотечныя и др. процентныя бумаги и акціи. Торговый рынокъ. Желѣзныя дороги, пароходы, лѣчебницы, театры и т. п. Судебныя извѣстія.

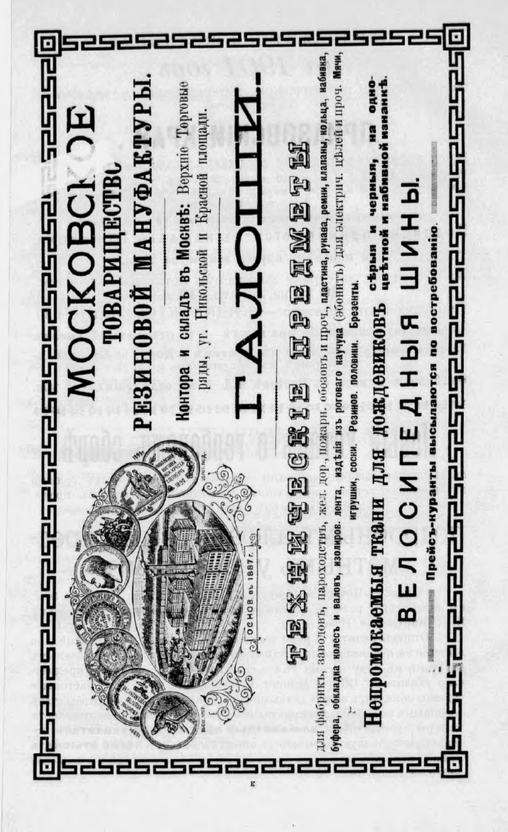
Подписная цѣна на „Кіевское Слово" съ доставкой и пересылкой, на годъ—**10** р., на 6 мѣс.—**5** р., на 3 мѣс.—**3** р., на 1 мѣс.—**1** р., безъ доставки и пересылки, на годъ—**8** р., на 6 мѣс.—**4** р., на 3 мѣс.—**2** р. **25** к., на 1 мѣс.—**75** к. Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка подписной платы на слѣдующ. условіяхъ: съ дост. и перес. при подпискѣ **5** р. и черезъ 5 мѣс. вторые **5** р.; безъ дост. въ тѣ же сроки по **4** р. Заграничные подписчики прилагаютъ къ цѣнѣ за доставку по **60** к. за каждый мѣсяцъ. За перемѣну иногороднаго адреса—**20** к.

Подписка и объявленія принимаются въ Кіевѣ: 1) Въ главной конторѣ на Большой Владимірской, д. Антоновича, № 43. 2) На Крещатикѣ, въ магазинахъ: С. В. Кульженко, Л. и Влад. Идзиковскаго, Овчинникова и Розова. 3) Въ Москвѣ и Петербургѣ у Метцль и К°.

Гг. иногороднихъ подписчиковъ просятъ обращаться непосредственно въ главную контору „Кіевскаго Слова" Большая Владимірская, домъ № 43.

За Редактора *П. Д. Деревянкинъ.*

Издательница *В. М. Антоновичъ.*

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

на 1901 годъ

на ежедневную политическую, литературную и экономическую газету

„ПРИАЗОВСКІЙ КРАЙ“.

Условія подписки съ дост. и перес. городскимъ и иногороднимъ подписчикамъ:
12 м.—9 р., **11** м.—8 р. 50 к., **10** м.—8 р., **9** м.—7 р. 25 к., **8** м.—6 р. 50 к., **7** м.—5 р. 75 к., **6** м.—5 р., **5** м.—4 р. 25 к., **4** м.—3 р. 50 к., **3** м.—2 р. 75 к., **2** м.—2 р., **1** м.—1 р.

За пересылку заграницу взимается добавочныхъ 60 к. ежемѣсячно.

Подписка принимается съ каждаго 1-го числа.

За перемѣну адреса взимается 25 к.

За объявленія: за строку занимаемую петитомъ на 1-й стр., **20** к., на 4-й стр.—**10** к.

При многократн. печатаніи—СКИДКА ПО СОГЛАШЕНІЮ.

За разсылку приложеній при газетѣ—8 р. отъ каждой тысячи.

Главная контора помѣщается **въ Ростовѣ н/Дону,** на Большой Садовой улицѣ, въ собственномъ домѣ.

Отдѣльные нумера въ Ростовѣ н/Д. и въ отдѣленіяхъ—5 коп.

Новый уставъ о гербовомъ сборѣ

съ законодательными мотивами, очеркомъ существенныхъ отличій отъ прежняго устава, инструкціями министерства финансовъ, правилами объ обмѣнѣ бумаги и марокъ и

подробнымъ алфавитнымъ предметнымъ указателемъ.

Состав. С.-Петерб. нотаріусъ А. Анисимовъ. Изд. X., ц. 1 р. 50 к., въ переплетѣ 1 р. 80 к., складъ въ юридическомъ книжн. магазинѣ Н. К. Мартынова, Невскій, 50.

Отзывъ печати: „Среди вышедшихъ до сихъ поръ изданій г-на Анисимова несомнѣнно должно быть отведено первое мѣсто, главнымъ образомъ въ виду весьма умѣло составленнаго алфавитнаго предметнаго указателя“ (Журн. Минист. Юстиціи, 1901 г. № 3). „Настоящее изданіе обладаетъ всѣми данными необходимыми для того, чтобы стать полезнымъ пособіемъ для практиковъ. Большой похвалы заслуживаетъ отлично составленный **алфавитный предметный указатель,** который даетъ полную возможность оріентироваться и **легко отыскать** нужное правило; ни одного пропуска въ этомъ указателѣ мы не могли найти“. (Право, 1901, № 9).

Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ продаются изданія

Т-ва **„XX ВѢКЪ“.**

Е. д'Эйхталь. Алексисъ Токвиль и либеральная демократія. Переводъ М. Г. Васильевскаго, подъ ред. и съ предисловіемъ **Н. И. Карѣева.** Съ портретомъ Токвиля. Ц. 1 руб.

Г. Бергсонъ, проф. высшей нормальной школы въ Парижѣ. Смѣхъ въ жизни и на сценѣ. Ц. 75 коп.

К. де Риккеръ. Алкоголизмъ у женщинъ. Ц. 1 руб.

Максъ Мюллеръ. Религіи Китая. Ц. 50 коп.

Барона Мюнхгаузена разсказы объ его удивительныхъ путешествіяхъ и походахъ въ Россіи и другихъ странахъ Перев. и введеніе **Зин. Венгеровой.** Ц. 50 коп., въ изящ. переп. 65 коп.

ОКАНЧИВАЮТСЯ ПЕЧАТАНІЕМЪ:

А. Паттенъ. Развитіе мысли въ Англіи.—Опытъ экономическаго истолкованія исторіи.

Г. Мортиллье. Доисторическій міръ.

Проф. Г. Іеллинекъ. Общее ученіе о государствѣ.

Проф. А. Д. Ксенополь. Основныя начала исторіи.

Ф. Паульсенъ. Шопенгауеръ—Гамлетъ—Мефистофель.—Къ исторіи и теоріи пессимизма.

Л. де Норвенъ. Американскіе милліардеры.—Среди четырехсотъ.—Ихъ женщины.—Происхожденіе милліардовъ.—Ихъ чудачества.—Ихъ дѣти.—Съ 16 портретами.

Г. Данвилль. Психологія любви.

Ю. Пирсторфъ. Женскій трудъ и женскій вопросъ.

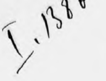
Г. Карпелесъ. Генрихъ Гейне, его жизнь его время.

Д-ръ Дѣдженъ. Искусство долго жить.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЙ:

Товарищество **„XX ВѢКЪ“.**

Б. Подъяческая 1, кв. 11.

УТВЕРЖДЕНО ПРАВИТЕЛЬСТВОМЪ

ФАБРИКА ВЫСШЕЙ ПАРФЮМЕРІИ!

Существуетъ съ 1884 года.

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ

„ПАРФЮМЕРНАЯ ЛАБОРАТОРІЯ

І. ГОЛЛЕНДЕРЪ“.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Разъѣзжая ул., № 13.

СПЕЦІАЛЬНОСТЬ ФАБРИКИ!

Можно получать во всѣхъ аптекахъ, аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ Имперіи.

ВНѢ КОНКУРЕНЦІИ! **ВНѢ КОНКУРЕНЦІИ!**

Мыло Голлендеръ вазелиновое туалетное, кусокъ . . . . **30 к.**
Пудра Голлендеръ вазелиновая, коробки въ . . . . **30 и 60 к.**
Тоже въ особо-роскошной **фарфоровой пудреницѣ** съ живописью и съ запахомъ **Віолэтъ де-Пармъ**, цѣна . . . . **1 р.**

Считаемъ долгомъ обратить вниманіе почтеннѣйшей публики, что въ продажѣ существуетъ много сортовъ вазелиноваго мыла, въ большинствѣ случаевъ сходныхъ по внѣшнему виду съ нашимъ мыломъ, но качествомъ своимъ ничего общаго съ нимъ неимѣющихъ, почему и просимъ желающихъ имѣть настоящее вазелиновое мыло—требовать всегда **мыло ГОЛЛЕНДЕРЪ вазелиновое туалетное.**

Съ торговой маркой на каждомъ кускѣ.

Прав. Вѣст. 92 г.

Шведскія зубныя средства: **ШВЕДСКІЙ ЗУБНОЙ ЭЛЕКСИРЪ**, укрѣпляетъ слабыя десны, придаетъ пріятный запахъ рту и уничтожаетъ винный камень. ☼ Цѣна флакону **80 к.** **ШВЕДСКІЙ ЗУБНОЙ ПОРОШОКЪ**, придаетъ зубамъ желаемую бѣлизну, уничтожаетъ винный камень, черноту зубовъ и возстановляетъ бѣлизну эмали на зубахъ. ☼ Цѣна коробки **50 к.**

Рекомендуется особенному вниманію всѣхъ родителей!

Оливковое мыло для дѣтей! Нейтральное мыло, приготовленное изъ чистаго оливковаго масла.

Кремъ Амикосъ (Crême Amycos). **НОВЫЙ КРЕМЪ, составленный по указаніямъ спеціалистовъ,** придаетъ и сохраняетъ свѣжій и здоровый цвѣтъ лица, уничтожаетъ веснушки, пятна, загаръ и красноту лица. ☼ **КРЕМЪ АМИКОСЪ** необходимъ для сохраненія надолго красоты лица. ☼ Цѣна банки **1 р. 25 к**; въ Европейскую Россію высылаются 2 банки за **3 р.**

МИНДАЛЬНЫЙ КРЕМЪ (Crême d'Amandes) Голлендера.

Вмѣсто мыла для мытья лица и рукъ, замѣняющій мыла и миндальныя отруби, рекомендуется всѣмъ лицамъ, имѣющимъ **нѣжную и раздражительную кожу, не выносящую мыла.** ☼ **МИНДАЛЬНЫЙ КРЕМЪ** никогда не портится. ☼ **При употребленіи миндальнаго крема,** лицо надолго сохраняетъ свою нѣжность. ☼ Банка въ **1 р., 60 к. и 30 к.**

ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДДѢЛОКЪ и ПОДРАЖАНІЙ.

Краска для волосъ Голлендера „Натурель“ **самая безвредная и прочная,** окрашивающая волосы въ **натуральные** цвѣта: черный, каштановый и темнорусый. ☼ **Краска „НАТУРЕЛЬ“ не имѣетъ дурного вліянія на волосы.** ☼ Цѣна коробки **1 р. 50 к.**, съ пересылкой въ Европейскую Россію **2 руб.**

☛ **На помощь волосамъ! ЭЛЕОПАТЪ проф. КИНУНЕНА.**

Рекомендуется какъ средство для волосъ, способствующее быстрому росту ихъ и уничтожаетъ головную перхоть.

ЭЛЕОПАТЪ проф. КИНУНЕНА находится въ продажѣ **23 года** и **ЕЖЕГОДНО** расходится **ДЕСЯТКАМИ ТЫСЯЧЪ ФЛАКОНОВЪ**, что доказываетъ его **несомнѣнную пользу волосамъ: Элеопатъ проф. Кинунена** имѣется къ услугамъ публики во всѣхъ аптекахъ, аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ Имперіи. ☼ Цѣна флакону **1 р. 50 к. 2** флакона высылаются почтою въ Европейскую Россію за **4** рубля.

☛ **ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ: С.-ПЕТЕРБУРГЪ, РАЗЪѢЗЖАЯ, № 13.**

Адресъ для писемъ: „**Складъ Элеопата Кинуненъ**“.

Содержаніе первыхъ восьми томовъ «Еврейской Библіотеки».

Томъ I—I. Отъ издателя.—II. Горячее время. Романъ. Часть первая **Л. О. Леванды**. III. Колыбельная пѣснь Гители. **Л. I. Мандельштамма**.—IV. Еврей о христіанинѣ. Стих. **П. И. Вейнберга**.—V. Мысли о хасидизмѣ. **И. Г. Оршанскаго**.—VI. Библейское государство. **Л. I. Мандельштамма**.—VII. Къ исторіи образованія русскихъ евреевъ. Періодъ первый. **М. Г. Моргулиса**.—VIII. Изъ автобіографіи Соломона Маймона. Очерки быта польско-русскихъ евреевъ во второй половинѣ XVIII вѣка. **А. Л.**—IX. Рейхлинъ и Пфефферкорнъ. Борьба изъ-за Талмуда. Страница изъ исторіи евреевъ. **По Гретцу**.—X. Молодая Палестина. Изъ книги „Жизнь и сочиненіе Гейне“. **А. Штродтмана**.—XI. Подслушанное. Изъ посмертныхъ стихотвореній Гейне. **П. И. Вейнберга**.—XII. Что такое еврей? **Г. М. Гутмана**.—XIII. Обзоръ современной еврейской литературы. **Л. О. Гордона**.—XIV. Русскій переводъ Ветхаго Завѣта. **Р. Кулишера**.—XV. Гаазину. Предсмертная пѣснь Моисея. **Л. I. Мандельштамма**.

Т. II.—I. Отъ издателя.—II. Горячее время. Романъ. Часть 2-я. Жондъ народный и евреи. Часть 3-я. Панъ Тенчинскій. **Л. Леванды**.—III. Евреи и іудаизмъ временъ возникновенія Талмуда. **Альберта Ревиля**.—IV. Изъ новѣйшей исторіи евреевъ въ Россіи. **И. Оршанскаго**.—V. Изъ автобіографіи Соломона Маймона. **А. Л.**—VI. Къ вопросу о земледѣліи у евреевъ въ Россіи. **В. Леванды**.—VII. Еврейская пѣсня (Изъ Барри Корнуэля). Стихотвореніе. **Д. Д. Минаева**.—VIII. Цвѣта Іудеи. (Изъ Франкеля). Стихотвореніе **Д. Д. Минаева**.—IX. Къ исторіи образованія русскихъ евреевъ. Періодъ второй. **М. Моргулиса**.—X. По поводу постройки синагоги въ Петербургѣ. **В. В. Стасова**.—XI. Обзоръ современной еврейской литературы. **Л. Гордона**.—XII. Списокъ подписчиковъ на I томъ „Евр. Библ.“.

Т. III—I. Моисей. Восточная поэма Альфреда де-Виньи. **Д. Минаева**.—II Горячее время. Романъ. (Окончаніе). **Л. Леванды**.—III. Братьямъ. Изъ народныхъ стихотвореній Л. О. Гордона. **Д. М.**—IV. Субботняя пѣснь. Изъ Франкеля. **Д. Минаева**.—V. Русское законодательство о евреяхъ. **И. Оршанскаго**.—VI. Мордхе Кизовичъ. Разсказъ. **М. Брандштетера**.—VII. Прозелитизмъ съ точки зрѣнія іудейства. **Д. Л. Слонимскаго**.—VII. Геръ Цедекъ. Быль. **А. Крашевскаго**.—IX. Высшее Берлинское общество и евреи. **А. Гильбрандта**.—X. Еврейское племя въ созданіяхъ европейскаго искусства. **В. Стасова**.—XI. Къ исторіи образованія русскихъ евреевъ (Окончаніе). **М. Моргулиса**.—XII. По поводу статьи М. Г. Моргулиса. **Л. Леванды**.—XIII. Брафманскіе виды еврейской эксплоатаціи. **Г. Рабиновича**.—XIV. Вѣчно-новый вопросъ. **А. Л.**—XV. Списокъ подписчикамъ на II томъ.

Т. IV.—I. Пойманникъ. Быль. **Г. И. Богрова**.—II. Нахумъ Ишъ-Гамзу. Талмудическая легенда. **Д. Минаева**.—III. Къ исторіи западно-русскихъ евреевъ. (Изъ соч. Сол. Беннета). **А. Л.**—IV. Русское законодательство о евреяхъ. **И. Оршанскаго**.—V. Кто виноватъ? (Изъ жизни одной еврейской колоніи 1835—1845). **М. И. Кулишера**.—VI. Представленія и резолюціи о курляндскихъ евреяхъ при Павлѣ I. (Историческая замѣтка). **З. Минора**.—VII. Дочь Іефоая. Восточная поэма Альфреда де-Виньи. **Д. Минаева**.—VIII. Путевыя впечатлѣнія и замѣтки. **Л. Леванды**.—IX. Вѣкъ пережить—не поле перейти. (Изъ разсказовъ отставнаго солдата). **В. Н. Никитина**.—X. Вольтеръ и евреи. (По Гретцу). **И. Бейлина**.—XI. Современная еврейская беллетристика. **А. Ковнера**.—XII. Статистика евреевъ въ Австріи. **И. И. Кауфмана**.—XIII. По-неволѣ запоздавшій отвѣтъ газетѣ „Голосъ“ **Л. Гордона**.—XIV. Своеобразное положеніе еврейскаго вопроса въ русской журналистикѣ. **А. Л.**—XV Библіографія еврейскаго вопроса. **В. М. Межова**.

Т. V. **Отъ издателя**.—Іуда Маккавей. Драма Лонгфелло. **Петра Вейнберга**.—III. Еврейское племя въ созданіяхъ европейскаго искусства. **В. Стасова**.—IV. Искатель счастья. Разсказъ. **В. Никитина**.—V. Еврейскій вопросъ и интересы Россіи. ***.—VI. Притча. Съ нѣмецкаго. Стихотвореніе. **Петра Вейнберга**.—VII. Русское законодательство о евреяхъ. **И. Оршанскаго**.—VIII. Школобоязнь. Очеркъ прошлаго. **Л. Леванды**.—IX. Планъ реформы польскихъ евреевъ. **Б. Павловича**.—X. Присяга и ея разрѣшеніе. **И. Шерешевскаго**.—XI. Національность. Рабство. Положеніе женщинъ. **А. Гейгера**.—XII. Авраамъ Гейгеръ. **Бертольда Ауэрбаха**.—XIII. Къ предъидущей статьѣ. **А. Л.**—XIV. По поводу перевода (Натана Мудраго. **В. Стасова**.—XV. Значеніе Лессинга для евреевъ. **А. Л.**—XVI. Евреи въ Вѣнѣ. **А. Л.**—XVIII. Л. И. Липкинъ. Некрологъ. **Х.**—XVIII. Циркуляръ Кіевскаго генералъ-губернатора. **А. Л.**—XIX. Библіографія еврейскаго вопроса. **В. Межева**.

Т. VI. Илья Григорьевичъ Оршанскій. Біографическій очеркъ ***.—II. Къ предъидущей статьѣ. А. Л.—III. Еврейское племя въ созданіяхъ европейскаго искусства. В. В. Стасова.—IV. Римское Гетто. Изъ воспоминанія Э. Кастелара Петра Вейнберга.—V. Исторія выключки. И. Оршанскаго.—VI. Евреи въ средніе вѣка съ точки зрѣнія торговой политики. В. Рошера.—VII. Коробочный сборъ М. Маргулиса.—VIII. Мордахей Іерусалеми. Г. Богрова.—IX. Взглядъ на юридическое положеніе евреевъ въ Россіи и за границей. Л. З. С—каго.—X. Значеніе евреевъ въ дѣлѣ сохраненія и возрожденія науки. М. Шлейдена.—XI. Безъ надписи. Разсказъ. К. Францоза.—XII. Дитя искупленія. Разсказъ. К. Францоза.—XIII. Карлъ Эмиль Францозъ А. Л.—XIV. Наши домашнія дѣла. Письмо изъ сѣверозападнаго края. IV.—VX Христіане въ защиту евреевъ. А. Л.—XVI. Памятникъ И. Г. Оршанскому. В. Стасова.—XVI(Замѣтки: 1) Берлинскій конгрессъ. А. Л. 2) Отзывы нашей печати объ иностранныхъ евреяхъ. А. Л. 3) Одному изъ нашихъ судей. А. Л.—XVIII. Judaica. Библіографическое сообщеніе. А. Я. Гаркави.—XIX. Объявленіе.

При этомъ томѣ приложенъ портретъ и факсимиле И. Г. Оршанскаго.

ТОМЪ VII.—I. Отъ издателя.—II. Опытъ новой постановки нѣкоторыхъ вопросовъ по исторіи евреевъ въ Литвѣ и Польшѣ. С. А. Бершадскаго.—III. Подражаніе Исаіи. Стихотвореніе. Графа А. Голенищева-Кутузова.—IV. Изъ романа: „Походъ въ Калхиду“ Л. О. Леванды.—V. Шейлокъ изъ Барнова, въ перев. А. Н. Плещеева.—VI. Обзоръ законодательства относительно евреевъ за послѣднее десятилѣтіе. Я. Л. Резенфельда.—VII. Хазарскія письма. А. Я. Гаркави.—VIII. Изъ средневѣковой жизни евреевъ. Э. К. Ватсона.—IX. Священное присутствіе и его религіозные акты. А. Е. Ландау.—X. Послѣ всемірной выставки В. В Стасова.—XI. Обозрѣніе древне-еврейской журналистики и литературы Бенъ-Іосифа.—XII. Кутаисское дѣло. Стенографическій отчетъ.—XIII. Матеріалы по исторіи евреевъ въ Польшѣ и Литвѣ. Съ предисловіемъ. С. А. Бершадскаго.—XIV. Еврейская періодическая печать и литературные сборники А. Я. Гаркави.—XV. Объявленія.

Т. VIII.—I. Моисей Мендельсонъ. По поводу его 150 лѣтняго юбилея. В. Ѳ. Корша.—II. Къ вопросу о враждѣ между евреями и другими народами. Профессора М. Г.—III. Историческій очеркъ мѣръ водворенія между евреями земледѣльческаго труда. М. И. Мыша.—IV, „Баронъ Шмуль“. Разсказъ К. Э. Францоза. Пер. Петра Вейнберга.—V. Хаимъ I громоверженъ. Картины недавняго прошлаго С. С.—VI. Современное hep! hep! Джоржа Элліота.—VII. Ошейникъ. Стихотвореніе М. С. Абрамовича.—VIII. Сообщенія о хазарахъ А. Я. Гаркави.—IX. А. Б. Лебенсонъ. Его литературная дѣятельность и значеніе для русскихъ евреевъ Л. О. Гордона —X. На акціонерномъ вечерѣ. Отрывокъ. Ула.—XI. Изъ Іезикіиля. Стихотвореніе. М. С. Абрамовича.—XII. Императоръ Александръ I и корчмарь Гирша. Историческій курьезъ —она –она.—XIII. О правѣ евреевъ пріобрѣтать недвижимыя имѣнія въ западномъ краѣ М. П, Шафира.—XIV. Литература по исторіи евреевъ за послѣднее десятилѣтіе Д-ра М. Кайзерлинга.—XV. Обозрѣніе древне-еврейской литературы Бенъ-Іосифа.—XVI. Дѣло Айзенберга.—XVII. Антисемитическая лига. Э. К. Ватсона,—XVIII. Матеріалы по исторіи евреевъ въ Польшѣ и Литвѣ. Сообщилъ С. А. Бершадскій.—XIX. Еврейская періодическая печать и литературные сборники А. Я. Гаркави.—

ЦѢНА КАЖДОМУ ТОМУ 2 р. 50 к. Всѣмъ ДЕВЯТИ томамъ вмѣстѣ—18 р. Выписывающія ВСѢ ДЕВЯТЬ томовъ вмѣстѣ до 15-го ІЮЛЯ платятъ съ пересылкой 15 р.

ОБЪЯВЛЕНІЯ для помѣщенія въ „Еврейской Библіотекѣ“ принимаются по слѣдующимъ цѣнамъ. Позади текста за цѣлую страницу 25 р., за 1/2 стран. 13 р., за 1/4 стр. 7 р. Передъ текстомъ—вдвое.

Съ требованіями обратиться къ издателю А. Е. Ландау. С.-Петербургъ, Театральная площадь, 2.
